

А. Г. Ширшиков

СУДЬБА-СУДЬБИНУШКА

Роман

Иркутск - 2016

УДК XXXXXX
ББК XXXXX
Ш XXXXX

Автор книги **Ширшиков Александр Геннадьевич**, заслуженный работник физической культуры России, кандидат исторических наук, профессор. Президент федерации греко-римской борьбы (1998-2007 гг.), Почетный вице-президент федерации спортивной борьбы Иркутской области, один из организаторов и руководителей физкультурно-спортивного движения Приангарья, в котором трудится более 50 лет. Один из первых исследователей истории физической культуры и спорта Приангарья. Награжден высшим знаком Российского олимпийского комитета «За Заслуги в развитии олимпийского движения», высшим знаком Министерства спорта России «За развитие физической культуры и спорта», имеет правительственные награды.

Автор книг: «От Кротона до Иркутска», «История физической культуры и спорта Приангарья», «Спортивная гордость Иркутска», «Сибирские греко-римляне», «Под флагом иркутского «Динамо», «Спортивный альбом Приангарья», «Девяносто лет в спортивном строю», «И один в поле воин».

Заранее благодарен всем, кто сочтёт нужным прочитать данный роман.

В книге невыдуманные герои романа обычные советские граждане. Несмотря на объективные и субъективные жизненные обстоятельства, выпавшие на их долю. Не утратили человеческие ценности именуемые любовью, благородство, взаимовыручка, преданность, верность и служение своему Отечеству так необходимые современной молодежи.

ISBN 978-5-9908900-4-6

9 785990 890046

Подписано в печать 07.12.2016. Заказ № XXXXX. Тираж 1000 экз.
Формат 1/XX. Печать офсетная. Условно печатных листов XX, XX.
Учетно изд. листов 22,97.
Отпечатано в ООО «Типография Принт Лайн», г. Иркутск,
ул. Сергеева 3, корп. 4. Тел.: 48-66-00.

ISBN 978-5-9908900-4-6

© 2016 Ширшиков А.Г.

Охраняется Законом РФ «Об авторском праве и смежных правах»

А. Г. Ширшиков

СУДЬБА-СУДЬБИНУШКА

Роман

Иркутск - 2016

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

ДИМКА

Димка в свои четыре с небольшим года рос необыкновенно шустрим и озорным. Два месяца назад, в один из первых солнечных весенних дней, он поджёг в стайке сено и чуть было не спалил кормилицу – корову Белянку, да и сам чудом не сгорел. Хорошо, что его няня, двоюродная сестра Таня, вовремя увидела пожар, подняла крик, на который сбежались соседи и сумели погасить поыхавшую стайку. Она же в углу стайки в коровьей кормушке нашла насмерть перепуганного сорванца, который от страха там спрятался. Однако огонь был сильным, и небольшой стожок сена, стоявший у стайки, сгорел дотла. Буренка Белянка осталась без пропитания. Хорошо, безногий фронтовик дядя Федя и его жена Катерина, друзья Димкиных родителей, помогли сеном и соломой, тем самым спасли от голодной смерти коровёнку, поскольку на дворе была только середина марта. За эту проказу прибежавшая с фермы перепуганная Димкина мать хорошенько отшлёпала его и пригрозила, что обязательно напишет на войну отцу о его проделках. И когда вернётся папка, никаких подарков не будет, в первую очередь можно забыть про пистолет, который был обещан, когда отец находился дома после госпиталя. Последние материны слова оказались гораздо больше, чем шлепки. Димка от обиды и пережитого на пожаре страха забившись возле кровати в угол, дал полную волю слезам...

Всё переплелось в его бесшабашной головёнке: постоянное ожидание отца с фронта; обещания матери, что скоро она ему купит конфет; страх от только что случившегося пожара и обида за последовавшее наказание.

На все уговоры няни-Тани Димка не реагировал и ещё долго, обидевшись на весь белый свет, продолжал реветь. Когда же, вконец себя измучив, заснул крепким сном, добрая, не погодям мудрая, Таня подняла его на кровать, разула, раздела. Намочив полотенце, стала осторожно вытирать сопливое, измазанное детское личико. Димка, ничего не понимая, открыл глаза. Но Таня, целуя его нежно в щечку и поглаживая, мгновенно успокоила: «Спи мой маленький, спи». Он тут же закрыл глазки. Его детское воображение понесло в далекие, неведомые дали. На непонятную страшную войну, где находился папка.

*****

Пришло лето, на улице ярко светило июльское солнышко. Димка давно забыл о случившемся пожаре. Стоя по колено в воде в небольшом озере, скорее похожем на большую лужу, он был занят исключительно важным делом: поймав очередного цыплёнка и придерживая его за лапки, учил неумёху плавать. Юный «ученик», помавав крылышками и вдоволь нахлебавшись воды, тут же затихал. Для Димки

это был своеобразный сигнал, что «пловец» устал, пора отдохнуть. Закупанного насмерть цыпленка укладывал в кучку, приговаривая: «Маленько отдохни, поспи, и опять пойдём купаться». Закончив водную процедуру, он мчался ловить очередного неумёху плавать.

Сколько бы ещё продолжалось обучение плаванию, неизвестно. Скорее всего, до той поры, пока всех цыплят не «обучил плавать».

К счастью, Таня вышла на крыльцо посмотреть, чем занято неугомонное дитя...

– Господи! – всплеснув руками, только и вымолвила няня, сообразив, что происходит.

Мигом подбежала к воде. В кучке на солнышке лежало четыре недвижных цыплёнка.

– Ах, ты поразит! Вот засранец, что наделал...

Таня скорёхонько взяла бездыханные тельца, прижала к груди, начала их качивать в надежде оживить эти крохотные создания, но было поздно. Цыплята признаков жизни не подавали.

– Вот стервец! Сколько трудов стоило, чтобы они вылупились, выходить, приучить ходить за курицей. Это что же такое? – причитала она, тряся цыплят.

Окончательно убедившись, что цыплят к жизни не вернуть, пошла к дому, положила их на крылечко. Затем, завернув в тряпку, сунула свёрточек под ступеньку крыльца:

– Пусть лежат до прихода матери. Пускай сама посмотрит, что натворил этот шкода. Сил больше нет моих смотреть за ним. Хоть на цепь привязывай. Всё одно что-нибудь да натворит.

Димка тем временем, уловив тон и недовольство няни, понял, что сотворил что-то неладное, дал дёру к своему опекуну и защитнику от всех неприятностей, отцову другу дяде Феде.

Фёдор Иванович всегда был рад видеть шустрого сорванца, которого любил не меньше своего сына Сашки, который был всего на два года старше. Вот и сейчас, посиживая у лавочки на кожаном сидении в своей колясочке, которую ему смастерили мужики в МТС после госпиталя и отнятия обеих ног, завидев приближающегося Димку, засветился улыбкой.

– Иди сюда сорванец, иди» – приговаривал он.

Запахавшийся Димка со всего разбега бросился в объятия дяди Феде. Обняв маленькое, до невозможности худенькое Димкино тельце, Фёдор Иванович в который раз почувствовал, как подступили слезы горечи и жалости.

– Господи, когда же кончится эта проклятая война? Когда мальцов досыта кормить будем? – шептал, он, прижимая плотнее Димку.

И тут же подавив минутную слабость, попросил Димку достать из кармана кисет с табаком и кресало.

Незатейливая процедура доставляла мальцу огромное наслаждение. Свернув из газетной бумаги козью ножку и набив её табаком самосадам, Фёдор Иванович дал традиционную команду: «Огня!».

Это было одно из счастливых мгновений Димкиных будней. Он резко чиркнул железным кресалом о камешек, который держал Фёдор Иванович, прижимая к нему ватный фитилёк. Из-под кресала прямо на фитилёк вылетел небольшой снопик маленьких искорок. Вата, слегка задымившись, начала гаснуть. Но Димка хорошо знал, что надо делать в подобной ситуации. Сделав, глубокий вдох, он резко дунул раз, другой... Тлеющий фитилёк вмиг ожил. Из него потянулся синей струйкой едкий дымок.

– Порядок в танковых частях, – произнёс Фёдор Иванович, прислоняя самокрутку к горящему фитильку, глубоко вдохнув табачный дым. Затем, медленно выпуская его изо рта и ноздрей, дал команду – Гаси!

Димка проворно накинул колпачок на гильзу патрона, из которой торчал горящий ватный фитилек. – Готово!»

– Молодец Дима. Из тебя бы хороший заряжающий получился.

– А кто такой заряжающий, дядь Федь?

– Бог с тобой, малыш, тебе это знать не надо, ни к чему. Скоро на земле закончится война, и больше её никогда не будет. Хватит кровушку людскую лить. Да и вас, мальцов, мучить. И если бы только мальцов... Сколько мучается таких же безруких, безногих обрубков, полуфабрикатов, как я? А сколько в сырой земельке зарыто известных и безымянных? – с горечью заключил он.

От этих рассуждений у него появилось ощущение, будто со страшной силой зажали ноги. Подобное он испытывал много раз в госпитале, после ампутации ног. Он плотнее прижался своей щетиной к нежной Димкиной щёчке. В памяти мгновенно всплыл тот последний военный эпизод сорок первого года, сделавший его калекой.

Они тогда отразили чёрт знает какую по счёту немецкую атаку, и вот она, новая волна... Прямо на окоп прёт танк, за ним, прячась, бегут немецкие солдаты. В соседнем от Фёдора окопе, не смолкая, стрекочет станковый пулемёт. Это сибиряк из Нижнеудинска Степан Максимов не даёт фрицам высунуть носа из-за танка. Танк, не меняя курса, аккуратно движется на Фёдора.

– Ну, курва, держись! Отъездил ты по моей земельке, – прорычал Фёдор.

И в этом грозном отчаянном солдатском рыке выплеснулась вся горечь и за погибших товарищей, и за бесконечные отступления, и за фашистскую наглость, безжалостно топтавшую и уютившую танками его родную землю. Злость и ненависть к врагу переполнили в тот момент его в общем-то доброе крестьянское сердце.

– Не пройдёшь, сука, – прошептал он в очередной раз, готовя гранаты.

Чёрная тарахтящая железная глыба, постоянно извергающая из своей пасти снопы огня, всей зловещей мощью ползла на Фёдора. И ничто, казалось, не может остановить это стальное грохочущее чудовище. Вот сейчас оно напозет на окоп, и останется от окопа и его обитателей небольшое углубление, выемка...

Фёдор, слившись с землей, Сжавшись, как пружина, ждал мгновения, чтобы бросить связку гранат и навсегда остановить, заткнуть пасть ползущему чудовищу.

Вот оно, совсем рядом. От грохота трещат перепонки. Фёдор отчётливо видит про-свет между гусеницами. «Давай, – звучит внутренний голос: Давай!»... Это всё, что осталось в его памяти...

Только потом, спустя полгода после ампутации ног, когда он мало-мальски оклемался в госпитале и получил орден Красной Звезды, узнал от боевых друзей, приехавших его навестить, что танк подбил, атака фрицев захлебнулась. Однако железное чудовище в предсмертных судорогах раздавило ему ноги. А его, окровавленного, искалеченного, смешанного с землей, после боя подобрали чудом оказавшиеся рядом санитары, оказали первую медицинскую помощь и отправили на конной повозке в ближайший госпиталь...

– Наверное, лучше бы было, если б тогда отдал Богу душу. Сам бы не мучился и не мучил близких. Обрубок он и есть обрубок, одни только хлопоты со мной.

В который раз Фёдор прокручивал эти проклятые мысли.

«Хотя, вишь, Димке в няньки сгожусь. И то какая-никакая польза, – ухватился он за свежую мысль, как утопающий за соломинку – Что уж делать-то. Вот и Катерина об этом бесконечно стрекочет. Раз остался жив, надо приспособливаться. Бог её тебе оставил не зря. Проверить решил, настоящим ли ты мужиком родился. Докажи!» И тут же, сменив тон, добавляла: «Ноги что, и без них живут. По бабам богат не будешь. Вон их сколько в деревне развелось, безмужних и вдов. Александр Иванович, председатель колхоза, дело тебе говорит», – продолжала она тараторить – мужики в МТС сделают небольшой ходок, запрягай кобылёнку да начинай бригадирствовать в колхозе. Дел вон сколько, невпроворот. И всё на бабьих плечах! А ты, мужик, сидишь, раскуксился. Одна работа – самокрутки крутить. Табачищем всю избу и двор насквозь прокоптил».

Пожалуй, Катерина права, пора, наверное, менять судьбинушку...

Федор Иванович оторвал прильнувшего к нему Димку, приподнял его перед собой на руках и глядя в голубые озорные Димкины глазёнки, вполне серьезно произнёс: «Будем, сынок, менять судьбинушку». Димка, совершенно не понимая ход мысли Фёдора Ивановича, тут же согласился с ним, выпалив: «Будем менять!»

ГЛАВА 2

В ЛАПТЯХ ПО ДОРОГЕ В СИБИРЬ

В семье Воронцовых росло две дочери и сын. Надюшка, будущая мама Димки, была средней. Бог наградил её с детства отменным здоровьем, необыкновенной красотой и трудолюбием. Ни тяжелый уклад деревенской жизни, ни работа по дому, в поле, ни уход за домашним скотом с раннего детства не могли заглушить данную Богом и унаследованную от предков красоту. Густые русые волосы, правильные мягкие черты лица, стройная фигура придавали Наде неповторимую сказочную красоту, таинственность, внутреннюю силу духа и величие. В этой красоте переплелись многогранные, многонациональные проявления австрийцев, немцев, поляков и белорусов по отцовской линии рода Воронцовых, а также по материн-

ской — рода Зеленкевичей, о чём при случае любила многозначительно подчеркнуть Надина мать Прасковья. Мать безоговорочно верила, что её предки родились и всю жизнь прожили в Белоруссии и лишь волей случая или судьбы оказались в далекой сибирской глухомани.

Шёл тогда 1923 год. Рожденное после гражданской войны новое многонациональное государство Советский Союз (СССР), в состав которого входила и Белоруссия, переживало крайне тяжелый экономический кризис. Трудности, болезни, с которыми сталкивались люди, толкали их на поиск более благоприятных условий жизни. Николай Воронцов, живший в Витебской губернии Белоруссии, чтобы как-то прокормить семью с такими же голодранцами, как и он, отправился попытаться счастье и подзаработать денег на Дальний Восток. Промантулив там больше года на рыбной путине, в кочегарке, на стройке, мыкаясь, по его словам, как бездомный пёс, понял весь смысл поговорки «Везде хорошо, где нас нет».

Зашив в подштанники мало-мальский заработок, отправился в общем вагоне, набитом как бочка селёдкой, такими же, как он, домой, в Белоруссию. Но, как говорят, от судьбы не уйдёшь. Под стук колес и шипение паровозика в шумном, прокуренном, насквозь пропитанном человеческим потом и всякой неприхотливой снедью, вагоне, отупев от бесконечной игры в карты, домино и безделья, Николай всё чаще и чаще прислушивался к разговорам мужиков о Сибири, богатых таёжных дарах, пушнине, рыбалке. О том, что запросто, только не ленись, можно построить добротный дом и разработать землю. Думка о Сибири как чесотка завладела всем телом и мыслями Николая. Познакомившись поближе с одним из рассказчиков и выпытав все мыслимые и немыслимые интересующие его подробности, Николай решил выйти на станции Канская.

Одиннадцать дней он провёл на сибирской земле в поисках счастья, объездил пять деревень. Более всего ему приглянулась небольшая деревушка Тарай.

— Есть выпасы для скота, да и землицы можно разработать. Озерцо совсем рядом с деревней, караса мерено — не мерено, и утки тьма. А уж ягоды, знай, собирай, не ленись. И люди понравились. Товаришные. Хоть и бедновато живут, зато сытно. Опять же, земляка там встретил из Белоруссии, Петра Вотякова, который и уговаривал Николая окончательно переехать в Сибирь. Дескать, вместе легче жизнь будет строить.

— Вишь как оно складывается... — подытожил Николай, возвращаясь на станцию Канская после посещения деревень. — Знать, так богу угодно... будь что будет, хуже не будет. Будем перебираться в Сибирь, — решил он твёрдо.

После возвращения домой в Белоруссию и объяснений с женой Прасковьей что к чему, не спеша стали собираться в долгий неизведанный путь.

— По тяплу Прасковья и тронямся!

— Боюсь я, Микола... Куды в такую тартарары с детьми та скотом? Шо в омут с головой. Промотаем последнее...

— Тябя, Прасковья, послушашь, так хочь щас помирай. Людыны там такие ж як и мы живут. Не то шо мы тут маямси.

– Ня знаю, Микола, нязнаю...

– А я знаю! Потому як своими очами бачив.

Успокаивало немного Прасковью то, что ехать вместе с ними согласились их закадычные друзья, семья Ивана Пелипенко.

– Поедем, Микола, хуже не будя. Потому як хуже вже быть не може» – согласился Иван – Семь бед – один ответ!

Ранней весной, продав домишки, кое-какую домашнюю утварь, переселенцы на трёх телегах уложили свой нехитрый скарб, рассадили среди мешков, узлов самых маленьких ребятишек и, привязав на поводок сзади телег двух коров и годовалую тёлочку, тронулись в длинную, полную тревог и неизвестности, изнурительную дорогу.

И хотя Николай с Иваном выбрали наиболее короткий и прямой маршрут передвижения и заранее были готовы к тяжёлым испытаниям, путь их оказался поистине каторжным, если не сказать хуже. Жены Николая и Ивана каждый раз в часы отдыха вслух и про себя проклинали своих мужиков и тот день и час, когда дали согласие на переезд.

– Какой месяц мыкаемся, уже и лаптей не осталось, сколько пар износили, а конца дороженьки не видно. Босиком долго не пройдёшь, ноги и так все в ссадинах да трещинах. Подошва задубела, будто железом покрыли толщиной в палец. А от постоянной смазки дёгтем ноги будто головёшки... Мочи нет дальше идти! Последнюю обувку пришлось одеть. Впереди осень, в чём ходить? А кони, коровёнки, хоть и едят по ночам вдоволь травы, истошали, дале некуда. Детей совсем замыкали...

Эти и другие беспокойные мысли не давали женщинам покоя.

У Катерины, старшей дочери Воронцовых, открылись понос и рвота, пролежала несколько дней, не вставая. Страшно было смотреть на девчонку: глаза и щеки ввалились, маленький курносый носик совсем облез от постоянного пребывания на солнце.

– Донечка моя, солнышко мое, – приговаривала Прасковья Петровна, приподнимая голову дочери – попей отварчику, попей, с корешков шиповника заварили. Попей, обязательно поможет.

Катя, не проронив ни слова, медленно разжала слипшиеся, потрескавшиеся губёнки...

– Попей, обязательно полегчает – уговаривала её мать – може тебе кокушко сварить, а?

Катя мотнула головой, давая понять, что не хочет.

– Ну, полежи, полежи, скоро полегчает.

Она погладила несколько раз личико дочери.

– Боженька, милостливый, помоги нам, – шептали её губы – спаси, не бросай нас, беспутных...

С этими мыслями и мольбой к Богу каждый раз обращалась Прасковья, засыпая. Не меньше тревог было на душе и у мужиков. Хотя и следили они тщательным образом за лошадьми, бывало, в знойные дни старались даже не ехать. Старались чаще

отдыхать в тени, кормить хорошенько скошенной свежей травой, купать в речке, а уже по прохладе двигаться дальше, тем не менее, тяжелая бесконечная дорога, тучи кровопивцев: комаров, мошки, мокреца — ни днём, ни ночью не давали покоя. Сбитые, изношенные копыта лошадей кровоточили, болели. Многочисленные потёртости и ранки, облепленные кровожадной мухотой, не давали бедным животным покоя. Колеса у телег, сношенные как на ободах, так и внутри, не катились ровно по прямой, а будто пьяные, переваливались неуклюже из стороны в сторону. Но больше всего мужиков беспокоила молодая тёлочка Краснушка, так её называли за яркую окраску шёрстки. Припадая на задние ноги, она с каждым днём хромала всё сильнее и сильнее. В часы отдыха на привалах и ночлегах Николай промывал ей ранки солевым и марганцовым раствором, прикладывал листики подорожника, делал примочки из чистотела, смазывал дёгтем... Не помогало: ранки, слегка затянувшись тонкой плёночкой, тут же начинали кровоточить. К тому же, мухота и мокрец, вившиеся постоянно тучами вокруг бедного животного, не упускали возможность высосать последнюю кровинушку у измученной тёлушки.

— Микола! — в который раз обратился к Николаю Андреевичу его друг Иван — Сколько же будимо мучить скотыну? Давай спробуем всиж её продати.

Однако Николай Андреевич никак не хотел соглашаться, всё верил и надеялся на какое-то чудо. Но чуда не происходило. Обработав в очередной раз болячки, он окончательно убедился в бесполезности лечения.

— Ей нужен покой и уход. Дорогу вона не выдержит. Надо продавати.

Вечером на одной из стоянок он объявил об этом Прасковье Петровне:

— Всё, матка. Тялушку надо продати. Иначе загубимо.

Прасковья Петровна видела и понимала всю безысходность положения, но внутренне никак не могла согласиться.

— Як же будимо жить-то? Детей чем кормить? Вона же через годок молочко давати будя. Господи, шо же такое?

— Не выдержит вона больше дороги, зовсим ослабла бедолага, — с грустью как приговор вынес Николай Андреевич.

— Так-то воно так, Микола. Но може, даст бог, одыбае?

— Нет, матка, не выдержит. Надо поспробувать продати, самый лучший выход. А, даст бог, добяромся до места, тай купим там молодэньку.

— Дай-то бог, дай-то бог, — с надеждой и мольбой согласилась хозяйка.

На том и порешили. Однако их надежды не оправдались. В пяти деревнях сколько они не пытались убедить интересующихся покупателей, что тёлочка здорова, только вот из-за долгой дороги немного обезножела, покупатели отказывались. Николай Андреевич уж и цену сбавил ниже некуда. Всё одно: желающих купить так и не нашлось.

Окончательно отчаявшись, мужики решили прирезать телушку и продать мясом.

— Летом в большом городе мяса мало продадим, — решили они, хотя в душе Николай Андреевич понимал — Какое там мясо? Кости да кожа у измождённого животного.

Тем не менее, надеялся получить хоть какие-то деньги...

Через три дня остановились в пригороде города Ново-Николаевска. У небольшой речушки разбили бивак. Смастерили из прутьев и веток два шалаша, обложив поверх скошенной травой, разложили утварь.

– Давайте пораньше повячеруем та спать. Утром раненько, пока дети спят, завяжуем тялушку.

*****

Назавтра, пропетляв на телеге по городу, кое-как нашли местный базар. Каково же было их разочарование, когда вместо огромной толпы людей они застали базар почти пустым. Несколько старух продавали всякую огородную зелень, овощи. Бородатый мужичонка в причудливой пёстрой кепке торговал растительным маслом и куриными яйцами. Две женщины с детьми на руках предлагали вязаные вещи, да потрёпанный костюмишко. Сбоку на прилавке подростки, громко препираясь, играли в карты. У небольшого пивного ларька разношёрстная компания мужиков в цветных выгоревших рубахах, чем-то схожая с поблекшим осенним букетом, в табачном дыму поправляла здоровье после ночной попойки. Недалеко от них, сбоку, у замызанного широченного прилавка стоял огромный жестяной бидон, рядом с ним на картонке лежала большая лейка-гусак. Здоровенный громила в атласной длинной рубахе малинового цвета, по всей видимости, хозяин бидона, время от времени голосом, напоминающим карканье ворона, покрикивал: «Покупайте керосин! Керосин!». Это были, пожалуй, все обитатели рынка, если не считать трёх-четырёх шныряющих туда-сюда дворняг, да здоровенного кота, сидящего на коньке винного киоска, ожидавших своего часа поживиться какими-нибудь остатками пищи у двуногих собратьев.

– Вот те на! А где же людены? – Полным отчаянья и тревоги голосом простонал Николай Андреевич.

– Та кто же знает? Може попозже подойдуть... – с надеждой заключил Иван – В городе же народ балованный, не нам чета. Давай, Микола, в тенёк станемо. Подождём... Факт, подойдут.

Привязав лошадь, достали небольшой кусочек мяса, выложили его на показ, слегка прикрыв марлевым лоскутком. Рядом положили безмен. Подошла женщина с мальчонкой, продающая вещи:

– Здравствуйте! Никак мясо мужики привезли? – поинтересовалась она.

– Воно самое. Покупайте, зовсим свежее и молоденько. Тялушка ногу сломала, вот и прирезали – без зазрения совести соврал Николай Андреевич.

Узнав цену, женщина высказала недовольство:

– Дорого мужики. Вон у Потапыча в лавке намного дешевле.

– Так у нас же зовсим свежее, молоденько, – тут же вступился Иван.

– Свежее-то оно свежее, да уж больно ценой кусается, – ворчала покупательница, разглядывая яркий кусочек – Может, поменяемся на костюмчик? Я, в отличие от вас, цену загибать не буду, дешёво отдам.

– Нет, нет барышня, – возразил Николай Андреевич – только за деньги.

– Не торопись, хозяин! Ты посмотри, какой костюм и аккурат на тебя, не продешеви! Век износа не будет...

– Нет любезная, мне гроши нужны.

– Зря не хочешь сговориться, – наседала женщина – Ты только посмотри, чистый шевиот! Сам проносишь, ещё и внуку перелицуешь. А мясо проквасишь. Ни себе, ни людям – заключила она.

Мужики просидели часа два, но к ним так никто и не подошёл. Разве что мух всё больше и больше вилось вокруг окровавленного пятна на марле.

– Микола, може сходить до мясной лавки, про которую баба сказывала? Можить оптом скупят, а?

– Сходи. Може куплят, – безнадежно согласился Николай Андреевич.

Минут через тридцать вернувшись из лавки Иван только руки развёл:

– Там дуже богато, мяса всякого и цены малы. Правда, мясо несвежо.

Последняя надежда, на которую рассчитывал Николай Андреевич рухнула.

– Давай, може бабе отдадим за костюм. А востальное засолимо на еду. Шо же делать? Иначе проквасимо. Хоть в дороге дити, та сами сыты будэмо.

Поторговавшись, женщина согласилась взять небольшую часть мяготи, голову и ноги телушки. Костюм и в самом деле пришёлся впору Николаю Андреевичу.

– Поношу сам, – рассуждал он, – а там Андрюшка подрастёт, ему достанется.

На том и порешили. Но, как говорят, пришла беда – открывай ворота, а одна беда не приходит...

Не успели мужики вернуться к своему табору, как их огорошили. Катерина, старшая дочь Воронцовых, заболела корью. Николай Андреевич заглянул в шалашик. Дочка, тяжело дыша, металась в жару. Её худенькое тельце покрылось красной сыпью. Он погладил дочь по волосам, приложил ладонь ко лбу. Бедняжка, огнём горит.

– Ты, матка, красной тряпицей яё укрой, – посоветовал он жене.

– Господи, чаво ты мяне поучашь, без тэбэ не знаю... Ужо и отваром поила, – недовольно проворчала она на мужа.

– Вы давайта лучше с Иваном яшо шалашик сляпитя. Дятей отдялить надобно. Могуть усе заразица.

– Зараз, мать, мясо посолимо и сделаем.

Однако, как ни старались взрослые отгородить детвору от больной Катерины, вирус кори через сутки проявился у всех детей. А тут как на грех зарядил проливной дождь. Шалаша то тут, то там протекали, одежда почти вся промокла. У кострища натянутый на четырёх кольях кусок старого почерневшего брезента пропускал дождевую воду как через решето. Наспех сколоченный стол и лавки, стоявшие под ним, были насквозь пропитаны водой. Мужики по очереди дежурили у костра, не успевая просушивать тут же намокающее тряпье и одежонку. Благо, предусмотрительно запаслись дровами, которых поблизости оказалось много. Всё внимание взрослых было сосредоточено на больных детях. Измученные изнурительной дорогой и скудным питанием, они тяжело болели. Но, как говорится, нет

худа без добра. Мясо телушки как никогда оказалось кстати. Мясной бульон, нежные кусочки мяса давали силу и понемногу укрепляли здоровье. К тому же, Николай Андреевич ездил в больницу к доктору за лекарством. Старичок-врач оказался на редкость добрым и знающим человеком. Он категорично настоял поехать к детям и лично убедиться в их состоянии здоровья.

Осмотрев всех, потребовал увезти их в больницу.

– Вы рискуете в таких условиях серьёзными осложнениями. Особенно четырёхлетний мальчик у меня вызывает опасения. И девочка Катя.

– Нет! – категорично заявила мать маленького Егорки.

Стеной встала и Прасковья Петровна. Больше всего на свете она боялась больницу и была глубоко уверена, что там детей чужие люди погубят.

– Большое вам спасибо, доктор, но дитяточек мы здесь выхаживать будем.

После долгих уговоров старичок всё же согласился, но при одном условии:

– Вот эти таблетки дети должны пить обязательно! Травяной отвар давайте пить как можно чаще и всё делайте, чтобы не застудить детей. Через два дня я обязательно приеду и, если сочту нужным, назначу кому-то из них амбулаторное лечение. Вы меня не уговорите, любезные!

Осмотрев детей в очередной приезд, доктор согласился посидеть у костра, попить чайку с гостеприимными хозяевами.

– Вот что я вам скажу, уважаемые. Детки ваши заметно пошли на поправку, впрочем, вы и без меня это хорошо понимаете. Хотя вашему мальчику, Егорке, всё же больница не помешала бы. Видите ли, вопрос в том, что корь опасна своими осложнениями. А в дорожных условиях их избежать будет практически невозможно.

– Что же делать? – прервала доктора Прасковья Петровна.

– Детей надо везти поездом, хотя и это опасно. Тем не менее, дети будут находиться в тепле и в любое время на ближайшей станции смогут получить медицинскую помощь.

Услышанное повергло в шок переселенцев. Они долго, как замороженные, смотрели друг на друга.

– Як же так? – вырвалось у Николая Андреевича.

– А вот так, дорогие мои! Иначе можете потерять деток. Выбора нет, – членораздельно подчеркнул доктор – рисковать не советую! Уверен: не послушаетесь, печальный исход гарантирую, как ни прискорбно об этом говорить. С билетами на поезд посодействую. А теперь извольте откланяться. Спасибо за прекраснейший чай, необыкновенно вкусный у костра. Давненько не приходилось пивать подобный напиток. Ну что, Николай Андреевич, обратно увезёте?

Всю ночь переселенцы спорили, убеждали друг друга. Не один раз жёны пускали слезу. Окончательного решения так и не приняли. Во-первых, денег было совсем мало. К тому же, они планировались совсем на другие цели – обжиться, а тут на тебе! Не совсем было понятно, как дальше добираться. Хочешь – не хочешь, надо разбиваться на две половины. Вместе как-никак справлялись.

Вопросы, вопросы и вопросы и ответов нет...

- Ты, Микола, у нас заглавный, як решишь, так и будя!
- Нашли нагадку-разгадку, – недовольно проворчал Николай Андреевич.
- Прймай решение, Микола, прймай. Симь бед водин ответ, – заключил Иван.
- Легко сказать, друже. А як правильно сделать? Воно загадка.

После долгих и споров и размышлений было принято решение, что Николай Андреевич с детьми и женщинами едет поездом, а Иван со старшим сыном Михаилом продолжают путь пешим ходом.

Общий вагон поезда, следовавшего на Дальний Восток, оказался на редкость свободным. Дети, видевшие поезд только издалека, окунувшись в неведомый для них мир, несмотря на ослабленное здоровье, шныряли по вагону туда-сюда, вызывая недовольство пассажиров. Николай Андреевич, лежа на верхней полке, в который раз мусолил в голове принятое решение.

– Деньги, отложенные на покупку жилья и всякую необходимую утварь, фактически потрачены на билеты. А на что жить? Впереди зима. Ни жилья, ни кормов для оставшейся скотины нет. И вообще, дотянет ли скотина до места? Им ведь ещё шлепать да шлёпать. Дотянут ли? Во как все разом обернулось...

Повернувшись на живот, он стал пристально всматриваться в мелькавший за окном пейзаж. В красивом распадке величавые пёстроствольные березы будто на выставке красовались друг перед дружкой копнами развесистых ветвей, усыпанных пышной зеленой листвой, напоминая чем-то изысканные прически светских модниц.

За распадком тянулся плешивый бугор. За ним, будто солдаты в строю, строго соблюдая дистанцию, стояли как на подбор стройные с золотисто-шоколадным оттенком стволов сосны-великаны, подпирая хвойными макушками голубой купол неба.

– Это ж надо так вымахать! – восхищался Николай Андреевич стройностью и статью мелькающих деревьев, – прям как живые стоят.

Поезд обогнув кромку бугра, выскочил на огромный луг.

– Вот это да! Сколько же сена здесь можно накосить Ни конца, ни краюшки! Вольная вольница и только. Какой размах, сколько богатства!»

Увиденное в какой-тостепени вернуло Николаю Андреевичу былую надежду и уверенность.

– Ничяго. Выбяремся! – твердо решил он, – руки, ноги есть. Скорее бы добраться.

Только к концу августа измученные тяжёлой дорогой, дождями, изможденные палящим солнцем, невзгодами и лишениями, переселенцы достигли своего заветного пристанища – собрались все вместе в маленькой деревеньке под названием Тарай. Так Воронцовы оказались в далекой сибирской глубинке.

Казалось, теперь все трудности позади. Но не тут то было! Судьба уготовила им новые испытания. Если младших детей в деревне устраивало буквально всё, то родителям и старшим подросткам необходимо было решать в срочном порядке неотложные жизненно важные вопросы. Надвигалась осень, не за горами была зима.

Требовался ремонт дома, в который поселились переселенцы всем гамузом — без малого одиннадцать человек. Прокормить себя, добыть корм для скота, ведь сенокосная пора давно закончилась, подготовить помещение для зимовки скота, заготовить дрова — эти занозы день и ночь терзали вконец измученных непосильной работой Николая с Иваном и их жён.

К тому же не успели они ещё мало-мальски обустроиться, тут как тут новая непоправимая беда: умер младший сынишка Марии и Ивана, Егорка. По всей вероятности, простуда после перенесённой болезни корью дала о себе знать. Вот и не выдержал измученный детский организм. Так что обустраиваться на новом месте пришлось с похорон.

Распределили строго обязанности среди старших детей.

ГЛАВА 3

НАДЯ

Надюшке тогда шёл седьмой годок. На её детские плечи легла забота о младших детях, поддержание порядка в доме, дойка коров. Не по годам смышленная и проворная хозяйка добросовеснейшим образом вела немудреное хозяйство, умело руководила вечно сопливой полуголодной и грязной детворой.

Нежные детские пальчики, аккуратно тянувшие за соски вымя коров в период дойки, надо полагать, доставляли истинное удовольствие бурёнкам. И они в знак благодарности не брыкаясь, слегка помахивая хвостом и пожеывая «жвачку», отдавали маленькой хозяйке всё своё молочко.

Прошло с той поры без малого двенадцать лет, как белорусы того не замечая, превратились в сибиряков. И только говор, в котором постоянно слышались белорусские слова вперемежку с русскими, да убранство в доме выдавали их истинное происхождение. К этому времени Николай с Иваном обзавелись собственными домами, различной утварью, утками, гусями, свиньями. Одним словом, были сыты и при деле. Подросли дети. Нахлебников не стало, каждый в семье выполнял посильную работу, принося в дом какой ни есть достаток.

Наде исполнилось семнадцать лет. Девка кровь с молоком. Тараевские хлопцы, словно ошалелые мартовские коты, наперебой пытались покорить её сердце. Но она, доброжелательно улыбаясь, принимала ухаживания парней как обычное житейское явление и относилась к ним ровно, не выделяя кого-либо.

Ох Надька, добрыкаешься! Порасташат девки всех парней. Тебе только и останется рябой Федька, да Стёпка полоумный, — полушутя и всерьёз выговаривала ей тетка Матрена, сторожиха фермы.

Поведение Нади и в самом деле с каждым днём распалало страсти деревенских ухажёров, которые вели скрытую межусобную драчку, чтобы завладеть её вниманием, а, возможно, и сердцем.

*****

В доме Воронцовых ещё все спали.

«Господи, неужели проспала?» – всполошилась Надя, сбрасывая тёплое ватное одеяло. Встала, зажгла лампу, наспех расчесав и прибрав роскошные русые волосы, оделась. Тихонько, чтобы не разбудить домочадцев, прошла на цыпочках к печке, сняла с неё валенки, надела телогрейку, шаль и мышкой шмыгнула на улицу.

«Холод то какой, – прошептала она задыхаясь от жгучего морозного воздуха, – как там мои? Хоть бы неделю ещё не телилась Рыжуха и Марта. Точно заморозим телят».

Свернув с наезженной санной дороги на тропинку, Надя ускорила шаг, чтобы скорее дойти к ферме. Этой тропкой пользовались летом и зимой все, кто так ли иначе был связан с работой на ферме. Тропинка не только значительно сокращала расстояние, но особенно летом в дождливые дни давала возможность не хлюпаясь по грязной разбитой телегами и скотом дороге пройти к ферме.

От мороза и легкого хиуса пошипывало колени и щёки. Надя приостановилась. Слегка наклонившись, быстрыми движениями растёрла колени, затем щёки.

«Маленько осталось. Поднимусь на пригорок, а там и ферма».

Тропинка, делая резкий зигзаг, выводила путницу из мелкого перелеска на совершенно открытую заснеженную поляну. Выйдя на неё, Надя неожиданно остановилась. Впереди сквозь изморозь прямо на тропе просматривался чёрный предмет.

«Господи, неужели волки? – как молния мелькнула в голове, – что делать? – Её охватил неудержимый страх – Бежать, бежать!»

Она резко повернула назад. Сделав несколько шагов, остановилась. Обезумевший от страха взгляд упёрся в стоящую рядом с тропинкой осиновою сушинку. Подгоняемая страхом, она со всего размаха плечом толкнула сушину, та, легонько скрипнув, сломалась. «Вот оно, спасение!»

Подняв увесистую палку, Надя, наконец, оценила происходящее. Бежать в деревню далеко. К тому же, она не раз слышала от отца, что зверь по своей природе боится человека. Главное человеку собраться с духом и уж никак нельзя убежать. Иначе это послужит хищнику своеобразным сигналом для нападения: жертва готова. Отцовский наказ как набат сейчас прозвучал в её колеблющемся сознании.

«Надо идти к ферме и кричать. Там наверняка уже пришли доярки, скотник Никита. Услышат собаки, начнут лаять»

Эти мысли немного её успокоили. Надя резко повернула к ферме и что есть мочи начала кричать, бессмысленно подбирая выражения. В морозной, ледяной душе тишине как гром среди ясного неба раскатывалось:

– Бабы-ы-ы! Волки-и-и! Никита-а-а! Волки-и-и ...

Неожиданно чёрное пятно увеличилось и резко стало приближаться к ней. Надя, оторопев, ещё громче закричала:

– Бабы-ы-ы! Бабы-ы-ы!

С каждым мгновением приближавшееся пятно почему-то вытягивалось и никак не напоминало очертание предполагаемого зверя.

«Мерещится, мерещится», – будто во сне прошептала она. Новая волна страха охватила её сознание. Она произвольно закрыла глаза. И тут же открыв, от-

четливо увидела, что бежит человек. Вот он уже совсем рядом. В лохматой шапке, полы полушубка разлетаются из стороны в сторону.

«Бес проклятый», – только и вымолвила Надя, узнав в бегущем скотника Никиту.

– Наденька, прости. Я не думал. Я не хотел. Я просто присел поджидая тебя. Не сердись, – умоляя её расстроенный и сконфуженный Никита.

Надя, не проронив и слова, пошла к ферме. Никита до самого скотного двора плелся за ней, повторяя как попугай слова прощения.

Зайдя в помещение фермы и поздоровавшись с теткой Матреной, Надя, минуя доярок, прямёхонько направилась к стойлам своих бурёнок. Взглянуть всё ли в порядке.

Большая влажность и изморозь внутри фермы вызывала у доярок беспокойство и тревогу за коров-рожиц. Осмотрев быстро буренок и убедившись, что все в порядке, Надя пошла переодеваться.

Закончив дойку, уборку и накормив любимых бурёнушек, заспешила домой.

Время уже приближалось к полудню. Однако солнышко только-только огромным багровым диском выползло из-за мохнатых берёз и сосен, стоявших плотной заснеженной стеной, защищая этот маленький живой уголок от лютых морозов и ледящих душу студёных ветров.

Несмотря на усталость и утреннее потрясение, на душе у Нади было ощущение радости и непонятого ожидания. Она улыбнулась, представив бежавшего как угорелый Никиту.

Вот дурак, так дурак! Учудил, так учудил. Расскажи кому, вся деревня со смеху повалится. От этих нелепых воспоминаний ей стало ещё веселей. Она ускорила шаг. Тропинка к этому времени привела её прямо к тому месту, где утром поджидал Никита. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что никого нет, остановилась.

Вот его следы. В метре от тропы он сидел на валёжине. Надя представила Никиту. Большого, в лохматой шапке из собачьего меха, овчинном полушубке, с белым от инея лицом. Хмыкнула раз, другой и медленно пошла дальше, думая о нём. Никита в самом деле отличается от наших парней. Добрый и всегда опрятный. Да и лицом хорош. Ровные белые зубы, широкие брови над голубыми глазами. А когда улыбается, сразу весь светлеет. От него, как от солнышка, становится уютно и радостно. Она хотела мысленно задать себе вопрос: нравится ли он ей? Но тут же погасила желание.

Никита тем временем, сбрасывая с саней последние навильники сена, привезённого с зародов, в который раз мысленно распекал себя за безумный поступок и за то, что до смерти напугал Надю.

– Надо же так умудриться... Можно было подождать её у дома, или у лавки, где тропинка уходит из деревни в лес. Опять же, там люди могли увидеть – что хорошего? – дразниться начнут.. Ну и пусть дразнятся, зато не напугал бы её. А сейчас как, откеле к ней подойти? Она теперь, пожалуй, и здороваться не будет...

– Никита! Никит! – прервала его мысли заведующая фермой, – справишься с сеном, навози к задним дверям свежей соломы на подстилку. Ещё посмотри ворота в пригоне: что-то плохо закрываться стали!

– Хорошо. Только ворота пускай Петруха посмотрит. Я не успеваю. Надо две повозки дров ещё привезти к печам. Тетка Матрена просила.

– Тогда ладно. С воротинкой и завтра поспеется. Давай шевелись побыстрее, а то до глубоких потёмков будешь пурхаться.

– Ладно, ладно управлюсь.

Сбросив последний навильник, Никита не отдыхая решил ехать за дровами. Собрал верёвки, положил их в сани, снял лёгкую попону в виде одеяла со спины труяги Карьки. Удобнее устроился в санях, стоя на коленях, взял возжи.

– Давай Карюха, пошли, – и, хлопнув коня по бокам вожжами, добавил – пошли Карюха, пошли.

Застоявшийся и немного остывший конь только этого и ждал, взяв с места быстрой рысцей. Наезженная санная дорога, петляя в перелесках, вела к лесосеке, где ещё летом были заготовлены большие поленицы расколотых чурок.

Карька за долгие годы конской каторжной жизни знал каждый бугорок на дороге, поэтому в командах своего хозяина не нуждался. Строго по курсу тащил сани. Никита от безделья зацепил вожжи за перекладину саней и, застегнув полушубок, плюхнулся на попону, лежавшую поверх охапки сена. Несмотря на лютый холод, его молодое сильное тело, разгоряченное только что оконченной работой, хранило тепло и некое блаженство. Вытянув ноги и закрыв глаза, он мысленно начал строить планы примирения с Надей.

Легкое пофыркивание Карьки: «тпру, тпру» прервало его мысли. Никита будто после сладкого сна открыл глаза. Сани стояли ровно у поленицы.

– Эх, Карюха, до чего же ты умный дьявол! Ну всё-то знаешь. Может, подскажешь, как помириться с Надей? А? Молчишь. Вот и я не знаю, как мне быть... Давай грузиться будем.

Он сбросил с саней веревки, укрыл попоной Карьку. Не спеша начал укладывать ровными рядами чурки, расколотые пополам и на четвертинки. Закончив погрузку, стянув веревками поленицу. Удобно устроившись стоя сзади на санных полостях, медленно поехал к ферме.

Его буйную головушку вновь заполнили мысли о Наде.

«Ладно, что будет, то будет, – твёрдо решил он, – Сегодня обязательно объяснюсь с Надей». Тем более, что вечером в избе-читальне состоится репетиция кружка художественной самодеятельности, в котором они с Надей участвуют.

Изва-читальня, или как её ласково называли деревенские, «спевоочка», находилась в самом центре деревни. И по сути была местом, где можно было узнать все мыслимые и немыслимые сплетни о живущих в селе и за его пределами. Местом, где в зимние вечера собиралась молодёжь, и любопытные хаврошки-старушки были не прочь поглазеть на своих и чужих отпрысков. А в дни, когда приезжало районное начальство или собирался колхозный сход, в избе обсуждались не только

важные сельские дела, но и выступали местные артисты художественной самодеятельности.

После репетиции Никита, преодолевая смущение и неуверенность, всё же подошёл к Наде. Дрожащим голосом попросил:

– Пойдём вместе до дому.

Надя лукаво улыбнулась:

– А ты не озябнешь? Идти далеко. Холодно. И дом твой в другом конце деревни.

Пока дойдёшь обратно, околеешь.

– Не околею, только дозволю, – промямлил Никита.

Они вышли на улицу. Мороз мощными незримыми шупальцами мгновенно вцепился в их молодые лица. Однако обезумевший от счастья и волнения Никита даже шапку забыл надеть.

– Прикрой хоть голову. А то, пожалуй, всё выморозишь, – смеясь, заметила Надя.

– А чему вымерзать? Здесь одни кости...

Его шутка очень рассмешила Надю. Она долго и звонко смеялась.

– Истинная правда, я утром в этом убедилась!

Смех Нади прибавил уверенности Никите. Извинившись ещё раз, он перевёл разговор в шуточное русло и они уже вместе от души смеялись над собой, вспоминая утреннее событие. Их оживлённый разговор прервал лай и рычание собаки.

– Вот мы и пришли.

Пальма, высунув из подворотни морду, злобно рычала.

– Спасибо что проводил. Иди быстро домой, а то замёрзнешь.

И тут же, захлопнув калитку, скрылась в ограде. Никита попытался сказать ей в догонку о завтрашнем дне, но лай собаки заглушила его слова. Постояв немного в раздумии, окрылённый ухаждёр словно на крыльях помчался домой. В его ушах звенел смех и спокойный уверенный голос Нади.

– Какая же она красивая, добрая и весёлая. Завтра утром обязательно встречу у развилки, и мы вместе пойдём на ферму..

С этими радостными мыслями он пришёл домой. Раздевшись, попросил у матери поесть. Из горницы послышался усталый голос:

– Сынок, сам собери. Я почивать уже легла. Пирог горяченькие с ливером в печи, а молоко на полке в крынке.

– Хорошо, мам. Спокойной ночи.

Поужинав и загасив лампу, Никита забрался на печь. Расправив в потёмках постилку и подушку, лёг на спину. Вытянувшись всем телом, он сразу почувствовал тепло и ласку русской печи.

– Какая благодать! Какой мудрец придумал это чудо? – Не переставал удивляться каждый раз Никита, забравшись на печь в зимние студёные ночи. Казалось, что каждый кирпичик только и ждал своего постояльца, чтобы приютить, обогреть и дать ему силы.

Обласканный вниманием Нади и теплом русской печи, Никита быстро уснул с мечтой о завтрашней встрече с любимой.

ГЛАВА 4

ШИРОКОВЫ

В преддверии нового 1935 года Григорий получил письмо от брата Петра: «Загоржанился окончательно ты, брательник. Уже черты твоего лица стали забывать. К тому же и мать хворать часто стала, не ровен час, на погост угодить могёт, не повидавшись с сыном»... Последние слова особенно тронули душу Гриши: «Пожалуй, брат прав, более пяти лет не видал дорогих и близких людей. Совсем заработался на стройках. Одна работа на уме. Жену завести и то нет времени. Не помню, когда и в отпуске бывал. Всё работа. Пожалуй, сделаю так: сейчас сдадим объект, возьму на пару недель отпуск. Съезжу к своим».

Уладив производственные дела, Григорий взял билет на поезд и дал Петру телеграмму. «Еду. Встречай предновогодний живой подарок».

Подъезжая к Канску, Григорий прижался лбом к стеклу вагонного окна, пытаясь разглядеть знакомые места. Однако изморозь плотной завесой закрывала наглухо очертания местности. И он не мог точно определить, в каком месте проедит поезд.

Тем временем железный конь пыхтя и шипя отсчитывал последние километры приближавшейся станции. Раздался стук в дверь купе. Проводница медовым, певучим голосом объявила: «Товарищи пассажиры, готовьтесь. Прибываем на станцию Канская». Паровоз, дернувшись раз, другой, зашипел тормозами. Затем, стиснув как удав чугунные колодки колес вагонов, замер на месте.

Из тамбура Григорий увидел, что на перроне против выхода стоит в длинном полушубке брательник. От этого у него, как челнок в швейной машинке, заколотилось сердце. Увидев спускавшегося по ступенькам вагона брата, Петр бросился ему на встречу. Обнявшись, братья безмолвно стояли, наслаждаясь душевной теплотой и встречей после долгой разлуки.

— Ну, что братушка пошли, сани стоят там.

Петр взял чемодан Григория, и они в обнимку пошли к кошёвке.

— Ух ты, санки-то какие царские! — удивился Гриша, разглядывая расписные сани — это где же ты раскопал такое сокровище? — не переставал удивляться он.

— Почему раскопал, сам и смастерил.

— Да ну тебя!

— Вот те ну, загну, взял и смастерил. Широковы спокон веков мастеровыми были. И ты в своей Чите поди немало небоскрёбов построил.

— Насчет небоскрёбов ты, конечно, загибаешь, но кое-что построил.

— То-то ж и оно. Жила наша мастеровая. Ладно, давай укладываться будем, да поскорее домой. Дорога неблизкая. Чай, дома ждут — не дождутся. На бери, надавай доху, усаживайся поудобнее, а этой овчиной укутай ноги. А то, пожалуй, в своих бурачках и обезножить можешь.

Напялив доху из хорошо выделанных собачьих шкур, Григорий забрался в кошёвку. Петр заботливо укутал брату ноги.

– На-ка, Гриня, вот, ещё одень, утепли руки.

Он подал большие меховые рукавицы.

– Вот теперь, кажись, и ехать можно.

Попетляв по улицам и закоулкам города, они выбрались на тракт.

«Теперь будет сподручнее. Прямо́хонькой дорогой на Тарай, там заночуем у наших друзей Воронцовых. Поутру раненько тронемся дальше. Даст Бог, аккуратно к обеду будем дома», – размышлял в слух Пётр.

– А теперь, братуха, не грех отметить и твое прибытие.

– Как ты себе это представляешь? – поинтересовался Григорий.

– А так! По шучьему велению и моему хотению.

Хитровато подмигнув брату, Пётр перевалился через переднее сидение санной кошёвки. Разгрёб лежавшее сено и вытащил деревянный сундучок.

– Так это ж деда Василия волшебный сундучок, – не удержался от восторга Гриша.

– То-то и оно, что деда и волшебный!

Дед Василий по отцовской линии в этом сундучке хранил свои сокровенные секреты: царские награды первой мировой войны, фотографию жены, бабки Анастасии, всякие другие милые его сердцу вещицы. Доступ в сундучок имел единолично только он. Значимым предметом сундучка также являлась и серебряная рюмочка ёмкостью грамм эдак 25-30 и бутылка водки. Этими неизменными атрибутами дед постоянно пользовался последние десять-пятнадцать лет своей жизни. Ежедневно садясь за обеденный стол, дед открывал сундучок, который находился у стола под деревянным диваном, сделанным им же, доставал рюмочку, наполнял её до краёв водкой и, выпив, громко кричал. Поставив сундучок на место и перекрестившись несколько раз, не торопясь, приступал к трапезе. Этот ритуал исполнялся ежедневно, независимо от погоды и времени года. Исключение составляли божественные посты, которые дед строго соблюдал на протяжении всей своей жизни, дожив до глубокой старости.

Пётр поставил сундучок между собой и Григорием на перекладину переднего сидения так, чтобы было удобно из него доставать содержимое. Ловким движением выдернул маленький засовчик из ушка, державшего клямку крышки сундучка и манерно его открыл.

Взору гостя представились милые сердцу и желудку деревенские деликатесы: большой шмат сала, два калача, свиной рулет и, конечно же, обожаемая Григорием неповторимого вкуса самодельная колбаса.

– Вот это да! Петька, а ты, чёрт, и правда маг, – глотая слюну, восторгался Гришка.

– Погодь, погодь. Не суетись, братуха. На, бери нож, да маленько погромсай снесь. А я тут кое-что пошукаю.

Сняв меховую верхонку и наклонившись, Пётр извлек из-под сиденья стеклянную четверть, наполненную жидкостью.

– Вот теперь и разговеемся!

– Ай да братуха, ай да кудесник! Вот и попробуй не верить в чудеса. Будто нет на свете волшебников, – продолжал восхищаться Гриша.

Развернув тряпицу, Пётр достал две неопределённой формы фарфоровые чеплашки, подал их Грише.

– Держи!

Открыл закупоренную кляпом бутылку, из которой вырвался резкий запах самогона. Наполнил чеплашки. Тут же заткнув бутылку, поставил её между ног.

– Ну, Гриша, со свиданьем!

Стукнув чеплашками, выпили.

– Ой, ой змеина, – еле выдохнул Гришка. Пётр, проглотив самогон, крикнул.

– Это тебе не городская.

– Куда уж, – согласился Гриша, – в пятках зуд пошёл, достала.

– То-то. Давай наваливайся на деревенские харчи. Наскучался поди.

Григорий, бросив в рот кусочек сала, принялся уплетать любимую им с детства домашнюю колбасу.

– Слышь, Петь, а сколько градусов твой напитокок?

– Чудак ты, Гринька, кто ж его мерил? Я таперича, в отличие от бати, в первачок добавки стал подкладывать.

Он поднял бутылку.

– Видишь какой цвет? Как у коньяка!

– А что ты добавляешь?

– Погодь. Держи чеплашки. Махнём по другой, а опосля поговорим. Давай, Гриня, вторую выпьем, поминальную. За наших предков. Кто жизнь дал нашему роду. Вечная им память и низкий поклон.

Выпив, Гришка, как и после первой рюмки, долго охал, ойкал.

– Нет, не самогон, а Змей Горыныч.

– Это я только зимой делаю такую сердитую. В мороз другой не согреешься.

– Так, что все-таки добавляешь в самогон? – жуя рулет, вернулся к разговору Гриша.

– Мужики тут как-то из Иркутска к Федору Ивановичу на охоту приезжали, у меня гостевали. Вот мне энтот рецепт и рассказали. Ничего мудрёного. После выгона самогонки дня на три-четыре засыпаешь в неё кедровые орешки. Настаиваешь, затем процеживаешь и готово. Вот и получается крепка и полезительна. Сказывают, что ни язвы, ни гемороя никогда не будет.

– Ну это как сказать... – возразил Гришка.

– Знамо дело, норму знать надо. Не ведрами же её хлебать, – согласился Петро – да и пить нам её, Гриша, когда? Работы в хозяйстве днём и ночью нет края! Нынче вон за лето почитай и выходного не знал. Да и осенью только отсенокосили, хлеба поспели. А тут ещё дожди заладили, да, слава Богу, управились, хоть и припозднились. Урожай получился неплохой, по кругу около восемнадцати центнеров собрали. С кормами тоже осечки не было. Прозимуем нормально. А вот теперь и выпить не грех. Пётр налил по очередной чарке.

– Слушай Гринь, давай выпьем за тебя. Ты у нас один выбился в люди, грамоте обучился, инженером стал. При большом деле состоишь.

– Нет, нет, – запротестовал Гриша – Я за тебя поднимаю тост! Это вы здесь, в деревне, герои, сам только что говорил – горбатитесь от зари до зари, не зная выходных. Мы что, городские? Время отработал – и домой в тёплые квартиры. За тебя, Пётр, за таких, как ты. Вы нас, избалованных городской жизнью, кормите, поите. За тебя, братишка... Ух, как колечко прокатилась!

– А я тебе что говорил? Лучше напитка в мире не сыщешь! Гриш, может, повторим?

– Нет. Давай лучше немного разомнёмся. Ты посмотри: брюхо по швам трещит, ремень не держит.

– Пожалуй ты прав, Гриня. Давай поразоумнемся. Ноги подзатекли. Заодно животину растрясём.

Пётр натянул вожжи, остановил коня. «Постой маленько Серко», – обратился он к жеребцу. Они вылезли из кошевой, сняли дохи. И, держась за борта саней с той и другой стороны, медленно пошли по дороге.

Свежий снег давно не выпадал, а старый был хорошо утрамбован морозами и санями. Дорога была плотной, идти по ней легко был и в радость. По обочинам дороги, попискивая, сновали красногрудые красавцы снегири. Солнышко находилось в зените и, не смотря на мороз, на душе было тепло и уютно.

– Слушай, Петь, а где столовая у снегирей, знаешь?

– Не понял, о чём ты?

– Столовая, говорю, у снегирей где?

– А вот она, походная кухня!

Он проворно выхватил калач из саней, отломил ломоть, раскрошил его и бросил в сторону сидящей на обочине стайке птиц. Те, не поняв жеста Петра, вспорхнули.

– Молодец братишка, добрая душа. Может ещё для согреву плеснёшь им первачка на орешках?

– И плеснул бы. Да боюсь, помрут ведь. Жалко! Такие красивые, крохи. Ладно, променаж закончен. Тпру Серко, стой! Давай, брательник, садиться будем. Впереди начнётся крутой и длинный спуск. Не угонимся мы за Серко.

Укутавшись в тулупы и удобно устроившись в кошёвке, двинулись дальше.

– Гриш, держись крепче, сейчас будет крутой поворот, не ровён час, выбросит.

– Хорошо.

Спуск действительно был крутой. Серко, подгоняемый инертной силой разогнавшихся саней, как на скачках, предельно молотил ногами чтобы вписаться в поворот. Дорога неожиданно вынырнула из леса, и они оказались на равнине, поросшей мелким кустарником. Серко перёшел на ровную рысь и они плавно покатили дальше. Неожиданно конь задёргался, захрапел.

– Волки, – произнёс Пётр.

Натянул вожжи. Серко остановился, однако тут же стал пятиться назад, ржать и храпеть.

– На, держи крепче вожжи, – приказал Пётр брату.

Порывшись в сене, достал завёрнутую в мешковину берданку. Быстрым движением зарядил ружье и положил его перед собой. Взял вожжи.

– Но, Серко, не трусь, управимся.

Конь хоть и неуверенно, но всё же послушно исполнил просьбу хозяина.

– Давай-давай, не трусь, – похлопывая вожжами по бокам жеребца, успокаивал его Пётр.

Проехав небольшой отрезок, они отчетливо увидели чуть в стороне от дороги стайку из трёх волков.

Гонимые холодом и голодом звери были способны ради своего спасения совершить любой самый дерзкий разбой. Учувя конский запах, они получили надежду выжить и теперь ничто не могло остановить их в попытке утолить голод, разве что смерть.

– Вона как, засаду значить готовят, ну, ну посмотрим, – вслух рассуждал Пётр.

Конь теперь уже не только чуял, но и скорее всего видел зверей. Вновь захрапел, забесновался. Пётр натянул вожжи и ласково обратился к Серко:

– Спокойно, спокойно коняга.

Жеребец хоть и был немолодым, но в подобные передряги не попадал. Страх и инстинкт самосохранения брали своё: мотая головой и разбрасывая слюну, он весь дрожал. В любую минуту ситуация могла сложиться непредсказуемо: перепуганная лошадь, гонимая страхом, может стать неуправляемой и попрёт напролом, не ведая куда и зачем, будет бежать ошалело до тех пор, пока где-нибудь не застрянет или не зацепится перевёрнутыми санями, разбросав по ходу людей, обрекая их на верную гибель. Выбившись окончательно из сил, она станет лёгкой добычей зверей или обезумев и обломав оглобли, ещё долго бежит неведомо куда, пока насмерть не загонит себя и, вконец обессиленная, попадёт в лапы хищникам.

Пётр хорошо это понимал.

– Гриш, быстро разболакайся, бери коня за узду.

Григорий проворно сбросил овчину с ног, тулуп. Забежав вперёд, вцепился одной рукой в узду, другой стал похлопывать и поглаживать по шее коня, приговаривая: спокойно, спокойно Серко.

– Гринь, держи его крепче. Держи. Я сейчас.

Пётр тут же бросив вожжи и подхватив ружьё, заспешил на помощь Григорию. Держа под уздцы коня и поглаживая, они как бы заслонили его от опасности. Серко немного успокоился.

Волки тем временем, застыв, наблюдали издали за жертвой, прикидывая план действий.

– Значит, эти ребята так просто не отстанут. Гриш, Давай Серко немного завернём в кустарник. Чтобы конь не видел зверей. И вон к той берёзке его привяжем. Ты будешь с ним. Только всё время держи за узду и поглаживай, успокаивай его. Рядом с тобой он себя будет чувствовать уверенней. А я с ружьём по кустарнику проберусь вон на тот пяточек, где чащоба. Мне их с бугорка будет хорошо видно и стрелять удобно. Давай, зайди сзади, попробуй занести хоть немного сани, а я поведу коня. Хорошо.

Увязнув по пояс в сугробе, они добрались до берёзки. Привязав к ней коня, Пётр спутал ему на всякий случай передние ноги, чтобы не смог убежать, если испугается. Достал тулуп, бросил на снег.

– Становись, – приказал он брату – укрой бурки, теплее будет, а то без ног останешься. Ну ладно, держи коня и разговаривай с ним, разговаривай. Я пошёл.

Григорию ещё мальчишкой приходилось встречаться с волками не один раз, и на загоны ходил, даже убивать приходилось, а вот так, в роли этакого заложника не бывал. Страх он, конечно, не испытывал, но тревога была.

Пётр, пригибаясь, добрался до намеченного пятачка, заросшего высокой травой и кустарником. Притоптал коленками снег, стал внимательно наблюдать за волками. Хищники по-прежнему находились на том же месте, ничего не предпринимая.

– Наверняка соображают, как не упустить подвернувшуюся добычу. Ничего, побежите как миленькие. Голод не тётка.

Он хорошо знал повадки умных, изворотливых и дерзких зверей.

– Сейчас ещё поразмышляют минуту, другую и обязательно пойдут прямо по дороге. А скорее всего возьмут левее по полю, чтобы обогнуть выступ и через кустарник неожиданно выскочить на дорогу примерно в том месте, где укрылась лошадь. Ну вот и зашевелились.

Волк, сидевший чуть поодаль от двух других, задрал морду, покрутил ею, как бы выверяя маршрут дальнейших действий, встал. За ним поднялись остальные.

– Ага, вожачок значит, – отметил Пётр, – вот тебя и будем брать на мушку.

Вожак с места взял быстрой рысью, остальные как по команде последовали за ним. Как и предполагал Пётр, волки избрали второй наиболее дерзкий маршрут.

– Что ж, мне и стрелять будет лучше сбоку.

Он поудобнее расставил колени и взял на мушку вожака, который явно уловил конский запах и уверенно вёл сородичей к намеченной жертве, предвкушая удачу.

Волк приблизился прыжками к намеченной Петром отметке, где должен прозвучать выстрел. Петр медленно повёл ствол ружья вперёд на целый корпус волка с таким расчётом, что после нажатия на курок и полёта картечи зверь окажется строго в том месте, куда прилетит заряд. Прозвучал выстрел. Зверь сделал невозможный акробатический кульбит и зарылся в снег. Пётр тут же сделал второй выстрел по заднему волку и, похоже, его ранил. Третий невредимый зверь и его подраненный собрат, вихляя задом – скорее всего картечь попала ему в одну из задних ног – резко повернули назад в сторону и что есть мочи пытались скрыться подальше от нежданно-негаданной засады.

Ошарашенный неожиданными выстрелами, успокоившийся было Серко, выпучив глаза, вновь начал беситься. Хорошо, что его удачно привязали к берёзе и спутали передние ноги. Благодаря этим упреждающим мерам предусмотрительного брата Григорию только и удалось удержать жеребца.

Перезарядив ружьё, Пётр поспешил к добыче. Вожак, распластавшись во весь свой могучий рост, уткнувшись носом, неподвижно лежал. Держа на изготовке ружьё, Пётр подошёл к волку, дулом ствола приподнял голову зверя, чтобы убедиться, что он мёртв. Из-под рыжеватых волчьих бровей на него уставились два остекленелых, злобных зрачка. Казалось, мгновение – и зверь взметнётся в предсмертной агонии на охотника. На какую-то долю секунды Пётр даже оторопел. И чуть было машинально не нажал на курок.

– Ох, окаянный, сколько же в тебе злобы и силы!

Он осторожно взял волка за заднюю ногу и перевернув на спину, стал рассматривать, куда попали картечины.

– Одна прошла правую лопатку, две протаранили скорей всего лёгкие и сердце. А вот эта, попавшая в шею, перебив шейный позвонок, стала смертельной, – сделал выводы Пётр.

– Прости, волчище, сам виноват, ты начал эту смертельную игру. Я защищался. Хотя в чём тебя винить? У тебя свои, волчьи законы и ты им следовал. У меня свои, человечьи, и мы с тобой, братец, выходит, действовали по совести.

– Поехали!

Он перебросил через плечо ружьё, и, взяв за задние лапы волка, поволок его к дороге. Выбравшись на обочину, бросил добычу. Пошёл к саням.

– Ну что, озябли?

– Пожалуй озябнешь с твоим рысаком! Ты как начал палить, так он совсем обезумел. Благо, что ноги ему спутали, а то сомневаюсь, что удержал бы. Ну что, добыл зверя, аль только попужал?

– На кой леший я тогда бегал скарауливать? Попужать и отселе мог. Похоже, что ихнего самого заглавного зверюгу завалил, уж больно здоровенный чёрт, – похвастался Пётр.

– Давай, отвязывай коня и направляйся по дороге. А я возьму мешковину, заверну в неё серого. А то, если Серко увидит, от страха бог знает что натворить может, до дому не доберётся.

Взяв мешковину, Пётр пошёл к добыче. Подойдя к зверю и взяв за лапы, поднял вверх, прикинул длину. Подходящий. Бросив на снег, потрепал волка по загривку, погладил по хребту. Удовлетворенный качеством меха, стал заворачивать его в мешковину подальше от глаз перепуганного Серко. Подъехал Григорий. Хоть волк и был завёрнут в мешковину, а сверху на нём сидел Пётр, конь всё равно всем нутром чувствовал присутствие зверя. Выпучив глаза, похрапывая, он крутил головой, яростно ударяя передними копытами.

– Проезжай за меня чуток дальше, чтобы этот плут не видел, а то дурить начнёт. Вот так стой. Давай вожжи, а сам иди, держи его за узду. Гладь и разговаривай. Отвлекай. Держи крепче, чтобы голову не поворачивал.

Пётр быстрым движением поднял добычу и вместе с ней плюхнулся в кошёвку. Схватил вожжи. Натянул так, что жеребец вынужден был задрать морду.

– Отпускай.

Григорий, державший изо всех сил узду, отскочил в сторону. Серко, измотанный нервным напряжением, рванул с такой силой, что не ровён час и оглобли вырвать мог.

– Тпру, тпру – успокаивал его Пётр, натягивая вожжи. – Вот так. Молодец, молодец, Серко.

Пробежав несколько десятков метров, жеребец остановился. Правда, ещё продолжал крутить башкой, озираясь по сторонам. Подошёл Григорий.

– А я уже было подумал: всё. Пешком придётся дальше топать.

– Ладно. Так и быть. Доведем. Как ни крути, а всё ж родня. Садись.

Пётр обнял брата.

– Вот окаанный, до смерти напужался. Чуть кошёвку, проклятый, не перевернул.

Дорога поворачивала в сосновый бор, впереди начинался затяжной подъём. Конь успокоился, пришёл в себя. Уже не крутил башкой, ровно тянул сани.

– Давай остановимся, приведём себя в порядок. А то так, пожалуй, озябнем.

Пётр медленно натянул вожжи:

– Тпру, Серко, тпру. Стой, дорогой, стой.

Остановившись, одели дохи. Пётр сдвинул поклажу с волком вперёд кошёвки, прикрыв её слегка сеном, вытащил из под сиденья сундучок. Удобно устроившись, двинулись в путь.

– Вёрст семь осталось до Тарая, не более. Проклятое зверьё. Не они бы, пожалуй, к деревне подъезжали. Ну да ладно, опять же с добычей – и то хорошо. Давай-ка, брательник, пожалуй, выпьем. Да и брюхо харчей требует.

Пётр открыл волшебный сундучок, нарезал сала, колбасы.

– Давай вожжи привязывай к поручню, таперича и сам пойдёт. Успокоился, рулить не надобно. Освобождай руки, держи посудину – распорядился он. Достал четверть, наполнил чеплашки.

– Ну, с добычей. Даст бог, не последней. Для дохи Васятке, сыну. Ещё надо будет пару шкур.

Выпив, побрякивая, навалились на еду.

– Давай повторим – предложил Пётр, – я-то разогретый, а тебе аккурат будет, чтобы жар пришёл.

Григорий, как и утром при встрече, почувствовал душевный покой и уют. Ему стало тепло от выпитого самогона, радостно от того, что рядом любимый брат, вокруг – милая сердцу природа с огромными шапками сугробов и величавыми соснами.

– Эх, Петя, до чего же хорошо! А ты зверюгу с первого выстрела завалил... С первого и сразу наповал! Второго подранил... думаю, что далеко не ушёл, залёг. Жалко, времени не было пройти по следу, наверняка залёг в ближайшей чашобе. К утру, скорее всего, околеет, а собратья разорвут на куски и съедят... Да, вот так жестоко устроена природа жизни. Слабый он и есть слабый, всегда крайний, виноватый. И в людской жизни нередко такое бывает. В слабого норовит каждый плюнуть, зная, что сдачи не получит.

– Ну это ты, брат, перебрал, – возразил Пётр, – сравнивать зверьё с людьми...

– Да нет, брательник, не перебрал. Ты, конечно, не помнишь, малолетним был, а мне уж одиннадцатый шёл. Тогда, в гражданскую, в деревне белые живьём в избе сожгли всю семью Корнауховых.

– То была война, – опять возразил Пётр.

– Война, брат, войне рознь. А тут свои своих заживо жгли и убивали! Вот и получается: зверьё гуманнее человека. Они идут на разбой и жрут своих, гонимые

голодной смертью, сытый зверь разбойничать не будет. А человек может порешить жизнь другого из жадности, корысти и власти.

– Давай, Гриш, выпьем по махонькой, а то уж больно печальный разговор у нас пошёл. Будь он неладен, этот волк.

– Давай, а то морозяка все градусы изъял. Наливай.

Григорий никак не мог приноровиться к напитку брата. Опять перехватило дыхание, закашлялся. И только переведя дух, обронил сиплым голосом:

– До чего ж крепка, окаянная.

Пётр, глядя на брата, рассмеялся.

– Не окаянная, а наша, фирменная, морозно-сугревная.

За разговорами не заметили, что Серко поубавил прыть. Большие клубы пара валили от разгорячённой конской туши. Весь припорошенный серебристым инеем, конь, тяжело пыхтя, медленно тянул кошёвку в крутой взлобок.

– Пётр Иванович, может, остановимся? Покормим конягу овсом.

– Не надо, потерпит. Деревня совсем рядом. Поднимемся, метров через сто будет озеро, а там напрямую рукой подать.

На том и порешили.

– Слушай, у кого, ты сказал, заночуем?

– Да наши хорошие знакомые, Воронцовы. Старые друзья деда Василия и нашего бати. Ты их помнить должен. Они у нас бывали при тебе. Николай Андреевич с семьёй из Белоруссии в Сибирь приехали, лет двенадцать здесь живут. Он ещё говорит так смешно, коверкая наши слова с белорусскими.

– Нет, не припомню.

– Увидишь – вспомнишь. Высокий такой. Приятный человек. И жена Прасковья Петровна. Хорошие люди.

– Удобно ли беспокоить на ночь глядя?

– Чего ж неудобного? И они у нас гостят. Наоборот, будут рады встрече. К тому же везу хозяину от бати подарок. Новенькую сеть ему связал. У них тут летом карася пруд пруди, а осенью утки косяками – стреляй на выбор. Ты ведь здесь бывал.

– Может и бывал разок, толком не помню.

– Вот как следующий раз по теплу приедешь в гости, увидишь собственными глазами.

– Времени сколько? – прервав разговор Пётр.

Григорий достал карманные часы:

– К шести подходит. В аккурат доберёмся до сумерек.

Выехали на пригорок, дорога резко поворачивала на огромную распластавшуюся поляну.

– А вот болотина и озеро, о котором я тебе говорил.

Впереди маячил краешек бордового диска уходящего за горизонт солнышка.

– Петь, смотри! Красота неопишуемая. Век любоваться – не налюбуеться. Вот она, матушка-природа, волшебница. Каких только красот тебе не подарит, – восхищался увиденным Григорий. – Как жаль, что мы в постоянной житейской суете

редко видим эти красоты. Эх, рисовать не умею! Обязательно бы запечатлел эту незабываемую картину.

– Ага, давай остановимся! Я самогон буду пить чтобы не замёрзнуть, а ты рисовать. Представляешь, висит в музее огромная картина. Под названием. «Двое на закате солнца», художник Г. Широков»? Здорово?

– Прохвост ты, Петька, – он дал подзатыльник брату. – Поговоришь ещё у меня! Давно я тебе шею не мылил. Шутничок.

Их весёлую перебранку прервал донёсшийся лай деревенских собак. В нос ударил лёгкий запах дыма. Впереди замаячили в снежном убранстве избы. Дорога по деревне, словно струна, прямой линией разделяла огромные, похожие на барханы, снежные сугробы, из которых выглядывали тёмные дома, чем-то напоминающие в вечерних сумерках и морозной дымке призраки белой пустыни.

Улица была совершенно безлюдной. И только лай собак да дым, струившийся из труб говорили о присутствии жизни в этой студёной таёжной глубинке.

– Ну, почитай, приехали. Вон, видишь слева дом с голубыми ставнями? Это и есть наше пристанище, – пояснил Пётр.

Несмотря на обилие снега, вход в калитку и большие ворота были не только расчищены, но и вылизаны метлой до самой поверхности земли. Добротная усадьба и порядок вокруг неё были своеобразным показателем хозяина этого жилища.

Первым, кто известил о приезде гостей, была Пальма. Мечась на цепи и высывывая морду из подворотни, она захлёбывалась в собственном лае и ярости.

Не успел Пётр привязать коня к привязи, как отворилась калитка, из неё вышел высокий мужчина в овчинном полушубке, наброшенном поверх рубахи. Увидев гостей, он весь засветился улыбкой и, расправив руки для объятий, заспешил к Петру. Они обнялись. Тиская друг друга, радовались встрече. Наконец Пётр обратился к хозяину:

– Николай Андреевич, знакомьтесь. Мой старший брат Григорий.

Они обменялись крепким рукопожатием.

– Слыхал, слышал много о Вас от бабушки. Как поживаяте в городе? – вежливо поинтересовался Николай Андреевич.

– Спасибо, в добрый час.

– Господи! Да шо ж мы тут стоим? – спохватился хозяин – Давайте, проходимья в хату!

– Может, Серко поставим, потом уже разболакаться будем? – спросил Пётр.

– Як хочешь. Тогда заезжай.

Николай Андреевич быстро вернулся в ограду, загнал в конуру Пальму. Вытащив засов у больших ворот, раскрыл воротины:

– Пётр Иваныч, загоняй. Сани поставим сюды, а коня под навес.

Скрипнула дверь. Из сеней на крыльцо вышел подросток лет пятнадцати и поздоровался с гостями.

– Андрей, давай распряги коня и хорошенько его укрой, овса не желей. Пушай силы набьются. И кошеву укрой, мало ли, снег ночью пойдёт. Давайте, гости дорогие, проходимья в хату. Дохи в сенцах повестя. Заходимья, заходимья. Андрей управится в лучшем виде, не впяровой. Знае, что почём.

С клубами холодного воздуха они вошли в дом. Дом-пятистенок был срублен из лафета сравнительно недавно. На брёвнах, отполированных песком, отчётливо просматривались годичные кольца, что придавало стенам некую строгость и торжественность. В передней под потолком располагалась очень красивая икона, обрамлённая белым рушником. По краям красовались яркие узоры, вышитые крестиком. Расцеловавшись с хозяйкой, Прасковьей Петровной, Пётр представил ей брата.

– Разболакивайтесь, гости дорогие, а я пока собяру на стол. Мы и сами ещё не вячерали. Микола! – обратилась она к мужу – Спустися в погреб, солений достань.

Пока гости рассматривали фотографии в узорчатых рамках, развешанные по стенам, Прасковья Петровна накрыла стол. На белоснежной скатерти, расшитой яркими петухами, красовались блестящие, как пяточки, рыжики, квашеная капуста, огурцы, сало и брусника. Из чашек, наполненных только что сваренными пельменями, поднимался лёгкий парок, аромат которого мог свести с ума самого взыскательного гурмана.

– Проходите сюда, – она указала на деревянный резной диван, – Здесь вам будя удобней.

Не успели гости рассесться, как открылась входная дверь. В дом впорхнула вернувшаяся с фермы Надя. Увидев гостей, немного растерялась.

– А вот и наша донечка, – пропела мать, – давай, разболакайся и садись вечерать.

Поздоровавшись, Надя быстро прошла через кухню в небольшой закуток, расположенный за русской печью.

Выпили за приезд гостей.

– Кушайте, угощайтесь, Григорий Иванович, – предлагала хозяйка, – в городе, чай, совсем другая пища, а у нас тут уж что бог послал. Ныне, в добрый час, грибочков было видимо-невидимо и ягодкам урожайный год. Не ленись, собирай тольки. Скотине, слава Богу, кормов назапаслись. Даст бог, прозимuem.

Вышла Надя. Белый вязаный свитер плотно облегал её стройную фигуру, волосы были строго зачёсаны и собраны в узел на затылке. Открытый лоб, больше глаза и нарумяненные морозом щёки придавали ей грациозность и величие. «С неё только иконы писать. Богиня», – подумал Григорий.

– Проходи, доня, сюды.

Отец посадил её между собой и матерью, напротив братьев.

– А это наша донюшка, Григорий Иванович, – представил её отец.

Григорий привстал, слегка кивнув головой, представился:

– Григорий, брат Петра.

Надя, немного смутившись, также привстала и тихим голосом представилась:

– Надежда.

– Эх, Надюшка, как же я поторопился жениться! Нет бы подождать годок, другой, невеста в самый раз. Сейчас бы только и свататься! – хорохорился подзахмевший Пётр.

– Будет вам, Пётр Иваныч. У Вас своя жена, Валентина, – красавица не чета мне, – возразила Надя.

— Что верно, то верно, — согласился Петр, — вот и давайте подыдем чарку за наших жён — красавиц. Верно, я говорю Николай Андреевич? — продолжал наседать гость.

— Истинная, правда, только вот с малой оговоркой. Красота красотой, а в жизни одной её мало. Женщина, она понятие глубокое имеет, — рассуждал хозяин, — жана жаной, но ещё и хозяйкой должна быть! Уметь сябя блюсти, детишек рожать и воспитывать, мужу уважение делать.

Они ещё долго сидели, рассуждая о деревенской жизни, но Григория эти разговоры интересовали меньше всего. Его внимание всецело было обращено к Наде. Очарованный спокойным, уверенным, тихим говором, он любовался её красотой.

Надя, заметив такое внимание приезжего горожанина, пыталась поскорее выйти из-за стола, намекая, что есть дела и завтра рано вставать, идти на ферму. Но если не лукавить, ей было интересно слушать взволнованную речь этого обаятельного городского гостя, его шутки, отпускаемые в адрес брата. Надя также заметила, что выпивает он очень мало: слегка пригубив рюмку, ставит. Он много спрашивал, как работают на ферме, какие надои, весело ли живётся в деревне молодым ребятам и девочкам. Вспомнил, как до отъезда на учёбу в деревне сам пас коров. Наде даже стало смешно, что этот интеллигентный молодой мужчина мог когда-то пасти коров, косить сено, бегать босиком и иметь на ногах цыпки.

Наконец она решилась покинуть застолье. Поблагодарив мать за ужин и извинившись перед гостями, улизнула в свой закуток.

Григорий после ухода Нади потерял всякий интерес продолжать пировать. Сославшись на длинную дорогу и усталость, спросил хозяйку, где ему располагаться спать.

— Пойдёмте.

Она провела его в небольшую комнату, где стоял большой деревянный сундук и деревянная кровать с бобышками на спинках, скорее всего, изделие местного столяра-умельца, или самого Николая Андреевича.

— Вот здесь и разболакайтесь.

Завалившись на мягкую перину, Григорий действительно почувствовал, что сильно устал и хочет спать. Пуховая перина мягко захватила его тело в плен, и он, не сопротивляясь, сдался и тут же крепко заснул...

Лёгкий шорох и тусклый свет от зажжённой лампы в прихожей прервали его сон. Скрипнула дверь, кто-то вышел на улицу.

— Наверное, Надя пошла на ферму, — подумал он, — так рано и холод, поди, не-сусветный стоит на улице...

Ему искренне стало её жаль. В доме опять воцарилась тишина, и только храп в соседней комнате да тиканье настенных ходиков в прихожей нарушали тишину и покой этого милого уголка.

Григорий потянулся и, перевернувшись на живот, в свою любимую позу, попытался уснуть. Но сон не шёл. Его мысли были заполнены вчерашним вечером и образом нежданно-негаданно появившейся золушки. За все свои двадцать пять он

ничего подобного в жизни не испытывал. Хотя, что греха таить, был роман в техникуме. Да и сейчас у них с Верой вроде бы взаимные, добрые чувства, которые по всем житейским меркам должны перейти в брачный союз. Но чтобы так, в один миг, как мальчишка-школяр...

– Смешно, Гриша, смешно... Но она действительно хороша! Откуда у этой деревенской девчонки столько стати? Успокойся, Гриша, на тебя, наверное, сильно подействовало обаяние и гостеприимство этих милых, добрых людей, да и выпитое сыграло свою роль... Давай, приводи свои мысли в порядок, пора вставать. Вон уж и хозяйка по дому хлопочет, да и мужики, кряхтя, одеваются.

Подошёл Пётр:

– Ну что, горожанин, хватит дрыхнуть, пора до дому. Чайку попьём и с богом...

– А ты что, деревенский, кряхтишь, как девяностолетний старик? Никак, башка трещит от вчерашней ореховой и гостеприимной?

– Не говори, брат. Правильно любит говорить дед Кондрат: лучше бы четыре вечера, чем одно утро.

– А ты что хотел, чтобы вечером и утром было хорошо? Увы, дорогой мой, так не бывает. Аксиома.

– Какая ещё к черту аксиома? – возмутился Пётр.

– Ну, если хочешь, закономерность.

– Ты, это, брательник, заканчивай свою философию. Пошли к столу.

Наскоро перекусив и поблагодарив хозяев, братья заторопились домой.

– Отцу передавай большое спасибо за сеть, – попросил Петра Николай Андреевич.

– А может, Николай Андреевич, сам передашь? Как уговаривались, на новый год к нам погостить подъедете на денёк-другой? Андрюха большой, за хозяйством управится один.

– Хорошо, Пётр Иванович, посмотрим. Желание есть повидаться.

– Ну, до встречи.

– Давай, Серко, домой, там поди гадалки все перегадали... ждут, не дождутся.

Пётр шлёпнул коня вожжами. Отдохнувший Серко с места взял полной рысью.

– Дорога, почитай, вся ровнёхонькая, не то что летом. Гляди, часов через пять, пожалуй, и дома будем, – то ли себе, то ли брату сказал он.

Долгое время ехали молча, каждый при своих мыслях. Молчание нарушил Пётр.

– А что, Гриш? Девка – кровь с молоком, ишь, как расцвела. Будто берёзка по весне распустилась. Я хоть и хмельной вчера был, а видел, как ты на Надьку зёнки пялил. Скажу по правде, был бы неженатым, сватов не медля бы заслал.

– Вот и договорились, будем засылать сватов, – не то всерьёз, не то шутя, выпалил Григорий.

– Ты, что взаправду, Гриша?

– Чудак ты Петька, старик я уже для неё. Ей, почитай, годков восемнадцать – и то есть ли? – а мне двадцать пять!

– Ну, это ты зря, – возмутился Пётр, – вона по ранешным временам старее старого старики на молодухах каких женились. К тому же по согласию и любви.

– То было раньше, – возразил Григорий. – Сейчас времена другие, подходы к этим вопросам изменились.

– Дурак ты, Гринька, хоть и образованный! Времена-то изменились, а вот человек остался человеком! Люди как любили, так и любят, хоть тресни. Что старый, что молодой имеют те же желания и запросы. А потом ты пошто сравниваешь старика с собой?

Он ухмыльнулся.

– Старик! Надо ж такое удумать. Ты только сок мужицкий набираешь, сила в тебе только-только мужская завязывается. Старик... Батя бы услышал, точно метлу об тебя обломал. Старик... Это я скороспелый, рано заарканился. А ты что надо! Образование получил, житейским мудrostям обучился. Самый что ни есть в расцвете сил жених... и я готов хоть сейчас закрутить сватовство, – наседали на брата.

Взволнованная тирада Петра окончательно рассмешила Григория.

– Да будет расплыться тебе, брат-сват. Сватать, так сватать, почему не посвататься?

– Вот это, Гринька, по-нашему! – обрадовался Пётр. – Нет, Гриш, ты вправду или косяка гонишь?

– Вот те на! Наседал, наседал, а теперь косяка гоню! Отвечаю по-русски и внятно: не гоню, а что ни есть говорю правду!

Петька, довольный ответом, озорно улыбнулся, хлопнув брата по плечу, радостно пропел: Хорошо-о-о!

– Но, коняга! – подхлестнул он вожжами Серко. – Давай пошевеливайся!

Накануне приезда гостей Надя условилась встретиться с Никитой утром и вместе пойти на ферму. Проходя улицу, она ещё издали увидела в морозной дымке маячившего на своротке Никиту.

Заприметив Надю, Никита пошёл ей навстречу. Поздоровавшись, они заспешили на работу.

– Ты, поди, озяб, ожидая меня? Немного проспала... Увечёра пришла домой, а там гости понаехали. Сыновья тятиных друзей из Круглова, Широковы. Одного брата, Петра, я знаю. А старший – городской, Григорием зовут, незнаком мне, приехал погостить в отпуск. Долго вечеряли. Всякие там разговоры да расспросы. Григорий такой любопытный, много об ихней городской жизни рассказывал. Меня донимал расспросами, как в деревне живёт молодёжь, про работу. Они по дороге волка убили, – продолжала Надя. – Так столько всяких баек про охотников и рыбаков порассказывали. Умора и только!

Знаешь, – она взяла Никиту за варежку. – Случай такой смешной рассказали. Сидят рыбаки летом на берегу у костерка, хлебают уху и промеж собой всякие байки брешут. Один и говорит: поймал я как-то здоровенную шуку, вытащил из сети. Смотрю, а вокруг хвоста, значит, золотое кольцо. – Да ну тебя! Брешешь! – перебил его один из сидящих. – Вот те крест! Чё мне брехать? Энтó ещё чё... Слухай

дале. Когда открыл ейную пасть, так хош верь, хош не верь, зубы-то у неё все как один золотые! – Вот это да! Чудеса и только. Бывают всякие потехи в жизни. – Быват, быват, – согласились сидящие.

Это братцы что? – начал рассказывать другой. – Вот мне как-то поведал байку один старик, заядлый охотник, про охоту на медведя. Пошли, значит, они как-то по первому морозу медведя добывать в берлоге. Нашли эту самую берлогу, примеченную ещё с осени. Оглядели её внимательно. Куржачок белый из дыр от дыхания мишки везде проглядывают... Ну, значит, всё в порядке. Косолапый хозяин тайги на месте, спит. Можно добывать. Срубили крепкую жердину. Один давай ею тыкать вовнутрь берлоги, медведя шевелить. Двое с ружьями на изготовке стали. Ждут косолапого, когда тот выскочит. Встревоженный мишка не выдержал издевательства над собою, полез наружу наказать обидчиков за беспокойство: Кто, дескать, посмел нарушить покой? Тут его охотники и уложили. Начали обдирать шкуру: батюшки! а у него на шее ошейник весь в брильянтах!

– Вот это да! Ну дела! – восхищались мужики.

– В жизни всякие чудеса могут быть, согласились рыбаки. Это что... – начал рассказывать самый молодой из них. Вот Манька моя, жена, значит, недавно отчебучила, так отчебучила. Приезжаю домой с рыбалки. Ну, как положено рыбу с возу в дом принёс, жена навстречу. Обрадовалась, целует меня. Проходи, говорит голубь мой. Дружков своих зови. Я баньку к твоему приезду истопила, угошенья приготовила. Я глянь в хату, а там стол накрыт всякими угощениями, посреди стола четверть самогонки стоит. Аж дух захватило. Ну, это ты, паря, не заливай, такого в жизни быть не может, – дружно охаяли его рыбаки, – не бреши...

Никита, внимательно слушавший Надю, схватившись за живот, повалился в снег.

– Вот это да! – хохотал он, валяясь по снегу.

– Никит, вставай, хватит дурачиться, и так припозднились, все давно на ферме. Петровна ругаться будет: коровы не накормлены, телята голодные... Пошли!

Он встал. Отряхнувшись от снега, неожиданно сгрёб Надю в свои могучие объятия.

– Надя, Наденька! Милашка моя! – Шептал он, прижавшись к её щеке.

Она попыталась его оттолкнуть, но, увлечённая порывом Никиты и неожиданными чувствами, не сопротивлялась. Никита, забывший от счастья обо всём на свете, поцеловал её нежные теплые губы.

Первой опомнилась Надя. Она вздрогнула от мысли, что кто-то их может увидеть. Ей стало стыдно. Увернувшись от поцелуев, выскользнула из его объятий, побежала по тропе.

– Надя, милая! Наденька! – пытался удержать её Никита. – Наденька, милашка моя, любимая!

Надя, обернувшись обняла его, закрыв глаза, жадно вцепилась своими губами в его губы. И также неожиданно оторвавшись от его губ, зардевшись, прошептала:

– Пошли! Увидят же – засмеют до смерти... Пошли.

Тропа для двоих была слишком узкой, поэтому Никита держа её за руку, шёл чуть сбоку, тараня глубокий снег. Неожиданно она остановилась.

– Всё. Ты не торопись. Отстань, а я побегу. Она вырвала свою руку и очень быстро, не оглядываясь, зашпешила к ферме.

Завидев отчий дом, Григорий заволновался. Сердце готово было выскочить из груди и, опережая кошёвку, ворваться в дом, чтобы скорее обнять милых и дорогих людей.

У ворот, предчувствуя прибытие гостей, по заданию Ивана Васильевича дежурило несколько караульчиков – подростков. Увидев возницу, один из них мигом шмыгнул в калитку.

– Вона как соскучились! Батя даже сторожевых выставил, – съехидничал Пётр. Тут же из ограды вышли взрослые.

– Тпру, тпру!

Скорее для порядка Пётр упреждал Серко остановиться.

Коняга и сам знал, что делать, потому как был рад-радёшенек прибытию домой. Домочадцы вмиг облепили сани, не давая выбраться путникам из длинных балахонистых дох.

– Ну, с прибытием, сынок.

Отец сграбастал в объятия старшого. Гринька как в детстве прильнул к его шелковистой, но уже совсем седой бороде. От радости у обоих непроизвольно выкатились слезинки настоящего мужского счастья... И долго бы ещё стояли сын и отец, наскучавшиеся долгой разлукой, если бы не мать. Анастасия Федоровна чуть ли не бегом выскочила из калитки и кинулась в объятия сына.

– Сыночек, сыночек! Гринечка! Наконец-то дождалась.

– Мама!

Григорий нежно обнял мать.

– Сыночек мой...

Григорий молча её целовал, вытирая катившиеся по щекам слёзы материнского счастья.

– Ну будя, мать, будя, пойдёмте в избу. Холодно, застудитесь, – ласково попросил её счастливый муж.

Оторвавшись от сына, она заботливо, как бывало в детстве, заглянула ему в лицо.

– Пойдём, сынок, пойдём: холодно.

И они в обнимку медленно пошли в дом.

– Давайте разболакайтесь и пойдём в баню, с дороги в самый раз.

– Отец, ты бы погодил со своей баней, успеется. С дороги, небось, оголодали мужики, а он баню... Совсем разум потерял!

– Мать, ты не встрывай! Первейшее дело после такой дороги – баня! Верно, сынок, я говорю? Аль ты там, в городе, совсем отвык от наших обычаев?

– Нет, батя, наоборот, очень скучаю по ним.

– То-то и оно, потребность человеческая в них есть! Как же без бани?

Сняв доху и бобриковое с цигейковым воротником темно-синее пальто, Григорий предстал перед родителями совсем другим. Чёрный безупречный бостоновый

костюм с серым шерстяным свитером и белыми бурками на ногах свидетельствовали о его достатке, подчеркивали важность и значимость персоны.

За эти годы он сильно возмужал. Юноша, которого давно ли провожали родители, превратился в зрелого, интеллигентного мужчину. И это не могло не радовать родителей. Счастливая мать с улыбкой подошла к нему.

– Сынок, ты совсем стал похож на дедушку Василия.

Григорий обнял и несколько раз поцеловал мать.

– Мам, а я почему-то всегда думал, что похожу на батю...

– Так отец-то далеко ли ушел от деда? Вас троих в молодости поставить вместе, так вылитые близнецы!

– Наша кровинушка, – с гордостью подчеркнул Иван Васильевич.

– Ваша, ваша. Только вот характер – это в нашу родоу. Оно сызмальства видно было. Степенность и рассудительность не чета вашей поспешности да горячности. Не успел сын в дом зайти, он тут же его в баню.

– Мама, будет отца корить, я в самом деле с удовольствием принял бы баню.

– Хорошо, хорошо сынок, тогда садись, хоть чайку попей.

Прошли в горницу. Здесь все как раньше. Этажерка в углу с книгами и шкапулкой. Большой комод с блестящими ручками, семейная гордость. Несколько стульев с плетёными спинками и неизменный нестареющий с зелёными широкими листьями красавец фикус. Григорий не выдержал, погладил листья. Подошёл к комоду, взял фарфоровую статуэтку, приложил её к щеке, как не раз делал в детстве.

Со стен из рамок на него смотрели до боли знакомые и милые сердцу лица: дедушки и бабушки со стороны отца и матери, брат Пётр, сестра Лиза и самая младшенькая, Олечка. Лишь одна его фотография, присланная письмом года два назад, нарушала сложившийся за многие годы порядок.

– Пап, Лизавета что пишет? Как она там проживает за тридевять земель?

– Да, слава богу, всё в порядке. Третьего внука собирается нам с матерью подарить, не то что ты, бобыль.

– Гринь, ты давай иди в комнату, переоденься. Мать сменную одежду тебе приговорила. И пойдём париться, а то баня остынет совсем.

– Хорошо, пап.

Вошла Анастасия Федоровна.

– Ну что ты, батюшки мои, пристал со своей баней? Я на стол собрала, он опять в баню!

– Мам, не сердись, я правда не проголодался. Давай мы напаримся, сброшу всю городскую грязь и дам волю животу.

Он нежно прижался к материнской щеке, поцеловал её и пошёл переодеваться.

– Сынок, там и свежее бельё на табурете лежит.

– У меня есть своё.

Он прошёл в прихожую за чемоданом. Открыв его, начал доставать подарки...

– Гринь, успеется – остановил его отец. – Потом все соберемся, и будешь раздавать подарки. Переодевайся, иди. Я пошёл, веники запарю.

– Сдай-ка, Петруха, ещё разок – попросил отец.

Пётр черпанул деревянным ковшом из шайки травяной настой и резко плеснул в небольшое оконце печи, из которого, как из амбразуры, вылетел заряд сухого горячего пара.

– Ах, ах, – словно сговорившись, закричали мужики. – Достал, язвы его, уши сворачиваются.

– С ума сошёл, помаленьку сдавай, – проворчал отец.

Жар слегка упал. Парная наполнилась ароматом чарующих луговых трав, которые отец ежегодно собирал в период сенокоса специально для бани.

– Ну ладно, мужики, кажись, тело набрало тепло, похлещите меня, – обратился он к сыновьям.

– Давай батя, я тебя попарю, ложись.

Григорий взял два веника, покрутил в руках, встряхнул. Веточка к веточке были подобраны друг к другу, напоминая форму плоской лопаты. Листья были распарены в меру, не сопливили, при встряхивании слегка шелестели. Такой веник, словно бархат, ласкает тело, доставляя огромное удовольствие.

Помахав вениками, едва касаясь кончиками тела отца, Григорий попросил Петра поддать пару.

– Ну, батя, держись!

Аккуратно пропарив стопы ног, он медленно продвигался веником вдоль туловища.

– Поясницу, сынок, поясницу, мать её за ногу!

– Вот так, ещё, ещё. Ох, ох, а-а-а. Хорошо. – Кричал довольный отец.

– Ну батя, переворачивайся, суставчики погрею, чтобы не скрипели. Поддай, брательник.

– Будя сынок, будя. Пойду, передохну в предбанник.

– Пойдём и мы передохнём. Жарковато.

Выйдя в предбанник, отец распластался на широченной лавке.

– Пейте брусничку, вон в крынке мать приготовила, и мне плесните.

Слегка поостыв, братья пошли в парилку. Отхлестав по очереди друг друга, они выскочили в огород и, как в детстве, повалявшись в снегу, с гиканьем влетели обратно.

Слушая оханье и аханье сыновей в парилке, Иван Васильевич был горд, что сыновья уже взрослые, самостоятельные мужики.

Отворилась дверь парной. Из нее вывалились раскрасневшиеся, разомлевшие сыновья.

– Ух, ох. Нет, батя, лучшая баня в мире это наша баня! Цены ей нет.

– Так уж и лучшая, Гриня, – усомнился отец.

– Не спорь, истинная правда: лучшая! Ну разве что у князя Дмитрия Донского лучше была, – пошутил Григорий.

– Вона куда хватил, паря, а ты откеля знаешь?

– Читал. Князь, батя, любил париться до беспамятства.

– Это как же?

– А вот так! Холопы топили баню по-чёрному, а затем там на полке поочередно дубасили князя вениками до той поры, пока не покидали его силы. Затем под ручки выводили в большой предбанник, укладывали на солому и выливали на него несколько ушатов холодной воды, пока князь не приходил в себя. Оклемавшись, он пил квас и опять шёл париться. А уж после баньки любил с сотоварищами побаловаться медовухой.

– Истинно русский, выходит, мужик был, хотя и князь, – восхищаясь, заметил отец. – Ладно, отдыхайте, я пойду сам себе косточки погрею.

Они ещё долго наслаждались банным блаженством и мужским доверительным тёплым общением, пока не прибежал гонец от Анастасии Фёдоровны, строго наказавшей незамедлительно заканчивать паренье и идти к столу.

– Ну будя, сынки. Напарились. Пошли к столу, там и поговорим. Мать сердает. Да и ребятня заждалась нас, пушай идут купаться.

Стол, наполненный всевозможными деревенскими яствами, действительно заждался гостей. Всё внимание сидящих за столом родственников было приковано к Григорию. Мать то и дело подсовывала сыну различные блюда:

– На, сыночек, отведай этого, а вот ещё попробуй куропаточку, свеженькая, в печи только что истомилась.

Подзахмелевший Пётр перевёл тему разговора в русло, что, дескать, давно бы пора Грише жениться. Мать с отцом, как сговорившись, тут же её подхватили.

– Да, сыночек, и впрямь ты у нас засиделся. Хотелось бы внуков повидать, а то уж старые, не ровён час, господь приберёт, не поглядим на невестку и внучат...

Григорий в ответ улыбнулся и заверил, что обязательно дождутся и невестку, и внуков. Потом развеселившаяся компания переключилась на песни и пляски. Петр, сызмальства научившийся играть на балалайке, ударив по струнам, запел: «Эх полным полна коробочка...». Сидящие за столом тут же подхватили.

– А что, Гринька, не отвык в городе от баяна? Евон стоит сиротинушкой, я остарел, не играю, а больше никто баловаться не хочет...

Отец открыл стоящий в углу ящик, достал баян, семейную гордость. Лет, наверное, двадцать назад, а может и больше, дед Василий выменял его на муку в Канске. С той поры редкий праздник не только дома, но и в деревне не обходился без песен и плясок широковского баяна.

– А ну-ка, Гринь, давай нашу, любимую.

Григорий пройдясь по клавишам несколько раз вверх, вниз, медленно взял аккорды «барыни».

Петька бросил балалайку, подняв руки и, вихля задом, начал в такт музыке выделывать всевозможные кренделя. Тут же к нему присоединились остальные родственники, не остались в стороне и отец с матерью. Несмотря на возраст, они подтопывали и прихлопывали в ладони в такт музыке. Григорий взвинтил темп, плясуны старались наперебой его поддерживать, особенно Петруха. В конце концов он вприсядку волчком прошёлся по кругу, не отставала от него жена Валентина...

Из мехов баяна неудержимо летело: «Барыня ты моя, сударыня барыня...».

Видя, что танцоры вот-вот свалятся с ног, баянист неожиданно закончил танцевальный марафон. Дав возможность чуть-чуть отдышаться компании, он растянул меха и заиграл всеми любимую мелодию. Как по команде её подхватили.

При лужке, лужке, лужке...

При зеленом поле.

При знакомом табуне.

Конь гулял на воле...

Счастливая компания ещё долго наслаждалась беседой, переходя от общих и частных разговоров, тостов к песням и пляскам, пока не разошлись далеко за полночь, насытившись животом и душой. Пётр с Валентиной остались ночевать у родителей. Несмотря на уговоры жены ложиться спать, Пётр ещё много раз предлагал Григорию выпить и несколько раз пытался заводить разговор о Наде и сватовстве, пока не обессилев совсем от выпитого и съеденного, поддерживаемый под руку братом, добрёл до кровати и, бухнувшись в неё, мгновенно уснул.

Подошла мать.

– Ну, слава богу, уgomонился, – неодобрительно проворчала она в адрес Петра.

– Мам, не серчай на него. Месяцами без выходных, впервые в отпуске, пусть маленько расслабится, отдохнёт...

– Хорошо, сынок, хорошо. Пойдём, сынок спать, я тебе уже постелила.

Поцеловав мать и пожелав ей спокойной ночи, Гриша пошёл в свою комнату. Несмотря на усталость, он был счастлив от общения с родными и дорогими ему людьми. Находясь в возбужденном состоянии, он ещё долго не мог уснуть, мысленно возвращался к вчерашней встрече с Надей. Пребывая в мыслях с ней, незаметно уснул.

До Нового года оставалось два дня. Накануне после обеда отец предложил Грише пройтись, посмотреть домашнее хозяйство.

– Пап, с удовольствием. Сам хотел пройтись.

Одевшись в самокатные валенки и овчинные полушубки, они долго бродили по усадьбе, заглядывая к животным и птице. Большой серый гусак с необыкновенно красным клювом и лапами, потревоженный незваными гостями, зашипел, воинственно бросился на Григория.

– Бать, неужели это Филька?

– Бог с тобой сынок, – засмеялся отец. – Сколько годов прошло. Это уже наверное пра-пра-правнук Фильки.

– Ну вылитый Филька.

– Кровь, сынок, кровь. Куды её денешь? Как и у людей, переходит от поколения к поколению. А вон у моего приятеля Николая Андреевича из Тарая петухи водятся неопикуемой красоты, ну вылитые павлины, на загляденье...

Вспомнив о петухах своего друга, отец неожиданно завёл разговор о его дочери Наде. Григорий сразу понял, что это дело рук брата Петра.

– Что, сынок, приглянулась тебе ихняя дочка? Славная девка выросла и статью и умом, наверно, и хозяйка хорошая будет... Нам бы с матерью лучшей невестки и в мечтах не снилось. Ты-то сам как, сынок? Плянется она тебе?

– Бать, ты вот так меня сразу врасплох и за горло...

– Пошто за горло? Решать тебе. Как примешь решение, и разговор будет... Я что? Тебе жить... Но мы, сынок, с матерью жизнь прожили. В людях маленько толк знаем, что к чему и почём. Не хотелось, чтоб какая-то вертихвостка, прости господи, нашу родову портила. А если тебя пугает, что у неё грамоты нет, так бабе она особливо и ни к чему. Ейное направление в жизни – детей рожать, быть хорошей матерью и хозяйкой по дому. Ну, а коль захочет грамоте обучиться, так пусть обучается, тут и ты ей помощник.

– Бать, не в этом дело.

– Тогда в чём же?

– Понимаешь, вот так сразу с бухты-барухты и в жёны... Не буду скрывать, она мне приглянулась, даже очень понравилась. Но это не значит, что и я ей буду люб.

– Но, паря, Гринька, энто меняет дело! Есть родители. Последнее слово будет за ними, – уверенно подвёл черту Иван Васильевич.

– Нет, пап, так дело не пойдёт. Крепостное право в России полвека как отменили. Неволить человека – себя не уважать. Потом, что за спешка? Будет возможность познакомиться поближе, тогда и посмотрим... А на нет, как говорят, и суда нет. Время покажет и расставит всё на свои места.

Отец недовольно хмыкнул:

– Паря, твои рассуждения в подобных делах дюже неубедительны. За такими девками очередь стоит. Пока ты будешь сюськи-масюськи разводить, от энтой девки только подол ейной юбки и увидишь. Вот и смекай, есть у тебя время, аль нет.

– Бать, значит не судьба. Не моя женщина.

– Э, паря. С такой философией ты навсегда бобылём останешься. Я так скажу: если у мужика к бабе тяги нет, какой он к чёрту мужик?

– Пап, зря ты горячишься. Уверяю, бобылём никогда не буду. Пойми меня, пожалуйста, правильно. Мне нужна жена, а не сожительница. Жена, которая меня по-настоящему будет любить душой и сердцем. Любить не за то, что я инженер, живу в городе, имею жильё, неплохую зарплату. А любить вот просто так. За то, что я вот такой, какой есть. Чтобы моя жизнь стала её жизнью. И что бы в жизни ни случилось: плохое, хорошее – она могла всегда верить мне и нести со мной эту ношу. Испить со мной как сладкую, так и горькую чашу. И дети, ею рождённые, наши дети, должны ежедневно видеть и слышать в нашем доме ласку и любовь. Вот так, как это было и есть у нас в семье.

– Вот те раз! А я что же другое разумею?

Они долго молчали. Размышляя каждый по-своему. Молчанье нарушил отец.

– Что же, такие мужики, как мой сын, у дороги как камни валяются? Да любовью девке почитай за счастье такого мужика отхватить. Пошто таких не любить? Нашу родову испокон веков бог не забивал и лицом, и здоровьем. Мы завсегда и

товарищные, уважительные были. В общем так, сынок. Мой сказ таков: раз тебе Надежда любя, значит мешкать не надо! Будем запускать сватов, да на Рождество свадьбу гулять, родниться с Воронцовыми. Люди они добры и надёжны. Даст бог всё будет ладом.

– Ох, батя... клещами вцепился, не отцепишься.

– Пошто мешкать, Гринька? Сам сказывал, приехал ненадолго.

– Отец, но только при моём условии!

– Каком?

– Желание и согласие Нади.

– Ладно, при твоём, так при твоём, – многозначительно согласился старший Широков.

Стратегический план Ивана Васильевича был предельно прост: пригласить Воронцовых на новый год к себе в гости, здесь всё и порешить...

Назавтра с утра Серко в упряжке был готов к поездке за гостями.

Пётр с братом долго не могли решить, ехать им вместе или одному Петру. Наконец согласились ехать вместе.

– У меня будет возможность увидеть и пообщаться с Надей, – решил Гриша. – Если получится, надо обязательно уговорить её поехать в гости...

Григорий и не подозревал, что отец строго-настрого наказал Петру без будущей невестки не приезжать. Так слово в слово Петру и наказал: «без Надежды домой не ворочайся!»

Налегке добрались быстро. Дома оказался один сын Андрей.

– Проходите до хаты, дядя Пётр и Григорий.

– А где родители? – поинтересовался Пётр.

– Мамка на свинарнике, тятя в мастерской, а Настёна на ферме.

– Когда будут?

– А кто ж их знает, по-всякому бывает... Как управятся с делами, так и придут. Может, пообедаете? В печи щи ещё горячие, и самовар не остыл.

– А щи вкусные? – пошутил Пётр.

– Вкусные, со свининой, мамка увячора варила...

– Тогда подавай.

Андрей проворно нарезал хлеб, сало, достал ухватом из печи чугунок со щами. Деревянной поварёшкой налил по чашке шей:

– Кушайте на здоровье, а я пойду пока по хозяйству управляться.

Надев шапку и телогрейку, вышел во двор.

Щи действительно были наваристы и очень вкусно приготовлены.

– Вот и тебе молодая жена будет варить такие щи, а может и вкуснее..

Гриша, занятый едой, не отреагировал на реплику брата.

– Слушай, Гриш, а что мы их будем дома высиживать? Может, проедем к Николаю Андреевичу в мастерские? Обо всем поговорим... может, быстрее обернёмся.

На том и порешили. Отобедав, поехали искать Николая Андреевича, который

в тараевском отделении совхоза бригадировал и, скорее всего, мог быть в мастерской, где в зимнее время в небольшом помещении шёл ремонт плугов, борон и другой мелочёвки, потому как основная техника ремонтировалась в МТС.

В мастерской его не оказалось: мужики сказали, что пошёл на конный двор. Там его и застали. Из разговора узнали, что он сразу после отъезда гостей в прошлый раз договорился с председателем колхоза об отлучке на два дня, съездить в Круглово, попроведовать старшую замужнюю дочь Катерину и других родственников. Не дожидаясь вопроса от братьев, ответил он и на мучивший их вопрос.

Смекалистый Николай Андреевич ещё в прошлый вечер заметил, с каким вниманием смотрел Григорий на его дочь. Потому поездка Нади также была решена. Заканчивая разговор, он посоветовал гостям ехать к нему в дом отдохнуть, заверив, что, как только управятся с делами, будут дома и – в добрый путь.

– Да, Пётр Иваныч, чуть не забыл... Андрейке прядаи, пушай кошевую и коня готовит к отъезду.

– Добре, Николай Андреевич, передам.

Обрадованные братья не спеша поехали к дому Воронцовых...

Первым с работы пришёл Николай Андреевич. Поинтересовался у Андрейки, всё ли приготовил к отъезду и нагрел ли горячей воды в бане, чтобы слегка ополоснуться после работы. На улице скрипнула калитка. Сквозь замерзшее оконное стекло Григорий отчётливо увидел силуэты двух женщин. Собака в ограде молчала, значит, пришли свои.

– Скорее всего, Надя с матерью, – решил он.

В дом вошли сразу всем семейством. Хозяйка с порога зашебетала радостные приветственные слова.

– Не ожидали, Григорий Иванович, что вы приедете. Сами, думали, одни доберёмся вечером.

– Здравствуйте, здравствуйте, Прасковья Петровна. Здравствуйте, Наденька.

Григорий машинально подал руку матери, а затем Наде. Он впервые коснулся её ладони. И без того румяное лицо Нади залилось краской.

– Здравствуйте, Григорий Иванович, – смутившись, ответила она.

Гриша, зачарованный Надей, долго не отпускал её руки. Пауза затянулась. Нарушил молчание отец.

– Мать, Настёна, давайте приводить себя у парадак, пераболакайтесь и поспешать будем.

Женщины засуетились. Прасковья Петровна поинтересовалась у гостей, пили ли они чай или подогреть самовар. Получив отрицательный ответ, ещё раз улыбнулась и, извинившись, стала готовиться к отъезду.

Рассаживаясь по кошёвкам, Григорий обратился с просьбой к Наде и её родителям, чтобы она ехала с ним в кошёвке. Так, дескать, будет ехать веселей и дорога покажется короче.

– Та какая разница, – незамедлительно дала согласие Прасковья Петровна. – Дело молодое, усаживайтесь, тай балакайте, кольки душа хоча.

Григорий помог Наде надеть поверх красивой, расшитой цветными нитками, овчинной шубейки большую доху, удобно устроиться в кошевой. Взяв вожжи, сел рядом с ней. Николай Андреевич, дав какие-то указания по хозяйству сыну Андрею, тронулся в путь:

– Ну, с богом.

Следом за ними поехал Григорий.

Пётр, как лазутчик, выполняя отцовскую установку, ехал в кошевой Воронцовых. День был на исходе. Солнышко пряталось за горизонт, и только бордовые полоски, проскальзывающие между стволов огромных сосен и берёз, стоящих вдоль дороги, напоминали о закате.

С каждой минутой сумерки и плотная изморозь захватывали в свои объятия всё живое и неживое. Только колокольчик на дуге, хруст снега, вылетающий из под копыт, да изредка пофыркивание лошади напоминали о впереди идущем вознице. Григорий, хотя и предполагал, что ход событий может развиваться именно так, внутренне оказался совершенно неготов к сложившейся ситуации. Разволновавшись, замкнулся в себе, не зная, как и с чего завести разговор. Лишь изредка спрашивал Надю, удобно ли ей сидеть, не замерзла ли она. Надя в свою очередь так же лаконично отвечала: да, нет.

Ей откровенно нравилось, что серьёзный и воспитанный мужчина не задаёт вопросов. Первой молчание нарушила она.

– Григорий Иванович, Вы увераны, что правильно едим?

Слова, сказанные чисто по-белорусски, искренне его рассмешили. Наверное, это было то мгновение, когда он расслабился и стал самим собой.

– Милая Наденька, – он плотнее прижался к её плечу. – Уверяю вас, я непременно доставлю в срок и в назначенное место. А вообще, будь моя воля, направил бы нашу повозку в сказочные волшебные замки Деда Мороза, усыпанные изумрудами, серебром и золотом, где феи, вроде вас, исполняют любые желания гостей.

– Это правда, что есть такие феи? – искренне переспросила она.

– Истинная правда. Вот послушайте...

За разговорами не заметили, что проехали свиноферму, стоящую на отшибе села. Впереди послышался лай собак. Несмотря на скорое наступление Нового года, большая часть селян относилась к этому празднику равнодушно и давно спала. Лишь в нескольких домах из окон тускло пробивался желтоватый свет горящих ламп. Исключение, пожалуй, составлял дом Широковых, нарядный, ухоженный, с зажжёнными лампами и свечами, да изба Курченки, старшей сестры Нади, с нетерпением ожидавшие приезд желанных гостей.

У ворот в окружении подростков, как дозорный, стоял Иван Васильевич. Услышав лай собак и звон колокольчиков, перекрестился: Ну слава богу, дождались!

Первым из кошевой выбрался Пётр. И словно командиру доложил отцу о выполнении приказа.

– Ну, батя, примай дорогих гостей!

Долго обнимались, говоря любезности друг другу. Особое почтение отец оказал Наде. Он был премного доволен тем, что сын ехал вместе с ней. «Хорошая

примета», – отметил он про себя. После того, как Григорий снял с Нади доху, Иван Васильевич несколько раз обнимался и, нежно целуя её в щеку, приговаривал: «Красавица ты наша, красавица». Затем всей шумной компанией вошли в дом, где их встречала не менее довольная и радостная Анастасия Федоровна, а также Катерина, сестра Нади с мужем. Больше всех рады встрече были сестры Воронцовы. Несмотря на близость деревень, они около года не виделись.

– Катенька!

– Надюша!

Сёстры кинулись в объятия друг дружке.

Иван Васильевич заранее спланировал, как лучше рассадить гостей за столом, с тем, чтобы им было удобно и интересно вести между собой разговоры. Надю он усадил между Григорием и Катериной.

Первый тост хозяин предложил за гостей и приехавшего сына.

Затем произнес тост Григорий.

– Дорогие гости, мама, папа, родные... Народная мудрость гласит, что самое большое богатство, которое имеет человек – это его доброе имя. Мы находимся в стенах дома, где выросло не одно поколение нашего рода, преданное своему Отечеству, не понаслышке знающее и ценящее труд землепашца, горячо любящее не только своих родных и друзей, но и всех, кто шагает рядом по жизни. Я горжусь, что вырос в этом доме и принадлежу к славному роду Широковых. Прошу выпить за наших родителей, наших дедов и прадедов.

– Спасибо, сынок, за добрые слова. Деды и прадеды наши того стоят. Спасибо.

Застолье набирало обороты. Пётр, ударив по струнам балалайки, зычным голосом запел любимые частушки.

Ах ты подгорна, ты подгорна, широкая улица!

По тебе никто не ходит:

Ни петух, ни курица...

В такт балалайке наперебой каждый норовил пропеть куплеты своей частушки. Неведомо, сколько бы продолжался этот частушечный марафон, не порви Петруха струну балалайки. Однако развеселившуюся компания это не огорчило. Тут же Прасковья Петровна, отличавшаяся сильным, приятным голосом, затянула:

Розпрягайтэ, хлопцы, коней,

Тай лягайте спочивать,

А я пиду в сад зелений,

В сад криниченьку копать...

Все дружно подхватили песню. Чтобы поддержать компанию, Григорий взял баян, растянул меха, подстроился под поющих.

Закончив куплет песни, не раздумывая, переключился на плясовую. Вот тут-то и закружилась карусель! В такт музыке каждый норовил переплясать друг друга, выделявая замысловатые кренделя, приседания и притопы.

Надя, выросшая в семье, где всегда пели песни, любили пляски, была не обижена даром музыкального слуха. Изумлённая игрой Григория, она не спускала с него

глаз. А он, понимая, что она за ним наблюдает, старался изо всех сил не ударить в грязь лицом. Наконец обессилевшие плясуны уgomонились.

Григорий медленно заиграл мелодию, которую тут же озвучила компания. И по-лилось...

*Когда б имел златые горы
И реки полные вина...*

Надя, ранее молчавшая, наблюдая за компанией, увлечённая музыкой, вклю-чилась в общий хор. Гриша, изредка поглядывавший на неё, был счастлив и горд.

В разгар веселившейся компании Иван Васильевич, обняв Николая Андрееви-ча, незаметно увёл его с собой в соседнюю комнату. Напрямки, без всякой дипло-матии выпалил:

– Ну что друже, будем родниться?

Для Николай Андреевича этот вопрос не был неожиданностью: Пётр, выполняя наказ отца, всю дорогу, пока они ехали, только об этом и говорил.

– Дорогой Иван Васильевич, мы с Прасковьей почитали бы за большую честь породниться с вами! Лишь бы молодые согласные были.

– Так на то мы родители и есть, чтобы детям втолковать для их же блага... — гнул Широков.

– Что правда то правда, для того и живём, чтобы им было сытно и любо.

– Я, друг мой дорогой, с Гринькой об этом разговор вёл. Буду откровенный, твоя девка дюже приглянулась ему. Дело за вашей стороной, вам решать! — как главную козырную карту выложил Иван Васильевич и добавил — На Рождество сыграем свадьбу и с богом... У Гриши жильё, работа в городе есть, пушай сразу и едут.

Для Николая Андреевича вроде бы и было всё понятно, но так вот сразу он всё переварить не мог...

Далеко за полночь, насытившись угощениями, измучив плясками ноженьки и надорвав горло бесконечным пением частушек и песен, счастливая компания за-собиралась домой.

– Нет-нет! Давайте стремную, на посошок. Мать, Гриня, Пётр, давайте, уго-шайте гостей! — распорядился старший Широков.

Воронцовы, распрощавшись с хозяевами, направились ночевать к старшей до-чери Катерине. На прощание Иван Васильевич и Анастасия Фёдоровна пригласи-ли их к десяти часам на завтрак. Григорий, одевшись, решил проводить их.

– Проводи, проводи, Григорий Иваныч. Проводи, — попросил Николай Андреевич.

Взявшись под ручки, долговязый Александр, муж Катерины, Григорий, Надя и её отец с матерью шумной разгорячённой компанией двинулись к дому Курченковых.

Григория словно магнитом тянуло к Наде. Держа её под руку и прижимая к себе, он был безумно влюблен и счастлив. Жаль, что дом Катерины был рядом с домом Широковых.

Открыв калитку, муж Кати любезно пропустил тёшу с тестем, жену и как бы не-значай захлопнул калитку, оставив наедине Григория с Надей.

Сняв с Нади варежки, Гриша взял её теплые пальцы в свои ладони. Его лицо от волнения стало матовым, хорошо, что было темно и Надя не могла его видеть. Решение созрело мгновенно:

– Надюша, знаете... ведь мы с вами уже в тех далёких, далёких мирах встречались. Только вот наши пути по каким-то необъяснимым причинам разошлись. Вышла досадная нелепая ошибка, её надо исправить. Получается, я вас долго искал и, вот, наконец нашёл!

Он сделал паузу, о чём-то размышляя...

– Надя! Наденька. Прошу вас... Только не смейтесь, пожалуйста. Это очень серьёзно...

Опять сделал паузу, перевёл дыхание. Как на духу выпалил:

– Выходите за меня замуж! Вы мне очень нравитесь, это правда.

– Григорий Иванович... – только и смогла обронить Надя. В её сознании всё перевернулось вверх тормашками. Что угодно она могла услышать, только не это. Непривычные слова, признание ошеломили её разум. Она выдернула ладони из его рук, прошептав:

– Прощевайте!

Мгновенно исчезла за калиткой. Григорий и сам не мог в полной мере оценить свой поступок. Откуда взялась такая прыть и напор? Ему стало до боли неловко и стыдно за эдакую юношескую поспешность, необдуманность. А что делать... Полюбил и всё!

– В общем, что будет, то будет – успокоил он себя, – через несколько дней уеду... значит, не судьба.

Надя заскочила в дом, не помня себя. Хорошо, что в прихожей стекло лампы было закопчённым – никто не заметил её взволнованного и бледного лица.

– Мама, – обратилась Катерина, – пушай тятя с Сашей спят в горнице, а мы с Надей в спальне. Вам я постелю здесь, в прихожей.

– Хорошо, донечка, – согласилась Прасковья Петровна.

Уложив спать родителей и мужа, Катя плюхнулась на перину в постель к Наде.

– Господи, ты вся дрожишь... что с тобой?

– Катюш!

Надя обняла сестру, как бывало в детстве, когда они по ночам, обнявшись, долго шептались, спрятавшись с головами под тёплое разноцветное лоскутное одеяло.

– Подожди, Катя, маленько, подожди, сейчас всё расскажу...

Она ещё плотнее прижалась к Кате. Помолчав немного, вздохнула.

– Ты знаешь, – начала она шёпотом, – Григорий Иванович сейчас мне сделал предложение.

– Какое? – удивилась Катя.

– Попросил меня выйти за него замуж.

– Так прямо и сказал? – не то радуясь, не то пугаясь, переспросила сестра.

– Катя, слово в слово так и сказал.

– Это как же так, батюшки? – прошептала Катя, – Знамо-незнамо сразу в жены? Вона как в жизни бывает, – продолжала удивляться она, – а ты-то что? как?

— А что я? Ушам своим поверить не могу! Взаправду это было, аль как? Так ласково и нежно сказал: вы мне очень нравитесь. Ну прямо как новогодняя волшебная сказка.

— А может вот так богу угодно — вашу с ним судьбу порешить одним разом? — размышляла возбужденная Катя, — ничего не скажешь, мужик-то он видный, лицом приятный. И грамотный, сказывают, в городе большим строительным начальником работает. А уж, паршивец, как на баяне-то играет, душу наизнанку выворачивает! За такого какая девка не пойдёт? Только вот так сразу.. уразуметь не могу. Непривычные мы с наскоку решать. Уж больно боязно, совсем чужой человек и на тебе: муж, объелся груш!

— Тебе-то он глянется? — продолжала сестра.

— Если взаправду, нравится. Он такой вежливый, красивый и очень интересный. Мы когда ехали с ним в кошевой, так он столько мне смешного и интересного рассказывал. Я за всю жизнь ничего подобного не слыхивала.

— А что, он женат был? — неожиданно перебила сестру Катя.

— Говорит, что нет, — как-то неуверенно ответила Надя.

— Ну да, пошто ему врать? Родители всё равно всё знают, — уверенно заключила Катя.

... Ты знаешь, Надюш, — продолжала она, — ежели и взаправду он полюбил тебя, как говорят с первого взгляда, значит, судьба и супротив её иттить негоже. Господь, выходит, вам так уготовил. По правде сказать, кто из баб не мечтает пожить городской жизнью? Эвон, рассказывают, и печь тебе топить не надо, и вода всякая дома, а уж в магазинах полки трещат, были бы деньги... Да где их у нас заработать? Копаешься изо дня в день в навозе за несчастный трудодень — с горечью и обречённостью закончила Катерина.

— А коли улыбнулась удача, грех отворачиваться. Надь, давай спать, уж язык не ворочается и зенки слипаются. Утром договорим.

Надя ещё долго не могла заснуть. Она не могла разобраться в своих чувствах: всё перемешалось. С одной стороны, ей нравился Никита. Это по сути было её первое увлечение, первая влюблённость. С другой — этот незнакомый мужчина, чужой, свалившийся нежданно-негаданно на её совсем юную голову.. Но, что странно, — она боялась себе в этом признаться — этот незнакомый и чужой человек неведомыми тропками проник в её сердце и ум. Она была без ума от его обходительности, восхищалась игрой на баяне и его внешним видом. Это был мужчина, каких она никогда не видела.

У этих двух мужчин не было ничего общего. Даже по фигуре они были разительно непохожи. Никита большой, угловатый, добрый. А этот не дюже высокий, подтянутый, непонятный и в то же время очень веселый и шутливый. Даже за этот короткий отрезок их знакомства она поняла, насколько с ним интересно и необыкновенно хорошо. Душой она была с Никитой, и в то же время, как цветок тянется к солнцу, тянулась к Григорию. Измучив душу, так и не разобравшись в своих чувствах, Надя незаметно уснула. Всю ночь она уезжала в совершенно незнакомый

ей город. Несколько раз просила Никиту поехать с ней. Затем возвращалась на ферму к своим бурёнкам, телятам. Потом они с Гришей на тройке белых лошадей, запряжённых в серебристые санки, мчались по снежным просторам к хрустально-ледяным волшебным замкам.

Проснулась Надя от прикосновения чьей-то руки, поглаживающей её волосы. Открыв глаза, увидела стоящую мать. Улыбнулась ей.

- Вставай донечка.
- А где Катя?
- Так на ферму уже ж давно убёгла.

Мать присела на кровать. Надя, выбравшись из-под одеяла и облокотясь на подушку, прильнула к ней. Они долго, обнявшись, молчали. Мать, не ведая о вчерашнем признании Григория, мучилась, не зная, с какой стороны подойти с разговорами к дочери...

Утром, когда зять с Катериной убежали ранёхонько на работу. Николай Андреевич поведал ей о вечернем разговоре с Иваном Васильевичем. Да, собственно, и до этого разговора стало всё понятно, когда по дороге Пётр рассказал о намерении Григория и желании родителей.

Первой робко заговорила Надя:

- Мамо, вы знаете...

Она сделала паузу.

– Мамо... – набравшись духу, начала дочь, – увячора Григорий Иванович сделал мне предложение выйти за него замуж.

Слова дочери словно спасительный круг были нужны в эти минуты Прасковье Петровне, не знавшей как завести об этом разговор.

- Доченька моя! – она крепче обняла свою младшенькую, – Кровиночка моя...

У неё выступили слезы. Надя, тронутая материнским теплом и лаской, также пустила слезинки. Немного успокоившись, вытирая ладонью от мокроты свои щёки, продолжала:

– Выросла ты у нас... Чай, и твоё времечко пришло покидать родительское гнёздышко. Такая уж наша бабья долюшка. Человек-то он по нашим понятиям надёжный, а што мало знакомы, так пообвыкнетесь и всё будя хорошо. Оно в жизни часто бывает, хоть и быстро да верно, упустишь своё счастье – потом не поймаешь... Я тебе как-то сказывала, мы с твоим тятей тоже, почитай, не миловались. А дал бог столько годков вместе, та в согласии прожили, вот и вас нарожали, подняли на ноги не хуже людей... Мужчина он видный, хотя и постарше тебя, так это и к лучшему – глупостей мало ли каких проделывать не будет. И похоже, что ты больно приглянулась ему, раз так сразу убиваться стал по тебе. И родова ихняя не голодраная, самостоятельная. Ты-то як думаешь, донюшка?

- Боюсь я, мамо. Неведомо мне всё и страшно.
- А глянется тебе он?
- Глянется, он такой добрый и дуже внимательный. Только как же без вас я жить буду на чужбинушке, мамо?

Они крепче прижались друг к другу, давая волю слезам.

Долго бы наверно ещё продолжалось изливание сокровенных мыслей дочери и матери, не приди отец.

Управившись по хозяйству вместо ушедшего на работу зятя, Николай Андреевич, гонимый желанием узнать результат разговора матери с дочерью заспешил в дом. Зайдя в горницу и увидев обнявшихся, плачущих женщин, сердито обронил:

– Прасковья, иттить надобно, Широковы аккурат заждались. Отзавтракам, та в дорогу. Андрейка, пожалуй, там один запурхался. Хватит вам мокроту разводить, пора иттить.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 5

КРУТОЙ ПОВОРОТ СУДЬБЫ

Широковы уже давно прибрались в доме после ночной гулянки и с нетерпением ждали гостей. Больше всех волновался Григорий, переживая за вчерашнюю поспешность. И, тем не менее, ему не терпелось именно сегодня решить судьбу свою и Нади. Словно бес в него вселился. В сенцах скрипнула входная дверь, слышалось топанье ног. «Сегодня или никогда», – твёрдо решил он и пошёл встречать желанных гостей. С дымкой холодного воздуха в дом степенно вошёл Николай Андреевич, за ним гуськом – мать с дочерью. После рукопожатия и объятий Анастасия Федоровна повела женщин в горницу раздеваться и прихорашиваться. Подошёл Петр с женой Валентиной. За столом сели таким же порядком, как и вечером. Иван Васильевич встал и, поглаживая свою короткую бородку, начал было говорить тост...

Неожиданно поднялся Григорий, Иван Васильевич замаялся.

– Пап, извини, дозволю мне сказать.

– Так что ж тут такого, сказывай коли жаланье есть.

От волнения Григорий сделал длинную паузу, несколько раз кашлянул, наконец, взяв себя в руки, спокойно обратился к родителям Нади.

– Уважаемые Николай Андреевич, Прасковья Петровна, дорогая Наденька... – он опять сделал паузу. За столом воцарилась шемпящая душу тишина.

– Одним словом, я прошу в жёны вашу дочь. А вас, Наденька... – он взял её за локоток, – прошу стать моей женой.

Сидящие за столом опешили. Первым опомнился Николай Андреевич:

– Глубокоуважаемый Григорий Иванович, – начал он, – мы почитаем за честь породниться с вами и иметь такого зятя и готовы с матерью дать наше согласие. А вот як дочь, не знаю...

– Наденька... – Григорий взял её за руку.

Она встала, опустив голову.

– Я вас очень прошу поверить в мою искренность и связать свою судьбу с моей. Прошу вашей руки и быть моей женой.

Опять воцарилась, казалось, невыносимо долгая тишина. Сидящие за столом, словно замороженные, смотрели на Надю. Уж на что отец Григория был решителен и горяч в делах, и тот был удивлён напористостью сына.

Надя, держа руку в ладони Григория, слегка понутив голову, молчала. Её воля и тело было пронизано какой-то неведомой силой. Мысли беспорядочно плясали, а язык и губы будто от сильного мороза были скованы.

– Милая Надя, я прошу вашей руки, – прервал тишину Григорий. Она встрепнулась, словно от длительного сна. Подняла голову. Их взгляды встретились, но

он ничего не мог прочесть в её глазах. Видел лишь длинные мохнатые ресницы и голубизну бездонного неба в её глазах.

— Я согласна, — опустив глаза, тихо сказала она...

... Вот так просто свела судьба-судьбинушка Димкиных родителей.

Ближайшие родственники, собравшись на рождество у Широковых, скромно отгуляли свадьбу и, благословив молодых, проводили их в дальнюю дорогу жизни.

Приезд Григория с женой в Читу был настоящим громом среди ясного зимнего неба в кругу друзей и сослуживцев. Никто из них не сомневался, что дружба Григория с Верой непременно закончится браком, хотя Григорий и Вера каких-либо обязательств на этот счёт друг перед другом не брали. Вместе с тем, их объединяла на протяжении нескольких лет совместная работа и тёплые дружеские, если не сказать любовные отношения. Поэтому Григорий испытывал чувство вины и угрызения совести перед девушкой. Буквально в первые же дни по приезду он стал искать удобный момент, чтобы объясниться с ней. Вечером после окончания производственной планёрки он подошёл к Вере и попросил её зайти в прорабскую.

— Поговорить надо.

Вера, презрительно взглянув, промолчала.

— Пожалуйста, очень прошу тебя — не дожидаясь ответа, попросил её Григорий.

Казалось, ещё вчера эти два любящих человека не могли жить друг без друга. Сегодня, встретившись, не знали, что сказать друг другу. Впрочем, знали. Но это уже были слова, носившие совершенно другой оттенок и смысл в жизни каждого.

— Вера, прости меня.

Наверное, это были единственные осмысленные слова Григория. Потом он поплёл о том, какая она красивая, добрая, лучшая на свете. Что обязательно найдёт себе достойного человека. И наконец, выпустив из себя пар, сказал нечто вразумительное:

— Вера, прости. Я, наверное, правда раньше никого по-настоящему не любил. Мне только казалось, что я люблю. И вот, наконец, встретил её, единственную, честное слово, эта девушка...

— Спасибо, Гриша, не ожидала услышать такую трогательную, проникновенную речь. Желаю счастья.

Резко встав, Вера покинула кабинет.

Вот так просто закончился их любовный роман. Григорий, конечно, не мог предположить, что женщина, к которой он по-прежнему относился с нежностью и уважением, окажется способна впоследствии на самые низкие и жестокие поступки.

Сделав несколько пометок в своей рабочей тетради относительно завтрашнего трудового дня, Широков, гонимый огромным желанием встречи с Надей, поспешил домой. Они жили в деревянном двухэтажном бараке, квартира состояла из маленькой кухоньки и большой, высокой, светлой комнаты. Наде их жилище очень нравилось. Правда, за несколько дней супружеской жизни она сделала в нём революционные преобразования, начиная от оконных занавесок до коврика у

порога. В результате запущенная берлога холостяка превратилась в уютное гнёздышко. Гриша, придя домой, обомлел от увиденного.

– Вот это да! Ну и мастерица! Ай да кудесница, – восхищался он, прохаживаясь по комнате. – Ай да жёнушка!

А она стояла, словно замороженная, и была необыкновенно счастлива от этих простых и тёплых слов мужа.

– Радость моя, – он нежно обнял жену, целуя её теплые губы, нос, глаза.

– Гришенька, любимый...

Их чувства воссоединились в единое желание: любить, любить...

Казалось, весь мир – это они, только они. Он расстегнул пуговицы блузки. Жадно целуя её упругие груди, взял на руки.

– Гриша, Гришенька, – освобождаясь от его поцелуев, шептала Надя. – Закрой дверь на крючок, открыта же! Люди могут зайти...

Оторвавшись от Нади, он закрыл дверь и тут же увлек её в свои объятия. Слившись в едином порыве душой и телом, они испытывали вместе, и каждый в отдельности, счастливое мгновение.

– Любимая, – шептал он, целуя прелести её крепкого, нежного тела.

– Гришенька, Гришенька, любимый мой, – шептала она, поглаживая и целуя его. Они ещё долго лежали, наслаждаясь друг другом, близостью и неповторимым чувством, пока Григорий в шутку или всерьёз не высказал жене упрёк.

– Может я, жёнушка, заработал повечереть, а?

– Ой, Гришенька, голубь мой. Я ж у миг!

Григорий был одним из молодых коммунистов строительного треста и руководил подразделением, которое выполняло большой объём строительных работ на территории области.

На данный момент Широков вёл строительство трёх объектов, одним из которых была школа. С неё ещё вчера он запланировал начать свой рабочий день.

– Борис, – обратился он к бригадиру, – почему затягиваешь график бетонных работ? Опалубку сгородили из каких-то гнилушек, очень сомневаюсь, что она выдержит нагрузку.

– Григорий Иванович, послушайте...

– Не надо мне твоих размалёванных объяснений! – оборвал он бригадира. – Говори по существу.

– Хорошо. Малахов прогулял три дня, это сказалось на бригаде, сами понимаете, лишних рук нет, – оправдывался бригадир, – его доля легла на плечи других, а сегодня я его совсем отстранил от работы. Пускай идёт на все четыре стороны и пьёт, сколько влезет.

– Почему пьёт?

– Кто ж его знает... с бабой что-то не ладится.

– Хорошо бригадир! Работать надо с людьми, а не гнать. У тебя есть равноценная замена Малахову? Молчишь? У меня тоже нет! Ты поговори с человеком, влезь в

его шуру. Помоги, а не швыряйся людьми. Ясно? Что с арматурой, когда закончишь сварочные работы?

– Завтра к обеду управимся.

– Проверь ещё раз опалубку.

– Доски нужны. И куба полтора бруса понадобится.

– Заказывай. Какие ещё нерешённые вопросы есть?

– Да, вроде, всё...

– Ну, раз нет, давай за дело. И отставание от графика чтобы на этой неделе ликвидировали, не дожидайся повторного разговора!

– Постараемся, Григорий Иванович.

– Да уж, будь любезен, уважь прораба, – с ехидцей заключил Григорий, – пока! Через два дня буду на объекте... Да! – обратился он к бригадиру, – в каком общезжитии живет Малахов?

– В третьем.

– Хорошо.

Походив ещё по стройке и перебросившись с рабочими, которых знал почти каждого в лицо и по имени, направился в общежитие.

Григорий знал Малахова как хорошего работника и непростой судьбы человека. Немного застенчивый и мрачноватый, он вырос где-то на Дальнем Востоке без родителей у бабушки и в детском доме. После окончания «фазанки» работал на востоке бетонщиком, затем по неизвестным причинам он приехал в Сибирь и вот уже около четырёх лет работал в разных бригадах треста. Зайдя в общежитие, Григорий уточнил у коменданта, в какой комнате проживает Малахов.

– Вон, в четырнадцатой. Который день как медведь, не вылезает из берлоги, – протараторила она.

Широков постучал в дверь.

– Входи, не заперто, – донесся хриплый голос с противоположной стороны.

Войдя в комнату, Григорий увидел лежащего на койке Малахова, мозолившего глазами потолок. Увидев Широкова, вскочил, растерявшимся, извиняющим голосом выдал:

– Здравствуйте.

– Здравствуй, здравствуй! – Григорий подал ему руку. – Хорошо живёшь, Кирилл Захарович, – обратился он по имени-отчеству к Малахову. Может, чайком угостишь, аль покрепче чем-нибудь?

– Можно чайком и, коль надо, покрепче отышем, – ответил пришедший в себя хозяин, – не ожидал, Григорий Иванович, вот так, средь бела дня увидеть...

– А что тут неожиданного? – подыгрывал Широков. – Дай, думаю, зайду, составлю компанию. Одному поди скучновато круглые сутки пить и валяться, зная, что бригада пуп рвёт. Похвальное занятие для великовозрастного дяди.

– Не надо так, Григорий Иванович.

– Подскажи, как надо. Ты постарше, поопытнее, тебе многое дозволено, – напирал Широков.

– Всё гораздо сложнее, никакого запоя не было. И вы прекрасно знаете, что не запойный я.

– Почему прогуливаешь?

– Вышло так, обстоятельства сложились.

– Ну знаешь, если каждый начнёт жить только по обстоятельствам, не давая отчёта своим поступкам и эмоциям, наша жизнь превратится в сплошную анархию.

– Виноват, конечно, я виноват, – упавшим голосом согласился Малахов.

– С этого и надо начинать, Кирилл Захарович. Вот так, как перед зеркалом, лицом к лицу, глаза в глаза, спросить по полной программе, как мужик мужика. А затем уж пенять на других и сложившиеся обстоятельства.

– Ну, что мне делать теперь? Если откровенно, из бригады Шевелёва уходить не хочу, ребята хорошие. Да и бугор вообще мужик нормальный. Как быть-то?

– А вот так, по-людски! Сам только что сказал, что в бригаде нормальные мужики, вот и объясни им по-мужички. А если и себя мужиком считаешь, то и покайся перед ними, потому как виноват. И нечего лежать на кровати, потолок глазами сверлить, когда дел через край!

– Спасибо Григорий Иванович, не подведу.

– Вот так-то, пожалуй, лучше будет, – согласился Широков. – Так что же за обстоятельства такие произошли? – не удержался от любопытства Григорий.

– Да бабу, дурак, сдуру приревновал. Я ведь жениться собрался!

– Ну это дело житейское, поправимое, – успокоил его Григорий, – так я надеюсь на тебя, Малахов. Пойду, дел много, и тебе засиживаться ни к чему.

– Я мигом, Григорий Иванович.

Выйдя из общежития, Широков решил вернуться на объект.

– Слушай, Борис! – обратился он к бригадиру. – Вы тут постарайтесь выслушать Малахова.

– Хорошо, Григорий Иванович.

– Да поддайте ему как следует! Всё не так просто, как порой нам кажется, – посоветовал он бригадиру на прощание. – Ладно, я пошёл. Ты с графиком смотри! Чтоб через два дня вписался.

– Впишемся, не переживайте.

– Ну-ну.

И тут же заспешил на строительство моста.

Закончив трудовой день, Григорий получил зарплату. Настроение было приподнятое и оттого, что завтра наконец за многие недели работы будет полноценный выходной день. Ещё он по-настоящему ощутил, что пришла весна. На дворе был конец марта. Улицы давно освободились от слякоти и кое-где на солнцепёке пробивалась первая зелёнькая травка – предвестница предстоящего тепла и лета.

Надя с нетерпением ждала мужа. Ещё вчера весь вечер она варила свиные ножки, купленные на рынке, чтобы приготовить холодец. Они давно собирались пригласить друзей в гости, «повячерать», как выразилась Надя.

И вот, похоже, наступил этот день. Утром она ещё раз попросила мужа чтобы он предупредил их быть без опозданий к восьми вечера.

Все приготовления, необходимые к приёму гостей, были завершены, и лишь волнение не покидало Надю. Она переживала, даже боялась, не зная, как себя вести среди городских друзей, хотя со всеми уже была знакома. Боялась того, что приготовленная ею пища также может не понравиться гостям.

Разглядывая себя в зеркало, она подумала, что одета неряшливо и волосы как-то прибраны сикось-накось, да и сервировка стола какая-то аляпистая... Она то и дело переставляла тарелки на столе, глядя в зеркало, поправляла юбку, кофту, волосы.

— Где же Гриша? — волновалась она. — Время восьмой час, где его носит?

Она ждала его как спасительную соломинку. Он-то точно скажет, что хорошо, что плохо. Ещё можно будет многое поправить.

— Господи, ну где же он есть? — она подошла к окну, из которого хорошо было видно скверик и улицу, по которой Григорий возвращался домой. Постояв, безнадежно пошла к столу. Тут же открылась дверь, и на пороге собственной персоной появился муж.

— Гриша, — облегчённо вздохнув, бросилась ему навстречу.

Он чмокнул её несколько раз в губки и щёчку.

— Где ты был? Вся извелась, — упрекнула она мужа.

Григорий, не раздеваясь, заглянул в комнату.

— Вот это да! — восхитился он увиденным. — Королевский стол! Умница ты моя.

Он ещё несколько раз поцеловал разволнованную жену.

— А вот тебе вознаграждение за ударный коммунистический труд!

Он достал пачку денег.

— Зарплату получил, завтра пойдём тебе весенние обновки покупать.

Растроганная вниманием и теплотой мужа, она прильнула к его щеке.

— Ой, какой колючий, иди, скорее, мойся и щетину убери! Гости вот-вот придут.

Пока Григорий приводил себя в порядок, она ещё раз прошлась по комнате. Поправила покрывало, подушки. Посмотрелась в зеркало.

— Гриш, попробуй холодец, — она подала ему полную ложку холодца, и стала наблюдать, как он жуёт.

Проглотив холодец, он неожиданно сделал горькую гримасу, застонал: Ой, ой!

— Гриша, Гриша, — пролепетала насмерть перепуганная Надя.

— Ой, ой, ой какой вкусный, мировой холодец! Отродясь такой не ел.

— Да ну тебя. — Она хлопнула мужа по спине. — Перепугал до смерти.

— Хозяюшка ты моя, умелица-разумелица, — обнимая и кружа по комнате, успокаивал он жену.

Раздался стук, не дожидаясь разрешения, в дверь не вошли, а ввалились два зловонных бугая:

— Мы думаем, хозяева ждут гостей, а они милуются!

Надя, немного засмушавшись, тут же взяла себя в руки:

– Проходите, дорогие гости.
– Постой, Иван, не лезь поперёд батьки... Первый поцелуй мой! Ты ещё мал. Учись, как с девушками надо деликатно обращаться.

Степан, слегка обняв Надю, три раза поцеловал её розовые щечки.

– Вот, а теперь ты. Ежели, конечно, Наденька тебе позволит.

– В отличие от такого хама, как ты, Степа, я воспитан и обучен манерам поведения с раннего детства.

– А ты, Ваня, случайно не знаком с Джоном Локком?

– О, Стёпа. О чём ты говоришь? Это мой лучший друг и учитель!

– Тогда каюсь, Ваня. Я был неправ, – язвил Степан.

– Вот так-то оно лучше! А то, видите ли, возомнил себя знатоком манерных этикетов! Наденька, позвольте.

Иван попросил её руку, затем манерно припал к ней губами, выпрямившись, поцеловал в щёчку, растрогав и смутив тем самым Надю. При этом добавил:

– Учитесь, друг мой, настоящим манерам.

Все дружно расхохотались.

– Ладно, манерщики. Хватит дурачиться, раздевайтесь и проходите, – распорядился хозяин.

– Этой команде мы всегда готовы подчиняться.

Не успели «джентльмены» раздеться, как раздался стук в дверь. Пришла молодая семейная пара, Наташа с Виктором. Помогая раздеться Наташе, Иван выговаривал Виктору.

– Что ты, сукин сын, сделал с девкой, а? Нет вы только посмотрите! Он взял Наталью за руку поворачивая влево, вправо. Вот злодей так злодей, – допекал он Виктора.

– Ничего, через пару месяцев родит и опять будет как дюймовочка, ещё краше, – с гордостью парировал Виктор.

– Ну ладно гости дорогие, – перебил их Григорий. Все в сборе, давайте садиться за стол!

Бразды правления и роль тамады за столом захватил Степан.

– Вот что, уважаемые, – начал он. – Поскольку я тут аксакал по возрасту, я и буду командовать парадом, так учил мой дед.

– Ты и вторую дедовскую заповедь напомни, – куснул его Иван.

– Напомню, не переживай. Первое, чтобы шпингалеты, вроде тебя, не перебивали старших, иначе будут наказаны. И второе – это куда серьезнее! – мне ещё придётся отвечать за каждого из вас.

– Вот это уже ближе к дедовскому учению, – уточнил Иван. – Имеешь права, имей и обязанность.

Все дружно засмеялись.

– Ну ладно побрехали и будя...

Став серьёзным, Степан произнёс тост:

– Дорогая Надюша, несмотря на то, что ты лишила нас лучшего друга, мы не в обиде. Потому как он нашёл настоящее сокровище, которое упорно искал многие годы. Мы родились в счастливое время, страна строит новую жизнь. Я желаю, чтобы в этой жизни вы с Гришей заняли достойное место! Предлагаю выпить за счастье и процветание вашей семьи!

Подняв ещё несколько тостов и заставив молодых целоваться под зычное «горько», мужики заговорили о работе, затем начали пытаться Григория, как он сумел так быстро охмурить Надю.

Переключившись на сельскую тему, захмелевший Иван начал допытываться у Гриши, как живут люди на селе. Как и Гриша, он вырос в сельской местности на Орловщине, но в силу сложившихся обстоятельств давно не был в родных краях и только изредка получая письма от близких родственников, кое-что узнавал о сегодняшней крестьянской жизни.

– Говоришь как живут? – ответил вопросом на вопрос Григорий. – Хреново живут, Ваня, если не сказать хуже. Мы, горожане, словно в другом государстве живём, – продолжал он.

– Это как так?

– А вот так!

– Ну, это ты, Гриш, что-то не то городишь, – оживились мужики.

В разговор включился Виктор.

– Конечно, – начал он, – после постановления ЦК ВКП (б) 1930 года «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» были серьёзные перегибы, даже крестьянские выступления. Но мы хорошо помним статью товарища Сталина в газете «Правда» 2 марта 1930 года «Головокружение от успехов», в которой он конкретно указал на допущенные ошибки местных руководителей.

– Гриша, мужики...

Словно на каком-то партийном форуме с трибуны Виктор начал цитировать одну газетную фразу за другой:

– Вы не хуже меня знаете, что правительством был утверждён устав сельскохозяйственной артели, в котором указывалось, что наряду с «обобществлением» основных средств производства в единоличном пользовании колхозников сохранялись приусадебные земли, мелкий инвентарь, домашний скот, птица.

– Дорогой мой друг, спустись на землю! – возразил резко Григорий. – Ты забыл, что за этими решениями последовал страшный голод 1932-1933 года.

– Постой, постой Гриша, – напирал Виктор, к которому присоединился Степан. – А как же шаги правительства о расширении личных подсобных хозяйств?

– А никак! – Григорий вспомнил откровенный разговор с братом Петром, когда они ехали домой из Канска и беспокойство отца. Их суждения сводились к одному: загубили село, ободрали бедного крестьянина, как липку.

– Как это никак? Ты поясни, – настаивал Степан.

– Хорошо, поясню. Политотделы при МТС в 1934 году были созданы?

– Были!

Ну и что в этом плохого? – возразили друзья. – Они завершили лишь чистку деревни от «классового чуждых элементов».

– Нет, дорогие мои, Витенька и Стёпушка. Вы глубоко ошибаетесь! Не чистку они завершили. Они добились последних трудяг-крестьян, на которых ещё как-то держалась деревня.

– Ну, Гриш, похоже спьяну ты перепутал божий дар с яичницей, – не унимался Виктор. – Не надо делать мешанину. Трудяга-крестьянин – это наш советский гражданин, а кулак – это наш враг.

– А я не путаю нашего гражданина с врагом, а говорю о перехлёстах.

– По твоему партия делает перехлест? – возмутился Степан.

– Я говорю о конкретных фактах, Степа. Давай ещё раз посмотрим, чем завершилась на сегодня коллективизация.

– Давай посмотрим, Гриша.

– Ответ прост, правительство повысило ставки сельхозналога с единоличников, и это факт. На пятьдесят процентов увеличились нормы обязательных поставок государству.

В спор вмешались женщины.

– Витя, Гриша, Стёп, хватит вам! Давайте лучше выпьем, – предложила Наташа.

– Вы вот у неё лучше спросите, – кипятился Григорий, указывая на жену, – как живётся нашему селу. От зори до зари мантулила на ферме за трудовень.

Опять вмешалась Наташа.

– Замечательно. У нас есть прекрасный повод выпить. Предлагаю тост. В лице Нади выпить за прекрасный неразделимый союз рабочего класса и крестьянства!

– Ура, ура!!! – оживились мужики, так неожиданно прервав горячий спор.

Потом они ещё долго до поздней ночи спорили о разных пустяках и серьёзных вещах, пели песни. Наперебой предлагали Виктору и Наталье, каким именем лучше назвать их будущую девочку или мальчика. Правда, прощаясь, Виктор ненароком заметил Грише, что он не совсем правильно понимает политику партии и лично Иосифа Виссарионовича в вопросах коллективизации сельского хозяйства...

Проводив гостей далеко за полночь, Григорий с Надей в обнимку возвращались домой. Он её несколько раз останавливал, без устали целуя, говорил комплименты, восхищался, какая она у него замечательная жена и самая красивая женщина в мире. Надя, слегка захмелевшая от вина, поцелуев мужа и слов, была необыкновенно горда и счастлива, что у неё такой муж, замечательные друзья, что гостям понравилось её угощение, и вообще было очень весело и хорошо. Ей казалось, что это счастье, и они с Гришей будут вечными. К тому же золотистая луна, зиявшая высоко в небе, охраняя людской покой и сон, словно родная матушка, как будто шептала ей: «Будь счастлива доченька».

Вернувшись домой. Широковы, обнявшись, слились с тишиной ночи, став крохотной частицей таинственного ночного мира.

В Забайкалье пришла настоящая весна. С раннего утра солнечные лучи, проникнув в окна квартиры, согревали её обитателей теплом и лаской. Надя, привыкшая с раннего детства к физическому труду, никак не могла привыкнуть к изнеженной городской жизни. Её всё больше и больше одолевали мысли пойти работать. Она несколько раз намекала Григорию о своём намерении, но муж делал вид, что не понимает намёков, уклонялся от разговора. Правда, её постоянно мучила мысль: куда она может пойти работать? Специальности нет, грамоте не обучена. Разве что куда-нибудь устроится мыть полы, но если откровенно, этот вариант ей не очень нравился. Втайне от Гриши она мечтала обучиться какой-нибудь строительной профессии, ну, например, маляра или штукатура, ведь дома и на ферме постоянно белила. Конечно, она отдавала себе отчёт, что на строительстве объектов объёмы работ и качество требуют профессиональных навыков, которых у неё нет. Опять же, рассуждала она, что я какая-то уродина, не смогу научиться?

– Завтра у Гриши выходной, он обещал мне показать какую-то сопку любви, там я его и попробую уговорить, – решила она.

Утром, немного понежившись, Надя напомнила мужу о его обещании.

– Хорошо, радость моя. Давай, сходи в магазин, купи что-нибудь поесть. Мы ведь там целый день проведём, а я ещё немного подремлю.

Он чмокнул её в щёчку и отвернувшись к стенке, натянул одеяло на голову.

Давая возможность мужу как можно дольше поспать, она не спеша оделась и медленно пошла в магазин.

Вернувшись домой и увидев дрыхнувшего супруга, взяла кастрюлю и начала в неё барабанить, приговаривая.

– Соня, сонечка, вставай, свою жонку обнимай...

Григорий не реагировал. Надя подошла к кровати и ещё пуше стала настучивать ложкой в дно кастрюли. Гришка пулей вылетел из-под одеяла, выхватил у неё кастрюлю и, напялив на голову, стал, кривляясь, выделять всевозможные кренделя, бегая вокруг Нади. Она, глядя на дурачащегося мужа, вздохом хохотала, повторяя: «Вот ненормальный, вот дурачок!»

Гришка неожиданно снял с себя кастрюлю и, надев на Надю, стал её безумно целовать.

– Гриша, Гриша, – вырываясь кричала Надя, – Сумасшедший!

– Да, я сумасшедший.

Он взял её за руки и подвёл к зеркалу.

– Смотри, смотри на кого ты похожа!

– На кого?

– Вылитая царица Тамара и корона вполне соответствует.

– Какая ещё Тамара? – возмутилась она.

– Была такая в древности самая красивая женщина, грузинская царица. Ты – вылитая её копия.

Она сняла кастрюлю:

– Гриш, ну хватит. Посмотри, сколько времени. Поехали на твою сопку любви, а то нам места не останется.

- Так я о чём и кажу, поихолы,— перефразировал он жену. — Тольки може ты мэни накормишь?
- А тебя есть за что кормить? — она лукаво улыбнулась.
- Ты на что намекаешь?
- На то и намекаю.
- Ну, девка держись!
- Он заграбастал её в охапку.
- Ну, держись...
- Гринька. Дурачок. С ума сошёл. Сошёл, сошёл...

Сопка любви, как её называли читинцы, находилась на окраине города в противоположной стороне от их дома. Поэтому влюблённым пришлось добираться на перекладных, затем вдоль железной дороги по шпалам идти пешком. Сойдя с железнодорожной насыпи, они вышли на тропу, которая, вихляя, вела в гору.

– Давай руку, сейчас здесь очень круто будет.

Он взял её за руку и как на буксире помог забраться на крутой пригорок.

Здесь у подножья заканчивалась голая плешина горы, и тропа резко поворачивала влево вверх, где виднелся мелкий сосняк и кустарник. Войдя в него, Надя не могла скрыть восхищения от увиденного.

Пространство между молодыми зелеными сосенками сплошь было заполнено алым цветом, а воздух насыщен божественным ароматом, которого она отродясь не знала. Всё здесь благоухало красотой и жизненной силой.

– Гриша, это же сказка!

– Так багульник цветёт, Надя.

– Боже ж мой, какая красота! — восхищалась она, — а я думала, краше наших тараевских мест нет.

– Выходит, что напрасно так думала. Везде есть необыкновенно красивые места. Природа-матушка много чего нам хорошего понастроила, вот только беречь мы это не научились. Старожилы рассказывают, что несколько лет назад здесь пожар был — кто-то костёр не загасил.

Она сорвала с куста несколько розовых цветочков и, положив на ладонь, долго вдыхала их аромат.

– Пойдем, заберёмся на самую вершину, — предложил Григорий, — оттуда очень хорошо виден город.

Надя пристально посмотрела на мужа.

– Что, Надюша, что-то не так?

Она сделала паузу, а затем вполне серьёзно спросила.

– Ты кого-то сюда водил?

– Да. А ты что, ревнуешь?

– Ревную. Давай признавайся.

Григорий засмеялся.

– Ты не смейся. Признавайся, признавайся.

– Знаешь, мы года два назад здесь с Иваном и Степкой были.

Он взял её за руки и, чтобы окончательно развеять подозрение жены, подчёркнуто заметил:

– А если бы с кем и был, к нам это никакого отношения не имеет. Я тебя очень, очень люблю.

Он долго и нежно целовал жену, доказывая правоту своих слов.

– Гринь давай вот здесь посидим. Как здорово! Смотри, какая красотища!

С вершины сопки открывалась широкая панорама города, но больше всего очаровывала долина, по которой катила свои воды красавица Ингода. В нескольких причудливых её изгибах зияли небольшие серебристые плёсы похожие на зеркала, в которых зайчиками играли солнечные лучи. Сама огромная долина, усыпанная разнотравьем, красками цветов и мелким кустарником, напоминала яркий сказочный ковер.

– Ты знаешь, я, где-то читал, что какой-то великий музыкант для лучшего возбуждения фантазии имел привычку играть на рояле, восхищаясь величием и неопишуемой красотой природы...

– Что прямо на природе играл?

– Выходит, что так. Надюш, смотри, какие причудливые облака. На фоне голубого неба как лебеди плывут. Вон, вон, смотри.

– Правда, на лебедей похожи.

– Мне кажется, что в такие минуты себя по-настоящему ощущаешь единой неделимой частицей сотворённого мира.

– Мне трудно это объяснить, – призналась Надя. – Но на душе, правда, очень хорошо. Просто слов нет.

– Наверно прав был тот музыкант. Глядя на эту красоту, испытываешь в себе неведомые возвышенные чувства.

Они ещё долго бродили, наслаждаясь благоуханием весны и собственной свободой. Сидя у костерка, пили чай и пели любимые Надины песни, вспоминая родные места и своих близких.

Видя исключительно благоприятное расположение духа мужа, Надя в очередной раз завела разговор о своей работе.

– Гришь, ты не сердись, видишь как нам хорошо целый день вместе. Вот так бы на работе были вместе. Ну что я сиднем сижу, маюсь? Устрой меня учеником в бригаду. Я, правда, очень хочу работать и быть рядом с тобой!

Он укоризненно посмотрел на неё, безнадежно обронив:

– Похоже, что и впрямь не отвяжешься. Вот характерец!

– Гришенька, – она бросилась ему на шею, – я знала, ты у меня самый умный и добрый.

– Вот хитрюга, ах лисичка-сестричка, выбрала же времечко и подходящий момент. Ай да хитрюга, – не унимался он.

Только к сумеркам с букетом багульника они, уставшие, но счастливые, вернулись домой. А ровно через два дня Надя вышла на работу в качестве ученика маляра-штукатура в одну из строительных бригад прораба Широкова.

ГЛАВА 6

ПРИБЛИЖАЮЩИЙСЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЕРЧ»

25 февраля 1936 года Григорий, возвратившись домой, обнаружил в почтовом ящике письмо от родителей, несказанно был ему рад, так как уже несколько месяцев от них не было никаких вестей. Хотел сразу вскрыть, но воздержался, чтобы вместе с Надей пережить удовольствие от прочитанного. Дверь квартиры была заперта на ключ.

— Ах, чёрт! Совсем забыл, Надя же говорила, что сегодня опять задержится. Бригада решила к концу месяца сдать отделочные работы.

Сбросив пальто и шапку, не раздеваясь, присел на табуретку.

— Что-то уж больно толстое, наверняка батя всё до мелочей подробно описал, не забыв и Надиных родителей...

«Здравствуй, сынок Гриша и наша невестушка Надя. В первых строках своего письма сообщаем, что все мы живы и здоровы, того же и вам желаем. Сваты в добрый час тоже здоровы. Отец ещё много перечислял о своём житье-бытье.

Сынок, — Григорий насторожился, — не знаю как тебе и объяснить и с чего начать... Дён десять назад забрали, арестовали Петра. Сейчас он находится в районе, в Канске. Я ездил туда, был в райкоме, но толком разобраться так и не смог. Мне сказали: «Не беспокойся, разберёмся, всё будет нормально». Повидаться с Петром не довелось. Мы все в толк не возьмём, что и почём. Всё стряслось неожиданно и нежданно-негаданно. Вот я и пишу, может ты как-то сможешь разузнать и помочь брату?»

Григорий сразу вспомнил их горячий, откровенный разговор с братом, когда они, подзахмелевшие, ехали в кошёвке из Канска.

— Ты, Гриша, учёной меня и поближе к власти, вот скажи как коммунист коммунисту, — горячился брат. — Мне партия доверила руководить колхозом...

— Значит, заслужил, раз доверила, — подтвердил Григорий.

— Вот и я к тому... Тогда почему же уполномоченный района, приезжая ко мне в село, диктует, когда начинать и заканчивать посевную, как хранить семена? Я, родившийся и проживший на этой земле, разве разбираюсь хуже уполномоченного, который приехал с города и плуг от бороны отличить не может?

— Подожди, брательник, не кипятись, — перебил его тогда Григорий. — Ты ведь прекрасно понимаешь, что товарищ Сталин и ЦК партии всё делают, чтобы поднять село, сельское хозяйство. И краевой комитет партии постоянно озабочен этим вопросом.

— Озабочен, — зло огрызнулся Пётр, — только на деле эта забота крестьянину боком выходит! Разговоров много, а дела такие: стоящих мужиков порешили, единоличное хозяйство порешили, налогами обложили.

— Вот и получается, бедный колхозник шерсть сдал, шкуру сдал, яйца сдал, один скелет остался, — съехидничал Пётр. — Тут тебе цивилизация и коллективизация села!

Григорий с ним не соглашался и пытался доказать обратное. Однако, пожив тогда в деревне почти две недели, увидел многое собственными глазами и в душе был с братом согласен. Вместе с тем, он искренне верил, что все беды и перекосы коллективизации сельского хозяйства идут от нерадивости местных органов власти и неумения работать.

Читая дальше письмо, Григорий узнал, что зимой в колхозе, которым руководил Пётр, был падёж пяти телят и четырёх коров. Этот вопрос обсуждался на бюро райкома партии.

«...но падёж был по причине болезни скота», — пояснял в письме отец.

Григорий перестал читать, задумался.

— Скорее всего, Пётр со своим прямым характером не сдержался и всё выпалил. Вот дурень, неужели не понимает, что происходит? ЦК партии поставил перед партийными организациями задачу навести порядок в собственном доме. Да что там говорить, давно ли пленум крайкома потребовал от райкомов и первичных партийных организаций также навести порядок...

К сожалению, принципиальность и горячность брата по вопросам жизни и развития села во многом противоречила мнению районных партийных функционеров, и он со своей искренностью попал в жернова этой молотилки.

— Эх, брательник-брательник, что же делать? Как и чем тебе помочь? — обречённо соображал Гриша.

За дверью послышался шорох. Григорий быстро спрятал письмо, решив пока ничего жене не говорить. Вошла Надя.

— Ударникам стахановского движения слава! — приветствовал он появление жены. — Устала?

— Та нет, самую малость. Завтра, думаю, управимся и сдавать комиссии будем. Дней через десять детишки переселятся в новую школу. Как бы я хотела, чтобы наши дети учились в такой школе.

— Ну, милая, нам ещё далеко до этого, к тому времени успеем немало новых школ построить.

— Тогда давай поторопимся с детьми, — лукаво улыбнувшись, заметила Надя.

— Что, прямо сейчас?

— А что откладывать? Давай прямо сейчас! — поддержала шутку Надя.

— Ну, держись, Надюха.

Он обнял жену и крепко-крепко её целуя, проговорил:

— Ну держись Надюха, будет тебе дудка, будет и свисток.

— Гриш, совсем с ума сошёл, отпусти, дай хоть раздеться. Вот дурачок, Гриша...

Григорий и утром ничего не сказал Наде про полученное письмо. Целый день его не покидали думки, какое принять решение, чем и как помочь брату. К концу рабочего дня заглянул на объект к Наде, сказал, что задержится. Надо встретиться с Виктором, пояснил он ей.

Виктор был членом бюро их партийной организации и Григорий надеялся, что поговорив с ним, возможно, получит какой-нибудь дельный совет.

– Да, Гриша, дела аховые, – выслушав его, заключил Виктор. – Партия борется за чистоту своих рядов, – подчеркнуто заметил он. – Сам понимаешь, поналезло всякого сброду, на словах поддерживают линию партии, а на деле исподтишка только и норовят подножку поставить. А сколько ещё вражьих ублюдков маскируется...

– Подожди, Витя, брат-то мой с какого боку может быть причислен к этим ублюдкам? Дед с батей нашу власть с оружием отстояли, с первых дней верой и правдой ей служили и нас научили этому. А разве брат, как коммунист, не может иметь своего мнения и его прямо высказывать? Так об этом и в уставе сказано... коммунист обязан быть самокритичным и указать товарищам по партии на их недостатки.

– Гриша, правильно говоришь. Но ведь ты читаешь газеты, сколько выявляется нарушений, вредительства... И что, прикажешь на это спокойно смотреть, не принимать мер?

– Витя, я с тобой согласен, линия партии правильная, но ведь смотреть надо не огульно.

– Правильно, можешь не сомневаться, с братом разберутся, там сидят не дураки. Успокойся, всё будет нормально.

– Слушай. А может всё-таки съездить в Канск, попытаться выяснить и объяснить?

– Чудак ты, Гришка, ну на кой чёрт ехать? Сам посуди, разве твоего брата, руководителя хозяйства, хуже тебя знают? Разберутся!

– Надеюсь, что так и будет. Ну ладно, спасибо за совет, побегу.

– Слушай, может ко мне заглянем, Наташка наверняка уже дома, маленько посидим.

– Нет, Вить, спасибо, побегу. Надя ждёт. Давай на недельке, другой, у нас или у вас встретимся, там и поболтаем.

По дороге домой Широков ещё и ещё раз прокручивал возможные варианты, за что могли забрать Петра:

– Да, брат горяч, но он честный человек, преданный партии коммунист. Может быть всё-таки Виктор прав? Действительно, обстановка в партии непростая, разберутся, – успокоил он себя. И чтобы не волновать Надю, решил письмо ей не показывать, а завтра тихонько отправить ответ отцу с матерью, чтобы как-то их успокоить.

В течение целого года после этого Григорий пытался узнать о судьбе брата. Писал письма в райком, в Красноярск своим однокашникам... Тщетно.

Отец также слал одно письмо за другим, каждый раз доказывая, что «падёж телят и коров был случаен, животные шибко хворой болезнью заболели, никто никакого вредительства не чинил». Добился он встречи и с самим секретарём райкома партии, который в гражданскую с дедом Василием в одном отряде за советскую власть сражался. Секретарь прекрасно знал семью Широковых и Петра хорошо знал, сколько раз хвалил его на районных активах за хорошую работу, но на вопросы отца ничего вразумительного ответить не смог, кроме того, что «успокойся, Иван Васильевич, разберутся, всё будет хорошо».

«Как же так, сынок, — постоянно допытывался отец в своих письмах — доколе же можно разбираться, уже год заканчивается, а о сыне ни слуху, ни духу? Да и об чём разбираться-то, одно недоразумение и только. Что ж, телята с коровами впервой пропадают? Почитай, каждую зиму это случается. И дома бывало не раз, хотя уход и досмотр другой. А что скотина... — рассуждал в письмах отец — вона и люди занемогшие помирают, не в пример скотине.

Ещё он спрашивал у сына, может самому Сталину написать о бесчинствах на местах? Уж он-то точно разберётся по справедливости...

— Ну, бать, ты даёшь, — мысленно упрекнул Григорий отца. — Что же получится, если каждый начнёт писать самому Сталину? У него поди голова денно и ночью забита государственными думками... Вон в стране какие грандиозные дела замышляются! Стройки, стройки... одна мощней другой. Индустрию нашу надо поднимать. Масштабы-то какие... а он о каком-то письме.

Григорию тогда в самых кошмарных снах не могло присниться, что в хозяйстве страны всё большую роль начинает играть труд заключённых. Сталиным и его приспешниками создаётся рабская лагерная индустрия из живых, абсолютно бесправных граждан нашего общества.

Не об этом ли периоде, предвидя на сто лет вперёд, писал российский ясновидец А. С. Пушкин в своем стихотворении «Послание друзьям», написанном в 1826 году.

*Бедя стране
Где раб и льстец
Приближены к престолу.*

Лагеря и колонии во второй половине 30-х годов давали около половины добываемого в СССР золота и хромо-никелевой руды, почти 1/3 платины и древесины. Осуждённые строили города Магадан, Тайшет, железную дорогу Тайшет — Лена, Комсомольск-на-Амуре, каналы Беломоро — Балтийский, Москва — Волга и др. И эта система с каждым годом, вплоть до кончины Сталина, набирала свои чудовищные обороты.

Чтение каждого нового письма от отца для Григория становилось сущей пыткой, он понимал, что у отца осталось одна-единственная надежда на него. А он был бессилён.

И только в канун нового года Гриша получил от друга по студенчеству, Николая, весточку, в которой говорилось, что брат Пётр находится в лагере заключённых в Тайшете и, возможно, скоро будет переправлен в другое место.

— Как же так? — негодовал Григорий, показывая записку Наде, — рабы и те какие-то мало-мальские права имели. Хорошо, пусть даже в чём-то виноват Пётр... Осудите его по закону! Дайте возможность знать родным и близким об этом. Дайте, наконец, возможность хотя бы изредка письмами обмениваться!

Об этом он горячо говорил вечером, встретившись с другом Виктором. Показал ему кратенькое письмецо, полученное от студенческого приятеля, не предполагая, какой опасности подвергает себя и студенческого друга.

Конец года выдался как никогда напряжённым. К новому году нужно было сдать три строительных объекта. И если школа и жилой дом фактически были готовы к сдаче, то на строительстве моста была уйма недоделок. Там Широков безвылазно находился с утра до позднего вечера, следя за ходом работ.

Рабочий день завершился.

– Борис, – обратился он к бригадиру – Давай, заканчивай. Через пятнадцать минут я тебя жду, – распорядился он и медленно пошёл в маленькую рабочую бытовку, чтобы скорректировать план работы на завтра.

Не успел Григорий присесть за крохотный столик, как услышал крики рабочих. Влетел Борис.

– Беда, беда, Григорий Иванович!

– Да говори ты толком.

Он схватил телогрейку, шапку и, оттолкнув бригадира, стоящего в проходе двери, выскочил на улицу. Надевая, на ходу шапку и телогрейку, побежал что есть духу к мосту. Внизу у опоры стояла группа рабочих. Григорий ринулся к ним:

– Что случилось?

Мужики расступились. На грязном утоптанном снегу, распластавшись, лежал сварщик Михаил. Над ним склонившись двое, пытались делать искусственное дыхание.

– Повозку! – взревел Широков. – Повозку, говорю, мать вашу, живей!

– Сейчас придет, Григорий Иванович, – успокоил его стоящий рядом рабочий, – сейчас будет.

– Борис, давай, сколотите быстро две-три доски, – распорядился Григорий. Взяв руку пострадавшего, стал слушать пульс.

– Живой, наверное, позвоночник сломал...

Подъехала повозка.

– Ивлев, – обратился он к молодому плотнику. – Дуй что есть мочи на дорогу. Может, какая машина пойдёт, лови и сразу к нам.

– Хорошо, Григорий Иванович.

Поднесли три сколоченные доски.

– Так, мужики, прямо под него аккуратно сбоку подсовывайте доски. Похоже, что позвоночник повредил.

Михаил застонал.

– Да аккуратнее, не шевелите его. Легонько приподнимайте равномерно тело и сразу подсовывайте доски. Вот так. Теперь ровно положите на сани.

Он застегнул телогрейку на пострадавшем. Михаил открыл глаза, не понимая что происходит.

– Потерпи, Миша, потерпи, всё будет хорошо. Федор, – обратился Григорий к рабочему, – давай мигом в бытовку, там мой полушубок висит, неси сюда, укроем Михаила.

Не успели подняться от моста, послышался шум мотора, показалась машина. Быстро открыв борт полуторки на досках, как на носилках, уложили в кузов Михаила.

– Давай, дружище, в ближайшую больницу, – попросил он шофёра и обратился к бригадиру. – Борис, давайте все по местам, доделывайте работу. Ждите меня, приеду – разберёмся... Ивлев, а ты поедешь со мной. Давай!

Они заскочили в кузов. Григорий наклонился в окно кабины и попросил шофёра ехать аккуратно, не трясти. Подвернув полушубок у ног Михаила, взял его за руку, стал прослушивать пульс. Тот неожиданно открыл глаза.

– Пить, – с выдохом и стоном прошептал он, – пить.

– Миша, потерпи, сейчас будем в больнице, окажут помощь и всё будет хорошо. Григорий держал в своих ладонях его дрожащую, ослабевшую руку, повторяя, – потерпи немножко, потерпи, дружок, потерпи...

Приехали в ближайшую железнодорожную больницу. Григорий в двух словах объяснил дежурному врачу ситуацию.

– Хорошо, что больного уложили на доски, – похвалил врач мужиков и бегло осмотрев Михаила, сделал вывод – Похоже, что травма позвоночника.

Выполнив необходимые формальности, доктор заметил.

– Придётся завтра. – И заспешил к больному.

Григорий, сославшись на обстоятельства, уговорил шофёра отвезти их обратно, намекнув, что земля круглая и ещё не раз, возможно, придётся встретиться как добрым товарищам.

– Ладно, начальник, уговорил. Всякое в жизни может быть. Поехали.

Прибыв на объект, Широков попросил всех заканчивать работу и собраться в бытовке.

– Как такое могло случиться? – начал он разбор происшествия, обратившись к бригадиру. – Миллион раз говорено-переговорено: без страховки не работать! Прошу подробнейшим образом объяснить произошедшее. Данил Сергеевич, – обратился Широков к пожилому крановщику, – подсаживайтесь сюда. Вот бумага, чернила, ручка. Будете протокол вести.

После долгих и кропотливых разбирательств стало ясно, что Малков перед тем, как упасть с моста, работал в монтажном поясе, прикрепленном к тросу, как того требовали нормативы техники безопасности. Потом он пошёл «справить нужду» и, возвращаясь обратно, оступился на самом верху у перил, заградительный бортик не выдержал...

– Он мужик не маленький, с аммуницией далеко за сотню, – пояснил напарник Малкова. – Вот и всё, нелепый случай...

– Нелепый, говоришь? – возразил Широков – А если бы бортик был крепче, наверняка Малков в него упёрся?

– Наверно, – согласился напарник.

– Отсюда вывод: заграждение сделано тяп-ляп. Борис, приглашай инженера по технике безопасности, составляйте акт. Разгильдяйство налицо, виновные ответят по полной программе. Всё, все свободны, бригадир, оставайтесь.

Они ещё долго обсуждали случившееся.

Несчастный случай, произошедший на строительном участке прораба Широкова, в одночасье стал достоянием всех, кто так или иначе был причастен к

строительному тресту. К тому же это произошло накануне открытого партийного собрания коммунистов треста.

На повестке дня одним из главных вопросов значилось: «Стиль и методы внутривнутрипартийной работы».

Выступавший первым один из партийных функционеров горкома партии задал тон и определил сценарий собрания, суть которого сводилась к тому, что в стране принята новая Конституция, а от партийных организаций требуется усилить политическую и организаторскую работу в массах, изменить методы и стиль внутривнутрипартийной работы, повысить практическую бдительность.

За этими, казалось бы, добрыми намерениями скрывались намеренные действия уже работавшей в стране мощнейшей системы ГУЛАГа (Главное управление лагерей), а также готовящиеся кровавые процессы «выкорчёвывания вражеских гнезд», «дела военных». Приближался безжалостный ураган ежовщины.

Выступавшие на собрании, говоря о производственных недостатках, не обошли стороной вопросы внутривнутрипартийной дисциплины и ответственности коммунистов. Досталось и Широкову.

Его друг Виктор обвинил Григория в непонимании линии партии, близорукости, халатности, что едва не привело к гибели одного из работников подразделения. Заканчивая пламенную речь, Виктор категорично заявил: «Имеют ли такие руководители право носить высокое звание коммуниста?»

Широков ушам своим не верил! Да, он не отрицал, что недосмотрел. Не снимает с себя вины и готов отвечать. Но чтобы вот так быть обвиненным в близорукости, непонимании линии партии, халатности, недостойным носить звание коммуниста... Это уже через край!

— Эх, Витя, Витя. Выходит, наши с тобой откровенные, доверительные разговоры как червь точили твою душонку. Выходит, что только и ждал ты подходящего момента, чтобы показать себя борцом за чистоту партийных рядов. Решил на мне заработать авторитет, — с горечью подумал Широков.

Ведь все знали, что они с Виктором закадычные друзья. Знали сидящие в зале и то, что Широков — профессионал с большой буквы, справедливый и порядочный мужик, его портрет много лет красовался на доске почёта. Однако никто не возражил... У Григория возникло огромное желание подать записку в президиум с просьбой дать слово, но он нашёл в себе силы его погасить, твёрдо решив, что жизнь всё расставит на свои места.

Слова Виктора ноющей болью застряли в самом глубинном месте отзывчивого сердца Григория, словно нож в спину исподтишка вонзили в сокровенное уязвимое место. И кто? Друг! Больше всего Григорию хотелось сейчас, чтобы скорее закончилось собрание. Он уже никого не слышал. Было огромное искушение уйти и избавиться от звенящих, навязчивых, обидных и несправедливых упреков ближайшего друга.

— Бывшего друга, — поправил он себя мысленно.

Всё его внимание было сосредоточено на анализе их последних встреч и разговоров. Григорий только сейчас начал отчётливо понимать смысл его пафосных выражений и взглядов. Виктор говорил их словно в присутствии партийных боссов, придавая своеобразную окраску и смысл. «Хамелеон, оборотень, карьерист!» — хотелось крикнуть Григорию на весь зал.

— Успокойся, возьми себя в руки, мать твою, — ругнул он себя в сердцах. — В конце концов, в зале знают тебя как облупленного, хуже и лучше не станешь. А этот подонок показал себя во всей красе. Люди, слава богу, умеют отличать чёрное от белого, — успокаивал он себя.

Ему, отдающему всего себя работе, семье, друзьям, свято верившему в светлое будущее коммунизма, преданному коммунистической партии и её вождю Сталину в бредовом сне не могло тогда привидеться, что в стране идёт повальное уничтожение лучших людей Отечества. А назначенный Сталиным на пост главы НКВД 30 сентября 1936 года Ежов полным ходом завершает разработку мероприятий по чистке всех кадров, включая советских, партийных, военных и самого наркомата внутренних дел. Под метлу этой чистки попадёт любой гражданин, обвинённый порой огульно в неблагонадёжности, умышленном саботаже или случайно допустивший ошибки в работе. Глашатаи-петушки в виде Виктора будут являться одним из необходимых звеньев этой системы. Справедливости ради следует заметить, что и сами петушки, прокукарекав раз-другой, попадали под этот смертельный пресс.

ГЛАВА 7

ГУЛАГОВСКИЕ ЖЕРНОВА

На всю жизнь, будто рубец от тяжелейшей раны, запомнила чета Широковых день 17 января 1937 года.

В полночь неожиданно раздался резкий стук в дверь и окно. Григорий подошёл к двери.

— Кто там? — встревоженным голосом спросил он.

— Широков Григорий Иванович здесь проживает? — донесся жёсткий, звенящий голос с обратной стороны двери.

— Да, в чём дело? — как можно спокойней спросил Григорий.

— Откройте, вам повестка, — более требовательно повторил всё тот же голос.

Григорий открыл дверь. Перед ним словно из-под земли выросли два здоровенных верзила в форме НКВД. Не спрашивая разрешения, вошли в комнату.

— Вы Широков?

— Да.

— Одевайтесь.

— Может всё-таки поясните, в чём дело? — настаивал Григорий.

— Объясним, одевайтесь, — не терпящим возражения тоном повторил один из верзил.

– Товарищи, это какое-то недоразумение, – пыталась вмешаться Надя, обращаясь поочерёдно к непрошенным гостям.

– Поторопитесь, Широков, – не обращая внимания на Надины просьбы, приказным тоном процедил энкевэдешник.

– Документы, что-то другое с собой брать? – уточнил Григорий.

– Не надо.

– Гриша, Гришенька, что же это происходит? – молящим, дрожащим голосом запричитала Надя, кинувшись к мужу.

– Успокойся милая, всё уладится, образуется, я скоро вернусь.

– Гриша, – она вцепилась в полы его пальто.

Прижав жену к себе, он слышал, как колотится её сердце и дрожит тело.

– Успокойся, Надя, всё будет хорошо, вот увидишь.

– Выходите, Широков.

Один из верзил взял Надю сзади за руки, чтобы оторвать от мужа, другой – Широкова за рукав, скомандовал:

– Вперёд!

– Господи, да что же это такое? – не унималась Надя. – Он ни в чём не виноват.

– Вот и хорошо, – ехидно улыбнувшись, успокоил её пришелец.

Она попыталась идти следом за мужем, но энкевэдешник, растопырив руки, преградил ей путь в проёме двери.

– Закройте двери и прекратите истерику, – оскалив зубы, прорычал он на прощанье, резко захлопнув дверь квартиры.

Выйдя на улицу, несмотря на дремучую темноту зимней ночи, Широков отчётливо увидел силуэт машины, стоящей чуть в стороне от дома. Его напряжённо работающий мозг никак не мог осознать, что происходит...

– Какая-то досадная, нелепая ошибка, не более того, – пытался он хоть как-то привести в порядок свои мысли.

Открылась дверца чёрной, как пропасть, страшной и неизвестной машины под зловещим негласным народным прозвищем «чёрный ворон».

– Входите, – словно в гости любезно пригласил конвоир Широкова.

Шагнув на две железные ступеньки, Григорий оказался в пасти чёрного хищника. Там его кто-то подхватил за руки, слегка толкнув, усадил на твёрдый холодный предмет.

Последовала команда:

– Руки за голову. Не разговаривать!

Широков не видел содержимое этого маленького каземата на колесах, но каждой клеточкой тела сразу почувствовал запах, напоминающий сырой холодный подвал, из которого несло зловонием протухших мясных продуктов. На ухабах машину бросало, и Григорий, чтобы не упасть, был вынужден постоянно размыкать руки за головой, хватаясь машинально за какой-то железный предмет.

Тут же следовал окрик:

– Руки за голову!

Это его на какое-то мгновение отвлекло от навалившихся мыслей. Напрягая глаза, он пытался разглядеть конвоира и интерьер этой вонючки. Однако сколько ни старался, ничего не получалось. Тьма была беспросветной. Лишь стрекочущий шум выхлопной трубы автомобиля да резкие подбрасывания на ухабах напоминали о происходящем.

Надя ещё долго пребывала в шоковом состоянии. Мечась по комнате, она не знала, что делать, как быть. Наконец приняла решение бежать к Наташе и Виктору, всё рассказать. Витя все же ближе к начальству и закадычный друг Гриши, наверняка поможет разобраться в этом недоразумении. И, как утопающий цепляется за соломинку, накинув плюшевую тужурку, не обращая внимания на лютую стужу и ночную мглу, помчалась к ним.

Выслушав взволнованную и расстроенную Надю, Шевцовы как могли её успокоили. Виктор авторитетно заверил, что произошла не более чем нелепая ошибка и он, конечно, сделает всё, чтобы её исправить. Потом Наташа напоила Надю каким-то травяным настоем и уложила на диван.

– Усни, тебе надо успокоиться. Завтра вместе пойдём на работу, а Витя поможет разобраться. Слава богу, Широкова у нас знают.

Слова Наташи, конечно, не успокоили Надю, но придали уверенность и надежду. Она, извинившись за беспокойство, поблагодарив за внимание, попросила выключить свет.

Остаток ночи Широков провёл в небольшом холодном закутке следственного изолятора. Попытки выяснить, на каком основании он задержан, ни к чему не привели. Все энкеведешники, с которыми пришлось общаться, отвечали коротко:

– Утром объяснят!

Измученный неопределённостью и тревогой, скорее не за себя, а за Надю, Григорий присел на небольшой деревянный выступ в стене, напоминающий ступеньку, задремал...

Скрежет дверного железного засова прервал его дремоту. Открыв глаза, сразу не мог сообразить где находится. Отворилась дверь, последовала команда:

– Выходи! Стой! Лицом к стене! Руки за спину! Вперёд по коридору! – распорядился сотрудник.

Вошли в небольшую комнату, напоминающую тюремную камеру. За крохотным столиком сидел и курил средних лет мужчина с ромбиком на отворотах петлиц воротника.

– Садитесь, Широков, – приказал он, указав на стоящую у стола табуретку.

– Спасибо. Вы можете объяснить, на каком основании меня задержали? – начал было Григорий...

– Успокойтесь и запомните, Широков: объяснять здесь будете вы! – ясно, жёстко подчеркнул он. – А теперь к делу. И прошу на все мои вопросы отвечать честно, со всей откровенностью, это в ваших интересах. Итак... Находясь в отпуске, вы ездили с братом в село Тарай в конце декабря 1935 года?

– Да, ездил.
– В мастерских там бывали?
– Да.
– О чём вели разговор с присутствующими?
– Мы никаких разговоров не вели, а искали моего будущего тестя.
– Не юлите, Широков. Нам доподлинно известно, зачем вы туда ездили – смуту сеять и подбивать крестьян не платить налоги. Так?

– Я вам достоверно объяснил: искали будущего моего тестя.
– А вот ваш брат, в отличие от вас, во всём чистосердечно признался.
– Это чистойшей воды надуманная ложь, – заявил Григорий.
– Бросьте, Широков, упорствовать. Мы проведём, если надо, очную ставку, чтобы натывать вас носом как пакостливого кота.

Следователь, похоже, вошёл в кураж, наседая на опешившего Григория.

– Может ты, паршивый пёс, будешь отрицать, что вёл откровенную пропагандистскую работу против советской власти, рассказывая своим городским друзьям надуманные байки о том, как плохо живётся нашему крестьянину? Решил подвергать ревизии линию партии на коллективизацию, вести саботаж?

– Я поддерживаю линию партии на коллективизацию, но я видел, как её извращают местные руководители и открыто об этом, как коммунист, говорил своим друзьям.

– Значит, не отрицаешь что вёл пропаганду?
– Какая пропаганда... – начал было объяснять Широков.
– Молчать! – оборвал его хозяин кабинета. – Не тебе судить, подонок, как работать местным партийным органам. Их поправят кому положено, без сопливых, как ты.

– Вы не смеете так со мной разговаривать! – возмутился Григорий.
– Правильно говоришь, с тобой действительно надо говорить на другом языке. Тогда, пожалуй, расскажешь подробнее о своих грязных делишках. Ишь ты, как лихо научился маскироваться под честного коммуниста. Что же ты, такой честный и чистый, бросил бабу, которой несколько лет морочил голову, и женился на другой? А может тебе напомнить про твою честность? Как ты отпетых пьяниц и прогульщиков, элементов, чуждых советской власти, на работу восстанавливал, привлекая их на свою сторону?

Широков опешил от всего услышанного. Вошёл конвоир.

– Уведите! Подумай, Широков, хорошенько, о чём я тебе сказал. Чистосердечное признание всегда поощрялось.

Григорий, продолжая свято верить в мудрость и справедливость вождя и идей партии, не понимал, что они с братом Петром стали очередными заложниками многотысячной армии сталинской гулаго-рабской системы.

Его привели в одиночную камеру. Несколько минут он сидел на откидном топчане. Закрыв глаза, соображал, что же происходит. От напряжения распирало виски. Жуткая головная боль не давала сосредоточиться, собраться с мыслями, осоз-

нать происходящее. Он долго тёр виски, массировал голову, уши. Встал, походил. Сел. Обхватив и сдавив голову руками, слегка покачиваясь, пытался заставить себя думать.

Никакой случайности! Арест запланирован, а иначе откуда этому негодюю знать такие подробности моей жизни? Но кем? И зачем это было делать?

Понять этого он не мог.

Даже потом по прошествии многих лет, зная, кто это сделал, Григорий не мог осознать и до конца понять низменность людских поступков, карьеризма, зависти и мстительности. Эти подонки, выдавая себя за эталон человеческой нравственности, прикрываясь высокопарными партийными лозунгами и идеями о благе и счастье народа, были способны оклеветать, подвести под расстрел того, кто искренне их любил, доверял самое сокровенное, считал их преданными и верными друзьями.

Допросы продолжались ежедневно по несколько раз, включая ночные. Григорию повезло: в отличие от сокамерников, его, несмотря на жёсткие унижительные допросы, пока ещё не били, а только угрожали, каждый раз подчеркивая, что своим упорством и нежеланием давать признательные показания он подталкивает следователей к насилию.

Следователь постоянно, почти слово в слово, цитировал высказанные в спорах с Виктором суждения Григория о коллективизации и реальных делах, происходящих в деревне. Обвиняя Широкова в организации и создании антисоветской группы, он добивался признания, кто им руководит и где именно распространена сеть их группы в территориях. Выбитые признания должны были связать деятельность группы с колхозным вредительством, которое якобы чинил брат Пётр.

Не забыл следователь спросить, кто передал информацию о местонахождении брата Петра, а также припомнил несчастный случай с Малковым и посещение Широковым рабочего общежития. Всё это квалифицировалось как вербовка неблагонадёжных людей в группировку против советской власти. А несчастный случай в конце года на строительстве моста выставили прямым вредительством с целью срывом пятилетнего плана.

Очередной допрос проводился прямо в камере. Вошли двое: следователь и ещё какой то верзила.

– Ну что, Широков? Надеюсь, вы всё взвесили, – начал следователь вежливо допрос. – Думаю, Григорий Иванович, вам будет не очень приятно увидеть свою жену в соседней камере? Поймите наконец: нет смысла больше запирается. Тем более, что мы знаем почти всё, если не сказать всё. Хотелось бы ещё услышать подтверждение из ваших уст и подписать признание. Не упорствуйте, Григорий Иванович. Это в ваших личных интересах и интересах вашей семьи. Подумайте.

Он сделал паузу.

– Давайте так договоримся. Вы по-людски, и мы к вам, как говорится, лицом. Прошу ответить на один-единственный вопрос. Назовите территории, где созданы ваши антисоветские группы, и кто ими руководит.

— Простите, — начал Григорий, — но я вам уже в сотый или тысячный раз повторяю: никаких групп и группировок я никогда не создавал и, естественно, никакой антисоветской пропагандой не занимался. Это надуманная, сфабрикованная кем-то клевета.

— Выходит, и брата вашего, Петра, тоже оклеветали? Интересно получается, — продолжил следователь. — Вы живёте в Чите, брат — в деревне, за тысячи километров. Откуда знать клеветнику о ваших деяниях? Нет, Широков, это не клевета, у вас с братом один общий почерк. Боюсь, что и другие ваши родственнички замешаны в этом преступном сговоре. Но это дело времени, разберёмся.

Похоже, следователя начинал раздражать дипломатический диалог с Широковым. Его лицо постепенно наливалось кровью.

— Ещё раз спрашиваю, — отбросив сентиментальность, набывчившись, взревел он. — Где расположены группы, и кто ими руководит?

Не успел Широков открыть рот, как получил от верзилы страшнейший удар в челюсть. Григорий тут же рухнул, словно спиленное дерево. Мозг перестал обрабатывать, только тело ещё чувствовало боль жестоких тупых ударов сапога. Пытаясь поднять голову, он мгновенно терял сознание. И лишь почувствовав на лбу и лице прохладу, прикосновение мокрых жёстких пальцев, открыл глаза, не понимая, что происходит и кто склонился над ним. Сколько времени пребывал в бессознательном состоянии, он определить не мог. Голова и лицо напоминали обезображенный неопределённой формы предмет, в ушах стоял несмолкающий, раздирающий голову, шум.

— Пить, пить, — скорее простонал, чем попросил Широков.

Не успев сделать глоток воды, потерял сознание от невыносимой боли в челюсти...

Прошло чуть больше недели, когда Широков стал понемногу приходить в себя, восстанавливая в памяти последний допрос. Голова по-прежнему болела и плохо соображала, невыносимо ныло всё тело, но ещё больше неприятностей доставляла сломанная челюсть. С большим трудом он мог пить и пропускать сквозь зубы тюремную баланду, говорить совсем не мог.

Тем не менее, допросы продолжались, только следователь уже не допрашивал, а настоятельно требовал подписать бумаги. Широков, словно глухонемой, молча отодвигал бумаги, показывая, что ничего не знает и не понимает, о чём его просят. В небольшие перерывы между допросами, анализируя вопросы и комментарии следователя, он выстраивал мозаику сфабрикованного доноса, из которого всё отчетливей вырисовывались истинные лица подонков, столько лет считавшихся его верными друзьями.

— Да, дела-удила... — Григорию вспомнилась давнишняя студенческая шутка: Не думай! Подумал, не скажи! Сказал, не пиши! Написал, отрекись! Не отрёкся — кайся, сволочь, кайся! Выходит, не зря говорят, что в каждой шутке есть доля правды.

Широков понимал, что раскручивающийся сценарий его дела может иметь очень и очень серьёзные последствия: эти негодяи могли в любую минуту опорочить

чить доверчивую Надю. При этой мысли ему становилось не по себе. Собственное бессилие не только угнетало, но на какое-то мгновение парализовывало его волю. Появлялись мысли согласиться подписать всё, признаться в чём его подозревают, лишь бы отвести удар от Нади и дорогих, близких ему людей. Но это были мгновения слабости. Григорий тут же их гасил, понимая, что признание вины чревато последствиями не только для него и жены, но и всех родных, настоящих друзей. Вечный позор грозит тогда всему Широковскому роду.

Надя брела по вечернему городу, ничего не замечая, словно находилась в другом пространстве и времени. Её мозг целиком был занят думами об их будущем малыше. Месяц назад она стала замечать за собой какие-то странные вещи. Ни с того ни с сего появлялась тошнота, неуёмное желание поглощать баснословное количество соленой селёдки с картошкой, творога. Первоначально эти странности она увязывала с переживаниями и разлукой с мужем. Но как-то вечером, готовясь ко сну, расчёсывая волосы перед зеркалом, обратила внимание на меняющиеся формы своего тела.

— Господи, неужели?

Она потрогала груди, живот.

— Это что, я беременна? — удивилась она собственному предположению. — У меня, у нас — поправились она мысленно — будет ребенок?

Потом ещё и ещё, рассматривая себя, шупала все части тела, не веря внезапному открытию.

— Господи, помоги свершиться чуду! — шептала она, закрыв глаза. — Помогите...

На следующий день, отпросившись у бригадира, чуть ли не бегом отправилась в поликлинику.

— Поздравляю вас, красавица. Готовьтесь стать мамой. Вашему малышу шесть недель, — вынесла вердикт старушка-гинеколог. — Надеюсь, моя новость вас не огорчила, — хитровато улыбнувшись заметила она. — Порадуйте будущего папашу. И пожалуйста, ежечасно, нет, ежеминутно помните, что вас двое! Ставлю вас на учёт.

Спасибо, доктор, — засияла от счастья Надя. Я обязательно только о малыше и буду думать.

— Вот и прекрасно, вот и замечательно, словно о своём будущем внуке или внучке радовалась старушка...

— Где же Гришенька, ни словечка, ни весточки от тебя нет?

Сегодня она опять заходила к Виктору, как всегда, с надеждой хоть что-то узнать о муже. Виктор, как всегда, был учтиво вежлив, полюбопытствовал о здоровье, работе. Заверил в очередной раз Надю, что за Гришу хлопочут.

Она ещё долго бесцельно бродила по вечернему городу, не видя и не слыша ничего вокруг.

Войдя в коридор дома, как всегда, первым делом заглянула в почтовый ящик. Из его маленькой прорези проглядывало белое пятнышко.

«От Гриши!» — мелькнула мысль. Она долго не могла открыть ящичек, от волнения тряслись руки, сердце вырывалось наружу. Письмо пришло от Ивана Васильевича, отца Григория.

Быстро открыв дверь квартиры, не раздеваясь, вскрыла письмо. Медленно читая, надеялась хоть что-нибудь узнать о Грише, но отец, как всегда, писал о жизни в деревне и о Петре. Впервые в жизни Надя была равнодушна к родительской весточке, а конец письма и вовсе загнал её в уныние.

«... Сынок! — обращался он к Григорию, не ведая, что сын арестован и неизвестно где находится. — Это как же получается? Мы вас воспитали троих как людей. А четвёртого, Петра, выходит, вырастили из другого замесу, коль его врагом признают? Я вас сызмальства учил честно трудиться, уважать и почитать старших, горло перегрызть тому, кто супротив советской власти. А выходит, что всё же одного нелюдя вскормил? Так это ж полная брехня. В нашем давнишнем казачьем роду испокон века не бывало поганцев. За что же так шельмуют сына? Где же правда и справедливость?»

Прочитав несколько раз слова свёкра, Надя дала волю слезам.

Горечь от несправедливости к мужу, любовь к Грише, жалость к родителям и себе, будущему ребенку собрались и перемешались в едином сгустке обиды. Она, не раздеваясь, лежала на кровати, уткнувшись в подушку, рыдая до той поры, пока её глаза не выплакали последнюю слезинку, а измученная, истерзанная душа окончательно не утомилась. Только после этого пришла в себя, вспомнив обещание, данное старушке-врачу.

— Я должна постоянно думать о нём, только о нём.

Она несколько раз нежно погладила свой живот, приговаривая:

— Прости меня, маленький, прости. Я больше не буду.

И чтобы окончательно успокоиться, решила тут же написать ответное письмо Гришиным родителям:

— Утром пойду на работу и отправлю.

Она долго мучилась: писать об аресте Григория или умолчать? Наконец, твёрдо решив пошадить родителей, написала, что у них всё хорошо, Гриша в командировке, ждите прибавления внуков.

На следующий день, возвращаясь с работы, Надя увидела человека в военной форме, стоящего у крыльца их дома.

— Гражданочка, — учтиво обратился военный. — Не вы будете Широкова?

У неё всё оборвалось внутри, ноги не слушались.

— Да, — сдерживая дрожь и страх, еле выговорила она.

— Вот вам повестка.

Он достал из затрёпанной планшетки небольшой листок и огрызок карандаша:

— Распишитесь!

Затем категорично предупредил:

— Никаких отговорок и опозданий. До свидания.

— Да, да, хорошо, до свидания... — окончательно растерявшись, пролепетала она.

Обескураженная, Надя ещё долго, оцепенев, стояла в раздумьи. Наконец, осознав суть происходящего, развернула оставшуюся в руке бумажку, стала её читать. Содержание гласило, что ей сегодня в двадцать часов двадцать минут необходимо явиться по такому-то адресу. Перечитав несколько раз, она не могла понять, что происходит, зачем куда-то обязательно надо идти? Неизвестность, перемешанная со страхом, как вихрь ворвались в её и без того измученную душу. Взглянув на часы, она поняла, что времени с кем-то посоветоваться и подумать у неё нет. Её женское воображение, наивность и чистые помыслы наталкивали на мысль о возможном свидании с мужем.

— Ведь Виктор постоянно утверждает, что всё будет в порядке, за него борются. Вот меня, наверное, и приглашают что-нибудь пояснить... Конечно! А зачем же ещё я им понадобилась? Как я сразу не догадалась? Господи, неужели наконец-то увижу Гришеньку?

Она засуетилась, достала своё любимое крепдешинное платье, примерила. — Немного стало тесновато, но ещё ничего. — Волосы заплела в косу, уложила венцом вокруг головы. — Гриша очень любит такую причёску. — Она ещё раз внимательно осмотрела себя в зеркало и, вполне удовлетворённая, словно на первое свидание, заспешила к указанному в повестке адресату, захватив с собой гостинца для мужа.

Надя искренне верила, что непременно сегодня хоть ненадолго увидит мужа, скажет ему, как скучает и любит его. Обрадует Гришу, что он скоро станет папой. Её фантазия о предстоящей встрече не знала границ, она не шла, не бежала, она летела на крыльях к своему любимому.

Её романтический пыл остудил дежурный сотрудник на проходной. Прочитав повестку, он провёл Надю в мрачный подвальный коридор. Остановившись у одной из многочисленных дверей, предложил ей сесть на стоящую у стены замызганную скамейку, проронив единственное слово: «Ждите», удалился.

Помещение, по всей видимости, давно не ремонтировалось и не имело вентиляции. Стены и потолок, пропитанные табачным дымом и людским потом, издавали чудовишно неприятный запах. В этом замкнутом мрачном каземате Надя напоминала собой луч весеннего солнышка, нежданно-негаданно пробившегося через неведомую щёлочку. Увиденное напрочь перевернуло все мечты о встрече с мужем.

Над дверью раздался резкий звонок, от которого она вздрогнула. Не менее резко прозвучал стальной голос.

— Входите!

Надя, робея от страха, постучала в дверь.

— Да, входите же! — раздраженно потребовал хозяин кабинета.

— Здравствуйте... — полушёпотом произнесла она, переступив порог неизвестности.

Следователь на мгновение окаменел, увидев в мрачных катакомбах своего учредителя сказочную золушку. Пауза затянулась. Наконец он предложил ей сесть. Сделав суровую, напыщенную мину, спросил:

— Значит, вы и есть жена Широкова, Надежда Николаевна?

– Да, – кивнула Надя. Вы... – она хотела спросить о Грише, но тут же замолчала.
– Вы хотели спросить меня о вашем муже, – прочитав её мысли, спросил следователь. – Всё в ваших руках, красавица. Точнее, в ваших показаниях, – подчеркнул он. – От того, насколько вы будете правдивы и откровенны, зависит судьба вашего мужа и благополучие семьи.

– Конечно, конечно, – поспешила заверить обрадованная Надя.

– Вот и прекрасно, что мы сразу стали понимать друг друга. Скажите, Надя, можно я вас так буду называть?

– Да, да, пожалуйста, – согласилась она.

– Понимаете, Надя, мы пытаемся разобраться в одном очень важном и серьёзном деле, связанном с безопасностью нашего государства.

Он сделал паузу.

... от ваших чистосердечных признаний, показаний зависит очень многое и, в первую очередь, судьба вашего мужа и не только мужа, вашей семьи, ребёнка.

Он опять сделал паузу.

– Если я не ошибаюсь, вы ведь ждёте малыша, правда?

От этих слов успокоившуюся было Надю бросило в жар. Её лицо, и без того румяное, побагровело, пальцы рук и ладони стали влажными. Она была потрясена осведомлённостью этого страшного, чужого человека.

Следователь, словно опытный шахматист, понял, что сделал правильный ход. Он, не торопясь, прошёлся по комнате, давая время Наде осмыслить его предложение и осведомлённость.

– Вы умная, молодая, красивая женщина. Должен заметить, у вашего мужа хороший вкус. Впереди у вас счастливая, долгая жизнь. Зачем же её портить? Вы согласны? – умиленно закончил он свой монолог. – И не дожидаясь ответа, спросил:

– Мужу хотите помочь?

– Да, – искренне подтвердила она.

– Хорошо. Давайте перейдём к делу. Вы часто получаете письма?

– Не очень.

– От кого чаще всего они приходят?

– От родителей.

– А ещё от кого?

– Не знаю.

– Что, мужу больше никто не пишет?

– Ой, совсем забыла. Нам ещё пишет сестра мужа из Моршанска.

– Хорошо. Похвально. Вы знаете, что брат вашего мужа арестован за вредительство?

– Знаю, но он вредительства никакого чинить не мог, – возразила она.

– Это кто вам, муж говорил?

– Да, но я и сама хорошо знаю Петра Ивановича, он честный человек.

– А кто сообщил вам об аресте брата вашего мужа?

– Отец.

– И что он писал?

– Он писал, что зимой пропали на ферме несколько заболевших коров и телят, за это обвинили сына.

– Что же, за падёж скота его к награде надо было представить? – сдержанно спросил следователь.

– Та нет, конечно же. Но скот почти каждый год зимой пропадает, я работала на ферме и сама это видела не один раз. Бывает, что скотина начинает сильно болеть и её спасти не удаётся.

– Ну хорошо. Скажите, у вас дома часто гости собираются?

– Та какие гости, мы постоянно на работе. А так, если и собираются, то Гришины друзья.

– Кто они?

– Виктор с Наташей и Стёпа с Иваном. Все они вместе работают и много лет дружат.

– А ещё кто-то в дом к вам приходил?

– Не помню.

– Ну, может с работы кто-то по делам или за какой-нибудь надобностью, помощью?

– Не знаю, не видела.

– Ваш муж, когда ещё не был женат, с кем приезжал к вам в деревню?

– С братом Петром.

– С кем они встречались, а, может, были у кого-то в гостях?

– Нет. Они два раза приезжали к нам.

– А я вот знаю, что они были в мастерских.

– Были? Вы об этом точно знаете? Так они, наверное, тятю моего искали.

– А мне доподлинно известно, что братья Широковы там с мужиками какое-то собрание проводили – мягко наседал следователь, чтобы не спугнуть разговорившуюся Надю.

– Та какое может там быть собрание? – негодовала Надя. – Они приехали за нами, торопились, вот тятю и искали.

– Но ведь вы там не были, почему утверждаете, что братья собрание не проводили?

– Так мой брат Андрейка сказывал тогда, что только тятя пришёл до дому, Широковы здесь же возвратились. Як же они могли вести какую-то сходку, коли зараз возвратились? Её ответы начинали раздражать опытного чекиста, но он делал вид, что вполне удовлетворён и очень доволен её сообщениями.

– Хорошо, Надя, вы меня убедили. Скажите, пожалуйста, Малахов Кирилл Захарович по чьей линии будет родственником вашего мужа?

– Какой Малахов? – удивилась Надя, – у нас нет таких.

– Ну как же, он работает, кажется, бетонщиком на участке, которым руководил ваш муж.

– Я не ведаю.

– Что, вообще не знаете этого человека?

– Не знаю, от вас впервой слышу. Может и работает, но Гриша ничего о нём не говорил. Будь он родственником, конечно же, я бы знала.

Ничего не значащие ответы Нади всё больше и больше напоминали игру в кошки-мышки. Дабы не сорваться и оставить хороший задел на будущий диалог с этой провинциалкой, следователь решил прекратить игру на хорошей ноте.

– Ну что ж, Надежда Николаевна, спасибо вам за информацию. Надеюсь, что она была предельно правдива.

Он ознакомил её с протоколом допроса и попросил подписать.

– Вы меня извините, я не знаю вашего имени отчества...

– Это не обязательно. А впрочем, зовите меня Сергей Сергеич, – не то всерьёз, не то с подвохом предложил он.

– Сергей Сергеич, миленький! – взмолилась Надя. – У меня к вам большая просьба: с мужем, Гришей, помогите свидеться!

– Конечно, конечно, мы же с вами договорились. Помните: всё зависит от вас.

Неожиданно, словно приведение в кабинете оказался сотрудник.

– Проводите.

Она ещё что-то хотела сказать. Но, не успев открыть рта, с помощью ловкого движения сотрудника оказалась за пределами кабинета, а затем – в проходной и на улице.

Все её надежды оказались мыльным пузырьком. И всё же она испытывала некое удовлетворение от встречи. Ей казалось, что всё равно побывала рядом с Гришей, может даже он её мельком видел. Да и следователь, может, наконец узнал от неё настоящую правду, а показания помогут пролить свет на обвинения мужа. Но самое главное – она теперь не боится идти в этот жуткий дом. Появилась уверенность, что в следующий раз она обязательно увидит Гришу, а может, после её показаний его и вовсе отпустят. Во всяком случае, она шла домой с приподнятым настроением и верой в хороший исход.

Однако все её мечты о встрече с мужем заканчивались очередными допросами и унижениями, на одном из которых Сергей Сергеевич, забыв про свою галантность, схватил Надю за волосы, резко завернул ей голову и, глядя холодными, стеклянными глазами хищника, прорычал:

– Говори, сука, кто приходил к вам домой, о чём они говорили? Иначе я выпотрошу из твоего брюха Широковского змеёныша.

После этого её почти на двое суток заперли в холодную одиночную камеру. И только беременность, подкупающая детская наивность, скорее всего, позволили Наде избежать более сурового испытания.

Поезд с портретом Сталина, прикреплённым по центру лобовой части локомотива, отстукивая колесами на стыках рельсов несмолкаемые та-та-та-та, как маятник часов-ходиков, отсчитывал время пребывания сидящих и лежащих эзков в вагоне-телятнике, следовавшем прямым ходом в Тайшетский ГУЛАГ. От июньской

жары и человеческих тел в вагоне стояла невыносимая духота, лишь встречный ветерок, как освежающий родничок в пустыне влетал в небольшие зарешёченные оконца, расположенные у потолка вагона, и приносил лёгкую прохладу и свежесть.

Григорий Широков, проведя в застенках НКВД почти шесть месяцев, лишённый какой-либо связи с внешним миром, был безумно рад и этим переменам. Он, как и все обитатели «телятника», не знал своего маршрута, но были твёрдо убеждены, что их везут в какой-либо из лагерей, а это какая ни на есть свобода, в отличие от тюремных камер, бесконечных допросов и пыток. Несмотря на разные судьбы, возраст, срок наказания, все они были схожи в одном: в желании выжить.

Шипение воздуха под вагоном и повизгивание тормозных колодок были верным признаком приближающейся станции. Так и есть, несколько раз дёрнувшись и стукнувшись буфер о буфер, вагоны застыли. Краешек луны, словно ночной воришка, подглядывал в оба зарешёченных оконца вагона, пытаясь рассмотреть содержимое большого железного сарая. Его обитатели, ощутив нежданно-негаданно тишину, зашевелились, натываясь в темноте друг на друга. Было слышно, как отцепили вагон от состава. Из отдельных фраз часовых и окриков ещё каких-то людей, доносившихся через оконца и щели вагона, стало ясно, что вот-вот начнётся высадка или пересадка заключённых. Раздавшийся лай овчарок подтвердил предположение эков. Заскрипели заржавелые железные засовы вагона. С визгом и надрывным скрипом медленно раскрылись раздвижные двери. Образовавшийся в центре вагона небольшой тёмный проём осветил мощный луч прожектора. Снаружи в два ряда стояли дюжина военных с оружием и собаками, лай которых заглушал речь говорящего.

— Выходить строго по одному, согласно названной фамилии! Любые лишние движения расцениваются как попытка к бегству.. будет открыт огонь на поражение! — подвёл итог своей короткой речи выступающий.

Впрочем, он мог этого не говорить, зеки знали эти заповеди как дважды два. Последовала команда:

— Первым выходит Брянский, следующий...

Широков в силу алфавитной закономерности завершал список и одним из последних принял старт в этом изнурительном ночном марафоне, чтобы выжить в новом неведомом испытании.

Колонна заключённых под покровом ночи зажатая в железные тиски охраны, совершив своеобразный марш-бросок, благополучно финишировала на территории лагеря, обнесённого колючей проволокой с многочисленными будочками часовых, стоящих на высоких столбиках, схожих со сказочной избушкой на курьих ножках.

Новички Гулага, несмотря на суровость своего бытия, впервые за многие месяцы получили возможность глотнуть настоящего свежего воздуха, увидеть солнце.

Мало-мальски осмотревшись на новом месте пребывания, Григорий начал поиск брата Петра. Писулька, которую он получил от своего сокурсника, будучи ещё на свободе, позволяла предполагать нахождение брата именно здесь, однако попытки Григория

ничем не увенчались. Более того, после недельного пребывания его переправили в тайгу на строительство какой-то железной дороги. Лишь спустя несколько десятилетий дети и внуки Широкова узнают, что это было начало строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ) на территории Иркутской области.

Имея относительно свободное пространство для перемещения на территории лагеря и возможность общения с его обитателями, Широков также начал поиск варианта отправки письма домой.

Заканчивалось лето, приближался срок рождения ребенка. Наде с каждым днём становилось всё труднее работать на стройке, и лишь отменное природное здоровье, да поддержка девчат позволяли выдержать ритм трудового дня.

– Надюш, сегодня филёночкой займёшься. Тебе там на неделю хватит. Ведро с краской не таскай. Маша рядом в комнатах потолок белить тебе поможет, я ей наказала.

– Хорошо, Катя. Спасибо, – поблагодарила она бригадира.

– И вот ещё что, – не унималась Катерина. – Ты не форсируй, побольше отдыхай. Если не будешь успевать, вечером немного задержимся, доделаем.

– Кать, ну что ты за мной как нянька ходишь, всё нормально.

– А я и есть ваша нянька, давай не хорохорься и слушай старших. Я пойду похлопочу, чтобы раствора подвезли, да и синька кончилась, надо взять. Давай аккуратнo, а то, не ровён час, оштукатуришься прям на стройке, кто роды принимать будет?

– Да ну тебя, Катька, зачем пугать-то?

– А я не пугаю, такие факты уже бывали и не раз. Потому и прошу: поберегись.

– Ясно. Да иди, иди уж по делам... Куда ясней? – успокоила Надя бригадиру.

Вечером, придя домой и поужинав, Надя долго рассматривала себя в зеркало.

– Гринечка нечаянно встретил бы на улице, поди и не узнал... Вон какая толстуха и губошлёпка сделалась, – посмеялась она над собой. – Он, родненький, поди и духом не ведает, что я вот такой торбочкой стала. Где он, соколик мой?

Редкую ночь она не видела мужа во сне. Вот и вчера ей приснился какой-то бушующий океан. Она отчётливо видела огромные волны, сносившие всё на пути. Боясь быть накрытой волной, она карабкалась по какому-то скалистому уступу, зовя на помощь мужа. А над ней кружила белая чайка, словно предлагала помощь.

– Какой странный и страшный сон. Я ведь отродясь не видела моря и тем более чаек. К чему бы это? Неужели опять к какой-нибудь беде? Она вздрогнула при этой мысли. Опять же, к чему чайка? Мама, разгадывая сны, всегда сказывала, будто увиденные во сне птицы – к радостным и добрым вестям. Хорошо бы...

Она погладила живот, закрыв глаза, мысленно обратилась к Богу:

– Помоги мне, Господи, помоги.

Неожиданно раздался стук в дверь. У неё подкосились ноги. Опершись руками о стену, она хотела спросить, кто там, но язык онемел, не хватало воздуха, спазмы сдавили горло.

Стук повторился.

– Надя, Надя.

Она ясно услышала голос Степана.

– Подожди, Стёпа, – чуть слышно выдохнула она и, держась за стену, стала перебираться к двери. Отодвинув задвижку, открыла дверь.

– Что с тобой? – он взял её под руку, проводил до кровати. – Что случилось, Надюша?

– Ничего. Я просто сильно напугалась.

– Кого?

– А стука в дверь.

– Вот те на! А я принес тебе весточку. Извини, что вскрыл, адресат на меня, а письмо тебе. Он протянул ей небольшой бумажный треугольник.

Трясущимися пальцами развернула треугольник.

«Любимая моя жёнушка, Наденька! Не знаю, дойдёт ли до тебя моя весточка... Прости, что не мог раньше дать знать о себе...»

– Господи, живой!

Она опять начала читать сначала. Всё письмо было пронизано любовью и беспокойством о ней.

– Гриша даже не догадывается, что со дня на день у нас родится ребёночек. Наверное, к лучшему, – подумала она. – Меньше терзать себя будет.

В конце письма он уверял жену, что у него всё хорошо:

«...Я не теряю надежду на скорое освобождение и встречу с тобой. Никаких доказательных обвинений нет и ты, любимая, знаешь об этом не хуже меня. Береги себя. Избегай встреч с Виктором. Потом всё объясню. Закрой глаза и крепко, крепко обними меня. Вот так. Я чувствую твои тёплые руки и нежный, нежный поцелуй. До свидания, любимая и всегда желанная».

Она ещё и ещё вздохнула молча перечитывала строки письма, не обращая внимания на присутствие Степана. Затем, спохватившись, пригласила его попить чай:

– Ой, Стёпушка, прости, радость-то, какая! Совсем уж было потеряла надежду узнать, жив ли... Ты уж прости.

– Да будет тебе, Надя. Что я, не понимаю?

Она приготовила мало-мальскую закуску, достала из шкафчика бутылку вина.

– Стёпушка, мне-то совсем нельзя, но по такому случаю глоточек пригублю. Ой, какой же сегодня счастливый денёчек, сколько радости мне доставил!

– Давай, Надя, за Гришу выпьем и нашу скорую встречу.

– Стёп, а как же справиться письмо ему?

– Видишь ли... Прямо тебе Гриша писать остерегается, поэтому напишешь и мне передашь. Да о полученном письме никому не говори! Так будет лучше.

Она неожиданно ойкнула, схватившись руками за низ живота.

– Тебе плохо?

– Подожди, подожди Степа, – еле выдохнула она. – Похоже, начались схватки. Увези меня в больницу, – взмолилась Надя.

– Я сейчас!

Он выскочил на улицу в надежде поймать какой-нибудь транспорт. К счастью, сразу подвернулась повозка...

ГЛАВА 8

ГУЛАГОВСКИЕ ОТГОЛОСКИ

Несколько часов спустя акушерка, принимавшая роды, похвалила её за терпение и поздравила с рождением сына. Мальчонка, несмотря на крохотность, очень сильно походил на Надину мать. Поэтому, выбирая ему имя, Надя решила назвать в честь своего дяди, материного брата Анатолия.

– А что, хорошо звучит: «Анатолий Григорьевич»? Гриша, думаю, будет доволен, – удовлетворенная своим выбором, решила она.

Молодая мама отдавала всю себя заботе о малыше. Купала его ежедневно исключительно в прокипяченной воде, пелёночки были все одна к одной, переглажены. Мальчик рос здоровым и быстро набирал вес. Надя часто, распеленав малыша, давала ему волюшку подрыгать ручками и ножками. А он, в знак благодарности, поглядывая на неё голубенькими глазками, пытался что-то гукать, аукать.

– Ох, ты моё солнышко, зайныка, сладенький. Ангелочек мой голубоглазенький. Гуличка-гагуличка. – Целуя, наговаривала ему умилённая мама. – Скоро станешь совсем большой, вот папка порадуетя! – и приговаривала, – Толя-Толя подрастёт, к папе ножками пойдёт.

Присидев с сыном около трёх месяцев, Надя вышла на работу, оставив сына под присмотром старушки-соседки. Поначалу всё складывалось вполне сносно, она даже умудрялась вырываться днём домой покормить грудью сына. Но вдруг мальчик неожиданно раз, другой стал температурить, кашлять. Только потом Надя поняла, что недобросовестная старушка оставляла малыша длительное время лежать в мокрых пелёнках.

В один из таких случаев Надя была вынуждена прервать работу и заняться сыном, у которого началось воспаление лёгких. Но было уже поздно: пролежав в больнице пять дней, не дожив до четырёх месяцев, он умер, не притронувшись к отцовской щеке.

Убитая горем, Надя не знала, что делать. Она никак не могла осознать и смириться с мыслью, что сына нет. Случилось то, чего уже никак и ничем не исправить.

По ночам её постоянно преследовали кошмары, будто плакал малыш, ему холодно. А она почему-то никак не могла к нему подойти, укрыть и согреть. Потом снились упрёки Гриши: как же так, Надя? Ты погубила нашего сына... Проснувшись среди ночи, бродила она по комнате, поедая себя мыслью: что же я скажу Грише? Нет мне прощения и оправдания! – терзала она себя.

Несмотря на стужу, она редкий день не ходила на кладбище, всё время веря, что, может, произойдёт какое-то чудо. Прислонившись к крестику, рыдая, просила Бога вернуть ей малыша. Выплакав последнюю слезинку, опустошённая, брела до-

мой. Женщины и подруги по работе, как могли, утешали её, но вывести из этой душевной комы никак не могли. Приходили Шевцовы, Виктор с Натальей, но она их попросту выставила. Надя знала от Степана, что именно Виктор и бывшая подруга Широкова Вера оклеветали Гришу. Она вычеркнула этих людей из своей жизни, считая, что все беды их семьи идут от этих мерзавцев. Закрадывалась мысль уехать к родителям, но она тут же её прогоняла, считая, что это будет выглядеть бегством, нет, даже предательством по отношению к Грише. А на кого я оставляю своего любимого сыночка? Кто же попроведает мою дитятку?

Получив телеграмму о смерти внука. Прасковья Петровна решила срочно поехать к дочери, но как ни умоляла, ни уговаривала председателя колхоза, тот как отрезал:

— А кто работать будет? Не уговаривай, Прасковья.

Надя с нетерпением ждала приезда матери, надеясь, что с ней будет легче пережить случившиеся. Но ответная телеграмма повергла её в ещё большее уныние.

Увидев в очередной раз, как Надя истязает себя горем, не вытерпела на работе бригадир Катерина:

— Всё, девки, хватит с ней сюсюкаться! Ты вот что, — обратилась она к обречённой сидевшей Наде. — Пойми, наконец: что бы и как бы ты ни делала, ребёнку уже не поможешь! Как в народе говорят, об ушедших надо помнить, а думать надо о живых! Вот ты и начинай думать о жизни. Она у тебя ещё вся впереди. Вернётся мужик, и нарожаете ещё целую ватагу мальчиков и девочек. Вот и пооберегай себя для будущих детей. Время и тебя вылечит. Хватит хлюпы да мокроту пускать!

— Тебе легко, Катя, о моём горе говорить.

— Да, Надя, мне легко говорить. Только ты не знаешь, да и незачем никому знать, что я тоже одиннадцать лет назад похоронила свою Наташеньку, которой было тогда почти три годика. Где уж мне знать материнское горе?

— Катя, Катенька, прости! Прости, пожалуйста.

Надя обняла Катерину.

— Катенька, прости. Я не сошла. Я не знала. Сама не знаю, что нашло. Прости.

— Ладно, Надя, что уж тут... Я тебя понимаю. Успокойся. — Она вытерла ладонью слезинки, катившиеся по щекам Нади. — Успокойся. Всё будет хорошо. Ты только потерпи маленько. Потерпи.

И тихо, почти шёпотом, попросила:

— Давайте, девки, за работу, и так уже полтора часа проворковали.

Не зря говорит народная притча: «Пришла беда, открывая ворота». Вот и в семейство Широковых, словно свирепый ураган ворвался, корёжа души и сердца. Весть о смерти внука окончательно доконала истерзанное сердце Ивана Васильевича, отца Григория.

— Был бы Гринька, уберёт бы мальчика, а так, без отца, что...

Убитый горем и потерявший всякое уважение и веру к власти, старый коммунист нежданно-негаданно захворал и слёг в постель.

Уж кто-кто, а он-то хорошо знал своих сыновей, верил в их честность и высочайшую гражданскую порядочность. Сколько добивался правды, но всё впустую. Хоть и пристыдил его тогда Гринька за желание написать письмо самому Сталину, он всё же написал вождю, но ответа так и не дождался.

– Где же справедливость, правда? – размышлял он, сверля потолок глазами.

Вошла Анастасия Федоровна.

– На морсику брусничного, попей. Маковой росинки за день не проглотил.

– Не хочу, Настёна, в горло не лезет.

– Давай попей, попей.

Она приподняла его голову с подушки и силком заставила выпить несколько глотков.

– Может, речечки натереть с лучком и картошечки отварить в мундирах? – уговаривала она мужа.

– Нет, мать, ничего не хочу. Позже, может к вечеру.

В комнату вбежал внук, сын Петра, швыряя носом и размазывая мокроту над верхней губой.

– А, Васятка! – обрадовался дед.

Внук подошёл к бабушке, взял его за руку.

– Ты чё, захворал, деда?

– Да, так, немножко отлежусь, да встану.

– А мамка пироги из калины спекла, тебе с бабушкой направила. Энтот раз не кислые, с сахаром, вкусные.

– Ну, тогда неси, попробую.

Васятка вихрем помчался на кухню.

– Деда! А бабушка тебе велела пирог с морсиком есть.

– Хорошо. А ты сам, Васятка, морсик пробовал?

– Нет.

– На, глотни, вкусно.

– Аха, вкусно.

– Пей ещё.

– Нет. Ты деда ешь с морсиком, мне бабушка нальёт.

– Ох, и мастерица твоя мамка пирожки печь.

– И вправду получились очень вкусные, – гордо подтвердил внук.

Иван Васильевич облокотился на подушку под пристальным вниманием Васятки, долго шамкал пирожок, показывая всем своим видом, что пирог действительно отменный.

– Спасибо Васятка, передай маме, что дед таких вкусных пирогов отродясь не едал.

– Передам. Ну, я пойду.

– Беги, милый, беги... – он погладил внучонка по головке. – Беги, играй.

Тронутый вниманием и добротой Васятки, Иван Васильевич вновь погрузился в свои размышления.

– Нет, наш род живуч. Вона, какое новое поколение растёт. Главное, чтобы их так же ломать не стали, ни с того ни сего. Не доходят, видно, руки вождя до всех

дел. А помощники, выходит, никудышные. Всякому сброду доверяют властвовать на местах. Вот они и хозяйничают, да безобразничают. Развели всякую контру. Сукины дети, таких мужиков засадить. За что? Хотя как-то разобрались бы... Ну, ничего, у Сталина и настоящих коммунистов сил хватит! Наведут порядок. Поживём, посмотрим...

Однако, несмотря на оптимизм и веру в справедливость, силы старого большевика таяли. Две тяжелые раны, полученные в годы гражданской войны от своих же собратьев по крови, несправедливое обвинение и арест сыновей, смерть внука доконали изношенный организм. Спустя три недели после смерти внука, попарившись в бане, он лёг спать да так больше и не проснулся, уйдя в другой мир с твёрдой верой в мировую революцию, светлое будущее коммунизма, справедливость вождя всех времен и народов Сталина.

Оставшись без мужиков и какой-либо поддержки, Валентина, жена Петра, засустилась отъезжать в город Моршанск.

С Валентиной Пётр познакомился в Канске, куда она приехала по распределению после окончания педагогического училища. Сама она была родом из небольшого городка Моршанска, что на Тамбовщине. Там жили её родители и все близкие родственники.

— Что тут, мама, делать-то одни будем? — уговаривала она свекровь, Анастасию Фёдоровну. — Там, поди, мои родители, братья, сёстры, да, почитай, ваша кровиночка, дочки Олюшка с Лизой... вместе-то легче прожить будет. Мама моя письмами забросала с приглашениями. Петенька, даст бог, отмучится, туда и приедет. Да и климат там для Вас подходящий.

— Послушаешь тебя, Валентина... ты как муха назойливая: жужжишь, жужжишь... Климат подходящий. Мне уже помирать пора, о душе подумать, а не о климате. Сыночков бы хоть повидать, а то вон отец ушёл, не простившись. Нет, Валентина, не веди пустой разговор, здесь наше гнездо. В нём вырастила своих птенцов, здесь и помирать буду.

— Зря вы так, мама.

— Неизвестно сколько бы длилась их тяжба, не приедь в деревню младшая дочь Широковых, Ольга, два года назад уехавшая в город Моршанск к сестре Елизавете после окончания медицинского училища. Вместе с Валентиной они можно сказать силком увезли мать на новое место жительства.

ГЛАВА 9

БЛАГОСКЛОННОСТЬ СУДЬБЫ

Ещё в конце 1931 года японская армия, захватив Северо-восточный Китай, вышла на советские границы. Это изменило жизнь на Дальнем Востоке и Забайкалье и сказалось на судьбе Григория Широкова.

В 1932 году в регионе было создано прояпонское государство Маньчжоу-Го, а с 1934 года Великая Маньчжурская Империя — по сути своей колония Японии и

плацдарм для нападения на СССР. Возникла реальная угроза отторжения от России Дальнего Востока и Забайкалья.

В этих условиях значительно активизировалась деятельность японской разведки. Её основным звеном стал 2-й отдел штаба Квантунской армии, руководивший так называемыми японскими военными миссиями – центрами японской разведки в городах Маньчжоу-Го. Главная военная миссия в Харбине, аппарат который насчитывал более тысячи человек, занималась глубокой разведкой в СССР и МНР. Действовали специальный отдел радиоперехвата, авиадесантный отряд, школа по подготовке террористов, переводчиков с русского языка.

Основной упор японские спецслужбы делали на создание агентурной сети на территории СССР. С японской стороны систематически направлялись разведчики-маршрутники, а противодействовали им советские чекисты.

Для нейтрализации японских спецслужб в 1932 году читинская контрразведка начала операцию «Мечтатели». В Маньчжурию был направлен связник от якобы существующей в городах Чите и Иркутске японской подпольной организации. После длительного изучения и проверки связного японцы поверили в наличие в Забайкалье «тайной организации» и стали использовать её в разведывательных целях, фактически работая по сценарию, который разрабатывали советские контрразведчики, возглавляемые М. С. Яковлевым и Я. К. Кейзером. Читинские чекисты, изображавшие «подпольщиков», фактически контролировали работу основных вражеских агентов и связников, передавая через них ложную информацию, благодаря чему заморские «мечтатели» из японских спецслужб три года работали вхолостую.

Несмотря на предпринятые меры, угроза границам СССР на Дальнем Востоке со стороны милитаристской Японии с каждым годом нарастала, а к началу 1939 года и вовсе переросла в настоящие боевые действия.

Июльское солнце безжалостно жгло измученные голодом и нещадным физическим трудом тела и души эзков. Словно соревнуясь с ним, ещё свирепее мучила и пила последнюю кровушку заключённых ненасытная, прожорливая таёжная свора комаров, мошки, мокреца. И если от небесного светила как-то можно было прятаться, от банды насекомых, летающих, ползающих, вездесущих, покоя не было ни днём, ни ночью. Лишь дёготь, да изредка налетающий ветерок на мгновение приносили облегчение узникам – покорителям тайги. Широков, изнемогая от усталости, ковыляя, катил тачку с грунтом к насыпи, завершив очередной рейс. Он присел на краешек своего «самосвала» чтобы немного передохнуть и набраться сил на выполнение дневной нормы. И тут ему показалось, или в самом деле были окрики людей, копошившихся у карьера, но сил и желания поворачивать голову в их сторону не было... Нет-нет, сейчас отчётливо прозвучала его фамилия. Медленно повернувшись всем корпусом, он увидел идущего конвоира.

– Заключённый Широков! – как сохач во время гона проревел он. – За мной! В головной барак.

– Неужели опять кто-то приехал с новыми допросами, – медленно отрываясь от тачки, подумал Гриша.

– Давай шевелись, велено немедленно доставить! – опять проревел конвоир.

– В чём, собственно, дело? – непроизвольно вырвалось у Григория.

– Дело у прокурора, здесь работа, поторапливайся, – настаивал конвоир. – Не хрен зубоскалить! Да, ещё велено захватить с собой личные вещи.

– Вот те раз! Неужели опять в каземат? – мелькнули нехорошие мысли, – только бы не это...

Прибыв к начальнику лагеря и доложив по форме, Григорий увидел сидящих незнакомых ему людей: один в штатском, другой – в военной форме.

– За вами, Широков! – без всяких вступлений и объяснений словно выстрелил лагерный начальник.

– Вы забрали все свои вещи, Григорий Иванович? – спросил военный.

– Да, – растерянно подтвердил Григорий, совершенно не понимая, что происходит.

– Поедете с нами, по дороге всё объясним.

– Куда, зачем? – лихорадочно мозговал Широков, прокручивая варианты новых неприятностей и испытаний...

Дорога, ведущая от лагеря к Тайшету, скорее напоминала танковый испытательный полигон. Сплошь рытвины, промоины, которые то и дело приходилось объезжать и проскакивать на скорости.

Водитель «эмки», здоровенный детина в форме рядового Красной Армии, вцепившись, как краб клешнями в баранку, то и дело бешено вертел ею влево-вправо, заправски преодолевая одно за другим препятствия. Пассажиры, ежесекундно подпрыгивая на сидениях, мёртвой хваткой держались за небольшие поручни и выступы кузовка машины, дабы не вылететь наружу. Тряска немного отвлекла Григория от дум и догадок.

Наконец юркая «эмка» вырвалась из плена ухабов и, словно прокашлявшись, после нескольких хлопков из выхлопной трубы, помчалась по ровной гравийной дороге.

Сидящий впереди военный обернулся и, улыбаясь, обратился к своему товарищу.

– А что, Михаил Борисович, ещё пару таких поездок и я, пожалуй, избавлюсь от радикулита. Не поверишь, – продолжал он, – когда на ручье нас лихо потрянуло, кажется, мой позвонок сдвинуло в нужное место. Прохора поощрить придётся. Он, оказывается, не только ас-водитель, но и настоящий лекарь.

Он дружески хлопнул водителя по плечу.

– Спасибо, не забуду твою доброту и заботу о здоровье начальства.

Посмеялись. Долго ехали молча.

– Что они затеяли? – терзал себя догадками Гриша. – Вроде бы тон доброжелательный, ведут себя открыто... Хотя сколько уже раз ты видел, чем заканчивались подобные разговоры и доверительность? Эх, Гришка-Гришка, наивный чудак! Нашел, кому верить... А может, батя добрался до верхов, – неожиданно ухватился он за желанную ниточку надежды.

– Не мучайте себя Широков, – словно читая затылком мысли Григория, прервал его военный. Затем, не спеша повернувшись, назидательно обронил:

– Партия, Григорий Иванович, умеет наказывать, но умеет и прощать. Надемся, что вы это прекрасно осознаёте и делом докажете, что такое доверие оказано не напрасно.

– Да-да, конечно, – ничего не понимая, тут же согласился Гриша.

Военный сделал паузу.

– Вы свободны.

– Как? – машинально вырвалось у Широкова.

– Григорий Иванович, я вам предельно ясно сказал, что партия умеет прощать преданных и верных ей людей. Помните об этом. А теперь к делу, – продолжал он. – Сейчас по приезде в Тайшет получите необходимые документы и – в Читу. Подчеркиваю: в Читу, прямым ходом в военкомат, там объяснят. В вашем распоряжении пять суток, постарайтесь без суеты со всем управиться. И ещё. Обязательно загляните на работу в трест, там, полагаю, Вас ждут приятные вести. И последнее. Постарайтесь не обсуждать произошедшее с Вами недоразумение. Вы – умный человек, прекрасно понимаете: в стране идут серьёзные преобразования, чистка рядов партии от всякого мусора. Неизбежны ошибки, но, как видите, партия умеет их исправлять и доверять преданным ей людям.

– Многим ли? – подумал Широков и, тут же испугавшись, прочь прогнал эту мысль...

Григорий проснулся от громкого женского голоса. Открыв глаза, не мог сообразить, где он и что происходит. Люди, полки, напоминающие нары...

– Да вагон же, чёрт тебя побери! О, господи, неужто с ума схожу?

Он от души посмеялся над собой. Оказалось, что разбудил его голос дежурного по станции, доносившийся из полуоткрытого окна вагона.

– Сколько же я продрых... Где мы стоим? – обратился он к сидящему в ногах пожилому мужчине.

– В Иркутске.

– А время стоянки?

– Кажись, минут двадцать – двадцать пять, не более.

– Спасибо.

– На здоровьице, – вежливо ответил сосед.

Пожалуй Широков ещё бы повалился, но пустой желудок настойчиво требовал пополнить закрома. К тому же ему очень захотелось прошвырнуться по Иркутскому перрону. Григорий много раз бывал по делам службы в Иркутске и ему очень нравился этот старинный город, стоящий на берегах красавицы Ангары.

Задержавшись в дверях тамбура, он окинул насколько позволял взгляд дома, стоящие по всему берегу, голубовато-зелёную гладь реки, и, вдохнув её свежий аромат, спустился по ступенькам на перрон.

Его тут же окружили старушки и молодухи в чистых платочках, предлагая наперебой купить малосольные огурчики с дымящейся картошечкой, омуль с хариусом,

варенец и другие яства, от вида которых Широкову стало дурно. Истошённый тюремной пайкой организм готов был одним махом проглотить все эти простые, но необыкновенно вкусные деликатесы. Худоба, болезненность и интеллигентность Гришиного облика особо привлекала торгующий люд. Глотая выделяющуюся невероятными объёмами слюну, он налево и направо раздавал: «спасибо, благодарю, я уже купил», стараясь побыстрее ускользнуть из наименее приятных ароматов предлагаемой пищи.

Не испытай это Широков, вряд ли когда-либо поверил, что физические пытки порой выглядят сушей мелочью по сравнению с пыткой под названием голод. Освободившись от наседавших торговцев, он вывернул наизнанку все карманы в надежде наскрести хоть какую-то сумму. Обшарив всего себя, улыбнулся, вспомнив пошлую детскую поговорку: в этом кармане вошь на аркане, а в этом кармане – блоха на цепи.

Тем не менее, от крохотной суммы, выданной на дорогу и оставшейся от вчерашнего ужина, кое-какие мизерные сбережения остались. Вернувшись, подошёл к первой же старушонке, вытряхнул ей в ладонь всё без остатку. Сердобольная старушонка, видя перед собой такого доходягу, отвалила ему целых три крупных, ещё дымящихся паром, картошки, которые Широков тут же, отвернувшись, не заметил, как проглотил.

– Граждане пассажиры! Скорый поезд «Москва-Владивосток» отправляется с первого пути! – напомнил круглый алюминиевый динамик, прикрепленный на одном из деревянных электрических столбов перрона.

Вернувшись в вагон, Григорий завалился на свою полку плацкартного вагона и отвернулся к стенке. Мысли работали в двух направлениях. Во-первых, надо было избавиться от зуда в желудке, просившем, нет, требовавшем пищи (проглоченная картошка только раздувала ненасытную требуху). Вторая задача была полегче, но в совокупности с первой казалась далеко не простой: что сделать для того, чтобы быстрее уснуть?

В поисках выхода Григорий пытался переключить мысли и напрячь воображение. Ещё в Тайшете он хотел отправить телеграмму домой, но взвесив финансовые возможности, скорее даже оценив скорость доставки, не решился.

– Широков, не лукавь, – упрекнул он себя. – Давай пооткровеннее. Тебя гложет странная, необъяснимая жаба недоверия к жене, так? Нет? Не уваливай! – И ведь правда, гложет... Всё-таки прошло больше года, не было никаких вестей, всякое может быть, она молодая, красивая...

... Вот поэтому ты решил тихо, подленько её проверить? Эх, Гриша, Гриша! Похоже, нервишки совсем сдали, коль опустился донельзя, – пристыдил он себя.

– Нервишки сдали... А какие их надо иметь, чтобы не сдали?

– Пожалей, пожалей себя, может ещё и поплачешь... Давай, заодно и сопли распусти.

... Ну хватит, развел самоедство! Критику, самокритику... Завтра будешь дома, там и разберёшься, что почём.

Устав от этих бредней, закрыл глаза.

– Завтра... Какое оно будет, завтра? В моём распоряжении пять суток, – каких пять? – уже четыре! Что там уготовил мне военкомат? Одни кроссворды. Отпустили Петра или где-нибудь тачку катает?

Он на мгновение представил только что оставленный в тайге гравийный карьер и эков, катавших двуручные тяжёлые тачки.

– Хорошо бы так. А может, уже и в живых нет? Как старики, каково им? Повидаться бы...

Ему не давала покоя мысль о неожиданном освобождении, о людях, приехавших за ним в самое пекло, более чем странных приказах... Он хоть и военнообязанный, но не кадровый военный, к чему всё это?

– Гриша, главное – ты свободен, понимаешь, сво-бо-ден!

... И если верить этим людям, меня на работе ждут приятные вести. Этот военный ведь так прямо и сказал... Надеюсь, что и дома они будут приятные. Не так страшен чёрт, как его малюют. Выходит, что не так уж всё и плохо – по-философски подвёл он итог своим размышлениям.

В Читу поезд прибыл утром, и Широков искренне пожалел, что не дал телеграмму жене. «Бес попутал!» – в очередной раз укорил он себя.

Григорий хорошо помнил тайшетский приказ: по приезде в Читу первым делом – в военкомат. Но разум не хотел этого понимать, в голове стучало:

– Домой, домой хоть на часок!

Выйдя с территории вокзала, остановился, спросил у прохожего время.

– Что же делать? Если Надя работает, она уже ушла на работу. Ключей у меня нет. На каком участке и объекте она работает, не знаю...

– Гриша ты уверен, что за тобой не следят и чем это может обернуться? – подсказывал внутренний голос.

Посмотрел по сторонам: город как город, люди со своими заботами и проблемами, спешат кто куда.

– Ладно, – твёрдо решил он. – Надю придётся искать долго, если она вообще в Чите. В военкомат – так в военкомат, не буду испытывать судьбу!

Прибыв туда, очень скоро убедился в правильности своего решения.

– Вас ждут, – после короткой беседы сообщил ему встретивший дежурный. Проходите, – указал он на дверь комиссара.

Постучав в дверь и услышав: «Входите», робко перешагнул порог.

Кабинет был наполнен яркими лучами утреннего солнца, которые ударили золотистой россыпью в зрачки Широкова, заставив зажмуриться. Открыв глаза, Григорий, опешил: Не может быть! Галлюцинации? Он сильно сомкнул веки и так же резко открыл: Нет, он! Сбоку от военкома за большим столом, покрытым зелёной тканью, сидел знакомый тайшетский военный...

– Что, не ожидали увидеть? Работа, брат, такая.

Он встал, сделав шаг, другой навстречу Широкову. Протянул руку:

– Здравствуйте, Григорий Иванович. Я очень рад, что Вы подтвердили репутацию обязательного, пунктуального человека. Это и есть Широков, – представил он военкому Григория. – Присаживайтесь!

– Григорий Иванович, – учтиво начал военком. – Вы, полагаю, знаете, что на нашем Дальнем Востоке уже не первый год складывается крайне опасная обстановка. Западные державы делают всё, чтобы толкнуть империалистическую Японию на войну против СССР. Японская военщина постоянно устраивает военные провокации на границе с нами. Если помните, в 1931 году японская армия захватила Северо-Восточный Китай, вышла на советские границы.

Центральный Комитет партии, правительство не может спокойно наблюдать сложившееся положение и принимает соответствующие адекватные меры по укреплению границы нашей Родины. Для этих целей нужны не только военные, умеющие с оружием в руках отстаивать наши рубежи, но и специалисты, профессионалы, умеющие строить укрепленные районы, заградительные системы, мосты, дороги.

По рекомендации парткома и руководства строительного треста есть мнение направить вас в «спецкомандировку» в Монгольскую Народную Республику. Улаживайте быстро дела в тресте, домашние... И последнее. Никаких комментариев относительно Вашей командировки. Выполняем условия договора о взаимопомощи братскому монгольскому народу. Вопросы есть?

Широков встал. Не давая отчета в происходящем, машинально ответил:

– Нет.

– Вот и прекрасно. Зайдите в третий отдел, там всё подробно объяснят.

Он протянул старческую руку чем-то напоминающую отцовскую:

– Желаю удачи.

Не оставил без внимания Широкова и его тайшетский визави. Пожав на прощание руку, также пожелал удачи и благополучия. Григорий сожалел, что так и не узнал ни имени, ни фамилии, ни должности этого обаятельного человека, волею обстоятельств связанного с его судьбой.

Выйдя из военкомата, Широков, не мешкая, заспешил в родной трест.

– Вот она, оказывается, где разгадка! Значит, не забыли меня, не побоялись встать на защиту, верили. Ох, как непросто было на это решиться, да что там непросто, смертельно опасно!

Пройдя следственные пытки и живой Гулаг, потёршись бок о бок на нарах с себе подобными, Широков отчётливо представлял себе, какие неприятности могли быть у людей, вставших на защиту его доброго имени.

– Ах вы, мои верные друзья и наставники! А я порой обижался на вас... Простите! – он мысленно поблагодарил Афанасия Ивановича, управляющего трестом, и секретаря парткома Бориса Петровича. – Значит, не всё так плохо. Есть надежда на добрые перемены.

Он, как мальчишка, радовался открытию, забыв о голоде, о том, что через три дня окупится в совершенно новую, неведомую для него жизнь.

– Где же моё солнышко, Наденька?

Только её сейчас не хватало Широкову, чтобы испытать полную чашу самого счастливого человека земли.

Он буквально вбежал в контору треста. Всё так же, стоит бюст Ленина. Большое панно: Итоги соревнования. Доска почёта, его портрета нет, сняли.

– Ну, а как иначе, всё закономерно: враг народа.

– Да будет тебе, Гришка, заводиться, успокойся... Стоп, стоп!

Его внимание привлёк портрет в самом углу доски.

– Надя! Красавица моя.

Легонько прикоснувшись пальцами, погладил фотографию жены. Оглянулся по сторонам как воришка, чмокнул изображение в губы. Стекло, прикрывшее фотографию, ответило легким холодком, но сладковатым привкусом. Гриша облизнул губы, словно после Надиного поцелуя.

– Значит, не уехала, ждёт.

В приёмной начальника треста сидело много народу, ждали совещания.

– Здравствуйте, – робко произнёс Григорий.

Воцарилась гробовая тишина, немая сцена.

Все сидящие хорошо знали Широкова. Но всем также было известно, что он арестован, и каждый толковал это событие по-своему. К тому же смущал внешний вид бывшего арестанта...

Первым пришёл в себя начальник деревообрабатывающего цеха Спиридонов, с которым Григорию приходилось работать практически ежедневно, делая заказы на объекты.

– Григорий Иванович... Гриша! Жив?

И бросился обниматься.

Через мгновение каждый из присутствующих пытался обнять или пожать руку Широкову. В приёмной вообразился невероятный гвалт.

– Тише, товарищи, тише! – пыталась успокоить присутствующих секретарша, направляясь в кабинет начальника.

– Маша, что там у тебя за митинг? – проворчал шеф.

– Широков, Широков пришёл. Вернулся Широков.

– Что же стоишь? Зови!

– Григорий Иванович, – колокольчиком прозвенела секретарша. – Пройдите, вас ждёт Афанасий Иванович.

Войдя в кабинет, Григорий увидел милые, до боли знакомые лица главного инженера, секретаря парткома и, конечно же, батю, от которого ему не раз доставалось по полной программе. Они встали и, словно сговорившись, пошли к нему навстречу.

– Ну, здравствуй Гриша! – Афанасий Иванович по-отечески обнял своего любимца.

– Крепкий не по возрасту, – отметил Григорий, освобождаясь из объятий бати, так его звали за глаза подчинённые, о чём он знал и безмерно гордился. Дав поздно-

роваться с остальными, Афанасий Иванович опять подошёл к Широкову. Измерив его взглядом снизу доверху, проронил с горечью:

Да паря, сынок. Видок у тебя неприглядный, в гроб, пожалуй, краше кладут. Но ничего, кости целы и то ладно, нажируешь. Медведь вон весной какой, одна арматура да шкура, а к осени не доведи господь попасться в лапы, как в жерновах перемнёт. Ты вот что, не сердчай. Видишь, люд ждёт. Давай завтра к восьми подтягивайся, всё и обсудим. Да, в партии тебя восстановили!

– Спасибо, Афанасий Иванович.

Ты не мне спасибо говори, а вон ему, – он бросил взгляд на секретаря парткома. – После твоего случая, Гриша, я на Бориса Петровича, признаюсь, стал смотреть много иначе. Ну ладно, давай, приводи себя в порядок, завтра помозгуем. Подожди. Ты ведь наверно гол как сокол?

– Не буду врать, так и есть, – признался Григорий.

Вошла секретарь.

– Маша, пригласи главбуха. Иди в бухгалтерию, я распоряжусь.

Получив небольшой аванс и узнав у нормировщика, на каком объекте работает Надя, Григорий, как искатель драгоценного клада, ринулся к своему главному в жизни сокровищу.

– Может зайти в парикмахерскую, побриться, привести мало-мальски себя в порядок? Прав батя, в гроб краше кладут. Поди и не признает, чёрт из табакерки и только? Нет, все это мелочи. Вот пожрать бы чего – другое дело. Брюхо тут же напомнило о своём назначении. Нет! Пробьешься. Бывало хуже. Только к ней.

Бригада, в которой работала Надя, вела ремонтные работы здания детской больницы, расположенной недалеко от железнодорожного вокзала.

Приедь Григорий утром чуть пораньше, не исключено, что их пути-дорожки могли бы пересечься. Вот оно, двухэтажное здание, мимо него Гриша утром прошёл в военкомат. Постоял немного у входа. Сердце, как поршень у напряженно работающего двигателя, молотило на предельных оборотах.

– Успокойся, нельзя же так. Успокойся! Машинально погладив себя несколько раз по затылку, зашёл в здание. В холле стояла небольшая лестница, бочонок с водой, носилки. В углу кучка песка и цемента. В левой части коридора слышались женские голоса.

– Наверняка девчата штукатуруют комнаты. Она там!

Пройдя несколько шагов, остановился, прислушался. Женщины, работая, перебрасывались отдельными фразами.

– Голоса Нади не слышно, скорее всего, на втором этаже работает, – решил он.

– Мужчина, вы что здесь делаете? – неожиданно услышал он голос сзади.

Обернувшись, увидел женщину держащую в одной руке мастерок, в другой – ведро.

– Здравствуйте, – дрожащим голосом проскрипел Широков.

Он сразу узнал её. Это была Катя, бригадир.

– Здравствуйте. Что вы хотите? – более примирительно спросила она.

– Простите, – Григорий понял, что она его не узнаёт. – Вы не подскажите, где можно увидеть Широкову Надежду?

Женщина подошла ближе. Мгновенно бросив ведро и мастерок, со словами: «Григорий Иванович, миленький» кинулась к нему в объятия.

Горе Нади незримо вошло в душу каждой из этих простых, добрых и отзывчивых женщин, работающих в бригаде штукатуров. И, конечно же, возвращение Широкова было их общей радостью.

– Простите, Григорий Иваныч, не признала. Ей-богу не признала, – плача, оправдывалась Катерина и причитала – Господи, худюший-то какой!

– Успокойся Катя, ну что ты, право? Не признала – значит к богатству, деньгам, что ж тут плохого? А кости целы – значит мясо нарастёт и худобу уничтожим как классовый элемент, – пошутил он, пытаясь успокоить женщину.

На шум, побросав мастерки и кисти, выскочила в коридор почти вся бригада.

– Где же Надя? – недоумевал он.

– Григорий Иванович, – наконец придя в себя, начала тараторить бригадирша. – А нам Маша с конторы позвонила в кабинет главного врача и передала, что Вы приехали и находитесь там. Вот Надя и на радостях бегом в трест.

– Вы меня простите, – перебил Григорий сгоравших от любопытства баб. – Я тогда пойду ей навстречу.

Пулей вылетел из больницы и как мальчишка помчался в контору треста.

Надя тем временем, обегав все кабинеты и не найдя мужа, решила, что он наверняка ждёт её дома. В спешке, пытаясь перескочить через ступеньку высокого крыльца, споткнулась, упала, поранив сильно палец правой руки.

– О Господи, да что же такое? – поднимаясь, в сердцах выругалась она.

Палец сильно кровоточил, оставляя розовые пятна на последних ступеньках крыльца и тротуаре. Но Надя не ощущала боли, сломя голову, устремилась домой.

Её ждало огромное разочарование: дверь оказалась заперта, в комнате всё было без изменений. А какие могут быть изменения? До неё только сейчас дошло, что у Гриши нет ключей. Что же делать? Она немного успокоилась, пытаясь осознать происходящее. Достала бинт, чепушку, в которой был настой березовых почек на водке. Обработала ранку.

– Где же он может быть? А не могли его опять арестовать?

От этой мысли сердце затрепетало, наполнившись тревогой и болью. От отчаянья подбежала к окну.

Неожиданно распахнулась дверь квартиры. Обернувшись, только и смогла вымолвить: Гриша! Нервное напряжение окончательно лишило её сил. В глазах пошли круги и, не подхватив её Григорий, наверняка бы рухнула ничком на пол.

– Наденька, Наденька, – повторял он имя жены, целуя и поддерживая обмякшее тело.

Она открыла глаза.

– Гринечка, родной, – изо всех сил вцепилась в его худшее тело.

– Гринечка, любимый, живой. Вернулся!

Слезы радости и горечи, перемешавшись, ручьём текли по её щекам. Григорий, вытирая их ладонью, готов был сам заплакать от нахлынувшей жалости и любви к ней.

– Не плачь, родная моя, не плачь.

Он гладил и целовал её волосы, мокрые солёные от слез глаза, прижимая подрагивающее тело.

– Успокойся, Наденька. Видишь, всё в порядке, я живой и невредимый.

– Гринечка, – она нежно гладила его лоб, щеки. – Любимый мой, как же я соскучилась!

Они ещё долго стояли, прижавшись друг к другу, словно боялись, что их вот-вот опять разлучат.

– Гришенька, – спохватилась Надя, – ты же, поди, совсем голоднющий? Беденький мой, весь иссох. Но ничего, откормлю, поправлю, отмою.

– Отлично, – попытался шутить он. – И я буду блесстеть, как праздничный самовар на столе.

– Ой, самовар ты мой, самовар, – громко рассмеявшись, Надя опять прижалась к мужу. Григорий нежно взял её на руки. Страстно целуя, увлёк на кровать.

– Наденька.

– Гринечка, любимый, – шептала она, испытывая нежность и огромную любовь к самому дорогому, единственному мужчине. Пылкая страсть и нежность овладели их разумом, унося в бескрайние любовные игры. Насладившись этой страстью, они ещё долго, обнявшись, лежали, боясь спугнуть это счастливое волшебное мгновение.

– Наденька. Солнышко моё, – шептал Григорий, целуя уголки её губ.

– Гринечка, родной мой, – она нежно гладила его лицо, целуя нос, глаза. – Господи, худющий какой. – И тут только опять спохватилась, что он голодный – Гринечка, я сейчас!

– Сейчас, – засуежилась Надя, вырываясь из его объятий.

– Надя.

– Подожди, родной, подожди. Я сейчас мигом приготовлю.

За приготовлением еды Надю словно молнией пронзила мысль:

– Боже, как же я расскажу Грише о сыне? И что мать увезли в Моршанск, а отец похоронен? А о брате Петре по сей день ничего неизвестно... Какие найти слова, чтобы растворить этот сгусток горя и уберечь израненную душу мужа? Господи, помоги!

– Надюш, а где мои бритвенные атрибуты, – прервал Григорий её мысли.

Невидимый ком сдавил её горло.

– Надь, где лежит бритва и помазок?

– В комодке, в нижнем ящичке. Подожди, я сейчас достану.

Но Григорий уже выдвинул ящичек комоды.

Его внимание сразу же привлекла небольшая деревянная рамочка, лежавшая поверх белого расшитого узорами рушника. В четырехугольном квадратике на фотографии был запечатлен маленький улыбающийся, голенький ребёночек,

лежащий на животике с растопыренными ручонками. Поднявшись с корточек, Григорий повернулся к жене.

– Надюш, это чей такой прелестный малыш?

Надя ничего не ответила. Григорий, любуясь фотографией, заметил.

– А что, любимая, и нам пора таким сыночком обзаводится?

Она стояла молча с каменным лицом словно изваяние, опустив голову. Затем медленно подошла к кровати. Села.

– Надя, что случилось? – он положил рамочку на комод, подсел к ней. – Надюша, что случилось?

– Гриша...

Она подняла резко голову. Сколько раз задавала Надя себе вопрос, что ответить мужу, но ответа так и не находила.

– Беда случилась, Гришенька, беда.

Удивительно, но она это сказала без слёз, без надрыва. Видно всё уже выплакала, выстрадала. Остался только в сердце никому не ведомый материнский потаённый осадок горя, который она будет носить до последней минуты своей жизни.

– Это наш сыночек Толенька.

– Как наш?

Он присел рядом с ней. Обнял её дрожащие плечи.

– Как наш Толенька? Где он?

– Нет его, Гришенька.

– Нет?

– Не уберегла, Гринечка, я нашего сыночка, не уберегла.

Она долго молчала, наклонив голову к коленям, обхватив её ладонями. Затем без рыданий, медленно поведала мужу о сыне. Лишь глаза, наполненные до краёв слезами, катившимися струйками по её щекам, выдавали, чего ей стоит исповедь перед мужем.

С новой силой Надя вновь ощутила, что кровоточащая рана в материнском сердце никогда не зарубцуются. Потрясённый Григорий, слушая жену, сжимался внутренне как пружина, издавая стоны, словно боялся надломиться. Он понимал, но осознать всю трагедию, случившуюся в его семье, с их сыном не мог..

Только потом, посетив кладбище, погладив маленький деревянный крест, через него как будто прикоснувшись к своему первенцу, ощутил невосполнимую утрату и постигшее его горе. Ему стало плохо. Неведомая сила сжала грудь, сковала дыхание. Только присутствие жены и невероятное усилие воли помогли Григорию устоять, не припасть к могиле сына и не разрыдаться.

В смерти сына и страданиях Нади Широков винил себя и только себя: Будь я осмотрительней, дальновидней ничего бы не произошло.

Обладая аналитическим складом ума и сильным характером, он понимал: вернуть и поправить случившееся невозможно. Впереди жизнь. Надо думать о ней. Сейчас надо побережь Надю, обеспечить уверенность, душевный покой, веру в будущее. Ей очень тяжело. Бедняжка не предполагает, что меньше чем через двое

суток опять останется одна. Как её успокоить, помочь найти силы и как-нибудь «помягче» объяснить, что уезжает ненадолго в Монголию?

Сидя заужином он предложил:

– Надюш, давай завтра сходим на сопку любви и Стёпку с Иваном пригласим.

Надя пристально посмотрела в глаза мужу.

– Широков, зубки мне не заговарывай, – с белорусским акцентом начала она пытаться мужа. – Что опять задумал, а ну ховоры!

Она встала, прижалась к мужу.

– Гриша, я всё знаю. Пережила худшее. А сейчас что? Командировка ненадолго. Потерплю. Лишь бы у тебя всё было хорошо.

– Помоги, Господи! Надя, – он обнял ладонями лицо жены и долго смотрел в чистые голубые озера её неповторимых глаз. – Чем же я угодил всевышнему, что он дал мне в жены такую ненаглядную красавицу, умницу, умелицу?

– А вот так, посмотрел, что ты хлопец прыгожы, на тебе и молодуху добру. Тильки ты дужа не зазнавайся.

– Не зазнаюсь, радость моя.

У Григория как гора с плеч свалилась. Значит она узнала в тресте, что я уезжаю. Вот характерец ведь и намека не дала.

– Надя, я получил много денег, пойдем, купим тебе подарки. Я так давно ничего тебе не дарил.

– Пойдём.

ГЛАВА 10

НОВОЕ ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Ровно в шесть ноль ноль специальный поезд, вагоны которого были забиты строительными материалами, оборудованием, металлическими конструкциями, медикаментами, отправился из г. Читы на станцию Борзя. В железнодорожном составе, напоминавшем вытянувшуюся пёструю ленту, выделялся своей ухоженностью и опрятностью единственный плацкартный вагон, пассажиры которого направлялись в «служебную командировку» для оказания практической помощи братскому монгольскому народу. Командировочный люд представлял собой специалистов двух жизненно важные профессий: строителей и медиков, в которых остро нуждалась братская страна в связи с обострившейся международной обстановкой.

Японские правящие милитаристические круги мечтали расширить свои границы. Аппетиты ненасытного хищника были обозначены ещё 15 июля 1927 года, когда губернаторы провинций, командующие военными округами и представители монополий Японии (тогда через премьер-министра и министра иностранных дел генерала Танкоя) вручили только что вступившему на престол императору Хирохито своё послание. В документе, в частности, говорилось: «Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай ... Имея в своём распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдём к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и

даже Европы. Но захват в свои руки контроля над Маньчжурией и Монголией (то есть МНР и так называемой внутренней Монголией, входящей в состав Китая) является первым шагом... В программу нашего национального роста входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить мечи с Россией на полях Монголии...»

Другой документ, японская газета «Джапан-Таймс» от 30 октября 1933 года: «... Война между Японией и Россией может иметь один исход. Закрепление японцев в качестве полных хозяев Сибири вплоть до горного хребта, который отделяет Европейскую Россию от Азиатской...». И последний документ, демонстрирующий заинтересованность руководства СССР в событиях, происходящих на Дальнем Востоке. Из беседы И. В. Сталина с представителем американского газетного объединения «Скрипс Говард ньюспейперс» Роем Говардом 1 марта 1936 года: «Говард: Какова будет позиция Советского Союза в случае, если Япония решится на серьезное нападение против Монгольской Народной Республики? И. В. Сталин: В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на её независимость, нам придётся помочь Монгольской Народной Республике... Мы поможем МНР так же, как помогли ей в 1921 году».

Эти вопросы будоражили ехавших в Монголию специалистов и были в центре внимания их бесконечных споров и суждений.

– Вы, дорогой коллега, напрасно драматизируете обстановку, – пытался урезонить своего собеседника пожилой крепкий мужчина – медик, внешне напоминающий поэта В. Маяковского. – Японцы – рассудительный народ и все их действия не более чем блеф и сотрясание воздуха.

– Ну, знаете, – наседал на него бритоголовый крепыш. – Быть до такой степени наивным и близоруким по меньшей мере преступно!

– Простите, коллега, но это уже перехлест, – возмутился «Маяковский».

– Перехлест говорите? Тогда, как Вы расцениваете заявление военного министра Японии генерала Араки: «Япония не желает допустить существование такой двусмысленной территории, какой является Монголия, непосредственно граничащей со сферами влияния Японии – Маньчжурией и Китаем. Монголия должна быть во всяком случае территорией, принадлежавшей нам».

– Ну и что? Выживший из ума министр не может по-вашему блефовать? – упорствовал «Маяковский».

– Ну, знаете... Своими философскими умозаключениями Вы, пожалуй, превзошли Фому неверующего. Поздравляю! – подвел черту бритоголовый.

– Берложный Вы человек! – не сдавался «поэт».

– Какой-какой? – набычился бритоголовый.

– Берложный. Видите только в свой берлоге. А говорите так, будто видите весь земной шар.

– Сам ты первобытный...

– Мужики, – вмешалась в разговор пожилая женщина, сидящая у столика. – Костя, – обратилась она к бритоголовому. – Где «беломор»? Пошли в тамбур, покурим. И Вы, Сергей Сергеевич, составите нам компанию?

– Крепкого вам табачку, коллеги, – пожелал им «поэт», – я, пожалуй, посплю.

Такие перебранки или что-то в этом роде можно было слышать по всему вагону.

Григорий, не владея глубоко информацией о событиях, происходящих на Дальнем Востоке, предпочитал не вступать в дискуссии, полеживая на верхней полке, больше слушал, он с наслаждением наблюдал со стороны, как великовозрастные, умные, рассудительные дядьки на глазах перевоплощались в азартных мальчишек-спорщиков.

Устав от дискуссий, он отвернулся к стенке и, закрыв глаза, мысленно возвратился в Читу.

Зря все-таки не согласился с Надей проводить его до вокзала. Она очень настаивала. Конечно, он и сам был непротив побыть с ней как можно дольше. Но зачем терзать её и себя этими длинными, тяжелыми расставаниями? Григорий понимал, что она не сможет себя сдерживать, разрыдается. Нет, правильно, что дома расстались. Ей будет легче.

От Нади он мысленно перебрался в деревню. Черт, так мало было времени! Не успел побыть и поклониться отцу. Прости, батя. Это мы с Петром, уроды, своей строптивостью, безмозглостью загнали тебя преждевременно в могилу. Прости. Как только вернусь, сразу с Надей приедем.

Григорий вспомнил детство. Кончилась гражданская. Ему шёл одиннадцатый годок. Отец с дедом Василием, навоевавшись по горло в братоубийственной войне за советскую власть, вернулись домой. Сколько было радости и счастья. Осенью старшие собрались в тайгу пошишковать, а затем побелковать. Накануне вечером, проверяя таежную оснастку, дед подчёркнуто намекнул отцу:

– Ванюха, паря, пора Гриньку учить таёжному промыслу. Вона какой вырос, акkurat мне замена.

– Ну, насчет замены это ещё, батя, как поглядеть...

– Тут и глядеть нечего. На подбор шишки в сам раз подойдет. Да и рябчика с ружьишкой в распадке на похлебку пусть добывает, – настаивал дед.

Сколько годков минуло с той поры! Григорий потом ещё много раз бывал в тайге, но та первая поездка была особой, загадочной, таинственной. Он хорошо помнит, как дед учил мастерить колот, подбирать к нему нужное дерево. Как сделать правильный косой запил, чтобы крепко держалась ручка колота. Он тогда заставил Гриньку самостоятельно сделать небольшой колоток и обучил, как им бить по дубняку. Показал, как стоять и держать колот, дабы по неумению не повредить мужское достоинство.

– ... А то ведь как могёт быть? – поучал он, – поставишь неправильно колот, промахнёшься по кедрине. Конец ручки колота тут как тут, промеж ног окажется. И бабах! – тебя окурят по кокушкам зацепит. Так, не доведи Господь, навеки без бабы и детишек жить придется!

При этом раз-другой дед показал, как это может произойти.

– Смотри, Гринька, и примечай. А то, пожалуй, по незнанию порешишь широковский род.

Затем, громко рассмеявшись, повалился на мох, и, развалившись на нём, как на пышной перине, долго смеялся.

Потом дед показал, как сделать манок для рябчиков, спрятавшись в ельничке и научив Гришку по птичьей посылке свистывать. Они умудрились в тот вечер добыть пять рябчиков. Два подстрелил Гринька. Григорий машинально проглотил слюну, вспомнив аромат и вкус незабываемой таежной похлёбки.

Широков наверно впервые сейчас так остро ощутил, насколько дорого ему крохотное пятнышко под названием малая Родина на огромной планете Земля. Сердце сжалось от нахлынувших воспоминаний, нежности и любви к родному дому.

– Почему так устроен мир? – досадовал он, – неужели его создатели не могли выделить человеку хоть небольшой миг возвращения в детство? Наверняка вернувшись оттуда, каждый из нас стал бы намного добрее, порядочнее. Уверен, что мы не только стали бы внимательно слушать друг друга, но и, главное, слышать друг друга! Скорее всего, и на жизнь нашу стали бы смотреть романтичнее, с верой и большой любовью, искоренив навсегда алчность, зависть и другие пороки. Во как Гришка закрутил мыслишки лихо, – посмеялся он над собой, – не лучше ли паря с детства учиться этим премудростям и свято нести их по жизни, как самое дорогое и неповторимое? Так, скорее всего, замыслили создатели мира. Ладно, хватит философствовать, постарайся уснуть. В Борзю прибудем рано утром, как там всё будет складываться? Будет ли время вдоволь подрыхнуть? Спи.

Приближаясь к станции, железный коняга-паровоз, будто змей Горыныч, выпустив пар из своих ноздрей, угрожающе несколько раз визгливо свистнул, медленно подкатил к заранее обусловленному месту.

Станция Борзя напоминала одинокую, незащищённую сиротинушку, брошенную среди голой безбрежной степи. Несмотря на то, что лето вступало в свою завершающую фазу, дни по-прежнему стояли чересчур жаркие. И даже ранняя утренняя прохлада не смогла укротить жар и духоту ушедшего дня, передав её как эстафету своему предшественнику. Воздух был почти горячим, а первые лучи восходящего солнца не только поддерживали высокую температуру, но и пытались её поднять. Притомлённые пассажиры, с нетерпением ожидавшие утренней прохлады, были крайне раздосадованы.

– Товарищи, – обратился представитель военкомата, сопровождающий командировочных в Монголию. – Прошу построиться!

Товарищи! Сейчас каждый из вас согласно списку поступит в распоряжение прибывших представителей...

Группа, в которую входил Широков, состояла из двенадцати человек.

– Будем знакомиться, – представился молодой военный – старший вашей группы лейтенант Буренков.

Он персонально пожал каждому руку, повторяя: Буренков.

– Ну, а сейчас нас ждёт машина. Забирайте вещи и вперёд, прямым курсом в

город Баян-Тумэн. Дорога длинная, будет возможность познакомиться поближе.

Полуторка мчалась по степной проселочной дороге, оставляя за собой небольшой шлейф пыли.

Куда не кинь взгляд, голая степь. Ни начала ей, ни конца. Солнце, будто собрав лучи в единый пучок, решило проверить на прочность незваных гостей, вторгшихся в бескрайние просторы владения повелителя Будды. Единственным спасителем путников от беспощадного солнечного зноя был брезентовый тент, натянутый по периметру кузова полуторки.

Широков, сидя на крайней лавке у заднего борта грузовика, пытался рассмотреть в этом бескрайнем степном океане хоть какую-то мало-мальскую живность, но кроме изредка парящих в горячих воздушных потоках голубого неба степных орлов и серенько-рыжих сусликов, стоящих как часовые у своих норок, ничего разглядеть не смог.

Машина неожиданно повернула резко вправо.

– Наверное, плутанули, – подумал Григорий. – И не мудрено. В степи как в тайге. Только опытный глаз может найти особые приметы и различия. Обыкновенному человеку весь ландшафт кажется однообразным.

Полуторка, подпрыгнув на кочке раз-другой и скрипнув рессорами, неожиданно остановилась.

– Выходи мужики. Небольшой привал, – распорядился лейтенант.

– Вот те раз! – удивился Широков, выпрыгнув из грузовика.

Метрах в пяти от машины, словно приведение, стояли две красивые юрты. Широкову, впрочем, как и его коллегам, юрты приходилось видеть разве что на картинках.

Хозяева, встревоженные неожиданным появлением незваных гостей, высыпали как один из своих пристанищ. Прижимаясь и прячась друг за друга, они с огромным любопытством и страхом рассматривали пришельцев. Лейтенант подошёл к старику и на ломанном монгольском языке вперемежку с русским пытался объяснить, кто они и цель визита. Наконец уразумев, что от него хотят, старик медленно повернулся к стоящим поодаль женщинам и, тряся реденькой бородкой, по всей вероятности, пояснил им, что необходимо срочно делать. Женщины, не проронив ни слова, тут же скрылись в юртах. Следом за ними старик жестом пригласил гостей пройти в юрту.

Широкова поразила царившая в такую жару прохлада юрты, её убранство. Всё здесь до мелочей было выверено и просчитано, начиная от входа до вытяжки дыма от очага и расположения хозяйственной утвари. Веками накопленный опыт кочевого народа строить себе простое и надежное жилище восхитили его.

Внешний облик сопливой детворы и обветшалой одежды на женщинах не соответствовал идеальной чистоте и ухоженности самой юрты.

Наверное, жилище для монгола является своеобразным храмом, иначе как можно объяснить такой контраст? – заключил Широков.

Воспользовавшись гостеприимством хозяев, которые предложили гостям отведать кумыс, молочные продукты, а также национальный алкогольный напиток

тарасун. Лейтенант приказал шофёру принести харчи, чтобы капитально подкрепиться.

Выпитый монгольский напиток хоть и был некрепким, снял скованность и напряжение гостей. Больше всех разговорился сварщик Лыков.

– Ты, Миша, на тушёнку сильно не наваливайся, – подкусывал он своего кореша. – Она ведь вместе с кумысом и тарасуном в желудке становится вроде взрывной смеси динамита. А здесь, похоже, озёр и речек нет. Так что глушить рыбу негде. А вот ежели в степи, упаси Бог, начнёшь палить, греха не оберёшься.

– На что намекаешь, Лыков? – огрызнулся Михаил.

– Да отдай мне банку и все дела. Сам знаешь, мой желудок ржавые гвозди без масла переваривает.

– Хорошо, сейчас доем мясо и отдам банку, раз ты такой железоядный. Ты только прожуй её хорошенько. Не дай Бог, банка застрянет в энном месте, тогда, пожалуй, без динамита и впрямь не обойтись.

Дружный хохот потряс юрту. Старик и женщины, при всей своей сдержанности и непонимании языка не могли скрыть улыбки.

– Ну, Григорий Иваныч, если ваши хлопцы и в делах такие же находчивые и сноровистые, успех обеспечен, – заметил старшой.

– Не сомневайтесь, товарищ лейтенант, – скромно заверил Широков.

– Ну что, товарищи, будем благодарить наших монгольских друзей за оказанное гостеприимство. Время не терпит. Ехать нам ещё да ехать.

Все вышли на улицу. Отъезжающих окружили плотным кольцом дети, женщины. Широков вспомнил, что в сумке лежат три баночки мопасье, которые положила в дорогу Надя.

– Каждый день перед сном будешь брать по одной штучке, чтобы вспоминать меня, – наказывала она.

Самый подходящий момент выполнит наказ жены. Достав красивые круглые плоские баночки, он одну подарил старушке, скорее всего, она была либо мать, либо свекровь молодых женщин. Остальные, открыв, вручил детишкам. Мужики, словно сговорившись, ринулись в кузов. Пропотрошив вещмешки, каждый нашёл какие-то сладости, которые подарили на прощание этим добрым гостеприимным людям, живущим на краю света, в богом забытом уголке необъятной планеты.

Отмахав больше четырёхсот километров, полуторка, измученная, ровно как и её постояльцы, прибыла на место.

Несмотря на поздний час, их ждали. Заместитель начальник корпуса лично принял прибывших. Поздоровавшись с каждым за руку, поинтересовался самочувствием. Услышав утвердительное «всё в порядке», перешёл непосредственно к делу, пояснив, что завтра будет некогда.

– Завтра с головой в работу. Несколько слов об обстановке, в которой придется трудиться. Вы, уважаемые товарищи, прибыли в распоряжение 57-го особого стрелкового корпуса. Не буду скрывать, обстановка у нас непростая. Японцы с каждым днём ведут себя всё наглее. Мы имеем достоверные сведения о захватни-

ческих намерениях японских милитаристов. В этой связи возникла острая необходимость как можно тщательнее подготовиться к этим событиям.

Перед вами, строителями-профессионалами, совместно с сапёрным батальоном, в распоряжение которого поступаете, стоит задача ускоренными темпами помочь построить необходимые сооружения, начиная от жилых теплушек, мостов, заградительных систем до взлётно-посадочных полос.

Видите, какой объём и масштабы, а времени на раскачку нет. Поэтому не выжищите, режим работы будет очень напряженным и жёстким. Завтра получите конкретное задание. А сейчас вас ждет повар, поужинайте и отдыхать. В шесть ноль ноль подъём.

По дороге на кухню Лыков заметил:

– А что, Григорий Иванович, начало лихое.

– Это, дружище, ещё не начало... Начнём завтра, – озабоченно подчеркнул Широков.

Восемь месяцев командировки и напряженного, если не сказать, каторжного труда, пролетели как один день. За это время были вырыты десятки землянок под жильё, обустроены бараки для временных госпиталей, подготовлены и укреплены командные пункты, взлётно-посадочные площадки.

Но это всё было каплей в море. Надвигающиеся военные события, разыгравшийся аппетит японских агрессоров диктовали необходимость форсировать укрепление района Халхин-Гола. Требовалось огромное количество строительных материалов, оборудования, а его постоянно катастрофически недоставало. Железная дорога, по которой доставлялись грузы на станцию Борзя, находилась от некоторых военных строительных объектов в восьмиста километрах. Сколько нужно огромное количество автотранспорта, чтобы перевезти прибывший груз.

В свою очередь, японцам до своих баз снабжения рукой подать. От силы километров пятьдесят, не больше. Но всё это куда не шло. Порой приходилось с оружием в руках защищать не только себя, но и строительный объект. Японцы, учитывая разбросанность наших войск по территории Монголии, с каждым днём становились агрессивнее, а, начиная с первых январских дней 1939 года, постоянно организовывали боевые провокационные вылазки, нередко при поддержке авиации.

Широков ещё с вечера запланировал встать пораньше и до подъёма успеть написать письмо Наде. Карандаш так и тянулся рассказать о событиях трёхдневной давности, когда он с колонной из пяти машин вёз цемент и лес-кругляк.

В степи, словно мираж, неожиданно появился японский истребитель И-96. Что только этот сукин сын не вытворял над беззащитной автоколонной! Благо, опытные шофера не стали дожидаться команды из организованной колонны превратиться в хаотично рассредоточенные фигуры. Каждый из водителей, не выпуская из поля зрения самолет, выполнял свои замысловатые маневры. Предельно груженные машины, рассредоточившись в разных направлениях, (благо, позволяла бескрайняя степь) с места пытались хоть как-то набрать максимальную скорость, затем, сделав неожиданный зигзаг, резко тормозили.

Японец, чувствуя полную безнаказанность, позволял себе пикировать на одну из жертв и, выпустив в неё несколько пулеметных очередей, делал новый заход для атаки.

Машина, в которой ехал Широков, возглавляя колонну, при первом заходе самолета оказалась в безопасной зоне, поскольку лётчик зашёл на колонну сзади. Такой расклад позволил шофёру быстрее других вырваться из общего строя и отъехать на значительное расстояние. Хотя о каком расстоянии и скорости можно говорить, если маломощная полуторка было до предела нагружена...

После очередной атаки японец понял, что упустил головную машину, ринулся за ней. Полуторка, прыгая по кочкам, словно живой организм, стонала от перегрузки и напряжения. Широков, видя в лобовое стекло несущийся на них истребитель, вцепившись в панель, готов был втиснуться в сиденье и слиться с ним. Страх и отчаяние охватили его.

– Тормози, тормози и...и...и. – взревел он.

Водитель что было мочи упёрся в тормозную педаль. Полуторка, оглушенная рёвом самолета и градом выпущенного свинца, обреченно застыла на месте. Из радиатора, изрешеченного пулями, будто из смертельных ран, медленно вытекали струйки воды.

Широков и водитель, как по команде, пульей выскочили из машины, намереваясь бежать как можно дальше от нее, чтобы затеряться в пустынной степи, но рёв развернувшегося самолёта изменил их намерение.

– Под машину! Леонтьев, под машину! – заорал обезумевшим голосом Широков.

Не успели они нырнуть под брюхо своей спасительнице, как ненасытный железный хищник, расправив крылья и зловеще гремя мотором, налетел добивать беззащитную жертву. Однако на сей раз он почему-то не пустил в ход свои острые цепкие когти. Только потом Широков понял, почему. Все боеприпасы были израсходованы и пижон-лётчик решил поиздеваться над ними.

Придя в себя после налёта истребителя и осмотрев машину, они с водителем поняли, что родились в рубашке и отделались легким испугом: семь пуль насквозь прошли кабину, чудом не зацепив её обитателей.

К счастью, все водители других машин также оказались живыми и невредимыми. Но три поврежденные полуторки, словно вкопанные, застыли на месте.

Неожиданно зазвенел телефон, стоящий у топчана. Широков недовольно поморщился.

– Письмо не дадут написать. Слушаю!

– Доброе утро Григорий Иванович. Что, тоже не спится?

– Доброе утро, товарищ комбат. Да вот решил письмо жене написать.

– Не торопись, побереги бумагу для следующего раза.

– А что такое? – всполошился Григорий.

– Зайди.

– Есть. Ничего себе, доброе утро. Хорошенькое начало предстоящего денька.

Надо полагать, хорошего ничего не будет, – недовольно пробурчал он, отправляясь к комбату.

– А что такая грустная физиономия с утра, товарищ младший лейтенант? – встретил его, улыбаясь, комбат и иронично заметил. – Это мне надо грустить. А тебе, дружище, думаю, самое время порадоваться. Иль не хочешь? Ну ладно, что я из тебя жилы тяну? Собирайся в Читу! На недельку полетишь, но не больше. Я тут без тебя как Мартын без балалайки. Что молчишь?

Широков опешил.

– Да я, да как-то...

– Что да я, да как-то? – продолжал ерничать комбат.

– Вы бы, товарищ комбат, о таких поворотах в жизни хотя бы за две-три минуты как-то предупреждали... А то так сценарий закручиваете, что я, как племенной бык на выставке, увидев мужика в красной рубахе...

Юмор Григория окончательно поднял настроение комбата на самый высокий градус.

– Вот краснобай, так краснобай. Не ожидал, – повторял он, смеясь, расхаживая по крохотной комнатке. – Ладно, Гриш, садись. Ближе к делу. А то уж больно развеселились с утра, ещё ничего не сделал. Как там в присказке? Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела.

– Так. Так, Иван Данилыч, – согласился Широков.

– Значит так, Гриша, слушай и запоминай поставленную задачу. Вчера поздно вечером разговаривал с комкором Фекленко. Командир корпуса обеспокоен крайне медленной отправкой нам строительных материалов. Да что я тебе сказки рассказываю? Знаешь не хуже меня. Необходимо принять действенные меры и дать хороший толчок отгрузке и отправке. Ты в Чите свой человек. Хорошо знаешь все ходы и выходы, заморочки строительных снабженцев. Вот я и порекомендовал тебя комкору. Тебе и карты в руки. Не подкачай. Толкни так, чтобы эшелон за эшелон пошёл, иначе всё завалим. После обеда летуны по своим нуждам летят в Читу и тебя прихватят. Все бумаги получишь в штабе. Приказ подписан. Вместо тебя остаётся Сидоренко. Вопросы ко мне есть?

– Нет.

– Гриш, я очень надеюсь. Ну, будь здоров. Кланяйся жене. До встречи. Иди.

Удивительный всё же человек наш комбат, – размышлял Широков, возвращаясь к себе в землянку. – Ведь и сам бы мог лететь в Читу, немного отвлечься от этого ежедневного тяжелейшего груза. Три года без выходных и отпуска мотается дениночно по степи. При его характере и напористости эти эшелоны с грузом наверняка бы пошли один за другим. А нет, меня отправил, знает, что в Чите жена, друзья. Знает и другое, что без меня ему туговато будет, и всё же отправил. Сделал это непоказушно, искренне, от души. А я ведь его, грешным делом, считал бездушным сухарём, фанатом-солдафоном. Сколько, оказывается, в человеке потаённой невидимой доброты и уважения. Вернусь, обязательно познакомлюсь с ним поближе. Похоже, большой души человек. Нет, подвести Ивана Данилыча нельзя. Костью лягу!

По прибытии надо сразу проанализировать до мелочей ход поставок стройматериалов, их отгрузку, затем уже заняться железной дорогой, подвижным составом, не мешкая, докопаться, где идет сбой.

Говорят, пошла полоса везения – хватайся и держись за неё как можно крепче и дольше. Широкову, похоже, в этот раз сильно везло. Благополучно приземлившись в Чите, он удачно подсел на грузовичок, отправлявшийся из аэродрома на железнодорожный вокзал.

– Чудеса и только! Вот и не верь в сказки, – сидя в кузове, улыбаясь сам себе, размышлял он. – Настоящий ковер-самолет. Ранним утром в землянке письмо мечтал написать Наде. А на тебе, являюсь собственной персоной!

– Ладно-ладно, не переусердствуй, а то спугнешь удачу, она тут как тут рыбкой ускользнет, – пригрозил он себе.

Поблагодарив шофёра, семимильными шагами устремился домой. Несмотря на плотность зашторенного окна, он определил, что в комнате горит свет. Значит, Надя ещё не спит.

Внутреннее напряжение от предстоящей встречи с женой достигло своего предела.

– Что же делать? Наверное, постучу в окно, пусть откроет штору и вот он я, словно привидение.

– Дурак ты, Широков, и только! Ну, зачем же её пугать?

– Нет, и в дверь стучать не буду, открою ключом. Надя догадается, что это я. А кто же ещё может быть? Так и сделаю. На цыпочках зашел в коридор. Подошёл к двери. Прислушался. Тихо. Пошевелил ключом туда сюда.

– Псих! Дверь наверняка на внутренней защелке.

– Кто там? – раздался тихий взволнованный голос Нади.

Широков от неожиданности потерял дар речи.

– Кто там?

– Я, Наденька. – просипел пропавшим от волнения голосом.

– Кто там? – жёстко и требовательно повторила Надя.

Овладев собой, Широков повторил:

– Я, Надюша. Я!

Они долго стояли, слившись в крепком объятии, наслаждаясь счастливым мгновением встречи.

– Гринечка, сокол мой, отколь и как же ты залетел?

– Не поверишь, я и впрямь залетел!

– Это как же?

– А вот так.

Он развел руки, в стороны изображая крылья.

– Жи-жи-жи. Летел, летел потом хоп и приземлился прямо в хате, – заливаясь смехом, закончил он.

До самого утра, не сомкнув глаз, они нежись, наперебой рассказывая и расспрашивая друг друга обо всех новостях и прожитых месяцах.

– Гринь, а там сильно опасно?

– С чего ты взяла?

– Я несколько раз слышала по радио, что японцы нарушают границу, нападают на монгольские заставы, захватывают в плен, убивают.

– Да это, может, было, раз-другой на границе, но к нам никакого отношения не имеет. Мы ведь строительством занимаемся. Сама видишь, я же не за боеприпасами и оружием приехал, а за строительным материалом. Там у них ничего нет, одни юрты, вот Советский Союз и решил помочь.

– А я всё равно боюсь за тебя, – она крепче обняла мужа, словно пытаюсь защитить его от опасности.

– Гринь, а монголки очень красивые?

– Ты даже представить не можешь. Необыкновенной красоты!

– Нет, ну, правда.

– С чего ты взяла, что я неправду говорю? У каждой нации всякие есть, как и у русских. Но к тебе это никакого отношения не имеет. Ты у меня раскрасавица. Единственная и неповторимая на всём белом свете.

– Не врешь?

– Истинная, правда. Вот, клык даю.

Он резким движением пальца зацепил зуб, как это делали в детстве все пацаны, давая клятву, о чём-либо друг другу.

– Как ты сказал, клык даешь?

– Да.

– Тогда дай клык, что меня единственную любишь.

– Пожалуйста, три клыка даю.

– Сочинитель ты и выдумщик. Я очень тебя люблю, Гриня, и очень за тебя боюсь.

– Это напрасно, – он нежно поцеловал жену, – я же заколдованный.

– Как?

– Ну, ты же сама только что сказала.

– Что я сказала?

– Что любишь меня.

– Да ну тебя! Я, правда, очень боюсь. А ты всё свои шуточки.

– Надюш. Наша любовь крепче любого колдовства, поэтому со мной ничего не случится.

– Ой, Гриш, я все-равно боюсь.

– Ну и зря. Я в полной безопасности. Успокойся, золотце мое.

Поцеловав жену. Он перевел разговор в другое русло.

– Слушай, ты говорила, что получала письма.

– Сейчас.

Надя достала ему письма, которые пришли от Ольги и матери из Маршанска. Жадно читая строчку за строчкой, он наконец-то узнал о брате. Оказывается, Пётр

действительно был в Тайшетском ГУЛАГе, но затем был переправлен на Колыму, где и находится по настоящее время. Мать передает большие приветы, тоскует по родному дому и просит его с Надей съездить туда, поклониться родным могилам. Особо дороговому мужу Ивану Васильевичу.

«... Верно, уж и не доживу до счастливых дней повидать свою кровиночку Гри-
нечку и тебя, Наденька. А как бы хотелось свидеться! Храни вас Господь. Крепко
целую и обнимаю...»

Григорий зажмурил глаза. Представил отчий дом, отца, вечно хлопочущего по хозяйству. И доброе, милое, родное лицо матери.

Прошло-то всего ничего после их последней встречи, а какие перемены! Мать хоть и среди своих близких людей, но на чужбине. Отец в сырой земельке и сынок там же покоится. Брат в Гулаге бедствует...

Всё порешилось в одночасье, в один миг.

Почему так произошло, кто виноват? Одни вопросы, ответов нет. Хоть Григорий и корил себя с братом, но понимал, что главные потаённые корни произошедших бед скрываются где-то глубоко, глубоко. Путь к ним непонятен. Есть сомнения, догадки, но в целом – непробудная темень...

– Домой бы, в деревню наведаться, – словно читая мысли мужа, вслух рассу-
ждала Надя.

– Давай так и сделаем, – оживился Гриша. Вернусь из Монголии, ни дня не
мешкая, поедem в деревню.

– Ой-ли? – засомневалась Надя.

– Слово даю. Всё брошу и поедem. Не веришь?

– Нет... Да верю, верю, что ты, Гришенька?

За первый день пребывания в Чите Широков накрутил без малого километров десять, бегая от одной конторы в другую, пытаюсь разобраться в запутанных снаб-
женческих лабиринтах.

– Товарищ Широков, Вы на меня не давите! Есть разнарядка, я её выполняю, –
отбивался замначальника Облснабсбыта.

– Почему не выполняете график поставок металлоконструкций? – наседал Ши-
роков.

– Это от меня не зависит.

– Не заводите рака за камень, товарищ Маньков. Вы прекрасно понимаете, что
именно от Вас зависит. Одним словом так, – горячился Широков. – Вы срыва-
ете решение стратегически важных государственно-оборонных задач на Дальнем
Востоке. Отвечать придется по всей строгости, уверяю вас. Я сегодня же рапортом
доложу об этом в обком партии и командованию.

– Может, ещё и наркому обороны доложите?

– Понадобится, доложу и товарищу Ворошилову, не сомневайтесь. Выбирайте.

– Не надо меня только страшать.

– Я вас не страшая, а лишь информирую о своих действиях. Поймите же на-
ко-нец, Иван Трофимович, – более сдержанно начал Широков. – Обстановка пре-

дельно накалена, японцы со дня на день могут перейти от локальных вылазок к масштабным боевым действиям. Для этого имеются все предпосылки. Мы там сутками работаем, чтобы подготовить укрепрайоны. Сдерживает нашу работу отсутствие строительных материалов, в том числе и металлоконструкции.

Широков ещё долго убеждал Манькова. Пока тот, наконец, выдал:

– Хрен с тобой, доконал, убедил. Но запомни: только не напугал! Отгрузим всё. Единственная просьба: поработай с железнодорожниками, чтобы увеличили поставку вагонов.

– Не сомневайтесь, это я решу.

– Слушай, Григорий Иванович. А что трёпка, которую, получили япошки в прошлом году у озера Хасан ничему их не научила?

– Выходит так... А может, наоборот, получив хороший урок и сделав выводы, они будут действовать более взвешенно и изощрённее. События, которые сейчас происходят на территории Монголии, красноречиво свидетельствуют именно о таком ходе развития дальнейших событий. Поверьте мне на слово.

– Да, дела – заключил Маньков.

– Серьезнее некуда, – согласился Широков. – Я очень рад, что Вы это хорошо поняли. Спасибо, Иван Трофимович. И ради Бога, простите за горячность. Не хотел вас обидеть. Ситуация действительно сложилась крайне критическая.

– Да будет Вам, Григорий Иванович, оправдываться. Государственным делом занимаетесь, не баню строите. Решено.

Всю неделю Широков вертелся по инстанциям, как белка в колесе, возвращаясь поздно домой взъерошенным и выжатым как лимон.

– Гриня, ну нельзя же так убиваться! Вон сколько всякого материала уже отправил.

– Понимаешь, Надя, это капля в море! Я боюсь другого... Уеду – опять найдут веские причины, неотложные проблемы, обстоятельства. Опять начнутся сбои поставок. Вот что меня тревожит больше всего... Хотя в штабе военного округа заверили, что ситуация будет под постоянным контролем.

– А ты не уезжай.

– Наденька, милый мой наивный ребенок! Меня ведь в Монголию направили потому, что я там нужен, а не здесь. Я строитель, должен строить, а не толкачом быть.

– Успокойся, Гриш, раз уж начали отправлять, значит, поняли, что это очень важно.

– Твои бы слова, золотце, Богу в уши.

– А он тебя и услышал, коли отправлять начали. Давай мойся, вечерять будем. Завтра ни свет ни заря вставать. Дорога длинная, отдохни, выспись.

Самолет длительное время летел вдоль железной дороги и над ней. Широкову очень хорошо были видны железнодорожные составы, следовавшие на восток. Вот он железный конек-горбунок, заглотив очередную порцию угля. Выпуская клубы

дыма, попыхивая, тащит связанную единой нитью разноцветную гирлянду вагонов. Наверное, это наш состав. Вон несколько вагонов загружено пиломатериалами, а это пультман с цементом. Наверняка наш груз. Хорошо бы оперативно решить с автотранспортом в Борзе. Глядишь, за день-другой всё завезли бы на объекты.

От монотонной работы двигателя и легкой вибрации корпуса самолета Широков задремал. Очнулся он от резкого провала самолета. Оказывается, летчики, увидев два японских самолета, решили резко снизиться. К счастью, оказалось, что это разведсамолеты. Более того, их начала преследовать наша пара И-16, заметив которых японцы тут же драпанули в свою сторону.

Широков вспомнил разговор с Маньковым о том, насколько серьезная обстановка в Монголии. Тут же мелькнула злая мыслишка.

– Отправить бы всех чиновников сюда на несколько деньков в командировку. Убедиться в истинном положении дел. Пожалуй, многие вопросы решались бы без волокиты и тягомотины.

– Эдакий ты, Гриша, правильный и злой человек – устыдил он себя. – По всей стране кипят новостройки, сколько тысяч тонн и кубометров нужно всяких строительных материалов... то-то и оно... ты дотуда и считать не умеешь. И каждому подай сейчас, срочно.

– Нет, а я всё равно прав. В моём случае речь идет о безопасности нашего государства и тут не надо ходить гадать к цыганке. В первую очередь вынь да подай без промедления военным. Как говорится, промедление смерти подобно. Вот так-то... Хоть крути, хоть верти, а моя взяла.

Такое умозаключение приподняло ему настроение. К тому же самолет плавно снижался, вот-вот должен приземлиться. Широков, предвкушая встречу с друзьями и комбатом, был в хорошем расположении духа и юношески счастлив.

Надо отдать должное снабженцам Забайкальского военного округа, они жёстко отслеживали график поставок строительных материалов по железной дороге 57-му особому стрелковому корпусу в Монголии.

К сожалению, возникла другая проблема. От станции Борзя до объектов Халхин-Гола необходимо было преодолеть расстояние в 800 километров. Имеющийся автотранспорт не успевал перевозить поступающие грузы. Огромные горы строительных материалов, так необходимые военным, лежали под открытым небом вдоль железнодорожного полотна, дожидаясь своей очереди...

А между тем обстановка накалялась. К концу мая японские воинские подразделения вторглись на территорию Монгольской Народной Республики, отбросив монгольских пограничников к реке Халхин-Гол. Углубившись на расстояние двадцати километров, заняли на левом берегу Халхин-Гола высоту Дунгур-Обо. Крупнейшая империалистическая держава, насчитывающая около 70 миллионов человек населения, фактически начала необъявленную войну против монгольского народа, насчитывающего всего 728 тысяч человек. Учитывая сложившуюся военную обстановку, командир 57-го особого стрелкового корпуса, расквартированного в Монголии, комкор Фекленко, направил из Тамсаг-Булака к Хал-

хин-Голу стрелково-пулеметный батальон, артиллерийскую батарею, саперную роту 11-й танковой бригады и полк 36-й мотострелковой дивизии. В свою очередь, главнокомандующий Монгольской народно-революционной армией маршал Чойбалсан двинул туда же 6-ю монгольскую кавалерийскую дивизию с дивизионом бронемашин. Резко обострившаяся обстановка на монгольско-маньчжурской границе у реки Халхин-Гол требовала от правительства СССР и, в частности, Наркома обороны решительных радикальных мер. Необходимо было, во-первых, незамедлительно усилить военную группировку советских войск в Монголии, во-вторых – доверить командование объединенной группой войск надёжному руководителю...

На совещание у И. В. Сталина присутствовали нарком обороны СССР маршал К. Е. Ворошилов, его заместитель, командарм 1-го ранга С. К. Тимошенко и первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко.

– Климентий, – обратился Сталин к Ворошилову, – у тебя есть кандидатура, способная возглавить командование объединенной группы наших войск и не только возглавить... – Сталин выдержал паузу, несколько раз держа трубку во рту сделал затяжку, выпустив табачный дым повторил – и не только возглавить, но и преподать японцам такой урок, чтобы всему миру раз и навсегда было понятно, что Советский Союз друзей в беде не бросает и свои обязательства перед ними выполнит чего бы это не стоило?

Сталин пристально посмотрел на Ворошилова.

– У нас что, перевелись достойные командиры, способные выполнить эту задачу? Или ви их просто не знаете?

– Есть такая кандидатура, товарищ Сталин. Это комдив Жуков, заместитель командующего войсками Белорусского военного округа – убедительно предложил Тимошенко.

– Вполне согласен с предложенной кандидатурой, вступил в разговор Пономаренко.

– Ви уверены в этой кандидатуре?

– Абсолютно. Человек он решительный и светлого ума.

– А ты, Климентий?

– Да, товарищ Сталин.

Хотя на самом деле Ворошилов решительно ничего о Жукове не знал.

– Хорошо. Жуков, так Жуков, – со свойственным ему акцентом подытожил разговор Сталин, – такой командующий нам и нужен на Ханхил-Голе.

Нарком Ворошилов пристально рассматривал сорокатрёхлетнего комдива с двумя «ромбами» на петлицах и золотыми нашивками комдива на рукавах. На широкой груди Жукова красовались орден Ленина и Красного Знамени, медаль «XX лет РККА». Ворошилов как будто экзаменовал себя, мысленно шаг за шагом прошел взглядом по автобиографии комдива. Наверное, привычку молчать и долго изучать человека нарком перенял у Сталина за долгие годы совместной работы.

Ещё в Минске, узнав о срочном вызове в Москву к наркому обороны, Жуков понял, что в его жизни наступают важные перемены. И сейчас, когда нарком до неприличия пристально долго смотрел на него, Жуков всё острее испытывал желание услышать от маршала вехи слова, которые перевернут всю его жизнь.

Климент Ефремович продолжал молчать, размышляя, хватит ли знаний, умений и опыта у этого командира грамотно и умело управлять войсками в сложнейших условиях монголо-маньчжурского театра военных действий?

Затянувшаяся пауза Жукову казалась вечной. Наконец, кивком головы и жестом руки Ворошилов пригласил Жукова к столу, на котором, словно огромное цветное покрывало, лежала топографическая карта.

— Вот здесь японские войска вторглись в пределы Монгольской Народной Республики, — он решительно указал пальцем на карте.

Огромное пространство, где один сантиметр отображал пять километров местности, охватывало территорию от озера Байкал и столицы Монголии Улан-Батора до советского дальневосточного города Благовещенска и маньчжурского Харбина.

— Да, — с грустью подумал Жуков, — просторы... Ни конца, ни края. Словно вторая вселенная.

— Здесь начались боевые действия. — Ворошилов обвёл карандашом часть территории Монголии, захваченной японцами.

Всматриваясь в штрихи карты, Жуков был поражён тем, что кроме озера Далайнор и реки Халхин-Гол, извивающейся среди хребтов Большого Хингана, не было обозначено ни единого населённого пункта.

— Да, — не переставал удивляться мысленно Жуков, — всё здесь не так, как на западе страны, где приходилось служить в последнее время...

— Смотрите внимательно! — прервал его мысли Ворошилов, — вот здесь, на участке между Халхин-Голом и государственной границей Монгольской Народной Республики, как Вам известно, ещё в январе этого года начались японские провокации. Как доложил мне командир 57-го особого стрелкового корпуса Фекленко, к 30 мая японцы были отброшены от Халхин-Гола, положение на границе восстановлено.

Ворошилов сделал паузу.

— Но я не уверен в достоверности этого доклада. По имеющимся разведанным, японское командование сосредотачивает большое количество войск у восточных границ Монголии с тем, чтобы, захватив её территорию, создать плацдарм для дальнейшей агрессии против СССР. Учитывая сложившуюся ситуацию, мы уже приняли ряд мер по усилению наших войск в Монголии, заменили устаревшие истребители на новые, направили группу лётчиков во главе с комкором Смушкевичем, прошедших боевую закалку в Китае и Испании... а среди них 17 героев Советского Союза! Одним словом, войск и боевой техники поставим столько, сколько потребуется для полного разгрома агрессора.

Ворошилов замолчал, пристально сверля взглядом Жукова. Словно хотел прочитать его мысли.

– Готовы Вы немедленно вылететь туда, разобраться в обстановке, и, если потребуется, принять командование на себя?

– Готов вылететь сию же минуту! – решительно ответил Жуков.

– Очень хорошо, – одобрил нарком. – Самолет для Вас будет готов к 16 часам. Зайдите к товарищу Смородинову, получите от него нужные материалы и договоритесь о связи с Генштабом. С вами полетит небольшая группа специалистов.

Полученное от наркома обороны задание не вызвало у Жукова ни удивления, ни растерянности. Хотя, что греха таить, в разговорах с наркомом и генштабистами у него возникало много вопросов. Хотелось обсудить состояние наших войск и войск противника, возможности Забайкальского военного округа и наших дальневосточных армий по организации конкретной помощи советско-монгольским войскам в районе реки Халхин-Гол. Но длительная служба в армии приучила его к постоянной готовности выполнить поставленную задачу, не задавая лишних вопросов.

Из информации, полученной от наркома обороны и в генштабе от комкора И. В. Смородинова, Георгий Константинович отчётливо понял, что главной целью его поездки было, во-первых, всесторонне изучить происходящие события и, возможно, спрогнозировать, что может произойти, во-вторых, если потребует того обстановка, взять на себя командование войсками. Третьего не дано. Хотя не совсем так. Можно досконально изучить обстановку, сделать соответствующие выводы, вернуться в Москву и доложить Наркому.

– Ну нет, это не про меня! Прав Иосиф Виссарионович, тысячу раз прав. Обнаглевших самураев надо проучить, чтобы на все века запомнили, что с Советским Союзом, Россией, надо дружить и мирным путём решать все вопросы... И сделать это должен я! Это мой шанс доказать партии и вождю свою состоятельность как советского командира.

Жуков, до боли в висках стиснув зубы, обронил вслух:

– Я это докажу! Вот так. С этого и начнём выстраивать свою стратегию и план военно-боевых действий. План конкретных дел...

А дела армейской группы, частей РККА в Монголии, по заключению Жукова, оказались далеко не блестящими. Передовая линия была очень слабой. По большому счёту, у частей РККА отсутствовал тыл – военные городки в степи представляли не что иное, как населенные пункты, состоящие из землянок. Солдаты и офицеры РККА, в отличие от японской армии, не имели опыта ведения боевых действий в степях и пустынях. Был очевиден острый дефицит автотранспорта, горюче-смазочных и строительных материалов не говоря уже о питьевой воде. Никакой критики не выдерживала имеющаяся связь. Связь штаба корпуса с командирами соединений и частей, внутри соединений и частей в основном поддерживалась с помощью «делегатов связи» – обыкновенных строевых командиров, чаще всего, капитанов, старших лейтенантов и лейтенантов, как правило, находившихся в резерве и временно прикомандированных к штабам. «Делегаты связи» на броневиках, мотоциклах, лошадях, пешком доставляли приказы и распоряжения от

вышестоящих командиров, а обратно привозили доклады, донесения, различные сведения и материалы. Фактически замысловато-комбинированная связь мало чем отличалась от связи времен Суворова, Кутузова в русско-японскую и первую мировую войны. Это не позволяло успешно управлять войсками в условиях быстротечных, маневренных и сложных боевых действий, вносило нервность, а порой и неразбериху.

Получивший от наркома обороны большие полномочия, Жуков оперативно приступил к перестройке системы управления войск. Не обошлось и без перегибов.

Вместе с ним из Москвы прибыла группа слушателей военных академий – офицерский резерв. Жуков снимал и жёстко наказывал тех, кто, по его мнению, не соответствовал занимаемой должности. На освободившееся место ставил человека из резерва, который в случае малейшего просчёта, как и его предшественник, наказывался.

Всю вторую половину июня Широков сутками вкалывал на горе Хамар-Даба. Стояла неотложная задача: к концу месяца подготовить новый командный пункт для командования советско-монгольскими войсками. Усилия строителей, сапёров, связистов были вознаграждены.

Новый командарм особого корпуса, комдив Жуков, успевший зарекомендовать себя необыкновенной работоспособностью и строгостью, граничащей с жестокостью, осмотрев объект, остался доволен. С нового командного пункта как на ладони просматривался ландшафт всей местности, прилегающей к реке Ханхин-Гол – место предстоящих боевых сражений. Была налажена связь как с высшим командованием – Москвой, Улан-Батором, Читой, так и с командными пунктами на плацдарме.

Широков, конечно, не мог предположить, что буквально через несколько дней случай нос к носу сведёт его и комкора Жукова.

А дело выглядело следующим образом. Не имея точных разведанных о замыслах противника, советско-монгольское командование приняло решение сосредоточить резервы между горами Баин-Цаган и Хамар-Даба, чтобы при первой необходимости ввести их в бой на любом направлении предполагаемого вторжения японских войск: на север – на гору Баин-Цаган, на юг – на гору Хамар-Даба, на восток – прямо в центр плацдарма на восточном берегу Халхин-Гола. И, как показали дальнейшие события, решение оказалось рациональным.

Японцы двинули свои войска в район горы Баин-Цаган, захватили северный склон и вершину, а затем, наведя понтонный мост, начали движение в южном направлении. Получив достоверную информацию о движении японских войск. Жуков принял единственное правильное решение: задействовать все роды войск и резерв, чтобы остановить японцев и нанести сокрушительный контрудар. Действовать решительно, не теряя ни секунды, пока они не закрепились и не создали на горе мощной обороны.

Более того, важно прихватить их на переправе, поскольку там сосредоточилось большое количество живой силы и техники, войска неорганизованны. Необходимо задействовать всю авиацию. И бомбить, бомбить без передышки, тем самым создать неразбериху и панику в стане противника.

Дав задание и направив своих подчинённых в войсковые подразделения, Жуков приказал комбригу Богданову оставаться на основном командном пункте и руководить действиями на плацдарме.

Автомобиль комдива Жукова с приближёнными офицерами мчался на север, туда, где начались военные баталии. Больше всего комкора тревожило, сумеют ли наши части и подразделения точно ввести войска в намеченные районы? Он не случайно поехал к танкистам, именно они и авиация должны решить исход сражения. От скорости, маневренности, технического мастерства танкистов при своевременной и мощной поддержке авиации и других подразделений зависит исход сражения. Но танкисты и авиаторы являются стержневым звеном во всей операции.

В ранних утренних сумерках всё отчетливее слышалась пулеметная стрельба, взрывы.

— Останови машину, — приказал Жуков шофёру.

Прислушавшись, Жуков совершенно точно определил отрывистые выхлопы танковых пушек. Значит, на помощь монгольским подразделениям и нашим артиллеристам подошли первые танки.

— Молодцы танкисты, — порадовался первому успеху комкор.

— Самолеты, самолеты, товарищ комкор, наши летят! — как ребенок радовался адъютант Жукова.

И-16 строго держали курс к месту боевых действий. Увлеченный их полётом, Жуков не заметил, как подъехали автобус с оперативной группой штаба, грузовики со связистами и сапёрами. В составе группы был и младший лейтенант Широков.

За первой группой самолётов следовала следующая. Один из «ишачков», оторвавшись от группы, снизился до предельной высоты и, пролетев над автомобилем Жукова, сбросил какой-то предмет.

— Вымпел, товарищ комкор, вымпел! — радостно закричал руководитель оперативной группы. — Донесение!

В донесении сообщалось: «По переправе идут японские грузовики с пехотой. Вся гора забита людьми, машинами, повозками. Много артиллерии. Танков не видно. Майор Кравченко».

Теперь Жукову стало абсолютно ясно, что японцы на горе Баин-Цаган накапливают, собирают силы и пока не готовы к решительным боевым действиям. Войска ещё не успели развернуться в организованные боевые порядки с чётким управлением, не успели наладить связь внутри подразделений, с соседями, командованием и тылом.

— По себе знаю, — продолжал размышлять он, — в такие периоды много неразберихи и нервозности, суеты. Всего того, что превращает организованное войско

в неуправляемую толпу, которую малейший удар противника может повергнуть в катастрофическую панику. Не воспользоваться сложившейся ситуацией — значить упустить если и не решительную победу, то возможность самим избежать поражения и нанести японцам такой удар, который лишит их способности немедленно наступать и приведёт к затяжной борьбе, что даст нам возможность выиграть время для подхода новых войск. Значит, мы рассчитали всё правильно: необходима молниеносная атака всеми имеющимися силами.

Рокот мощных двигателей бомбардировщиков и сопровождающих истребителей прервал мысли комдива.

— Смушкевич молодец, вовремя послал своих орлов, сейчас они на переправе дадут самураям прикурить.

Выйдя на связь с комбригом 11-й танковой бригадой Яковлевым, Жуков отдал приказ: «Бросайте в атаку не только первый батальон и разведроту, но и все до единого танка!»

— Но, товарищ комдив, надо оставить хоть какой-то резерв, — забеспокоился Яковлев.

— Знаю, — резко оборвал его Жуков. — Нам сейчас оглядываться нельзя. В этот удар надо вложить все силы, всё что есть. Когда немного утихнет, выведите в резерв одну или две роты из понесших наибольшие потери, а я ускорю вступление в бой мотострелкового полка и мотобригады. Желаю успеха.

— На наблюдательный пункт, — скомандовал он шоферу.

Приехав на временный командный пункт, Жуков был искренне удивлен оперативной работе саперов, связистов. Была готова землянка, отрыты глубокие щели, установлена рация, натянуты провода, налажена связь со всеми частями.

— Кто старший? — поинтересовался он у адъютанта.

— Сейчас узнаю, товарищ комкор.

— Товарищ комкор, младший лейтенант Широков по вашему приказанию прибыл!

Жуков пристально взглянул на Широкова, поджал нижнюю губу, что придавало особую суровость его лицу.

— Товарищ лейтенант, а не младший лейтенант, — членораздельно подчеркнул он, глядя на растерянного Широкова. — Я не ошибся. Судя по возрасту, засиделся, дружище, в младших лейтенантах.

— Я не кадровый военный, товарищ комкор, — пояснил Широков.

— Вдвойне похвально, пусть кадровые равняются на таких, как Вы. Благодарю за службу, лейтенант.

— Служу Советскому Союзу! — отрапортовал опешивший Широков.

— Оформите документы, — обратился Жуков к адъютанту.

Широков неделю назад получил от Нади долгожданное письмо.

«Гринечка, — писала она, — не знаю, моя новость обрадует тебя или огорчит. Оказалось, что в твой приезд я забеременела и, наверное, у нас будет мальчик, потому, что у меня все те же признаки, которые были первый раз».

Она ещё спрашивает, буду ли я рад! Вот чудачка! Я не рад, я счастлив! Только порадоваться некогда, тут такое заварилось.

– Товарищ младший лейтенант, к аппарату! Комбат вызывает, – доложил связист.

– Умереть не дадут спокойно, – выругался в сердцах Широков. – Широков! Слушаю, товарищ комбат.

– Срочно в машину, бери человек десять с собой и в 9-ю бронеприбургу, прямо к командиру, держи постоянно связь со мной. Гриша, аккуратнее. Там очень жарко.

– Есть.

Четыре месяца продолжались упорные кровопролитные бои советских и монгольских войск против японских агрессоров. Закончились они 30 августа 1939 года полным разгромом японской военной группировки.

В середине сентября Широков вернулся домой. И, как обещал жене, взяв отпуск, они отправились в деревню, на родину Григория и Нади.

В купе вместе с ними ехали два мужчины довольно пожилого возраста. Поезд после длительной стоянки на станции Иннокентьевская отправился в путь. Один из обитателей купе, купив свежие газеты и рассматривая первую страницу «Правды», недовольно проворчал:

– Опять Монгольские батальоны, одно по одному хоть газеты не покупай. Тоже мне, нашли военные боевые действия. Чихнули на япошек, те в штанишки и навалили, какие к черту военные действия...

– Отец, – обратился Григорий к нему. – Позволю с Вами не согласиться.

– А что тут боевого, соглашайся не соглашайся. Вот первая мировая была, это да. Сам нанюхался пороха во как, выше головы.

– Конечно, масштабы первой мировой и военные действия в Монголии несопоставимы, – опять возразил Широков, – тем не менее, в Монголии была настоящая война.

– Молодой человек, простите как Вас по батюшке?

– Иванныч.

– Так вот, Григорий Иванович, не сердчайте на старика. Начитались Вы газеток, вот и блефуете, простите, ради Бога, за вольность.

– Да Вы-то откуда знаете? Он там полтора года был, награду получил, – не выдержав, встряла в разговор Надя.

– Подожди, Надя, – остановил Григорий жену. – Анатолий Варфоломеевич, продолжал Широков. – Я действительно там был. И смею заверить, на Халхин-Голе действительно было жарко.

– Не сомневаюсь. Степь, солнце, лето... конечно, не холодно, – съехидничал старик.

– Ну хорошо, похоже, обычной информацией Вас не убедить... Теперь послушайте меня внимательно, уважаемый, постараюсь убедить Вас в своей правоте некоторыми фактами, – настаивал Григорий. – Да, в степи действительно было жарко, порой ртутный столбик достигал отметки 40 градусов и это, замечу, при большом дефиците питьевой воды и жестоких боевых действиях. Вы говорили о первой

мировой. А можете себе представить картину на Халхин-Голе, когда в воздухе одновременно участвовало свыше 400 наших и японских самолётов? Японская 6-я армия имела больше 75 тысяч солдат и офицеров, около 500 орудий и минометов, 180 танков и более 300 самолетов.

– Наши, наверное, тоже имели не меньше? – поинтересовался второй пассажир.

Вопрос подхлестнул Широкова.

– Да, – живо откликнулся он, – наш 57-й военный корпус, ранее находившийся в Монголии, с прибытием дополнительных войск из тыла наркомом обороны СССР был преобразован в 11-ю армейскую группу. Командующим группой был назначен Георгий Константинович Жуков. По числу солдат и офицеров мы, конечно, уступали японцам, но вот по самолетам, танкам, бронемашинам мы их превосходили.

– Вы, получается, действительно там были, вы военный?

– Нет, я строитель.

– Что же Вы строили?

– Всё, что требовала сложившаяся обстановка, – коротко резюмировал Широков.

– Григорий Иванович, – более мягким и уважительным тоном обратился к нему Анатолий Варфаломеевич, – а что же, людские потери большие были?

– Как Вам сказать? Вы же воевали и прекрасно понимаете неизбежность потерь с той и с другой стороны. Я, конечно, не в совершенстве владею цифрами, но что наши потери в несколько раз меньше, это точно. Если сложить цифру потерь японцев, то она по сводкам приближается к шестидесяти тысячам человек убитых, раненых и взятых в плен солдат и офицеров.

– Да, – многозначительно проговорил старик. – Ваша взяла. Беру свои слова обратно. Прошу извинить за резкий пессимистический тон. Пожалуй, я посплю и осмыслю вашу информацию.

Он отвернулся к стене, закрыл глаза. Было непонятно, спит он или действительно перелопачивает услышанную правду из уст участника военных событий в Монголии.

С тех пор минуло много лет. Сегодняшнее поколение крайне мало знает о тех далёких событиях 1939 года. Та победа стала эпохально значимым событием в истории нашей страны и всемирной истории.

ГЛАВА 11

СЧАСТЛИВЫЕ МГНОВЕНИЯ

Время уже было далеко за полночь. Под стук колёс, лёгкое покачивание вагона и тусклую подсветку боковой лампочки, посапывая и похрапывая, крепко спали обитатели купе. Только Широков, возбуждённый разговорами о Халхин-Гольских событиях, никак не мог уснуть. Перед глазами, словно на экране, проплывали один за другим эпизоды его «служебной командировки».

В Монголии он долго пытался найти связующую нить своего пребывания в ГУ-ЛАГе с резким поворотом судьбы, которая его так неожиданно забросила в Монголию, сделав одним из участников исторических событий. Наконец его веки отяжелели, тело обмякло, и он плавно продолжил во сне своё путешествие по степным просторам Монголии.

Неожиданный стук в дверь и хриловатый голос: «Просыпайтесь, подъезжаем к станции Канская» прервали калейдоскоп сладостных картин.

На перроне их встретил Андрей, брат Нади.

– Ну и вымахал же ты, Андрюха, убей Бог, встретил бы где в другом месте, не признал. Совсем мужик стал!

Андрей неуклюже обнял сестру. От переполненных чувств Надя не могла даже вымолвить слова. Только струйки радостных слез, катившиеся по её щекам, выдавали трепетную любовь к родной кровиночке.

– Ну ладно, помиловались родные души и, как любил говаривать мой батя, будя, – пошутил Широков. – Как добираться до села будем, Андрюша?

– Значится так, мы ведь приехали учора на подводах, хлеб привезли на элеватор. С утра сдадим и разам поедем домой.

– Много привезли зерна? – поинтересовалась Надя.

– Сейчас восемнадцать подвод. Ныне добрый урожай, хлеб уродился богатый, тай и в огородах всё повырастало. Погода бы дала управиться. За картошку почитай ещё не брались.

– На что намекаешь деверь?

– Та нет, не намекаю, Григорий Иванович. Убярмся, не вярвой, под снегом не оставим.

– А я уж, грешным делом, подумал, пока не поздно обратно махнуть. Не ровен час, гектарчик-другой картошки по родственному подбросите, чтобы навек не терялся.

– Ну уж, скажете, – возразил Андрей.

– Поможем, поможем Андрюша, – живо вмешалась Надя. – Он, поди, совсем забыл, как с картошкой обращаться... Ну-ка, признавайся, – сделав серьезное лицо, нападала она на мужа. – Сколько лет бульбу в руках не держал?

– Надя, какая же ты бессовестная, ай-я-яй. Нет, вы только взгляните на это очаровательное создание! Не моргнув глазом, прилюдно брешет.

– Я брешу?

– А кто же? – продолжал с серьезным видом шутить Григорий. – Ровно два дня назад, вечером кто дома чистил бульбу? Молчишь? Напоминаю всем страдающим серьезным заболеванием под названием склероз: чистил Широков Григорий Иванович. Бог свидетель.

– Значит, ховоришь, чистил? – наседала Надя.

– Чистил!

– Бульбу?

– Бульбу!

- Навык не потерял?
– Не потерял! – не подозревая подвоха, парировал Широков.
– Вот и хорошо. Тебе и поручим возглавить уборочную компанию по копке бульбы!
– Ладно, коль поймала за жабры, не возражаю, но только в роли руководителя.
– Дюже хороший и стговорчивый хлопец, – похвалила она мужа.
– Вы извиняйте, перебил шуточную перебранку Андрей. – Я побяжу к элеватору, мы на очяради перваи. Управимся, я михом к вам.
– Хорошо, не задерживайся.

Конный обоз разномастных лошадей, растянувшись цепочкой, исполнив свой крестьянский долг перед Родиной, ровно двигался домой по проселочной, ухабистой дороге. Григорий очень переживал за Надю, всё-таки седьмой месяц беременности – не шуточки. Хотя предусмотрительный брат для удобства взял необходимую одежду, более того, они с Григорием для Нади смастерили мягкую подстилку из соломы, но телега есть телега, от тряски никуда не денешься. Чтобы как-то развлечь жену, Григорий заливал ей всякие правдоподобные и придуманные смешные байки, а затем, напрягая до предела память, вспоминал и читал стихи.

Одно время он серьезно увлекался Пушкиным, Лермонтовым, Блоком... С удовольствием шеголял перед друзьями и в компании своими познаниями в поэзии. Даже пытался в узком кругу петь русские романсы. Вообще бог наградил его музыкальным даром. Он не знал нот, но, услышав по радио красивую мелодию, мог тут же её подобрать и вполне профессионально сыграть на баяне или гармошке.

Вот и сейчас, сидя в телеге у Надиных ног и глядя на неё прищуренно-хитроватым взглядом, мурлыкал слова из какого-то романа:

*«Пойми хоть раз, что в этой жизни шумной
Чтоб быть с тобой, я каждый миг ловлю,
Что я люблю, люблю тебя безумно...
Как жизнь, как счастье люблю...»*

- Ох, и хитрющий ты кот Гринька, кого хочешь с ума сведешь.
– Нравится?
– Очень. Ещё.
– Обязательно.

Григорий привстал на колени, развел руки и зычно запел:

*Вижу чудное приволье,
Вижу нивы и поля...
Это – русское раздолье,
Это – русская земля...*

- Bravo, Широков, bravo! – хлопая в ладони, повторяла жена.
Ездовые на телегах повставали, не понимая, что происходит. Григорий, немного сконфуженный, присел.
– Давай, я тебе лучше почитаю тихонько Лермонтова и Пушкина, хорошо?

- Давай, – живо согласилась Надя.
- Эти стихи Михаил Юрьевич написал для тебя и нашего малыша.
- Скажешь, Гриня, тоже. Он когда жил?
- А ты не торопись с выводами, послушай:

*Ребёнка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый стих.
Да будет с ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных!
Да будет он отца достоин,
Как мать его, прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен
И в правде твёрд, как божий херувим.
Пускай не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных дум;
Пускай глядит он без упрёка
На ложный блеск и ложный мира шум;
Пускай не ищет он причины
Чужим страстям и радостям своим,
И выйдет он из светской тины
Душою бел и сердцем невредим!*

– Почитай еще раз, попросила она мужа. Какой умный и мудрый человек был этот Лермонтов! – восхищалась Надя.

- Так он же гений, Наденька! А послушай какая лирика:

*Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя...*

- Он и про тебя написал, слушай:

*У моей Наденьки
Губки сладеньки
Глазки голубые
Васильки живые.*

Надя залилась звонким смехом: вот брехун, так брехун! Признайся: сейчас придумал или давно?

- Кто? – дурковал Широков, – Лермонтов или Пушкин?

– Гринь, ну правда, скажи, зараз сочинил?

– Зараз, зараз.

– Ой, не могу, до времени разрожусь, – она опять залилась звонким смехом, который, как валдай, зазвенел в широкой степи.

– Ты это брось, где я тебе здесь старуху-повитуху брать буду? Всё, больше читать не буду, – категорично заявил он. – Чую, своей поэзией накличу лешего.

- А ты, Гринечка, сильно смешные не читай.

- Во как встал вопрос? Где же я тебе серьезные найду?
- Ты пошарься, поищи, по сусекам поскреби.
- Где, в карманах? На, смотри... – Он мгновенно вывернул наизнанку карманы брюк, – тю-тю, нет!
- Гринь, ну правда, почитай. Почитай «Онегина», а?
- Надя, я тебе его сотню раз читал. Пожалуй, Александр Сергеевич уже сердчать стал. Зачитал я твоего «Онегина» до дыр.
- Для меня он разрешает. Точно.

В это время кобылица, привязанная поводком к впереди идущей телеге, неожиданно фыркнула раз, другой, словно чихнула.

- Вот видишь, даже наша лошадка тебя просит.
- Ежели ещё наша лошадка просит, это в корне меняет дело.

Григорий и сам без ума был влюблён в это произведение, знал его от корки до корки. Устроившись поудобнее, он укрыл небольшим стареньким стеганым покрывалишком ноги жены, многозначительно повертел головой по сторонам, всматриваясь в осенний пейзаж, и неожиданно вместо «Онегина» процитировал:

Осенняя пора, очей очарованье

Приятна мне...

– Гриня.

– Хорошо, хорошо, прелесть моя, будет тебе Евгений Онегин, и Татьяна, и Ольга.

В деревне от малого до глубокого старца были заняты осенней страдой, выполняющая крестьянскую заповедь: каждый погожий день год кормит.

Немошные старики и мелюзга с раннего утра и до темноты копошились в огородах, копали картошку, остальной люд дневал и ночевал на полевых станах, в поле.

Григорий проснулся с первым петушиным «кукареку» и чуть-чуть заметными проблесками рождения нового дня. Ещё с вечера приготовил снаряжение для утиной охоты на зорьке и рыболовецкие снасти, заверив Надю, что непременно к двенадцати часам вернется домой, и они будут копать картошку.

Чтобы не выглядеть бездельником среди деревенского люда, Широков решил по утренним сумеркам прошмыгнуть незаметно на озеро. Несмотря на быструю ходьбу, Григорий чувствовал себя немного озябшим.

– Холодно, чёрт побери.

Чтобы хоть как-то согреться, ускорил шаг. Плотный туман скрывал узкую тропинку, и он, словно слепой, наткнувшись раз, другой то на куст, то на кочку, вынужден был отказаться от этой затеи. Разглядеть озеро было невозможно. Широков интуитивно предполагал место, где они с Андреем в прошлый раз сделали скрадок.

– Точно, здесь.

Он замер, вслушиваясь в утреннее дыхание просыпающейся природы. В камышах раз, другой булькнула вода.

– Наверняка, ондатра промышляет.

Рядом, в небольшой полынье послышались звуки, напоминающие легкий тележный скрип.

– Утки кормятся и потихонечку крикают, как кричат, – определил Григорий.

Тут же слева в камышах отчетливо раз, другой раздалось «кря-кря-кря...»

– Ну что, охотничек-рыболов, – посмеялся он над собой, – Жди.

– Черт, как всё-таки сыро и прохладно, зря тестев зипун не одел, ведь предлагал же.

Садиться в скрадок было сыро, да и не к чему. Туман плотной пеленой окутал все очертания, как на берегу, так и воде. Постояв неподвижно несколько минут и окончательно озябнув, Широков положил на землю вещмешок и ружьё.

– Надо подвигаться, иначе околею.

Поделав незамысловатые упражнения руками и приседания, вспомнил, что где-то здесь рядом должен стоять огромный старый лиственничный пенёк.

– Вот и отлично! Сейчас поотжимаюсь от него, поделаю упражнение ногами, кровушка забегает, станет теплее.

Слегка присев и выставив вперёд руки, как в потёмках, начал шарить в тумане в поисках пня. Не успел он пройти и двух метров, как из-под ног со свистом, будто чёрт из табакерки, вылетел вальдшнеп. От неожиданности Широков метнулся в сторону, обо что-то запнулся и, как подкошенный, рухнул в осоку.

– Вот дьявол, напугал так напугал, сердце чуть не лопнуло! Хуже Японской засады. Кому скажи, смеху не оберёшься. Убить мало подлеца. Ну, погоди, попадешься на мушку, не промажу, – пригрозил он мысленно вальдшнепу.

Отряхнувшись и придя в себя, вернулся к ружью.

– А что, кажется, теплее стало?

Дрожь и впрямь прошла.

– Нет, худа без добра. Как тот петух, не догоню курицу, так хоть согреюсь. От этого сравнения ему стало веселее и он уже не сердился на вальдшнепа, а больше посмеивался над собой.

– Кажется, потянул ветерок. Точно. Хорошо. Туман задвигался.

Он присел на корточки возле скрадка и стал внимательно прислушиваться, приглядываться в скрытую туманом полянку.

В серой пелене метрах в двадцати слышалось легкое бульканье воды и покрякивание.

– Утки! И, похоже, много. Он взял ружьё наизготовку.

Туман предательски прилип к воде и, несмотря на ветерок, никак не хотел с ней расставаться.

– Спокойно, Гриша, хочешь удачной охоты? Выполняй железное охотничье-рыбачье правило: терпение и ещё раз терпение, удача придет.

Пальцы рук начали слегка неметь от холода. Он опять приткнул ружьё к рюкзаку. Встал. Медленно потёр ладонь о ладонь, чтобы не шуметь и хоть немного согреть руки. Пальцы совсем перестали слушаться. Григорий кое-как расстегнул несколько пуговиц рубашки-косоворотки, сшитой из серой толстой ткани, и сунул руку под нательную рубаху. Тело под мышкой было горячим и восприняло свою кисть, как будто шершавый кусок холодного металла. От прикосновения Широков

не только вздрогнул, но даже слегка застонал, забыв про осторожность. Отогрев левую руку и сунув её в карман брюк, Григорий повторил тот же трюк с правой.

Несмотря на легкий ветерок и поднимающееся солнышко, туман предательски не желал рассеиваться и, как показалось Григорию, ещё плотнее покрывал водную гладь озера.

— Вот дурень! Попёрся ни свет ни заря, какой совестливый! Селяне, видите ли, его, бездельника, шатающегося по охотам и рыбалкам в такое-то время, увидят, — упрекал он себя. — Ну и пусть видят, у тебя свои дела, у них — свои. В конце концов, ты в законном отпуске и ложная скромность сейчас ни к чему.

Сквозь туман из камышей прямо на Григория неожиданно вылетел чирок. Широков моментально схватил ружьё, но было уже поздно: туманная дымка мгновенно поглотила утку.

— Ондатра, наверное, спугнула бедолагу, а может, большой карась резко трепыхнулся в траве на мелководе. Одно из двух, — заключил он. — Ничего, теперь уж дождусь своего часа. — Пуше прежнего разжигал он в себе охотничий азарт.

Наконец появился долгожданный просвет на воде. Туман как бы стал расслаиваться на две половины. Одна по-прежнему плотнее прижималась к воде, другая стала тянуться в небо. Между ними то тут, то там появлялись большие чернеющие щели-окна, напоминающие пулемётные амбразуры.

— Ещё чуток потерпи, — успокаивал себя Широков. — Вода вберёт в себя нижний слой тумана, появятся первые водные пятачки озерной глади, тут-то и не зевай.

То ли теплее стало от восходящего солнышка, то ли предчувствие вот-вот утиной охоты подействовало, но Широков ощутил прилив тепла, лёгкость. Впереди, где должна быть большая водная плешина, будто на фотоплёнке стали медленно проявляться стройные силуэты камышей, из которых отчетливо доносилось «кря-кря-кря». Дрожащей от волнения рукой Широков достал манок и несколько раз прокрякал.

— Наконец-то, — обрадованно прошептал он.

Плешина, медленно освобождаясь от туманного плена, начала поигрывать первыми водяными блесками.

Широков плотнее прижал приклад ружья. На мушке отчетливо «сидел» ничего не подозревавший чирок.

— Подожди, Гриша, — пытался он урезонить себя. — Поработай манком, по-моему, в камышах крякухи...

Пересилив огромное желание выстрелить в чирка, Григорий несколько раз прокрякал манком. Замер, ожидая ответа.

— Спокойно, Гриша, спокойно...

Показались две крякухи, ещё одна, ещё две.

— Бабах! Бабах! — Широков выстрелил дуплетом.

Две утки, не трепыхнувшись, застыли на водной глади, третья, это был чирок, сделал непонятное движение крылом, тоже замерла.

— Отлично, — похвалил он себя.

Эхо выстрела нарушило привычный уклад жизни обитателей озера.

Справа из камышей вылетела стайка чирков. На берегу в раскидистых берегах закаркали вороны, словно высказывали свое недовольство нарушителю спокойствия. Рядом пронеслась тройца диких голубей.

Григорий, не дожидаясь полного восхода солнца, пошёл за лодкой, которая стояла недалеко у берега привязанная к коряге.

— Достану уток, сплавлюсь на угор. — Так называли место на озере, где на удочку рыбачили карасей. — Подёргаю карасиков. Пусть всё успокоится, уляжется, а там посмотрим, — решил он.

Клёв оказался на редкость удачным, наверное, оттого, что деревенские рыбаки, занятые по хозяйству, давно не беспокоили рыбу. Широков, как говорится, оказался вовремя и в нужном месте. Буквально на одном дыхании раз за разом он вытащил десятка полтора добротных лаптей-карасей.

— Хватит, куда их больше... — ему ещё хотелось погонять уток, — посижу в скрадке, может на подлете подфартит?

Привязав лодку, тихонько на полусогнутых пробрался к заветному месту. Солнышко успело не только подсушить настеленные ветки, но и в какой-то мере их согреть. Положив ружьё, он долго ёрзал, лежа на животе, пока не выбрал удобное положение.

— Хорошо: обзор что надо и лежать удобно! Самый что ни на есть наблюдательный пункт. Интересно... — Он на миг представил себе, что в скрадке не он, а сам комдив Жуков лежит. — А что, он такой же мужик и, наверняка, так же любит охоту.. — Ох, Гришка, Гришка, придумай что-нибудь: посмешнее!

Лгкий свист прервал фантазию Широкова.

— Прошляпил, фантазёр, — упрекнул он себя.

Косячок чирков, пролетев перед носом, плюхнулся в соседних камышах.

— Значит, не мои. Мои задерживаются.

Он положил подбородок на согнутую руку и, вытянувшись, наслаждался теплом осеннего солнышка, лучи которого так нежно грели его спину.

— Ну все удовольствия, чистойшей воды рай и блаженство!

Давно Григорий не испытывал такого душевного покоя и равновесия.

— В следующий раз обязательно Надю возьму. Потихоньку дойдёт, сварим уху, похлёбку.

Веки сами собой становились тяжелее и тяжелее...

— Усну, ей-богу, усну. Вот смеху будет!

От этой мысли встрепенулся, взглядываясь в камышовую чашу. Ближе к середине озера плюхнулась стайка уток.

— Двигаются, значит, и здесь будут.

И действительно, утки не заставили себя ждать. Табунок чирков, пролетев сравнительно далеко от скрадка Широкова, развернулся и прямым курсом пошёл в его полынью. Григорий не стал ждать посадки уток, а выстрелил дуплетом в момент их приводнения. Град дробинок веером всколыхнул гладь озера. Два чирка распластались на воде, остальные, ошарашенные выстрелом, тут же скрылись.

– Будя жадничать, – проворчал он по-отцовски. – Не ровён час, такие охотнички порешат всю живность.

Подобрав уток, окрылённый удачной охотой и рыбалкой, Широков заспешил домой.

Поздним вечером, закончив копошиться в огороде, он приготовил для своих домочадцев настоящий пир: жареную дичь на противне в русской печке и карасей в сметане.

– Ну, сынок, уважил так уважил, – нахваливал зятя захмелевший от самогона тесть. – Где ж так хитро, искусно научился готовить? Неужто монголы обучили? Хотя дюже сомневаюсь...

– Мама у нас мастерица такие деликатесы готовить, – с гордостью похвастался Широков. – В детстве отец с дедом чирков добывали по осени и весной, а зимой куропаток силками, вот она нас и потчевала этим самым блюдом.

– Давай, зятёк, наливай: за сватью Анастасию Федоровну выпьем. Ейное здоровье, а батьке, Ивану Васильевичу, светлая и вечная память.

Выпив, помолчали...

– Ты вот что, Гриша. Я, наверное, день-другой в МТС поеду, давай-ка поездку на родную твою земельку и приурочим.

– И я тятя поеду.

– Надюша, не уговаривай и не проси, – отрезал Григорий. – По такой дороге и мытарствам... слушать не хочу! Не забывай: дитё ждем.

– Правильно, Гриша, правильно, сынок, – в один голос согласились родители.

– Я вся извелась, як обратно дорогу выдержишь... а она вишь чё удумыват, в деревню, ближний свет! На колдобинах так наколотит, не хошь, разродишься, – упрекнула дочку мать.

– Ты, Надежда хорошенько намотай на свой бабий ум. У тьябя одна забота, выходить дитя, та родить нам с маткой внука аль внучку, без разницы.

– Вы так, тятя, печётесь, будто я не баба, а изнеженная принцесса. Вон, тётка Тея до последней минуточки на тракторе работала. Почитай, Витюшку в поле, в борозде родила и хоть бы что. Сама здорова и парнишка вон какой ладный растёт.

– Ты, дочка, себя с тёткой не ровняй, она закаленная, привыкшая к нашему крестьянскому житью-бытью.

– Тять, а я что же избалованная, неженка?

– Ну, нежанка – не нежанка, а с Теей не равняйся. Она из теста другого замесу.

– Ну, будя вам спорить, самовар остывает, давайте чай пить, поздно уж, – вмешалась Прасковья Петровна.

Через два дня Николай Андреевич поехал в МТС, захватив с собой Григория. Они остановились на своротке, недалеко от свинарника.

– Ты вот что, Гриша, тут рядом километр, не более, до дярвни, добежишь. А то мне потом ежли заезжать в дярвню, вона какой круг до МТС придётся делать. Так быстрее будет.

– Конечно, конечно. Я с удовольствием пройдуся.

– Теперь слухай дале. Покуда я управлюсь в МТС, ты успеешь на погост сходить, дом посмотреть. К тому времени наверняка Катерина возвратится с фермы. У няё мяня и жди.

– Хорошо, хорошо. Но я ещё к Чирковым зайду, да дядю Семена с теткой Дуней проведаю.

– Добре, кланяйся им усем. Но, Серуха! Он хлопнул вожжами кобылу и ходок покатил по пыльной дороге, оставляя свежие полосы от колёс телеги.

Проходя мимо свинарника, Григорий не обратил внимания на смердящий порослячий запах, который тянул легкий ветерок, более того, он напомнил ему далекое детство.

– А постройки почти совсем не изменились, разве что вон тот новый домик появился, да двор немного расширили.

Ему захотелось зайти посмотреть, потрогать. Всё здесь было знакомо. Вон под тем навесом они весной с пацанами постоянно зорили воробьиные гнезда, стреляли их из рогаток. Сейчас кажется странным и непонятным, зачем это делали. А сколько ночей он провел здесь с матерью, особенно, когда шёл опорос. Мать всю жизнь проработала здесь свинаркой, а затем заведующей фермой. А вот там, чуть в стороне от построек, где два бугра торчат, они нашли его любимую собаку Жульку, разорванную в клочья волками. В ту зиму волки лютовали по всей округе.

От фермы в его сторону ехала повозка. Поравнявшись с ним, две женщины, сидящие на телеге, поздоровавшись, предложили доехать.

– Спасибо, – поблагодарил их Григорий, – здесь рядом, дойду.

– Ну, гляди, было бы предложено, мужик с возу – бабе легче, не заблудись, – дружно загоготав, как гуси, бабы, стораю от любопытства, рысцой поехали дальше.

Вот она, истинная русская душа, всегда найдет над чем посмеяться, – глядя им в след, улыбаясь, подумал Широков.

– Деревню, пожалуй, обойду, что я буду всех собак по деревне собирать?

Он свернул на чуть заметную дорогу, сплошь заросшую подорожником, и окольным путем направился к кладбищу. Григорий решил сразу пойти к могиле отца, а затем уже к другим близким усопшим.

Серые кресты, хаотично разбросанные на бугре, да заросшие пожухлой травой холмики могил хранили поистине гробовую тишину. Лишь немногочисленные кудрявые березы и кусты черемухи, шелестя разноцветьем оставшихся листьев, да карканье сидящих на деревьях ворон напоминали присутствие жизни в этом мире. Григорий быстро нашёл могилу отца.

Поклонившись, будто с живым, поздоровался.

– Здравствуй, батя... вот, наконец, явился – не заблудился. Прости, пожалуйста.

Комок подкатил к горлу. Незримая волна вины перед отцом, горечь навалившихся бед и обид захлестнула его разум и каждую клеточку тела, мгновенно превратив это всё в жгучие, горькие слёзы. Железный Широков, из которого кувалдой не выбьешь слезинку, рыдал, повторяя:

– Прости, батя, прости! – и, словно услышав ответный голос отца: за что, сынок, прощать, за что? – стал понемногу успокаиваться. Смахнув слёзы, Григорий ругнул себя:

– Раскис, нервы совсем сдали, расхлюпался.

Ему стало немного неловко. Он повертел головой, чтобы убедиться, не видел ли кто? Присев на крохотную скамеечку подле могилы, он ещё долго разговаривал с отцом, как будто тот жив и безмолвно слушает исповедь сына. Выговорившись, Григорий почувствовал облегчение.

– Спасибо, батя, что понял меня. Да, совсем забыл, мама жива, здорова, помнит и всегда печётся о тебе. Велела передать низкий поклон, так и написала: «Поклонись моему любимому и глубоко почитаемому мужу Ивану Васильевичу».

Потом Григорий ещё долго бродил среди могил своих родных и знакомых, отдавая им низкий поклон и слова благодарности. Одним за то, что дали жизнь роду Широковых, другим за то, что росли и жили вместе в этом грешном мире. С кладбища Григорий напрямик направился к своему другу детства Фёдору Чиркову.

– Фёдора наверняка нет дома. Уборочная пора в разгаре, на тракторе или комбайне сутками крутится. Ничего, дождусь, в крайнем случае, тещь пускай едет домой, а я заночую, сам доберусь. Надо со всеми повидаться, а то обидятся, да и сам соскучился. Когда опять свидеться, придётся?

Его встретила у калитки с сыном на руках жена Фёдора, Катерина.

– Батюшки, – обронила она, – никак Гриша? Федь, Фёдор! – позвала она мужа.

– Ну, здравствуй, Катя, – Григорий обнял её с малышом. Затем взял мальчонку на руки, разглядывая внимательно лицо. – Ну, вылитый чирок, как две капли воды чирок! Сколько ему, Катя?

– Так через две недельки полтора годика будет. Слава Богу, за столько лет бог сынка послал. Фёдор, Фёдор! – позвала она опять мужа.

– Да иду, иду. Вот окаянная баба, ни минуты покоя нет! Ну, что тут у тебя стряслось? Мировая революция, похоже, началась, – ворчал Фёдор, выходя на крыльцо из сеней, держась за окосячку.

– Вот это да! Гринька! Иди, иди сюда, чёрт лохматый, лежебока!

Фёдор, превозмогая боль, ринулся навстречу другу.

– Да не дави ты меня, дьявол, – взревел он, – Больно! Проклятый чиряк на самой пояснице вылез, третьи сутки ни сесть, ни лечь, измотал окаянный. Давай, рассказывай мне сказки. Валяй, валяй Ваньку.

– Знаем мы вашего брата, симулянта, – паясничал Широков.

В детстве они были закадычными друзьями – водой не разольёшь.

– Вот тебе сейчас в пору в зоску поиграть, – издевался Григорий над Фёдором. – Давай, Катерина, носи валенок, пускай набивает, чиряк тут как тут и вылезет наружу!

– Ну, Гринька, разозлишь и с чиряком намну тебе бока! Поди, не забыл как раньше попадало?

Они ещё долго подтрунивали друг над другом, вспоминали босое детство.

– А Надя где? – поинтересовалась Катерина.

– В деревне у матери осталась. На сносях она: седьмой месяц. Рвалась сюда, так не дай Бог. Побоялся я, чего доброго, растрясёт до времени. Хватит, первенца и так потеряли.

– Как потеряли, Гриша?

– Похоронили нашего первенца, Катя, похоронили.

– Господи, да как же так? – запричитала она.

– Долгий разговор, Катя. Самому не пришлось ни видеть, ни подержать сына.

Вот так-то.

– Господи, это ж надо какое горе! – опять запричитала Катя.

– Давай, Катюша, не будем ворошить душу. Ничего не изменишь, не вернешь.

Надо жить дальше.

– Ладно, Гриш, пошли в дом. Я, наверное, ещё день-другой промаюсь со своей болячкой. Время есть наговориться.

– А я тебе маяться не дам. Рецепт знаю, за ночь выздоровеешь.

– Во как? Интересно! Лечи, что хошь взамен отдам, если ты такой большой спец.

– А заячья шкурка дома есть? – уточнил Широков.

– Да куда ж им деваться и не одна. За зиму, почитай, сколько русаков добыл... штук пять, не мене.

– Тогда считай, что уже вылечился, – заверил он Фёдора.

– Подожди, Гринь, что-то не вразумлю, байку травить затейливую али всерьёз знаешь леченье?

– Я что, не внушаю доверия?

– Да нет, вид у тебя решкетабельный, тьфу, черт, как её, язву, не сразу выговоришь... решке... рескетабельный, респектабельный!

– Ты, Фёдор, и впрямь как дед Захар становишься, всё больше норовишь выражаться мудрёными словами.

Они оба взалех расхохотались, вспоминая любимца всей деревни деда Захара, любившего по поводу и без повода блеснуть заумными словами и выражениями.

Однажды сидит дед на завалинке со своими сверстниками, обсуждая местные и международные сплетни. Неожиданно в разговоре наступила длительная пауза. Чтобы её как-то заполнить, дед Захар, повертев головой и шмыгнув носом раз-другой, говорит: «Очевидно, вероятно, где-то конь насрал».

Потом эта дедовская фраза стала у селян крылатым выражением.

– Ну, до деда Захара мне ещё далеко.

– Но перспектива у тебя, Федя, есть.

– Ладно, Гринь, пошли в дом, ты сызмальства в карман за словом не лазил. Пошли, пошли.

– Нет, Федя, давай сделаем так. Я сейчас обойду своих, зайду к Надиной сестре Катерине. Ближе к вечеру вернусь, пожалуй, у тебя и заночую.

- Оно так, пожалуй, и лучше, – согласился Федор.
- Вот и ладом.
- Ну, пока.
- Да, Катя пускай найдёт заячью шкурку, врачевать буду.
- Добре, добре.

Обойдя по кругу своих близких, Григорий, как и обещал к вечеру вернулся к Чирковым. Гостеприимные хозяева выставили на стол всё разнообразие осенних даров природы. В тарелках и чашках красовались отборная, как бусинки, бурая клюква и брусника, ещё не до конца просоленные бело-жёлтые мохнатые грузди и с шоколадным оттенком рыжики, будто маленькие гвоздики, маринованные опята, солёные в пупырышках близнецы-огурчики и краснощёкие помидоры. А посреди этого великолепия стояла чашка с зажаренным коричневым петухом, обложенным дымящейся картошкой и зеленым луком-батуном.

Увидев роскошный стол, Широков не мог удержаться от похвалы:

- Это как же можно приготовить столько царских блюд?
- Да ну тебя, Гриша, скажешь тоже, – засмушалась хозяйка. Стол как стол, мяса кусочка нету.

– Ну не скажи, Катюша, самый настоящий царский стол!

– Ты не торопись её хвалить, вот отведай, а потом может и похвалишь. А то, брат, с виду оно как бывает? – блестит, а копнешь глубже – ошибочка вышла. Давай садись сюда, а я вот здесь бочком примостюсь, с моей хандрой поудобней.

– Ну и я с не пустыми руками, примите от нас с Надей небольшие гостинцы! – Он достал цветной, с кистями, большой платок.

– Давай примеряй, это тебе, Катюша. А это тебе Фёдор, боялся не подойдет, а нет, в самую пору будет. Мерить будешь, когда выздоровеешь. Носи на здоровье, соблазняй деревенских красавиц.

– Я ему пособлазняю, чуб мигом вытаскаю по волосинке.

Фёдор прикинул на себя белый толстошерстный свитер.

– Ну, Гриша, уважил, а вот чем тебя благодарить, не знаю.

– Ты это брось. Когда приедешь ко мне в Читку, вот тогда гостинцы дарить и будешь. Ну а тебе, Санечка, вот что!

Он достал резиновую игрушку-уточку и маленького белоснежного зайчика с пиккулькой.

– Расти большой, сильный и добрый, как папка.

– Ой, Гриша, да что же такие дорожные подарки?

– Подарки как подарки, ничего особенного. Главное, что понравились.

Платок действительно по всем статьям подошёл к стройной, черноволосой Катерине.

– Ну, вылитая Кармен.

Катя лихо трянула плечами, блеснув искрящимися карими глазищами. Много сил, да что там сил... и кулаки пускать в ход приходилось Фёдору среди деревенских парней, чтобы завладеть сердцем Катерины.

– Ой, ой, давайте за стол, картошка совсем остыла, – засуетилась хозяйка. – Садитесь, садитесь.

В разгар ужина подъехал тесть.

– А я тебя, Гриша, думал у Катерины застану..

– Проходите, Николай Андреевич, проходите.

– Не беспокойся, Катя, я сяду. Да и расслаживаться-то особенно времени нет. А ты что, Фёдор, мужики сказывали, расхворался?

– Не говори, дядя Николай, извёл меня проклятый, ни днём, ни ночью покоя нет.

– Ты вот что, паря. Горючей серы несколько раз небольшими порциями поешь для здоровья, чтобы не вылезли боле. Пользительная штука, все болячки в организме убиват, на себе проверил. Только не переусердствуй.

– А сколько съесть надо?

– Да где-то граммов по пять. Дён пять попьёшь.

– Обязательно сделаю.

– Сделай, сделай, поможет.

Выпив рюмочку и отведав чирковских солений, Николай Андреевич засобирался домой.

– Поздно ужо, пока добяромся. Завтра ранёхонько вставать, погода, слава Богу стоит. Поспешать убираться надобно, а то ить, не ровен час, и белы мухи полятятъ.

– Поезжай без меня, отец. Я завтра до обеда сам доберусь. Поврачую Федора, да хоть вдоволь поболтаем. Когда ещё свидимся?

– Смекай сам, как хошь, – согласился тесть.

– Ты тогда ещё к дочке Катерине зайди, она хочет что-то прядать.

– Хорошо, обязательно зайду.

– Ну ладно, коли так, я поехал, ужо поздно.

Закончив ужин, Григорий взялся за врачевание. Уложив Фёдора на живот, он разрезал заячью шкуру пополам, одну половину отдал Катерине, вторую внутренней стороной подержал над паром, пока она не стала влажной и мягкой, обильно намылив внутреннюю часть шкурки, положил прямо на фурункул, обернув сверху плотно поясницу Фёдора шерстяной шалью.

– Вот и всё. Пусть до утра зреет. А ты лежи и терпи. Постарайся уснуть, да и я, пожалуй, ложиться буду. Завтра желательно к обеду в деревню добраться. Надя беспокоиться будет, да и картошки ещё пологорода у родителей не выкопано. Спокойной ночи.

Григорий проснулся от плача ребенка.

– Спи, спи, мой маленький, спи, – уговаривала ласково Катерина сына.

– Сколько же времени? – Он попытался несколько раз разглядеть циферблат часов, но так ничего не увидел. – Часов шесть, наверняка. Выспался. Пойду на двор, заодно посмотрю время. Не успел подняться с кровати, как заговорил Фёдор.

– Доброе утро Гриш.

– Здорово.

– Его мне как раз не хватает.
– Ну что, как чувствуешь?
– Понять не могу, вроде как напряжение на пояснице спало, а к боли уже привык, трудно определить, что там творится. Единственно, что хочется, так почесать больное место.

– Вот это, друг мой, и есть главное. Значит, цель достигнута.

– Что главное Гриша?

– Потерпи маленько – узнаешь.

Вышла Катерина.

– Вам чё, мужики, не спится? Разгалделись.

– Кать, я сейчас приду, а ты зажги лампу, приготовь теплой воды и какую-нибудь чистую тряпку или вату, если есть.

– Чё, Гриш, Фёдку кончать будем? На кой леший он мне такой?

– Ну, Катька, подымусь, я те баньку устрою. Правду татарин Ахметка сказывал: хорошую бабу три раза в день надо бить, плохую – без нормы.

– Ты лежи, лежи. Сильно не переживай. Нож острый, смерть лёгкая будет, – продолжала поддерживать шуточный тон мужа Катерина.

– Вот, Гриша, собственными глазами увидел, с кем я живу.

Широков, закрыв ладонями рот кое-как сдерживал смех, чтобы не разбудить Саньку.

– Ладно, Кать, хватит его мурыжить, ты, как медсестра, готовь всё к операции.

– Я сейчас.

Развязав шаль на пояснице Фёдора и убрав заячью шкурку, Григорий увидел то, что хотел увидеть: три головки фурункула вскрылись.

– Сейчас самое главное – сильно и правильно давануть.

Он аккуратно тёплой водой протёр поясницу вокруг фурункула, слегка погладил её, чтобы Фёдор расслабился. Затем неожиданно двумя кулаками резко даванул фурункул.

Фёдор взревел от боли. Словно катапультировавшись, мгновенно подскочил с топчана. Заметался по комнате, готовый всё снести и смять на своем пути.

– Всё Федя, всё. Потерпи. Теперь всё позади, вся дрянь вылезла. Сейчас полегчает.

Через несколько минут Катерина обработала мужу ранку, приложила листья подорожника. По багровому лицу Фёдора, застывая глаза, ползли струйки пота.

– Ну, Гринька, не знаю, как я тебя не зашиб. Такая была адская боль, не поверишь: сознания чуть не лишился.

– Знаю Федя. Хорошо знаю, сам натерпелся. Зато часа через два-три забудешь обо всех бедах.

Поезд, покачивая вагоны, медленно катил по побережью Байкала. Казалось, встань на подножку вагона и можешь коснуться рукой лазурной глади величавого озера.

Чита Широковых, возвращавшаяся после отдыха на своей малой Родине, прильнув к окну вагона, как в иллюминатор, рассматривала неописуемые красоты великого Байкала.

– Смотри, смотри, Гринь, рыбки, рыбки – восторженно ликовала Надя.

– Где, где?

– Да вон же, смотри сюда. Ой, ой, а какие камушки, ну все как на ладони. Гринь, а это что зеленое колыхается?

– Надя, я уже тебе который раз говорю: водоросли. В Байкале живут миллионы малюсеньких рачков и растений, которые круглыми сутками только тем и занимаются, что очищают воду. Потому она такая необыкновенно чистая и холодная. Какая, ты думаешь, температура воды в Байкале в июне?

– Как какая? Тёплая. Мы у себя в деревне в мае уже всегда купались.

– Так вот, милая жёнушка, должен тебя разочаровать. В Байкале она бывает четыре градуса. Хотел бы я посмотреть на ваших деревенских ныряльщиков.

– Гринь, что, правда?

– Правдивее не бывает. В то же время, – продолжал Григорий, – по количеству солнечных дней бухта Песчаная на Байкале и остров Ольхон превосходят многие курорты Черного моря. А температура воды в Чивыркуйском заливе в разгар лета не уступает черноморской.

– Вот те раз! Как же так? – удивилась Надя.

– Надя, это же Байкал! Уникальный, единственный и неповторимый на планете, он – одна из главных её жемчужин.

– Гриша, а почему называется Байкал?

– Есть несколько толкований. Более верное: Байкал – «много воды» – так оно и есть на самом деле. Учёные определили, что Байкал вмещает в себя пятую часть пресной воды на нашей планете. Длина его с юга на север составляет 636 километров, а самое широкое место – 81 километр. Максимальная глубина 1620 метров. А зимой лед становится очень толстым и прочным... Не помню где-то читал, – продолжал Григорий, – что во время русско-японской войны зимой 1904 года на льду Байкала укладывали звенья железной дороги, соединяли их и перевезли тогда с берега на берег лошадьми 2300 вагонов, 65 паровозов. Трудно себе представить! Мне даже сейчас страшно стало за тех людей, которые ездили на лошадях, перевозя такие тяжести.

– Гриня, когда мы подъезжали к Байкалу в том месте, где Ангара берёт начало, ты хотел мне какую-то легенду рассказать.

– Да, конечно. Слушай:

В устье Ангары, это напротив порта «Байкал», мы его недавно проехали, на самой середине реки из воды выделяются два небольших каменных бугра. Так вот, эти бугры являются вершиной огромной-огромной скалы, скрывающейся под водой, которая проходит поперек всей реки, как плотина.

– Ясно?

– Да.

... Так вот, существует легенда, что единственная дочь Байкала, Ангара...

– Почему единственная?

– Потому что из Байкала вытекает только одна Ангара.

– Хорошо, Гриша. Дальше.

– А дальше так: однажды красавица Ангара, увидев богатыря Енисея, тут же в него влюбилась. Долго и настойчиво уговаривала она своего батюшку отпустить её к Енисею, который тоже безумно полюбил Ангару. Но горячо любящий отец никак не мог себе представить даже на миг, как он будет жить без своей любимицы. Сказал категорично: нет!

Григорий сделал паузу. Заворожённая Надя умоляюще смотрела на него.

– Гриня, ну ни тяни душу. Что дальше?

– А дальше было всё просто.

– Как просто?

– А так, как обычно поступают девушки в подобных ситуациях.

– Как?

– Убегают сломя голову без благословения родителей к своему возлюбленному.

– И что, она убежала?

– Да.

Глубокой тёмной ночью тайком побежала к Енисею. Рассерженный батюшка, увидев как убегает дочь, чтобы преградить ей путь, бросил огромную-преогромную глыбу. Но было уже поздно: дочь успела убежать к Енисею.

Двое влюбленных, Ангара и Енисей, попав в объятия друг друга, по сей день живут в любви, мире и согласии. Только иногда Ангара становится грустной, потому что, как и прежде, горячо и сердечно любит своего великого и могучего батюшку».

Надя, задумавшись, долго молчала.

– Да, очень трогательно и романтично, как-то даже похоже на настоящую жизнь.

Проехав последний тоннель, поезд совсем замедлил ход, приближаясь к станции Слюдянка. Григорий с женой вновь прильнув к окну, рассматривали пристанционные строения и вообще всё, что попадало их взору. Показался перрон вокзала. Вагон, в котором ехали Широковы, остановился напротив небольшого синего киоска, около которого стоял огромный мужчина с подростком. Мужчина резко повернул голову в сторону остановившегося вагона. На какое-то мгновение его и глаза Григория встретились. Широков будто ошпаренный кипятком что-то невнятное сказав, ринулся к выходу. Выскочил на перрон, метнулся влево, вправо. Пробежал по перрону, заглянул в здание вокзала. Но верзила как сквозь землю провалился. Взволнованная, ничего не понимающая Надя, выглядывая из тамбура, поджидала мужа. Подошёл Григорий, весь взъерошенный, лицо восковое, глаза, словно две горящие свечи.

– Гриша, Гриша, что случилось? На тебе лица нет...

– Потом, Наденька, потом, – повторял он, крутя головой по сторонам в надежде увидеть мужчину.

«С первого пути отправляется...»

– Садитесь, садитесь, – перебивая голос дежурного по станции, торопила пассажиров проводница. Григорий ещё долго стоял в проходе вагона, глядя бесцельно в окно. Надя терпеливо ждала, пока успокоится муж.

– Не спрашивай, Наденька, ни о чём, просто увидел одного мерзавца, потом дома расскажу.

– Вот и хорошо, успокойся, давай пить чай.

Чита их встретила дождём и мокрым снегом. Дул порывистый, холодный ветер. На перроне было безлюдно, серо и неуютно.

– Ой, как холодно, – пожаловалась Надя, поеживаясь от холода.

– Держись крепче за меня, очень скользко, – попросил он жену. – Сейчас зайдем в здание вокзала, ты посидишь, а я пойду, поищу какой-нибудь транспорт.

– Гринь, а кто это был?

– Где?

– Там, на вокзале в Слюдянке.

– Надя.

– Гринь, ну скажи.

Он помолчал.

– Обыкновенная тюремная сволочь, которая мне челюсть сломала. Всё хватит об этом поганце. Я пошёл, жди.

До выхода на работу у Широкова оставалась целая неделя, к тому же Надя пошла в декретный отпуск.

– Давай, Надюшка, сделаем ремонт в квартире, – предложил Широков. – Дитя родится, пусть живёт в чистоте и уюте. Только давай договоримся, ты осуществляешь общее руководство, а всю работу делаю я! Не слышу ответа, – серьезно переспросил он жену.

– Хорошо. Белая краска у нас есть, я ещё весной купила, на окна и дверь хватит. Кисти, мастерок у нас есть...

– Слушай, Надя, давай печь с этой стороны обошьём жестью и покрасим. По-моему будет неплохо. Впрочем, оформление – твоя работа. Жду по этому поводу конкретные предложения.

Широков целый день провел в делах и хлопотах. Побывал на работе, обегал почти все магазины. Лишь поздно вечером с полными сумками Григорий заявился домой. Ещё в коридоре он услышал женские голоса и звонкий смех, доносившийся из его квартиры.

– Интересно, кто же это пожаловал? – он не стал открывать дверь, а легонько постучал.

– Входите, входите, не стесняйтесь, – зашебетали наперебой дамочки.

Открыв дверь, Широков обалдел от увиденного. Надина бригада в полном составе пиновала за столом и, будто сговорившись, со словами: «Григорий Иванович!» дружно ринулась ему навстречу.

– Девки, с ума сошли, до смерти затискаете, – отбивался Широков.
– Ишь ты, приехали втихушку, посиживают, грибочки деревенские пожёвывают, – наседала Надина бригадиша. – Нет бы позвать в гости! Так черта с два дождёшься! А мы не гордые, сами пришли.

Угомонившись, сели за стол.

– Дорогие, милые красавицы! Искренне рад видеть вас в таком добром, приподнятом настроении. Не обижайтесь, что не пригласили, сами понимаете: Надежда в каком состоянии.

– В хорошем, в отличном состоянии, – опять загалдели захмелевшие гости.

– Хорошо-хорошо, каемся. Обещаю: впредь больше не повторится, – смеясь, заверил Широков.

– Вот это другой разговор, Григорий Иванович.

– А если говорить серьезно, – продолжал Широков, – я хочу поднять тост за ваши чистые родниковые души, отзывчивые, добрые сердца. Спасибо вам, что умеете ценить настоящую, бескорыстную дружбу, умеете по-настоящему любить. Я вас очень уважаю и люблю. За вас!

– Ура! – вразнобой зашумели бабы.

– А мы тут с Надюшкой маленький ремонтик в доме решили сделать.

– Так не пойдет, Григорий Иванович, – опять встряла в разговор бригадир Екатерина, – мы до вас уже всё обговорили с Надей: завтра вечером после работы начнём ремонт. Зина придет с Василием, Вы с ним, товарищ Широков, будете обшивать печку. Это в первую очередь. Главное – не задерживать побелку. С утра всё сдвинете, укроете. День-другой, и всё сделаем по высшему классу. Вы знаете, товарищ начальник, как мы умеем делать. Бабы, давайте выпьем за Надю с Григорием Ивановичем, – предложила Екатерина. Пусть в их доме всегда звенит детский смех, горит костёр счастья и любви.

– Ты прям как поэтесса говорить стала, Катька.

– С хорошими людьми, Зина, всегда хорошие мысли в голову лезут. За Широковых!

– Горько, горько, горько – поддержали её бабы.

Катя сдержала свое слово. Через неделю квартиру Широковых было не узнать. Общими стараниями она засверкала не только чистотой, но и убранством. Несмотря на скудность мебели, небольшая перестановка позволила создать удобства и уют. Более того, удалось выкроить небольшой теплый и светлый уголок для будущего малыша.

Надя, несмотря на свое положение, порхала по квартире, радуясь удачному ремонту.

– Какие же замечательные и душевные женщины! – восхищался Широков, – у каждой семья, своих проблем и дел невпроворот – а на тебе! все бросились нам бескорыстно помогать. Вот так люди должны жить, тогда ни чёрт, ни дьявол не страшен.

ГЛАВА 12

СОВЕТСКО-ФИНСКАЯ ВОЕННАЯ АВАНТЮРА

Недолго пришлось Широковым радоваться счастливой семейной жизни. В преддверии празднования очередной годовщины Великого Октября трест спешил рапортовать о сдаче строительных объектов и выполнении принятых обязательств. Подразделению Широкова необходимо было завершить перекрытие строящихся заводских цехов и перейти к монтажу.

Григорий безвылазно, по десять-двенадцать часов крутился на объекте. Надя под бдительным присмотром врача через неделю-другую должна была родить.

Как-то вечером муж пришел с работы поздно и очень усталым. К тому же Наде показалось, что он чем-то серьезно озабочен.

— Что-то случилось, Гриня?

— Да нет, с чего ты взяла? — он через силу улыбнулся ей, — день был напряжённым, устал, балки крепили. В добрый час управились без помех, теперь монтаж полным ходом пойдет. Ну, как наше потомство?

Он встал на колени, расстегнул Надин халат, несколько раз поцеловал её округленный живот, затем прижался к нему щекой.

— Вот хулиган, смотри, что делает!

Под натянутой кожей живота раз за разом появлялись бугорки.

— Смотри, смотри, упирается ножками или ручками, вот разбойник!

Он плотнее прижался к животу, обнимая жену.

— Как же я вас люблю! — встал, поднял за руки со стула жену, — пойдём спать. — А про себя подумал: хорошо, что я ей ничего не сказал, утро вечера мудренее.

Не успел Григорий утром открыть глаза, как Надя тут же пристала с вопросом:

— Что всё-таки вчера у тебя случилось, Гринь? Я же вижу, что-то случилось.

— Не понимаю, с чего ты взяла. У меня всё в порядке.

— Это ж надо, как устроена женщина... ничего не утаишь! Ночь прошла, а она помнит моё состояние. Настоящий барометр. Нет, ничего сейчас говорить не буду, — решил он. — Зачем целый день будет переживать? Поговорим вечером.

— Надя, успокойся, ничего не случилось, всё в порядке, — он сделал веселое лицо, долго её гладил, целовал. — Пойдем милая, разомнись немного, а я побреюсь. Ты в магазин не ходи, я сегодня приду пораньше, всё, что надо, куплю.

Эти слова пуще прежнего насторожили Надю, но она, хорошо зная нрав мужа, больше не приставала с расспросами.

Вечером, не успел Григорий переступить порог, понял, что зря ей всё не объяснил утром. Бедняжка целый день терзала себя догадками.

— Надя, ну, в самом деле, ничего особенного не произошло. Зря беспокоишься. Направляют в командировку в Ленинград, ненадолго. Так надо.

— Говоришь: ничего особенного? Гриша, а как же я? — в её глазах стоял не просто испуг, а жуткий страх не за себя, за будущего ребенка. — Как же так, Гриша, дитё опять родится без отца?

В памяти мгновенно всплыл образ мертвого сына.

– Нет, Гриша, нет, – с надрывом и мольбой простонала Надя. – Что же это такое, неужели кроме тебя некому поехать?

– Наденька, дорогая моя, – он взял её под руку, усадил на диванчик. – Успокойся, успокойся, пожалуйста, и внимательно выслушай меня. Обязательно придет твоя мама, пока я буду в командировке, она будет с тобой, телеграмму уже отправил. Ты понимаешь, туда сегодня нужны такие специалисты, как я. Меня партия посылает, понимаешь, партия. Значит, я нужен стране именно там и сейчас. Я коммунист, и этим всё сказано. Потерпи, пожалуйста, не беспокой нашего малыша.

Он погладил Надин живот, обнял и расцеловал её безучастное лицо, повторяя:

– Всё будет, хорошо, я скоро вернусь.

– Гриня, что хорошего? У нас вот- вот ребёночек родится... Господи, когда же это только кончится?

Григорий понимал, что Наде действительно будет тяжело, но ведь речь идёт не о прогулке, о защите Родины, её рубежей. Кому как не ему, получившему такой большой опыт в Монголии, быть сейчас там?

– Обещаю тебе: вернусь, больше никуда не поеду, честное-пречестное слово.

Немного успокоившись, Надя пристально посмотрела ему в глаза. Она знала и верила, что Григорий искренне любит её. И, конечно же, будь его воля, Гриша никуда бы не поехал. Наверное, так действительно надо и его поездка очень важная и нужная, раз Гриша уезжает в такой момент.

– Врёшь ты, Широков, приедешь и опять куда-нибудь понадобишься.

Почувствовав в словах жены душевные перемены, Григорий ещё убедительней стал её успокаивать и заверять, что всё будет хорошо.

– Нет, Гришенька, всё одно мне без тебя будет плохо.

– Я понимаю, милая. Но сложившиеся обстоятельства... они гораздо важнее личных.

– Да, конечно, – обреченно согласилась Надя.

18 ноября в восемь часов утра Широков отбыл в распоряжение Ленинградского военного округа. Расставаясь с мужем, Надя нашла силы перебороть себя, не плакать. Более того, старалась шутить и как бы невзначай обронила.

– Ты не вспоминай бабью слабость, это я так, сгоряча мокроту развела, не сердчай на меня.

– Я всегда знал, что ты у меня самая-самая...

– Какая?

– ... любимая, красивая, сильная.

Он обнял жену, целуя выбившиеся из-под шали волосы, лоб, губы. Затем наклонился, прижался к её животу, поцеловал его через плюшевую тужурку. Прошептал: я вас очень-очень люблю. Пока, любимая. Очень тебя прошу: не волнуйся, береги его.

– Гринечка, родной, скорее возвращайся. У нас всё будет хорошо. – Слезы готовы были ручьём хлынуть из её глаз, но Надя нашла в себе силы чтобы не разрыдаться.

– До свидания, родная! – поцеловав её, побежал на посадку. Обернувшись, помахал рукой: до встречи!

Григорий не говорил жене всей правды, что получил повестку, что 3 ноября 1939 года части Красной Армии перешли границу Финляндии, и войска Ленинградского военного округа вступили в активные боевые действия, а его, как человека, имеющего уже боевой опыт, в срочном порядке призвали в армию.

Боевые действия Советско-Финской военной компании 1939 года имели свою предысторию. Еще в далеком 1920 году в Тарту был заключён мирный договор между Финляндией и Советской Россией. Этот договор был дополнен пактом о ненападении, подписанным в 1932 году, который должен был оставаться в силе до 1945 года.

Правительство СССР в 1937 году, укрепляя свои границы, обратилось к Финляндии с просьбой обсудить проблему безопасности Северной столицы, поскольку граница проходила в 35 километрах от города. Суть вопроса сводилась к тому, чтобы финны часть своей территории передали СССР, взамен Финляндии предлагалась гораздо большая территория в районе Карело-Финской АССР. Однако правительство Финляндии, считая, что территориальные уступки будут противоречить принципам суверенитета и скандинавского нейтралитета, отклонили предложение СССР. Вместе с тем, не отказываясь от политических переговоров, обе стороны начали предпринимать весьма опасные действия военного характера: СССР – наступательные, Финляндия – оборонительные. Финны, конечно, считали, что СССР, постоянно подчёркивая стремление к миру, не поставит под угрозу свою международную репутацию, развязав против них военные действия. К сожалению, они не знали позицию Сталина, который сказал: «Мы ничего не можем поделать с географией, поскольку Ленинград передвинуть нельзя, придётся передвинуть от него подальше границу». Конечно же, затеявая военную авантюру, Сталин был глубоко убеждён, что войны как таковой не будет: «Припугнём финнов и они примут наше предложение. И даже если попытаются сопротивляться, военные действия будут не более чем лёгкой прогулкой».

Подтверждением сказанного является слова Маршала Советского Союза Василевского, прозвучавшие в беседе с военным корреспондентом, поэтом Константином Симоновым:

«Военный совет поставил вопрос о том, что тогда нам придётся воевать с Финляндией. Шапошников, как начальник Генерального штаба, был вызван для обсуждения плана войны. Оперативный план войны с Финляндией, разумеется, существовал, и Шапошников доложил его. Этот план исходил из реальной оценки готовности финской армии и наличия построенных финнами укрепленных районов и в соответствии с этим предлагал сосредоточить больше сил и средств, необходимых для решительного успеха этой операции.

Когда Шапошников перечислил запланированные Генеральным штабом силы и средства, которые до начала этой операции надо было сосредоточить, Сталин

поднял его на смех. Было сказано, что, дескать, вы для того, чтобы управиться с этой самой Финляндией, требуете огромных сил и средств. В таких масштабах в них нет никакой необходимости.

После этого Сталин обратился к Мерецкову, командующему тогда Ленинградским военным округом, и спросил его: «Что вам, в самом деле нужна такая огромная помощь для того, чтобы справиться с Финляндией? В каких размерах вам это нужно?». Мерецков ответил: «Товарищ Сталин, надо посчитать, подумать. А помощь нужна, но, возможно, что и не в таких размерах, какие были названы».

После этого Сталин принял решение поручить всю операцию против Финляндии целиком Ленинградскому фронту, Генеральному штабу этим не заниматься, заниматься другими делами. Таким образом он заранее отключил Генеральный штаб от руководства предстоящей операцией, более того, сказал Шапошникову, что ему надо отдохнуть, предложил ему дачу в Сочи и отправил на отдых.

Сотрудники Шапошникова были тоже разогнаны кто куда, в разные инспекционные поездки. Меня, например, загнали для чего-то на демаркацию границ с Литвой».

3 ноября 1939 года части Красной Армии перешли границу Финляндии. Широков по прибытии поступил в распоряжение 7-й армии под командованием командира 2-го ранга Яковлева, которая должна была наносить основной удар на Карельском перешейке. К этому времени советские войска, ранее стремительно наступая, упёрлись в так называемую «линию Маннергейма». Взвод Широкова в составе сапёрного батальона в течение десяти дней усиленно тренировался каждый божий день до седьмого пота с набитыми до отказа вещмешками в тёплой одежде, белых маскахалатах. Особое внимание уделялось лыжной подготовке, а также преодолению различных проволочных заграждений, минированию и разминированию минных ловушек. Упражнялись в стрельбе и маскировке на местности, чтобы умело действовать в боевых условиях, прокладывая коридоры для прохода наших войск и разведовательных групп через мощную заградительную оборонную систему.

— Товарищ лейтенант! — прервал очередные занятия вестовой, — Срочно к командиру роты!

— Хорошо... Товарищ капитан, лейтенант Широков...

— Садитесь, лейтенант, — оборвал его ротный Кузнецов, — ну что, взводный? Время подготовки закончилось, противник ждать не будет, да и командование поторапливает. Вчера внимательно смотрел за действиями твоих подчинённых, похоже, освоились. Как сам считаешь?

— Многому ещё учиться надо, товарищ капитан, но боевая обстановка есть боевая.

— Вот и хорошо, что понимаешь. К тому же об этих вещах не понаслышке знаешь, на Халхин-Голе школу прошёл. Одним словом, так! Бойцам отдыхать, готовить снаряжение и обстоятельно! — сам проверю. В полночь на задание. Выполнение задачи обсудим в тринадцать-тридцать. Идите.

– Есть.

Группа из семи человек, возглавляемая Широковым, медленно передвигалась на лыжах по глубокому снегу в сторону оборонительной линии противника. Перед ними стояла задача проделать небольшой коридор через массивное заграждение, в том числе, минное для прохода группы наших разведчиков. Разыгравшаяся ещё с вечера вьюга в полночь набрала полные обороты. Завывающий ветер, налетая порывами, обжигал лица, а колючий снег забивал глаза. С одной стороны погода радовала Широкова. Вьюга поглощала не только любой неосторожный шорох, но и позволяла сапёрам в маскхалатах фактически слиться с окружающей местностью. Однако снежная круговерть сильно затрудняла видимость и ориентиры.

Впереди из снежной пелены неожиданно выросли очертания чёрного предмета. Широков поднял руку, бойцы, присев, застыли. Танк. Наш подбитый, сгоревший танк. Ещё в полдень, готовясь к выполнению задания, он с ротным, внимательно просматривая и изучая местность в бинокль, определили, что от этого танка группа повернёт строго влево. От него метрах в трёхстах должна начинаться заградительная линия из колючей проволоки и минных ловушек.

– На этом участке, лейтенант, будьте предельно внимательны, а приближаясь к танку, обязательно проверь, нет ли засады, – напутствовал ротный.

Памятуя о наказе командира, Широков отправил сержанта Фомина и рядового Зуева проверить, нет ли засады. Через несколько минут те дали сигнал, что всё в порядке. Укрывшись от ветра за искорёженной, закопчённой грудой металла, Широков ещё раз напомнил бойцам порядок действий.

– Фомин, Зуев, Иванов, внимательно обрабатываете мины. Остальные бесшумно убираем заграждение. Колючую проволоку старайтесь бросать подальше от прохода, не дай Бог, разведчики поползут – зацепятся, да и сами возвращаться будем... – Григорий пристально всматривался в циферблат часов – Время ноль часов сорок пять минут. Разведчики должны быть здесь через час. Вперёд!

Пройдя небольшое расстояние, сбросили лыжи и, распластавшись на снегу, вихляя друг за другом, словно змейки на песке, поползли к цели.

– Фомин подаёт сигнал – это значит, что начинаются заграждения.

Нервы на пределе. У всех одно на уме: только бы не напороться на минную ловушку. Мысль о том, что по ним в любую минуту может быть открыт шквальный огонь противника, отошла на второй план. Неожиданно словно молнии взлетели две ракеты. Уткнувшись в снег, бойцы замерли. Кажется, целая вечность прошла, пока погасли ракеты. Григорий, преодолевая страх, попытался приподнять голову и взглянуть на освещённый участок, но ракеты тут же погасли и опять наступила кромешная тьма. Широков показал жестом принять левее, справа глубокий овраг.

Фомин, Зуев, Иванов хоть и прошли хорошую подготовку по поиску и обезвреживанию мин, но это были домашние условия. Совсем другое дело, когда ты находишься на вражеской территории, где просматривается и простреливается буквально каждый десяток метров, стоит непроглядная тьма, всё завалено толстым слоем снега.

Прошли, точнее, прорыли в снегу, как кроты, метров двадцать уже по финской территории. Пока всё шло благополучно. Но каждый понимал: один неверный шаг или движение – и только Богу известно, чем может всё закончиться. Субботин с Романовым прорезали четвёртый проволочный заслон. Впереди на пригорке среди больших редких сосен просматривалось какое-то огромное здание, напоминающее сарай. Заградительная система кончилась. Дальше всё должно идти по ранее намеченному плану. Трое бойцов вернулись назад в условленное место, где их должна ждать разведгруппа, которую надо было провести по проделанному коридору. Широков с остальными бойцами оставались на месте, чтобы прикрыть разведчиков в случае их обнаружения.

Опять вспыхнули ракеты. Но уже значительно правее.

Неожиданно там же, нарушая завывание ветра, пулемёт отстрочил несколько очередей.

– Неужели разведчики проскочили в потёмках поворот, и ушли дальше? – беспокоился Широков. – Не должны.

Медленно тянулись минуты тягостного напряжённого ожидания. Разгорячённое тело мгновенно сковывал мороз и усиливающаяся вьюга.

– Ничего, не околеет, пусть метёт. Зато мужики только проскочат, тут же метель следы заметёт.

Прислушался. Вроде бы ничего подозрительного. Хотя нет, какие-то посторонние звуки. Широков слегка приподнял совсем озябшую руку, что означало: внимание, боевая готовность. Ох, как хотелось похлопать в ладоши и попрыгать! Пальцы рук и ног совсем онемели.

Всматриваясь в снежную пелену, Широков так ничего и не увидел. Внутреннее напряжение достигло своего предела.

– Черт, неужели разведчики всё-таки проскочили условное место? Не должны. Тогда почему их нет? Столько прошло времени...

Широков скорее почувствовал, чем увидел приближавшегося Фомина. Он не полз, а пригнувшись, на четвереньках карабкался по едва заметному следу. За ним неразрывной цепочкой след в след передвигалась разведгруппа. Они проскочили мимо Широкова, не проронив ни слова, будто это был посторонний предмет, оказавшийся на обочине проходящей тропы. Но разведчики хорошо знали, что в случае обнаружения их группы сапёры, жертвывая собой, их прикроют, возьмут огонь на себя, давая понять противнику, что их группа и есть разведчики. Проводив разведгруппу до условленного места и молча пожелав друг другу удачи, разведчики под монотонные завывания вьюги мгновенно растворились в ночной заснеженной мгле.

Выждав запланированные минуты, Широков с бойцами двинулся назад. Неожиданно с финской территории, куда ушла разведгруппа, послышался отдалённый собачий лай, взлетело несколько ракет. Бойцы, распластавшись на снегу затаив дыхание, больше всего боялись услышать стрельбу. К счастью, ракеты тут же погасли, лай собак прекратился.

Лишь метель нарушала прифронтовую тишину зимней ночи. Григорий знаком показал: вперёд! Благополучно вернувшись после первого боевого задания, бойцы, пребывая в возбужденном состоянии, ещё долго, подшучивая друг над другом, обсуждали мельчайшие подробности минувшей ночи.

– Фома, только скажи честно, – приставал к Фомину Илья Субботин. – Когда подполз к колючке, в ватниках не замокрило?

– У меня-то не замокрило. А вот если бы я прополз и не заметил ловушку, боюсь, Суббота, у тебя бы не только в ватниках замокрило, но и в голове.

Последние слова Фомина, потонули в дружном хохоте.

– А я, мужики, трухнул, было, когда услышал собачий лай и зажглись ракеты, – признался Зуев. – Ну, думаю, всё: разведчиков засекли, сейчас начнётся...

Неожиданно открылась дверь землянки. Сквозь клубы холодного пара и синий табачный дым махорки красноармейцы разглядели вошедшего капитана Кузнецова и комвзвода Широкова.

– Товарищ капитан, взвод...

– Отставить, – прервал старшину ротный. – Здравствуйте, товарищи красноармейцы!

– Здравия желаем, товарищ капитан, – повскакивая с мест, вразнобой ответили немного растерявшиеся бойцы.

Ротный поздравил участников ночного события с первым боевым крещением, поблагодарил за службу. И, напомнив красноармейцам о сложности момента и предстоящих делах, удалился.

Накануне планируемого масштабного наступления наших войск перед сапёрным батальоном и, в частности, взводом Широкова, стояла задача на одном из участков линии фронта обезвредить минные поля противника и проделать широкие проходы в финских заградительных укреплениях. Вся эта работа должна была проводиться исключительно ночью, поскольку днём финские снайперы, «кукушки», и хорошо замаскированные пулемётные и миномётные точки прицельным огнём уничтожали всё живое. Да, что там говорить о людях... Наши танковые атаки не раз захлёбывались в шквальном артиллерийском огне и горели, как спички, от зажигательных противотанковых бутылок.

На протяжении нескольких дней Широков, утюжа снег и выбирая позиции, тщательным образом изучал в бинокль и на карте местность предстоящей ночной операции. Крайне важно было обнаружить хоть какую-то часть скрытых и замаскированных пулемётов и миномётных точек. Бойцы взвода до изнеможения упражнялись в практических навыках поиска под снежным покровом мин и их разминирования, преодоления различного рода препятствий и заграждений.

– Вот те на...

– Смотри, смотри, лейтенант! Правей, в прогалинку смотри, – подсказывал капитан Кузнецов Широкову.

– Да, отчётливо вижу. Идет разгрузка машин.

Под высочёнными редкими соснами среди мелкого кустарника несколькими рядами вытянулись длинные ряды каких-то громоздких, зелёных ящиков. Чуть в стороне возвышались штабеля непонятных нагромождений, укрытых брезентом.

– Товарищ капитан, это ящики с боеприпасами.

– Да, да. Похоже, ты прав, – согласился ротный, – склад с боеприпасами. Давай-ка поточнее нанесём на карту это место, пусть артиллеристы небольшой праздничный фейерверк финнам устроят.

В масштабной наступательной операции взводу Широкова, как и другим саперным подразделениям, отводилось конкретное задание на одном из участков обороны противника подготовить коридор для наступающей пехоты. Выполнив, сапёры должны были присоединиться к наступающей пехоте. Благополучно добравшись на лыжах до исходного рубежа, взвод Широкова под покровом темноты и покровительством трескучего мороза приступил к выполнению поставленной задачи. Широков взглянул на часы, циферблат высвечивал 3 часа 55 минут.

– В 4 часа 5 минут начнётся наступление. Успеем. Колючку срезали, проход почти весь от мин проутюжили, остались последние метры.

И тут случилось непоправимое.

Скорее всего, Зуев или Фомин, обезвредив одну из мин-ловушек, не заметил в глубоком снегу чуть в стороне от разминированной, вопреки всякой логики, вторую ловушку. Громыкнул чудовищный силы взрыв. Взрывная волна швырнула Широкова к сосне, ударившись о которую он тут же потерял сознание. Очнулся Григорий от громкого крика: «Ура, Ура... а ...а ...а!», слившегося с громыханием пушек и трескотнёй пулемётов. Ничего не соображая, открыл глаза.

– Товарищ лейтенант, – Широков попытался приподнять голову, но тут же от невыносимой боли потерял сознание.

Субботин схватил жмень снега, начал потирать взводному лоб, щёки в надежде привести его в чувство. Бесполезно. Он в темноте сразу не заметил окровавленное пятно на правом боку маскхалата лейтенанта. И лишь когда подтянул командира ближе к сосне, увидел большой алый круг на снегу, понял, что Широков не только сильно контужен, но и ранен. Разрезав маскхалат и задрав телогрейку, наложил ему на рану большой ватный тампон.

Вдруг Субботину показалось, что кто-то рядом стонет.

– Полежи, командир, я сейчас.

Он побежал в мелкий кустарник. Нет, Субботин не слышал стопа, да его и невозможно было услышать в этом крошечном орудийном пулемётно-миномётном аду с русским ура и крепким матом красноармейцев, атакующих финские позиции. Субботин скорее интуитивно почувствовал, что кто-то из их взвода там, в кустарнике, просит его о помощи. Боясь попасть под шальную пулю или снаряд с передовой, Корней, пригибаясь, перебежками, обогнул воронку, нырнул с разбегу в кустарник.

– Мать твою в душу, – выругался он, сильно оцарапав щеку.

Присел, оглянулся.

– Да вон же, чёрт тебя побрал, совсем очумел что ли?

Метрах в трёх, уткнувшись ничком в снег, лежал неподвижно красноармеец. Не смотря на утренние сумерки, на маскхалате отчётливо было видно расплывшееся чёрно-бордовое пятно от спины до нижних конечностей. Осторожно перевернув солдата, Субботин ойкнул, в ужасе сжался. На него смотрели застывшие в предсмертной агонии глаза Михаила Волынского. Скорее всего, осколками мины ему перебило позвоночник и основание черепа. Не выдержав нервного напряжения, Корней опустил бездыханное тело, пополз обратно к Широкову.

В воздухе разорвалась серия красно-белых ракет. И будь не война, а мирное время, разноцветные ракеты, вспышки снарядов и трассирующих пуль наверняка можно было принять за праздничный фейерверк. Но шло кровопролитное побоище. И этот зловещий военный фейерверк нёс в себе не радость, а смерть и горе.

В отблеске угасающих ракет Субботин увидел предмет, торчащий из снежного сугроба. Подполз ближе. Из снега, перемешанного с землей, виднелась рука человека. Корней подумал, что во время взрыва кого-то накрыло.

– Может ещё жив? – потянул за руку, – О боже! Его охватил панический страх.

Рука, оторванная по предплечью, оказалась в его руках. На ней светились и тикали отечественные часы. Корней по ним узнал, что это была рука Фомина, разорванного в клочья миной-ловушкой. Отбросив её в сторону, обезумевший от ужаса, он, не пригибаясь, ринулся к Широкову.

Григорий, находясь в прифронтовом госпитале, понял, что с ним произошло лишь спустя несколько суток. Ранение, к счастью, оказалось не столь опасным для жизни: осколком мины перебило два ребра. А вот контузия была слишком тяжелой. Мало того, что взрывной волной его крепко потрянуло, но ещё и сильно ударило головой о стоящую поблизости сосну. Только за счёт каски его череп чудом остался невредим. Головная боль и невообразимый шум в черепной коробке заглушали боль перебитых рёбер, которую Широков почти не чувствовал. Ему стоило огромного напряжения открыть веки и разжать рот, внешние звуки он не воспринимал, не различал ни день, ни ночь, пребывая постоянно в забытьи. Лишь изредка в нем пробуждалось сознание. В эти редкие минуты он пытался мало-мальски шевелить пальцами рук и ног, мысленно повторяя: живой, живой. Затем опять проваливался в неизвестность.

Состояние здоровья было критическим, поэтому через несколько дней его транспортировали в ленинградский госпиталь.

С раннего детства закалённый физической работой и крепким широковским характером, Григорий ошетинился всей своей мощью на борьбу за собственное здоровье. Была и другая веская причина скорейшего выздоровления. В преддверии нового 1940 года в полдень к койке Широкова подошёл дежуривший пожилой медбрат, которого все ласково величали Михалыч.

– Ну, что лейтенант, плясать будешь? Хотя давай пока с этим повременим. Не пришла ещё твоя пора. На-ка вот, принимай гостинец. Он протянул Григорию

письмо-треугольник. Широков, забыв про болячки, дёрнулся от подушки, но тут же застонал, припал к ней.

– Не спеши лейтенант, успеется.

Немного успокоившись, Григорий дрожащими пальцами раскрыл долгожданную весточку. «Дорогой наш Гришенька», – у Широкова от волнения опять потемнело в глазах. Зажмурился, но тут же, сгорая от нетерпения, опять начал читать. «...Во-первых, спешу тебе сообщить и поздравить тебя с нашим сыночком Димой, Димочкой. Я его назвала, как ты и хотел...» Он опять прервал чтение:

– Сын! У меня родился сын! Мужики! – взревел Широков, переполошив всю палату, – у меня родился Димка, сын, сын!

С этой минуты все его помыслы были направлены на скорейшее выздоровление и встречу с Димкой. К тому же, боевые военные действия на советско-финской границе, так неожиданно начавшиеся, так же неожиданно закончились.

О таинственности, недосказанности происходящих событий, безуспешных боевых действиях наших войск, больших потерях в живой силе и технике можно было постоянно слышать среди обитателей госпиталя. Широков, наученный горьким опытом, старался особо в дискуссии не вступать, но, слушая своих коллег по несчастью, всё чаще и чаще мысленно с ними соглашался.

– В самом деле, – рассуждал Григорий, – когда семидесятимиллионная Япония напала на крохотную Монголию, мы японцев считали агрессорами. Кто тогда мы, начав боевые действия против четырехмиллионной Финляндии? Наверное, справедливо и правильно, что финны, с одной стороны, вместе со скандинавскими странами занимают нейтралитет, с другой – защищают свой национальный суверенитет, и это их законное право. Почему же мы, заявляя всему миру о мировом содружестве, преследуя свои национальные амбиции, не желаем считаться с мнением других?

Но эти вопросы Широков ни с кем не обсуждал, боялся, памятуя о горьком прошлом опыте. Григорию уже не раз доводилось слышать разговоры о необдуманной поспешности решений, принимаемых высшим командованием Красной Армии, несогласованности действий танкистов, артиллерии и пехоты.

– Я, мужики, вам со всей прямотой скажу, – выговаривался обгорелый танкист... Попал сюда, в лазарет...

– В госпиталь! – поправили его раненые.

– Какая, хрен, разница, где теперь шкуру лечить? – огрызнулся танкист. – Так вот, опять же, я к тому: зарюхались мы в снегу на танках по уши, ни туда, ни сюда. Пока елозили, соляру всю сожгли. Где снабжение, тягачи с соляркой? Нет их! Вот и застыли мы, будто клопы на белой простыне. Тут финны прямой наводкой и давай нас хлестать, порешили весь батальон. Кто виноват, поди, сыщи...

– Ты вот про танки говоришь... – прервал его красноармеец с обмороженными ногами и руками. – Мы ночью в наступление пошли, прорвали оборону, а потом дальше километра на полтора в тыл продвинулись, закрепились. Ну, пока с боем шли да зарывались, ясное дело, пот градом, а из кой-какого ме-

ста и пар валил. Ждем утра, морозяка, спасу нет! Как можем, согреваемся. Тут финны попытались нас назад сдвинуть, не получилось. Опять же, боеприпасы у нас на исходе, сами голодные, связи с полком нет, мороз до костей пробирает. Комбат нам троим даёт задание: пробраться в полк, доложить обстановку, наладить связь. Чтобы нам дать возможность выскочить незаметно, наши на левом фланге имитировали небольшую атаку. По молодому сосняку мы проскочили незаметно, осталось проскочить узкую, но длинную поляну. Рукой подать до леса. Не успели мы преодолеть и десяток метров, Рябов, бежавший первым, упал, мы за ним тут же попадали. Я подумал, что он споткнулся, снег глубокий. Лежим минуту, другую. Тишина.

– Бежим, – кричит второй напарник.

Только он, значит, головёнку-то приподнял, тут же и уткнулся в снег. Я следом.

– Ты чего? – кричу ему и тому, первому. Мужики молчат. Я опять, не поднимая головы, кричу – Рябов! Попов! – Гробовая тишина. Тут я и понял: крышка. Попали в зону снайпера – «кукушки».

Лежал, не только пошевелиться, а дышать боялся, до полной темноты. Как догрёб до своих, толком и не помню. Вот, теперь полный комплект: весь «культяпистый», что вверху, что в низу, всё обрезали. Слава Богу, хоть мужское хозяйство оставили, бабам на развлечение, себе на радость – пошутил он. – Да это бы ладно, – продолжал «культяпистый», – Найди сегодня в пехоте хоть одного не простуженного. В нашей-то солдатской одежке, да в такие морозища... Что, наше командование, затеявая войну, не знало, что зимой морозы бывают, мать их за ногу?

... Неведомо было тогдашним бойцам, нашим отцам и дедам, что это были жестокие отголоски беззаконий и репрессий второй половины тридцатых годов, приведших к уничтожению командной элиты Красной Армии.

Как ни странно, советско-финские боевые события не заставили руководство страны и вооруженных сил задуматься о причинах унижительного поражения. За три с половиной месяца наша армия потеряла 289 510 человек, из них 74 тысячи убитыми и 17 тысяч пропавшими без вести. Остальные – раненые и обмороженные. Как кошунственно выглядит на фоне указанных потерь служебная записка Наркома обороны СССР Ворошилова, направленная в конце декабря 1939 года Сталину и Молокову. Вот что писал «первый маршал», пытавшийся снять с себя всякую ответственность за поражение и общее состояние боевой готовности армии:

«Считаю необходимым провести радикальную чистку корпусов, дивизий и полков. Выдвинуть вместо трусов и бездельников (сволочи тоже есть) честных и расторопных людей...».

Вот так... Опять нужны репрессии и чистки, других методов, выходит, советское командование не знало. Новая волна репрессий смерчем прошла по частям и соединениям Красной Армии, вырывая из её рядов лучших сынов Отечества.

ГЛАВА 13

«Я ТАК ХОЧУ УВИДЕТЬ СЫНА»

Лечащий врач был категорически настроен как минимум ещё две-три недели продолжить курс лечения, но Широков всем своим видом, а, главное, переживаниями, убеждал, доказывал, что уже выздоровел, даже пытался сделать несколько приседаний.

— Вот, видите: голова совсем не кружится!

Для убедительности, стоя на одной ноге, попытался изобразить что-то наподобие ласточки.

— Нет, Григорий Иванович, и ещё раз нет!

— Ну что мне сделать, чтобы убедить Вас, что я здоров?

— Лечиться, друг мой, лечиться, — категорично отрезал доктор.

Григорий прекрасно понимал, что доктор прав. Боли в голове просто притупились. Вчера чуть не грохнулся в коридоре, хорошо, рядом сосед по палате оказался, поддержал. Но так хочется домой, увидеть Надю, а главное — сына.

— Может, к главврачу сходить, поговорить, объяснить? Говорят, мужик мудрый, понятливый, не то что этот, упертый бык. А что я ему скажу? Выходит, вроде как жаловаться приду.. Нормально! Мужик, который меня на ноги поставил, а я ему: «упертый бык, никчёмный врач»... Это за всё то доброе, что он для тебя сделал? Хорош гусь, ничего не скажешь! А ещё ерпенишься, что здоров, какого чёрта здоров, коли, додумался до такого... Точно с ума схожу.

Прошло дня четыре. Широков, вернувшись с прогулки, медленно поднимался по лестнице, держась за перила.

— Григорий Иванович!

Широков обернулся. На лестничной площадке стоял его лечащий врач.

— Я сегодня дежурный по госпиталю, заходите часиков в восемь, покалякаем.

— Хорошо, обязательно. Благодарю, — пробормотал опешивший Широков.

— Разрешите?

— Да, да заходите, Григорий Иванович, присаживайтесь. — Доктор жестом указал на стоящий рядом с кушеткой стул.

— Григорий Иванович, — мягко и уважительно начал хозяин кабинета, — Вы, по всей вероятности, осерчали на меня в прошлый раз...

— Помилуйте, Фёдор Владимирович! — оправдывался Широков, — это Вы меня простите за невежество.

— Вот и хорошо, значит, обид нет, и мы можем обстоятельно поговорить.

— Конечно, конечно, — Широков, ожидая этой встречи полдня, мучил себя всевозможными предположениями и догадками.

— Только прошу Вас, товарищ лейтенант, Вы со мной будьте предельно откровенны.

— Обещаю доктор.

— Григорий Иванович, скажите, Вы действительно чувствуете себя настолько хорошо, что можете обходиться без ежедневной врачебной помощи?

– Видите ли, Фёдор Владимирович... сказать, что я действительно стал здоров, не могу. Но я действительно чувствую себя вполне сносно. А потом, сами понимаете: дома близкие родные люди, сын.

– Знаю, знаю, что у вас родился сын, – перебил его врач.

Они ещё долго говорили о семье, о жизни, о сибирской тайге и Байкале.

– Ну что же, Григорий Иванович, так и быть. Очень надеюсь, что родной воздух и очаг действительно помогут скорее вам вернуть здоровье, встать на ноги. Только прошу вас не переусердствовать и строго выполнять все мои предписания.

– Да, да конечно, – заверил обрадованный Григорий, – приезжайте к нам в Сибирь, посмотрите наши просторы и красоты. Будете моим самым дорогим гостем. И огромное вам, Фёдор Владимирович, спасибо, что вернули к жизни.

– За приглашение большое спасибо, с детства мечтаю посмотреть сибирские просторы, но всё как-то недосуг, а теперь вот повод будет. Одним словом, собирайтесь домой, документы я все подготовлю. Только ещё и ещё прошу вас неукоснительно выполнять все мои предписания. Иначе наша встреча в Сибири может не состояться. Так и не повидаю её красот и просторов, – шутиливо заметил он.

В полдень следующего дня Григорий уже брёл по оживленному Ленинграду, восхищаясь его архитектурой и красивыми видами. Вечером, несмотря на отсутствие в кассе плацкартных и купейных мест, не раздумывая, купил билет в общий вагон.

Широков ещё утром почувствовал лёгкое удушье и тошноту, сильную боль в затылке. К тому же нестерпимо ныли ребра.

– Наверное, от невыносимой духоты, – решил он.

В общий вагон, в котором ехал Широков, как будто в безразмерную ёмкость, на каждой очередной станции набивали и набивали пассажиров. Всё мало-мальское пространство вагона было забито сидящими, стоящими, лежащими людьми.

Широков, зажатый на нижней полке примостившимися пассажирами, поджав ноги и стиснув зубы, из последних сил боролся, чтобы не потерять сознание. Но у всякого организма есть предел, даже у Широковского.

Громко простонав и как-то неуклюже повернувшись, уже теряя сознание, взмахнув рукой, сильно ударил в затылок сидящую рядом женщину. Та, ничего не поняв, гневно обрушилась на обидчика. Григорий не реагировал.

– Да ему же плохо, он без сознания! – сообразил стоящий в проходе мужчина.

– Господи, да что же такое? – всполошилась пострадавшая баба, – помогите же ему!

– Встаньте, встаньте, отойдите все! Дайте воздуху, – распорядился мужик.

Затем, схватив с верхней полки не то шаль, не то просто кусок какой-то материи, начал им махать перед лицом Григория, пытаясь привести его в чувства. В проходе тут же столпились зеваки.

– Да отойдите же вы! – мужик завернул крутой мат. – Воды, дайте воды, – продолжая махать, обратился он неизвестно к кому.

– Ты ему не воды, а покрепче чего-нибудь налей. Перебрал, поди, вот и плохо стало, – ёрничали из толпы.

Какая-то расторопная женщина протянула небольшую алюминиевую кружку с водой. Мужик, заглотив полный рот воды, резко раз, другой прыснул в бледное лицо Широкова. Григорий приоткрыл глаза, медленно потянулся рукой к лицу, пытаясь его обтереть. Но рука тут же, словно надломленная, упала, веки опять сомкнулись. Мужик ещё и ещё прыснул водой в лицо Широкову, махнул шалью, Григорий опять открыл глаза.

— Ну что вы вылупили зенки? — спаситель Григория ещё несколько раз ма-тюнулся в адрес обступивших зевак с просьбой отойти и дать свежего воздуха. Расталкивая зевак, протиснулась дородная проводница:

— Что случилось?

— Что, что? Не видишь: плохо человеку, — раздраженно пояснил ей мужик.

Она наклонилась над Григорием, словно принохиваясь, не пьяный ли.

— Что с Вами?

Широков немного пришёл в себя.

— Ничего, пройдет. Достаньте, пожалуйста, коробку из сумки — со стоном попросил он проводницу. Там лекарство.

Большая белая коробка, выложенная на столик проводницей и её содержимое, произвели впечатление на толпу. Всем стало ясно: не пьяный, а действительно больной человек.

Минут через тридцать под стук колес в вагоне восстановился привычный ритм пассажирской жизни. Только Широкову, несмотря на улучшение, было невмоготу.

Пришёл начальник поезда с проводницей. Узнав от Григория, куда он едет и каково его самочувствие, удалился. Потом ещё несколько раз подходила проводница, поинтересовавшись состоянием и обронив дежурно: может, чего надо? — исчезала.

На следующий день в полдень поезд прибыл в Омск. В вагон вошла группа людей в белых халатах. Посмотрев документы Широкова, несмотря на его уговоры и просьбы, медики остались непреклонны: «Госпитализировать!»

Их заключение прозвучало как приговор. Почти два месяца Широков провалялся на больничной койке Омского госпиталя, пока врачи окончательно не поставили его на ноги.

Весенним утром поезд Москва-Владивосток прибыл на станцию Канская. Выйдя из вагона, Григорий пошёл на привокзальную площадь, в надежде встретить какой-нибудь транспорт, чтобы добраться до деревни. Однако его ожидало полное разочарование: кроме бродячих дворняжек, рыскавших в поисках случайного куска хлеба, да нескольких мужиков и баб с ребятишками, сидевших на узлах в ожидании своего поезда, он ничего не увидел.

— Пойду на основную дорогу, вернее будет. — решил он, — потихоньку потопаю, а там, глядишь, попутчики появятся. Что тут высиживать, ждать с моря погоды? Решено! Чтобы избавиться от лишней ноши, небольшой потрёпанный чемоданчик с зимними шмотками сдал в железнодорожную камеру хранения, оставшись налегке с рюкзаком. Зашёл в привокзальный буфет, не устоял, выпил стаканчик-другой морсика. — Эх! До чего же вкусный напиток!

Григорию тогда, наверное, лет пять было, не больше, когда дед Василий его в первый раз взял с собой в Канск. Вот тогда-то Гринька впервые попробовал этот сладкий напиток. К тому же дед тогда ещё и мороженым угостил. Григорий до сей поры помнил те незабываемые ощущения.

— А что, красавица, неужто и побалуешь мороженым? — с надеждой любопытствовал, он у буфетчицы.

— Как не побаловать такого ухажёра? С превеликим удовольствием и радостью. Может, похорошеешь... А то вон, бледнющий, будто под лопухом всю жизнь просидел, красна солнышка не видывал, — пошутила буфетчица, набивая металлический порционный стаканчик мороженой смесью.

Миновав городские строения и выйдя на основную дорогу, Широков медленно побрёл к намеченной цели в надежде, что кто-то обязательно его догонит и подвезёт.

— Ну, а если нет, догребу до ближайшей деревни, заночую, а там видно будет. В любом случае завтра дома буду.

Апрельское солнышко безжалостно пригревало его обнажённую голову, покрытую пышной, слегка волнистой, чёрной шевелюрой. Рюкзак, хоть и был нетяжёлым, давал о себе знать.

— Пожалуй, передохнуть пора, километров с десятков, если не больше, отмерил. Вон до тех берёз дойду, там и привал сделаю, — решил он.

Место оказалось на самом деле очень удобным. На небольшом пригорке среди берёзок лежала валежина, на которой не только было удобно сидеть, но и развалиться. Григорий достал фляжку с водой, сделал несколько глотков. Потянулся всем телом до хруста.

— Ах, хорошо! Похоже, что я действительно выздоровел, — радостно отметил он, — прав был Фёдор Владимирович тогда, не соглашаясь меня выписывать, сырой я был совсем. Хорошо, что так благополучно всё сложилось, попал в Омске к замечательным докторам. Иначе неизвестно, чем могло кончиться. Гонористость и самоуверенность в таких делах ни к чему хорошему не приводят.

Григорий присел на валежину, снял сапоги, влажные портянки повесил на край валежины, — пусть подбывают, а я полежу.

Немного поёрзав спиной по валежине, найдя удобное положение мышцам тела, и заложив руки за голову, закрыл глаза, предоставив солнышку хоть немного восстановить прежний цвет лица.

— Как-никак к жене иду, не бледнущей же поганкой предстать перед ней. Вон, даже буфетчица подметила... под лопухом сидел. Вот окаянная баба, надо же так сказануть.

Григорий в который раз представил Надю с сыном на руках. Его опять начали мучить сомнения. В деревне ли она? А может, побывала у матери, пока немного окрепнет Димка, и с весенним теплом вернулась в Читу в надежде, что я приехал? А может, они вообще не выезжали из Читы, мать пожила неделю, другую и вернулась в деревню? Письмо ведь от Нади было одно-единственное, которое получил

ещё в Ленинградском госпитале. Но ведь я ей в ответном письме написал, что если я по каким-то обстоятельствам задержусь, она обязательно будет жить с матерью в деревне. А может опять что случилось...

– Хватит, Гриша, хватит накручивать.

Он сел, обхватив колени руками. Затем, надев сапоги, резко встал.

– Ничего не случилось. Всё хорошо. Тебя ждёт жена и сын. Собирайся и топай.

Нечего расслаивать.

Надевая вещмешок, Григорий как будто услышал завывающий звук.

– Нет, показалось.

Сделав, несколько шагов, остановился, прислушался. Действительно, легкий ветерок доносил чуть слышный звук работы автомобильного двигателя.

Широков заспешил к дороге. Машины не было видно, но Григорий отчётливо слышал до боли знакомые и родные, стонущие, завывающие звуки полуторки.

– Нагружена под завязку, бедолага, – определил он и взбодрился. – Ну вот какая ни есть появляется надежда.

Полуторка, слегка подпрыгивая на глубоких ямках, скрытых мутной водой, медленно ползла по дороге, раздвигая колесами мутную, весеннюю жижу.

– Везунчик ты, Широков. Ну, прям как по заказу, на блюдечке да ещё с золотой каёмочкой подан автомобиль, – издевался он над собой.

Григорий слегка приподнял руку, обозначив водителю свою просьбу остановиться. Да собственно этого можно было и не делать. Прописная истина для деревенского человека: остановиться, предложить путнику помощь или услугу. Шофёр, не успев остановить машину, выключил мотор. Из кабины вылез губастый, белобрысый парень.

– Здравствуйте, радостно приветствовал он Широкова.

– Здравствуй, мил человек.

Григорий, как старший по возрасту, первым подал руку.

– Я – Григорий Широков, – представился он.

– А меня Митей кличут.

– Наверное, не Митей, а Дмитрием? – не то в шутку, не то в серьёз поправил его

Широков.

– Аха, – смутившись, согласился парень, – Дмитрий.

– Откуда и чей будешь?

– Так я из Дзержинска, а работаю-то в МТС. Митрохин я.

– Подожди-подожди, а Дмитрий Романович тебе кто будет?

– Батя мой.

– Вот как! Значит, ты – Дмитрий Дмитриевич Митрохин? Знаю, хорошо знаю твоего отца. Да кто же его не знает, самому себе – подтвердил Широков, – Сотни мальчишек и девчонок прошли через его душу и сердце. Что, так и продолжает учительствовать?

– Да куда ж ему деваться, школа для него – вся жизнь, – с гордостью заметил сын, – учительствует, учительствует.

– А Вы кто будете Петру Ивановичу Широкову? – неуверенно поинтересовался парень.

– Родной брат.

– Вот как! – обрадовался шофер.

– А ты его знал?

– Так кто ж у нас Петра Ивановича не знал? Мировой мужик, да и председатель вона какой был, что надо. Не чета нашему пустомеле. А где он теперь?

– Не спрашивай, Дмитрий, сам хотел бы знать, – Широков хлопнул парня по плечу, – вот такие, брат, дела. Ну ладно, это долгая и тяжёлая история, – заключил Григорий, желая поставить точку в разговоре. – Ну что, Дмитрий, подбросишь меня?

– О чём разговор? – тут же согласился Митяй, – а Вам куда, в Круглова?

– Нет, в Тарай.

– Дядь Гриш, туда не могу, разве что до развилки.

– Конечно, конечно, – согласился Широков, – там рукой подать.

Григорий забрался в кабину. До глубины знакомый и приятный запах бензина вперемежку с горелым машинным маслом в кабине напомнил раздольные степи Монголии. Митяй повернул ключ зажигания.

– Дядь Гриш, акселератром покачайте, а я покручу.

– Хорошо, хорошо. Давай.

Упершись левой рукой в буксировочный клык полуторки, Митяй правой рукой что есть мочи начал крутить рукоятку. Мотор, будто замороженный, молчал.

– Вот проклятый, – выругался запыхавшийся Митяй, – вот так, ни с того ни с сего, хоть закрутись, упрётся и всё тут! Подождем, пусть ещё двигатель остынет.

Широков вылез из кабины.

– Открой-ка створки капота, – попросил он шофёра, – посмотрим, что там делается.

Митяй молча дернул один-другой зажим, поднял створку капота. Нагретый до предела двигатель, конечно же, ещё не успел остыть. Григорий, поочередно нажав пружинки-зажимы, аккуратно снял крышку трамблера.

– Дмитрий, давай, тихонько вращай рукоятку – посмотрим зазор. Дима, ещё тише. Ах, черт, прокрутил, – с досадой выругался Широков, – Дмитрий, колено ручки выведи вверх! Вот так. Не крути, а легонько ладонью по ней постукивай. Так, так, так. Стоп. Хорошо. Зазор в порядке. А вот контакты надо зачистить. Наждачка есть?

– Нет.

– Ну, что-нибудь есть зачистить контакты?

– Сейчас посмотрю.

– Подожди, подожди, – остановил его Широков, – у меня мелочь есть.

Пошарив по карману, Григорий достал десятикопеечную монетку.

– Вот, что надо. Кусок тряпицы, надеюсь, найдешь?

– Да, да конечно. Засунув руку под сидение, Митяй достал бордовый лоскут, скорее всего, оторванный от старого материнского платка. – Вот!

Григорий свернул тряпицу, аккуратно вытер пропитанную автолом пыль, про- сунул монетку между контактами, пошаркал ею несколько раз туда-сюда, убрал образовавшийся по краям контактов грязный налёт и, закрыв крышку трамблера, скомандовал:

– Крути, а я у карбюратора подкачаю бензин.

Григорий подёргал рычажок впрыска горючки.

– Давай, Дима, давай, крути.

Не успел незадачливый шофёр сделать рукояткой и двух оборотов, полторка, чихнув раз, другой, тут же запела свою монотонную песню. Образованный Митяй, боясь, что двигатель тут же может заглохнуть, выдернув рукоятку, мигом оказался за рулём. Обхватив баранку, он несколько раз нажал до отказа акселератор. Двигатель, получив предельную дозу бензина, взревел как бешеный бык, нарушая тишину весеннего леса.

Шириков не торопясь забрался в кабину. Митяй с благодарностью посмотрев на него, включил первую скорость и они медленно, разбрасывая колесами дорожную грязь, тронулись.

Миновали место, где когда-то Пётр подстрелил волка.

– Где же ты, братишка, пребываешь, жив ли? – с грустью подумал Григорий. – Вернусь в Читу обязательно разыщу Петра.

Полторка, напоминая темно-зеленую черепаху, напрягая последние силёнки, ползла в затажной подъём.

– Движок совсем слабенький, – констатировал Шириков.

– Дык и в кузове вона сколь железяк загружено, – возразил Митяй. – Почитай, на всю посевную запчастями загрузился. В сельхозснабжении сказывали: боле не просите до уборочной. Ничё, лето проходим, а к осени моторист обещал поршневую поменять. Дотянем, а куды деваться, машин-то раз, два и обчёлся.

Шириков услышав такое умозаключение, рассмеялся и не то в шутку, не то в серьёз посоветовал:

– Машину, Дмитрий, как женщину, любить надо, заботиться и беречь.

– Так я, Григорий Иванович, с ней, почитай, от зорьки до зорьки не расстаюсь.

– А когда же девчат любить.

– Вот так и получается: недосуг.

– Ну, это, парень, не дело. Девчат на старость негоже оставлять.

– Да нет же, пошутковал я. Есть дивчина, как без неё...

– А я, грешным делом, подумал, что такой видный парень, к тому же шофёр, и не имеет дивчины.

Они долго смеялись. Потом Григорий рассказывал о своей юности и увлечениях.

– Вот и развилка – с грустью прервал оживленный рассказ Митяй. – Приехали.

– Что ж, давай, прощаться будем, – Шириков приобнял Митяя, пожал крепко руку. – Низко кланяйся отцу. Удачи тебе, Дмитрий Дмитриевич. И помни: девчат любить на старость не откладывай.

– Спасибо, Григорий Иванович. Даст Бог, свидимся.

– Обязательно свидимся, Дима. Пока.

Полуторка, дернувшись раз, другой, кашлянула чёрным едким газом, и, скрипя рессорами, двинулась по лужам в сторону МТС.

Широков взглянул на часы. Стрелки циферблата показывали шесть часов семнадцать минут.

– Не торопясь, часа за два наверняка доберусь. Перепрыгнув несколько луж, вышел на обочину дороги. Небольшая полоска, разделявшая дорогу и кромку леса, согретая весенними лучами, оказалась совсем сухой.

– Вот и прекрасно по ней потихоньку потопаю.

Пройдя метров пятьсот остановился. На противоположенной стороне дороги в кустах боярышника, до которых рукой подать, чёрными шапками красовались несколько сорочьих гнезд. Из крайнего отчётливо был виден торчащий хвост сороки.

– Значит, белобокие стрекотуньи уже сели высиживать птенцов. Тепло не за горами, жизнь продолжается, – порадовался Григорий, – как там мой птенец? – С этой мыслью он ускорил шаг.

Проснувшийся от зимней спячки лес, согретый солнышком, наполнил воздух свежестью и жизненной силой.

– Вот она, матушка, природа-чудотворница. До чего же прекрасна жизнь!

Заворожённый, захмелевший от весеннего благоухания, Григорий ощутил себя единым неразрывным целым с этой просёлочной дорогой, могучими вековыми соснами и сороками, сидящими в гнездах. В этой гармонии сейчас недоставало только Нади и сына Димки. Проходя муравейник, остановился. Маленькие обитатели огромного муравьиного дома, наталкиваясь и переползая друг через друга, спешили выполнить строго расписанные обязанности муравьиной жизни. Григорий наклонился, прижал на мгновение ладони к муравейнику. Десятки насекомых мгновенно вцепились в ладони незваного гостя. Стряхнув их, Григорий прижал ладони к лицу, но тут же отстранил, задохнувшись от едкого муравьиного запаха.

– Ух ты! – из глаз и носа покатились струйками мокрота, – вот продрало так продрало, мозги чуть наизнанку не вывернуло!

Немного подождав, пока улетучится хоть немного запах муравьиного уксуса, Широков опять прижал ладони к лицу, вдыхая лечебный аромат муравьиного лекарства.

Ещё в раннем детстве отец рассказал ему о лечебном свойстве муравьиного уксуса.

– Ты, Гринька, никогда не проходи мимо муравейника, не отведав его запаха, особенно по весне. Пользительный он для нашего организма, чистит его и губит все болячки.

А ещё отец научил его как вкусить муравьиное лакомство. Широков и сейчас не удержался от этого соблазна. Сломав небольшую березовую веточку, он снял с неё кору и положил на муравьиную кучу. Рыже-коричневые бестии, снующие туда-сюда, мгновенно облепили оголенную ветку. Подождав несколько секунд, Широков поднял ветку, стряхнул хозяев на кучу. Не спеша, начал обсасывать каждое

ответвление. Кисловатый муравьиный уксус, перемешанный с выделившимся безрезовым соком, представляли собой необыкновенного вкуса лакомство, которое, пожалуй, не отыщешь ни в одной кухне мира.

— Сын подрастёт, обязательно расскажу ему об этом великолепном лакомстве.

Закончив приятный «паузин», Григорий достал фляжку с водой, и, сделав несколько глотков, тронулся в путь.

— До деревни километра два-три, не больше, — прикинул он, — пока дойду, наверняка все вернутся домой с работы. Вот и хорошо, тем лучше. — размышлял он, предвкушая предстоящую встречу. — Хотя Надя, наверняка, дома с мальшом.

Широков изрядно подустал, ныли рёбра. К тому же, начал побаливать мизинец правой ноги, похоже, натёр мозоль.

— Пожалуй, ещё передохну, переобуюсь, — решил он. Однако, легкий вечерний ветерок, донесший запах дыма, заставил Григория изменить принятое решение. — Село рядом, догребу без отдыха.

Это прибавило ему сил. Не обращая внимания на боль и усталость, он устремился к желанной цели.

Деревня встретила его традиционным перекликающимся лаем собак и невообразимой грязью разъезженной и разбитой дороги. Переходя с одной стороны улицы на другую в поисках более сухого пространства, Широков то и дело перепрыгивал лужи, прижимаясь к изгородям, обходил грязюку.

И вот она, долгожданная усадьба тестя. Приближаясь к дому, Широков в который раз мысленно похвалил тестя за удачный выбор места и внешний вид построек. Находясь на небольшом пригорке, дом и зимой, и летом выделялся самобытностью и убранством. А зеленеющая полянка перед ним придавала величие и купеческий размах.

Проходя мимо палисадника, в котором росла разухабистая черемуха, Григорий остановился, пытаясь через голые ветки заглянуть в окно. Но кроме занавесок и зелёной герани, стоящей на подоконнике, ничего не увидел. Повернув вертушку, вошёл в ограду. Незнакомый молодой шенок, спавший у собачьей будки, застигнутый врасплох, с перепугу юркнул в конуру и, скорее от страха, чем от злости, несколько раз тявкнул, давая понять о своей значимости. Поднявшись на крыльцо, Широков увидел, что дверная замочная клямка прикрыта палочкой. Это верный знак, что хозяев нет дом.

— Вот те раз! Усталость всей тяжестью обрушилась на его тело. Какой-то нечеловеческой силы пресс давил всей мощью к земле. Григорий, повинувшись, присел на верхнюю ступеньку крыльца, освободился от вешмешка.

— Выходит, Надя в Чите, где ж ещё ей быть, коль нет дома? А может, что случилось с сыном и они в больнице? Да, третьего, похоже, варианта нет.

Взглянул на часы: почти девять.

— Чёрт побери, где тестя с тёшей носит в такое время? И Андрея нет. Он встал, хотел зайти в дом, но не решился. Хозяев нет, неудобно. Помаячив по ограде, заглянул в пригон, стайку. Может, к соседке-старушке зайти, узнать?

Он направился в соседний дом, где жила Варвара Антоновна, одинокая старушка-пенсионерка, хорошая приятельница сватов. Зайдя в открытые сенцы, он постучал в дверь. Тихо. Григорий ещё несколько раз стукнул.

– Кто там? Заходите, – донёсся сквозь дверь приглушённый голос хозяйки.

Широков открыл дверь. Старушка, опешив при виде незнакомца, застыла на месте как монумент.

– Здравствуйте, Варвара Антоновна.

– Здравствуйте, – вымолвила она дрожащим голосом, не поняв, кто перед ней стоит. Широков улыбнулся.

– Не узнаете меня?

Она подернула плечами, повернула головой туда-сюда, давая понять, что не узнаёт. Неожиданно в комнатке за печкой раздался плач ребёнка. Старушка, не раздумывая, подхватив фартук и не обращая внимания на пришельца, кинулась к ребёнку. Широков стоял в растерянности, не зная, что делать.

– Не плачь, маленький, не плачь, – уговаривала она малыша, – сейчас пелёночку сменю и сосочку дам. Не плачь.

Ребёнок и впрямь успокоился. Лишь было слышно, как он что-то сосёт, слегка кряхтя и чмокая. Широков, сгорая от любопытства, пытался заглянуть в комнатку, но чувство стыда и неловкости его останавливало.

– Уйти? Нет, дождусь старушку.

Запеленав ребенка, Варвара Антоновна с ним на руках вышла к Широкову.

– Простите, Варвара Антоновна, – чтобы не испытывать судьбу, начал Григорий, – я – зять ваших соседей, муж Нади.

Старуха сконфуженно извиняюще улыбнулась.

– Господи, не признала Вас, совсем остарела! Вы уж простите, не сердчайте, – суетилась она, извиняясь перед Широковым, – Вы знаете, они все на работе. Андрей с отцом в мэтэесе целыми днями мыкаются, а Надя с матерью на зерноскладе, зерно к посеву готовят. А я вот в няньках с мальцом нянчусь. Куды деваться? Всё одно болтаюсь с угла в угол. А сеять вона со дня на день начнут, только землица малость подбывает.

Слова старухи привели в шок Широкова. Он машинально рванулся вперёд, выставляя растопыренные пальцы.

– Димка, мой Димка!

Трясущимися от волнения руками он взял сына. Из голубенькой детской панамочки выглядывала кругленькая мордашка Димки, насасывая небольшой марлевый кляпик из нажёванного пряника. Он испуганно вытаращил глазёнки на незнакомого дядю.

– Сынок, Димочка!

Широков прижался к нежной щёчке сына. Спазм сдавил ему горло. Из глаз выкатились крупные скупые слёзы, прокатившись по его щекам, распластались по мордашке сына. Опешивший на мгновение Димка понял, что имеет дело с чужаком. Сморщив личико и выплюнув марлевую соску, заорал, что было мочи,

призывая криком на помощь весь белый свет. Григорий попытался его успокоить, но Димка от нежных отцовских уговоров и покачиваний только краснел и распекался, прибавляя обороты.

Зная нрав своего подопечного, Варвара Антоновна поспешила забрать его у отца.

– Вот шельмец, так шельмец. Глянь-ка, как разбухтелся. Ну-ну, успокойся. Вот и хорошо. Напужался, напужался. Папку напужался. Эх ты, непутёвенкай.

Димка хоть и сбавил обороты, но продолжал реветь, как бы упрекая няньку за беспечность. Неожиданно распахнулась входная дверь, вихрем влетела Надя. Не замечая стоящего у стены мужа, ринулась к сыну.

– Заинька мой, сладенький мой. Соскучился по мамочке, соскучился.

Она прижалась к сыну, целуя его пухленькие щёчки.

– Вот и молодец, умочка моя.

Димка, почувствовав надёжный щит, мгновенно притих. Держа сына, Надя повернулась к Варваре Антоновне, что-то хотела сказать. Её взгляд тут же упёрся в мужа. Она вздрогнула.

– Надя!

Широков бросился к жене, сгрёб их с сыном в охапку. Она, плохо понимая происходящее, вцепилась в него одной рукой, повторяла:

– Гриня, Гринечка, живой!

Сколько бы ещё они так стояли, если бы не Димка... Потеряв руки матери и опять увидев лицо этого непонятного незнакомого пришельца, он заревел во всю мощь своего голоса. Этого было вполне достаточно, чтобы мигом привести в чувство обезумевших от радости родителей.

Угомонив разгневанного наследника, счастливые родители, поблагодарив Варвару Антоновну, пошли домой.

В первых числах июля Григорий получил письмо от друга Степана, тот сообщал, что если здоровье позволяет, неплохо бы приступить к работе. К тому же и сам «батя» интересовался... Так прямо на расширенной планёрке и сказал: «Широкова нам край не хватает!».

«... Сам понимаешь, к концу года цеха, которые ты начинал строить, необходимо сдать. А там сегодня, как говорится, не у шубы рукав. Одним словом ждём. К тому же, поверь, искренне соскучись. Столько не виделись. Большой привет от Ивана и его второй половины Ирочки. Крепко всех обнимаем. Поцелуй Надю и особенно крестника Димульку. Ждём с нетерпением. Степан»

Беззаботная жизнь, свежий воздух, окружение милых и любимых людей сделали своё дело. Широков набрал свой постоянный вес, посвежел, окреп.

Да и Димка заметно изменился. Душевный покой матери, идеальный уход сказались на его здоровье, росте и весе. Люлька, сделанная дедом Николаем из льняной ткани, висевшая на пружине под потолком в бывшей комнате Нади, стала для него тесной и небезопасной. Крепкий подвижный бутуз уже несколько раз чуть было не вываливался из неё на пол. Обеспокоенные родители и дед с бабкой

в срочном порядке позаимствовали у кого-то в деревне старенькую деревянную кровать. Промыв её, и ошпарив на всякий случай кипятком все небольшие шелки от возможного присутствия клопов, поселили сына в новые апартаменты. Димке по душе пришлось новое жилище. Умиленные родители долго наблюдали, как nasledник, ползая в кровати туда-сюда, выделявал всевозможные кренделя, радуясь нежданно-негаданному простору.

— Сколько, ты думаешь, сейчас он весит? — обратился Григорий к жене.

— Так кто ж его знает? Разве что запеленать да безменом взвесить, — смеясь, предложила Надя. — Конечно, хорошо бы в город в детскую больницу к врачу на приём. Столько месяцев прошло...

Вот уже который раз Григорий с Надей говорили об отъезде. Откровенно говоря, Надя была не против хоть сегодня уехать, но Григорию в этом не признавалась. Она боялась, что муж ещё не совсем восстановился: столько раз по ночам слышала его стоны и непонятные выкрики.

ГЛАВА 14

В РОДНОЙ СТИХИИ

Вечером, возвращаясь с озера, Григорий опять завёл разговор об отъезде.

— Хорошо, Гриня, як скажешь. Зараз и поедем, — согласилась Надя, применив для убедительности домашний деревенский говорок.

— Вот и замечательно. Зараз, так зараз. Давай через пару дней и махнём домой. Иначе окончательно разленюсь и растолстею, как тюлень.

Григорию хотелось не только скорее приступить к работе, по которой безумно соскучился, но и узнать более подробно о судьбе брата Петра. Он был почти уверен, что дома наверняка ждут письма от сестры и матери, в которых есть подробная информация о Петре. Эта надежда подкреплялась последним письмом, которое сестра Ольга прислала в деревню Наде. В нём Ольга обронила фразу: «Надя, о братке Пете я тебе подробно написала в том письме, которое отправила в Читу. Других новостей у нас пока нет».

И действительно, по приезду в Читу в середине июля Широков, забрав у соседки всю корреспонденцию, прочитал в одном из писем, что брат жив и здоров, находится в Магадане.

— Здоров... — с горечью подумал Григорий, — какое, к черту, здоровье? Ноги, наверное, кое-как волочит. Три года, считай, каторжанит в холоде, голоде, вкалывая по двенадцать часов, вытягивая жилы наизнанку. Такая жизнь самого Геракла источит, что уж говорить о смертном человеке. Братишка, братишка... как и чем тебе помочь? — ума не приложу. Может, всё-таки отец прав был и стоит написать обстоятельное письмо в ЦК партии? Столько лет прошло, пора бы во всём разобраться...

— Ладно, посоветуюсь с Борисом Петровичем, парторгом треста, — решил Григорий, — он мужик мудрый и порядочный, к тому же в этой кухне, в отличие от

меня, знает, что к чему. Сегодня же постараюсь встретиться, тем более для этого есть повод.

Радушно встретив Широкова, Борис Петрович долго расспрашивал его о здоровье и событиях советско-финской военной компании, о которой Григорий без утайки высказал свое мнение.

– Ты у нас Григорий Иванович теперь настоящий герой. За последние годы вон чего повидал. Потёрло тебя в жерновах и так, и эдак. Да, – он сделал многозначительную паузу, – по твоей болячке, Гриша, буду предельно откровенен... – Он опять сделал паузу, словно раздумывая: действительно быть откровенным или уклониться от прямого ответа.

– Понимаешь, Григорий Иванович, время у нас ох какое непростое. Партия ищет пути и решения улучшения жизни народа, его благосостояния, укрепляет дисциплину и оборону страны. Если бы забраться на небывалую высоту в небо и посмотреть на нашу страну с этой высоты, откроется удивительная панорама: по всей необъятной Родине шагают стройки, кипит работа.

– Извините, Борис Петрович, но с этой высоты можно увидеть и другую картину. Тысячи неповинных людей... – Широков словно поперхнулся, – да что говорить, Вы об этом лучше меня знаете.

– Знаю, Гриша, знаю. Но ведь и ты должен понять: в таком грандиозном деле без ошибок не обойтись.

– Ошибки, Борис Петрович, ошибкам рознь.

Парторг подошёл к Широкову положил руку на плечо.

– Давай, Гриша, наверное, закончим наш разговор, уж больно он тяжёлый и сложный, а поговорим по существу твоего вопроса.

Григорий и сам понимал, что его начало заносить слишком круто, поэтому был рад такому предложению.

– Вы правы, Борис Петрович, – тут же согласился он.

– Я думаю, Гриша, есть смысл написать письмо в ЦК. Полагаю, ты в этой ситуации ничего не теряешь. Давай сделаем так. Ты обстоятельно подготовишь текст письма... укажи про деда, отца и очень подробно о том, что произошло в ту зиму с падежом, обоснуй. Я его посмотрю и мы решим, что дальше делать. Да! И вот ещё что... Очень тебя прошу, спрячь эмоции. Они ни к чему хорошему не приведут. Надеюсь, ты меня понимаешь.

– Спасибо, Борис Петрович, я Вас очень хорошо понимаю. Спасибо.

– Так я тебя жду. Давай, Гриша, включайся в работу. «Батя» очень надеется, что с твоим возвращением стройка участка закипит.

– Постараюсь Борис Петрович.

Шагая не торопясь домой, Григорий перелопачивал весь разговор с парторгом.

– Конечно, он прав, в таком большом деле без ошибок не обойтись. Но я на собственной шкуре... Да что там, на собственной шкуре... а случай с братом? А сколько таких же неповинных, толковых людей я видел в лагере? Как объяснить расстрелы известнейших военачальников, с оружием в руках защищавших советскую власть в

годы гражданской войны? Все врагами народа в одночасье стали. Нет, здесь что-то не то. Так не может быть!

Долгое время Широков размышлял над этими вопросами, а ответов как не было, так и нет.

– А ты вот что, голубчик, – упрекнул он себя, – поубавь свой пыл. Забыл, чем для тебя закончились политические дебаты с закадычным другом Виктором? То-то и оно. А теперь у тебя ещё и дитё. О нём подумал?

От этой мысли ему стало немного жутковато...

Дела на строительном участке, который опять возглавил Широков, шли ни шатко, ни валко. Постоянно лихорадило с поставками металла и бетона, который был крайне необходим для заливки огромных площадей.

– Пожалуй, без вмешательства «бати» не обойдусь. Уж больно объёмы большие и бетон нарасхват... Сегодня же составлю ежедневные расчёты потребности, иначе не вырулим. Сумасшедшее отставание от графика. До планёрки целых три дня – долго. Завтра же ранёхонько с утра прорвусь к «бате».

Редкий случай: в приёмной начальника треста ни души. Дверь в кабинет приоткрыта – верный признак: батя один и может принять.

– Заходи, Григорий Иванович, заходи! – Увидев просунувшуюся физиономию Широкова, радушно пригласил его хозяин кабинета. – Надеюсь, с хорошими вестями пришёл, – улыбаясь, приветствовал его «батя».

– Я к Вам, Афанасий Иванович, только с хорошими вестями прихожу. Плохие, при себе удерживаю.

– Оно и правильно, зачем же начальству с утра настроение портить? Садись, чую: что-то горит, раз до планерки не дотянул.

– Сказать, что горит, это мягко, Афанасий Иваныч, – вот!

Широков подал расчёты. Батя долго мусолил расписанные цифры.

– Круто, Гриша, круто заворачиваешь. Что, в самом деле, такое отставание от графика?

– Один в один, без всякой натяжки.

– Да, задачка-незадача, – протянул «батя», – с главным разговаривал?

– Нет. Боюсь, решение вопроса может затянуться, поэтому сразу к Вам.

– А чем же я могу помочь? Каждый кубометр бетона расписан по объектам. Гриша, это тот случай, когда хирург спрашивает у пациента, какой палец лучше отрезать, чтобы больно не было... Задача-незадача, – недвусмысленно повторил он.

– Афанасий Иванович, у меня есть некоторое соображение на этот счёт.

– Интересно, какое же?

– А что, если пару бетономешалок снимем с никишовского и галинского участка, ну, на худой конец, хоть одну? Там они потихоньку протянут. Установим непосредственно на объекте, и круглые сутки будем мешать. Но при условии, Афанасий Иванович, что централизованные поставки бетона – Широков указал на цифры, – будут ежедневно выполняться... При таком раскладе мы через пару недель впишемся в график.

– Так-так. Говоришь, бетономешалки? Есть мысль, Гриша, есть. Надо всё взвесить. Ладно. Сегодня у главного инженера обсудите этот вопрос со всеми заинтересованными лицами. Я распоряжусь.

– Хорошо, Афанасий Иванович, – Широков встал.

– Подожди, Григорий Иванович. Коль пришел, давай оговорим ещё один вопрос.

Он встал, прошёлся, прикрыл плотно дверь кабинета.

– У меня был Борис Петрович, подробно обсказал твою озабоченность по поводу брата. Я поддержу ваше ходатайство и замолвлю словечко в обкоме, чтобы наши попросили красноярских походатайствовать в ЦК. Полагаю, что твой брат достоин этого.

Широков никак не ожидал, что парторг поставит в известность бату. – Хотя ничего удивительного... они были большими друзьями. Впрочем, это им никак не мешало быть принципиальными по отношению друг к другу в решении важных вопросов.

– Огромное Вам спасибо, Афанасий Иванович, за понимание и поддержку.

– Я тебе сказал, Григорий, не для того, чтобы ты меня благодарил, а для уверенности и справедливости. Давай, топай на участок. У меня в семь сорок пять встреча.

Шагая вечером на совещание, Широков ни грамма не сомневался, что начальники участков только при карательных мерах могут отдать на две недели свои бетономешалки. Так оно и получилось.

– Это что же выходит Игорь Васильевич? – наседал начальник участка Никишов на главного инженера. Отдай жену дяде, а сам иди ... Там график строительства горит, а у нас, значит, курортный сезон открывается, загорайте, отдыхайте, наслаждайтесь, а потом сутками авральте!

– Весь кипятик выплеснул или ещё осталось? – резко осадил Никишова главный.

– А что, Игорь Васильевич, разве Никишов не прав? – возмутился Галин, другой начальник участка. Мы сами отстаём от графика выполнения бетонных работ..

– Всё, хватит демагогией заниматься, эдак до первых петухов перебранкой заниматься будем, – оборвал главный инженер начальников участков.

По большому счету сидящие в кабинете прекрасно знали, что прежде чем принять решение, главный всё обдумал и просчитал. И уж если он настаивает, значит это обоснованный, верный ход.

– Вы что же, дорогие коллеги, – начал Игорь Васильевич, взвешивая каждое слово, – выходит, плохо понимаете значимость строящихся объектов? Речь идёт о сдаче цехов завода, от которого страна ждёт продукцию уже в начале следующего года. Формируются под его работу кадры. Я не хочу взвешивать на весах значимость объектов, они все значимы – строим для народа. Но оценку важности объекта хочу, чтобы вы сделали. Если мы не сдадим в срок ваши объекты, – он обратился к Никишову и Галину, – это одна ответственность, а вот если не сдадим цеха, это

уже совсем другая! Об этом вы знаете не хуже меня... И уже более доброжелательно распорядился: Прошу, не мешкая, ровно через сутки провести передислокацию оборудования. А Вас, Григорий Иванович, попрошу оперативно завезти необходимое сырьё для бетона, чтобы бетономешалки минуты не стояли. Исполнение проверю лично. Все свободны.

После совещания Широков заспешил на свой объект, там его ждали бригады. Размышляя по дороге о состоявшемся разговоре, Григорий испытывал двоякое чувство. С одной стороны, был рад такому решению. С другой, подпирало чувство стыда и неудовлетворённости. Ему было очень неловко перед коллегами. Что лукавить, окажись он на их месте, наверняка упёрся бы ещё похлеще. Отдать оборудование, которое самим нужно позарез...

— Так-то оно так, Гриша, — корил он себя, — но идею отнять оборудование у своих же товарищей предложил ты. И это факт. Впрочем, в конце концов, речь идет не о личном, о государственном деле. А с Никишовым и Галиным при случае объяснюсь. Они мужики толковые, надеюсь, правильно поймут, — успокоил он себя.

Григорий открыл глаза...

— Чёрт, неужели проспал?

В комнату уже пробрались первые блики наступающего дня. Взглянул на тикающие в простенке ходики: четверть шестого. Чтобы не разбудить жену, приподняв край одеяла, аккуратно выскользнул из-под него, на цыпочках прокрался к кровати. Димка, распластав пухленькие ручонки, крепко спал. Григорий застыл, любуясь сыном:

— Мужик растёт! Хоть Надя и утверждает, что сын начинает сильно походить на деда Николая, дудки: наша порода! Да что тут спорить? Вон и подбородок, и нос — один в один — Широковский, наш! — с гордостью заключил он, любуясь сыном.

С трудом подавил в себе желание прикоснуться к сыну:

— Разбужу... Он такой чуткий, пусть дрыхнет, а то потом до обеда не утомонишь. Надюше тоже не помешает лишний часок понежиться. Я-то без задних ног храплю, а ей, бедолаге, сколько раз за ночь приходится вставать...

Он ещё раз с нежностью взглянул на сына.

— Господи, как мало приходится бывать с ним. Всё дела, дела. Так, пожалуй, можно и не заметить, как пацан вырастет. Ничего, цеха закончим, посвободнее будет... А там и Димка подрастёт, бегать начнёт. Каждый день будем вместе гулять. А будущим летом в добрый час съездим в Моршанск бабушку попроведем.

Главный инженер, как и обещал, собственной персоной внезапно появился на строительной площадке. Не заходя в Широковскую подсобку, напрямёхонько направился по цехам. Григорий узнал о приезде главного минут двадцать спустя и настиг его, когда тот возвращался.

— Игорь Васильевич, ну как же так?

— Что «Игорь Васильевич»? — он подал руку Широкову, — ты занимаешься своим делом, я — своим. Повода для встречи не было. А вот теперь есть. Пойдём к тебе, если, конечно, не возражаешь...

-
- Если хороший разговор, не возражаю, а плохой – откуплюсь, – зная нрав главного, подыграл ему Григорий.
  - Ох, и хитрюга ты, Широков. Но не надейся, получишь сполна... Значит так, следи за качеством бетона, боюсь, мужики пропорцию нарушить могут.
  - Хорошо, Игорь Васильевич, но об этом с рабочими изначально был серьёзный разговор.
  - Ты, друг мой, доверяй, но проверяй. Ясно?
  - Предельно ясно.
  - Второе: завтра с утра у тебя будет электрик, приведите в порядок проводку. Жутко смотреть, сколько соплей на кабель навешано, ещё подцепили мешалки. Не ровен час, кабелёк не выдержит напряжение – сожжём всё к чёртовой матери.
  - Всё на авось рассчитываем: пронесёт...
  - Откуда у нас этот «авось» берётся?
  - «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится» – так и живём из века в век. Да я об этом уже думал, – оправдывался Широков.
  - Ты не думай, а не мешкая приведи всё в порядок.
  - Обязательно, Игорь Васильевич.
  - Вот и договорились. Завтра вечером жду. Доложишь, сколько кубиков на гара выдали, заодно и по электрике расскажешь, что сделал. Вопросы есть?
  - Да.
  - Если по цементу, я уже распорядился, будет в срок.
  - Спасибо Игорь Васильевич.
  - Ещё что?
  - Пока всё.
  - Ну, коли всё, давай, работай. Мне тоже хватит у тебя прохладиться.

Результаты двух дней круглосуточной работы бетономешалок превзошли все расчёты Широкова.

– Хорошо! – радовался он, как ребенок, – если так дело пойдёт, выправим график. – И тут же подумал: график-то выправим, сам бы не загнулся! Он взглянул на часы: без четверти девять. Тринадцать часов маковой росинки во рту не было! От этой мысли пустой желудок пуше прежнего засосало. – Всё домой, а то, пожалуй, при живой жене голодной смертью умереть придётся.

Несмотря на все старания Широкова, полную самоотдачу рабочих участка, постоянное давление руководства треста и партийных работников, цеха к двадцать третьей годовщине Великого Октября сдать не удалось.

Это событие стало предметным разговором у первого секретаря горкома ВКП (б), на который были приглашены управляющий трестом, секретарь парткома и Широков. Причём в кабинет были приглашены первые двое, Григорий остался ждать в приёмной.

– Как изволите понимать, Афанасий Иванович, срыв сдачи государственной важности объекта? – не терпящим возражения тоном начал секретарь горкома.

– Причин много, товарищ секретарь, – начал Батя, – главная из которых – постоянная нехватка строительных материалов.

– Это отговорка и ширма, за которую удобно прятаться, – перебил его хозяин кабинета. – Думаю, дело в другом. Отвратительно работаете с людьми. Не доносите до сознания каждого важность и значимость решения поставленных партией задач. Нет должной исполнительской дисциплины. Плохо работаете с кадрами. Не находите, что опрометчиво доверили возглавлять объект человеку, у которого брат – враг народа? Да и сам он, мягко говоря, требует пристального внимания к себе соответствующих органов. Не здесь ли зарыт корень зла?

– Что касается начальника участка Широкова, товарищ секретарь, – начал багровея, Батя, – то именно с его назначением заметно оживилась работа. А свою благонадежность в отношении партии и Родины он доказал не где-нибудь, а на ответственных и сложных заданиях там, куда был направлен. Об этом Вы знаете не хуже меня.

– Не надо заводить рака за камень, Афанасий Иванович, – более сдержанно возразил секретарь, – мы ведём речь о конкретном факте, срыве сдачи объекта.

– Товарищ первый секретарь, – вмешался парторг, – этот вопрос нами тщательно рассматривался на партийном бюро треста и открытом партийном собрании. Мы не снимаем вину за срыв, в том числе, и лично с себя. Упущения были. Но ведь неоспоримы объективные причины срыва.

– Кому нужны ваши объяснения, Борис Петрович? Нужны цеха. Нужна продукция. Наконец, работа нужна людям! Надеюсь это понятно. Я пригласил вас не для того, чтобы выслушивать словесную карусель. Я хочу услышать об исполнении конкретной поставленной задачи. Или Вы хотите, чтобы вас на бюро горкома послушали со всеми вытекающими последствиями? Пожалуйста... – он сделал многозначительную паузу. – Или хотите, чтобы на бюро обкома партии я отвечал за ваше разгильдяйство?

– Ошибаетесь, товарищ секретарь, – вступил в разговор «батя». – Нами разработан конкретный план завершения объекта к четырнадцатому декабря.

– Нет и ещё раз нет! Ко Дню Конституции и не позже! Иначе лично ответите по всей строгости партийной дисциплины.

Возвращаясь с горкома, Афанасий Иванович и Борис Петрович прекрасно понимали, какие последствия может иметь состоявшийся разговор, но ни тот, ни другой слова не сказали Широкову об упрёке, сделанном секретарём партии в адрес Григория.

– Вот что, коллеги, давайте вечером ещё раз обсудим, как поправить дела, – предложил «батя», – иначе не только билетов лишимся, но и ещё кое-чего...

К радости начальства и рабочих треста злополучный объект был сдан строителями третьего декабря, на два дня раньше намеченного срока. И вообще по итогам работы за 1940 год трест оказался в числе лучших предприятий Забайкалья, был награждён переходящим Красным знаменем областного Совета профсоюзов.

Зима, несмотря на трескучие морозы, пролетела для семьи Широковых незаметно в хлопотах и заботах. Однако долгожданное начало лета из-за постоянных ветров и осадков в этом году затянулось. И вот, наконец, боженька смилостивился над земными чадами: после трёхдневных проливных дождей и холодного сильного ветра вернул им летнее тепло и благоуханье. Чета Широковых с друзьями в выходной день решили в полной мере воспользоваться этим даром.

После длительных споров куда лучше поехать: на реку Ингаду или озеро Кенон, остановились на последнем варианте, хоть и далековато, в отличие от Ингоды, и добираться непросто. Зато вода теплее, нет течения, берег песчаный, ровный, купаться – одно удовольствие. К тому же, есть надежда поймать рыбёшки на уху.

– На Кенон, так на Кенон, – дружно решили они.

Димка, которому уже исполнилось полтора годика, словно предчувствуя волюшку повозиться в песке и похлопаться в прибрежных лужицах, проснулся ни свет ни заря. Стоя в кроватке, он плаксиво талдычил: мама, мама! Потом переключился на папу, но родители не реагировали, продолжая дрыхнуть. Тогда он начал реветь громче и, прерывая плач, канючил: дай, дай, дай! Что под этим «дай» подразумевалось, знал только он. Не выдержала мать:

– Ну, что случилось? – она подошла к Димке, – Ах ты, бесстыдник, он ещё и опруденился с ног до головы! Не стыдно?

Сын действительно что называется насквозь промочил фланелевую пижамку, досталось и одеяльцу, на котором он стоял.

Мать, несмотря на своё недовольство, чмокнула его в пухленькие щёчки, взяла на руки, передела и тут же плюхнулась с ним в тёплую постель, примостив Димку между отцом и собой. Именно это и входило в стратегический план Димки. Насладившись мамкиными поцелуями, он приступил к выполнению главной цели. Немного покопшившись под одеялом, он перевернулся на животик, заполз повыше на подушку, затем, обогнув голову отца, перебрался к нему. Григорий, отвернувшись к стенке, не реагировал на происки сына. Надя, зная повадки Димки, прикрыв глаза, продолжала дремать.

Устроившись удобно между стенкой и отцом, Димка начал теревить отца за нос, уши, пробовать на прочность волосы. Потом, поковыряв пальчиками отцовы веки, начал их открывать. Григорий медленно приоткрыл левый глаз, до которого ещё не добрался сын, улыбнулся ему. Затем, заграбастав Димку в объятия, спрятался с ним под одеяло с головой.

– Тю-тю! Ты где?

В небольшом полумраке под одеялом блестели радостные глазки сына.

– Тю-тю! Ты где?

Димка, мгновенно, обвив ручонками шею отца, прилип к его груди.

Счастливое мгновение прервал стук в дверь.

– Эй, лежебоки! Сколько можно нежиться? На улице Божья благодать, а они дрыхнут... Подъём!

Недовольный Григорий с сыном на руках открыл дверь.

– Степан, ты совсем из ума выжил, такая рань!

– Видали вы его? Я из ума выжил. Ты на улицу выйди. Посмотри, какой денёк. Жить хочется! Всё, кончайте разговоры и на озеро. Правда, Дима?

Он лихо подмигнул крестнику.

– Давайте, быстро оденьте Димку, я с ним погуляю, а вам на сборы десять минут, не больше! Да, я вчера разжился хорошей баранинкой, шашлычки сварганим, и ещё кое-что. Вот! – он подал Григорию чёрную небольшую сумку.

– Куда ты? – возразил Широков, – Надя вчера всё приготовила, еды хватит.

– Ничего, лишним не будет.

– Ну, хорошо. Только готовить сам будешь, я в этих делах бесполезен.

– Не волнуйся. Это моя забота, давай, одевай сына.

– Стёп, а Ваня с Ирой сюда подъедут?

– Нет, они прямо на Кенон, на наше место. Давай, давай, пошевеливайся не тяни кота за хвост, – поторопил он Григория.

День складывался на редкость удачно. Стояло невообразимое для читинской погоды безветрие. Даже листва на деревьях безмолвствовала. Солнышко, в свою очередь, нежно лаская и согревая тело, создавало внутренний комфорт и блаженство.

Степан удачно остановил подвернувшуюся повозку, похожую на бричку. Уговорив извозчика, моментально примостился с Димкой на руках подле хозяина повозки. Григорий, уложив сумки, помог сесть Наде, а сам, обежав повозку сзади, плюхнулся в неё с другой стороны.

– Поехали, дружище, – попросил возницу Степан.

– Но, красавчик.

Хозяин повозки хлопнул вожжами красавчика, и тот, беспрекословно повинувшись, рысцой помчал повозку по улицам, по всей вероятности, хорошо зная город и окрестности. Извозчик, петляя по переулкам, только ему ведомым закоулкам, махом доставил отдыхающих к желанному озеру. Степан тут же договорился об обратном отъезде, дав извозчику небольшой аванс.

Песчаный берег озера был почти пустынным. Лишь небольшая ватага подростков, по всей видимости, из ближайших к озеру домов, визжа и прыгая, плюхались на мелководье, да одинокая лодчонка маячила на серебристой глади озера.

Иван с Ириной уже ждали их в условленном месте, насобирав небольшую кучку всякой всячины для костра.

– А мы уже поплавали, – встречая улыбкой, похвасталась Ирина. – Вода ну просто чудо! Парное молоко.

– Ириш, ты не забудь сказать, что она мокрая.

– Ваня, прости. Совсем забыла. Друзья! Вы представляете, а вода действительно мокрая, – поддержала кураж мужа Ирина. – Давайте все в воду!

Димка, проспавший почти всю дорогу на коленях у Степана, почувствовав какую-то перемену, моментально проснулся. А увидев необъятные песчаные и водные просторы, мгновенно оживился, замахал, восторженно ручонками, пытаясь выскользнуть на землю.

– Подожди, Димulyка, сейчас папка тебя разденет, тогда и побежишь.

Пока отец с матерью спорили, в каком одеянии оставить сына, Димка, сгорая от любопытства прикоснуться к этой непонятной огромной воде, начал злиться. Топая и махая ручонками, он громко хныкал, норовя вырваться из отцовских рук.

– Надя, да не мудри ничего, оставь его голеньким в панамке. Пусть маленько побегаёт, потом оденем. Что переживать? Теплынь вон какая стоит.

– Ну, смотри, – наконец согласилась она. – Гринь, только в воде долго не держи.

– Хорошо, хорошо. Я его сначала в лужу запущу, пусть там хлюпается.

По берегу блестело несколько мелких и больших луж, образовавшихся, скорее всего, от обильного дождя и волн, принесённых с озера сильным ветром, бушевавшим несколько дней назад.

Посадив сына на плечи, Григорий пошёл к одной из них, выбирая, где помельче вода. Окунув ногу и убедившись, что вода теплая, держа сына подмышки, медленно опустил в лужу. Димка, наконец коснувшись желанной воды, что есть мочи заболтал ногами, брызгая и крича от восторга.

Такое упражнение он делал всегда, когда его купали в ванной, но это была не ванна, что-то большое необъятное. Поставив сына в лужу, Григорий дал ему полную свободу. Возбужденный Димка, потопав ногами и ударив несколько раз по воде ручонками, бросился бежать, но тут же споткнулся, упал ничком в воду, глотнув воды, закашлялся. Отец подхватил его на руки. Вылупив глазенки, Димка никак не мог прокашляться. Григорий легонько пошлепал его по спинке.

– Ну что, прошло? Вот так-то, дружок, бездумно бросаться в воду. Понял, чем может кончиться? – поучал он сына.

Как бы там ни было, на следующем заходе, скорее всего от испуга, Димка заметно поубавил пыл. К тому же, они немного побегали вместе с отцом, держась за руки, разбрасывая брызги по сторонам.

– Вот дурень! – ругнул себя Григорий, – с этого надо было начать! Мальчонка хоть какой-то навык и уверенность приобрёл бы. Хотя, как знать, может так и надо. Хлебнул, испугался, наверняка запомнит...

Димке быстро надоело хлюпаться в луже. Его как магнитом тянула к себе большая вода. Несколько раз он порывался бежать в озеро, но отец сдерживал.

– Давай маленько погреемся, построим из песка домики, а потом пойдем туда, далеко-далеко. Хорошо? ... А сейчас пойдем вон к той кучке песка. Построим маме, дяде Степе и тебе домики.

Они долго ковырялись в песке, пока это занятие не надоело Димке.

– Вот, а теперь пойдем в озеро.

Он взял сына на руки. Медленно зашли по пояс в воду. Удивительно, но Димка не рвался в воду. Чем глубже они заходили, тем плотнее он прижимался к отцу.

– Боится. Конечно, боится.

Григорий медленно раз-другой попробовал присесть, погружаясь вместе с сыном в воду. Восторгу малыша не было предела. Он просил отца ещё и ещё. И хотя вода была теплая, Григорий не стал рисковать.

– Хватит, сынок, потом ещёкупаемся, а сейчас пойдем к маме. Слышишь, они нас зовут. Пойдем.

Степан с Иваном колдовали у костра. Там где стояли сумки из двух связанных простыней, был сооружён небольшой шалашик.

– Мужики для Димки соорудили.

– Хорошо. Сейчас его покормим, пожалуй, и уснет. Набегался, устал.

Димка, действительно, держась за шею отца, пообмяк.

– Ну что, купальщики-ныряльщики, накупались? Иди ко мне, сынуленька, сейчас оденемся и ням-ням будем, а потом – баиньки. Устал, устал мой зайнышка. Вот так. Давай ручки сюда, молодец.

Покушав, Димка тут же уснул на руках у матери. Надя аккуратно уложила сына в шалашик на приготовленную подстилочку.

– Гринь, приглядывай. Я Ире помогу.

– Надя, что тут помогать? Одна управлюсь. Иди, купайся. Вань, что с мясом?

– Ириш, минут через пятнадцать будет готово.

– Видишь и мясо ещё неготовое... Иди, иди, купайся как раз и мясо поспеет. Я здесь сама разберусь.

– Ну, ладно, – согласилась Надя. Я потом после обеда всё приберу, а ты пойдешь купаться.

– Вот и договорились.

Войдя в воду, Надя, медленно проплыв метров десять по-собачьи, взмахнув руками, стремительно поплыла вразмашку в глубину озера. Григорий с завистью смотрел на жену:

– Как у неё здорово получается, не замечал. Пловчиха. Пожалуй, я так не умею.

Широков наблюдал за Надеей, пока она не вышла из воды.

Мокрый купальник, облегая тело, подчеркивал стройную крепкую фигуру. А ноги, будто на станке выточены, гордо вскинутая голова. Богиня и только.

– Вот чёрт, – изумленно подумал он. В повседневной суете толком родную жену по-настоящему разглядеть не можешь. Подумай, Широков, подумай. Всё дела и только дела. Семья на втором плане.

– А что делать, жизнь так устроена у мужика, – оправдывал он себя.

– Так, дружище, да не так, – не соглашался внутренний голос, – волю вы, мужики, и себя больше всего любите, прикрываясь важностью и значимостью ваших дел. А если поглубже вникнуть, ваши дела не что иное, как обыденная житейская суета. Не больше, не меньше.

Стоя на берегу, Надя сняла платок и, тряхнув головой веером, разбросала свои пышные волосы. Григорий, не отрывая глаз от жены, взял полотенце и пошёл к ней. Чувства нежности и любви переполняли его сердце. Ни слова не говоря, он медленно вытер капли воды на её лице, шее, а затем, опоясав вокруг её талии полотенце, медленно стал притягивать к себе, целуя в нос, глаза, щеки.

– Гриня, ну что ты, люди же!

– Я люблю тебя – слышишь – больше всего на свете.

– Эй, ещё долго миловаться будете? Обед готов!

– Идём-идём, Ванюша. Вот сейчас поешь, и все твои любовные страсти пройдут, – она игриво толкнула в грудь мужа, освободившись от его рук, надела ситцевый халатик, а затем, обхватив Григория за талию и хитровато заглянув ему в глаза, ласково прошептала:

– Пойдем, моё солнышко, я дюже есть хочу.

Не успели они ещё по-настоящему откусать деликатесы и приготовленный Степаном шашлык, как неожиданно появился извозчик.

– Не понял, – удивился Степан, – русским языком договорились, что он придет не раньше шести вечера. – Что случилось? – недовольно обратился он к возбужденному хозяину кареты.

– Беда, дорогие товарищи, беда!

– Какая беда? Что ты несешь? – возмутился Степан, полагая, что извозчику захотелось пораньше получить денежки и избавиться от клиентов.

– Война! Война! – возбужденно повторял извозчик.

– Какая война? С кем война? – обступив его, наперебой допытывались Степан с Григорием.

– С немцами, с немцами война, уже началась.

– Подожди, подожди, успокойся и толком объясни, кто тебе сказал, где ты это услышал?

– Сегодня, как только вас отвёз, так по радио услышал. Радио только об этом и говорит.

– Значит, немцы всё-таки решились... – прервал недоумевающее молчание друзей Григорий. – Давайте собираться. Поедем домой, там и разберёмся.

Повозка, слегка подпрыгивая на ухабах, приближалась к железнодорожному вокзалу. Из ближайшего репродуктора, прикрепленного на одном из телеграфных столбов, доносилась песня «Широка страна моя родная».

Широков, недоумевая, переглянулись и Иваном: Неужели этот сукин сын, извозчик, дошёл до таких идиотских шуточек?

Вдруг песня прервалась и диктор объявил: «Внимание, товарищи! Слушайте важное правительственное сообщение. Работают все радиостанции Советского Союза...»

– Стой, – приказал Степан извозчику.

Казалось, что всё живое, объединившись в одно целое, замерло в ожидании чего-то неведомого и очень страшного. Затянувшаяся тишина репродуктора будто перешла в бесконечную вечность. Наконец отчетливо стал слышен хриловатый голос Молотова, Председателя Совета Народных Комиссаров, Народного комиссара иностранных дел СССР:

«Сегодня в четыре часа утра без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолетов города: Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и другие»...

ГЛАВА 15

ВОЙНА

Война. Трудно было вот так сразу осознать и понять это зловещее слово, с которым ассоциировалось в умах людей чувство страха и горя, неведомых тягот, лишений и разрушений, голода, крови и смерти.

— Гриша, что же теперь будет? — с мольбой и страхом, дрожащим голосом спросила Надя мужа.

— Успокойся, милая, успокойся. Это ненадолго. Фашисты получат своё сполна, вот увидишь. Не на тех нарвались.

Григорий был уверен, что промахи, которые были допущены в финской военной компании, послужили уроком, и наша армия как никогда сильна и мобилизована.

— Месяц-другой и фашистская свора с позором будет разбита, можете не сомневаться! Уверен.

Однако эта уверенность у Широкова, словно догорающая свеча, с каждым днём таяла. Шёл четвёртый месяц кровопролитных боёв, а сводки в газетах, по радио были крайне неутешительны. Несмотря на героизм, стойкость и отвагу наших бойцов, самоотверженность мирных граждан, объединившихся под лозунгом «Всё для фронта, все для победы!» фашистские орды, неся большие потери в живой силе и технике, продолжали продвигаться вперёд, сея по нашей земле горе, разорение и смерть.

— Ничего-ничего, остановим! Захлебнётесь в собственной кровушке, — негодовал Широков, слушая по радио фронтовую сводку.

Разве мог тогда Григорий, как впрочем и подавляющее большинство граждан страны, предполагать, что долгожданную победу придётся ждать 1418 дней. И если бы только ждать... Нужно было не просто выстоять, а остановить врага в кровопролитных боях, а затем, загнав в угол, уничтожить. Перенести в тылу невыносимый голод и смерть, круглосуточный изнурительный труд. Потому что победа начиналась в тылу.

Григорий в очередной раз тайком от Нади приходил в военкомат, просил отправить его на фронт:

— У меня какой-никакой опыт есть. Там я сейчас нужнее, — убеждал он начальника отдела мобилизации.

— Извините, бронь есть бронь. Не моего ума это дело. Не спешите, товарищ Широков, ваш черёд придёт. Я вот тоже хотел бы быть там. Увы. Но надеюсь, что скоро буду. И Вы не спешите. Навоеваться успеем — заключил он.

— Так-то оно так, — размышлял Широков, шагая от военкомата, — но на фронте я сейчас в самом деле нужнее. Надо во что бы то ни стало остановить обнаглевшую фашистскую нечисть. Уж больно распоясались фашисты в своих бесчинствах.

Каждый раз, рассуждая об этом, Широков вновь и вновь закипал внутренней ненавистью и жаждой мести, горячим желанием скорее взяться за оружие.

— Стёпа с Ваней, пожалуй, уже не одного гада отправили на тот свет... — с гордостью и завистью вспоминал он друзей, которых призвали на четвёртый день после начала войны. — Где они сейчас? Ведь, паразиты, ни одной весточки...

Ему тогда в страшном сне не могло присниться что произошло с друзьями. Степан погиб, так и не доехав до фронта. Фашистские бомбардировщики атаковали поезд с бойцами, идущий на фронт. Одна из бомб угодила прямым попаданием в вагон, в котором ехал Стёпа. Груда искорежённого металла и изуродованные тела – всё, что осталось от вагона и его обитателей.

Жестоко распорядилась судьба и с Иваном. Где-то под Киевом батальон, в котором Иван был командиром взвода, после тяжёлых неравных боев был окружен. Однако, заняв выгодную оборонительную позицию, оставшиеся в живых бойцы лишили гитлеровцев возможности их уничтожить. Вечером, уже в стгутившихся сумерках, немцы в очередной раз предприняли попытку уничтожить батальон, но умелые действия командира батальона и оборонявшихся бойцов, уничтожив десятка полтора фрицев, отбили и эту атаку. Не обошлось без потерь и у нас. Помимо четверых бойцов был смертельно ранен командир батальона. В сложившейся ситуации командование батальоном, не раздумывая, взял на себя Иван.

После очередной неудачной атаки немцы, вероятно, решили не рисковать – подождать рассвета и подхода своих танков, а может и авиации, чтобы одним махом без потерь накрыть русских.

Новоиспечённый командир батальона, попытавшись несколько раз безуспешно связаться по радиации с нашим командованием, собрав оставшихся в живых командиров, предложил дерзкое решение: стянуть все силы батальона в один кулак и в полночь внезапной атакой вырваться из кольца.

– Это наш единственный шанс, – объяснил он собравшимся. – Как видите, связи нет, подкрепление ждать неоткуда. Утром немцы нас изуют танками или прямой наводкой артиллерии зареют в землю. У них есть ещё и авиация. Прорвёмся, ещё повоюем! А не прорвёмся – будем драться до последнего, чтобы уничтожить как можно больше гадов. Ну что, командиры, ладом?

– Ладом.

– Головным вместе со мной пойдёт третий взвод, замыкающим – первый. Наш успех – это внезапность и быстрота. Сверим часы. В два пятнадцать начало атаки.

Атака получилась неожиданной и молниеносной. Немцы никак не ожидали от измотанных, полуголодных русских такой прыти и смелости. Через двое суток батальон присоединился к действующим войскам. К сожалению, Иван в очередном бою был тяжело ранен и, не приходя в сознание, скончался по дороге в госпиталь.

Но о гибели друзей Григорий узнал только спустя полтора года из письма Нади, а ей в свою очередь поведала Ирина, жена Ивана. Надя также сообщала, что Ваню посмертно наградили орденом Боевого Красного Знамени. Судьба Ирины также оказалась трагической. Узнав о гибели мужа, Ирина закончила курсы медсестёр и добилась отправки на фронт. Пройдя с боями около трёх лет, постоянно рискуя, находясь между жизнью и смертью, Ирина, словно заколдованная, не получила ни единой царапинки, не говоря уже о ранении...

И вот, когда гремели уже последние залпы войны, а советские войска и союзники, американцы и англичане, праздновали в Берлине Победу, в Чехословакии

недобитые фашистские отморозки в смертельной агонии ещё продолжали оказывать упорнейшее сопротивление. В одном из боёв группа фашистских молодчиков пыталась вырваться из своего убежища, был ранен советский лейтенант. Ирина, не мешкая, бросилась оказывать помощь офицеру. Прозвучал один-единственный выстрел... роковой... оборвавший жизнь Ирины, дочери, патриотки своей Родины, несостоявшейся матери, не познавшей по-настоящему женского счастья и любви.

Но об этом друзьям стало известно только после войны.

Продолжая не спеша шагать, Григорий соображал, что в ближайшее время всё равно добьётся своего и уедет на фронт...

— Надо серьёзно подумать о Наде с Димкой и не только о них. Две недели назад Надя заподозрила, что беременна. Встреча с гинекологом подтвердила её подозрение.

— Семь недель, голубушка, уже носите ребёночка. Поздравляю!

Эта новость, как ни странно, её не обрадовала. Вечером она сообщила мужу вердикт врача.

— Гринь, может аборт сделаю? Время-то какое...

— Вот ненормальная, надо же до такого додуматься... Хотя, по большому счёту, она, наверное, в чём-то и права. Время действительно непростое, что тут говорить, — размышлял он, продолжая шагать. — Хоть я и делаю вид, что не рвусь на фронт, женскую интуицию не обманешь. Тем более, что актёришка я хреновый... Вот и срабатывает материнский инстинкт, страх за детей: как их, мал мала меньше, без мужика растить? А один ребенок, как ни крути, полегче. И всё же аборт не выход, — твердо решил он, — раз забеременела, пусть рождает, губить родное дитя собственными руками негоже. В нашем роду это не принято, как бы тяжело не было.

— Что, Гриша, предлагаешь? — задал он себе вопрос в который раз.

— Лучшего варианта, чем в деревню, пожалуй, трудно придумать, как ни крути. Но только не к родителям. Надя об этом как-то между прочим обмолвилась в разговоре.

— Всякое, Гриня, может быть, и если что, лучше уж в Круглово. Катя, сестра, рядом у неё дети вон какие! Танюшке, почитай, одиннадцатый годок. Чирковы: Катя с Федором и Сашенькой. Да и Круглово не чета Тараю. Село немалое и ясли есть. А работы... хоть на ферму или в другое место — немерено. Хочу своей семьей жить. А мама с тятьей рядышком, гостить приезжать будут. Только уж если так случится, хорошо бы жить в отцовском доме. Он мне больше всех глянется...

— Эх, Надюшка, Надюшка... Всем нутром давно всё прочувствовала, а я всё делаю вид, что война без меня обойдётся. Хватит дурковать, сегодня же всё обсудим. Пора и с Батей поговорить начистоту, а то, видите ли, бронь на трест есть. Обком партии уговорил: работать некому. Всех специалистов мобилизовали, хоть трест ликвидируй. А ведь точно знаю, уверен: будь он помоложе, первым бы на фронт смотался. Короче, пора расставить все точки.

Возможно, у кого-то из сегодняшней молодёжи рассуждение нашего героя вызовет улыбку. Зачем рваться туда где его в любую минуту могут ранить, искалечить, убить? Но эти понятия были за пределами его сознания:

– Я должен быть там, на войне, где решается судьба Отечества!

Поэтому Широков был очень рад, что наконец его просьбу удовлетворили: он едет на фронт. Впрочем, ничего в этом особенного не было. Подавляющее большинство соотечественников думали именно так и не иначе, потому что Родина-мать была в опасности. А кто же её будет защищать, если не сыновья?

Отправка эшелона была назначена на десять часов тридцать минут. Широков накануне вернулся из деревни, куда увёз и устроил семью, прожив с ними девять дней. Вечером он устроил небольшие проводины. Пришли коллеги по работе, старички-соседи и Ира, жена друга Ивана. Сидели недолго. Все разговоры и тосты были связаны с войной и пожеланиями скорейшей победы.

К пункту сбора Широков пришёл задолго до назначенного времени. Ещё вечером, распрошавшись со всеми, попросил, чтобы никто не провожал. Эшелон уже стоял на месте, поджидал мобилизованных. Доложив о своём прибытии и узнав, к какому вагону приписан, Григорий медленно побрел вдоль состава, наблюдая за людской суетой.

Люди кучковались небольшими группами, среди мобилизованных было много молодых парней, которых провожали такие же безусые друзья и их подруги. Эти группы были наиболее оживлёнными, слышался смех, шутки. Со стороны казалось, что молодёжь едет на ударную стройку или в командировку. Особняком смотрелись мобилизованные старшего возраста. Здесь царил тишина и сосредоточенность. Прижавшись к мужьям, стояли их жены с печальными лицами. Молча глядя в глаза друг другу, они понимали, что это, может быть, их последний поцелуй, последнее рукопожатие и тепло крепко сплетённых пальцев рук. Широкову очень захотелось, чтобы сейчас была рядом Надя с Димкой, хотя раньше он был категорически против подобных сентиментальностей. Он закрыл глаза, мысленно рисуя образ жены с сыном на руках.

– Григорий Иванович! Григорий Иванович!

Широков открыл глаза. Навстречу ему спешили Батя и парторг треста.

– Тебя где носит? Весь эшелон прошерстили, как в воду канул. Не иначе как маскировку отработываешь.

– Так точно товарищ командующий, – поддержал шутку Широков.

Батя обнял Григория.

– Ну, что, Гриша, пришли вот проводить. Да, пока не забыл... Это тебе на память. – Он достал небольшой складной ножичек. – Фрица ты, конечно, им не приколешь, но во фронтовом хозяйстве он пригодится. Хотя, как знать: ножичек, хоть и не велик, но остренький. Держи и не забывай старика.

– По вагонам! По ваго-о-нам! – словно набат пронеслась вдоль эшелона команда.

– Ну что, сынок, давай прощаться будем. – Он обнял крепко Григория. – Береги себя и возвращайся с победой. Я и сам бы хотел, ох как хотел быть там. Да остарел уже, остарел...

Паровоз, попыхивая, протяжно и визгливо свистнул, потом медленно, скрежеща всеми своими железяками, дёрнулся, словно в судороге, раз, другой... Медленно покати́л своих пассажиров навстречу неведомой судьбе-судьбинушке.

Почти с железнодорожных колес прибывший эшелон сибиряков- новобранцев, пройдя кратковременную подготовку, был вынужден участвовать в боевых действиях на Можайском рубеже. Здесь Советское командование сосредоточило всё внимание и силы, чтобы остановить врага, стремительно рвавшегося любой ценой захватить столицу нашей Родины, Москву. К югу от Москвы сражалась осажденная Тула — один из значимых центров нашей оружейной промышленности. Сюда прорвались части немецкой 2-ой танковой армии генерала Ганса Гудериана, ставившего задачу обойти Москву с флангов.

Широков, командуя взводом, почти круглыми сутками занимался созданием укрепительных сооружений. При этом дважды приходилось участвовать в отражении яростных атак фашистов.

— Чёрт, не свалиться бы, ноги совсем не держат.

Измотанное тело не хотело повиноваться. Голова от постоянного напряжения и бессонницы переставала воспринимать и оценивать происходящее. Григорий взглянул на часы. Стрелки показывали двадцать три часа сорок семь минут. Работа по строительству нового командного пункта комдива шла к завершению.

— Хорошо бы управиться к двум часам. Может, хоть немного удастся вздремнуть, иначе свалюсь, — с надеждой подумал он.

Несмотря на усталость и крепкий сон, Широков проснулся от невообразимого гула. Дрожали не только стенки землянки, но, казалось, и вся земля.

— Вот гады, опять атакуют!

Мгновенно схватив на ощупь винтовку, пригибаясь, пулей вылетел из землянки. Несмотря на густые предутренние сумерки, Григорий отчётливо увидел в зареве зенитных вспышек летящую армаду немецких бомбардировщиков. Мощный гул моторов разрывал ушные перепонки, неведомая сила своим рёвом прижимала тело к мёрзлой земле. Казалось, вот сейчас они начнут сбрасывать смертоносные сигары и всей своей мощью обрушатся на оборонительные позиции дивизии. Но летящая железная лавина, миновав позиции дивизии, взяла курс на юго-запад.

— Пронесло. Вероятно, у немецкого командования были иные планы. Хотя чему радоваться? Бомбы в ближайшие минуты будут сброшены на наши войска. Разрушения и смерть неизбежны. Разве что нашей дивизии повезло, — рассуждал он, немного придя в себя. — Однако где гарантия? В любую минуту может начаться атака и появится новая группа самолетов. Ведь Гитлер на весь мир трезвонит, что войска вермахта со дня на день возьмут Москву. Хрена не хочешь, усатый пучеглазый таракан? — выругался вслух Григорий, словно перед ним стоял сам Адольф, — подожди, мы тебе ещё сопатку расквасим, можешь не сомневаться. Жалко, что наши зенитчики ни одного гада не шлёпнули. Хорошо бы посмотреть на сбитого ястреба. Ничего, научимся крылышки фашистским стервятникам обламывать.

В середине ноября, несмотря на продолжавшийся фашистский натиск, было очевидно, что немецкая военная машина начала серьёзно пробуксовывать. К храбрости и отваге советских воинов прибавился боевой, пусть и горький опыт. Наконец наступил долгожданный миг первой серьёзной и важной победы. Блицкриг Гитлера

взятия Москвы провалился с треском. Более того, выдержав безудержные фашистские атаки, 5 декабря 1941 года советские войска перешли в наступление, в ходе которого гитлеровцы были остановлены и отброшены от Москвы. Это был переломный момент в Великой Отечественной войне и начало конца фашистского рейха.

ГЛАВА 16

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАЛ

Двадцать четвертого марта 1942 года у Широкова родилась дочь. Надя назвала её Наташей в честь бабушки Григория Натальи, матери его отца Ивана Васильевича. Об этом они договаривались с мужем заранее, если родится девочка.

— А что, Надюша, правда хорошее имя? Наталья Григорьевна. Звучит...

— Звучит, звучит — смеюсь, согласилась Надя.

— К тому же, бабушка была очень красивая и мудрая, как ты, — для убедительности подчеркнул он.

— Ох, и подлиза ты, Гринька, — сказала она ему тогда, а он изобразил серьёзную обиженную мину, потом обнял и долго-долго целовал её.

Больше года прошло с того дня, но Надя и сейчас ощущает тепло его рук и горячие поцелуи нежных губ мужа.

— Где ты, мой соколик, что с тобой? Три месяца никакой весточки. Жив ли? Господи, да что же я тоску нагоняю? — упрекнула она себя. — Жив, конечно, жив мой Гринечка. Где-нибудь письмецо плутает по почтам. Всякое может быть. Война она и есть война.

— Вставай, вставай хватит нежиться. Пора на дойку, — Надя расшевелила спящую дочку, чтобы покормить грудью. Та, не открывая глазёнки, вцепилась в материнскую грудь, причмокивая, начала жадно насысывать. — Вот и умница, — нежно поглаживая дочь, приговаривала Надя. — Ешь, ешь хорошенько, а то опять проголодаешься раньше времени, будешь рёву давать, пока я управлюсь с дойкой.

Собравшись быстренько на ферму, Надя разбудила двенадцатилетнюю Таню, старшую дочь сестры Катерины, которая днями мыкалась с Димкой и Наташкой.

— Танечка, ты иди приляг к Наташке, она с тобой дольше поспит.

— Ладно, ладно, — соглашалась Таня, плохо соображая спросонья, о чём её просит тетка. Встав с топчана, юная няня, будто старушка, волоча ноги, плюхнулась в кровать, прижавшись к малявке-сестрёнке, тут же уснула.

Надя подошла к Димке. Тот, разбросав ручонки, посапывая, крепко спал.

— Совсем большой стал, и правда на отца стал сильно походить.

Она поправила свесившееся одеяльце: Спи, мой зайныка, спи.

Всё что угодно могла увидеть и услышать Надя придя с работы, но только не это. Небольшой листок бумажки, принесённый почтальоном, лежал на столе и, как зловещий набат, извещал о случившейся беде. Поблуднев, трясущимися руками, она, будто снимая взрыватель со смертоносной мины, раскрыла серенькую бумажку. «Ваш муж...

– Нет! – словно взрыв, со стоном вырвалось у неё из груди.

Она закрыла глаза, боясь прочесть до конца горький приговор судьбы. Таня с Наташкой на руках, не осознавая случившегося, стояла, глядя на тётку с окаменевшим в испуге лицом.

Димка, теребя мать за подол, просил взять его на руки.

– Нет, – прошептала она в очередной раз, – нет.

Одному Богу было известно откуда она взяла силы, чтобы открыть глаза. Навалившееся горе и слезы, катившиеся по щекам, не давали разглядеть прыгающие буквы.

... Ваш муж, Широков Григорий Иванович...

Спазм сдавил её грудь. Широко открыв рот, она несколько раз, будто давясь, глотнула воздух. Наконец, овладев собой, шёпотом стала читать дальше.

... Григорий Иванович, пропал без вести, участвуя в боях...

– Пропал без вести, пропал без вести, – выговаривали непроизвольно её посиравшие губы. – Значит, живой, конечно, живой.

Эта крохотная надежда мгновенно вселилась в её разум.

– Он живой, живой, – повторяла она, передвигаясь по комнате с бумажкой в руках, не обращая внимания на детей и Таню.

Димка, вцепившись в подол юбки, волочась за матерью, продолжал назойливо хмыкать, требуя материнского внимания. Немного придя в себя, она схватила сына, прижала к груди.

– Наш папочка живой, живой!

– Зивой, зивой, – как попугайчик, повторял сын.

Открылась дверь, вбежала сестра Катя. Обезумевшие от страха глаза, смертельно бледное лицо как восковое изваяние.

– Наденька, – простионала она.

Сестры, убитые горем, рыдая, бросились в объятия, давая волю слезам. Весть, пришедшая с фронта, мгновенно разнеслась по дворам села. Многие селяне, жалея Надю и детей, в душе просили и молили Бога, чтобы беда войны пронеслась мимо их дома. Хотя проси – не проси, война она и есть война. Не шадит ни старого, ни малого. Ей всё равно, кого убивать, лишь бы убивать. Это её главное предназначение. Противоборствующие стороны другого и не мыслят, потому как ставят одинаковые задачи: как можно больше убить. При этом никому в голову не приходит, что жизнь даётся один раз. За каждым убитым стоит мать, жена и ни в чем не повинные дети. Война и смерть – ягодки одного поля, неразделимы. На что Круглово маленькое село, а уже четыре похоронки получили. Вот и Григорий без вести пропал, а его другу Фёдору ноги оторвало. Беда за бедой как волна за волной бегут. Одним словом, война. Пришли соседи, Катерина – жена Фёдора Чиркова. Все, как могли, сочувствовали и утешали Надю.

– Ты, Надюша, успокойся и ребят не тормози. Энтим дело не поправишь, а вот себя и ребят замаешь. Чует мое сердце: Иваныч жив! – клятвенно заверила Надю баба Груня, дальняя родственница Широковых по материнской линии. – Ты только крепись и верь. Господь поможет.

Слова бабы Груни не то чтобы успокоили Надю, но вселили крохотную надежду.
– Спасибо, бабушка, спасибо, родная.
– Ты Бога проси, Надежда, Бога. Спасибо ему говори. Он услышит тебя. Господь, он добрый и милосерден к таким людям, как Гриша.

Июльское солнце с раннего утра нещадно палило и без того высохшую донельзя землю. Старожилы деревни в один голос говорили, что не припомнят в веке такой засухи.

Надя с доярками возвращалась домой после утренней дойки. По поверхности земли вдоль дороги, идущей в деревню, от сухости и солнечного напряжения повсюду будто шрамы зияли длинные трещины, образуя тёмно-серые замысловатые узоры. И лишь там, где плотным кольцом рос подорожник, земля была защищена от разрывов и ран. Сама дорога, по которой шлёпали бабы, напоминала длинную полосу, сплошь усыпанную пеплом. Из-под ног идущих вылетала сухая порошкообразная земляная масса, образуя чёрный шлейф пыли. Усталые доярки шли молча, думая каждая о своём. Чтобы не запылить длинные юбки, они задрали их, заткнув конец подола за пояс.

– Не миновать нам нынче голодовки, бабы, – нарушила молчание Варвара, шедшая рядом с Надей. – Вчерась картошку ходила смотреть на пашню, так цвет у бедной не держится, весь опал. Верная примета, картошки не жди. А без нее, родимой, всё, хана.

– Ты, Варька, раньше смерти не помирай. Даст Бог, дождишко пройдет – она и оклемается. Картошка, она живучая. А вот на пшеничку надежды никакой, в колоске три-четыре зёрнышка выживут, и то хорошо, – сделала вывод рыжая Анна, подружка Варвары.

– Скотину вот чем кормить будем? – плаксиво заметила пожилая Пелагея.

– Ты, бабка Пелагея, зря переживашь. Дед твой её под нож пустит, тут тебе все проблемы и разрешатся.

– Типун тебе на язык! Дура ты ещё молодая, Валька. Мелешь походя что попало.

– Вот тебе на! Мелю что попало. Сама же сказала: кормить нечем будет, я тебе выход и предложила, – не унималась разбитная Валька. – А по мне и впрямь половину бы скота извели, хуже бы не стало. Сколько себя помню, с пелёнок только о скоте и печёмся. О себе хоть раз бы подумали. Дома вечно в навозе, на работе в навозе. Мозги насквозь пропитались навозом.

– Ну, это ты, Валька, брось! – встряла рыжая Анька. – Потерпим, переживём, война кончится, мужики придут, новую жизнь начнём.

– Твои бы слова, Анька, да Богу в уши. Гляди и вправду заживём, – не то с иронией, не то всерьёз согласилась Валька.

– Оно и правда, бабы, скорее бы война кончилась, да мужики наши вернулись. Это главное. А жизнь, она по-всякому лучше будет, можно не сомневаться.

– Ты у нас, Анна, как проповедница, всё знаш наперед, – ёрничала Валька.

– Наперёд – не наперёд, а жить будем лучше, точно знаю. Сама увидишь, Фома неверующая.

И, шлёпнув Вальку по пышным ягодицам, добавила:

– Только бы мужики скорее вернулись... Заживём!

Слова Анны и впрямь вселили веру в возвращение мужиков.

Проходя мимо покосившегося домика, стоявшего на окраине деревни, женщины услышали оживлённый разговор и громкий смех, доносившийся из зияющих щелей ограды.

– Опять у Ховри толстомясой ибалак собрался, – язвительно заметила Валька.

– И каждый божий день... Об чём только говорят?

– А не об чём. Сидят, бражку пьют, шары пучат друг на дружку, да зубы скалют, – зло обругала тётка Пелагея.

– Вот кому на Руси жить хорошо: война – не война, им всё нипочём, лишь бы бражка была, – заключила Валька.

Подойдя к дому, Надя бегом поднялась по крыльцу, в надежде, что от Гриши наконец-то пришла долгожданная весточка. Но всё было как всегда: Таня возилась с детьми. Увидев мать, Димка с визгом бросился ей навстречу, а малявка Наташка, сидя на кровати обложенная подушками, обрадовавшись, замахала ручонками.

– Почтальон приходил? – не обращая внимания на детей, спросила тётка Таню.

– Нет. Не было.

– Хорошо, Танюша. Иди домой, отдыхай. Я сама управлюсь с детьми.

После вечерней дойки, вернувшись домой и уложив детей, Надя долго не могла уснуть. Сегодняшний разговор с бабами, будто капля кислоты, упал на кровоточащую рану.

– Время летит, а новостей никаких. Сколько написано писем в воинскую часть где служил Гриша, а ответа всё нет и нет. Единственное утешение – это редкие весточки от Гришиной сестры Ольги и матери Григория, которые надеются и верят в благополучный исход...

Она ещё долго лежала с закрытыми глазами, вспоминая образ мужа, прогоняя дурные мысли, которые навязчиво опутывали сознание. Надя открыла глаза.

– Нет, он жив. Он жив. Права бабушка Груня, нечего терзать себя. О детях надо думать. Завтра обязательно выберу время сбежать посмотреть покос. По кустарникам всё равно трава мало-мальски есть. Начну понемногу косить, а то Белянка без корма останется в зиму. Утром не забыть литовку занести Фёдору, пусть отобьёт.

После утренней дойки, покормив детей, Надя отправилась к Фёдору. Безногий Чирков сидел на своем самокате, покуривая «козью ножку».

– Ну что, Надежда, принимай работу. Отбил, сама косить будет. Знай только держи её. Только вот косить-то в этом году нечего, всё засушило. Травинка одна от другой как бобыли стоят. На-ка, возьми мой оселок, а то трава как проволока, полотно мигом притупится.

– Фёдор, – Надя, нахмутив брови, сделала сердитую гримасу, – это как же тебя понимать? Минуту назад ты меня заверял, что литовка сама косить будет, только держи её. А теперь выходит: она вмиг притупится...

– Так я это, Надя, на всякий случай оселок даю, мало ли что может быть. Покос, он есть покос, всякое может быть, – продолжал дурачиться Фёдор.

– Вот и верь вам мужикам. Только и норовите как бедную бабёнку обмануть.

Фёдор, оголив желтые зубы, пропитанные никотином, долго смеялся, подтрунивая над Надей.

– Ну ладно, Федь, спасибо, побегу.

– Ты вот что, Надя, перебору не делай. Жарища вон какая стоит, это тебе не раннее утро.

– Понимаю, Федя, а что делать? Утром, хоть плачь, на дойку надо идти. Другого время нет.

– Ты почаще отдыхай в тенёчке. А то я по полям с раннего утра крутился на своём тарантасе, так боялся, солнечный удар бы не хватил. Да, чуть не забыл. Я тебе квас холодненький приготовил. Катерина с погреба достала, возьми. Аккурат пригодится.

– Спасибо! И Кате спасибо передай.

– Передам, передам. Эх, Надежда, хоть одна бы нога была, подсобил бы тебе...

– Спасибо, дружок, на добром слове, я побегу.

– Давай, давай. Заходи. Димку в следующий раз приведи, я ему тут гостинец приготовил.

– Обязательно.

В Круглово было издавна заведено, что за каждым двором закреплён определённый негласный надел сенокоса. Поэтому сенокосная пора проходила без каких либо-скандалов и претензий сельчан друг к другу, как это бывало сплошь и рядом в других деревнях.

Обошла два небольших лужка, где в погожий год трава вперемешку с сиреневым клевером стояла стеной. Повсюду пестрели рыжего цвета плешины, на которых кое-где выделялись зелёные кочки.

– Не буду здесь трогать, – решила Надя. – Даст Бог, дождь пройдёт, лужки того гляди и нальются. Пойду, окошу вдоль межень поля. Там хоть пырей и редковат, всё же косить можно.

Пырей действительно напоминал жёсткую проволоку распущенного железного троса. Однако литовка, отбитая и наточенная Фёдором, как лезвие бритвы легко срезала упругие стебли, выстилая их ровным рядком. Надя с раннего детства была обучена ремеслу косьбы и делала это искусно, легко и с огромным рвением. В этом деле она могла потягаться с любым самым заправским косарём, в родной семье даже Николай Андреевич за Надей угнаться не мог. Восхищаясь умением дочери легко и непринуждённо владеть литовкой, говорил: «Як, у тоби доня швидко, выходя?» – «А вот як!» – смеялась Надя, продолжая играючи махать литовкой. И если бы собрать воедино всё сено, которое она накосила, наверняка его хватило бы прокормить всю зиму доброе стадо коров.

Пройдя, больше десятка прокосов, Надя решила передохнуть.

— Фу, вот пекло, так пекло. Ни ветриночки! Хоть бы травинка колыхнулась. Надо посвистеть, может ветерок и прибежит...

Так её в детстве учил отец. Засунув в рот пальцы и набрав полные лёгкие воздуха, она пронзительно несколько раз свистнула. Запрокинув голову, закрыла глаза в надежде: вот-вот налетит ветерок. Тщетно. Кроме обжигающих лучей, которые насквозь пронизывали покрывшееся каплями пота лицо, ничего не почувствовала. Она ещё и ещё раз как соловей-разбойник пыталась вызвать ветерок. Но он, вероятно, где-то далеко находился и её не слышал. А может, давно потратив последние силы, растворился в потоках горячего воздуха. От этих мыслей ей стало немного смешно и грустно.

— Пойду в тенёк, кваску попью, отдохну. Фёдор прав, надо почаще передышку делать. А то, не ровен час, с такими заходами и солнечный удар получить можно.

Проходя вдоль валков, она потрогала скошенную траву.

— Пожалуй через двое суток можно и грести. Пырей сам по себе всегда суховат, а по такой погоде его хоть сейчас гребни да копни. В среду пораньше управлюсь, сделаю гребь. Наверняка трава подбывает. В самый раз будет.

Через два дня Надя, договорившись с доярками, чтобы вечернюю дойку провели без неё, не мешкая, убежала на покос. Трава в валках и впрямь шуршала: верный признак, что высохла.

— Вот и хорошо, — радовалась Надя. — Скопню, а завтра, бог даст, в кустарнике покошу. Курочка по зёрнышку клюёт и сыта бывает. Вот и я Белянке помаленьку наскребу. А по осени тятя соломки ржаной привезёт, мешать с сенцом будем. Так, гляди, зиму и обманем. С молочком проживём, — успокаивала она себя, завершая укладку копёшки, — управимся, не впервой.

Возвращаясь, домой, Надя решила на минутку забежать к бабушке Груне. После разговоров с ней Надя всегда чувствовала в себе уверенность и душевный покой. Приближаясь к дому старушки, она увидела, что у соседки Варвары Старухиной толпятся бабы с ребятишками.

— Господи, что-то случилось? — встревожилась Надя. — Неужели с Прохором что произошло?

Она чуть ли не бегом рванулась к дому. Среди баб стояла и бабушка Груня. Увидев Надю, она, не проронив ни слова, только развела руки.

— Что стряслось? — спросила Надя, обращаясь к стоящим женщинам.

— Стряслось Надя, стряслось: Прохора убили! Похоронка с фронта пришла. Вот горе-то какое, Надежда. Одна беда в деревне за другой, так и норовит большее больного сделать. Война проклятая, война.

Весть о гибели Прохора Старухина деревня восприняла как личное горе каждого, а у осиротевших вдов с новой силой закровоточила душевная рана. Жёны-солдатки и матери ушедших на фронт сыновей, засыпая вечером и вставая утром, просили Бога уберечь близких им людей. Тревога о родных людях, воевавших на фронте, преследовала их ежеминутно. И только в повседневной непосильной работе эта тревога и страх временно забывались, чтобы потом с новой силой растревать душу и сердце.

ГЛАВА 17

ВОСКРЕСЕНЬЕ ИЗ МЁРТВЫХ

Шириков пытался открыть глаза, но веки не слушались. Сквозь невыносимый шум в ушах ему показалось, что рядом кто-то разговаривает. Но тут же наступила полнейшая тишина, и он поплыл куда-то в бездну.

Очередной раз, придя в сознание, ему опять слышались голоса, но давящий на перепонки глухой шум мешал сосредоточиться. Он напрягся, чтобы открыть глаза, но веки во что-то упираясь, не хотели открываться.

— А я живой? — мысленно спросил он себя.

Пошевелил пальцами рук. Пальцы левой руки цеплялись ногтями за что-то мягкое, шершавое, правой — тоже шевелились, только в какой-то пустоте. А ноги... Григорий попытался пошевелить пальцами и согнуть ногу. Мгновенная боль с быстротой молнии парализовала его сознание. Очнувшись, еле шевеля запёкшимися губами, несколько раз прошептал: «Пить, пить». Старик подошёл к Широкову и, повернувшись к внуку, боясь сглазить, радостно обронил:

— Господь смилостивился, будет жить. Крепкий мужик оказался, столько кро-
вушки потерял, какой день без сознания... Поправится, живуч.

Мокнув небольшую тряпицу в широкую миску с водой, дед Гаврил — так его звал внук Сенька — протёр ею лицо Григория. Точнее часть лица, потому как до переносицы оно было заматано тряпкой и марлей.

— Давай-ка отвар, Сенька, какого лешего стоишь? — ругнул он внука.

Приподняв вместе с подушкой голову Широкова, старик осторожно прижал кружку с травяным отваром к его губам.

— Пей, соколик, пей.

Сделав несколько глотков, Широков поперхнулся. Дернувшись раз, другой всем телом, тут же потерял сознание.

— Будь ты неладен, неуклюжий мерин, — обругал старик себя.

Вечером, когда дед с внуком собирались лечь спать, Гаврил Матвеевич пошёл в каморку, где лежал Широков посмотреть, как себя чувствует боец — так Григория окрестил старик, не найдя при нём никаких документов.

Каморка была частью небольшой поварни, только вход в неё был сделан скрытый, со стороны стайки. Старик отгородил эту комнатку в своё время, чтобы хранить в ней хозяйственную утварь, а также сапожничать и шорничать. В каморке был сделан топчан, на котором старик отдыхал, у стенки приспособлен откидной столик на шарнирах. Чтобы в коморке было тепло, в неё из поварни выходила небольшая часть печки, в стенку которой дед вмонтировал кусок железной плиты, от неё-то и шло тепло в помещение.

— Само надёжно место для бойца! — решил старик, когда они с внуком Сенькой притащили израненного Широкова. Даже если и немцы заглянут, с маху не найдут, потому как из поварни каморку никак не распознать, а снаружи, из хлева, всегда чем-то можно прикрыть.

Старик зажёт лампу.

– Кто здесь? Где я? – невнятно просипел Григорий.

– Свои, соколик, свои, – засуетился обрадованный дед. – Погодь, родимый, погодь, я сейчас.

Дрожащими руками старик установил поудобнее лампу.

– Кто вы? – со стоном выдавил Григорий.

– Свои мы, свои, успокойся.

– Пить, пить.

Старик примостился к Широкову с кружкой, тот сделал несколько глотков приготовленного отвара.

– Почему я ничего не вижу?

– Так ранен ты, ранен. Глаза-то целы, голову зацепило. А глаза я замотал, целы они, целы, – успокоил он Широкова.

– Где я?

– В хуторе ты, в хуторе. Мы тебя с внуком подобрали аккурат три дня назад. Ранено тебя шибко, пули-то два раза ногу прошили. А голову и тело, похоже, осколками поранило.

Широков, тяжело дыша, спросил:

– Кто-нибудь живой остался?

Наступила пауза. Старик не знал, что ответить, боялся, как бы не навредить пришедшему в себя бойцу.

– Живые остались? – повторил слабеющим голосом Широков.

– Нет, соколик, нет... а может и есть... Мы только троих с Сенькой схоронили. Немцы-то за остальными красноармейцами дальше погнались. Такакая пальба была, не доведи Господь! Они тучей навалились, а наших, похоже, совсем мало было. Мы боялись, думали, немчура возвратнется, да бог миловал. Вот, тебя выхаживаем с внуком. Ты погодь, я счас.

Дед как подросток засуетился, шмыгнул за дверь. Вернулся с Сенькой.

– Вот так давай-ка, – распоряжался дед сам с собой и внуком, ставя на стол крынку и небольшой глиняный горшок. – Мы, значить, тебе ранки-то пообмыли. Кровушка, слава Богу, перестала течь, наверное, вся уже и вытекла, сколько пролежал. Тьфу ты, дурень старый, мелю что попало, ему без того тошной тошного, – выругался он про себя. – А таперяча давай, соколик, лечиться помаленьку будем. Чё стоишь? Наливай бульон, – приказал он Сеньке, а сам, приподняв Широкова вместе с подушкой, подсунул под подушку старенькую телогрейку.

– Вот так хорошо, удобно будет.

Широков застонал.

– Ничяво, потерпи. А счас давай маленько бульончика попей, очень пользительный. Мы тут с Сенькой петушка того, вот и бульончик сварили. Давай, соколик, пей. Тело-то всё измучено, ему силу надо набирать. Вот и хорошо, отдохни маленько и ещё попей.

После нескольких глотков бульона Широков почувствовал страшнейший голод в желудке. За последние четверо суток Григорий первую ночь провел не в бреду.

Несмотря на боли во всем теле, его мозг начал постепенно восстанавливать события четырехдневной давности.

После успешного наступления наших войск под Москвой батальон, в котором служил Широков, был переброшен в распоряжение Калининского фронта. И буквально чуть ли не в день прибытия туда Широков получил приказ от командира дивизии в короткий срок с группой сапёров и разведчиков восстановить частично разрушенный мост на реке Пола, а затем на территории, захваченной немцами, взорвать в двух местах железнодорожное полотно, проходившее недалеко от переднего края нашей обороны, по которому двигались немецкие составы с боеприпасами.

Восстановив мост за двое суток, под покровом темноты группа двинулась на выполнение второго задания. Впереди шёл взвод разведчиков, за ними, разбившись на две группы, с небольшим интервалом двигались Широков с сапёрами. Миновал небольшой перелесок, вышли на поле, залегли. Долго всматривались и прислушивались, поскольку заранее, когда готовились и рассматривали карту местности, было оговорено у кромки поля сделать привал, передохнуть, внимательно присмотреться. Не исключено, что немцы могли заминировать всё поле или отдельные его участки. Вызывало беспокойство и то, что у железнодорожной насыпи могли быть тщательно замаскированы засады, ведь для немцев этот участок железной дороги являлся стратегически важным — только по нему доставлялась техника и боеприпасы. Прислушавшись и присмотревшись, ни разведчики, ни саперы ничего подозрительного не обнаружили. Ночную тишину нарушил раздавшийся писк совы. Это был условный сигнал «Вперед!».

Подобравшись к насыпи, опять долго прислушивались и присматривались... Тихо. Две маленькие группы сапёров веером поползли к железнодорожному полотну, остальные заняли позицию обороны и прикрытия. Не успели сапёры приступить к подготовке и закладке взрывчатки, как в воздух взметнулось несколько ослепительных ракет, а с противоположной стороны насыпи загрохотал шквальный пулемётный и автоматный огонь. Все, кто находился на железнодорожном пути, мгновенно были изрешечены пулями. Тут же раздались два мощных взрыва. Это наши разведчики, которые находились с группой, рванули гранатами железнодорожное полотно. Так было заранее обусловлено в случае немецкой засады или других крайних обстоятельств.

Бойцы, пользуясь прикрытием насыпи, ринулись назад, но тут же по ним был открыт огонь. Оказалось, что немецкая засада специально пропустила нашу группу, чтобы потом с двух сторон накрыть их огнём.

Западня! Бойцы буквально прилипли к земле. Широков отчётливо понимал, что двигаться в этой ситуации можно только вдоль полотна. Но в какую сторону? Размышлять некогда. Надо действовать, пока темно. Немцы в любую минуту замкнут кольцо.

Широков сделал короткую отмашку, увлекая ползком группу за собой. Без единого выстрела ползком и перебежками двинулись вдоль полотна в восточном направлении. Пробежав километра полтора, остановились. Прислушались... Тихо.

– Быстро на связь, – приказал Широков Кочневу.

– Речка, речка... – повторил несколько раз радист, – Я луна, я луна.... После непродолжительного хрипа в эфире, отчётливо послышалось.

– Луна, луна, я речка, я речка... – слышу вас хорошо.

– Речка, мы наткнулись на плотную засаду. Двигаемся в восточном направлении железнодорожного полотна. Полотно потревожили гранатами частично в намеченном квадрате. Продолжаем выполнять задание. Возможно, понадобится помощь.

– Луна, вас понял, вас понял. Держитесь, держитесь. Мы на связи. Удачи.

Широков взглянул на часы: десять минут третьего.

– Будем двигаться дальше вдоль полотна, надо оторваться от немцев. Они будут преследовать долго.

Впереди замаячили тёмные предметы.

– Кустарник? Хорошо! – порадовался Широков.

Но тут слева и сзади полоснули автоматные очереди.

– Преследуют, сволочи, – выругался Широков. – Не исключено, что в кустарнике ещё засада. Он принял решение резко свернуть вправо, перебраться на противоположную сторону насыпи и уйти строго в северном направлении.

Благополучно преодолели железнодорожное полотно. Пробежав по овражку, выскочили на небольшой пригорок. Пригибаясь, перебежками приблизились к перелеску.. Неожиданный стрекот автоматных очередей и свинцовый град пуль прижал бойцов к земле. Острая боль пронзила ногу, тёплая, липкая влага струйкой расплзлась по бедру.

– Ранен.

Широков раз, другой согнул ногу: работает. Боль волной прокатилась по всему телу. Бросило в жар.

– Назад! К оврагу! – что есть мочи закричал Широков.

Немцы выпустили ещё несколько плотных автоматных очередей. Но, похоже, приближаться пока не рискнули.

– Глеб, где Павленко? – обратился он к сержанту.

– Здесь я.

– Так. Передать приказ: все отходят. Павленко и я прикрываем отход...

– Товарищ старший лейтенант... – что-то хотел сказать сержант.

– Выполнять приказ, – взревел Широков, морщась от боли.

Немцы вновь открыли массированный огонь. Наши, залегшие по краю овражка, ответили несколькими автоматными очередями.

– Павленко, перетяни ногу вот здесь.

– Товарищ старший лейтенант может перевязать.

– Перетяни, говорю, твою мать!

А потом Григорий помнил, что взлетела ракета. В ночном матовом отражении мелькали людские силуэты, раздавался непрерывный стрёкот автоматных очередей. Два огромных верзилы, будто танки, пёрли на него. Огненный взрыв и всё... Скорее всего, перед ним взорвалась брошенная верзилой граната.

Ещё Широков вспомнил, что и сам бросил в ползущих две свои гранаты.

Он ещё долго пытался восстановить события той ночи, но все усилия оказались напрасны. Старик говорит, что троих похоронил. Получается, что основная группа всё же ушла.

Григорий на мгновение представил широкоплечего атлетически сложенного Павленко родом из-под Харькова, балагура-новосибирца сержанта Мошкина, интеллигента с Алтая Кочнева.

— Выходит, что их старик и похоронил, а я живой! — Комок подкатил к горлу. — Не уберёт ребят. Не уберёт. Проклятая война.

Больше двух месяцев провалялся Широков в дедовской каморке, и только в июне, когда войска 11-ой Армии освободили территорию, ему удалось вернуться с оккупированных немцами мест. Хотя справедливости ради следует заметить, что затерявшийся небольшой хуторок, в котором проживал дед Гаврил, немцы посетили один-единственный раз ещё до того момента, как там оказался Широков. Скорее всего, так получилось, что хуторок стоял как-то на отшибе дорог, скрытый небольшими перелесками. Да, собственно, и хозяйничать там немцам по времени долго не пришлось.

Расставаясь со своими спасителями, Григорий поклялся, что обязательно придет после войны к ним в гости с сыном. А Гаврилу Петровича — старика, ставшего ему вторым отцом, и Сеньку, как своего младшего брата, обязательно привезёт в Сибирь показать настоящую тайгу, о которой рассказывал им в минуты откровений.

ГЛАВА 18

ПОДАРОК СУДЬБЫ

Не смотря на отцовскую заботу Гаврила Петровича, его чудо травяные лечебные отвары и настойки организм Широкова нуждался в серьёзном стационарном лечении. Не зарубцевались, кровоточили обе раны на ноге. Сидящий в позвоночнике осколок не давал ни согнуться, ни разогнуться. Другие осколки, сидящие в теле, также не давали покоя. И хотя розовый шрам на голове зарубцевался, боли, бесконечный звон и шум в ушах не прекращались. Правым ухом вообще не слышал. И хотя он в какой-то мере уже свыкся, стерпелся с постоянно ноющими болевыми ощущениями, тем не менее, малейшее неосторожное движение приносило острые боли и страдания. Худой, бледный, измождённый физически и душевно, Широков ещё больше трёх недель мыкался по госпиталям, пока, наконец, его привезли в госпиталь города Казани. После глубокого осмотра врач, узнав все подробности Широковских бед, был удивлён крепостью его организма и силой духа.

— Да вы настоящий герой, Григорий Иванович, — искренне похвалил он Широкова. — Сейчас усиленное питание и зализывание ран.

— А как же это? — Григорий указал на поясицу.

— Поправим и это, но попозже. Терпение уважаемый, терпение. Как говорится, всему свой черёд.

Опытного хирурга серьёзно настораживал осколок, сидящий в позвоночнике.

— Непростая предстоит работёнка, непростая. Может, осколок впился так, что его и извлекать нельзя. Вот какая оказия! Малейшая неточность может привести к параличу конечностей... Всё будет хорошо, Григорий Иванович, страшное позади, — как можно убедительней произнес врач, заканчивая осмотр. — Надо скорее окрепнуть. Питание, процедуры, покой — это наша с вами первейшая задача.

Ковыляя по коридору в палату после принятых процедур, Широков обратил внимание на ярко пестреющий листок бумаги, висевший на доске объявлений. Подойдя поближе, опёрся на подожок, который ему смастерил старик ещё на хуторе. С трудом, немного разогнувшись, начал читать.

— Сегодня в восемь вечера силами медицинского персонала госпиталя будет дан концерт. Хорошо бы сходить, — обрадовался он, как ребенок. — Только как? Доковылять-то до актового зала доковыляю с передышками... Сидеть не могу, стоять, согнувшись в три погибели, и то, дай Бог, минут десять выдержу, не больше...

— Тебе, паря, пожалуй и жить незачем! — наверняка бы пошутил батя, увидев меня таким. Это точно, батя бы слово в слово так и сказал. Он в этих делах был большой выдумщик и просмешник.

От этих мыслишек всплыл образ отца. Широков-старший любил и умел подшучивать над людьми, которым порой нужна была поддержка. Но больше всего доставалось людям необязательным, любящих искать для себя всякие оправдания и отговорки. В таких случаях он повторял свою излюбленную фразу. «Вот если бы у бабки меж ног был колокольчик, её бы звали дедкой». Услышал где-то эти слова отец или сам выдумал, Григорий не знал, но сколько себя помнит, батя часто ими пользовался. Прервал его сладостные воспоминания подошедший на костылях сосед по палате.

— Ну что, Гриша, пойдем? — показал он кивком головы на объявление, — Послушаем, а то совсем заквасились в своих бинтах и примочках.

— Хорошо бы, Боря, да вот как с моими болячками? Ни так, ни эдак.

— Пойдём, пойдём, как-нибудь приспособимся.

— Тебе, Боря, проще, хоть сидеть можешь. А мне... да что тут говорить. — Широков безнадежно махнул рукой.

— Гриш, приспособимся. Пойдём, пойдём, — настаивал сосед.

— Пожалуй ты прав, сколько смогу, столько смогу. Уж больно хочется.

С небольшими передышками Широков приковылял как раз к началу концерта. Разноцветная фронтальная публика, искорёженная войной, в белоснежных и окровавленных повязках, гипсовых накладках, на костылях, с кульпянками рук и ног до предела заполнила актовый залишко. Григорий примостился у стены, недалеко от крохотной сценки. Опершись одной рукой о подоконник, другой на подожок, он нашёл для себя более удобную позу и с нетерпением ждал начала концерта.

Раздвинулись две половинки бордового цвета занавески. На небольшой сцене стоял пожилой мужчина. Поприветствовав бойцов, он объявил:

– Танец «Яблочко» в исполнении детской танцевальной группы.

Баянист, сидящий за кулисами, растянул меха. В такт музыке на сцену вихрем выскочили три подростка в тельняшках и бескозырках. Гром аплодисментов и восторга заглушили звуки баяна, а пацаны, воодушевлённые таким приёмом, выделывали на сцене невообразимые кренделя. Благодарные зрители, забыв про болячки и невзгоды, в такт музыке что есть мочи хлопали в ладоши, стучали костылями и подождками. Потом мальчишки ещё несколько раз выходили танцевать на бис.

– Следующий номер нашей программы «Сибирские частушки!» – объявил ведущий. – Исполняет старшая медсестра Ольга Широкова.

Григорий дёрнулся всем телом, забыв про боль, даже как-то выпрямился.

На сцену вместе с баянистом вышла стройная, красивая брюнетка в белой роскошной кофточке и чёрной юбке. Очарованные красотой и элегантностью исполнительницы, красноармейцы, будто замороженные, на мгновение затихли. Вдруг в этой тишине раздался громовой вопль.

– Ольга! – Широков, не помня себя, забыв о болячках, ринулся к сцене. Зал онемел. – Оля, Олечка!

Ольга, услышав свое имя, сразу не поняла, что происходит. Растерянно смотрела на пробравшегося к сцене мужчину.

– Гринечка, Гриня! Братишка, – вытянув руки, она бросилась навстречу брату.

Откинув бодажек, Широков попал в объятия сестры. Острая боль в позвоночнике выстрелом отдалась в голову. Широков на какое-то мгновение, потеряв сознание, повис на руках у сестры.

– Гринечка, Гринечка, братушечка... – причитала, рыдая и захлёбываясь слезами, Ольга.

Хранивший гробовую тишину зал взревел. Все, кто только мог, встали, горячо приветствуя брата с сестрой. От бури аплодисментов и возгласов Широков пришел в себя.

– Олечка, Олечка, – шептал он, целуя сестру.

Растроганный Григорий не мог сдержать слёз, они непроизвольно бежали по его щекам вперемишку с Ольгиными. Зал продолжал неистово их приветствовать. Подошли врач, санитары, зная состояние здоровья Широкова, хотели ему помочь уйти, но Григорий наотрез отказался.

– Спасибо, я ничего, я нормально. Оленька, ты иди, иди спой, спой, пожалуйста.

– Хорошо, Гришенька, хорошо. Я сейчас... и вернусь, ты потерпи.

Вытерев слезы, вся дрожа, Ольга поднялась на сцену, однако, почувствовав, что петь не сможет, скрылась за занавесом. На сцену вышел ведущий, но его слова тут же утонули в громогласном рёве.

– Оля, Оля, Оля... И только раздавшаяся из-под клавишей баяна залихватская мелодия, смогла успокоить взбудораженный зал. В такт звукам баяна зазвенел звонкий Олин голос:

«У моёго, у милого, аккуратненький носок,

Деять курочек садится и десятый петушок...»

Вечером, сидя у изголовья брата, поглаживая его руки, голову, Ольга взахлёб рассказывала ему о матери, письмах Нади.

– Что Надя о детях пишет? – прервал он сестру.

– Гринь, я тебе уже говорила, что у тебя дочка родилась, Наташа.

– Да, да, прости, говорила. Мы девочку так именно и хотели назвать, в честь нашей бабушки Натальи. Это сколько ей сейчас?

– Давай посчитаем: родилась в марте, сейчас июль... Пять месяцев!

– На кого походит?

– Надя пишет, что вылитая бабушка Прасковья.

– Это ж надо... – воскликнул Григорий, – мы думали: коль назовём Наташей, на прабабушку и будет походить. Природа, выходит, распорядилась по-своему. Впрочем, это не так уж и важно, главное – дочь родилась! Ну, а как Димка?

– Надя пишет, что только о тебе и говорит. Сильно подрос. Вылитый, как две капли воды, ты. Говорить стал хорошо, выговаривает все буквы. Постоянно талдычет матери: вырасту, сразу к папке на войну уеду!

Григорий расплылся в широкой улыбке.

– Я тебе завтра фотографию принесу. Надя в последнем письме отправила.

– Кто на ней?

– Завтра и увидишь, потерпи.

Затем Ольга начала рассказывать о матери, но Григорий её почти не слушал. Он весь мысленно был в Круглово, с Надей, детьми. Заметив это, Ольга умолкла.

– Гринь, ты устал, отдыхай, ещё наговоримся. У нас теперь времени много.

– Подожди, Оля, подожди, не уходи... А в Казани как ты оказалась?

– Очень просто. Кое-как добилась на фронт, никак не отпускали из больницы, но всё же уговорила главврача. Получила направление и поехала на фронт. По дороге попали под бомбёжку. Получила лёгкое ранение в ногу и контузию. Вместо фронта привезли сюда, в госпиталь. После лечения главврач госпиталя добился, чтобы меня здесь оставили. Я ведь, когда лечилась, помогала медсёстрам перевязки делать, уколы ставить, ну, одним словом, что могла по врачебной линии, то и делала. После училища, считай, пять лет в больнице проработала, многому научилась. А последнее время всё больше на операциях бывала. Вот главврач и настоял: здесь, Ольга Ивановна, вы нужнее и гораздо больше пользы принесёте.

Окруженный вниманием и заботой сестры, Григорий быстро пошёл на поправку. Во время очередной операции извлекли злополучный осколок, вонзившийся в один из поясничных позвонков. На следующий день, делая обход, врач с улыбкой заметил:

– Если везение пошло, его не остановишь. В рубашке родились, Григорий Иванович. Вот, на память. Держите, – он подал Широкову крохотный кусочек металла.

– Такой маленький, а ведь мог сделать Вас на всю жизнь калекой, вонзись толику глубже. Храните его как военную реликвию. Бойцы-старожилы говорят, защитную силу имеет. Так-то.

– Спасибо доктор.

– Вы меня не благодарите. Все благодарности Нине Михайловне и Вашей сестричке, они колдовали над вами, чтобы вытащить эту занозу. Ну, поправляйтесь, теперь всё будет хорошо. Через недельку – другую в пляс можете идти.

Широков проснулся ни свет – ни заря. Ещё бы! Вчера Ольга договорилась с госпитальным начальством, чтобы его отпустили в город, к ней в гости. Эту новость она шепнула Григорию вечером, после ужина.

– Гринь, меня с обеда отпускают, и мы поедem с тобой в город ко мне в гости.

– Как? – опешил Григорий.

– А вот так! За примерное поведение и былые заслуги, которые ты оказывал мне в детстве.

– Ну, ты даёшь дрозда, сеструха!

– Так что готовься. В четырнадцать ноль-ноль отбываем.

Сообщив эту новость, Ольга сознательно умолчала о другой. Вчера, придя поздно из госпиталя, она обнаружила в почтовом ящичке письмо от Нади. Первое желание было вернуться в госпиталь и передать Григорию долгожданный треугольник. Поколебавшись, решила оставить на завтра: «Пусть испытает радость сполна». Однако устоять перед соблазном, чтобы не прочесть письмо, не смогла.

«Здравствуйте, дорогие мои Гринечка и Олюшка. Во первых строках своего письма не знаю, какие подобрать слова радости и благодарности за твою радостную, долгожданную весточку, что наш Гришенька живой...».

– Выходит, она ещё не получила письмо, которое мы написали с Гришей. Хорошо, что я отправила ей телеграмму.

Широков долго мусолил помазком по колючей щетине щёк, размазывая мыльную пену. Затем, не спеша, натягивая пальцами кожу, тщательно выбривал каждую ямочку на лице. Сестра купила ему все бритвенные принадлежности, и он ежедневно с большим удовольствием совершал этот утренний моцион.

Повертев головой перед зеркалом, он натянул верхнюю губу, чтобы выбрить слегка чернеющие волосики. Затем ещё и ещё, почти упёршись носом в зеркало, внимательно рассматривал свою физиономию. В Широковской родове у всех мужиков на лице росла мощная щетина. После тщательного бритья кожа становилась не только гладкой, но и имела синеватый отлив, что придавала лицу особую привлекательность и мужество. Григорий, вглядываясь в зеркало, слегка погладил щёки, подбородок.

– Вот теперь порядок! Хоть на исповедь, хоть под венец.

Был конец августа, однако природа ничем особо не напоминала приближение осени. А вот облик войны присутствовал во всём. Город, несмотря на солнечный день, находился в некоем напряжении. Пестрели военные плакаты, лозунги, призывающие к защите Отечества, ударному труду.

Радио, по форме похожие на колпаки, закреплённые на столбах, постоянно общались о военных сводках на фронте и трудовых делах в тылу. По улицам то тут, то

там проходили строем военные. Дополняли облик города военного времени хмурые, сосредоточенные лица прохожих, и лишь небольшие группы подростков и молодых людей, словно чирикающие воробьиные стайки, возбуждённо обсуждая свои проблемы, напоминали доброе, мирное время.

Ольга, держа брата под руку, и умиленно заглядывая ему в лицо, без устали щепетала о всяких пустяках.

– Гринь, сейчас зайдем в этот скверик, и я тебя угощу мороженым. Хочешь?

– Уважь, уважь; давно забыл, что это такое. А, если честно, с большим удовольствием поменял бы мороженое на кружечку пива, если есть такая возможность... Не поверишь, ещё там, у старика, после ранения, когда немного оклемался, жутко хотелось выпить пива. Несколько раз по ночам видел огромные пивные бочки. Буфетчица открывает кран, наполняя ребристые пивные кружки, по краям которых медленно ползут белые, пенные шапки. И каждый раз, как только я протягивал руку взять кружку, а один раз уже пытался прикоснуться губами, в буфет врывались немцы или начиналась жуткая бомбёжка.

– Что, так ни разу и не попробовал?

– Нет.

– Бедненький. Сейчас же исправим эту жуткую несправедливость. Пойдём здесь, по левой аллее, там пиво продают.

– Ты знаешь, удивительное состояние... думал, дорвусь – бочку выпью, а тут кружку осилить не могу. Вот чертовщина, и только.

– Может, тебе что-нибудь взять к пиву?

– Нет, Оль, правда, не хочу. Прошёл, видно, давно запал на пиво, организм не хочет.

– Гриша, этот запал, как изволил выразится, у тебя был связан тогда с большой потерей крови и постоянной температурой, а сейчас организм худо-бедно восстановился. Ему и без пива хорошо – смеясь, заключила Ольга. – Ну что, пойдём или ты ещё хочешь здесь посидеть?

– Нет, пойдём, пойдём, – засуетился Григорий.

На следующий день, приняв процедуры, Широков, уединившись, мысленно вернулся к вчерашнему вечернему разговору с Ольгой.

– Гриша, не валяя дурака, какой фронт? У тебя тяжелейшее ранение, нужно не только лечение, но и время, чтобы организму восстановиться. Успеешь ещё навоеваться, ей, проклятой, ни конца, ни края нет, – убеждала его сестра. – Выпишешься, тебе ещё как минимум месяц дадут на выздоровление. Съездишь домой, а это самое лучшее лекарство в твоём состоянии. И это по справедливости.

– Так-то оно так, сестрёнка, но ведь война, там каждый мужик на вес золота. Ты посчитай, который месяц я уже вольню, а мужики каждый день рискуют. Вот и мне пора пришла. Одыбал. Сейчас как никогда фронту нужны опытные солдаты. Фашист уже не тот, ему никак нельзя давать опомниться.

– Гринь, неужели не понимаешь, что ты совсем сырой? Только-только поднялся на ноги, нужно время...

– А его у меня предостаточно – перебил он Ольгу. – Неделю, если не больше, ещё пробуду в госпитале, пока дорога, шель-шевель, вот и буду в полном порядке.

– Нет, брат, я тебя не понимаю! Неужели не хочешь повидать детей, Надю?

– Оль, ну что ты несёшь? Зачем вообще сопоставлять подобные вещи?

Они ещё долго пытались убедить друг друга в своей правоте, но каждый остался при своём мнении. Тем не менее, Ольге удалось посеять зерна сомнения в душе Григория.

– Может сестра всё же права? – рассуждал он поутру. – По большому счету, я действительно ещё сырой. Так, мало-мальски оклемался...

Широков в который раз достал Надино письмо, жадно перечитал каждое слово.

– Милые вы мои, как же я соскучился по вас!

Комок в который раз подкатил к горлу. Но ему тут же вторил внутренний голос: А те, кто на передовой, не соскучились? Их что, жёны не ждут?

– Всё, хватит себя терзать. Решено: война! Здесь нет места для сентиментальностей.

– Вот так-то оно лучше, товарищ Широков. Если сейчас каждый мужик будет себе позволять подобные слабости, какая же к чёрту это будет армия? Решено. На фронт. Отвоюемся, вот тогда и домой. Это будет по справедливости.

Наступил день выписки из госпиталя.

– Ну что, товарищ Широков, состояние вашего здоровья уже опасений не вызывает. Конечно, недельки три Вас следовало бы подержать ещё у нас. Но учитывая большой приток тяжелораненых и отсутствие мест, вынуждены выписать. С учётом, что Вы по месту проживания будете проходить в течение месяца стационарное лечение. А там уже мои коллеги примут окончательное решение о пригодности Вас к военной службе.

– Как? Какой пригодности? – взорвался Широков, резко вскочив со стула. И тут же, скорчившись от боли в голове и позвоночнике, со стоном сел обратно.

– Вот, Григорий Иванович, сами изволили убедиться в состоянии Вашего здоровья. Какой фронт, там же воевать надо? Не писарем же Вы, боевой офицер, собираетесь быть?

– А хоть бы и писарем, – дерзко парировал Широков. – Кому-то и эту работу делать надо. В конце концов, там есть лазарет, где могу подлечиться.

– Вы правы, есть лазарет, но вам не подлечиваться надо, а лечиться. И эти функции, позволю себе заметить, лазарет не в состоянии выполнить.

– Что же мне делать, доктор? – обреченно обронил Широков.

– Мой совет: ехать к ближайшим родственникам, туда, где Вы можете продолжить курс лечения. Извините, Григорий Иванович, спешу. У меня операция. Все документы в регистратуре, к тому же, Оля вам всё обстоятельно расскажет. До свидания. Желаю удачи.

– И Вам то же, доктор.

Неужели Ольга сумела разжалобить врачуху, а та – убедить главврача? Вот бестия, точно она. Что же делать? Что же делать?

Он вышел из здания госпиталя. Ноги, непроизвольно шагая по тропинке, привели к одинокой лавочке, стоящей в кустарнике в конце забора госпиталя.

— Эх ты, Ольга, Ольга. Почему же не хочешь заглянуть мне в душу? Ладно, сядь, посиди, не горячись, подумай. Ну и хрен с ней! В конце концов, этой лечебной карты или справки, как её правильно зовут, нет у меня её. Вот нет и всё! Может, пока ехал, потерял, украли вместе с деньгами на вокзале... Может такое в жизни быть? Может! А военкомат? Что военкомат, его задача — резерв готовить. Вот он настоящий резерв, что ещё надо?

Его бурное воображение прервал Ольгин голос.

— Вот он где, я так и знала. Сидит, всех чертей вдоль и поперёк складывает. Не сомневаюсь, что и я там фигурирую.

— А что не так? — злобно упрекнул он сестру.

— Гринь, посмотри мне в глаза!

— Что я там забыл?

— Нет, ты посмотри, посмотри.

— Хорошо, смотрю.

Григорий, сделав презрительную гримасу, зло посмотрел на сестру.

— Смотри, смотри.

Широков отвернулся.

— Правильно, стыдно стало. Как ты мог подумать? Неужели, Гриня, мы не одним материнским молоком вскормлены и отцовскими заповедями воспитаны? Ходить, просить за брата. Ты отдаёшь отчёт в своих надуманных бреднях?

Широков встал. — Оля, прости! — Он обнял сестру. — Прости, пожалуйста.

Ольга прижалась к нему, всхлипывая, дала волю слезам.

— Неужели не понимаешь, — шептала она сквозь слезы, — что ты ещё серьёзно болен, и это тебя может погубить в первом же бою?

Широков молчал, прижимая крепче сестру.

— Боже мой, — думал он, — какая она стала взрослая, мудрая. Проклятая война! Ей бы замуж давно, детей рожать, а она сутками человеческие страдания и горе перемальвает.

— Успокойся, Оленька, и прости, прости, пожалуйста, очень прошу.

— Хорошо, Гриня, я уже не плачу.

Вечером, сидя в своей маленькой комнатке, Ольга в который раз читала ему заключение врачей и аргументированно убеждала брата послушать её.

— Гриня, давай без эмоций положим всё на чашу весов. Какой смысл в том, что ты вернёшься в резерв? Это ж не передовая, а тыл, правильно? Будешь там болтаться, ни лечения, ни службы толком не получится. Или приведёшь себя в порядок и сразу в свою часть, на фронт. Есть разница? Есть! Вот и кумекай. Право, как малое дитя. Упёрся, дай да подай. Совсем думать не хочешь.

— Ладно, Оля, твоя взяла, — с вздохом выдал Широков. — Может ты и права...

— Нет, он ещё сомневается! Пройдет время, спасибо скажешь. Хотя от тебя дождешься...

– Дождёшься, дождёшься.
– Надеюсь.
– А как же лечение, Оль?
– Не волнуйся. Значит так. Лекарства, которые тебе необходимы, я уже почти все подобрала, утром кое-что докуплю. Как доберёшься, встанешь на учёт в Дзержинскую больницу, там периодически будешь наблюдаться. Уколы будешь ставить в деревне в фельдшерском пункте. Там наверняка Евдокия Андреевна так и продолжает трудиться, она опытный работник, сделает в лучшем виде. Таблетки, порошки будешь принимать так, как я тебе распишу. Обязательно заваривай и пей осиновую кору, шиповник и боярышник, ну, это ты и сам знаешь, чего и сколько. Хорошо бы ещё богородскую травку.. Она наверняка у Нади есть. Если нет, попроси у бабы Дуни, у неё травки всегда припасены.

В Канск поезд прибыл в районе семи часов утра.

Примостившись в кузове полуторки, Широков размышлял, как ему сегодня подфартило. Отметившись в Канском военкомате, он, не мешкая, махнул на элеватор, куда с сёл возили обмолоченное зерно нового урожая в надежде, что в течение дня удастся зацепиться на попутную машинёшку. И, надо же так случиться, первая встреченная машина оказалась из Дзержинска.

– Добросишь, браток, – обратился он к шоферу. – Я заплачу.
– Подвезу, – недовольно буркнул шофёр, – только в кузове. В кабине места не будет, сейчас бабу заберу из больницы. Давай, прыгай, устраивайся. Времени нет лясы точить. Насчёт оплаты... Прибереги на гостинцы, – сердито обронил пожилой шофер.

– Всё, поехали!

– Прямо как по заказу, – радовался Широков. – В Дзержинске сразу покажусь врачу, а там видно будет. Во всяком случае, есть реальная возможность сегодня добраться домой.

От безделья мысленно начал гонять варианты встречи с Надей и детьми, не обращая внимания на тряску и бесконечные подпрыгивания в месте с ящиком, на котором примостился. Сколько раз за это время он думал о встрече с детьми и Надей. Но тогда, по его понятиям, эта встреча могла быть только после Победы, после изгнания фашистов. А вот как всё обернулось нежданно негаданно. Конечно, он безумно рад этой встрече. Но где-то глубоко, подсознательно, его всё же продолжала мучить совесть, что едет не на фронт, а домой, к бабе под бок. От этой мысли на душе становилось совсем погано, и он долго-долго занимался самоедством, упрекая себя за принятое решение.

– Вроде бы оно и правильно... Опять же Ольга, да и врач правы. То, что ещё не здоров, бесспорный факт. Преследуют бесконечная тошнота, головокружения, да и сейчас настоящий симфонический оркестр в голове играет, черепок трещит. В кузов забираться стал, немного засуетился, в позвоночник так отдало, будто шило вонзили. А ногу вообще кое-как через борт перетянул. Сразу в жар бросило, весь мгновенно взмок, будто в парной побывал. Какой из меня теперь вояка? Дохлак и только!

Несмотря на разбитую дорогу, в Дзержинск добрались быстро. Поблагодарив шофёра, Григорий напрямик двинул в больницу.

Небольшое, красивое здание больницы ещё дореволюционной постройки находилось в самом центре посёлка. Будучи уже большим подростком, Гринька приходил сюда навестить деда Василия, который лежал здесь с грыжей.

Главный врач оказалась возрастная дама, с виду немного флегматичная. К Широкову она проявила большой интерес, вероятно, как к нестандартному пациенту. Расспросив всё и вся, тщательнейшим образом изучила заключение и рекомендации госпитальных врачей. Провела осмотр. Заставила выпить какой-то горькой микстуры.

— Ну, что ж уважаемый фронтовик, досталось вам хорошо. Будем лечиться. Несколько дней полежим в стационаре, а дальше будет дальше.

Шировков понял, что из рук тётки-клуши, как он её окрестил, так просто не вырваться и, пустив в ход всё своё обаяние, бодрым голосом пытался убедить, что он находится в состоянии, когда можно лечиться без стационара. Но он ошибся, не это тронуло мудрую, в общем-то душевную женщину. Скорее всего, она, как врач, мать, понимала, сколько боли и страданий пришлось пережить этому ещё совсем молодому человеку, возможно, чудом уцелеть... А тут рядом отчий дом, любимая жена, дети, которых он столько не видел. Это и есть главное лекарство, которое поможет его выздоровлению.

Выслушав бойкую Широковскую тираду, тётка-клуша выдержала длинную паузу и, когда Григорий хотел было идти на второй заход, невозмутимо обронила:

— Хорошо, лечение будете принимать в фельдшерском пункте, но ровно через неделю Вы утром будете у меня.

— Конечно, конечно, доктор. Обязательно.

И ещё, жестко подчеркнуто, как с размаху топором отрубил.

— Спиртным не балуйтесь. Вам противопоказано, а то знаете, на радостях...

Шировков был готов дать любое клятвенное заверение, только бы поскорее его отпустили.

— Благодарю Вас, доктор, смею заверить, со спиртным у меня всё в порядке.

— Надеюсь. До скорой встречи, выздоравливайте. Вы это заслужили.

Выйдя на улицу, Широков обругал себя.

— Никакая она не клуша, очень хороший доктор и замечательная женщина. Нашел тоже клушу... Ты-то кто? Клоун! Нет чтобы по-человечески объясниться, начал комедию корчить, гусь лапчатый. Лопух, вот кто ты!

Настроение у него стало лучше не придумаешь, и он напрямик взял курс на Круглово.

— Может, чего доброго, ещё подфартит, попутчики подвернутся? Ну, а нет — теперь уже до дома рукой подать!

Усталость всё больше и больше давала о себе знать. Сильно ныла поясница, левая нога постоянно немела.

— Пожалуй, передохну. Где присесть? Ничего не видно... Надо же, сумерки махом наступили.

Широков с трудом разглядел циферблат: около девяти. Минут сорок, максимум, часок, не больше шагать осталось. Уже хорошо слышался лай деревенских собак.

– Интересно, Надя завела сабачонку? Наверняка завела. Дети, пожалуй, уже спят. Да и Надя за день умаялась, скорее всего, спать будет. Всё-таки надо было дать телеграмму.. Да нет, всё правильно. Зачем лишние волнение и хлопоты? Явлюсь и всё тут. Так лучше. Давай Гриш, последний рывочек и ты дома.

Не смотря на тяжесть в ногах, он ускорил шаг, предвкушая встречу с женой. Село наполовину спало, правда, в отдельных домах ещё мерцали огоньки ламп, и слышалось бряканье ведер. Уборочная страда была в разгаре, продолжалась копка картошки, люди были измотаны до предела.

С раннего утра до глубокой ночи шла работа в колхозе, особенно на уборке зерновых, а на полевом стане, считай, круглосуточно. Поблажек никому не было, и только непогода да сильный дождь позволяли иногда заняться домашними делами. Хорошо, у кого детишки мало-мальски большие, считай, помощники, за скотом приберутся, себя накормят, а там, где мелюзга да ещё стариков нет – пропащее дело! Выручают соседи, кто как может выкручиваются. И всё, почитай, на женских плечах держится. Мужиков раз, два и обчёлся: все на фронте.

Приближаясь к дому, Григорий с каждым шагом чувствовал, как всё внутри трепещет от волнения. Сердце колотилось быстрее и быстрее. Подойдя к калитке, постоял, чтобы перевести дух, немного успокоиться. Прислушался. Гробовая тишина. Толкнул калитку. Закрыта.

– Спят. Наверняка спят.

Просунув в дырку руку, повернул вертушку калитки. Поднявшись на крыльцо, дёрнул за ручку – закрыто.

– Вот незадача. Спят. Конечно, крепко спят, особенно дети.

Присел в раздумии на ступеньку крыльца.

– Что же делать? Детей никак будить не хочется. А что, если зайти с правой стороны дома? Там спальня, попробую тихонько разбудить Надю.

Дрожащей рукой несколько раз легонько ткнул в оконное стекло. Тихо. Устали. Спят.

– Вот незадача...

Опять раз, другой, постучал по оконной раме. Дернулась занавеска.

– Кто там? – услышал он детский голос.

– Я, Надя, открой.

Почему обратился к жене, понимая, что с ним говорит подросток, Широков и сам не понял.

Показалась рука, осторожно раздвигающая оконные занавески. Затем в открывшемся маленьком проёме занавесок выглянула детская мордашка и тут же задёрнула занавески. Несмотря на темноту, Григорий узнал племянницу.

– Таня, Танечка, – тихонько позвал он её. – Неужели она меня не узнает? И где же Надя?

Постояв немного, тихонько постучал. Понимая, что девочка наверняка притаилась у окна, он опять обратился к ней.

– Танечка, это я. Дядя Гриша. Не бойся, открой занавеску и посмотри.

После длительной паузы Григорий заметил, что левая занавеска слегка шелохнулась, образовав небольшую щель возле оконного косяка.

– Значит, разглядывает меня, – обрадовался он. Выждав время, он опять обратился к племяннице. – Ну, что узнала? Вот и хорошо, – не дождавшись ответа, заключил он.

Однако девочка продолжала молчать, не выказывая своего присутствия. Молчание затянулось. Неожиданно распахнулись створки занавесок. Племянница буквально прилипла к стеклу.

– Я сейчас.

И тут же скрылась. Григорий в секунды оказался на крыльце. Скрипнула входная дверь избы. Широков отчётливо слышал, как Таня в темноте и впопыхах никак не может открыть крючок, на который закрыта дверь в сенцах.

– Танечка, не торопись.

Он слегка прижал коленом дверь, чтобы ослабить крючок.

Наконец распахнулась дверь. Смущённая, растрёпанная племянница, не переступая порог, бросилась в объятия Широкова. Прижимая её худенькое тело, Григорий не мог подобрать, каких-либо слов, повторяя: Таня, Танечка, девочка моя.

Племянница, вцепившись в него и дрожа всем телом, не плакала, а рыдала. Неожиданно в доме раздался детский плач и плаксивое: Няня, няня.

– Димка.

Таня выскользнув из объятий Григория, бросилась в дом.

– Сынок, – вырвалось у Широкова, он бросился следом за племянницей.

Разбуженный Димка сидел посреди кровати, где он спал с Таней. Хныкая, повторял: Няня, няня!

Так звал он двоюродную сестру, которая была старше его почти на двенадцать лет. Схватив на руки брата, она тут же вместе с Димкой попала в объятия Григория.

– Сынок, сыночек!

Испуганный Димка, не понимая в потёмках, что происходит, как клещ вцепился в сестру.

– Сынок, Дима.

Григорий попытался взять у Тани сына, но тот испуганно заорал, ещё сильнее вцепившись в нянюку. От Димкиного крика, проснувшись, заплакала дочка Наташка.

– Таня, где лампа?

– Вон, на столе. И спички там, у лампы.

Трясущимися пальцами Широков кое-как приподнял стекло лампы, зажёт фитиль. Жёлтый язычок пламени через затемнённое копотью стекло тускло озарил комнату.

Димка, прижавшись к няне, вытаращив испуганные глаза, с неподкупным любопытством рассматривал Григория. Малявка Наташка, держась за край детской кроватки, ныла, повторяя: мама, мама, мама.

Григорий осторожно взял дочь на руки, прижал к груди.

– Доченька, девочка моя.

Наташка, нюня и якало – так звала её Таня – вопреки всему, впервые почувствовал тепло отцовских рук, мгновенно притихла.

– Это твой папа, папка приехал, – шептала Таня в ухо Димке.

– Папка, папка, – шёпотом повторял он. Но полумрак и военная форма не позволяли ему разглядеть в этом ночном пришельце такого желанного человека.

Григорий подошел к Тане, которая с Димкой на руках сидела на кровати, подсел рядом. Держа левой рукой Наташку, правой обнял их. Ему очень хотелось прикоснуться к сыну, но Димка его опередил: всплеснув ручонками, с воплем: Папка, папка! – бросился к отцу. Вцепился в шею горячими пальчиками.

– Сынок, сыночек, – вырвалось у Широкова со стоном.

Он прижался своей щетиной к нежной пухлой щёчке сына.

– Дима, сыночек, сынок...

Глаза Григория, будто собрав воедино и долгую горечь разлуки, и мгновенную радость встречи, выплеснули всё это слёзами, которые Димка размазывал своей нежной щёчкой по отцовской щетине, ёрзая от радости туда-сюда.

Шёл первый час ночи, дети, несмотря на возбуждение, вызванное встречей с отцом, уже спали крепким сном. Григорий и сам, утомлённый дорогой и домашними волнениями, валился с ног, но ему очень хотелось дождаться жену. К тому же, Таня сказала, что тётка, как правило, к двенадцати – в начале первого возвращается домой.

– Бедные женщины, сколько на их долю выпало лишений, – с искренней жалостью и грустью подумал он. Может, пойти на ток, встретить Надю? Вдохнуть аромат свежего зерна? Нет далеко, сильно устал. К тому же, чего доброго, и разминуться можем. Пожалуй, пойду в баню, хоть холодной водой немного ополоснусь, побреюсь, а то совсем заплесневел. Таким-то к жене?

Осторожно войдя в дом, взял лампу, полотенце и бритвенные принадлежности.

После небольших водных процедур, Григорий почувствовал свежесть в теле и прилив сил.

– Правильно сделал, – похвалил он себя.

Взял в сенцах на ощупь первую попавшуюся одежонку, ею оказалась старенькая телогрейка. Вышел на улицу.

– Посижу на крыльчке, наверняка, Надя вот-вот придёт.

Деревня спала глубоким сном. Воздух был наполнен ночной тишиной и лёгкой осенней прохладой. Небо было сплошь усыпано звёздами, но они не светили так ярко, как в июле. Было очень темно, и только внимательно приглядевшись, можно было как-то различить находящиеся рядом предметы. Видя и ощущая всё это, Широков начал вспоминать о детстве, но тут же прервал свои мысли: до его слуха, как ему показалось, донеслись голоса. Прислушался. Несмотря на две сильные контузии, слух его не подводил: он ясно услышал приближающихся людей.

– Да, хорошо слышен мужской голос... А теперь заговорила женщина.

Широков напряг слух.

– Надя, точно Надя.

Опять заговорил мужчина. Женщина громко засмеялась.

– Надя!

Широков отчетливо слышал смех жены. Ревность ураганом ворвалась в его сознание: вот, значит, как? Под предлогом работы крутим шашни?

Двое, оживлённо разговаривая, приближались к дому. Высокий забор ограды не позволял Григорию разглядеть идущих, поэтому он тихо через калитку шмыгнул в огород, угол которого выходил на улицу. Прижавшись к забору, затаился. Сквозь проёмы жердей он отчётливо видел силуэты идущих. Рядом с Надей шёл высоченный верзила. Широков закипел гуще прежнего. С приближением идущих душу наполняла желчь и ненависть. Нервы были напряжены, мышцы – готовы вступить в единоборство.

– Ничего, не с такими управлялся, – мысленно заводил он себя.

У калитки пара остановилась. Широков сжался как пружина, пытаясь разглядеть «ухажёра», но не увидел ничего нового.

Заговорила Надя.

– Ну ладно, Никита, спокойной ночи, спасибо, что проводил, а то так поздно, темень, хоть глаз выколи. Откровенно, очень боялась. Спасибо тебе, что с сеном помог управиться. Гриня приедет, обязательно в гости пригласим.

– Да будет тебе, Надя, заспасибовать, а писать мужу будешь, передавай привет. Ну, пока.

Он махнул рукой и быстрыми шагами сгинул в темноте. На Широкова словно ушат холодной воды вылили.

– Да, Григорий Иванович, лечиться тебе надо и серьёзно! Усомнился в жене... Гриша-Гриша!

Тошнота подкатила под самое горло. Только что пережитое нервное напряжение и усталость дали о себе знать. Закружилась голова. Он не слышал, как Надя зашла на крыльцо и вошла в дом. Вцепившись в доски забора как в спасательный круг и тяжело дыша, он думал только об одном: как бы не упасть и не потерять сознание. Из этого состояния его вывела скрипнувшая дверь в сенцах и шаги по ступенькам крыльца. Широков понял, что жена пошла мыться в баню.

– Вот так встреча! Сколько раз он мечтал об этом мгновении, сколько раз ему снилась их встреча во сне. И вот тебе на... Всё вверх тормашкой.

Оторвавшись от забора, немного постоял... Полегчало.

– Что же делать? Пожалуй пойду в дом, там и встречу. Нет, подожду. Пусть она вернется, а потом я постучусь. Скажу, что не дождался и пошёл её встречать. Вот и разминулись. Под пытками никогда не признаюсь ей, что отмочил. Пойду, тихонько выйду на улицу, там и подожду.

Подошёл к калитке, выходящей во двор. Постоял.

– Ну, слава Богу, полегчало немного, тошнота прошла. Пойду.

Сделав несколько шагов, он увидел тускло мерцающий огонёк в оконце бани.

Остановился, пытаясь хоть что-то разглядеть. На миг представил моющуюся жену. Сердце затрепыхалось так, что чуть не выскочило наружу. Желание обнять жену было выше его разума. Широков сорвался с места, как разъярённый бык на красную тряпку, кинулся в сторону бани. Его возбуждённое тело трясло, будто в лихорадке. Не ведая, что творит, постучал зачем-то в дверь бани.

– Ой, кто там? – раздался испуганный голос Нади.

– Наденька, Надюша!

Широков вихрем ворвался в баню. Перепуганная Надя от страха присела на корточки, прикрывая груди ладонями.

– Надя, Наденька!

Он сгрёб в объятия до смерти перепуганную жену, безумно целуя её мокрое тело.

– Гриня, Гринечка, милый родной...

Трясушимися от возбуждения руками Григорий сорвал с себя гимнастерку, по которой медленно сползала полоска мыльной пены.

– Наденька, – шептал он, прижимая её к себе, страстно целуя упругие груди.

– Гринечка, – обвив его шею, она утонула в нежных объятиях мужа, отдаваясь любовной страсти.

ГЛАВА 19

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТРОЙ

Месяц пролетел, словно один день. Родной дом, дети, любовь и забота Нади, сделали своё дело. Он заметно окреп, прибавил в весе. И хотя каждый из них знал, постоянно думал о предстоящей разлуке, этого вопроса они ни разу не обсуждали. Вчера Григорий последний раз побывал у врача. Осмотрев, послушав его, доктор заставила несколько раз присесть, наклониться.

– Ну что, Григорий Иванович, может ещё недельку полечимся?

Широков не понял вопроса. Не то он был попросту провокационный, не то она искренне хотела, чтобы этот мужик ещё недельку вкусил человеческого тепла и счастья.

– Нет, Лидия Фроловна. Я, пожалуй, и так перебрал свой лимит. Пора на фронт.

– Насчёт фронта, пожалуй, повременим. Я вам даю направление в Канск на комиссию, она и решит.

– А что Вашего заключения недостаточно?

– Увы, не моя компетенция. Вот все бумаги, включая госпитальные. Держите.

– Спасибо Вам огромное, Лидия Фроловна, за лечение.

– Храни вас Господь, Григорий Иванович, возвращайтесь живым и здоровым.

Прощание было коротким. Приехали Надины родители. Широков весь вечер не расставался с детьми.

– Папка, а пишталет ты правда привезёшь? – пытал его Димка.

– Правда, сынок, правда. Обязательно привезу. Только обещаю, что маму и няню обязательно будешь слушаться.

– Аха, буду. Если они меня в угол ставить не будут.

– Вот и договорились.

По военному предписанию, которое получил Широков, он обязан был прибыть в Подмоскowie. На вопрос: «Не могли бы меня направить в родную часть?» Венком уклончиво ответил: «Прибудете по назначению, там и решат». Григорий, конечно, не мог предположить, что в Подмоскowie идёт ускоренное формирование боевых подразделений для отправки на Сталинградское направление. О том, что ещё в июне 1942 года в донские и приволжские степи пришла война он узнал, будучи в казанском госпитале, но что в скором времени самому придётся участвовать там в боевых действиях, предположить не мог. Однако война есть война. Она вносит свои непредвиденные коррективы. В данный момент Сталинградское направление являлось одним из главных стратегических планов командования вооруженных сил СССР. Там сейчас шли кровопролитные бои за каждую пядь волжской земли. Сталинграду были нужны свежие силы и пополнение. Туда ежедневно направлялись эшелоны с военной техникой, боеприпасами, людским резервом.

Широков, примостившись в углу теплушки вагона, покачиваясь, как в колыбели, дремал, изредка открывая глаза от толчков и звона ударяющихся друг о друга буферов вагонов. Очередной раз он очнулся от резкого толчка и визга тормозных колодок. «Бомбят!» – мелькнула первая мысль. Но тут же успокоился. Состав поезда, несколько раз дёрнувшись, застыл на месте. Донеслась команда: «Выходи!». В составе сформированной дивизии Широков был назначен командиром инженерно-минного батальона.

Несмотря на позднюю осень, шла вторая половина ноября 1942 года, было тепло. Небо, сплошь усыпанное звёздами, как фонариками, ничем не напоминало о тяжёлых людских испытаниях военного времени, а скорее располагало к душевному покою и романтике. Слева и справа от железнодорожной насыпи насколько мог охватить взор в ночи простиралась голая равнина. К тому же стояла загадочная потаённая ночная тишина, которую нарушали лишь отдельные команды и выкрики командиров остановившегося в степи эшелона, да далёкие-далёкие отголоски стреляющих где-то орудий.

Широков собрал своих командиров рот и взводов, поставил задачу:

– Двигаемся маршем в общей колонне. До рассвета должны прибыть к назначенному пункту. Времени в обрез. Идём впереди колонны нашего полка. Бойцам обязательно соблюдать предельную тишину, маскировку и готовность в любую минуту вступить в бой.

Взглянул на часы. Циферблат высвечивал три минуты второго.

– Через десять минут выдвигаемся.

– Бегом в подразделение, по команде, выходим на марш.

Прошли маршем около трёх часов. После короткого привала, не успев двинуться дальше, отчётливо услышали приближающийся гул самолетов.

– Воздух! Воздух! – как набат прозвучало несколько команд. Вспешном порядке попадали на землю. Широков в глубине души надеялся, что это свои бомбардировщики

летят бомбить немецкие позиции, поскольку в последних военных сводках сообщалось, что войска Сталинградского фронта стали переходить к контратакам. Увы, его надежды не оправдались. С каждой секундой он всё отчётливей улавливал знаковый рёв немецких самолетов.

— Прямехонько, как по линейке, сволочи, идут на дивизию. Что это, случайное совпадение или лихо работает немецкая разведка? Ведь стоят плотные, густые, утренние сумерки...

Но было уже не до размышлений. Смертоносный груз с воем и свистом посыпался из бомбометательных люков немецких самолётов. В считанные минуты ночная тишина превратилась в сплошной ад. Рёв двигателей, взрывы бомб, огромные комья горящей земли и клубы пыли перемешались с человеческими проклятиями, стонами раненых и изорванными останками человеческих тел, превратившись в единое, жуткое месиво. В клопочущем аду отчётливо были слышны хлопки, сверкали яркие вспышки.

Шириков, с ног до головы присыпанный землёй в небольшом окопчике, сразу определил: «Бьют наши зенитки. Молодцы, зенитчики, не растерялись, сразу вступили в бой». У него возникло огромное желание хоть одним глазом взглянуть на происходящее, но вой бомбы и мощный взрыв вдавили тело в землю с новой силой.

Проклятие, — прошептал он, царапая засохшими губами землю, мысленно представляя, где разорвалась бомба. — Похоже, прямое попадание в расположение третьей роты, они залегли справа.

Григорий приподнял голову, пытаясь открыть глаза, но скатившийся с каски песок и комок земли засыпали ресницы и веки. Выплюнув скопившейся во рту песок, он несколько раз сжал веки, пытаясь хоть как-то освободить их от грязи. И первым, что он увидел, оказался большой огненный шар...

— Есть! — радостно выкрикнул он. — Есть!

Зенитный снаряд, скорее всего, продырявил бензобак бомбардировщика. И тот, взорвавшись в воздухе, как пороховая бочка, в считанные секунды развалился на куски.

Рев приближающегося самолёта опять заставил Широкова слиться с землёй. Свист бомбы и мощный взрыв вновь сотрясли изуродованную землю.

Взрывная волна прессом прошла по поверхности земли, приплюсвив к ней тело Григория, наглухо, будто цементным раствором, замуровала ушные раковины и отверстия, оборвав связь с внешним миром.

Несмотря на оглушающий грохот рвущихся бомб, Широков ничего не слышал. Лишь содрогания земли, которые он чувствовал всем телом, подсказывали суть происходящего. Тупой предмет ударил Григория между лопаток. Он сделал несколько движений плечами, руками, боли не ощутил. Попытался приподняться, но его тут же накрыла огромная взрывная волна из песка и земляной пыли.

— Значит, не ранен, пронесло. Наверное, земляной комок шлёпнул по спине.

В ушах стоял сплошной гул и треск.

— Ничего, это пройдет, — рассуждал он.

Вновь содрогнулась земля.

– Где же наши летуны, мать их за ногу? Немцы совсем обнаглели. Долбят безнаказанно, голову хрен оторвёшь от земли, – выругался мысленно Широков.

Похоже, что господство в небе полностью принадлежит немцам.

– А где же наши? Сколько раз слышал, читал: наши на Сталинградском направлении начали контратаковать. Хорошие контратаки! Голову хрен высунешь из собственной норы. Бомбы сеют, как муку из сита. И кажется, что этому аду конца никогда не будет...

Широков интуитивно, шкурой почувствовал, что бомбёжка заметно поутихла. Сбросив с себя килограммы земляного месива и перевернувшись на спину, Григорий увидел сквозь пелену черной гари, дыма и пыли одну за другой строчки трассирующих пуль, а затем шлейф горящего самолета. Широков понял, что это наши истребители начали гонять фашистских стервятников.

– Давно бы так! Молодцы, соколята, – поблагодарил мысленно он летчиков.

И тут же до его совсем ещё ослабленного слуха как будто из подземелья стало доноситься: а.....а! – И совсем уже отчетливо: Ура...ура...ура!

Пересохшие губы Григория, облепленные грязью, непроизвольно шептали: «Ура...ура...». И хотя никто из солдат и офицеров, зарывшихся с головой в землю, не участвовал в атаке, да что там – в атаке даже ни разу не выстрелил – глядя на действия наших лётчиков, чувствовали себя победителями. По-другому, наверное, быть не могло. Выдержать только что затихший ад – это значит победить себя. А тот, кто умеет побеждать себя, непременно победит противника. Эта маленькая победа давала силы и веру в большую Победу.

И хотя потери в этом неравном бою были ощутимы: только в батальоне Широкова шесть человек погибли, более двадцати ранено, трое из них – тяжело – боевой дух и вера в собственные силы были высоки, в этом Широков убедился в первых же боях за Сталинград. А сколько было этих боев за Сталинград, разве можно сосчитать? Они практически не прекращались ни на минуту, вплоть до 2 февраля 1943 года, когда была окружена и разгромлена крупнейшая группировка фашистских войск под командованием фельдмаршала Паулюса.

Длинный и долгий военный путь прошагал Широков, участвуя после Сталинграда в боях за освобождение Украины, Белоруссии, Польши, Восточной Пруссии и взятии Берлина. Но страшнее Сталинградской битвы, продолжавшейся двести дней и ночей, ничего не видел.

Сталинград представлял собою сплошные руины, растянувшиеся почти на шестьдесят километров по берегу матушки-Волги. Земля стонала круглыми сутками от разрывов бомб, снарядов и мин, рыдала от горя и человеческих жертв. Каждый квартал, улица, дом, подвал являлись живой крепостью для фашистов. На отдельных этапах Сталинградской битвы с обеих сторон участвовало одновременно свыше двух миллионов солдат и офицеров, до двух тысяч танков, более двух тысяч самолётов, до двадцати пяти тысяч орудий и минометов. Для участника боёв за Сталинград тогда была одна-единственная уважительная причина покинуть позицию – смерть.

Войну Широков закончил в Берлине и этим очень гордился, потому как мечтал об этом долгожданном дне все военные годы.

В минуты откровения с боевыми друзьями не раз признавался: мечтал своим сапогом наступить на горло Гитлера в его логове. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что этого могло не случиться. Дважды он был ранен, но судьба-судьбынушка, как любил выражаться Григорий, была к нему благосклонна. Ранения в бедро и плечо оказались лёгкими, и он проходил лечение в армейском госпитале, пошучивая: полечился без отрыва от производства.

– Да, что там ранения, мужики? На фронте смерть и жизнь, как сёстры-близняшки, всегда рядом, это уж кому как повезёт, как судьбынушка распорядится. Нам, выходит, други мои, крепко повезло. А может, братцы, нет тут никакого везения? Просто другие смертную ношу на себя взяли, защитив нас. Поэтому пока живы мы, наши дети, внуки, правнуки... да что там наши... все живущие на матушке-Земле должны знать и помнить о героизме солдат второй мировой, верных сынов своего Отечества, отдавших самое главное – жизнь. Эти слова Григорий произнес в кругу боевых друзей, поднимая тост за победу в Берлине.

– Нет, капитан Широков, ты ещё и ещё раз подумай над моим предложением, – настаивал подзахмелевший старшина Симаков, закадычный друг Григория. – Строительство, Гриша, от тебя никуда не денется. В ближайшие годы, уверяю тебя, у нас начнутся громадные стройки, они вообще-то давно начались, да вот война помешала... А сейчас в шахте поработаешь. Такие как ты, там во как нужны, – полоснул он себя ладонью по подбородку. Хорошие деньги получать будешь, паёк. Семью на ноги поставишь, а там и стройка начнётся. Строй не хочю. К тому же, как ни крути, до отчего дома – рукой подать. На родной земле, считай, работать будешь. А что там, в Чите делать? Сам говоришь, дружки все погибли. Да и твой трест живой ли? В общем, Иваныч, дорогой мой друг, поедем вместе, перевезём твоё семейство. Первое время поживёте у меня, места всем хватит, а там и домишко тебе сварганим. Не пропадем! Вот за это, дружище, давай и выпьем!

С Николаем Симаковым Григорий познакомился ещё в Сталинграде в боевой обстановке при весьма непростых обстоятельствах. В январе сорок третьего полк, в котором они служили, занимая оборону в районе элеватора, готовился в ближайшие дни к наступлению. В одну из морозных ночей немцы неожиданно пошли на прорыв. Провели отчаянную атаку, вклинившись в нашу оборону на несколько сот метров, захватили небольшую, но очень важную в стратегическом плане территорию. Этот факт тут же стал известен командующему армией генералу Шумилову. Незамедлительно последовал приказ комдиву: немедленно отбросить немцев и закрепиться на плацдарме!

Так получилось, что ещё во время ночного боя, когда немцы атаковали, в одном из полуразрушенных зданий в тылу у немцев чудом закрепились наша небольшая группа бойцов из девяти человек. Среди них оказался и старшина Симаков, взявший на себя командование группой. Обнаружив смельчаков, немцы предприняли несколько попыток их уничтожить. Однако достаточное количество патронов и гра-

нат, которые имели бойцы, а также их умелые позиционные манёвры внутри здания не позволили выбить смельчаков. Узнав об этом факте, командир полка предложил комдиву план контрудара по изгнанию немцев с захваченной территории.

— Рота батальона под командованием Широкова двигается вот по этому маршруту, — он показал на карте, — делает прорыв к зданию, в котором находится группа осаждённых. Задача роты — отвлечь внимание противника. Он должен поверить, что наша главная задача — помочь осаждённым. Как только последует их реакция, мы молниеносно вот здесь, — он обвёл карандашом квадрат на карте, — наносим главный удар.

Этот план затем был блестяще реализован. Уже в полдень полк занял не только утраченную ночью территорию, но и значительно её расширил, чем сгладил гнев командующего армией.

После боя Широков и познакомился с Симаковым, который вместе с бойцами был представлен к награде орденом «Красной звезды». Николай и раньше в общих чертах знал Григория как комбата полка, а после этого случая, когда бойцы Широкова помогли группе Симакова вырваться из фашистских клешей, они познакомились воочию.

— Спасибо, братишки, вовремя подоспели, — благодарил Симаков после боя Григория. — Иначе хана! Боеприпасы на исходе, трое ранены, двигаться не могли, только отстреливались. В общем, ещё одна, две атаки, и они бы нас точно накрыли, — возбуждённо пояснял Симаков.

А когда в разговоре выяснилось, что они ещё и земляки, с той поры и стали друзьями не разлей водой. Николай был на семь лет старше Григория, имел почти двадцатилетний стаж семейной жизни и трёх больших сыновей. Широкову очень нравился этот крепко скроенный мужик-шахтер своей основательностью, добропорядочностью и исключительно весёлым нравом. За время, которое они прошагали по Европе после Сталинграда, узнали друг о друге всё до мелочей, даже в письмах познакомили меж собой жён. В минуты откровения делились самыми сокровенными, потаёнными мыслями. Не один раз слышали друг от друга и такое, что «если что, сам понимаешь, война, всякое может быть... Позаботься о моих». Вот почему ни тому, ни другому не хотелось расставаться. Николай десятки раз уговаривал Григория поехать к нему на родину. Искренне убеждал, что у них в районе есть ближайшая перспектива проявить себя в полной мере на будущих стройках.

— Ты, Гриша, себе представить не можешь, какое грандиозное строительство будет у нас!

Широкову импонировало предложение друга, но в душе, если откровенно, он тяготел к прежней работе в Чите, хотя и понимал, что вряд ли его теперь там ждут. Из крохотной весточки, которую он получал от Нади,

Со слов Катерины, бывшей её бригадирши, Надя узнала, что Батя, начальник треста, сильно заболел, ушёл на пенсию и жив ли вообще, неизвестно. Парторг и главный инженер, которых Григорий глубоко уважал, добились отправки на фронт и где-то воюют. Живы ли? Пустую квартиру Широковых кому-то передали на время или вообще отдали. Никто не знает. И тем не менее, Григория тянуло в Читу.

Судьба-судьбинушка как всегда распорядилась по-своему. Четырнадцатого мая старшина Симаков с группой солдат, очищая территорию гарнизона от всякого военного хлама, вместе с солдатами подорвался на mine.

Сколько смертей повидал уже Широков, да и сам не раз бывал на самом краешке жизни, но что бы вот так... Не укладывалось в голове. В самом страшном сне не могло присниться. Чернее тучи ходил Григорий, переживая потерю друга. Ни водка, ни утешение товарищей не могли заглушить горе.

— Кто виноват? Пойди, разберись. Проклятая война. Она ещё и сейчас убивает, когда перестали стрелять и убивать друг друга. — Широкову хотелось кричать, орать, на всю планету — Люди! Люди! Одумайтесь! Что вы творите? Во имя чего? Зачем? Когда-нибудь наступит этому конец? До каких пор будет литься кровушка?

Но то, что случилось, уже изменить невозможно...

А тем временем эйфория победы потихоньку переходила в обычное мирное житейское русло. За редким исключением, пожалуй каждый фронтовик мечтал об одном: скорее бы домой, в родные края. Начать мирную, счастливую жизнь.

Правда, одно обстоятельство серьёзно беспокоило фронтовиков, это союзнический договор, заключённый между СССР, США и Англией, в котором говорилось, что после капитуляции фашистской Германии союзники объявят войну империалистической Японии. СССР особенно был заинтересован снять угрозу своим дальневосточным границам, раз и навсегда отбить у японских агрессоров желание захватить территории Китая, Монголии и Советского Дальнего Востока.

Выполняя свое обязательство перед союзниками, командование вооруженными силами СССР начало переброску воинских частей на Дальний Восток. Фронтовики прекрасно понимали, что 9 мая закончилась великая Отечественная война, но во второй Мировой войне будет поставлена победная точка только после разгрома японской Квантунской армии, после капитуляции Японии. В этой ситуации любое воинское подразделение наших вооружённых сил немедленно могло быть передислоцировано на восток.

По дивизии, в которой служил Григорий, прошёл слухок, что переброски не будет. Об этом Широков вечером спросил у командира полка.

— Знаешь, Гриша, уверенно сказать не могу, но и обратное подкрепить нечем, — уклончиво ответил тот. А если откровенно, на кой хрен оно сдалось? Навоевались досыта, на века. Пусть ребята-дальневосточники разомнутся, думаю, они и без нас управятся с японцами. Там войск и без нас немерено, да и союзники наши, янки, пусть покрутятся. У американцев с японцами свои давние счёты. Ну, а уж коль прикажут, выполним свой долг, как и положено. Тут и разговора быть не может. Вот такие выходит дела, Григорий Иванович. Думаю, что в ближайший день, другой, будет полная ясность.

Говоря на чистоту, Широков и сам был такого же мнения, да что там он... Вряд ли кому из фронтовиков хочется опять под пули лезть. Впрочем, гадай — не гадай, хочется — не хочется. Как командование решит, так и будет.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 20

ЗИГЗАГ СУДЬБЫ

В конце июня Широков демобилизовался. Его китель украшали орден Отечественной войны, Боевого Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, и четыре боевые медали, а также ленточки нашивки, красноречивые свидетели шрамов и разрывов от пуль и осколков, отметины о которых оставила война и на его теле.

После гибели друга Николая, Широков уже не размышлял, куда ему ехать. Клятвенное обещание, которые они дали друг другу на случай, если с кем-нибудь из них случится самое худшее, для Григория стало законом. Решение было принято.

— Поскольку из Германии домой в любом случае придётся ехать через Москву, заеду к своим, в Моршанск, — решил он. — Там совсем рядом. Попроведу маму, сестру Лизу, может, и Оленька подъедет... А то потом когда соберусь? Не до разъездов будет. Заодно и о брате Петре узнаю.

Из писем Оли и Нади Григорий знал, что брата в сорок третьем году направили из лагеря на фронт, в штрафной батальон. Каких-либо других подробностей о нём не знал.

— Вот и ладненько. Денька три побуду у своих, заеду к семье Николая, решу с работой, потом уже домой, перевозить семейство.

— Эх, Гринька, Гришка. Всё-то ты по полочкам разложил, а как оно в жизни пойдёт? — размышлял он. — Отвык ты, Гриша, мыслить гражданскими категориями. В шахту собираешься идти работать, а много ты о ней знаешь? Был бы Коля — другой коленкор. Он настоящий шахтер-забойщик, с ним рядом, как в бою, надёжно.

Но тут же Широков мысленно вступал с собой в противоречие:

— Вот тебе на! С каких это пор ты, паря, начал медвежьей болезнью хворать, а?

Эта мысль как никогда оказалась своевременной, Григорий искренне рассмеялся.

— Ничего. Не знаем — узнаем, не умеем — научимся. Не впервой. Главное — отвоевались, остальное наладится. Лиха беда начало.

Вместо планируемых трёх суток, Широков пробыл в Моршанске целых пять. И сейчас, покачиваясь на полке вагона поезда «Москва—Владивосток» с большим наслаждением прокручивал прожитые дни.

— Гринечка, сыночек, — многократно уговаривала его старенькая мать, — Может, всё же к нам переберётесь? Почитай, все мы здесь. Вон и Оленька в письмах сказывает, что приедет. Даст Господь, и Петенька возвернётся. Васятка, внучек, вона уже какой, без отца вырос. — По морщинистым щекам матери прокатились одна за другой крупные слёзы неизгладимой горечи и тоски по сыну. — Господи, помоги ему. Сколько же горюшка натерпелся мой Петенька. Живой ли?

— Мама, ну что ты? Конечно живой, — успокаивал её Григорий.

Он нежно обнял и прижал к себе мать. Её худенькие плечи вздрагивали. Сердце, будто упираясь в грудь сына, отстукивало: тук, тук, тук, тук. Григорий чувствовал, каких усилий стоило матери не разрыдаться вслух. Он тогда поцеловал её мокрые, солоноватые от слёз щеки.

– Всё будет хорошо, мама. Вот увидишь. А мы, мама, обещаю, через годик обязательно приедем со всей своей ватагой к вам в гости.

О том, чтобы Григорий с семьёй переехал в Моршанск, его уговаривали и родители Валентины, жены Петра, коренные жители Тамбовщины. Не менее настойчиво просила сестра Лиза с мужем, уехавших в Моршанск ещё до войны. В последний вечер перед отъездом Григорий с зятем сидели в саду под яблоней, пили пиво под какую-то совсем малюсенькую, сушёную рыбёшку.

– Гриша, ну сам посуди, – уговаривал его Владимир. – ты там, в Сибири, остался один как перст. Городишко наш хоть и небольшой, так живем почти в центре Европы. До Москвы шесть-семь часов и в столице. Оно и к морю рукой подать. Всё рядышком. Вон бери, рви, черешня поспела. А в Сибири, пожалуй, и морозы ещё стоят.

– Ну, ты зятёк, хватанул. Морозы. У нас земляника и клубника поспела, не чета вашей черешне. От одного запаха слюной изойдешь. Леса кругом какие, тайга со своими дарами. Не то что у вас, голь перекатная.

Григорий взял со стола сушеную рыбёшку.

– Ты, конечно, не сердчай. Но такой рыбёшки у нас в захудалой луже не сыщешь. Везде настоящая, крупная, чистая, вкусная. А воздух! Эх, Володя, Володя, не травми душу. А то бегом побегу домой. Сибирь – это необъятные просторы, край немереного леса и могучих рек. Да, что там говорить, один Байкал что стоит. Но и это не главное. Перед фронтовым другом у меня обязательства серьёзные, нарушить которые не имею права. Так-то, дорогой зятек. Спасибо за приглашение и привет. Будем в гости ездить. Вот, через годик обживусь, приглашу к себе. Покажу тебе настоящую Сибирь-матушку. А то «морозы»...

Григорий заулыбался, вспомнив трёхдневной давности слова зятя.

– Вот чудак. Обязательно выташу его, пусть посмотрит воочию нашу сибирскую красоту.

Шириков как ребенок радовался этой поездке. Живут дружно, а главное – за мамой хороший уход. Вот только кровотокающей раной по-прежнему у неё остается Пётр. Да и жена Валя очень тревожится за Петра. Показала от него письма. Последнее получила в феврале. С тех пор ни одной весточки.

– Ты знаешь, Гриша куда только не писали... Никаких ответов. Я уже отчаялась, не знаю, что и думать. Может, война кончилась, и его опять посадили? Господи, да сколько же его можно мучить? За что, Гриш? – взмолилась, плача невестка. – Гриш, а может он погиб?

– Валя, выбрось раз и навсегда из головы эту глупость. Если что, об этом обязательно сообщили бы. Успокойся, всё будет хорошо. Не сомневайся, – утешал он невестку.

Всятку жалко, хороший племяш растёт, вылитый дед Иван. И все повадки дедовские. Живёт Широковский род, живёт. Вот и моему Димке шестой годок. Мужичёк. Два года семь месяцев не видел семью. Наташку, поди, и не узнаю. Как там они. Ждут, не дождутся. Ведать не ведают, что им папенька уготовил переезд.

Закрыв глаза, Широков пытался воспроизвести образ детей, Нади. Потом его опять обуяли мысли о брате. В самом деле, если бы Пётр погиб, наверняка бы сообщили, хоть и в штрафном батальоне был... Судя по фотографии, которую он прислал жене, воевал брат неплохо, на груди орден «Красной Звезды», медаль «За Отвагу», ещё какие то две награды, на фотографии плохо видно. А может, всё гораздо проще, — поймал Григорий себя на мысли. — Его прямёхонько направили на Дальний Восток. Танкисты там позарез нужны. Скорее всего, так и есть.

Эта мысль окончательно успокоила Григория.

— Жаль, что Вале и матери об этом не сообразил сказать. Хотя какое к черту успокоение? Там война идёт, что называется, по полной программе.

Поезд прибыл в Красноярск в восемь часов утра. От Красноярска до станции «Заозёрная», где Григорий должен выходить, как сказала кондуктор, ехать три с половиной часа.

— Буду потихоньку собираться.

Выйдя на станции «Заозёрная», Григорий по счастливой случайности буквально утёрся в милиционера. В белой гимнастерке, темно-синих галифе и с висевшей сбоку саблей милиционер напоминал лихого гусара.

— Наверняка при исполнении, подскажет, как добраться до Ирши.

— Ничего сложного, — ответил тот. — Вон там, метров через двести, за водокачкой будет переезд. На нём ловите попутку. До Ирши рукой подать, километра четыре.

Больше всего Широкова сейчас беспокоила встреча с семьёй Николая Симакова. Как объяснить, какие найти слова утешения? Прошёл ад войны, остался живым. И на тебе!

— Как же так, Григорий Иванович, не уберегли мужа, своего друга? — наверняка задаст такой вопрос жена Николая.

А ответа нет. И слов утешения нет. Да что слова, они — пустой звук. Мужа и отца уже никто никогда никем и ничем не заменит...

Широков хорошо помнил адрес Николая: улица Линейная, дом 18, но долго плутал по закоулкам. Посёлок на две половины разделяла железная дорога — местная ветка, которая тянулась от шахты номер два и три к основной железнодорожной магистрали Москва—Владивосток. По этой местной ветке ежедневно курсировал туда-сюда паровозик «кукушка», доставляя вагоны с углём от шахт к центральной железнодорожной магистрали, которые затем отправлялись во все регионы Советского Союза. Уголь как воздух был нужен стране. Ещё не было атомных станций, да и электростанции можно было пересчитать по пальцам, поэтому именно уголь являлся главным энергетическим сырьём страны.

Чтобы не испытывать дальше судьбу в поисках дома, Широков решил зайти в небольшой деревянный магазинчик.

– Куплю ещё немного гостинцев, заодно разузнаю, как найти адресат.

Управившись с покупками, вышел на улицу.

– Простите, гражданочка, – обратился он к женщине, идущей в магазин. – Подскажите, пожалуйста, как ближе пройти на улицу Линейная, дом восемнадцать?

– Да пожалуйста, это недалеко. Выходите на железную дорогу и по ней вот в эту сторону по направлению к первой шахте пойдёте. Справа будет лестница. По ней спуститесь в переулок, а там и Линейная.

– Благодарю Вас.

– Да на здоровье.

– А Вы чей будете? – сгорая от любопытства, спросила она.

– Ничей, приезжий.

– Ну, доброго здоровья Вам.

– И вам то же, – пожелал Широков любопытной Варваре.

И в самом деле, дом оказался не так далеко. Усадьба ухожена. Через решётчатые прорези калитки просматривалась небольшая зелёная полянка, затем какие-то строения, справа от них – большой дом с тремя окнами, украшенными красивыми ставнями.

Широков остановился, не доходя до калитки, внимательно разглядывая усадьбу.

– Сколько бы сейчас в этом доме было радости и счастья, приди вместо меня Николай. А так одно горе. Эх, Никола, Никола... – Широкову впервые пришла в голову до боли глупая и несуразная мысль – лучше бы я подорвался.

Он ещё долго стоял в надежде, что кто-то выйдет из дома. Ему почему-то казалось, что так будет легче разговаривать. Но никто не выходил. Крутанув вертушку, открыл небольшую решетчатую калитку, постоял, не решаясь идти дальше...

– Может, позвать кого-нибудь из домочадцев?

Упавшим голосом несколько раз крикнул:

– Хозяюшка, хозяйюшка... Есть кто дома?

Тихо. Неожиданно из замысловатого сооружения, напоминающего по форме большой деревянный сундук, вихрем вылетела, как огненный шар, маленькая рыженькая собачонка, заливаясь звонким лаем, кинулась на Широкова. Остановившись в метре от него, она что есть мочи тьякала, показывая всем своим видом Широкову, что если он сделает ещё хоть один шаг, она его порвёт в клочья.

Широков легонько топнул ногой. Собачонка, отскочив, пуше прежнего заливаясь лаем, напустилась на пришельца.

– Вот шельма, так шельма. Вылитая Моська из басни Крылова, если меня словом считать.

– Ну-ка, цыть. Шарик, Шарик, цыть. Цыть, чёрт рыжий.

Услышав слова хозяина, Шарик понял, что пришла поддержка и, осмелев, в яростной атаке кинулся на незнакомца. Широков рокировался за калитку. Подбежал подросток лет четырнадцати, схватил расхорохорившегося пса за загривок, несколько раз шлёпнул ладонью.

– Ну-ка, иди отсюда, иди, сказал тебе.

Шарик обиженно, нехотя побежал в свое убежище, но тут же с новой яростью вернулся.

— Я кому сказал? — сердито рыкнул на него подросток, махнув рукой.

Шарик, тявкнув несколько раз, как бы говоря хозяину: смотри, тебе видней, шмыгнул под ящик.

— Здравствуйте, Вам кого? смущённо спросил спаситель Широкова.

На Григория смотрели голубые глаза Николая, такие же широкие черты лица, как у отца и ямочка на подбородке просматривалась.

— Вам кого? — дрожащим голосом повторно спросил, юноша.

— Володя? Тебя Володя зовут?

— Да. Вы кто?

— Я — Широков Григорий Иванович...

От волнения у Григория пропал голос, невидимой заслонкой перекрыло дыхательные пути.

— Володя, сынок, — сипло выдавил он из себя.

Жалость, невыразимое горе и сострадание к этому ни в чём не повинному подранку войны охватили разум Григория. Он обнял мальчонку, не проронив ни слова. Они долго стояли, прижавшись друг к другу, лишь изредка Григорий поглаживал его жёсткие светлые волосы. Молчание нарушил Широков.

— А я тебя сразу узнал. Твой папка много-много раз о тебе рассказывал, показывал фотографию.

— А я, правда, только сейчас Вас узнал. Сразу немного напугался. Вы на фотографии с папкой у немецкого танка с автоматами стоите. И ещё на другой, зимой... пленные немцы, их много там и Вы с папой в шубах стоите.

— А. Это в Сталинграде, когда немцы сдавались, — повеселевшим голосом уточнил Широков. — Ну а теперь давай по настоящему знакомиться будем. Меня зовут Григорий Иванович Широков. Просто дядя Гриша, идёт? — он протянул свою шершавую ладонь.

Володька, посмелев, тут же пригласил Широкова пройти в дом.

— Пойдёмте, дядя Григорий, в дом.

— Хорошо.

Не успели они сделать и несколько шагов, как из-под ящика с лаем выскочил взъерошенный Шарик. Вовка тут же его урезонил.

— Цыть, ну-ка иди на место!

Песик, виновато поджав хвост, мгновенно скрылся в своём убежище.

— Ну, Володя, если бы не ты, точно Шарик порвал бы меня в клочья, — улыбаясь, заметил Широков.

— Да нет, дядя Гриша, это он так, шуму наделает и всё.

Он никогда никого не кусает, оправдывал Шарика Вовка, всерьез приняв шутку Григория.

Дом Симачовых внутри оказался ещё больше, чем выглядел снаружи: большая прихожая с кухней, три небольшие комнатки и зало — хотя богатым убранством не

отличался. Но всё было в нём сделано со вкусом и любовью. На окнах висели белые занавески с расшитыми узорами и небольшими вязаными кружевами. Вход в комнаты и кухню был обрамлён свисавшими до пола светло-коричневыми шторами. В прихожей сбоку стояло деревянное сооружение, нечто среднее между топчаном и диваном. Спинка была украшена замысловатыми рисунками, — скорее всего, фирменное изобретение, сделанное руками Николая. Украшением зала был комод с металлическими ребристыми ручками, покрытый белой вязаной узорчатой накидкой, на которой стояло зеркало и несколько небольших фарфоровых статуэток из керамики. В углу хорошо вписывалась невысокая решётчатая этажерка, с полочек которой свисали белые вязаные салфеточки в форме треугольников. Поверх них лежало несколько книг, стояла небольшая шкатулка и какой-то плоский, шоколадного цвета предмет, скорее всего, семейный альбом. От этажерки, ближе к окну, распластав в стороны толстые, широкие, блестящие листья, красовался развесистый фикус, — неизменное украшение внутреннего убранства многих домов того времени. Слева у входа в зал в углу приютилась железная кровать с рельефными набалдашниками по краям спинки, застеленная коричневой накидкой, из под которой по всей длине выглядывали белые узорчатые кружева, а поверх покрывала у спинки кровати была сложена пирамидка из трёх пуховых подушек. На стенах зала висело несколько фотографий в рамках, а над комодом — портреты ещё совсем молодого Николая и его жены. Скорее всего, сфотографированные в первые годы совместной жизни.

Рассматривая убранство дома, Широков невольно ощущал присутствие Николая. И это ощущение сводило на нет убранство, красоту и домашний уют всего дома. Григорий понимал, что это состояние надо погасить раз и навсегда, но, к сожалению, сейчас он это не в силах был сделать.

— Что же мы стоим, Володя? — спохватился Широков. — Я ведь гостинцы привёз. Давай здесь на кухне расположимся. Не возражаешь?

— Давайте.

Григорий достал сладости.

— Угощайся.

— Дядь Гриш, Вы, наверное, есть хотите? Давайте я молочка принесу.

— Неси Володя. Если откровенно, я действительно проголодался.

— Я сейчас.

Он оказался таким же проворным, как и отец. В считанные минуты на столе стояла крынка с молоком, лежали пучок зеленого лука-батун и кудрявого укропа, огурчики-близнецы в пупырышках. Открыв стол, достал небольшой матерчатый свёрток, в котором оказался оранжевый кусок ржаной лепешки.

— Хлеба нет, — смущённо заметил он, извлекая драгоценное сокровище.

— Спасибо Володя, сто лет не видел такой роскоши. Наливай мне молочка. А сам, давай, угощайся, угощайся, не стесняйся.

За время их трапезы Григорий узнал, что средний брат Сергей на лето подписался на заработки в подпаски, пасти коров односельчан.

– Я его иногда подменяю, – уточнил Володя. – Мне нравится быть целый день в лесу, только плохо, когда дождь идёт. Старший брат Иван работает. Он занимается погрузкой угля в вагоны на третьей шахте.

– Работа у него посменная? – поинтересовался Широков.

– Да. На шахте все работают посменно, и мамка тоже.

– А чем мама занимается?

– Она в подзарядной работает.

– Что за подзарядная?

– Это такие плоские небольшие аккумуляторы, которые берёт с собой каждый шахтёр, когда спускается в шахту. От аккумулятора горит маленькая лампочка, которая прицеплена на шахтерской каске. Вот мамка заряжает и ремонтирует эти аккумуляторы.

– Понятно. Ты, наверное, все шахтерские профессии знаешь?

– Да кто ж их не знает? – уверенно и с гордостью заметил Вовка.

– А ты шахтёром хочешь быть? – неожиданно спросил Широков.

– Не знаю. Летчиком или моряком наверное буду.

– Тоже правильно, важная и нужная профессия – защищать Родину. А самолет когда-нибудь видел?

– Нет, не видел. Когда мне было девять лет, папка обещал летом свозить в Красноярск, показать самолет и пароход на Енисее. Да вот война началась, и ничего не получилось.

– Не огорчайся, мы обязательно с тобой съездим, посмотрим. Обещаю. Думаю, что и папка одобрит твой выбор стать военным.

– Как одобрит? – оживился Вовка.

Широков сознательно уходил от разговора о гибели Николая, но вот оплошал.

– Понимаешь, Володя, отца хоть и нет, но он незримо всегда будет с тобой, так устроен мир. Его душа, его образ, его поступки всегда будут с тобой. Мы всегда мысленно можем поговорить, посоветоваться с ним, и он поможет, подскажет решение, которое прочно связано с понятиями совесть, честь, ответственность перед людьми, самим собой. Ты, Володя, в силу своего возраста многое сейчас ещё не понимаешь. Но это не беда. Главное, знай, на всю жизнь запомни, что в любую минуту у тебя есть с кем мысленно посоветоваться, сверить свои поступки.

– Дядь Гриш, я правда не совсем понимаю, о чём вы говорите. Папы нет, и уже никогда не будет...

У Вовки затряслись губёнки, покраснело лицо, глаза наполнились слезами.

– Успокойся, – он обнял мальчонку.

– К сожалению, ты прав, его никогда не будет. Но ведь ты хорошо помнишь папу, его образ, разговоры с тобой.

– Да, конечно.

– Вот и прекрасно. Когда у тебя в жизни будут возникать обстоятельства, где необходимо принимать важные и ответственные решения, поступки, ты мысленно и поговори с отцом, посоветуйся. Подумай, а как бы папа поступил, если бы

оказался на твоём месте? Он тебе всегда даст правильный совет, порадуетя вместе с тобой. В трудную минуту он тоже будет с тобой, подскажет, как выйти из положения. Это правда. А ты запомни и попытайся в жизни это делать. Только ты должен быть с отцом всегда искренним.

– Да, конечно, – согласился Вовка. Дядя Гриш, а у папки такие ордена были как у Вас. – Он прикоснулся к ордену Красной Звезды. – Очень красивые.

– У папки, как у меня, их целых два. У него есть такие награды, которых у меня нет.

– Жалко, что я их никогда не увижу.

– А вот тут ты ошибся. Увидишь, причём в ближайшее время.

– Как? – изумился Вовка.

– Вот так! Я их все привез вам.

– Дядя Гриша! Это правда?

– Истинная, правда.

– Пожалуйста, покажите а.

Григорий взял Вовку за руки.

– Давай сделаем так. Сейчас уберём со стола. Потом пойдём, ты мне покажешь посёлок, шахты. Вдруг куда пойду и заблужусь? А вечером, когда соберутся все дома, я расскажу о папе и покажу награды. Идёт? Почему молчишь?

Вовка недовольно насупился.

– Как хотите. А можно сейчас, хоть маленько посмотреть и вечером тоже? Пожалуйста!

– Ну хорошо. Уговорил.

– Дядя Гриша, миленький.

Вовка кинулся ему на грудь.

– Давай только так, уберём со стола, потом будем смотреть папины награды.

– Я мигом.

– Вот и хорошо.

Шириков аккуратно достал небольшую кожаную сумочку, скорей всего, немецкий трофей, извлек из неё свёрточек из алой бархатной ткани, развернул. Вовка, сгорающий от нетерпения, увидев награды, восхищаясь, обронил.

– Вот это да!

– Смотри, какой герой был твой папа.

Он пододвинул тряпицу к Вовке, наблюдая, как сын дрожащими руками, не спеша, берёт и рассматривает каждую из них.

– Медаль «За отвагу», – читал Вовка вслух надпись, в центре которой изображен танк. – Что, папа танк немецкий подбил?

– Да, и не один. Но это изображён не подбитый немецкий танк, а наш. Он символизирует силу советского оружия.

– Медаль «За Боевые заслуги». А это орден как у Вас, дядя Гриша.

– Я же тебе говорил, что у папы таких два ордена.

– Ух, ты! А этот как называется?

– Читай, там написано.

Вовка положил на ладонь орден, который состоял из чёрно-коричневых полосок и серебристой большой звезды, с гордостью произнёс:

– «Орден Славы третьей степени». Смотрите, а вот еще одна медаль «За Боевые заслуги».

Он ещё и ещё по несколько раз перебирал награды, перечитывал их названия, задавая один и тот же вопрос:

– А этим орденом за что был награждён папка?

Григорий, рассказывая о друге, каждый раз подчеркивал, каким храбрым и смелым он был; старался не торопить Вовку – пусть пацан насладится боевыми подвигами отца.

– Целых четырнадцать штук, – подвёл итог Вовка. – Давайте положим, а вечером ещё посмотрим. Вы же у нас их оставите?

– Конечно. Вырастешь, станешь взрослым, будешь показывать, и рассказывать своим детям и внукам, какой у них был дедушка.

– Можно я сегодня друзьям своим покажу?

– Конечно, какие могут быть возражения? Это теперь ваше главное семейное достояние, реликвия. Береги и гордись своим отцом. Он это заслужил. И сам в жизни старайся быть похожим на папку. Ты уже большой мальчик. Запомни раз и навсегда одну очень важную заповедь, которую на Руси говорили наши далекие деды и прадеды: «Доброе имя – это самое главное и большое богатство, какое только может иметь человек». Папка твой и был таким человеком. Всегда помни это, чтобы из поколения в поколение передавалась эта заповедь в Симаковском родословье. Заруби себе здесь. – Широков легонько щёлкнул пальцем Вовку по носу.

Больше четырех часов младший Симаков водил Широкова по поселку, показывая и рассказывая о важных достопримечательностях посёлка, которые он считал наиболее значительными. Хотя по большому счету смотреть-то особо было нечего. Типичный рабочий поселок, в центре – большие одноэтажные деревянные бараки, там же больница и две школы: начальная и средняя. Красивый клуб и добротные индивидуальные дома. Вместе с тем, окраины посёлка, обрамлённые с трёх сторон небольшими холмистыми возвышенностями, были сплошь утыканы небольшими жилыми строениями и землянками. Впечатляюще смотрелись шахты номер три и два, выделяясь своими надстройками, специфическими сооружениями, породными терриконами, из которых круглый год струился синеватый дымок горящего в породе угля. Вплотную к шахтам подходила железная дорога со своими разветвлениями и весовой площадкой, где загружался по транспортёрным лентам в вагоны уголь. Рядом с железнодорожной веткой располагались вспомогательные цеха, с токарными и фрезеровочными станками, сварочными аппаратами, ремонтными мастерскими и большой кузницей. Буквально в нескольких метрах от забора вспомогательных цехов благоухал тополиный оазис. Высоченные, как на подбор, тополя в обхват толщиной, упираясь макушками в небо, занимали площадь не менее трёх гектаров. Кто их посадил и когда, оставалось для жителей загадкой.

На фоне хаотично расположенных разного рода производственных строений этот уголок, обнесённый невысоким штакетником, привлекал внимание прохожего своей чистотой и убранством. Заинтересовался им и Григорий.

– Володя, что это за дом отдыха?

– Здесь находится спаскоманда.

– Поясни несведущему дяденьке поточнее, что за спаскоманда?

– Дядя Гриш, это если в шахте что-нибудь произойдёт, ну обвал или ещё что-то, спасатели надевают такие белые рюкзаки металлические и спускаются в шахту, оказывают помощь.

– Вот это доходчиво. А одевают на спину они не рюкзаки, а плоские баллоны с кислородом, я так думаю.

– Может быть, – не стал отрицать Вовка.

Возвращались они вдоль железнодорожной линии по тропинке, которая их привела к переезду.

– Давай, Володя, пройдем в низ, посмотрим что там.

Спустившись метров триста под горку, они упёрлись в замысловатой конфигурации здание, с одной стороны которого стояли подводы, гружёные мешками. С другой стороны выстроились вереницей друг за другом люди с ведрами на коромыслах, бидонами, небольшими деревянными бочками, приспособленными к двухколесным тележкам разной конфигурации. Чуть поодаль на железной трубе висел толстый гофрированный серый шланг. К нему тоже тянулась очередь, состоящая из больших телег, на которых возвышались огромные пузатые бочки.

– Это мельница и самая большая водокачка, пояснил Вовка. А эти с большими бочками на лошадях – водовозы. Развозят воду по посёлку.

– Что и вы за водой сюда ходите?

– Нет, дядя Гриша. У нас водокачка недалеко от дома, в сторону первой шахты.

– А мельница, что же, муку для посёлка мелет?

– Нет, это люди с соседних деревень: Михайловки, Гмырянки, Глубоково, Бородино приезжают молотить зерно.

– Понятненько.

Недалеко от водокачки возвышалась большая чёрная куча угля, в которую упиралось мрачное длинное здание, чем-то похожее на старую баржу, какие стояли в затоне на Енисее. С торца здания торчала здоровенная труба, из которой чёрными клубами валил дым.

– Это наша баня.

– Надо ж, – улыбнулся Широков, – её бы кто-нибудь помыл. Больно убогая и грязная.

– Старая она, давно работает, – заступился Вовка за главного поселкового стража гигиены.

Рядом с баней примостился небольшой киоск, вокруг которого, как в муравейнике, толпилось много разного люда.

– Хлебный магазин, – уточнил Вовка. – Скоро хлеб привезут, вот люди и ждут.

– Хлеб по карточкам?

– Ага, только его всегда не хватает. Да где ж хватать будет, дают совсем мало, – с грустью добавил он. Вот мамка и покупает немного муки на базаре у колхозников, лепёшки, калачи стряпает.

– А что, лепешки вкусные, мне понравились.

– Дядь Гриш, дело не в лепёшках. Мука дорогая, нет денег.

– Да, да, извини, это не учёл, – сконфуженно согласился фронтовик, привыкший за годы войны к казенным харчам.

Справа от бани, метрах в ста размещался огромный конный двор. Его обитатели занимались всяким хозяйственным извозом, в том числе продуктов и товаров, развозили с шахт по домам купленный уголь, возили в разукрашенных кошёвках местное начальство, сверкая медными, латунными бляшками на конской збруе и разрисованными дугами. На каждой из них обязательным атрибутом был до блеска начищенный колокольчик-валдай. Предметом особой гордости и шика для возницы и кучера в зимнее время был огромный овчинный тулуп. Однако круче всех считался кучер, имевший длиннополую собачью доху.

За конным двором, вытянувшись в струнку, начиналась улица Майская. Это была самая ухоженная и длинная улица в посёлке. Заканчивалась она чуть ли не у самого михалёвского колхозного поля. У каждого дома стояли ухоженные палисадники, обрамленные штакетником, в которых, как правило, росли черемуха, смородина и берёзки. Григорий неслучайно попросил Вовку провести с ним поселковую экскурсию, он хотел увидеть ближайшую перспективу строительства своего дома.

– Конечно у Симаковых дом большой, на первое время перебьёмся, но зачем же стеснять людей? Из того, что он увидел, именно майская улица ему понравилась больше всего, но особой перспективы для стройки Широков не увидел: каждый клочок земли был застроен.

– Что Володя. Наверное, на сегодня хватит, уморил ты, дружище, меня до смерти. Давай, делаем разворот на сто восемьдесят градусов и домой.

Проходя мимо бани, Вовка предложил Григорию свернуть правее, чтобы немного сократить расстояние к их дому.

– Это хорошо, а то тебе, пожалуй, меня тащить пришлось бы, ноги совсем не держат.

– Дядя Гриш, если правда устали, давайте у любого дома остановимся, посидим на лавочке, отдохнём.

– Отличная идея. Я правда устал. Давай только выберем, где тенёк, а то сваримся от жары.

– Хорошо. Вон у того дома, где дед Кошманов живет. У них хорошо, рябина, черёмуха растёт. Весной, когда они цветут, такой приятный запах стоит. А зимой рябина вся в красных бусинках, красивая. Ни у кого на улице такой нет.

– Выбор одобряю. Вперёд. Берём лавочку без боя, – скомандовал фронтовик.

Вовка оказался прав. Развесистая рябина и черёмуха, распластав свои ветки,

создавали своеобразный козырёк, который нависал поверх штакетника. Под ним хозяин и смастерил лавочку. Разомлевшие ходоки, плюхнувшись на неё, ощутили неповторимое блаженство.

– Настоящий рай! – восхищался Широков. Он расстегнул китель, – эх хорошо бы и сапоги сбросить, да как-то неудобно.

Неожиданно отворилась калитка, в створе которой как монумент застыл старик с подошком в руке.

– Точно сейчас им согреть, – мелькнула первая с бухты-барухты мысль.

Но дед, улыбнувшись, кивнул головой и мягким голосом произнёс:

– Здравствуйте. Притомились, небось? Жарко нынче, – не обращая внимание на Володьку, он подошел к Широкову. – Извиняйте, не признаю, чей будете?

Григорий встал.

– Меня зовут Григорий. Широков – добавил он. – Я не местный, впервые здесь.

– Вон как... А меня – Кузьма Фёдорович. – Он сделал паузу, как бы размышляя, говорить дальше или нет. – Кошманов.

Повернувшись, сел между Володькой и Григорием.

– А малой Симаков поди с Вами? – спросил старик, будто только сейчас увидел Вовку.

– С фронта? – опять обратился он к Широкову.

– С фронта. Еду домой. Да вот заехал к семье друга.

– К Симакову? оживился старик. – Слышал, слышал про смерть Николая. Слышал. Хороший мужик был. Товарищный. Война проклятушая, война. Вот и моих двоих соколиков забрала, проклятая.

Старик долго молчал. Ему очень трудно было совладать с собой. Наконец немного успокоившись, спросил:

– А вы где воевали?

– Много где довелось быть, Кузьма Фёдорович.

– А мои Ванька с Ильюшкой под Сталинградом. Ванюшку бомбой накрыло, друг его в письме писал. А Ильюшенька без вести пропал в сорок втором, всё ждём со старухой, может ошибка какая вышла. Как думаете, может такое быть?

– Конечно! – как можно убедительней подтвердил Широков. – Сколько таких случаев бывало, и не только таких. Похорожки приходили, а человек оказывался раненым, живым.

Чтобы как-то поддержать старика, он рассказал тот случай, который произошел с ним.

– Неужели? – старик да же встрепенулся, – Вы это правду говорите?

– Кузьма Фёдорович, разве подобными вещами можно шутить?

– Вы уж меня извиняйте, я это так, сгоряча. Вот я своей Елене и говорю: война, всякое может быть... – Он сделал паузу. – Опять же время, времени-то сколько прошло. И она, окаянная, закончилась. А весточки так никакой и нет... – Он обреченно махнул рукой. – А мы всё ждём, надеемся, а на что – и сами не знаем.

– Кузьма Фёдорович, Вы обязательно ждите. В жизни всякое случается и в мир-

ное время, а тут война, — как можно убедительней поддержал он старика. И чтобы как-то отвлечь собеседника, Широков перевёл тему разговора в другое русло.

— Вы, наверное, шахтёром работали?

А как же? Кем же у нас ещё мужику работать? Почти двадцать восемь годков отмантулил в шахте. С твоим дружком, Николаем, довелось работать. Он тогда ещё совсем молодым был. В моей бригаде более пяти лет проработал. Потом его самого бригадиром поставили в новую бригаду. Сноровистый был, за двоих мог работать, стахановские нормы много раз давал. Жадный до работы был, не доведи Господь. Вот и его забрала шельма проклятушая, — он помолчал. — А что же случилось такое? Сказывают, что и победу отпраздновал, а на тебе!

— К сожалению, так. На случайной mine в Берлине подорвался.

— Вот надо же такому случится, — с горечью заключил старик. Пекло прошёл, живым остался. Видно, уж такая судьбинушка, никуда от неё не сбежишь. Вот и моим выпала такая же долюшка.

Он долго сидел, не проронив ни слова, оперившись на подожок, перемалывая в голове только ему известные мысли, изредка покачивая головой. Прервал молчание Григорий.

— Вот думаю здесь у вас на Ирше остановиться, семью перевезти. Не знаю, как с работой получится.

— А что тут может не получиться? — оживился Кузьма Федорович. — Её на каждой шахте хоть отбавляй. Вы кем работали до войны?

— Я строитель по образованию.

— Так и в наш трест строительный можно пойти. Правда, там заработки совсем малые по сравнению с шахтой. Но если вас это сильно не тревожит, устройтесь и на строительство.

— Откровенно сказать, Кузьма Федорович, заработки меня сейчас, конечно, очень интересуют. Я ведь до войны в Чите жил, а потом семью в деревню перевёз. Поэтому придётся начать всё с нуля. Вот такие дела.

— Так нечего тут думать. Ступай на шахту. Самая что ни на есть мужицкая работа. Там тебе и заработок, более нигде не заработаешь, и паёк харчеваться для семьи дадут.

— Пожалуй, так и сделаю, а дальше видно будет. Да и наказ дружка выполню.

— Это что же за наказ? — не скрывая любопытства, спросил дед, заглядывая Широкову в глаза.

Григорий сделал паузу.

— Нет, ежели секрет, не сказывай. Дело такое, — извиняюще поправился он.

— Да, собственно, секрета никакого нет. Просто обещали мы друг другу, что если с кем-то из нас случится непоправимое, поддерживать семью.

— Вот оно что...

После длительной паузы старик обронил:

— Святое дело. По-человечьи. Вы, Григорий, простите, запомнил, как по ба-тюшке?

- Да что тут навеличивать? Давайте без официальностей.
- Хорошо. Это ты, Гриша, правильно решение принял. Хоть у Николая уже дети большие, вон и малой какой вымахал, – дед погладил Вовку по голове. – А поддержка нужна, особенно Клаве. Они жили дружно, уважительно. Ей, горемыке, ой как нужна поддержка. Да и тебе они на первых порах подсобят, куда обживёшься.
- Я вот что хотел спросить у Вас, Кузьма Федорович.
- Слушаю.
- Посоветуйте, на какую шахту лучше устроится и кем пойти работать? Я смутное представление имею о шахте. Так, кое-что, о чём рассказывал Коля.
- Кем работать, Гриша, тут думать не надо. Раз строительные дела знаешь, значит в забой крепёжные работы делать, после выработки лаву садить. Пожалуй, это тебе подойдёт более всего. А насчёт шахты – понятное дело. На первую. И к дому поближе, там и Николай работал. Она и поболее тех двух. Лесопилка рядом. Строиться всё одно сам будешь?
- Обязательно.
- Вот тебе и лес, и отходы всякие под руками будут. Земельку возьмёшь в поссовете и мастери домишко. Вон их сколько по окраинам посёлка наткано. А там поукрепнешь и дом поставишь большой. Всему своё время. Глаза боятся, а руки шевелятся.

Поблагодарив деда Кузьму за беседу, Широков с Вовкой заспешили домой.

Клава, жена покойного Симакова, отработав смену, уже в пять часов вечера была дома. Увидев в прихожей вещи, она поняла, что приехал Широков, хотя его никогда не видела. Григорий ей написал письмо, в котором изложил все обстоятельства трагической смерти мужа, а также сообщил, что после демобилизации обязательно заедет на Иршу, передаст кой-какие вещи и документы мужа. Клава долго стояла в оцепенении, разглядывая висевшую в прихожей серую шинель. Подойдя к ней, не понимая зачем, одной рукой отодвинула полу шинели, другой рукой стала поглаживать пальцами блестящие в ряд пуговицы. Затем, уткнувшись лицом в рукав шинели, она почувствовала всем своим существом только ей до боли родной запах пота и тела мужа.

– Коленька, Коленька, дорогой мой, – заревела она навзрыд, обнимая шероховатую серую шинель. – Как же ты так оставил меня сиротинушкой?

Неведомо, сколько бы ещё Клава причитала и плакала, разговаривая с шинелью мужа, но её скорбь прервал отчаянный лай Шарика, вихрем ворвавшийся в открытую дверь прихожей дома.

– Господи, да что же это я? – засутилась она, вытирая ладонями слёзы.

Наспех схватив висевший цветной платок, шмыгнула в кухню, прильнула к окну. Посередине ограды рядом с сыном стоял военный мужчина, показывая рукой в сторону сарая, где спрятался Шарик.

– Конечно Григорий, кто же ещё?

Она подошла к небольшому зеркальцу, висевшему на косяке у выхода из кухни. Платком несколько раз вытерла покрасневшее лицо, поправила волосы и, убедив-

шись, что не так заметны следы слёз, собралась выйти на улицу, но в сених уже были слышны шаги. Вошёл Вовка, следом – Широков.

– Мам, это дядя Гриша.

Она протянула руку.

– Клава, – дрожащим голосом представилась. Ком подкатил к горлу, слёзы затмили её глаза.

Григорий обнял убитую горем женщину, ничего не говоря, погладил её волосы, давая возможность выплакаться и хоть как-то успокоиться, понимая, что у него нет ничего, что могло бы сгладить, приглушить её горе.

Немного успокоившись, вытирая глаза, она обронила:

– Вы уж меня простите, не все, видно, слёзы выплакала. Простите.

Весь вечер в кругу семьи Григорий рассказывал о Николае, их дружбе, фронтовых наградах и нелепой смерти друга.

– А я Вас таким вот и представляла. Коля в письмах много о Вас писал.

– Клава, давай перейдем на ты, а то я как-то себя неловко чувствую, – предложил Широков.

– Хорошо, – согласилась она.

– Гриша, Коля в последнем письме обмолвился, что очень хотел, чтобы ты с семьёй переехал на Иршу жить, – и не дожидаясь ответа, добавила, – очень хорошо было бы. Вместе оно легче будет жить.

– Да Клава, я твёрдо решил перевезти семью сюда. Вот только с работой надо решить...

– В этом проблем у нас не будет, её кругом на шахтах хоть отбавляй, – обрадовавшись такому повороту событий, завершила она Широкова. – А с жильём, Гриша, не беспокойся, вон у нас места сколько, всем хватит.

– Спасибо, Клава, конечно, не хотелось бы вас стеснять. У меня ведь детишки маленькие, с ними сколько хлопот.

– Ничего, ничего, а у нас, зато большие. Уживёмся. Нынче вон в огороде, славу Богу, зелени всякой растёт, мерено – не мерено, да и картошки ещё на поле соток двадцать посадили. Даст Господь, урожай будет, проживём. Главное, что война, проклятая, кончилась. – И помолчав, добавила, – Коленьки вот только моего нет и никогда уже не будет. На чужбинушке, родненький, один-одинешенек в земле лежит.

– Чтобы как-то отвлечь Клаву от нахлынувшего горя, Григорий перевёл разговор в русло предстоящего завтрашнего дня и устройства его на работу.

– На первую шахту, Гриша, лучше, там и Коля работал. Она здесь совсем рядом, рукой подать... чем ходить на вторую или третью через весь посёлок. Первая и покрупнее тех двух.

– Хорошо, Клава, так и сделаем. На первую, так на первую.

В кадрах шахты, узнав о его профессии, предложили Григорию несколько вариантов, в том числе должность инженера по строительным работам. Однако, заинтересовавшись заработной платой, Широков со свойственной ему откровенностью заметил сотруднице кадровой службы:

– Не буду лукавить, для меня сегодня заработная плата является решающим фактором – семью надо поднимать. Поэтому в забой, ну а дальше видно будет.

– Но Вы ведь представления не имеете об этой работе, – возразила женщина.

– Теоретически имею, практически научусь. Не боги горшки обжигают. На фронте многое не умели, да научились. Вон какому фашистскому зверюге шею свернули.

– Ну, что ж... – не стала дальше возражать кадровичка, – в забой, так в забой. Пишите заявление. Пройдёте инструктаж по технике безопасности, производственному минимуму, получите спецодежду, инструмент и к работе.

Пройдя все необходимые формальности и договорившись, что выйдет на работу через шесть дней, Широков отправился домой, чтобы как можно скорее перевезти семью.

Он никак не предполагал, что при переезде возникнут серьёзные проблемы.

– Гриша, ну как мы поедem без нашей Белянки? Оставим детей без молока? Я вообще не представляю, как мы без неё жить будем.

– Надя, что мы там корову не сможем купить?

– Таковую не сможем.

– Господи, корова она и в Америке корова.

Какие только аргументы и доводы не приводил Широков, переубедить жену не мог.

– Надя, давай ссориться не будем. Найду машину, заберём Белянку, не найду – оставим, попозже осенью привезём. В конце концов, продадим и там купим.

– Гриша, она же стала нашей кровинушкой, детей наших вскормила.

– Ну что ты предлагаешь: её до Канска, а потом ещё от Канска на себе тащить?

– Не знаю, Гриша, не знаю.

– Вот и я не знаю, где взять машину, а через четыре дня мне уже на работу надо выходить. Ты это понимаешь?

В дом вбежал взъёрошенный Димка.

– Папка, папочка, пап, а тётя Катя говорит, что она себе заберёт Жульку. Мы же её не оставим?

– Не оставим, не оставим. Жульку, сынок, обязательно возьмём.

– Ура, ура, – закричал Димка, обняв отца. И чмокнув его в щёку, тут же выскочил на улицу.

Трудно сказать, сколько живности и скудного хозяйственного скарба не забрали бы Широковы с собой на Иршу, если б не вмешался в это дело отец Нади Николай Андреевич, захавший, к ним вечером.

О переезде он узнал от дочери ещё месяц назад, когда Надя получила письмо от Григория. Понимая трудность и сложность решения вопроса с машиной, он ещё до приезда зятя несколько раз обращался с просьбой к директору МТС.

– Ей богу, Николай Андреевич, ты меня достал с этой машиной. Когда переезжать собрались?

– Пока не знаю.

– Ну а какого хрена мне голову морочишь?

– Так я заранее.

Заранее, зараниее. Я, может за это время помереть десять раз успею, а ты мне чуть не каждый день глаза мозолишь. Определись тогда и приходи, может что придумаем.

После этого разговора отец зашёл к Наде, чтобы ещё поговорить о сроках отъезда.

– Тятя, откуда ж я знаю? Гриша приедет, тогда будет ясно.хз

– Карову, доня, якога чорта в такую даль тащить? Абживётся, там и купитя.

– Нет, тятя, Белянку я не оставлю, – категорически заявила она.

– Хай будя по-твоему, – согласился отец. – Вот только воткуда машину шукаць будимо? Их усяго чатыры стареньких в эмтээсе, и воны расписаны не только па днях, но и по часам. Ня знаю, як решится... Ладно, будимо шукаць. Куды дываться?

И вот сегодня когда всё стало ясно, отец в очередной раз поехал в МТС.

Увидев Николая Андреевича, директор МТС, не здороваясь, выпалил.

– Андреич, не мозоль мне более глаза, иди к механику, он всё знает.

– Благодарствую.

И мигом заспешил к механику. Тот без всяких вступлений спросил.

– На какой день переезд наметили?

– Як машина попутна будя.

– Попутная машина есть. Определяйтесь – что попусту мусолить? – и побыстрее. За запчастями в Красноярск ехать надобно. Время, сам знаешь, не терпит, заодно и твоих перевезём. Поспешай, Андреич, поспешай.

Два дня спустя, отмечая приезд зятя с фронта после Победы и узнав о дне отъезда, тесть окончательно решил этот вопрос.

Открылась дверь, махая руками как крыльями, влетел Димка.

– Мама! Папа! Деда приехал, дедка приехал, – радостно кричал он, прыгая по комнате.

Григорий с Надей вышли на крыльцо встречать отца. Поздоровавшись, мужики присели на ступеньку.

– Ну ладно, пока поговорите, я пойду, обед приготовлю.

– Хорошо Надя.

Димка, не мешкая, примостился на колено отца. Вообще с первой минуты, как только Григорий вернулся с фронта, сын с ним почти не разлучался. Шмыгнув туда-сюда, он тут же приставал к отцу с вопросами, просьбами. Даже ночью, когда ложились спать, он просился спать с ним.

– Деда, а ты видел, какую военную пилотку папа привёз? Со звездой, настоящей.

Соскользнув с колена отца, побежал в дом. Тут же вернулся.

– Вот, глянь какая. Померь.

Он сдернул с головы деда фуражку, надев на макушку пилотку.

– Вот таперяча и я солдат, – рассмеялся Николай Андреевич.

– А ты дедка, пошто не воевал на фронте?

– Так я уже старый, в солдаты не гожусь.

- Димка никак не отреагировал на реплику деда, только улыбаясь, хмыкнул.
- Деда, а вот ещё посмотри, что у меня есть. Папа подарил.
- Он опять заскочил в дом, выбежав с какой-то блестящей игрушкой.
- Смотри, смотри, деда, слушай. Проведя по губам туда-сюда игрушкой и дуя в неё изо всех сил, Димка выдал из неё несколько писклявых звуков.
  - На, попробуй, – предложил он деду.
- Дед, взяв игрушку, долго её разглядывал, крутя туда-сюда.
- Это гармошка, губная, – уточнил внук. – Ты дуй вот так!
- Но у него ничего не получилось.
- Папа, папочка, ты сыграй. Сыграй.
- Григорий взял гармошку и, прижав её к губам, наиграл какую-то красивую мелодию.
- Это надо ж так мудрёно придумать, – восторгался Николай Андреевич.
  - Ладно, сынок, иди, погуляй, а мы с дедушкой поговорим.
  - Деда, а мне ещё папка военную сумку и медаль подарит, – не унимался Димка.
  - Подарю сынок, подарю. Иди, погуляй.
  - Деда, а мы когда поедем, Жульку с собой заберём, папа обещал.
  - Сынок, обязательно возьмем. Иди мамке помоги. Иди.
  - Ну, слава Богу, не только сабачёнку забяроते, но и корову, – обронил дед.
- Григорий посмотрел подозрительно на тестя.
- Решил я, Гриша, усё благополучно с машиною.
  - Отец, правда?
  - Пошто врать буду?
  - Ну, батя, силён ты у нас мужик!
  - В эмтэесе с директором усё порешил. Мужик он понимающий.
  - Что, прямо завтра можем грузиться?
  - Можем, я за ентим и приехал.
  - Вот это новость так новость! Я уже потерял всякую надежду.
  - Надя, Надя! – позвал Григорий жену через открытую дверь.
- Выскочил Димка:
- Папа, деда, мамка зовёт есть! Пойдем, папа, в дом.
  - Зараз я до ветру схожу и буду.
- Григорий радостный подошёл к жене обняв, попытался поцеловать.
- Не подлизывайся, Гринечка. Без Белянки я никуда не поеду.
  - Поедешь, поедешь, ещё как поедешь, – наседал он на жену.
- Вошёл тесть.
- Тятя, проходите и седайте здесь.
  - А что, Надежда Николаевна, пожалуй, нальёте нам по рюмочке, другой? Есть хорошие новости.
  - Ой ли?
  - Да, дорогая жёнушка. Завтра грузимся.
  - Как?
  - Руками, Наденька, руками.

Прислушавшийся к разговору родителей, Димка после слов «завтра грузимся» понял весь смысл происходящего.

– Ура! Завтра едем, – закричал он, бросаясь в объятия отца.

– Гриша, это правда?

– Правда, Надя. Папа договорился с машиной.

– Тятя! – Надя поцеловала отца в колючую небритую щеку, – Тятенька, спасибо тебе огромное.

Тут как тут включился Димка. Вцепившись в шею деда, он несколько раз его поцеловал, потом, отвернувшись, выпалил:

– Деда, ты такой колючий всегда. Почему не хочешь бриться, как папа?

– А мне бабушка Прасковья не вялит бриться.

– Почему, деда?

– Она хаварит, что без колючек я джоже некрасивый.

Григорий с Надей громко рассмеялись. Раздосадованный внук, не поняв, говорит дед правду, или шутит, выскользнув из его рук, побежал на улицу.

Мотор старенькой полуторки перевёзшей за свой долгий век не одну тысячу тонн зерна и всякой деревенской утвари, монотонно напевал свою унылую песнь. Небольшие клубы пыли, вылетающие из-под колес, мгновенно заматали следы протектора, отпечатанные на дороге, будто по ней никто и не проезжал. Издалека машина напоминала бесформенный движущийся сарайчик, опутанный со всех сторон веревками, внутри которого у левого борта стояла привязанная Белянка, огороженная со всех сторон скарбом. За ней в решётчатом ящичке поместились пять куриц с петухом по кличке Павлин, прозванным за необычную окраску перьев. Остальное пространство кузова было завалено узлами, мешками, корзинками, сумками. Широков с собачонкой Жюлькой примостился на небольшом ящичке в правом переднем углу кузова. Ему здесь было удобно не только сидеть, но и при необходимости разговаривать с Надей через открытое стекло дверцы кабины, наблюдать за поведением коровы, а пристав на ноги, и обозревать всё это нагромождение.

– Хороший наблюдательный пункт выбрал Гриша, – похвалил он себя мысленно.

Больше всего он беспокоился за детей и Надю. День выдался очень жарким, и им в кабине было несладко.

– Может, Димку к себе взять, свободнее в кабине будет? Ладно, не будем время терять, дотянем до Канска, на берегу Кана передохнём, там его и заберу.

Он закрыл глаза, отдаваясь воспоминаниям сегодняшнего отъезда.

Никак не ожидал, что чуть ли не вся деревня пришла провожать. В сибирских деревнях испокон века люди жили дружно, помогая и поддерживая друг друга, а тяготы войны, лишения, горе особенно сплотили их.

– Какой же у нас душевный, добрый и трудолюбивый народ! Сколько по Европе пришлось протопать, нигде такого не видел. Нет, только наши люди, особенно сибиряки, обладают такой душевностью. В ней, как в родниковой воде, всегда найдётся чистота, свежесть ума и вдохновенье. Низкий вам поклон, дорогие земляки.

Растроганный Широков в своих мыслях пошёл дальше.

– Эх, будь моя воля, на самом людном месте в мире поставил бы большой красивый памятник сибирякам. Пусть бы все смотрели и учились доброму, светлому. Уверен, что от этого мир стал бы намного лучше.

В подтверждение своим мыслям, Григорий вспомнил разговор трёхдневной давности с другом Фёдором Чирковым на своей вечеринке, когда он собрал деревенских мужиков, вернувшихся с фронта.

– Не поверишь, Гринька, говорил Фёдор. – Когда выписался из госпиталя с обрубленными по самые кокушки ногами, домой никак не хотел возвратиться. Смысл жизни потерял. Опять же, жену Катерину вспомнил, сына Шурку. Обругал себя самыми последними словами за проявленную слабость. По правде сказать, и по возвращению домой не один раз наворачивались дурные мыслишки порешить себя. Но господь бог отвёл, помог найти силы. Катерина боролась за меня. А теперь вон при деле, бригадирствую в колхозе. На тачанке за день швыдче, чем на ногах, везде успеваю. Самый что ни на есть интерес к жизни приобрел. Оказывается и с кульпяками можно жить с пользой!

– Да, Феденька, ты прав, сто раз прав. Человек всегда выйдет победителем, если сможет найти в себе силы. А я тебе скажу, Фёдор, как перед Богом. Узнав о твоём несчастье из письма Нади, ни минуты не сомневался, что ты победишь себя. Из крепкого замеса мы, сибиряки, сделаны, Федя, вот весь секрет.

– Согласен, Гриша, согласен, от наших предков этот замес.

– Мужики... мужики, – попытался утихомирить подзахмелевшую компанию Широков. – Тост Фёдор Иванович говорить будет...

– Да. Федька – молодец. Настоящий мужик, – мысленно в который раз похвалил он друга.

Машина подъезжала к первым постройкам города Канска. Широков, привстав, наклонился в открытое окно дверцы кабины. Хотел сказать шофёру, чтобы тот после того, как переедут мост, остановился на берегу. Но, увидев дремавшую жену и детей, которых она, обняв, прижала к себе, воздержался.

– Ладно, скажу, как переедем мост. Пусть спят.

ГЛАВА 21

НАЧНЁМ ВСЁ С НАЧАЛА

На Иршу приехали поздно. Симаковы, что называется, во всеоружии ждали гостей. Братья во главе со старшим Иваном махом разгрузили машину, стаскав узлы и весь скарб в сенцы. Клава, познакомившись с Надеей, тут же увела её с детьми в дом, а затем – в приготовленную баню.

– Давай деток помоем, покормим и спать... Устали бедненькие, устали маленькие, – она, улыбаясь, погладила Димку и Наташку по головке. – Устали... Пойдёмте.

Чтобы разгрузить Белянку, пришлось ехать к железнодорожной ветке. Шофёр задним бортом полторки уперся в насыпь. Открывшийся борт кузова как мостик лёг на насыпь. Григорий взял за поводок корову. Измученное дорогой животное, выпучив глазища, не понимая, что от неё хотят, задёргалась. Но четверо мужиков, облепив её руками, силой подтолкнули к «выходу». Коснувшись земли, Белянка сразу же поняла, что происходит и, переступив раз, другой, благополучно покинула машину.

А уже ровно через сутки она под присмотром подпаса Серёжки Симакова паслась в местном стаде коров. Жулька с Димкой буквально на следующий день подружились с Симаковским Шариком. Григорий вышел на работу.

При этом не обошлось без забавной смешной сценки. Когда Надя увидела мужа в шахтёрской амуниции, в которую он облачился, примеряя, дома, разразилась громким смехом. Брезентовая куртка, брюки и верхонки выглядели сносно. А вот когда он обулся в так называемые шахтёрские чуни, напоминающие по форме калоши из толстой упругой резины только с острым, слегка загнутым носком, к которым были пришиты кирзовые голяшки, ей почему-то показалось, что внешний облик мужа в этом одеянии напоминает турецкого султана. Надя не могла сдерживать смеха и долго до слёз хохотала над мужем, повторяя:

– Султан, вылитый султан...

На самом деле внешний облик шахтёра абсолютно ничем не напоминал султана: на голове – тёмно-коричневая каска с небольшим козырьком, в руках – широкая ребристая совковая лопата и железная кайла с деревянной ручкой, или кирка, так её иногда называли. Кайла имела форму большого молотка с длинной деревянной ручкой. С одной стороны этот молоток был заострён как гвоздь, с другой – напоминал форму обычной заточенной стамески. Этим инструментом шахтёр под землей в забое добывал уголь, кайла угольный пласт как большую льдину, откалывая куски угля, затем лопатой грузил его в вагонетки или на транспортёрную ленту, которые доставляли уголь на поверхность земли. Вагонетки с углём на поверхность, пока не было электричества, по рельсам возили лошади, которых звали монголками за их маленький рост.

– Гринь, ну не сердись, правда, такой смешной султанчик, умора.

Григорий сделал серьёзную мину.

– Ах, ты ещё вздумала издеваться над мужем? Ну, держись. Вот те крест, поколочу!

Он сгреб жену в охапку.

– Ой, раздавишь, Гринь.

– Кто я? Кто? Говори, иначе порешу!

Надя пуше прежнего залилась смехом. Их дурачество прервал плач Наташки в ограде. Надя, выскользнув из объятий мужа, устремилась на улицу.

– Ох ты, горе луковое, ну зачем же тебе, скажи, сюда понадобилось лезть, а?

Наташка, пытаясь забраться в палисадник, где росли белые ромашки, зацепилась за невысокую штакетину, порвала платье и, поранив немного пальчик, ревели, заливаясь слезами. Надя взяла её на руки.

– Где вавка? Покажи.

Наташка оттопырила слегка оцарапанный пальчик. Надя поцеловала его, затем несколько раз подула, приговаривая: «У кошки боли, у собачки боли, у Наташи заживи»...

– Ну, уже не больно?

Наташка молча, кивнула головой.

– Вот и хорошо. Пойдём, папочка ещё подует, и пальчик совсем болеть перестанет.

Димка в это время с разрешения родителей гулял по посёлку с младшим Симанковым, Вовкой.

Вообще жизнь Широковых на новом месте входила в обычное житейское русло. Не скучала и Надя, взяв на себя полностью уход за огородом и домашними делами.

Первый рабочий день у Григория выпал на ночную смену. Хотя какая разница? Всё равно под землёй. Всё в шахте было необычно, нестандартно по сравнению с тем миром, в котором Широков привык жить. Конечно, он понимал, что шахта – это не стройка. Но то, что увидел и прочувствовал, его поразило. Исключительно примитивный тяжёлый ручной физический труд, постоянная нехватка притока свежего воздуха, невероятное скопление угольной пыли, которая, кажется, проникает во все клеточки тела, полумрак и огромная толща земли над головой невидимой силой заставляют постоянно пребывать в полусогнутом положении, на коленках добывая уголь. Он отдавал себе отчёт, что это первое впечатление. И тем не менее, понимал, что труд шахтёра по своим условиям несопоставим с какой-либо другой профессией. Его поразило и другое. Высочайшая самоотдача людей и уважительнейшие отношения между собой, поддержка друг друга. Понимая, что Григорию трудно, мужики из бригады как могли его поддерживали, подбадривали, давали возможность передохнуть.

– А как они умеют тонко и деликатно подтрунивать друг над другом!

– Ты, Гриша, внимательно смотри, – поучал его коллега, указывая на тонкий слой породы между пластами угля. – Вот в таких прожилинах бывают золотые россыпи, а иногда большие самородки попадают. Так что ты будь внимательней. Гляди, кайлой не повреди самородок.

– Конечно, конечно, – вполне серьёзно заверил его Широков, не подозревая подвоха. Потом, когда отдыхали в перекуре, Григорий, принявший совет за чистую монету, поинтересовался у бригадира, – Александр Трофимович, а что часто попадают золотые россыпи?

Тот чуть дар речи не потерял:

– Не понял... Какие россыпи?

Мужики притихли, но тут же забой потряс дружный смех.

– Гриша, – дружелюбно обратился к нему бугор. – Это Тюрин всю жизнь мечтает найти золото, зуб себе золотой вставить, чтобы в забое ему светлее работать было. Стахановскую норму выдать мечтает, золотую звезду героя получить. Ну а

золота в стране на эти дела, сам понимаешь, маловато, вот он его в шахте и ищет и тебя в напарники подбивает.

Смех вновь потряс забой.

Возвращаясь утром после смены домой, Широков огромным усилием воли заставлял себя не присесть где-нибудь, да ещё хуже – не дай Бог! – не уснуть. Ноги, как ватные, совсем не слушались, обмякшее тело не хотело себя держать.

– Да, несладок шахтёрский хлебушек и длинный рубль. – подумал он об этом сегодня уже в который раз. – Ничего, втянусь потихоньку. Давно физически не пахал, разленился.

Подходя к дому, он собрал все силёнки, чтобы только не выглядеть перед женой совсем расклеившимся.

Наконец по графику наступил долгожданный выходной день. Накануне они с Надей решили походить по посёлку, присмотреть участок, чтобы начать строить себе домишко. Эту тему они поднимали ещё в Круглово и уже здесь обсуждали несколько раз.

– Гриша, у Клавы, конечно, хорошо и люди они хорошие, но всё равно мы их стесняем. Давай потихоньку будем присматривать земельку, да строить начнём свой угол. Узнав о планах родителей, Димка начал приставать к отцу с просьбой взять его. Григорий не возражал, пусть пацан набирается житейского опыта.

– Нет, сынок, не пойдёшь.

– Мама, ну почему? – настаивал Димка.

– Сынок, кто за Наташей приглядывать будет?

– Володя посмотрит.

– Бесстыдник ты, Димка. Володя! Володю совсем в няньки записал.

– Сынок, мама права, оставайся с Наташкой. А мы с тобой, если найдем место, потом сходим, посмотрим.

– Ладно, – недовольно пробурчал сын.

У Григория кое-какие намётки были после первой прогулки по посёлку, поэтому он предложил Наде сразу пройти на два участка, облюбованных им.

– А может, они заняты? – засомневалась Надя.

– Узнаем на месте. Пойдём.

Надя подхватила мужа под руку и они, воркуя, как два голубка, устремились в поисках своего будущего гнёздышка.

Наде очень понравилась улица Майская, но там щели свободной было невозможно найти, только в самом-самом конце, и то проблематично, поскольку улица почти упиралась в колхозное поле. К тому же, это было очень далеко от центра посёлка и вода далеко.

Больше трёх часов ходили они по посёлку, маясь по жаре, но ничего подходящего не нашли. Всё было застроено домиками и землянками.

– Гриш, пойдём подойдем к водокачке, умираю, пить хочу!

Григорий подошёл к крайней женщине, стоящей в небольшой очереди за водой, и попросил ведро, чтобы набрать и попить воды.

– Пожалуйста, пейте на здоровье! – снимая ведро с коромысла, предложила пожилая женщина.

Пока Широков набирал воду, женщины разговорились.

– Приезжие? – спросила Надю хозяйка ведра.

– Да.

– Наверное, вербованные?

– Нет. Муж с фронта пришёл, вот по рекомендации его друга и приехали.

– Издалека будете?

– Нет. С Канского района приехали, всей семьей. У его друга остановились.

– У кого?

– У Симаковых.

– А, у Клавы – оживилась женщина. Бедная, без Коли осталась. Слава Богу, хоть дети большие. А то вон Киреева Маша осталась с тремя ребятишками. Господи, никого не обошла стороной война, окаянная. Вот и мой Алёшенька головушку сложил в первые же дни войны, где-то под Киевом.

Подошёл Широков, поднял, придерживая, ведро.

– Пей, Надюша.

Она обхватила ведро двумя ладонями, жадно припав губами к его кромке.

– Не торопись, Надя.

Оторвавшись от ведра, она попросила мужа плеснуть воды на ладони. Наполнив их и наклонившись, ополоснула лицо.

– Ой, как хорошо, спасибо Вам огромное. Спасибо.

– Да, что ж тут такого? Житейское дело. Пейте на здоровье. Лучше нашей водицы не сыщешь нигде. А что ж в такую жару по гостям ходите? – не то упрекнула, не то из праздного любопытства поинтересовалась она у Нади.

– Ходим, приглядываем место, где бы свой домик начать строить. Пока напрасно, везде люди живут.

– А вы к нам ходили?

– Это куда? – оживилась Надя.

– Погодь. Сейчас воды наберу, очередь подходит. Потом скажу.

Широковы отошли чуть в сторону в тенёк, поджидая женщину, та не заставила себя долго ждать. Подойдя к ним, слегка присела, нагнувшись, поставила ведра на землю, сняла коромысло, опершись на него, представилась.

– Меня Нина Спиридоновна зовут. Баба Нина – поправилась она.

– Меня Надя, а мужа Григорий – представились Широковы. Очень приятно познакомиться.

– Место, конечно, не ахти какое, кустарник, неровно... – начала баба Нина, но лучше не найти. К тому же, недалеко от базара, водокачки, магазина. Пойдёмте со мной, всё одно мимо моего дома не пройти.

Широков чувствовал себя неловко оттого, что женщина несёт ведра, а он, мужик, рядом идёт.

– Нина Спиридоновна, давайте я понесу.

– Нет, милоч, я сама.

Широков загородил ей путь.

– Давайте, а то я сто лет на коромысле воду не таскал.

– Ну, коли так, берите. Набирайтесь опыта. Пригодится. Я не гордая – засмеялась она, передовая коромысло.

Пройдя по узкому переулку метров двести, вышли на улицу, которая называлась Подгорной. На ней как раз и жила баба Нина.

– Вот мы и пришли. Поставьте ведра здесь, – она указала Широкову на маленький тротуарчик. – Вот так, спасибо, а коромысло сюда, на штaketник.

– Хорошо.

– А теперь пойдёмте смотреть место.

Они пересекли улицу, повернули в небольшой проулок, вышли на улицу под названием «Ручейная», затем повернули в переулок, который, немного изгибаясь, уходил в гору. Остановились.

– Это ваша улица. Называется «Электропереулок». Начинается вон оттуда, – она показала рукой, – почти от базара, и идёт сюда вверх.

– Наш переулок... – Широков улыбнулся, посмотрел на Надю, та сразу поняла, что он имел в виду.

– Ну, пойдёмте, здесь рядом, через шесть домов.

В этом живут Петрушковы, потом Романовы, бабка Шалажиха, Павленко, дед Митя, это с левой стороны – уточнила Нина Спиридоновна. – А по вашей, правой, вот, Маловы. – Она махнула рукой на большой деревянный дом. – Это Рыбинские, дальше Межибины, Горловы, Фарины последние.

Улица под странным названием «Электропереулок» в своём завершении наполнила узкий распадок, зажатый с трёх сторон буграми.

– Вот, смотрите. Если этот участок раскорчевать, – баба Нина указала на кустарник, – соток шесть получится. Здесь тихо, ветра нет. А посмотрите, какой вид с горы! Весь поселок, как на ладони – нахваливала она место, – Мой племяш Васька хотел строиться здесь ещё до войны. Ну ладно, смотрите, думайте. Я побежала, поросёнка да курочек кормить надо. Заходите в гости, дом знаете.

– Спасибо Нина Спиридоновна, спасибо Вам.

– Ну, с Богом. Я побегу.

Широковы долго ходили по кустарнику туда-сюда, вымеряли шагами, прикидывали, где лучше поставить домик, стайку, дворик для скота. Потом поднялись на гору, с которой действительно посёлок был как на ладони. Присели на небольшую валежку.

– Ну, что, Гриня, делать будем?

– Тебе-то как, место нравится? – задал он встречный вопрос.

– Место неплохое, да больно неровное...

– Надь, смотри сюда. Видишь вон куст, на рогатку похожий?

– Да.

– Вот от него влево вгрызёмся в землю, там и будем ставить наше жилище. Засыпной дом, он одной стороной полностью упрётся в землю, две другие наполовину будут в земле. Вот так.

Григорий достал складной ножичек, подаренный ему Батей, когда Широков уходил на фронт.

– Смотри.

Аккуратно вырезал в земле нишу.

– Эта стена упрётся полностью сюда, эти две – наполовину. А эта будет выходить на улицу с двумя окнами.

– Гринь, ну зачем в землю зарываться?

– Хорошее слово сказала... «зарываться». Надюш, во-первых у нас дети маленькие, зимой сильные морозы, нам нужно тепло. Зарывшись, мы его естественным путём сохраним. Во-вторых, мы очень хорошо впишемся в этот бугор. Слева поставим заборчик, который прикроет стайку и хозяйственный дворик, где будет жить Белянка и Павлин со своими курочками. Справа, от дома, вот сюда, небольшие сенцы пристроим, а к ним забор. Смотри, что получается. С улицы не будет видно, что наш домик наполовину находится в земле. Ну и последний плюс. Засыпной дом строится быстро и дёшево. Через год, другой, поставим настоящий, большой, красивый, из брёвен. В нём будут жить много детей и внуков. А из этого музей сделаем.

– Гриш, получается, что завтра переезжать можно? Какой ты у меня умный.

– Ты даже себе представить не можешь до конца, какой я умный. Как с куста мужика сняла, выйдя за меня. Гордись.

Он долго смеялся, дурачась.

– Я же строитель, Наденька, а таких домиков я ещё в Монголии в тридцать девятом не меньше сотни построил. Ну, что решение принято? Начинаем стройку века. Слушай Надь, давай мы её назовем «Победа».

– Давай. Ура! Ура! Ура!

Обнявшись, они заспешили домой.

– С ума сошли, целый день прошлялись! Дети нас потеряли. Давай поторопимся. Клава искренне обиделась, узнав о намерении Широковых.

– Гриша, как же так? С чего вы взяли, что нас стесняете? Мы дома-то бываем только по ночам, и то не всегда. Коля бы живой был, он бы тебе сказал.

– Клавочка, дорогая, не сердчай. Нам до переезда, как до луны, конца-края не видать. Так что жить у вас придётся ещё огого, сколько. А дом свой строить всё равно надо. Семья. А раньше начнём, быстрее построим. Ты вот про Колю вспомнила. Думаю, будь вы на нашем месте, также поступили бы. Поэтому наши намерения Николай поддержал бы.

– Не знаю, Гриша, не знаю... Может быть, ты и прав, но всё одно мне как-то нехорошо. Будто мы вас принуждаем. Да и ребята мои могут подумать плохое.

– Клава. – Надя обняла подругу. – Ну, что ты говоришь? Мы ведь стали как родные люди.

- Вот и я об этом говорю, Надя.
- Все равно, на душе у меня нехорошо.
- А с ребятами Клава я сегодня поговорю сам, они у тебя мужики, что надо.

Хочу да же попросить их о помощи.

Да и просить их не надо. Оживилась Клава.

Конечно, помогут, и я помогу.

Девки, какие вы у меня молодцы.

Широков заграбастал обеих женщин в охапку.

– Спасибо тебе Клава. Спасибо.

Так само по себе благополучно разрядилось возникшее недоразумение. Более того, когда вечером всё семейство Симаковых оказалось дома.

Клава настояла сходить всей ватагой посмотреть облюбованное под усадьбу место.

ГЛАВА 22

СТРОЙКА «ПОБЕДА»

Скорость оформления земельного участка превзошли все ожидания Широкова. Председатель поселкового совета, бывший фронтовик, занявший кресло председателя в сорок четвертом году после тяжёлого ранения, выслушав просьбу Григория и узнав краткую историю появления его на Ирше, тут же попросил Широкова написать заявление и заполнить небольшой бланк.

– Начинать работать, Григорий Иванович. В ближайший исполком рассмотрим и примем решение о выделении Вам участка. Да, не забудьте принести ходатайство от шахткома.

– Обязательно, не беспокойтесь – заверил Григорий председателя.

Вернувшись после очередной ночной смены, он попросил Надю разбудить его после обеда.

– Начнём Надюша, работать.

– Гринь, может выходного дождемся?

– Нет, Надя. Никаких выходных.

Сделав разбивку участка и забив колья, Григорий начал вырубку кустарника.

– Надя, кучу делай вон на том бугорке, как только кустарник подсохнет, мы его сожжём.

Квадрат четыре на пять вырубили сравнительно быстро.

– Ну, вот поддела сделали. Здесь и будет наша хижина. Давай отдохнём. Устала?

– Я-то что... Ты вот как? Впереди ночная смена. Может, хватит на сегодня, Гриша?

– Нет, Надюша, нам ещё надо будет слева участок вырубить. Вот эту ложбинку. Потом мы её засыплем землёй, которую выберем отсюда. Получится ровная площадка. Помнишь, я тебе показывал, что здесь сделаем хозяйственный двор?

К ним подошёл высокий худой старик с коротко подстриженной бородкой.

– Здравствуйте. Бог помощи.

– Здравствуйте, спасибо – дружно ответили Широковы.

Старик, улыбнувшись, заметил:

– Ладно, у вас получается. Меня Дмитрий Максимович зовут, можно и проще: дядей Митей.

Он протянул худую с длиннющими пальцами, как у музыканта, ладонь.

– Григорий, а это моя жена Надя.

– Очень приятно, – вежливо ответил старик. – Строиться решили?

– Да, вот, решили...

– Очень хорошо.

– А я тогда, значит, буду ваш сосед. Это мой домишко, – он ткнул указательным пальцем в домик на противоположной стороне, – со старухой вдвоём живём. Думал, так крайними бобылями и проживём. А вот, бог соседей послал... И хорошо, веселей жить будем. А мне моя бабка Полина сказывала, что наемни люди приходили, смотрели. Я так и понял, что строиться кто-то хочет. Сейчас вокруг всего поселка строятся, землянка на землянке. Правильно, война кончилась, людям жить надо. По вербовке молодёжи много едет... Ну ладно, извиняйте, пойду я, хватит вас от дела отвлекать. Ежели какие просьбы будут, мало ли что, заходите. Ну, будьте здоровы.

Он кивнул головой и не по годам молодецкой походкой пошагал к дому.

– Вот и с соседями познакомились. По всему видно, хорошие люди.

– Да, – согласилась Надя, – Гриш, давай немного перекусим.

Она достала поллитровую бутылку с молоком, два яйца, пучок лука-батун и со всем маленькую краюшку хлеба.

– Кушай, я молочка налью. Жарко, есть не хочу.

Широков внимательно посмотрел на жену.

– Гриш, правда жарко. Я не хочу.

Он заметил, что Надя часто стала отказываться от еды.

– Гриша, все нормально.

– Какое к чёрту нормально, – проворчал он, – консервы ты вчера все детям скормила, сама не притронулась, а американскую баночку мне на работу наладила. Картошка, которую привезли с деревни, кончилась...

– Ничего страшного, перебьёмся. На следующей неделе новые продуктовые и хлебные карточки получим. Курочки, слава Богу, несутся, молочко, сметанка есть. В воскресенье муки и растительного масла куплю. Ты ешь, ешь, набирайся сил. Скоро молодая картошка пойдёт. Перебьёмся.

– Да, перебьёмся, – многозначительно подчеркнул Широков. – Ты вот что, Надя, на себе не экономь. Паёк пайком, его крайне мало. Купи на базаре побольше муки и крупы.

– Хорошо Гриня, ешь, прошу тебя. Я честное слово не хочу. Жарко... С хлебом совсем плохо, – призналась она, – по карточкам у нас булки на три дня не получается.

– Надя, поэтому прошу тебя, купи на базаре муки.

– Гриня, шибко дорого. Доски на что покупать будем?

- Надя, у нас нет другого варианта. Надеюсь, ты это хорошо понимаешь.
- Ладно-ладно, так и сделаю. В воскресенье обязательно муки куплю.
- Вот и договорились. Время покупать доски придёт, будем о досках думать.

Закончив корчевать кустарник, Григорий ещё раз промерил площадку.

– Ну, что Надежда Николаевна, с почином? Начнём в землю вгрызаться. Правда, народная мудрость гласит: «Глаза боятся, руки делают».

Они остались очень довольны сегодняшними делами. Идя домой, строили новые планы, забыв неприятный разговор о муке, продовольственных карточках и прочих житейских проблемах.

– Завтра с Ваней и Серёжей переговорю, определимся, когда аврал наметить. Хорошо бы с Ваней выходной день совпал.

– А Серёжка как?

– Ничего, за него Вовка попасти коров сможет. С ним проще.

Выходной день у Широкова выпал на среду, под него подстроились и сыновья Симаковых Иван с Сергеем. Накануне Григорий выписал на лесопилке четыре кубометра горбыля. А Клава, как мать одиночка, – два с половиной куба обрезной доски «дюймовки» по низкой цене. Мужики-извозчики клятвенно заверили Широкова, что в среду к обеду завезут материал. Григорий им заранее поставил магарыч, купил две бутылки водки. Двенадцать старых железнодорожных шпал уже лежали в штабеле у кромки предполагаемого дома. Со шпалами подсутился старший сын Симаковых. Иван договорился с одним из путейцев, тот выписал для своих нужд старые шпалы. Фактически весь необходимый подсобный материал был готов. Можно было начинать копать землю под контуры будущего дома, ставить столбы и начинать обшивку горбылем с наружной стороны.

Поначалу пришлось действительно вгрызаться в землю, – корни берёзовой поросли буквально вдоль и поперёк переплели верхний земляной покров.

– Вань, Серёж, вы начинайте копать вот здесь, вверху. Тут небольшая плешинка, кустарника поменьше, корни тонкие должны быть, думаю, лопатой перерубить сможете. Землю будем отбрасывать сюда. Мы её потом на планировку пустим. А я внизу начну, здесь наверняка топор понадобится. Ну, с Богом.

Прервавшись на минутку, Широков посмотрел на парней. Те молча ловко орудовали лопатами.

– Настоящие мужики. Вот бы Коля увидел сыновей, сколько бы радости было... Скоро мой Димка такой будет. Отдыхать почаще надо, день длинный, загоню ребят, как необъезженных лошадак.

– Перерыв, рабочий класс, – зычно крикнул он.

– Дядь Гриш, да не устали ещё.

– Вот и хорошо. Отдыхать надо, пока не устал, чтобы силы беречь. Перекур. Давайте сюда. Я давно облюбовал это место, здесь, как в шалашике, ох, как хорошо.

Широков, лежа на спине, вытянулся во весь рост, до хруста потянулся. – Благодать! – и добавил, – что-то, мужики, мне сразу работать сильно захотелось, посплю, может, пройдёт.

Шутка пришлась по душе парням, они долго смеялись, подкалывая друг друга. Широков обратил внимание на Ивана, который порывается уйти.

– Покурить наверняка хочет, но при мне стесняется, а может до ветра.

Григорий знал, что старший курит, да и Клава знала, но Иван открыто не курил.

– Вань, покурить хочешь? – неожиданно спросил его Широков. Тот замаялся. – Коль куришь, кури, что же прятаться? Ты взрослый парень.

Ванька покраснел, как подросток.

– Да, да, – промямлил он

– Кури, кури, что уж тут поделаешь.

– Кури, кури, – съехидничал Серёжка.

Иван, как заправский курильщик, достал ещё нераспечатанную пачку махорки, свернул из заготовленных листиков газеты самокрутку, пустил дымок, который шлейфом тут же расплылся по кустам. И хотя Широков никогда не курил, до боли знакомый и родной запах махры доставил ему огромное удовольствие, как бальзамом пропитав душу. Сколько он пропустил этого дыма через свои лёгкие за годы войны в землянках, блиндажах, госпиталях и окопах... Да что там – в окопах – обмундирование и тело насквозь было пропитано этим запахом. И когда, бывало, он искренне ругал курильщиков и просил пощадить его, те отвечали излюбленной прибауткой: «Ты, Григорий Иванович, не сердчай. Зато моль тебя никогда не тронет. Будешь вечно молодым и красивым».

– Вот стервецы!

Широков закрыл глаза. На мгновение представил вечер, когда они отмечали в Германии День Победы. Коля тогда ещё заступился за него, всех выгнал:

– Мужики, всё подъём. Дуйте на улицу. Там дымите.

– Мужики, Вань, Серёжа, а вы знаете, что отец курить бросил?

– Как? – изумились сыновья, – батя, всегда курил самосад!

– Представьте себе, бросил. Он, между прочим, первый раз бросил после одного случая, когда немецкий снайпер убил его командира взвода ночью выстрелом по светящемуся окурку.

– Как? – Сергей даже вскочил. – Что, правда, дядя Гриш?

– Да. Отцу тогда повезло: он стоял боком, снайпер его не увидел.

– Ничего себе! Случай, так случай. И насмерть, сразу убил?

– Насмерть Серёжа, наповал. Взводный младший лейтенант чуть старше Вани тогда был. Отец очень переживал тот случай и корил себя, что не уберёт взводного. А окончательно он бросил, когда мы через Вислу переправу наводили. Немцы нас тогда крепко прищучили. Думали: всё, отвоевались, почти трое суток ни туда, ни сюда, как в капкане сидели. Боеприпасы, еда, и курево кончились. Вот тогда отец зарок дал: живым останусь – с куревом завяжу раз и навсегда.

Наступила пауза, которую нарушил Сергей.

– И больше не курил?

– Нет. Как отрезал. Я, честно говоря, думал, закурит, особенно в Германии. Сами понимаете, Победа. Сколько радости, что победили, живые остались... Выпивка, сигарет тьма-тьмушая, радость. Но он не притронулся.

– Вот и я не буду курить, – уверенно заявил Сергей.
– Думаю, Серёжа, отец одобрил бы твоё решение.
– Правда, дядя Гриша, я не буду курить!
– Ну, что мужики, вперёд. Делу – время, потехе – час. Так, по-моему, любил говорить наш император, Петр первый. А? Или я что-то путаю?

– Не знаю, – уклончиво ответил Иван.

– Ну, вперёд.

К обеду подошла Надя с детьми.

– Эх, ха, хэ! Подмога пришла, – Шутил Григорий, – кормилица наша.

– А кормить-то вас есть за что?

– Ничего себе, такие хоромы соорудили, а она ещё сомневается!

– Проверю, проверю, – продолжала шутить Надя.

– Пап, дай я покопаю.

– Давай, помощничек, давай. – Григорий отдал Димке лопату, – копай. – Поднял Наташку на вытянутые руки, покрутил её туда-сюда. – Красавица моя пришла, помощница пришла. Ай-да умочка! Молодчиночка, золушка моя.

Потом, прижав к себе дочку, целовал и щекотал её по щёчкам своей щетиной. Довольная Наташка заливалась звонким смехом, махая ручонками.

– Мужики, перекур, смена пришла! Сейчас они нам наворочают.

Димка, сопя, неуклюже тыкал лопатой в плотную глину, отковыривая небольшие жёлтые кусочки.

– Молодец сынок, хорошо получается. Надя, давай у тех кустиков разместимся, там хорошо, к тому же тенёк.

Держа дочку на руках, взял сумку.

– Пошли, мужики, пошли. Обедать будем.

– Пап, а я копать буду.

– Копай сынок, копай, зарабатывай на обед.

Надя расстелила на траве небольшую тряпицу, достала зелёный лук, укроп, свежие огурчики, чашку с творогом и вареные яйца, четверть с молоком.

– О-хо-хо, настоящий пир, – восхищался Широков. А лепёшечки какие румяные, ещё горячие!

– Только со сковороды сняла, как к вам идти.

– Молодчиночка, – он чмокнул жену в щеку несколько раз. – Ребят, давай посмелее, устраивайтесь. Налетай, мужики, а то не достанется! – Он взял огурец, мокнул в соль, с хрустом откусил. – Какая вкуснятина! А моя красавица, что кушать будет?

– Блин! – выпалила Наташка.

– Какой, радость моя?

– Вот этот.

– А это лепешка. Блина нет, – продолжал шутковать отец.

– Всё равно, этот давай.

– Ну, этот, так этот, он самый красивый и вкусный. Кушай.

Наташке шёл четвертый годик. Она очень хорошо выговаривала почти все звуки и слова, кроме «эр». Надя её научила петь многие песни, частушки, рассказывать стишки. В свободные минутки отец с большим наслаждением слушал весь её поэтический и вокальный репертуар, искренне восхищаясь дочкой.

– Надь, она у нас правда талантливая?

– Так вся в маму, – шутила Надя.

– Ну уж, не скажи, – не соглашался Широков, не то в шутку, не то всерьёз добавляя, – наша родовинушка, аккурат наша.

– Мы ещё поглядим, – не уступала Надя.

– Вот и поглядим.

– Поглядим, – ставила последнюю точку Надя.

Григорий, расплывшись в улыбке, заканчивая спор, добавил: С женщиной спорить – что воду решетом черпать.

– Димуля, сынок, иди кушать

– Счас пап.

– Иди, иди.

Подбежал Димка.

– Пап, а у меня хорошо получается?

– Молодец. На, нос вытри, а то мокроту развёл вон какую. Невесты увидят, на смех подымут.

– Ну и пусть видят, они мне не нужны, – огрызнулся Димка.

– И правда сынок, зачем они нам нужны? У нас Наташка есть. Давай, кушай, вон сколько сделал. Обед заработал, кушай.

К вечеру мужики не только управились с земляными работами, но и выставили по уровню столбы. Извозчики, правда, с небольшим опозданием, сдержали слово: привезли горбыль и обрезную доску. Рассортировали и аккуратно сложили в штабель. Григорий искренне радовался проделанному объёму работы и готовности к следующему этапу.

– Молодцы тяжёлую работу сделали. Обшивка пойдёт быстро, сейчас нужно как можно скорее опилки завести. Мужики обещали завтра же два короба привезти, не должны обмануть, народ вроде серьёзный.

– Ну, Клава, что бы я делал без твоих молодцов, не представляю!

– Ты, Гриша, сильно не нахваливай, а то загордятся. Лучше скажи, что сделали?

– Сделали гораздо больше, чем я думал. Мы даже столбы поставили под обшивку. Теперь только молотком стучи, да опилки сыпь.

– А доски привезли?

– Да, всё есть. Погода если постоит, за неделю со стенами управимся.

– Ну, дай то Бог. Хорошо бы.

Несмотря на усталость, Широков после дневной смены поспешил на стройку.

– Часика три – четыре поработать, доски колотить не тяжело.

Надя с детьми собралась с ним.

– Надь, мы с Димкой пойдём, а вы с Наташкой потихоньку подойдёте.

Взяв инструменты и гвозди, они с сыном чуть ли не бегом отправились работать. Закончив поздно вечером, они попросили соседа дядю Митю оставить у него инструмент.

– Конечно, что вы будете его таскать туда-сюда?

Придя на следующий день со смены, Григорий никого дома не обнаружил.

– Странно.

Перекусив, он заспешил на стройку. Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что задняя стенка дома наполовину изнутри не только была обшита, но и засыпана опилками.

– Вот, оказывается, где они! Бригада ух... Надя, зачем пуп рвать и детей перетруждать?

– Гриша, успокойся. Никто пуп не рвёт. Пилить мне не привыкать, а тяжести никакой нет. Димка краешек доски поддерживал и всё.

– Папа! Папа! – наперебой, как воробушки, зачирикали дети. – А мы опилки сюда таскали. И мама мне дала целых две доски прибить, – похвалился Димка.

– Молодцы, молодцы, столько много сделали, скоро совсем дом построим.

– Ура, ура, скоро дом построим, – оживились дети.

– А теперь давайте, собирайтесь домой, я поработаю.

– Гриш, я ей-богу не устала!

– Ну хорошо, давай досок напилим и вы пойдёте, дети, что ни говори, устали.

– Хорошо, давай.

Узнав в разговоре с соседом дядей Митей, что он – мастер по столярным делам, Широков заказал ему сделать окосячку двери, двух окон и оконные рамы.

– Материал на рамы у меня сухой есть, а вот на окосячку сам смекай, где взять, у меня нет... На дверь я тоже, пожалуй, найду, в сарайчике плаха должна быть. Ты бы, Григорий, вот что подумал. Скоро крышу придётся крыть, так ты бы в ЖКУ сходил, может договоришься, материал тебе новый выпишут, толь называется? Лёгкий и воду не пропускает. Сказывают, и недорогой.

– Это рубероид, дядь Мить. Я знаю. А, что в ЖКУ он есть?

– Куда ж ему деваться? Мне Шарапов на днях сказывал: целых два рулона раздобыл.

– Спасибо, я обязательно разузнаю. А насчёт окосячки... я в ближайшее время материал привезу.

– Вот и хорошо, а за мной дело не станет, я мигом сделаю, – заверил старик Григория.

Несмотря на усталость, Широков почти ежедневно после смены спешил на стройку, да и Надя, глядя, как муж вкалывает, управившись мало-мальски по хозяйству с детьми или оставив их на попечении Вовки Симакова, бежала на строительство дома. Засыпной домик рос, как говорится, не по дням, а по часам. Стояли не только стены, уже засыпанные и утрамбованные опилками вперемешку с землёй, но и оконные и дверной косяки. Большой проблемой оказалось найти пять брёвен на потолочные матки и лаги для пола.

Григорий, после ночной смены, немного перекусив, с утра побежал на лесопилку к мастеру.

– Гриша, не уговаривай. В лучшем случае дня через три, четыре что-нибудь придумаю, не раньше.

– Серафим Сергеевич, дорогой мой, ну хоть два бревна привези на потолочные матки. Осень на носу, со дня на день заждит. Хотя бы потолок и крышу мало-мальски сделать. С полом подожду, не горит.

– Григорий, скажи на чем я тебе подвезу? На своём горбу? Так это тебе не доски, бревно. То-то и оно. Его через пуп не попрёшь, везти надо. А у меня всего две подводы с дышлом. К тебе пока довезу два бревна, полдня пройдет. А здесь что, прикажешь, всё остановить?

– Может, вечером, позже? – продолжал уговаривать Широков.

– А что вечером? Вторая смена. Попробуй к утру не напилить запланированный объём, башку вместе с ногами оторвут, ойкнуть не успеешь. В общем, Гриша, не напрягай меня. Будет возможность, сразу сделаю.

Немного раздосадованный Григорий зашпешил на свою стройку «Победа».

– Хрен с ним, что поделаешь? Так складывается, придётся ждать. Пойду, стакаю кирпич в дом и замешу глину. Пусть квасится, через пару дней печку начну класть. Хорошо, что с Круглова колосники и дверку привёз, здесь с огнём не сыщешь. Тесть как в воду смотрел, настоял, чтобы взяли...

– Ты, Григорий, зря не бярошь? Коли строить начнёшь, всякая мелочь нужна будет, помани моё слово.

– Прав батя и ещё раз прав. Вот что значить житейская мудрость.

Подойдя к дому, он увидел, что кирпич уже почти весь перетаскан в дом. Нидных рук дело.

– Вот беспокойная душа, и когда только успела?

– Надюша, Надя, – позвал он жену. – Наверное, уже убежала. Наверняка в магазин пошла, карточки продуктовые отоваривать. Молодец, кирпич правильно сложила, к стенке, – похвалил он жену, удобно будет брать при кладке.

Ночная смена давала о себе знать, решил передохнуть. Присел на кирпичную стопку.

– Хорошо, хоть кирпичный заводик в посёлке свой есть. Иначе была бы проблема похлеще брёвен. Ладно, хватит расслаживаться. Пойду к дяде Мите, возьму корыто – он обещал – и замочу глину.

Однако вставать никак не хотелось. Тело, измученное работой, не хотело повиноваться.

– Давай Гриша, давай, вставай. Управись с глиной, отдохнёшь перед сменой, времени до четырёх часов вон ещё сколько. Вставай.

– Проходи Гриша, проходи. – Радужно встретил его сосед, – что, не получается?

– Никак, дядя Митя, никак. Пока только обещания.

– Может чайку попьёте? – предложила хромённая тетя Поля, жена старика. – Заварочка свеженькая, на шиповничке с козым молочком.

– Давай, давай, садись, – подставляя табуретку Григорию, настаивал старик. Задно и брёвна твои обсудим. Мыслишка одна есть.

– Вот как! – обрадовался Широков, присаживаясь на табурет.

– Ты, Поля, давай, наливай свой фирменный чаёк.

– Вот какое дело... – начал по-заговорщически старик, – напротив, у соседа Евгения, я тебя с ним знакомил, здоровенный бычина есть. Геня на нем всякие большие тяжести возит...

– Какой Гена?

– Ну, это мы так промеж собой соседа Евгения зовем.

– Понятно.

– Так вот у него большая арба есть, в которую он быка запрягает. В неё по осени по двадцать кулей картошки грузят и бык прёт, хоть бы хрен. Всеи улице картошку, сено перевозит. Бесплатно конечно. Но Генка деньги не берёт за работу. Люди так в основном картошкой рассчитываются, ему для скота дают. А он человек добрый. Почитай по весне им же опять возвращает её, на семена садить даёт. Бык-то и брёвна возил из леса, когда Петрашковы строились. Я к тому разговор веду. Может с Геней поговорить он и поможет?

– Так давай сейчас и сходим.

– Нет, сейчас – пустое дело. Он на работе. С Фёклой без него пустой разговор. Вечером надо часов в восемь.

– Нет, Дмитрий Максимович, не получится. Я в ночную смену.

– Вот оказия. Язва её бери, – выругался старик. – А может, ты к нему на работу зайдешь? Он в ламповой, на третьей шахте работает.

– Да я по сути его и не знаю, неудобно как-то. Один раз виделась.

– Григорий, ну что ты разводишь какой-то кисель? Мужики ведь, не бабы! Речь о деле идёт. Какие тут неудобства? Давай сейчас прямёхонько к Геньке и направься. Объясни, мол, так и так, дело стоит. Оно и в самом деле стоит, дождь если прихватит, сколько потом маяты будет.

– Ну, хорошо, расскажи, где его найти.

– Вот это другое дело.

Искать по сути дела и не пришлось. Фарин работал в аккумуляторной на третьей шахте, так же, как и Клава, только он занимался исключительно ремонтными работами. По возрасту он был года на два постарше Григория. В армии и на фронте не был. Ещё в детстве травмировал два пальца на правой руке, которые не работали и стояли всегда колом. По этой причине он себя чувствовал перед фронтовиками каким-то виноватым, ушербным. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что Евгений несколько раз ходил в военкомат и просился на фронт, чтобы взяли хотя бы в хозвзвод, но всякий раз получал отказ. При знакомстве с Широковым, который был в выгоревшей гимнастёрке со следами небольших пятен от орденов и медалей, понял, что перед ним фронтовик. Вообще Фарин по натуре мужик был добрый и трудолюбивый, имел в хозяйстве двух коров, быка, овец и другую живность. Тем не менее, злые языки, особенно женского пола, называли его за глаза

помещиком и симулянтом. «Разжирел, разбогател, от фронта откупился, – судачили они. – А наши там, бедненькие, ишачат, кровушку проливают». Евгений знал об этом, сильно переживал и, конечно же, при случае пытался людям всячески помочь, испытывая при этом непонятную вину, хоть в действительности вины его никакой не было. Но видно так уж устроен мир порядочного человека...

Появление Широкова было для Фарина в какой-то мере шокирующим. Поздоровавшись, Григорий извинился за вторжение.

– Ну, что ты? Какое извинение, – смущенно ответил тот. – Что-то случилось?

– Евгений, я ещё раз прошу извинить. Ничего не случилось. Просто у меня сложилась безвыходная ситуация на строительстве дома.

– Что такое?

Широков изложил суть вопроса.

– Дмитрий Максимович посоветовал обратиться к тебе.

Евгений улыбнулся.

– Что же раньше не обращался?

– Откровенно, не знал, да и неудобно.

– Ладно, давай сделаем так. Я после смены запрягу быка и часам к семи буду на лесопилке, а ты там всё приготовь, мужиков попроси, пусть подсобят.

– Жень, к сожалению, не получится. Я в ночь.

– Вот те на, задачка!

– Евгений, а если завтра утром?

– Да я с восьми на работе буду... – Фарин сделал паузу. – Ладно, утром сможем. Вовка, сын, быка запрягёт, нет проблем. Сам говоришь, каждый час дорог, значит, надо делать сегодня.

– Дорог то дорог, а что делать? Иду в ночную смену, хоть плачь!

– Давай, Григорий, сделаем так. Ты идёшь сейчас на лесопилку, договариваешься обо всём. Главное, чтобы мужики помогли загрузить. Я с сыном приеду туда сегодня после работы...

– Слушай, Евгений, что ты без меня пуп рвать будешь? Так не пойдет... Давай на утро перенесём. Приду со смены и всё сделаю. Главное, чтобы сын с быком управился.

– Григорий, давай не будем препираться. Ты реши всё на лесопилке.

– Ну, а сгружать как будете?

– А это, как говорится, уже дело техники. Бык привезёт и разгрузит.

– Хорошо, я попрошу Дмитрия Максимовича, чтобы тебе помог.

– Да, в общем, и без него обойдёмся... А впрочем, лишним не будет.

– Женья, спасибо. – Широков сгрёб руку Фарина.

– Пока не заработал спасибо. Потом скажешь, если сделаем.

Обрадованный таким исходом решения вопроса, Григорий заспешил к старику.

– Да, – размышлял он вслух, – война не озлобила людей, наоборот сделала их дружнее, сплочённое, добрее, внимательнее друг к другу. Не знаю, как их благодарить. Как только крышу поставлю, обязательно всех соберу. Сделаем с Надей небольшой ужин-новоселье.

Переговорив с Дмитрием Максимовичем, Григорий двинул домой. Усталость валила с ног. Взглянул на часы, стрелки показывали двадцать минут первого.

– Через два с половиной часа надо топать на смену. Ничего, две смены выдержу, а там выходной по графику. Отдохну, силёнок наберусь.

Дома его ждал очередной сюрприз.

– Гринечка, пляши, – обрадовала его прямо в ограде Надя, доставая из кармана фартука письмо, – от мамы из Моршанска!

– Ну, как там они?

– Читай, всё узнаешь.

Григорий сразу определил: писала сестра Лиза, почерк её. Она подробно сообщала о житье-бытье. Мама, слава Богу, здорова. Оленька вышла замуж, приезжали с мужем в гости, но жить решили в Казани. «Дорогой Гришенька, наконец-то дождались весточки от брата Петеньки. К сожалению, его в начале года, ещё до окончания войны, опять посадили, и он сейчас сидит в Норильске Красноярского края. Подробности не сообщал, поэтому мы не знаем, что там произошло. Обратный адрес не сообщил. Сказывает, что возможно в следующем письме напишет».

– Вот оно что. Поэтому ничего о нём и не знали. Что же произошло? Неужели посадили досиживать срок? Но он же воевал... снова доказал, кто он такой... и, судя по фотографии, воевал неплохо.

Григорий вспомнил фотографию, которую видел в Моршанске. На ней брат с наградами, которые так просто не давали, тем более штрафникам.

– Лиза пишет, что его посадили в начале года. Выходит, что в начале сорок пятого ещё до Победы. За что? Почему? Опять одни вопросы. Это что же такое? Восемь лет уже прошло, а ответов так и нет. Как только выяснится точный адрес его отсидки, обязательно узнаю причину, доберусь до истины. Сколько же можно издеваться над мужиком. До ЦИКа партии доберусь, до самого Сталина. Семь бед, один ответ, – твёрдо решил он.

Утром, после смены Широков кое-как доковылял до дому. Помывшись, сел завтракать. Надя, обняв его за плечи сзади и прижавшись, тихо спросила:

– Гринь, ты давно смотрелся в зеркало?

– Несколько минут назад, а что?

– А то, что измотал себя до измождения. Всё, никакой стройки! Спать и ещё раз спать.

Он развернулся лицом к жене. Посадил её на колени.

– Жалостливая ты моя, не беспокойся. Я же трехжильный. Немножко отдохну и буду в порядке. Тем более, завтра выходной... Уйма времени.

– Всё равно, Гринь, так нельзя. Измотал себя всего. Ну посмотри, на кого похож стал. В гроб краше кладут. Успеется с домом, а не успеем – по весне управимся. Что же так убиваться? Поживём зиму у Клавы.

– Надюш, – он поцеловал её несколько раз, – всё будет хорошо. Я просто немного устал. – И чтобы переменить тему разговора спросил: Как дети?

– Всё нормально. Спят. Димка вчера весь вечер Вовку уговаривал на паровозе прокатиться.

– Вот сорванец. Ты приглядывай за ними. Не ровён час, сам решит прокатиться на паровозе.

– Помешался на паровозе, только о нём и разговоры. Теперь он уже лётчиком не хочет быть, только паровозником.

– Машинистом.

– Так и я ему говорю, что паровоз водит машинист. Никак не соглашается: «Это неправильно. Раз паровоз водит, значит, паровозник».

Григорий рассмеялся.

– С домом управимся, я его обязательно свожу, пусть посмотрит по-настоящему паровоз и прокатится.

– Давай кушай, я постель приготовлю. И спать, спать на сутки.

– Хорошо.

Он несколько раз чмокнул жену в оттопыренные губки.

– Ешь, ешь, подлиза.

– Хорошо, если бы брёвна вчера привезли.

– Да привезли, привезли твои бревна. Господи, совсем мужик рехнулся.

– А ты откуда знаешь?

– Поздно вечером ходила, смотрела.

– Совсем баба рехнулась! С кем поведёшься от того и наберёшься.

Посмеялись.

– Иди ложись баиньки. Иди-иди, не подмыливайся.

Управившись по дому, Надя не стала будить детей. Попросила Вовку покормить их и привести к ней.

– Хорошо, тетя Надя, не беспокойтесь.

– Я на дом пошла. Да, чуть не забыла. Димке и Наташке накажи, пусть к отцу не лезут. Он очень устал, пускай отоспится.

– Хорошо, хорошо, я всё сделаю.

Надя ещё с вечера запланировала ошкурить привезённые бревна от коры. Взяв лопату, она обошла бревна.

– Хорошо: не сильно толстые, а главное – ровные... и сучков мало. Красивые матки будут.

Кора была как клеем приклеена к стволу, снималась очень плохо. Небольшие сухие коричневые лоскутки коры приходилось сдирать лопатой вместо рубанка.

– Ничего, потихоньку ошкурю. За то вон какие сухие, ажно звенят.

Закончив с брёвнами, Надя поднялась на пригорок в кустики, где они всегда таборятся.

– Передохну, а потом землю разбросаю, надо закончить планировку площадки. Правильно люди подметили, глаза бояться, руки делают. Небольшие бугры слева и справа от дома выровнялись. Всё теперь по-другому смотрится. Не то, что было, когда первый раз пришли. Забор поставим, совсем другой коленкор будет. А по весне потихонечку кустарник раскорчует, грядочки посажу. А вот в том углу садик с верандочкой смастерим. Рябину, калину, ранетку посадим, будет тихий, красивый уголок.

Она закрыла глаза, представляя развесистые ветки рябины и калины, сплошь усыпанные россыпью коричневых и красных ягод. А чуть в сторонке на кустах рачетки висят на тонких ножках румяные, как яблочки.

– Господи, хорошо-то как!

Её фантазии прервал детский крик.

– Мама, мама, мамочка!

Она встrepенулась, встала на колени. Сын, подбегая к дому, звал её. За ним с Наташкой за руку шёл Григорий.

– Вот ненормальный, просила же: выпись!

– Папа, папа, смотри какие бревна привезли, – не унимался возбуждённый Димка. Увидев мать, с криком – Мамочка! – бросился к ней, тут же подскочила запыхавшаяся дочка.

– Ох, вы мои помощники! Помощники пришли! Ай да молодцы!

Она присела, обнимая и целуя по очереди детей.

– Гриша, ну почему ты такой? Я же тебя Христом-Богом просила выпатся.

Но Григорий уже не обращал внимания на жену и детей, его в данный момент больше всего интересовали брёвна. Походив вокруг них и повернув туда-сюда, остался очень доволен.

– Спасибо мужики! – сказал он вслух, будто перед ним стояли те, кто грузил и привёз брёвна. – И когда же ты, жёнушка, успела? – спросил он, указывая кивком головы на бревна.

– Хлопцев ночью наняла, – игриво ответила Надя.

– А ну, шо за хлопцы? Сказывай зараз! – сделал сердитую мину и повысив голос, спросил он жену. Однако, увидев растерянные глазёнки дочери, понял, что переборшил. Разулыбался, начал хвалить супругу..

– Спасибо, дорогой муженёк, что достойно оценил мою работу.

– Правда, Надюшка, молодец, спасибо.

Он присел на корточки, обнял детей:

– Ну что, наша мамка молодец?

– Да, да, да. – тут же оживились дети.

– Так, дети, тихо. Теперь слушайте вам задание. Дмитрий Григорьевич, возьмёшь в домике, в углу ведёрко, в него будешь собирать вот эти кусочки коры и сюда высыпать. А ты, Натали, будешь ему помогать.

– Ура! – Димка сломя голову понесся за ведром.

– Гриш, тяжело.

– Бог с тобой. Кора совсем сухая, как стружка. Да и ведро не обязательно полное накладывать. Пускай привыкает трудиться, шесть лет на носу. Проследи за ними, а я пока к Дмитрию Максимовичу схожу.

Одиннадцатого октября праздновали новоселье, хотя, по большому счёту, до полного завершения работ было ещё далеко. Предстояло ещё зашить с торцов крышу. И сени, пристроенные к дому, состояли только из каркаса и крыши над ним. В доме вместо строганого пола лежали постеленные широкие плахи,

которые необходимо было подгонять и начисто остругать рубанком, фуганком. Подполье нужно было довести до ума. В общем, как шутила Надя, начать да кончить. Но это, считал Григорий, мелочи жизни. Главное – дом стоял, а в нём – красавица-печка, которую они смастерили с Дмитрием Максимовичем. Было тепло, и это главное.

– Конечно, плохо, что не будет электричества, – сетовала Надя.

Его обещали подключить не раньше весны.

– Перебьёмся. В деревне жили без электричества и ничего.

Специально для новоселья Григорий со стариком смастерили длинный стол и скамейки.

– Выдержат? – не то в шутку, не то всерьёз спросил он старика.

– Не сомневайся, если даже Фёкла залезет на него плясать. Выдержит, выдержит, только давай рубаночком края немного струганем, а то, не ровён час, заноз нацепляем.

Надя по такому случаю, желая как можно лучше угостить гостей, отоваривая продуктовые карточки, заранее откладывала каждый раз про запас рыбные консервы и баночки американской тушёнки.

– Ой, Гринь, правда боюсь, гостей с голоду заморим.

– Так уж и заморим?

– Хлеба совсем нет.

– Как нет? Ты же муки купила.

– Купить-то купила, но всё равно...

– Как все равно? Пирожков собиралась испечь.

– Испеку, испеку с капустой и яйцом.

– Ну вот, а что ещё надо?

– А горячего кроме картошки ничего нет!

– Ты же омлет собиралась сделать.

– Это я сделаю. Клава дала огурчики солёные, помидоры.

– Ничего себе размахнулась! Где ж я тебе столько выпивки под такую закуску найду?

– Да ну тебя. Я правда боюсь, а он со своими шуточками.

– Какие тут шуточки? Наворотила целый короб закуски, а где мне взять под неё выпивки?

– Гринь, ну пошто ты такой?

– Надюш, успокойся. Чем, богаты, как говорится, тем и рады. Не волнуйся, никто с голоду не умрёт. Это точно. В конце концов, мы же не свадьбу гуляем.

– Свадьбу – не свадьбу, а людей пригласили.

– Вот и угостим чем бог послал. Успокойся. Всё будет хорошо. Давай говори, какую посуду тебе ещё взять у тети Поли и Фёклы.

– Принеси одну большую чашку. Кружки со стаканами у тётки Поли возьми, она знает.

Широков, хоть и шутил, но больше всего беспокоился не за закуску.

– Изысканных блюд нет, но еды хватит. А вот с выпивкой может выйти конфуз. Водки всего две бутылки. Вся надежда на логушок бражки, которую приготовила тётка Поля, жена старика. Какая эта чёртова бражка получилась? Понравиться ли вообще гостям? – Это больше всего беспокоило Григория. Хотя подсознательно он понимал, что старики Хромовы, умудрённые жизнью люди, не должны подвести. – Ладно, теперь уже ничего не изменишь. Что есть, то есть. Как говорится, чему быть, того не миновать. Семь бед – один ответ...

Его догнал Димка.

– Пап, мамка просила, чтобы я большую чашку скорее принёс.

– Хорошо, пойдем. Пойдем, у тети Фёклы возьмем.

Гости собрались дружно. Кроме соседей и семьи Симаковых, Широковы пригласили несколько человек из бригады Григория. Не забыли и про Нину Спиридонову, которая подсказала им место под строительство дома.

– Ну, Гриша, прими подарки от всей нашей бригады! В хозяйстве пригодится, – шахтёры вручили оцинкованный таз, два ведра и небольшую кастрюлю.

– А это, Надежда, тебе! Пусть в доме будет уютно и красиво, – с этими словами Нина Спиридонова вручила хозяйке цветущую герань в старом чугушке и берестяной туесок, наполненный всякими травами. – Чаевать будете и тетку Нину вспоминать.

Старики Хромовы подарили большой самодельный умывальник.

– Это, Димка, тебе с Наташкой. Чтобы нос хорошо мыли, а то вон каких коз в носу развели.

Клава Симакова ещё накануне во время ужина подарила Наде сепаратор.

– Это от нас с Колей.

– Клавушка, – смутилась Надя, – он такой дорогой. А сама то как без сепаратора?

– Не волнуйся, у меня есть старенький, нам хватит.

– Ей-богу, как-то неловко, Клава.

– Надя, что ты заладила? Бери и не разговаривай. Сметанкой угощать будешь.

– Большое спасибо, Клава.

– Вот так-то лучше. На здоровье детишкам и вам с Гришей.

Вообще, несмотря на свой немного замкнутый характер и разницу в возрасте с Надей, Клава за этот короткий срок их совместной жизни и общения быстро подружилась с Надей и не представляла себе предстоящую разлуку. Уговаривала её остаться пожить зиму вместе. Надя, в свою очередь, чтобы не обидеть подругу, постоянно отшучивалась: «Клавушка, как бы нам ещё вторую зиму не пришлось у тебя куковать. Там на стройке ещё ни конца, ни края не видно».

Соседи Фарины подарили Широковым молоденькую овечку-ярочку.

– Гриша, она пока пускай у нас находится, а как только стайку поставишь, так и забереешь, – поднимая тост, предложил Евгений.

– Аха, забереешь её потом у тебя... – подколот его Широков. – Сейчас под хмельком наобещаешь, а потом – ищи ветра в поле.

Компания дружно расхохоталась.

– Нет, нет Гриша, расписочку с него бери, – наседал Дмитрий Максимович. – иначе надует. В крайнем случае, жену Фёклу пусть оставляет в залог.

Слова старика утонули в дружном смехе.

– Фёклочку свою я на целую отару не променяю. Она у меня штучный, бесценный экземпляр, – не сдавался Фарин.

Чтобы не перейти грань шутки, Григорий встал и искренне поблагодарил супругов Фариных за подарок. Вообще компания оказалась на редкость весёлой. Люди, за годы войны забывшие элементарные радости общения, от всей души веселились, радовались мирной жизни. Опасения Григория насчёт бражки лопнули как мыльный пузырь. Оказалось, что тётка Поля в совершенстве владела не только технологией приготовления бражки, но и знала никому неведомые травяные добавки, которые придавали напитку приятный специфический аромат и сногшибательную силу.

– От её, – хвастался Дмитрий Максимович, – голова слегка дурманится, а ноги сами идут в пляс. Поля у меня насчёт этого дела большая мастерица.

Несмотря на середину октября, день оказался как по заказу тёплым и солнечным. Гости, насытившись до хрипоты песнями, всей компанией вывалили на улицу. Григорий с Надей и здесь оказались заводилами. Примостившись на табуретку, Широков растянул меха дедовского старенького баяна, оставленного ему по наследству. «Электропереулок», наверное, впервые в своей истории услышал звонкую, залихватскую мелодию.

*Эх, полным полна моя коробочка,
Есть и ситец и парча...*

Надя в такт музыке, подхватив концы цветастого платка, висевшего у неё на плечах, поплыла по кругу, поднимая пыль толстыми каблуками туфель. За ней, не раздумывая, бросилась в пляс вся толпа, поднимая клубы пыли. Широков, не державший музыкальный инструмент в руках со дня Победы в Берлине, дал волю пальцам, которые, прыгая по клавишам туда-сюда, заставляли баян в бешеном темпе издавать звуки то «барыни», то «подгорной», то «цыганочки». Заведённая как пружина компания, увлекая друг друга, выделявала замысловатые кренделя, прихлопы и притопы до той поры, пока у баяниста не иссякли силы. Выдав последний аккорд и сжав меха, Широков встал.

– Всё граждане грамотяне, укатали Сивку крутые горки!

Тут же кто-то громко крикнул: Гармонисту, чарочку! Чарку гармонисту!

Закончилось новоселье поздно вечером. Раньше всех ушла Клава.

– Пойду я, Надюша. Пока с коровами управлюсь, да и Димка с Наташкой совсем устали, заберу их. Вот паразит Вовка! Просила же: забери ребятишек домой... Нет! Умотал один, не сказав ни слова.

– Да не ругай ты его, Клава, он и так у них как нянька стал. Ему же с мальчишками хочется погулять.

– Я ему погуляю. Ишь, как вольничать стал. Ладно, я пойду. Не беспокойся, детей спать уложу. Они, бедные, на ногах не держатся.

Последними ушли чета Фариных и старик с бабкой Полей. Григорий с Надей многократно говорили им слова благодарности и произносили за них тосты. На прощание прилично захмелевший Евгений Фарин, обняв Григория, заверил:

– Не беспокойся, Гриша, вот моя рука. Знай, она надёжная. Сосед больше, чем родственник. Так и будем жить душа в душу. Нам делить нечего. А помогать и поддерживать друг друга будем всегда.

Провожая тетю Полю, Надя, не зная как отблагодарить эту милую, добрую, душевную старушку, сняла с плеч платок и подарила ей.

– Наденька, пошто же так? Зачем? – смущённо отказывалась она. Помогла, да и помогла. Люди всегда так живут. И мне в жизни сколько помогали. Нет, не балуй. Я уже старуха, ни к чему он мне.

– Тетя Поля, миленькая... Не обижай меня, это искренне, от сердца. А у меня ещё целых два платка есть.

– Ну, коли так, будь по-твоему. Спасибо тебе, дочка. Спасибо. Буду теперь в нём как королева перед дедом красоваться.

ГЛАВА 23

СЕМЕЙНАЯ ИДИЛИЯ

Вместе с тем, несмотря на все старания Широковых как можно скорее завершить стройку «Победа», переехать на новое место жительства им удалось буквально в канун Нового года. И это событие они посвятили исключительно детям. Григорий не поленился отмахать в общей сложности около пяти километров по глубокому снегу за ёлкой. Новогодняя ёлка в семье Широковых была впервые, доселе детям приходилось видеть наряженную ёлку только на картинках. Появление зелёной красавицы вызвало невероятный восторг, не меньше детей радовались и взрослые. Ни Надя, ни Григорий никогда не встречали Новый год с ёлкой, впрочем ничего удивительного в этом не было – в стране после прихода к власти большевиков устанавливать новогодние ёлки было запрещено, поскольку ёлку рассматривали как атрибут буржуазного извращения. И только в 1937 году традиции, заложенные ещё императором Петром первым, были восстановлены.

– Господи, чем же наряжать будем нашу красавицу?

– Нарядим, Надюша, нарядим.

Сделав небольшую крестовину, Григорий воткнул в нее ёлку. Поставив в угол, забил в стенку небольшой гвоздик, привязал её к нему, чтобы не упала.

– Вот, пусть здесь и стоит. Сделаем это событие традиционным. А теперь давайте будем готовить наряды для нашей ёлочки.

– Как папа? – забеспокоились дети.

– Ты, сынок, собирай с Наташей все ваши игрушки и куклу не забудьте. Вот сюда складывайте. Дима, краски которые вам купил, тоже носи сюда и все листики, на которых рисовали, носи. Надюш, достань чистую тетрадку. Она, кажется,

в чемоданчике лежит, там два старых журнала должны быть, их тоже достань. А я пока картошку потолку, клейковину сделаю.

– Пап, пап всё собрали.

– Молодцы.

Значить так, сынок, мы с тобой попробуем нарисовать домик.

– Наш домик?

– Хорошо, наш. И еще нарисуем зайчиков.

– А мы с дочей будем тогда рисовать петушков и цветочки.

– Хорошо, Надя. Но это потом, после нас. А сейчас вы нарежьте из журналов много ленточек, узеньких вот таких и чуть пошире.

– Зачем, Гриш?

– Режьте. Мы из них гирлянду сделаем.

Через несколько часов ёлка была украшена двумя оранжевыми домиками, нарисованными зайчиками, петушками, самолётками, лошадами. Из нарезанных ленточек, склеенных в колечки растолченной картошкой, получились цветные гирлянды. Плюшевых зайчика и медвежонка прикрепили на самом видном месте. Из марли Надя вырезала несколько снежинок. Кукла, которой приклеили усы и бороду, обложили ватой, стала походить на деда Мороза, его посадили у основания ёлки. Маленькую снегурочку сделали из ваты, разукрасив гуашью. По этому случаю Широков достал все свои ордена и медали, закрепил их на ветках ёлки. Радости детей не было предела, впрочем, как и их родителей.

Григорий тайком от домочадцев приготовил подарки. С соседом дедушкой Митей смастерили деревянные саночки и лыжи для Димки. Наде он купил перламутровую брошку, чем-то похожую на майского жука, решив, что она хорошо подойдет к её кофточке. Не забыл Григорий про семью друга. Клаве купил аналогичную брошь, что и Наде, только другой окраски. Сыновьям купил голубые сатиновые рубашки, а Вовке ещё черный материал на брюки и книгу «Басни Крылова». По тем временам купить готовую одежду в провинции практически было невозможно, поэтому люди покупали материал и заказывали пошив в швейных мастерских, а чаще всего у частных мастеров, месяцами дожидаясь изготовления особенно крупных вещей: костюма, пальто.

Вовке как раз ближе к весне и сошьют брюки, – решил он.

Первого января Широков встал ни свет ни заря, на цыпочках прокрался за печку, которая была отгорожена от комнаты большой, бордовой занавеской, зажёл лампу, поставил её на пол, чтобы мерцающий язычок пламени был незаметен и не разбудил спящих. Вытащил из под лавки небольшой свёрток, который он приготовил ещё с вечера, и начал мастерить атрибуты деда Мороза. Борода и усы были готовы ещё с вечера, овчинная шуба, вывернутая наизнанку, висела в сенцах, не было только папахи. Григорий долго не мог найти красный лоскуток, и только вчера ему дала Клава старый пионерский галстук, раньше принадлежавший кому-то из сыновей.

– Вот, опять тебя в пионеры запишу, – пошутила она, отдавая галстук.

Распластав его на кусочки, он стал обшивать ими макушку шапки...

– А края шапки обшоью марлей.

Закончив с портняжеством, Григорий примерил шапку-папаху. Повертев головой перед зеркалом, остался доволен.

– Ну а теперь, товарищ Дед Мороз, давай посмотрим на твою физиономию во всей красе.

Он прицепил усы, бороду, приспособленные на резинках, надел папаху.

– Ух, ты! – удивился он, увидев себя в зеркале. – Настоящий. Помадой намажую щеки и нос, будет полный ажур. Так, время восьмой час. Надо поторапливаться, Надя в любую минуту может проснуться, тогда всё будет насмарку – не получится эффекта.

Размалевав физиономию и надев валенки, он, крадучись с зеркалом в руках, шмыгнул из дома. Облачившись в сених в шубу и подпоясавшись шарфом, затолкал в большой мешок подарки, затем, взяв берёзовую палку вместо посоха, постучал громко в дверь.

– Кто там? – раздался сонный голос жены.

– Мам, там кто-то стучит! – всполошился проснувшийся Димка.

– Непонятно... И Гриши нет. Кто там? – повторила она, вставая с кровати.

Григорий, чтобы хоть как-то изменить голос, затолкал за щёку небольшой кусочек сырой картошки.

– Это я, Дед Мороз, вам подарочки принёс.

С этими словами Широков распахнул дверь и вместе с клубами холодного воздуха ввалился в дом.

– Здравствуйте, хозяин с хозяйшкой, да детки ваши малые. Зажигайте лампу и свечи. Встречайте Дедушку Мороза, он подарки вам принёс, с Новым годом поздравлять будет.

Разгадав шутку мужа, Надя начала ему подыгрывать.

– Здравствуй, здравствуй, дорогой дедушка. Мы тебя давно ждём.

Она зажгла лампу, свечку. В мерцающем свете во всей красе стоял Дед Мороз.

Димка, увидев впервые в своей жизни настоящего деда Мороза, немного оробел, не зная, что делать, с замороженным лицом моргал вытаращенными глазёнками. Отец тут же оценил ситуацию.

– Ты хороший мальчик, сказывала мне твоя мамка, и зовут тебя Димка.

Димка, Димка, невидимка.

А где твоя сестричка-невеличка.

Наташка-простоквашка?

Ох, да у вас ещё ёлочка-иглочка зелёная стоит. Значит, по настоящему ждали Новый год и Дедушку Мороза? А ну-ка, иди ко мне, мама Надя, со своими дитятками-котятками. Им Дед Мороз подарочки дарить будет.

Проснувшаяся Наташка вообще не понимала, что происходит. Обвив от страха ручонками шею матери и прижавшись к ней, она, стгорая от любопытства, тарщила глазёнки на очень необычного, загадочного старца. Димка, уверовав, что

к ним действительно пришёл настоящий Дед Мороз, услышав про подарки, тут же спрыгнул с топчана, ринулся к нему.

– Ай-да молодец, ай да умница! Иди сюда, иди.

Развернув мешок, старик первым делом достал конфеты.

– Вот тебе сладости, кушай на здоровье. А это тебе, дружок, бегунки-лыжи, будешь с горочки кататься. Вон их сколько рядом с вашим домом. И ещё держи подарок, игрушку-мотоциклиста. Вырастешь, будешь так же ездить на мотоцикле.

– Нет. Я на паровозе ездить буду! – выпалил Димка.

– Вот и хорошо, и на паровозе тоже.

Наташка, несмотря на испуг, сразу сообразила, что добрый дед им ничего плохого не сделает.

– Иди к дедушке, иди. – Надя легонько подтолкнула дочь.

– Иди, наша умница, иди наша красавица. Вот тебе от дедушки и снегурочки подарочек: курочка рябая. А это вкусные-вкусные конфетки. А вот там, за дверью, ещё подарочек, сейчас принесу.

Димка тем временем, затолкав в рот несколько конфет, схватил валенки, стоявшие у печки, начал примерять лыжи.

Дед Мороз тут же вернулся.

– Это тебе саночки-ласточки, сами с горки катятся.

Этого было достаточно, чтобы все страхи у Наташки тут же исчезли. Схватив верёвочку, не обращая внимания на деда, она потащила санки по комнате.

– Нет, нет, детки, это не всё. Идите ко мне, и ты, мама, иди сюда. Оставьте подарки. Давайте дружно возьмёмся за руки. Вот так. А теперь споём песенку про ёлочку, иначе она обидится и больше к вам не придёт никогда. Знаете про неё песенку?

– Да!

– Тогда давайте... Раз, два, три...

В лесу родилась ёлочка,

В лесу она росла,

Зимой и летом стройная, зеленая была...

– Пап, а мамке ты принёс подарок? – неожиданно выпалил Димка.

Наташка, услышав слова брата, уставилась на Деда Мороза. Надя, отвернувшись, не могла сдержать смех. Широков предполагал своё разоблачение, но чтобы такой конфуз...

Сын, несмотря на утренний полумрак, почти сразу заподозрил в Деде Морозе отца. А когда запели про ёлочку и Григорий сказал: Раз, два, три, Димка окончательно в этом убедился.

– Вот чертёнок.

Но Григорий тут же вышел из положения.

– Да сынок, маме подарок от Деда Мороза тоже принёс. Он сегодня очень сильно занят, поэтому попросил меня, чтобы я поздравил вас с Новым годом и передал от него подарки. Наташка, сбитая с толку этим сообщением, тарашила глаза, не понимая, кто перед ней: Дед Мороз или отец?

– А где мамкин подарок? – переспросил Димка.

– Для этого надо очень громко попросить Дедушку Мороза. Давайте все вместе его попросим.

– А как?

– Вот так: «Дедушка Мороз, ты маме подарочек принёс?» Только это надо сделать очень громко и несколько раз. Раз, два, три.

– Дедушка Мороз... – громче всех старался Димка.

Широков быстро повернул голову в сторону и будто издалека настоящий Дед Мороз отозвавшимся эхом, ответил:

– Принёс, принёс. Давайте подарки смотреть вместе.

Григорий положил мешок на пол.

– Давай, Наташа, доставай.

– Нет, пап, я.

– Тогда лезьте в мешок вместе.

Пока дети, мешая друг другу, доставали подарок, Надя до слёз хохотала над мужем. Ей очень понравилась идея про Деда Мороза, придуманная Григорием, и конфуз с его разоблачением.

– Ой, Гриша, не могу. Живот надорвать от смеха можно.

– Вот, папа, смотри! – Димка подал отцу коробочку.

– Любопытно, любопытно, что же тут такое? Давай Наташа пусть откроет.

– Нет, папа! Я!

– Дима...

– Папа, разреши мне.

– Нет, дай мне! – завизжала Наташка.

– Хорошо, сделаем так. Наташа, будто снегурочка, откроет коробочку, а ты, как Дед Мороз, вручишь подарок маме. Договорились?

– Да.

Наташка, неуклюже ковыряя пальчиками коробочку, никак не могла её открыть.

– Дай я! – горячился непоседа-Димка.

– Дима, не мешай ей.

Наконец, просунув пальчик в дырочку, Наташка открыла коробочку. Димка, сгоравший от нетерпения, схватил брошку.

– Вот, мам! Спасибо, Дедушка Мороз.

Надя, повертев брошь в руках, осталась очень довольна подарком.

– А почему мы молчим, дети? Не благодарим Дедушку Мороза за подарки?

Она обняла мужа.

– Спасибо тебе, дорогой мой, за праздник, за подарки. Ты не представляешь, сколько радости и счастья нам подарил.

Дети, вцепившись в отца, прыгая и визжа выражали таким образом свою благодарность.

– Дедушка Мороз... – обратилась Надя.

– Мам, мам, он же неправдешний, понарошку!

– Да, понарошку, но ведь его об этом попросил настоящий Дед Мороз, который сегодня очень занят. Он же не может одновременно сразу ко всем людям пойти, правильно?

– А когда к нам он придет?

– Теперь уже, наверное, только в следующем году.

– Как жалко, что не придёт...

Но детвора тут же забыла о грустном, набросившись на подарки.

– Папа, папа, – приставал Димка, – можно я сейчас попробую покататься на лыжах?

– Папуля, а ты на саночках меня покатаешь?

– Мы обязательно сегодня покатаемся на лыжах и санках, как только на улице потеплеет, а сейчас ещё рано и очень холодно. Идите, поваляйтесь в постельке с мамкой, а я пойду, поищу в поселке Деда Мороза, отдам ему шубу и шапку. И поблагодарю за подарки, которые он вам передал.

– Пап, папочка! – в один голос зашебетали дети, – попроси его, пускай он к нам придёт.

– Хорошо, хорошо, попрошу. При условии, что вы сейчас же нырнете в постельку.

С криком ура дети тут же с головой спрятались под одеяло.

Григорий, войдя в образ Деда Мороза, решил поздравить своих ближайших соседей. Сначала зашёл к старикам, постучал не в дверь, а в окно, которое полностью было затянуто изморозью и разрисовано замысловатыми узорами. Несмотря на это, Григорий разглядел очертания физиономии деда Дмитрия, прижавшегося к стеклу и пытавшегося разглядеть раннего пришельца.

– Кто там? – донёсся чуть слышный голос старика.

Широков бегом ринулся к двери. Распахнув её, ошарашил хозяев.

– Это я, Дед Мороз, вам подарочки принёс. С Новым годом, дорогие.

– Батюшки мои, – всплеснув руками, только и смогла вымолвить насмерть перепуганная бабка Поля, отродясь не видевшая живого Деда Мороза.

Зато дед Дмитрий сразу смикитил, что к чему.

– Ну, здравствуй, здравствуй, Дед Мороз. Ни разу тебя дома не видывал, больше всё в лесу, да в лесу.

Он подал Григорию руку.

– Проходи, дорогим и желанным гостем будешь.

Широков сбросил с плеча мешок.

– Погоди, хозяин, вначале прими подарочек.

Он достал баночку сгущённого молока.

– Вот, это вам к чайку. Пейте, да здоровья набирайтесь.

– Господи, никак Гриша, – запричитала пришедшая в себя бабка Поля, – Это ж надо такое удумать, а! Напужалась до смерти. Живой Дед Мороз объявился. Это ж надо так. Как в сказке!

Потом она залилась звонким смехом, повторяя – вот удумал, вот удумал.

Дед Дмитрий, в свою очередь, не упустил подходящий момент выманить у старухи веселящего напитка.

– Ты, Поля, коль такое дело, давай Деду Морозу угощение готовь. А я за грибочками в погреб спущусь, заодно и редьки достану.

– Мороза-то я угошу, а ты-то дед сильно губу не раскатывай.

– Знамо дело, – не стал спорить с ней старик.

– Тётъ Поль, я ненадолго. Добегу до Фариных, поздравлю их. Мигом вернусь.

– Гриш, ты куда? – Забеспокоился старик, открывая погреб.

– Я сейчас приду.

Широкову откровенно никак не хотелось с раннего утра пить бражку, но он понимал, что если не вернется, его глубокоуважаемому другу ничего от бабки Поли не перепадёт. Он очень уважал этого чуткого, мастерового человека, поэтому не мог отказать ему в маленькой радости. Как говорится, хочешь, не хочешь, а идти надо.

Не меньше переполоха наделал Григорий своим появлением у Фариных. Фарин в это время занимался кормом скота, трое детей спали в отдельной комнате. Немного набожная жена Фёкла хлопотала на маленькой кухоньке. Не разглядев с клубами холодного воздуха вошедшего, она посчитала что зашёл муж.

– Геня, принеси мне с кладовки кружок молока и банку с топлёным маслом – пирожки постряпаю.

Только спустя мгновение обернулась, впервые в жизни увидев настоящего Деда Мороза, приняла его за привидение, испугавшись, начала креститься, приговаривая: «Господи, помилуй. Господи помилуй».

Широков, поняв свою оплошность, тут же раскрыл себя.

– Фёкла, ну что ты? Я пошутил. Пришёл поздравить с Новым годом.

Наконец на ее лице появилась улыбка.

– Вот окаянный, привиденье, истинное привиденье.

Григорий подошёл к ней.

– Ты извини. С Новым годом. Пусть Новый год принесёт в ваш дом счастье, здоровье, любовь и достаток.

– Ой, Гриша! Разве можно так? Напужал до смерти, чуть рассудка не лишил.

Вошёл Фарин. Ничего не понимая, замер у порога.

– Здравствуйте, дорогой хозяин. С Новым годом! С новым счастьем! Пусть ваши коровки молочка побольше дают, а вы от него сильнее и здоровее будьте.

– Григорий, ты что ли? – И расплывшись в улыбке до ушей, заливаясь смехом, пошёл к Широкову, крепко обнял его, не переставая хохотать. – Вот чёрт, отмочил, так отмочил!

– Он и меня чуть было рассудка не лишил! Думала, лихоманка хватит, – пожаловалась Фёкла.

– Ну, Гриша отчебучил, так отчебучил. Отродясь не видел такого чуда. Слышать слышал, а видеть не видел. Да ты настоящий Дед Мороз – волшебник.

– Правда, Женя. Загадывай скорее желание, пока я добрый и колдовскую силу ещё не потерял. Обязательно исполнится.

– Ну, ты даёшь!

– Загадывай, загадывай. Загадал?

– Да.

– Вот и хорошо. Обязательно исполнится. А теперь примите скромный подарочек от Деда Мороза. Это угощение дитятам-котяткам. – Он достал из мешка небольшой свёрточек с конфетами. – А это вам чаёк в праздник погонять, – подал Фёкле баночку сгущёнки.

– Гриша, ну, что ты? Своим детишкам сгодится.

– Фёклочка, я тут ни при чём. Так распорядился настоящий Дед Мороз, я его волю исполняю. Моим ребятам тоже подарки направил. Ну ладно, я пошёл. Бабушка Поля с дедом ждут.

– Подожди, Гриш. У меня новогодняя заначка стоит, давай по маленькой. Новый год всё же. Фёкла вчера холодец сварила.

– Жень, спасибо, в следующий раз. Неудобно, к деду обещал зайти.

– Хорошо, тогда давайте к обеду с Надей приходите. А стариков Хромовых я сама приглашу.

– Женя, мне ещё с детьми погулять надо, Клаву попроведать. К тому же, завтра с утра в забой. Праздник праздником, работа работой. Для шахты что праздник, что будни... не тебе говорить.

– Это так. Ну, на обед всё равно подходите. Долго не засидимся. У меня у самого дел выше крыши, мне завтра тоже на работу.

– Ладно, уговорил, заглянем.

После Нового года крепко завернули рождественские и крещенские морозы. Температура держалась около сорока и за сорок градусов. Ребятишки измаялись сидеть как привязанные дома. Надя устала несколько раз перечитывать им имеющиеся книжки, рассказывать сказки и весёлые придуманные небылицы. Очень переживала и боялась за детей, оставляя Димку с Наташкой одних дома, уходя ежедневно к Симаковым доить, кормить Белянку, чистить стайку, кормить куриц.

– Господи, хорошо, что Клава убедила осенью нас оставить животину зимовать у неё. Что бы я сейчас делала в такие морозяки? К тому же, Белянка стельная и где-то в марте должна отелиться. За ней сейчас уход да догляд постоянно нужен. Клава и старшие ребята целыми днями на работе. Вовка до обеда дома, с обеда в школе. Ему, бедному, и так достаётся. С утра, пока воды натаскает, за скотом в ограде приберётся, дома управится, уже в школу бежать надо. И так изо дня в день, а ещё уроки приготовить надо. Мальчик он не только трудолюбивый, но и смыслённый, учится хорошо.

И сейчас, придя к Симаковым, Надя застала Вовку за кормом скота.

– Здравствуйте, тетя Надя. Я уже Муську и вашу Белянку напоил, сейчас сена дам.

– Как они там, не замёрзли?

– Нет.

– Вы сейчас быстренько подоите Белянку, и я выгоню коров в пригон, стайку вычищу и свежей подстилки постелю. Сергей вечером соломы привёз, теперь каждый день менять подстилку буду.

– Как там Димка с Наташкой? Не замёрзли? Поди, целыми днями дома сидят, на улицу рвутся?

– Ой, не говори, Володя. Сущее наказание, всю меня извели. На дню по десять раз донимают, на улицу покататься просят.

– Я может сегодня в обед к вам приду. Как раз немного потеплеет, чуток покатаю их на санках.

– А как же школа?

– Так мы уже четвёртый день не учимся.

– О, Господи, совсем забыла. Мамка вечером говорила, что морозы ещё целую неделю стоять будут.

– Да и пусть стоят, отдохнём чуток, потом в школе наверстаем. Прошлой зимой почти месяц не учились.

– Ладно, Володя, я побегу доить.

– Хорошо. А я пока в ограде подмету. Хоть снег и не идёт, а всё равно изморозь постоянно сыпет.

В эти лютые морозы к Широковым приехал гость. Ещё в декабре они получили письмо от родителей, в котором те обещали приехать к Новому году, однако из-за болезни матери поездку сначала отодвинули, а потом и вовсе отцу пришлось ехать одному.

– Ты, Микола, поезжай без меня. Такие морозища, я зовсім застужусь в дороге. Кашель проклятый насмерть забивает, грудь всю изорвал. Может, даст Господь, летом свидимся.

– Хай буде по-твоему, – согласился Николай Андреевич. – Дорога есть дорога, а морозяко лютует...

Встречать отца в Заозёрке поехала Надя, оставив ребятишек на попечение стариков Хромовых. Григорий работал в утреннюю смену.

Прибытие поезда задерживалось почти на полтора часа.

– Оно может и к лучшему? Окурат будет обед, солнышко поднимется. Всяко-разно потеплее станет. А я пока пойду пошукаю, может кто подвезёт, заранее договорюсь.

Обычно к приходу поезда к небольшому деревянному зданию железнодорожной станции подъезжали на лошадях кучера, которые возили большое и маленькое начальство, в надежде подколымить, когда их величество находилось на длительных совещаниях, собраниях или на обеденном перерыве. Был и другой вариант – идти к железнодорожному переезду, там ждать попутный транспорт и договариваться об условиях проезда. Чаще всего эти условия ограничивались благодарным словом в адрес подвозившего. Однако этот вариант был несподручен для тех, кто имел багаж или другие габаритные, тяжёлые вещи. К тому же, от станции до переезда надо было топать метров шестьсот, если не больше. А если учитывать, что на улице стоял крепкий мороз, это могло быть лишь крайней мерой. Кроме того, к Широковым приезжал не кто-нибудь, а родной отец и, конечно же, Наде не хотелось ударить в грязь лицом. Хотя выбора особого не было.

На небольшом пристанционном пятачке стояло всего три красивых санных кошёвки. Около одной из них стояли кучера в длинных тулупах, дымя самокрутки,

о чём-то оживлённо разговаривали. При появлении Нади они дружно замолчали, рассматривая её с ног до головы, будто перед ними стояла иностранка.

– Здравствуйте, – улыбаясь, поздоровалась Надя.

– Здравствуй, – как по команде ответили кучера. А долговзый, с рыжими растопыренными усами, оскалив в улыбке пожелтевшие от табака зубы, добавил – Здравствуй, здравствуй, сударыня. Чего изволите? Мы к вашим услугам.

– Мужчины... – Надя специально сделала паузу, интригуя мужиков.

Усатый, не дождавшись вопроса, выпалил: С вами хоть на край света!

– Спасибо, я обязательно подумаю над Вашим предложением. Оно очень заманчиво. А пока к вам у меня большая просьба: часа через полтора прибудет поезд, увезите, пожалуйста, на Иршу.

Наступила пауза.

– Я заплачу.

– Не в этом дело, уважаемая.

– Понимаете, – продолжала Надя. – Приезжает отец, первый раз.

– А муж почему не встречает? – Опять встрял рыжий.

– Да погоди ты, Васька, пристал как банный лист к бабе, – одёрнул рыжего парень помоложе.

– Муж, в шахте на работе.

Мужики, не слушая её, о чём-то своём перебросились промеж собой.

– Ладно. Но поездка будет стоить не меньше поллитровки! – Подвёл итог переговоров молодой.

– Хорошо, я согласна.

– В общем, так... к приходу поезда кто-нибудь из нас подъедет.

– Только обязательно, – взмолилась Надя.

– Сказали, значить будем! – ляпнул рыжий.

– Будем, будем, не беспокойтесь, – заверил молодой.

Он наверно главный в их компании, подумала Надя.

– А деньги я прямо сейчас могу заплатить.

– Деньги заработать надо, потом получать! – категорично заметил молодой и распорядился. – Поехали, мужики, времени в обрез.

Кучера своё слово сдержали. Через час с небольшим после прихода поезда Николай Андреевич уже обнимал внуков и раздавал им угощенья, подарки. Вечером за ужином поведал о домашних и деревенских делах.

– Сего года урожай в колхозе собрали добрый. Корма скоту хватат. Усё неплохо. Вот только матка расхворалась.

– Тять, может её в больницу свозить?

– Доня, на что та больница? Ещё пуше простынет. Сейчас травы да барсучий жир пьёт, должно полегчать...

Оглядев внимательно домишко Широковых, он отметил:

– Ничего. Хоть и маленький, да тёплый. – Добавив. – Надобно, Гриша, соображать, як добрый дом строить.

– Конечно, будем строить, обязательно. Маленько на ноги встанем и будем строить.

– Як тоби в шахте работается?

– Привыкаю. Сейчас освоился, поначалу тяжело было. Под землёй работать не так просто. Большие рубли за здорово живёшь не платят, вкалывать надо.

– Воно, Гриша, везде так. Возьми хоть наше крестьянское дело. Круглый год водно за другим идёть. А ши и погоду как бог даст.

– Оно конечно, папа, так. И на стройке, да, собственно, везде вкалывать надо до седьмого пота и мозолей. Но труд шахтера особенный, условия работы совсем другие. К ночным сменам надо привыкнуть. Всё приходится делать через пуп.

– А что, никакой техники?

– Пока главная техника – это кайла, которой в забое долбим уголь, и лопата. Технические разработки есть, но время надо. Война была, не до разработок. Там другие разработки нужны были.

– А с под земли як уголь вывозять?

– В основном в вагонетках.

– А что это такое?

– Как тебе объяснить... Это такие небольшие железные вагончики, как на железной дороге, которые уголь перевозят. Видел?

– Да.

– Только в шахте они намного меньше, грузим их лопатами, затем на лошадях по рельсам вывозим до транспортной ленты.

– Як на лошадях?

– Маленькой породы, монгольские лошади, очень сильные и выносливые. Живут постоянно там же, в шахте.

– Яка диковина...

– Без них как без рук. Правда, через год, другой, вагонетки на тросах будут лёбдки таскать. Это значительно ускорит и упростит подачу угля на поверхность.

– А что, где добываете уголь, света нет?

– Весь свет – это маленькая лампочка, которая прикреплена на каске у каждого шахтёра. Работает она от маленького аккумулятора, который висит у него на ремне.

– Пыли дюже много?

– А куда ей деваться? Вся там. Выходишь на поверхность, родная мать не узнает, чёрный, как негр.

– Да, Гриша. Я думал, нет ничего тяжелее крестьянского труда. А воно виш как...

– Пап, так у шахтёра и совсем другая зарплата, продовольственный паёк.

– А на строительстве работу не шукал?

– Работа есть, в основном ремонтные объекты, но она малооплачиваемая по сравнению с шахтой. Сам говоришь, дом строить надо. В ближайшие годы в наших краях планируются большие стройки и уголь добывать машины будут. Большая и интересная перспектива. Вот тогда и посмотрим, где работать. А сейчас, пока на ноги будем становиться, семью поднимать... Что касается тяжелого шахтёрского

труда, так на фронте куда тяжелее и опаснее было. Шахта по сравнению с фронтом – рай земной.

- Как знаш, Гриша. Табе видней.
- Пап, мы всё о работе, да о работе. Как Андрей? Где он сейчас?
- Ты знаешь, что его в сорок пятом зимой ранило?
- Это я знаю.
- Вот его после госпиталя как направили на какой-то военный завод в Челябинске, так там и работает. Осенью писал, что в гости приедет, да как-то не вышло.
- А у тебя с собой его адрес есть?
- Нет, не брал. Так он же у вас, Гриша, был.
- Был да сплыл. С переездом где-то потеряли. Пап, отправь в первом же письме.
- Обязательно отправлю.
- Что пишет? Как он там живёт?
- А я тебе сейчас его фотографию покажу. Наде уже показывал, – он достал из сумки потрёпанный предмет, чем-то напоминающий большой кошелёк. – Вот, смотри.

На добротной, с коричневым оттенком фотографии в военном кителе без погон крупным планом был заснят брат Нади Андрей.

- Ух, ты! Наград сколько, – удивился Григорий.
- Так почитай, как и ты, почти с первых дней воевал. Лётчиком был, – с гордостью заметил отец.
- Да, Андрюху не узнать.
- Так и мы с маткой таперь, поди, не узнаем. Считаю, пятый годок как не виделись.
- Пап, сколько Андрею сейчас лет?
- Прыкидавай, отымай... Он с девятнадцатого, кольки будя?
- Двадцать шесть. Настоящий мужик, даже не верится. Давно ли пацаном был...

Наверное, женился уже?

- Так кто ж его знает? В письмах не сказывал.
- А как у него рука?
- Писал, што вясной ещё операцию делали. В локте сгибаться стала, а два пальца не работают. Вот надо ж такому случиться! Сколько лятал, хоть бы што, а на земле хлопнуло.
- Да, батя, на войне такое бывает. Я тебе про своего друга Николая рассказывал?
- Да, Гриша, не говоры... Пекло прошёл мужик, и на табе... Видно, так на роду человеку написано. Хоть што делай, а судьбы не миновать...

Через три дня отец засобирился домой.

– Ехать надо, доня. Загостился. Матка там замоталась одна с хозяйством. Неведомо ещё, как ейно здоровье. Отошла от хвори, али кашель так же рвёт, проклятуший?

- Тять, побудь ещё хоть денька два.
- Дедуль, побудь. Мы с тобой на шахту ходим. Я тебе наш паровоз покажу, – уговаривал его Димка. Вон и на улице совсем тепло стало. На горку ходим.

— Ах ты, варнак, — дед прижал к себе внука, погладил по голове, — лето наступит, к нам с бабушкой приедете погостить, тогда вместе побудем. На рыбалку ходим. Помнишь, как карасиков ловили?

— Да. Я тогда во какую большущую рыбу поймал. Сам на берег вытащил.

— Сего года приедешь, так и шуку изловим.

— Правда, дед?

— Пошто неправда? Изловим. А таперича ехать надо. Бабушка Анисья хворает, сильно простыла. По хозяйству тяжело одной. Ты вот по улице в холод шибко не бегай, да снег с ледышками не ешь, потому как остынешь, хворать будешь.

— Тять, послезавтра поедешь? У Гриши, аккурат, выходной будет, мы тебя и проводим. Совсем не погостил.

— Дома ж хозяйство, доня, матке одной тяжело. Мы-то надеялись, что Катерина с Таней приедут подомовничать, а она тоже захворала.

— Тять, не беспокойся, ничего за два дня не случится. Отдохни. Одну работу только и знаете. Ты когда отдыхал?

— Донюшка, што же ты, крестьянскую жизнь не знаешь? Отдыхать... А кто ж работать за нас будя? Як потопашь, так и полопашь.

— Деда, а я тебя не пушу.

— Ах ты, варнак. Я вот бабушке так и передам, что внук меня не пушал. Ладно, погошу, куды от тебя денешься. Соберайтесь, на горку поидемо.

В начале марта снег, как сахар, втягивая влагу, тяжелел, превращаясь днём в кашу, из-под которой струились мелкие, как ниточки, ручейки. На пригорках начали зиять чёрные плешины, расширяя ежедневно свои владения. К концу марта и вовсе весна задурила, Широковым немало пришлось потрудиться, чтобы отвести вешние воды от своего жилища. Григорий злился на себя: строитель, мать твою за ногу! Каким местом думал осенью? И мысленно отвечал: Да, думал, думал. Где бы только лишние руки было взять? И так почти все земляные работы вокруг дома Наде пришлось делать. Кто ж мог предполагать, что весной вода пойдёт таким напором.

Водяные потоки, как сговорились, ринулись на беззащитную усадьбу, того и гляди зальют домишко. Продолбленная неглубокая канава вдоль задней стенки дома отводила поток, однако ночью при минусовой температуре замерзала, заставляя хозяев каждое утро долбить лёд. Из привезённого шлака и горбыля Григорий смастерил небольшую плотину, но она только сдерживала поток, вода всё равно просачивалась и в любую минуту могла проникнуть через засыпные стенки в дом. Почти две недели Широковым пришлось с утра до поздней ночи ковыряться у дома, сдерживая весенний паводок. Но если эта проблема для родителей была сущим наказанием, для Димки с Наташкой — веселой забавой. И сколько родители не ругали их, сколько не просили не лазить в лужи, не сосать ледышки, всё было бесполезно. Кончилась эта забава для Димки воспалением легких, а Наташка отделалась простудой.

После того, как пролежал дома два дня с высокой температурой, Димку были вынуждены положить в больницу, где он лечился почти месяц. Надя буквально разрывалась на части, бегая на дню по два раза в больницу к сыну и к Симаковым присматривать за только что родившимся телёночком и приболевшей коровой Белянкой, таская за собой Наташку.

– Надя, ну, что ты её берёшь с собой? Тётя Поля тебе русским языком сказала, оставляй девчонку у них.

– Гриша, тебе не кажется, что мы чересчур злоупотребляем добротой пожилых людей?

– Ну что же делать, так сложилось.

– А то и делать! Наши заботы – это наши заботы. Нечего перекладывать на других.

– Солнышко моё! Не нервничай, – он обнял жену, – всё уладится. Димка пошёл на поправку, нечего к нему по десять раз бегать. А Наташка на самом деле не в тягость старушке. Что она, грудной ребенок что ли? Четыре года исполнилось. Тем более, что баба Поля любит её как свою внучку.

– Гриня, как у вас мужиков всё просто. Нет проблем, хлопот, забот. Без зазрения совести перекладывать свои заботы на плечи других...

– Ну, зачем так категорично? Есть и то, и другое, и даже третье. Он, улыбаясь, погладил её по животу. – Тебе волноваться нельзя. Ему уже три месяца.

– Об этом, дорогой, помню каждый день.

– Тем более... – Широков прижался ухом к её животику, – вот и он мне шепчет: мамке волноваться вредно. Всё, Надюша, будет хорошо. Главное – Димку скоро выпишут.

Он крепче обнял жену, осыпая нежными поцелуями.

Как только оттаяла земля, Григорий, не мешкая, взялся выкорчёвывать кустарник и небольшие берёзки, росшие на участке.

– Гринь, ты здесь в первую очередь выкорчуй и сразу вскопай. Я сделаю небольшие грядочки, посажу батун, морковку и чеснок, потом остальное. Тятя семена зимой привёз, мама передала. Перегной за сеновалом, Фёкла сказала: берите сколько надо.

– Надюш, а парник под огурцы где поставим?

– Вот здесь, ближе к забору, самое место ему. Остальное засадим картошкой, пусть землю перемальвует. К тому же, говорят, что на целине картошка хороший урожай даёт. Вот и проверим на практике.

В один из погожих дней в начале июля, выкроив время, Григорий наконец собрался выполнить своё обещание перед сыном: они отправились на рыбалку. Небольшая речушка Михалёвка протекала у подножья холмов примерно в трёх километрах от поселка, а напрямую от их дома – и того меньше. Кроме голянов, которых пацаны называли мунькой, пескарей и усатеньких вьюнков, другой рыбы в Михалёвке не водилось. Самые крупные особи в лучшем случае весили граммов по десять – пятнадцать, не больше. Григорий решил пойти напрямую через березняк.

– Покажу заодно Димке съедобные травы, мало ли что в жизни будет, пригодятся знания. Проходя по березняку, он сорвал несколько стеблей, очень похожих на одуванчики.

– Вот, смотри сынок. Этот цветок все называют козликом.

– Почему пап?

– Наверно потому, что он, как козлик, стоит один в траве, выделяясь своей жёлтой головкой. Теперь сам найди «козлика».

– Вон стоит.

– Правильно. Срывай. Вот так. А теперь отрываем жёлтую головку и кушаем стебелёк. Видишь, сколько в стебельке белого молочка? Оно очень полезное. Давай, пробуй. Жуй, жуй хорошенько. Ну что, понравилось?

– Не очень.

– Попробуй ещё один. Ну как?

– Так же.

– Конечно это тебе не конфетки, но «козлики» очень полезны для организма человека. Запомни это.

– Хорошо, папа.

Спустившись в распадок на поляну, Григорий нашёл небольшой участочек, сплошь покрытый зелёными, продолговатыми листьями.

– Вот, сынок, смотри. Это растёт шавель. Срывай листик, срывай. Так, а теперь пробуй.

– Ух, кислый какой! – Димка, сморщившись, покрутил головой. – Но вкусный. Пап, можно ещё?

– Можно. Только много не ешь, животик может заболеть. Из него очень вкусный супчик можно варить.

– А как?

– Увидишь. На обратном пути мы его обязательно нарвём и попросим мамку сварить супчик. А вот это растение, смотри, съедобное и очень полезное. Его называют кудрявкой. Видишь, оно всё в завитушках? Эти завитушки обрываешь и кушаешь стебелёк.

– Ой, сколько молочка бежит после оторванных завитушек!

– Оно, сынок, и полезно человеку. А теперь сам попробуй найти кудрявку.

Отбежав от отца на небольшое расстояние, Димка тут же нашёл несколько кудрявок.

– Пап, нашёл! Смотри.

– Молодец.

– Только рвать не надо, пусть растут. Пойдём, я тебе покажу ещё пучку.

– Какую?

– Сейчас увидишь. Ты лопух знаешь?

– Знаю. У нас в деревне около забора растут. Вот такие здоровенные! – Димка показал, взмахнув руками. – На нём ещё растут сиреневые бобышки как пуговички. Потом, когда поспеют из пуговичек такие колючки, липучки становятся.

– Правильно. Так вот, пучка внешне своими листьями очень похожа на лопух. Вот она, красавица, тут как тут. Смотри. Ну, как. Похожа на лопух?

– Маленько похожа. Только у лопуха листья вот какие, здоровенные.

– А у пучки смотри, зато какой толстый стебель. Я когда мальчишкой был, мы из этих стеблей летом делали насосы. Засасывали в них из бочки воду и друг друга обливали

– Как, папа? Покажи.

– Ладно, обратно пойдём, срежем стебель. Я тебе и Наташке сделаю дома по насосу.

– Здорово. Только обязательно сделай сегодня.

– Посмотрим, как получится, может и сегодня. А впрочем, давай срежем два стебля сейчас. Я на речке тебе сделаю. Ладно, насос насосом. Теперь смотри. Вот эти тонкие стебельки пучки которые ещё не затвердели, можно кушать.

Григорий сорвал два стебля, снял с них тонкую шкурку.

– Готово. На, попробуй. Много не ешь, а то, боюсь, от всех лакомств с непри-
вычки живот может заболеть. Ну как, нравится?

– Пап, пучка и шавель вкуснее всех, – сделал вывод Димка.

– Ну, вот теперь ты в лесу с голоду не помрёшь. Я потом тебе ещё саранку лес-
ную и полевую покажу. Они необыкновенно вкусные и полезные. Всё сынок, тра-
вы оставим на следующий раз. Давай пойдём побыстрее, а то рыбаки всю рыбу
выловят и нам ничего не достанется.

– Правда что ли, пап?

– Да нет конечно. Всем хватит. Сына, а мы червячков не забыли?

– Нет, пап. Они в баночке, в сумке.

– Тогда всё в порядке, рыбалка состоится.

Широков взял сына за руку и они, ускорив шаг, заспешили к речке.

– Большой становится сын, – мысленно отметил он, – через год в школу. Надо
побольше с ним бывать, пусть помаленьку мужские премудрости осваивает.

Вернувшись домой, Димка, несмотря на усталость, безостановочно тараторил,
рассказывая матери про рыбалку. Но больше всего ему доставляло удовольствие
рассказывать не о том, как ловили рыбу, а как он сам готовил уху.

– Мам, я сам дров насобирил и бересту нашёл. Костёр тоже сам разжигал с од-
ной спички. Правда, же пап?

– Истинная, правда, подтверждаю.

– Мам, а ещё можно сухой травки насобирать и от неё костер разжечь. Папа
меня научил, как можно костёр развести в дождь.

– И ты это сможешь один сделать? – улыбаясь, полюбопытствовала мать.

– Да. И спички знаю как хранить, чтобы сухие были.

– Вот это да, как настоящий таёжник, всё знаешь! – мать, прижав сына к себе,
чмокнула в лобик. – С тобой теперь не страшно в лес ходить: травы знаешь, костёр
разожжёшь, уху варить умеешь... Почти как взрослый мужчина.

– Мам, мам. Посмотри, сколько рыбы мы принесли.

– Ух, ты. Вот это да!

– Папа сказал, что мы из неё заливнуху приготовим.

– Что же за такое диковинное заморское блюдо вы с отцом придумали?

– Мам, ну это рыбу надо с яйцами пожарить. Пап, расскажи маме.

Григорий, слушая Димку, не мог сдерживать смех.

– Расскажу, расскажу.

Вбежала Наташка.

– Смотри, сколько мы с папой наловили рыбы!

Наташка заглянула в бидончик. Увидев впервые в жизни живых плавающих рыбок, завизжала от восторга.

– Дима, дай я поймаю хоть одну.

Димка взглянул на отца.

– Сынок, пусть поймает рыбку, – попросила его мать.

Наташка осторожно полезла ручонкой в бидон.

– Смотри, чтобы палец тебе не откусили, – пошутил отец.

– Ой! – она тут же, испугавшись, выдернула обратно ручонку.

– Да не бойся ты, они не кусачие.

Димка проворно сунул руку в бидон, вытащив гальяна и усатого вьюна.

– На, держи.

Наташка, боясь и сгорая от любопытства, подставила ладони. Рыбки, попав в ладони раз, другой, трепыхнувшись, упали на землю. Наташка прижалась к матери.

– Эх ты, трусиха.

Димка подобрал рыбёшек, обтёр их ладонью и опустил в бидон.

– Сынок, давай мы несколько рыбёшек отпустим в баночку. Надюш, дай нам какую-нибудь стекляшку. Вот. Теперь у нас настоящий аквариум.

Дети, прильнув к банке, долго любовались рыбками. Наташка, осмелев, сгорая от любопытства, несколько раз запустив в банку руку, пыталась поймать рыбёшку.

Разложив ровным слоем на сковородке рыбёшку и слегка её поджарив, Григорий посыпал её обильно зелёным луком вперемешку с укропом, затем залил сырыми яйцами. Через несколько минут получилась праздничная «заливушка», внешне похожая на запеканку.

За ужином, уплетая за обе щеки необыкновенное блюдо, они нахваливали рыбаков не только за удачную рыбалку, но и за кулинарные способности.

В середине августа почтальон принес долгожданное письмо.

Широков, мужик неробкого десятка, увидев обратный адрес, почувствовал, как затряслись руки, и только немного успокоившись, дрожащими пальцами он вскрыл конверт. Знакомый, слегка корявый почерк. Григорий перевёл дух. Выругался.

– Дьявол, стареть стал что ли? Нервы как кисель. Хорошо, что Надя с ребятами ушла, не видела.

«Здравствуй, дорогой братишка Гриша, Наденька и ваши детки. Столько годов не виделись, так хочется обо всём написать, рассказать, увидеть ваши дорогие лица, обнять племяшек, которых ни разу не видел... Ну, да будя плакаться! – наверняка сказал бы отец. Спасибо ему и маме, что дали такое здоровье, не будь его, не знаю, чем всё это могло кончиться. А теперь о главном. С Колымы нас больше

ста человек увезли на фронт в штрафной батальон. Не тебе рассказывать, Гриша. Что это такое, знаешь. Видит Бог, я делал всё, что в моих силах. Воевал не за страх, а как говорится за совесть, чтобы как можно скорее освободить нашу землю от фашистской нечисти. Стал в душе забывать обиды и невзгоды, которые пришлось пережить в лагере. Свято верил, что после победы вернусь к семье, наступит новая, счастливая жизнь. Но судьба, как и в тридцать седьмом году, распорядилась иначе. Чем я ей не угодил, не знаю. Хотя, Гриша, я на Колыме столько познал, что грешить на судьбу негоже. Но это отдельная тема, не для письма.

В конце сорок четвертого года я был на Воронежском фронте. В один из дней наша часть получила приказ захватить один из небольших населённых пунктов. Ночная атака была совершенно не подготовлена, мы по сути дела вступили в бой с марша. Как потом узнали, этот населённый пункт в стратегическом плане ничего не значил. Более того, немцы его на следующий день вообще оставили без боя. Так вот в ночном бою за этот пункт погибло больше двух сотен наших бойцов, не считая раненых, в том числе пять моих товарищей, с которыми тянул лямку на Колыме. Откровенно, я и сам чудом остался живой. Не представляешь, Гриша, что творилось в душе. Зачем такие жертвы? Жизнь одна, каждого из солдат ждут дома мать, жена, дети. Такое зло и досада взяла меня на бездарность командования, действующего по принципу: русские бабы ещё нарожают... Утром, сидя у костра, я не сдержался, затеял этот разговор, меня тут же положили и вечером особисты арестовали. Долгие допросы, унижения, короче, оказался опять врагом народа. Чудом не расстреляли опять же за правду-матушку. Я, Гриша, ещё на Колыме не единожды задавал себе вопрос: Может родителям надо было воспитывать нас бесхребетными, покладистыми, гибкими и мягкими как тряпка, удобными и сговорчивыми во всём, и тогда у нас было бы всегда и везде всё хорошо? Я видел таких, их много, да и ты, братишка, их повидал. Но если быть таким, какой смысл жить вообще? Одним словом, как в той поговорке, попал я опять как кур в ошип, получил пятьдесят восьмую статью на полную катушку: двенадцать лет. Вот такие дела. И таких в лагере далеко не единицы. Мужики поговаривают, что после победы может статью пересмотрят или амнистия будет. Ведь воевали не за страх, а за совесть, и это истинная правда. Обидно, Гриша, что настоящие мужики ни за что ни про что парятся за колючей проволокой, а бездарности и подлецы, из-за которых порой гибли тысячи солдат, наслаждаются жизнью. Ну вот, кажется, всё. Теперь наконец-то ты знаешь всю правду. От этого мне на душе стало спокойно — как гору с плеч стряхнул. С нетерпением буду ждать ответа. Ваши письма для меня живительным источником будут. Пишите почаще. Да, Гриш, если сможешь, вышли фотографию всего твоего семейства, хоть племяшей посмотрю. Да и ваши черты лица стал забывать. Нет, нет. Шучу, это неправда. Хорошо помню. Даже помню, как Надюшку сватали. Передайте низкий поклон Николаю Андреевичу и Прасковье Петровне. Эх, какое время было! Ничего, братишка, не сомневаюсь, выдержу и это испытание. Жалко одно: годы и дела проходят стороной. Да жена, Валюша, дети при живом муже и отце столько лет мыкаются. Но верю, что и на нашу улицу придёт праздник.

Крепко всех целую и обнимаю. Ваш Пётр».

Григорий ещё и ещё несколько раз перечитывал каждую строку письма, восхищаясь силой духа брата, верой в лучшее. Вместе с тем внутри всё переворачивалось от несправедливой жестокости по отношению к нему.

— Нет, надо действовать. Но как? Что предпринять? Чёрт. По большому счёту, не с кем откровенно посоветоваться. Эх, был бы Коля! И всё-таки, как ни крути, надо писать в Центральный комитет партии, а может самому Иосифу Виссарионовичу... Столько времени прошло? «Враг народа» — это ж полный абсурд! А на фронте разве не доказал делом брат свою преданность Родине? Ну, сказал лишнее, может немного погорячился... Что, за это сажать надо, врагом народа считать? Если так, тогда чуть ли не каждого гражданина сажать надо. Потому как порядочный человек всегда имеет свое мнение, оценивая те или иные действия, поступки других, по-другому и быть не может в обществе. Этому нас учил отец, учит партия. Доколе же будет подозреваться каждый, кто имеет своё мнение? Нет, надо обстоятельно подготовить письмо в ЦК партии и самому товарищу Сталину. Времена другие, не тридцать седьмой, справедливость торжествует.

Через несколько дней, написав письмо и прочитав его на десять рядов, так и не решившись с кем-либо посоветоваться, Григорий с верой и надеждой сунул его в прорез почтового ящика, висевшего у входа поселкового магазина. Широков, испытывавший на собственной шкуре застенки НКВД и ГУЛАГа, по чистой случайности вырвавшийся из них, повывавший в финской военной компании лицемерие власти, её беззаконие и лживость на судьбе родного брата, продолжал свято верить в справедливость и идеалы коммунистической партии, её вождя Сталина.

ГЛАВА 24

ОТЦОВСКОЕ СЧАСТЬЕ И ГОРЕЧЬ УТРАТЫ

В середине сентября Широков взял отпуск: со дня на день у них должен был родиться ребёнок. Придя с ночной смены, он обрадовал жену.

— Надюш, с завтрашнего дня я в отпуске.

— Ой, как хорошо! А я уж думала, тебя не отпустят. Слава Богу, теперь за ребятишками догляд будет. Вся извелась.

— Ты за этих ребятишек не беспокойся. У нас вот беспокойство. Он усадил жену на кровать и прижался к животу. Ну что, как он там? Шибко хулиганит?

— Ой, Гриня, не знаю. Как бы сегодня не разродиться.

— Ты это правда?

— Правда, Гринь, правда.

— Так давай срочно в больницу.

— Нет. Подождём до обеда, потом посмотрим.

— Нет, давай, дорогая моя жёнушка, лучше пойдём не спеша. Так будет спокойнее и надежнее. А то, чего доброго, роды придётся самому принимать.

— Хорошо, пожалуй ты прав.

В ночь с шестнадцатого на семнадцатое сентября у Широковых родился сын. Светящийся от счастья папаша, узнавший рано утром эту новость, как глашатай оповестил не только близких ему людей в посёлке, но и дал телеграммы всем родственникам.

Через десять дней Надю выписали.

Проснувшись ни свет, ни заря, Григорий испытывал внутренний трепет и волнение. Ещё бы! Ведь он ни разу не забирал жену с ребёнком из роддома. Сначала ГУЛАГ, потом война не позволили выполнить эту почётную обязанность. Впервые он сам будет забирать младенца домой!

Его в какой-то мере охватывал страх: как это всё будет выглядеть? Накануне он и так и сяк прокручивал в голове сценарий встречи. Облазил весь березняк и кромки леса на горе, собирая букет из осенних трав, выклянчил у бабки Шалажихи цветок георгины – гордость её огорода. Сначала хотел заказать на конном дворе ОРСа конную упряжку с кошёвкой, однако передумал:

– Нет, лучше пойду встречать с детьми. Здесь недалеко, все вместе пройдем по посёлку пешком, это будет торжественней.

Чувствовал он себя так, будто у него родился первенец. Хотелось, чтобы все увидели, что у него родился сын.

Всё для него в этом празднике было ново, и этот крохотный человечек, шевелящий ручонками и ножками, его первое купание и ночной плач, от которого Григорий просыпался мгновенно. Он не мог наглядеться на сына, когда тот жадно насаживал материнскую грудь. Всё это было для него неведомо и впервые.

Сына назвали Иваном в честь деда, отца Григория.

– Солнышко моё, – обращался он к жене, – послушай, хорошо звучит: Иван Григорьевич Широков? Ну как, Надюша, нравится?

– Гордо и величаво, – соглашалась она с мужем.

– А следующего сына назовем в честь деда Николая.

– Ох, какой ты у меня швыдкий, – заметила, улыбаясь, Надя. – Зараз в роддом побегу.

Они долго смеялись, радуясь семейному счастью.

Третьего ноября Надя проснулась очень рано. Ночью несколько раз плакал Ванюшка, по-видимому, животик болел. А потом её охватило какое-то необъяснимое чувство тревоги за детей. Она встала, подошла к Димке, тот, подложив под щечку ладонь, крепко спал, подёргивая оттопыренными губками. Разбросав густые волосы по подушке, посапывая, спала Наташка.

– Ах, ты моя растрёпушка, опять раскрылась.

Надя аккуратно подтянула одеяло, укрыла дочь. Наташка приоткрыла глаза.

– Спи, спи, моя красавица. Спи. – Она чмокнула её в щечку. – Спи.

Походила по избе, взглянула на ходики. Стрелки показывали без десяти семь.

– Часа через полтора Гриша придёт. Прилягу, может, немного вздремну.

Она долго ворочалась, выбирая удобное положение, но сон не шёл. В голову лезли всякие дурацкие мысли и необъяснимый страх за детей. Тем не менее, сон

обуял её сознание, и Надя задремала. Разбудил её громкий плач младшенького. Она прижала сына к себе, дала грудь. Ванюшка, немного повянькав засопел. Взглянула на часы.

– Ничего себе, почти полтора часа продрыхла! С минуты на минуту Гриша придёт со смены. Надо вставать.

Приготовив завтрак, вышла на улицу. Начало ноября было солнечным и тёплым. Белянка со своим пёстрым сыночком Мишкой вышли из стайки и ходили по пригону. Увидев свою кормилицу, заблеяла овечка Муська, находящаяся с двумя ягнятами в небольшом загороженном закутке пригона.

– Сейчас, мои хорошие, сейчас.

Напоив животных и бросив им в кормушки сено, заспешила в дом. Ванюшка орал благим матом, его пытался успокоить Димка, но тщетно.

– Сейчас, сынок, сейчас, только руки помою.

Помыв руки и погрев их над горячей плитой, взяла захлёбывающегося слезами сына.

– Вот рёва, так рёва. Всю улицу разбудил, – возмутился Димка.

– У него, наверное, сынок, животик болит.

– Мама, чего так Ванька плачет, спать не дает? – промямлила сонным голосом Наташка.

– Поспи ещё, поспи, он сейчас успокоится. И ты, сынок, иди, ещё поспи. Рано.

– А папа ещё не пришёл? – поинтересовался Димка.

– Не знаю, уже должен быть дома. Может куда по делам зашёл после смены.

Настенные ходики неумолимо двигали стрелки часов, показывая сорок минут десятого.

– Непонятно... где он может быть? Уходя на смену, не предупреждал, что куда-то зайдёт.

– Мам, а где папа? – который раз донимал Димка.

– Сынок, я же сказала: наверное, зашёл куда-то по делам. Скоро придёт.

– Ну, тогда я пойду его встречать.

– Хорошо, иди.

– Мам, а на улице холодно?

– Да нет, хороший солнечный день. Можешь ботиночки обуть.

– Дима, я тоже с тобой, – попросилась Наташка. – Мамулечка, можно?

– Не буду тебя ждать. Пока копать будешь, папка придёт, – пробурчал Димка.

– Дима, ну подожди!

– Сынок, помоги ей быстро одеться и вместе побежите.

– Да ну её, всегда лезет, куда не надо.

– Дима! Сынок, ты же старший братик, кто же о сестрёнке заботиться будет?

Помоги ей ботиночки одеть.

Димка, надувшись, нехотя стал зашнуровывать Наташке ботинки.

– Вот и молодцы. Ну, бегите.

Прошло минут сорок. Дети вернулись без отца.

– Что, папки нет?
– Нет, мама. Мы даже до линии дошли.
– Странно. Где ж он может быть? – с тревогой в голосе спросила Надя, задавая вопрос не то детям, не то себе. – Раздевайтесь и что-нибудь порисуйте, только тихо ведите себя, не ссорьтесь и не спорьте, а то Ванюшку разбудите.

– Хорошо.
– Я сейчас до бабушки Поли и дедушки добегу, может, дедушка Митя знает, где папка, и сразу домой.

Старики Хромовы на вопрос Нади только развели руками.

– Надежда, а может какое собрание у них? Григорий недавно сказывал, что из Красноярска какое-то большое начальство собирается приехать. Вот, может, и митингуют... Хотя время уже подходящее, двенадцатый час. Должен придти. Придёт, куда ему деваться?

– Ладно, спасибо. Я побегу, а то Ванька проснётся.

– Не переживай, скоро будет.

– Хорошо. Спасибо.

Надя вышла на улицу. Немного постояла в надежде, что увидит идущего мужа. Затем заспешила домой.

– Господи, что могло случиться? – в который раз она задавала себе вопрос.

– Мам, ну что, узнала?

– Нет, дедушка Митя ничего не знает. – И чтобы как-то успокоить себя и детей, добавила, – он говорит, что папа может задержаться на собрании.

– Значить скоро придёт, – уверенно заключил Димка, малюя на листе бумаги танк.

Снимая телогрейку, Надя услышала, будто кто-то подъехал к дому. Выглянув в окно, увидела троих мужчин, слазивших с кошевой, на которой обычно возят начальников.

– Господи!

Сердце готово было выскочить из груди. Раздался стук в дверь.

– Заходите, заходите, – еле выговорила она.

– Здравствуйте, – сдержано поздоровались мужчины. Наступила пауза.

– Что? – не выдержала Надя.

– Мужайтесь, Надежда Николаевна. В шахте произошёл обвал, Григорий Иванович погиб.

– Нет, нет!

Надя вцепилась в говорившего.

– Нет, нет! – кричала она, тряся мужчину. Обессилен, медленно стала сползать на колени, машинально хватая за полы его пальто.

Наташка, не понимая происходящего, видя рыдающую мать, громко заплакала. Димка с криком: «Папа, папочка!» выскочил на улицу, обезумев, побежал к старикам Хромовым, повторяя:

– Папа, папочка...

Надя пришла в себя от невыносимого плача разбуженного Ванюшки, которого держал на руках один из приехавших мужчин. Ей дали выпить воды и какие-то капли. Дрожащими руками она взяла малыша.

– Сынок, сыночек. Это как же так? – причитала она, присаживаясь на кровать. К ней прижалась, хлюпая носом, зарёванная Наташка.

– Доченька, миленькая, как же так? Надя боялась, нет, не могла, не знала, как выдать из себя слова: наш папка погиб, умер.

Немного успокоившись, почти шёпотом спросила у приехавших:

– Где он?

– В больнице.

– А может он...

Она не могла говорить, спазм сдавил горло, грудь.

Пришли соседи, Симаковы, приехавшее руководство шахты говорили какие-то слова утешения о помощи, поддержке, но Надя ничего и никого не воспринимала. Её разум был где-то там, в другом мире, где оказался её любимый и самый дорогой человек.

– Гринечка, миленький мой, как же так а? – шептали её бескровные губы.

Руководство шахты предложило установить гроб в красном уголке управления, но Надя наотрез отказалась.

– Привезите, пожалуйста, домой.

По просьбе Нади, похороны были назначены на восьмое ноября. Она хотела дождаться приезда родных: своих и Григория.

Домой Широкова привезли седьмого числа. К тому времени уже приехали Надины родители и старшая сестра Катерина. С ними приехал и друг Григория с женой, безногий Фёдор Чирков. Пришла ответная телеграмма от сестёр Григория, Ольги и Лизы, в которой они просили без них не хоронить брата. Взрослые не знали, как поступить с детьми, все эти дни они находились у Симаковых. И если до Наташки не доходила по-настоящему трагичность произошедшего, то Димка понимал, что отец умер. Но и он до конца не осознавал, не мог поверить, что изменить уже ничего нельзя. Его душевное состояние было на грани срыва, особенно в первые два дня. Он метался, рыдал, умолял увезти его к папке, показать отца.

И, тем не менее, Надя приняла решение: пусть дети проводят отца в последний путь.

– Иначе они мне потом никогда не простят...

Когда дети в сопровождении Клавды и Вовки Симаковых подходили к дому, Димка, увидев огромное количество людей, подумал, что они все пришли оживить отца.

Войдя в дом, увидев неподвижно лежащего незнакомого ему человека, он растерялся, не понимая, что происходит. И только приглядевшись в синее от ушибов и ссадин лицо, он узнал отца. С криком: «Папочка!» бросился к нему. Его, рыдающего, буквально силой пришлось оттащить от гроба.

К полудню, только-только к похоронам успели приехать с мужьями сёстры Григория. К сожалению, Андрей, брат Нади, по непонятной причине не приехал.

Огромными хлопьями валил снег. Несмотря на то, что многие жители лично не знали Григория, проводить его в последний путь собрался почти весь посёлок. За эти дни люди из уст в уста узнали о нём буквально всё. Искренне жалели его и сочувствовали Наде.

– Это ж надо такому случиться, – шептались в толпе. – Такой хороший человек! А семьянин какой... Войну всю прошёл, столько ранений получил, бедненький, живой остался. А тут на тебе, в мирное время!

– Бедная жена, с тремя ребятишками осталась, один меньше другого... Господи, а последний-то совсем крохотный!

– Проклятушая шахта, скольких погубила. Редкий годок без гибели людей обходится.

– А что делать? Работы другой нет, жить как-то надо...

– Сказывают, что скоро шахты закроют, открытым способом добывать уголь будут, экскаваторами.

– Это что за диковина такая?

– Ну, значит, машины какие-то уголь сами собирать будут.

– Дай те Господь. Скорее бы...

Впереди траурной колонны мужики, сменяя друг друга, несли большой, чёрный крест, за ним следом ехала широкая телега, на которой стоял гроб. У изголовья сидела с одной стороны Надя с Димкой, с другой – сёстры Григория. За телегой шла огромная растянувшаяся людская толпа.

В сознании Димки теплилась надежда, что вот-вот что-то должно произойти, ведь не зря же собралось столько людей. Они обязательно что-нибудь сделают и оживят отца. Особенно он в это поверил, когда у могилы стали говорить прощальные слова. И вдруг всё в одно мгновение рухнуло. Отца закрыли крышкой и стали опускать в могилу. Его покинул разум. Бросившись к гробу, он вцепился в него ручонками, умоляя всех, кричал:

– Не надо, не надо! Мамочка, не надо! Ну, скажи им, мама...

Потом, спустя много лет, Дмитрий десятки раз видел один и тот же сон, в котором отец как будто пытался встать, но каждый раз почему-то в этом месте сон прерывался.

После похорон, дождавшись девяти дней и помянув Григория, приехавшие родственники засобирались домой. Мать и отец Нади уговаривали её вернуться в деревню, а сёстры Григория настаивали переехать в Моршанск, но она наотрез отказалась.

– Спасибо, дорогие, но я от Гриши никуда не поеду. Что ж он тут как сиротиношка, один-одинешенек останется? Нет. Спасибо вам большое. Будем здесь жить. Это теперь наше гнёздышко. Куда от него?

На том и расстались с надеждой вернуться к этому разговору, когда Надя немного отойдет от горя. Вместе с тем Прасковья Петровна решила остаться, поддержать и помочь дочери.

– Ты, отец, поезжай, управляйся с хозяйством сам.

– Что ж не справиться? Справлюсь потихоньку. Куды деваться? Справлюсь.

Взяла отпуск на работе Клава Симакова, решив помочь подруге. А тут как на грех новая беда навалилась: дети, будто сговорившись, затемпературили. Но больше всего страдал крохотный Ванюшка: у него помимо температуры открылся понос. Волнения, пережитые матерью, отразились на нём сполна, и если поначалу он почти круглые сутки плакал, то теперь почти бездыханно молча лежал. Врач буквально через каждые полтора – два часа приходила к ним, наблюдая за детьми. У старших через три дня состояние стало заметно улучшаться. Удалось сбить температуру, Наташка попросила бабушку сварить манную кашку, Димка, несмотря на продолжавшийся сильный кашель, проспал до обеда, а проснувшись, попросил кушать. У маленького состояние оставалось критическим и его с матерью были вынуждены увезти даже не в поселковую, а районную больницу, в Заозёрку.

– Господи, помоги и спаси моих внуков! – просила Прасковья Петровна, стоя на коленях и молясь перед небольшой иконкой Пресвятой Богородицы. – Помоги нам пережить навалившееся горе...

Больше месяца пробыла Надя с сыном в больнице. И лишь благодаря опыту лечащих врачей, заботе матери, да постоянным молитвам бабушки Ванюшка, находившийся между жизнью и смертью, выкарабкался. При выписке, врач строго-настрого наказал Наде:

Постарайтесь успокоиться. Вы кормите сына грудью. Любое, даже малейшее волнение тут же скажется на его здоровье. Помните это. И обязательное наблюдайтесь у врача.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ГЛАВА 25

ВДОВЬЯ ДОЛЮШКА

Наступил новый 1947 год, но в доме Широковых радости не было. И хотя Надя пыталась хоть как-то создать детям праздничное настроение, ничего из этого не вышло. У детей перед глазами стоял образ папы – Деда Мороза, наряженная ёлка, мешок с подарками, дом, полный счастья и веселья. А сейчас этого не было. Правда, подарки привезли от шахткома, тётя Клава принесла, не забыли про подарки и соседи по улице, но от этого детям веселее не стало. К тому же, с января семья лишилась карточек продовольственного пайка, который выдавался шахтёрам, работающим под землей. Семье полагалась только пенсия, размер которой был мизерным по сравнению с заработной платой, которую получал Григорий, и это больше всего тревожило Надю.

– Как жить? Работать не могу: за Ваняткой ежеминутный догляд и уход нужен. Более того, в шахтёрском посёлке для женщины работу попробуй, найди. Вся надежда на Белянку, её молочко. А тут ещё морозы лютуют, температура изо дня в день ниже тридцати. Дети сутками дома сидят, все извелись и мать с бабушкой извели своими бесконечными просьбами погулять на улице.

Надя видела, как тяжело матери. Выбитая из привычного уклада жизни навалившимися бедами, ежедневными переживаниями за внуков, она заметно похудела, ссутулилась, на бледном лице отчётливо проступили морщины. Эта обаятельная, жизнерадостная женщина совсем перестала улыбаться. На лице, словно штамп, отпечатались заботы и печали. Единственной отдушиной для неё стала хроменькая соседка Поля. Выкроив свободную минутку, Прасковья Петровна спешила к ней, чтобы в разговорах немного отвлечься. Глядя на мать, Надя неоднократно уговаривала её уехать домой.

– Мама, дети, слава Богу, выздоровели. Поезжай домой. Тятя там, бедный, один замаялся с хозяйством. Я всё равно дома. Одна помаленьку справлюсь. Клава поможет, езжай.

Но мать наотрез отказывалась.

– Як вы тут одни? Тепло будя, там и посмотрим, як быть. А може по тяплу все в деревню уедем.

– Нет, родная моя. Спасибо тебе, но мы жить здесь будем.

С уходом последних февральских дней отступили и морозы. Как зима не упрямялась ещё диктовать свои права, дни её были сочтены – мартовские оттепели сводили её усилия на нет. Единственное, что зима ещё могла, – повольничать немного ночью. Днём температура доходила до восьми – десяти градусов тепла, превращая гирлянды висевших на крышах сосулек и оставшиеся островки снега в

сотни мелких и больших ручейков. Однако настоящая оттепель наступила только в середине мая.

Бугры, окружающие усадьбу Широковых, покрылись зелёным ковром, на котором повсюду пестрели жёлтые одуванчики.

Два вечера подряд сыновья Николая Симакова вместе с матерью помогли Наде вскопать огород, натаскали из пригона навоз для огуречного парника.

– Ты мне скажи, картошки хватит? – допытывалась Клава у Нади.

– Клава, ну что ты! Конечно, хватит.

– Надька, ну-ка посмотри мне в глаза!

– Клава...

– Я так и знала, всё у неё всегда нормально, всего в изобилие.

– Клава, ну, правда. Ещё куля три перебранной картошки будет.

– В общем так. Иван завтра картошки привезёт, вечером и посадим.

– Клава, вы же ещё свою не посадили.

– Свою успеем в любое время.

– Клава, картошку я сама с ребятишками посажу. За два дня не спеша управлюсь. И так, спасибо, огород весь перекопали. Села на шею, будто так и надо.

– Всё, не перечь! – оборвала её Клава. Тебе вон с ребятишками хватит пурхаться.

Парник доведи до ума. Семян огуречных я тоже принесу.

– Да у меня есть свои и тетка Поля дала.

– Ну, смотри, как знаешь. Всё. Мы пошли, до завтра.

– Может, чаю попьёте?

– Дома поужинаем, некогда рассиживать. Да, чуть не забыла. На вот карточки на хлеб.

– Клава, я не буду брать. Не уговаривай.

– Надя!

– Клава, не уговаривай.

– Послушай меня, не егози. Серёжка стал карточки получать, нам хватает.

– Клава, обманываешь ведь. Мужики работают, им много надо.

– Надька! Я, правда, рассерчаю. Говорю же, что Серёжка получать стал. На, бери и не выкобенивайся. Ребятишкам с молочком. Они теперь целыми днями на улице бегают, незагонные. Еду только успевай, подавай. И самой харчеваться надо, Ваньку кормишь.

Слова Клавы, как говорится, попали в самую больную точку. Кормить семью становилось всё труднее и труднее. Мало-мальские запасы продуктов, которые получили на последние продовольственные карточки Григория, давно закончились, и от тех запасов, которые привезли отец с деревни и другие родственники, приехавшие на похороны, ничего не осталось. Пенсии за Григория хватало только-только свести концы с концами. Небольшие сбережения в сберкассе таяли на глазах, особенно во время болезни детей, когда необходимо было усилить питание. Спасибо сёстрам Григория, они чуть ли не каждый месяц отправляли Наде либо немного денег, либо посылочку.

Ложась спать Надя, обратилась к матери.

– Мам, я раненько встану, в магазин за хлебом пойду, очередь займу. За Ваняткой присмотришь.

– Так мы ж ещё вчера карточки последние отоварили.

– А мне Клава дала.

– Господи, сама-то мужиков чем кормить будет?

– Говорит, что Сергей стал карточки получать, им хватает.

– Клавдия, будь её воля, весь бы мир кормила. Господи, дай ей бог здоровья.

Доня, коли рано вставати, давай лягать будимо. Добрых снов.

– Мам, а можно я с тобой за хлебом пойду?

– Вон чево удумал, – возмутилась бабушка.

– Сынок, ты же знаешь, что вставать надо рано, часа в четыре.

– Ну и что, встану. Вон Лёнька Романов уже сам ходит.

– Он постарше тебя. И у них некому ходить, одна старенькая бабушка. Поэтому он и ходит.

– И я бы с ним мог ходить, Лёнька меня уже несколько раз звал. Сама говорила, что я уже большой, в школу пойду..

– Спи, сынок, спи. Успеешь ещё находиться.

В такие минуты Димка сразу вспоминал отца.

– Вот папка бы был, он бы меня обязательно отпустил, – упрекнул он мысленно мать. – А мамка всё время боится: «Туда нельзя, сюда нельзя». Никуда нельзя!

Со дня гибели отца прошло уже больше полгода, но не было, наверное, дня, чтобы Димка не обращался мысленно к нему. Разве когда с мальчишками заиграется, да пока спал. Да и во сне часто его видел, а проснувшись, сразу не мог понять, было это наяву или приснилось?

С приходом весны и тепла Димка несколько раз порывался сходить к могиле отца, но каждый раз не мог преодолеть чувство страха перед самим кладбищем. Пройдя по улице, за которой находилось кладбище, он забирался на большой бугор, долго смотрел на большой чёрный крест и холмик у его подножия, постоянно задавая себе один и тот же вопрос: «Почему люди умирают? И почему живые не могут их оживить?», свято веря, что обязательно наступит тот день, когда он всё равно оживит отца.

В середине июня Наде наконец удалось убедить мать поехать домой.

– Поезжай, у нас теперь и делать-то нечего. В огороде всё растёт, картошку проптапали, а там тятя один. Да и от нас отдохнешь. Изо дня в день одно по одному. Спасибо, моя родная. Без тебя не знаю, как бы всё пережила.

Она обняла мать, прижавшись к ней, как в детстве, испытывая огромную нежность и любовь.

– Ты у меня самая лучшая в мире мама.

– Донечка.

Они крепче обнялись друг дружку. Надя чувствовала, как дрожит тело матери и стучит сердце, а по щекам катятся одна за другой слезинки.

– Не беспокойся, родная. Я справлюсь. Димка вон какой помощник становится.
– Бираги Ванятку, он зовсим слабенкий.
– Ничего, мама. За лето окрепнет.
– А я всё же, доня, попрошу Катю, пушай Танечку к тебе на лето отправит.
– Мама. Она сколько с Наташкой и Димкой нянчилась, не надо. Пускай девочка хоть немного детство увидит, а то с пелёнок в няньках ходит. Не надо.

– Хай будя по-твоему. А захоче сама, так пусть едет.
– Хорошо, мама. Только если действительно захочет сама, я буду рада её приезду.
Провожать бабушку на поезд по настоянию Клавды поехали братья Симаковы, Сергей и Вовка, взяв с собой Димку.

Надя проснулась от плача Ванюшки.

– Ах ты, бесстыдник, перепрудил всю постель. Ко мне захотел, да? Ну, не плачь.
Взяв сына на руки, она постелила на своей кровати клеёночку, а поверх неё пелёнку. Уложив его, прилегла рядом, дала грудь.

– Вот и хорошо, молодец, кушай.

Ванятка, почувствовав тепло матери, немного пососав грудь, мгновенно уснул. Надя, закрыв глаза, тоже пыталась уснуть, но внутренняя тревога за детей не давала покоя...

Вчера сорвав аккуратно по одному маленькому листику только начинающей расти свекольной ботвы, сварила свекольный супчик, покрошив в него последние три картошки. Молодую картошку можно будет подкапывать не раньше, чем через полтора месяца, хлеба, как ни пыталась растягивать, на день не хватает, а молоко без хлеба ребятишек невозможно заставишь пить, особенно Димку. Последнюю пшённую крупу скормила курицам – совсем перестали нестись – и с чего им нестись? Кроме того, что поклюют всякую всячину, шастая по улице, никакого корма не получают. Дети витаминов никаких не видят. Вчера отвар из овса сварила для ребятишек, силком кое-как заставила выпить по две ложки... Господи, что о детях говорить? – сама через силу пила: кислющий и горький, спасу нет, скулы сводит. Что уже о них говорить? Всяким обманным путём приходится заставлять проглотить несколько капель рыбьего жира. Хорошо, хоть огурчики мало-мальски расти стали. Опять же, без хлеба и картошки их много не съешь... Димку к школе надо начинать готовить. Одежка вся старенькая, да и вырос он из неё. Вон как вытянулся! Худой, правда, как шкет... Господи, полнеть-то с чего? На себя посмотри!

Надя тяжело вздохнула.

– Ладно, раскудахталась... Все так живут. Ванюшка окрепнет, работать пойду – полегче будет.

И, улыбнувшись сама себе, успокоила:

– Видишь, какая хорошая перспектива, а ты нюни распустила... Плачься – не плачься, что изменится? Надо думать, как выжить и жить, детей поднимать. Пожалуй, попробую для начала уборщицей устроиться, работать по вечерам. За Ванюшкой дети приглядывать будут, и тетю Полю попрошу. А может, и Танюшка приедет

с деревни. Ванька окрепнет, в ЖКУ штукатуром пойду. Там этой работы, говорят, пруд пруди. Ничего, даст Бог, выкарабкаемся. Дети только бы не болели.

Вечером, взяв Ванюшку, Надя пошла к старикам Хромовым смотреть, как выполнил её заказ дед Митя.

– Вот, гляди, Надежда, и принимай работу. Сделал тебе не тележку, а настоящий дилижанс, как просила, – похвастался дед Дмитрий. – Я, правда, отродясь не видывал дилижанс, но читать читал.

– Мне очень нравится тележка.

Надя обошла кругом двухколёсную тележку.

– Пряма, как игрушка! И площадка большая, четыре куля картошки всяко-разно поместится.

– И хорошую копёшку сена запросто уложить можно, – пояснил дед, – Вот только Белянке понравится ли моё изобретение, не знаю. Коровёнка твоя, хоть и смиренная, но всё одно, приваживать надо без груза. Я ещё мальчишкой был, так мы пацанами в деревне всюю возили на таких тележках и сено и дрова, картошку, бывало. Правда, возили на бычках, но и на коровах случалось.

– Дядь Мить, а ярмо как?

– С ярмом, девка, маленько повремени. Оно готово, только я ещё не приделал к нему тряпицы. Вот гляди.

Он достал ярмо.

– Сюды оглобли, а здесь, сверж ярма, тряпицей надо отделать, чтобы шею коровёнке шибко не тёрло. Хомут у лошади, видала, какой мягкий? И коровёнке надо сделать помягче.

– Я в деревне у нас тоже видала ярмо, но почему-то без всякой тряпицы, – пояснила Надя.

– Ну, это зря. С тряпицей корове да, и быку, намного удобнее и легче. Давай, приводи свою Белянку, как пастухи пригонят с пастбища. Примерку делать будем. Ой, она недовольно будет. А куда деваться? Ей же корм возить. Пусть трудится.

– Ничего, она у меня умная и послушная. А я ей в благодарность травку вкусную косить буду.

– Ну, коли так, тогда поладите с ней, добавил, смеясь, дед Дмитрий.

Вечером, подоив корову и привязав к рогам поводок, Надя повела Белянку приучать к новому амплуа в её коровьей доле. Подойдя к дяди-митиному дилижансу, Белянка, выпучив глазищи, крутила головой туда-сюда, как бы говоря: Ну и что, хорошая тележка. А я здесь при чём?

Старик с Надей долго мучились, чтобы поставить её между оглоблей и надеть ярмо.

– Ну, вот. Наша барышня готова, – пошутил старик.

Коровёнка, не понимая, что с ней творят, тяжело дыша, фыркала ноздрями, тараша чёрные глазища на хозяйку.

– Давай Надежда, пробуй.

Надя потянула Белянку за поводок, привязанный к рогам. Корова, дёрнувшись вперёд, неожиданно начала пятиться назад.

– Подожди, Надя. Пусть маленько постоит, обвыкнется. Почеши ей морду и меж рогов, успокой.

Постояв минут пять, предприняли новую попытку.

– Ну, с Богом. Белянка, немного посопротивлявшись, медленно пошла за натянутым поводком.

– Вот и умница, молодец, – похвалила её Надя.

Пройдя метров тридцать, они развернулись в обратную сторону.

– Ты, Надежда, так и веди её прямо к себе домой. Тележку под навес поставим – самое удобное место от дождей.

Подбежал Димка с Наташкой.

– Мам, мам, а можно мы прокатимся?

– Дима, сынок, ну, разве можно на ней кататься? Это же не лошадка. Коровке и так тяжело.

– А зачем тогда её запрягли?

– Сено помаленьку будем возить и картошку с пашни, больше ничего. Она же молочко нам даёт, беречь её надо. Давайте, бегите к бабушке Поле, там Ванятка. А мы с дедушкой сейчас управимся и подойдём. Бегите, бегите.

Первый пробный выезд оказался на редкость удачный.

– Смирная коровёнка, – похвалил старик Белянку. – Давай, чтобы хорошо привыкла, каждый день будем снаряжать.

И хотя Наде искренне было жаль свою кормилицу, сегодняшний пробный выезд развеял все её сомнения насчёт того, стоит ли запрягать корову. А главное – теперь не надо будет ходить попрошайничать, а если уж быть до конца откровенной, клянчить и унижаться на конном дворе, задабривать чем-то конюха, чтобы дали лошадь что-то привезти. Сколько ежедневно приходит таких желающих, очередь не пересчитать.

– Белянку лишний раз трогать не буду: копёшку накосила – привезла. Вон сколько травы рядом по березняку растёт, а межи какие стоят! Зато зимушку будет как барыня сыта. Картошки с пашни кулей двадцать накопаем, не больше, помаленьку перевезёт. Где тяжело будет, подтолкну. К тому же, дедушка Дмитрий тележку как игрушку сделал, лёгонькая и вместительная. Интересное название выдумал: «дилижанс»... Экая диковина. Как хорошо, что Господь мне таких соседей послал. Родные люди стали. Следующий раз поедем, Димку приучать буду за поводок Белянку водить. А сама сзади – подталкивать, помогать Белянке буду, особенно в горку. Ничего, справимся помаленьку.

В разгар лета Димка, освободившись от домашних обязанностей, которых с приездом Тани из Круглова стало значительно меньше, не раздумывая, бежал к дому Маловых и Тюриных. Там, на небольшом пятачке у забора среди таких же пацанов как он и постарше было всегда интересно и весело, хотя не обходилось без небольших стычек и слёз, которые чаще всего возникали в процессе игры в чижик, ножичек, попа-гоняло, круг-выжигало, лапту или кол-забабаху. Старшие пацаны азартно играли на деньги в чик и замусоленными картами в шестьдесят

шесть, дурака, очко. Это было место, где мальчишки познавали, что такое жизнь вне дома. Здесь постигались первые азы утверждения собственного я, понимание дружбы, чести, лукавства и подхалимажа, порой откровенной наглости и обмана.

Поскольку навыками перечисленных игр Димка почти не владел, а физически проявить себя также был неспособен, в этой компании он чаще всего был наблюдателем, однако принимали его там за своего. По правде сказать, его просто жалели, а старшие пацаны, зная, что Димка в какой-то степени находится под покровительством братьев Симаковых, даже опекали. Иногда он принимал участие в игре в чижик и ножичек, выполнял кой-какие поручения своих опекунов, но чаще всего просто крутился среди пацанов, жадно наблюдая за происходящим, пытаясь усвоить премудрости необходимых навыков и умений. Запоминал хлесткие словечки и выражения, которые иногда начали проскакивать дома в общении с Таней и Наташкой, за что тут же наказывался матерью, если она была дома. А несколько дней назад и вовсе огорчил мать: пробравшись между рядками картофеля в соседский огород, вырвал две брюквы. Крадучись, вернулся в свой огород и незаметно шмыгнул на чердак своего дома, однако сделал это, как оказалось, не совсем умело, и был замечен Нинкой, дочкой соседей Фариных, которая тут же его заложила своей матери. Фёкла, не раздумывая, пришла к Наде, так, мол, и так.

– Фёкла! Не может быть!

– Надя, ты же понимаешь? Не в брюкве дело. Что мне её жалко, что ли?

Выйдя из дома, Надя позвала сына. Димка, почувствовав неладное, не откликнулся.

– Дима, Дима, – строго позвала Надя сына.

– Я здесь мама, – наконец, отозвался он.

– Ну-ка спускайся. Иди сюда.

– Зачем?

– Я сказала, спускайся немедленно.

– Сейчас приду.

Понимая, что влип, брюкву спрятал за печную трубу, бросив на неё ящичек от посылки и небольшую фанерку.

– Спускайся, спускайся живее, – потребовала мать, увидев, как он еле перебирает ноги по ступенькам лестницы.

– Смотри мне в глаза! В огород лазил?

– Нет.

– Врёт, врёт, лазил! – затараторила Нинка, дочка Фариных. – Лазил, я видела.

Фёкла дернула дочку за руку.

– Молчи, тебя не спрашивают, тараторка.

– Повторяю ещё раз. В огород лазил?

– Нет, мама не лазил.

– Значит, не лазил?

– Нет.

Надя без слов мгновенно поднялась на чердак и через пару минут, держа брюкву за ботву, показалась в проёме крыши.

– Вот, вот! Я же говорила, что лазил! – оживилась Нинка.

Подойдя к сыну, Надя, не говоря ни слова, наотмашь ударила одной из брюкв по лицу сына.

– Ах ты мерзавец! Воришка паршивый... Ишь что надумал – воровать!

Димка заревел, прижимая ладони к носу, из которого струйками потекла кровь. Фёкла, увидев кровь, побледнела от страха, проклиная себя и Нинку за случившееся.

– Надя, да бог с ней, этой брюквой.

Надя и сама, не давая отчёта в своём поступке, растерялась, не зная, что делать.

– Господи, сынок! Да как же так? Зачем? У нас ведь своя есть.

Она прижала к себе рыдающего сына. По щекам текли горькие слёзы. Ей было очень стыдно за поступок сына и свой, совершённый в порыве гнева.

Фёкла, дав подзатыльник дочери, медленно побрела домой, ругая её и себя.

Обмыв холодной водой лицо сына, Надя долго гладила его распухший нос, щёки, приговаривая.

– Сынок, прости меня, но так нельзя делать. Это очень плохо. Ты понимаешь? Очень плохо. Если бы папка об этом узнал, он очень рассердился.

– Я больше не буду. Мама прости. Правда, больше не буду.

– Вот и хорошо. Молодец. Давай забудем об этом.

Димка и в самом деле, в силу своего беспечного возраста увлечённый играми на улице, быстро забыл о случившемся. Сломя голову снова и снова носился он к заветной поляне в надежде, что на этот раз пацаны обязательно возьмут его поиграть. Больше всего ему хотелось сыграть в ножичек. Дома, после отработки игры с небольшим складничком, у него стали здорово получаться приёмы от бороды и с локтя: ножик раз за разом ровно втыкался в земельную лунку. Димка был твёрдо уверен, что если его возьмут играть, он точно не будет последним и ему не придётся выгрызать зубами землю, чтобы вытащить из неё маленький деревянный колышек, вбитый до основания ручкой ножа теми, кто выиграл. Проигравшему в порядке наказания не только надо было вытащить колышек, но ещё, держа его в зубах, убежать от всех и выплюнуть по дороге так, чтобы играющие не могли найти. В противном случае процедура наказания могла повториться несколько раз. Плачь – не плачь, таков суровый закон игры, никаких поблажек. Чаще всего голящий стремился выплюнуть колышек в траву у изгороди огорода, а лучше всего – в растущую на обочине крапиву.

Димку действительно взяли в игру в ножичек, однако его прогноз не оправдался. Как и в прошлый раз, он оказался последним. Более того, ему пришлось тянуть колышек из земли дважды, потому что первый раз, убегая и желая надёжно спрятать колышек, он неудачно выплюнул его в траву – пацаны без труда тут же его нашли. Но это обстоятельство Димку сильно не огорчило, наоборот, раззадорило.

– Завтра потренируюсь и обязательно обыграю Витьку Малова.

Однако ещё с вечера планы резко поменялись.

— Сынок, погода жаркая. Сено наверняка подбывало, самое время грести. А вечером, когда Белянка вернётся со стадом домой, его обязательно надо привезти. Не дай Бог, дождь нагрянет, сколько мороки потом будет.

— Мам, а во сколько мы управимся?

— Ой, не знаю. Сгребём быстро, там копёшки три будет, не больше. Так привезти ж надо ещё. Как управимся, так и управимся.

— Да, жалко.

— Что жалко? — поинтересовалась мать.

— Да так. С мальчишками хотел поиграть.

— Ну что сделаешь, сынок? Кто ж мне поможет кроме тебя? Ванятка совсем маленький, ты у меня единственный мужичок. Вон какой уже вымахал, нынче в школу пойдешь. — Она погладила сына по голове. — Скоро уже меня перерастёшь. — И добавила — Белянку, нашу кормилицу, зимой хорошо кормить надо, чтобы молочко было. Ты уж потерпи, не серчай на меня. Папки нет, ты у меня теперь самый главный помощник и мужчина в доме.

— Мама, а можно я с вами пойду сено убирать? — попросилась Наташка.

— Нет, Наташенька, ты ещё маленькая. Вы с Таней Ванечкой займётесь. К тому же, жарко будет и идти далеко, устанешь. Годика через три в самый раз. Подрастёшь, тогда все вместе на покос ходить будем. Дима косить будет, ты гребью заниматься, а мы с Ванюшкой копёшки считать.

— А Таня, что делать будет? — не понимая материнской шутки, уточнила дочь.

— Таня? — Надя посмотрела на племянницу. — Таня цветы собирать будет.

И, подмигнув племяннице, громко рассмеялась. Её смех раззадорил детей, и они все вместе долго смеялись. Это, наверное, было их первое общее настоящее веселье в доме со дня гибели отца.

Незаметно в заботах и хлопотах пролетело лето. Надя в письмах уговорила старшую сестру Катерину, чтобы Таня хотя бы ещё год пожила на Ирше.

— Выручай, сестрёнка. Я без Тани как без рук, — писала она Катерине. — А в школу ходить ей здесь будет лучше. У нас большая, хорошая школа.

Впрочем, самой Тани возвращаться в деревню особенно не хотелось, на Ирше ей было гораздо интереснее. К тому же, она искренне любила своих маленьких ширяток — так она звала ребятишек. Здесь было электричество, радио, которое Таня могла слушать часами, девчонки-подружки, с которыми она очень быстро сдружилась.

В семье Широковых произошло ещё одно важное событие: пошёл в первый класс Димка. Провожали его большой толпой: домочадцы вместе с Ваняткой, старики Хромовы, Симаковы Клава с Вовкой. Димка две ночи подряд плохо спал, никак не мог дожидаться заветного дня. Ещё в июле тетя Оля из Казани прислала ему серые штанишки, костюмчик и ботиночки, но настоящей гордостью для Димки стала не одежда, а настоящая военная полевая лётчицкая сумка, которую накануне подарил дядя Андрей, заглянувший проездом попроведовать сестру.

Оказалось, что Андрей о гибели Григория узнал спустя почти месяц после похорон, вернувшись из командировки.

С этой сумкой Димка готов был не расставаться сутками, а если бы разрешили, то и спал бы с ней. Ведь почти у всей ребятни, и не только у первоклашек, были матерчатые сумки, сшитые родителями из плотной крепкой ткани или мешковины.

Стоя в толпе родителей, пришедших проводить своих чад в школу, Надя, глядя на повзрослевшего сына, не могла скрыть нахлынувшую печаль.

– Господи, как же он стал походять на отца! Гриня, Гринечка, роденький мой. Не довелось тебе увидеть этого счастливого дня. Сколько раз говорил и мечтал о нем, а вот как всё вышло...

Если бы Григорий увидел в таком облачении сына, наверняка бы пошутил: «Мать, посмотри, сын – настоящий лондонский дэнди». Он любил говорить эту присказку, когда видел сына в обновке.

– Эх, Гриша, Гриша...

Осень и зима, несмотря на лютые морозяки, Широковы пережили более- менее благополучно. Пролетели они в хлопотах и заботах, как один день, если не считать февральский случай, когда Димка в очередной раз накормил самодельным мороженым Наташку с Ваняткой и сам полакомился. Димка учился с первой смены, а Таня – со второй. Такой расклад был очень удобен Наде, которая устроилась работать штукатуром в коммунальное хозяйство. С утра дома хозяйничала племянница Таня, а Димка с обеда. Пользуясь своим положением, Димка приноровился делать домашнее мороженое. Наливал в дюралевую поллитровую кружку молока, разбавленного водой, растворял в ней сэкономленный за несколько дней втайне от матери сахар, затем, опустив в кружку обычную лучинку, выносил кружку на улицу и оставлял, пока не замерзнет содержимое, после чего приносил кружку, ставил на печку, чтобы молоко чуть-чуть подтаяло и легко отделилось от кружки... Это были самые томительные и волнительные секунды ожидания.

– Дима, ну давай, – канючила Наташка, топя ногами.

Димка, сглотнув слюну, хватался за лучину. В руке мгновенно оказывался закруженный по форме кружки белый ледяной предмет, похожий на противотанковую гранату. Увидев его, Наташка визжала и хлопала в ладошки, предвкушая удовольствие от неповторимого лакомства. Ванятка, тоже познавший вкус этой здоровенной сладкой игрушки, вытаращив глазёнки и махая ручонками, кричал:

– Дай, дай, дай.

Но просьбы и мольбы сестрёнки с братом на Димку не действовали. Делиться с младшими он начинал только после того, как сам заканчивал дегустацию лакомства. Лизнув несколько раз ледышку, откусывал краешек, опять лизал. И только после этой процедуры давал поочерёдно лизать сестре и брату. Производство мороженого держалось в строгом секрете от матери и Тани до той поры, пока все трое не заболели ангиной...

Если не считать этот злополучный случай, зима прошла в целом без простуд и болезней.

Тем не менее, с приходом весны Наде было от чего печалиться: по непонятным причинам катастрофически гнила в подполье картошка.

— Как лето жить будем, ума не приложу? — сокрушалась она. — На посадку только-только наберётся и то придётся разрезать на четвертушки. Опять побираться придётся. А у кого просить? С кем не заговоришь — одна и та же беда: мешками скоту гниль скармливают. Что за напасть? Ума никто не приложит. Народ по огородам уже шастает, собирают прошлогоднюю картошку, оставшуюся в земле по недогляду во время копки осенью. Она хоть и перемороженная, но крахмал сохранила. Если варить, конечно, в горло не лезет, а вот на мясорубке пропустить или растолочь, да немножко муки в неё добавить или на худой конец отрубей... Вполне съедобные лепёшки получаются.

— Таня, Дима!

— Что, мам?

— Дети, драники из старой картошки хотите?

— Тётя Надя, а у нас муки совсем нет! А без муки они невкусные.

— Танюш, есть маленько в туюске, на драники хватит. Только вот картошки насобираем ли?

— Мам, насобираем.

— Ну хорошо, тогда давайте, собирайтесь. Пойдём, на нашем огороде всё обойдём.

— Мам, и я!

— Нет, Наташа, ты с Ванюшкой останься.

— Всегда только я...

— Наташа, всё, не спорь... мы недолго.

Обшарив огород особенно вдоль межи, они насобирали большой котелок картошки.

— Вот и хорошо! — обрадовалась Надя. — Целая сковородка получится.

Настряпав драники, Надя сложила их обратно в сковороду.

— Мам, ну когда есть будем? Сил никаких нет!

— Сынок, потерпи ещё немножко. Я сейчас.

Сложив горкой драники, Надя положила поверх них три больших ложки сметаны и тут же поставила сковороду в духовку печки.

— Мама, ты нас с голоду заморишь сегодня.

— Сынок, потерпи. Пусть потомятся маленько. Они тогда вкуснее будут. Потерпи.

Драники и правда, пропитавшись слегка сметаной, оказались на редкость вкусными.

— Ну что? Я права?

— Правда, мама, после духовки они намного вкуснее.

— Ну вот, а ты меня торопил...

— Мам, не сердись. Уж очень сильно кушать хотелось.

— Ладно, ешь на здоровье. Не сержусь. Ну, вот, слава Богу, ещё один день прокормилась, — облегчённо вздохнула она. — Господи, когда же голодное время пройдет? Почти три года, как война кончилась, а всё досыта поесть не можем. В воскресенье

на базар пойду, хоть немного муки куплю. Будем помаленьку растягивать до новой картошки, а то потом деревенские цены до потолка поднимут. К тому же Фёкла обещала немного дать картошки... Ребятишки пускай ещё по огороду ходят, на-верняка немного насобирают. День-другой пробьёмся.

Базар в посёлке работал практически ежедневно. Местные цыгане продавали самодельные конфеты на палочках, по форме похожие на петушков и сосульки. На прилавках там и сям продавались продукты местного происхождения, а также растительное подсолнечное масло на разлив, старенькое барахлишко. У ларьков, где можно было на разлив купить водки от пятидесяти граммов и больше, крутились завсегдатаи.

Монотонность и обыденность базарной жизни резко преображалась по воскресным дням, когда приезжали крестьяне с близлежащих сёл продавать всякую живность, муку, мёд, огромные, румяные булки хлеба и калачи. Собирались спекулянты всех мастей из Уяра, Канска, Красноярска, привозя товар, начиная от химических карандашей и красительных порошков до армейских гимнастёрок, галифе, шинелей, а также небольших рулонов ситца, шевиота и бостона. В трёх-четырёх точках всей базарной территории располагались, как правило, по одному или по двое инвалиды-музыканты: кто под балалайку, кто под истрёпанную временем гармошку, распевали жалостные и задорные песни, а порой – матерные частушки. Вокруг них всегда крутилась толпа, бросая в лежащую на земле кепку или шапку кто что может. Завсегдатай базара Ваня-китаец на небольшой фанерке манипулировал двумя чёрными пластинками, на одной из них был изображён красный глазок на другой – зелёный. Китаец предлагал зевакам игру на деньги: угадал цвет глазка на пластинке – выиграл, не угадал – проиграл. Ошивалась на рынке и воровская братва, разбившись на несколько небольших групп, одна из которых ювелирно чистила карманы, другая промышляла картёжной игрой. Чаще всего в сети картёжных шулеров попадался приезжий деревенский люд. После продажи скотины, муки, мёда, хлеба или мяса они тут же попадали в сети пропагандистов-картёжников, умело обольщавших деревенских простачков, зарившихся выиграть наудачу большие деньги.

Как правило начинающему играть шулеры давали возможность выиграть раз за разом, тем самым раззадоривали в нём азарт и жадность. Делали это очень эффективно, эмоционально, постепенно втягивая в игру не только первого, но и его присутствующих на игре родственников, друзей, а также наивных простачков и зевак. При этом шулер-картёжник не только давал им возможность периодически выигрывать, но – самое главное – повышая ставки, с каждым разом наращивал кон. Когда шулер и его подельники убеждались, что играющие выставили на кон банка последние деньги, наступала кульминация игры. Шулер просил соперника открыть карту, тот трясущимися руками вскрывал одну из трёх карт, где по его твёрдому убеждению был крестовый король. Открыв карту, простофиля на какое-то мгновение терял дар речи, потому что вместо желанного короля оказывалась бубновая дама. Этого мгновения было достаточно, чтобы шулер успел сгрести

деньги. Проигравший и его друзья по несчастью с матами и криком бросались на шулера в драку, но тут вставал мощный заслон подельников шулера, а тот невидимкой исчезал в толпе. Пострадавшие, не стесняясь в выражениях, выкрикивали в адрес обидчика угрозы, искали милиционера. Но если даже и находили его, страж порядка, улыбаясь, произносил заученные фразы.

- Вас, граждане, кто-то силой заставлял играть?
- Нет...
- Тогда в чём дело?

Посотрясав ещё какое-то время воздух, горемыки уходили с твёрдым убеждением, что обязательно найдут и накажут обидчиков. Подобные сцены практически происходили еженедельно. Однако каждый раз в сети шулеров попадались новые любители мгновенно на авось разбогатеть.

– Предскажем судьбу! Предскажем судьбу! Всё что было, всё что будет! – выкрикивая эти фразы, шныряли по рынку несколько дамочек, держа в руках небольшой ящичек, который заполняли аккуратно сложенные конвертиком маленькие бумажки.

Поверх конвертиков сидела пятнисто-рыженькая морская свинка. Маленькое, очаровательное существо, тараша на толпу черные, как бусинки, глаза, будто магнит притягивала к себе шатающийся по рынку люд. Как только находился любитель узнать свое будущее, заплативший дамочке определенную сумму, следовала команда хозяйки свинки:

- Давай, Маша, давай.

Свинка, потыкав мордочкой туда-сюда по конвертикам, мгновенно выхватывала длинненькими, острыми зубками один из них, затем поднимала головку, говоря всем своим видом счастливицу: «Бери своё будущее драгоценное счастье».

Хозяйка свинки пафосно брала бумажный конвертик, торжественно вручала его клиенту. На этом процедура заканчивалась. Заинтригованный счастливиц тут же спешил уединиться, чтобы вскрыть драгоценный конвертик и в полной мере испить чашу своего будущего счастья. В конвертиках, как правило, предрекалось светлое будущее до самого конца света. Клиент был необыкновенно счастлив от этой новости. Довольны были хозяйка и свинка, что у первой будет небольшой барыш, а вторая обязательно за свою работу получит вознаграждение в виде сушёных семечек.

Имели свой интерес, крутиться на рынке и местные пацаны, жившие недалеко от рынка, особенно в жаркие, летние дни. Среди них ошивался и Димка Широков, зарабатывая честным трудом свои первые в жизни деньги. Сбегав с бидончиком на водокачку, которая находилась примерно метров триста от базара, пацанва, снуя в толпе туда-сюда, предлагала изнемогающей от жары и жажды публике попить холодной водички.

– Кто желает холодной водицы? Пьём на руб досыта! Налетай, налетай, подешевело! Расхватали – не берут!

Опорожнив тару, тут же бежали к водокачке. Конечно, не ахти какой заработок, но Димка по-настоящему гордился своими сбережениями, которые копил на покупку фонарика. Правда иногда он не мог устоять перед соблазном, чтобы не купить у цыган заветный сладкий петушок на палочке, а порой и два, один из которых обязательно приносил домой, угощал Таню с Наташкой и Ванятку.

Был у него и другой способ подзаработать – собирать всякое ненужное тряпье по посёлку, а также медь и свинец, которые можно было найти возле шахт, но этот бизнес не одобряла мать.

– Ходишь, собираешь всякую грязь, не хватало только болезнь или лишай подхватить, нас заразить... А медную проволоку и свинец наверняка воруете где-нибудь на шахте... Прекрати раз и навсегда, – запрещала ему Надя

Если откровенно, Димке и самому не очень нравился этот заработок. Дело в том, что сдав китайцу-приемщику макулатуру и цветной металл, взамен можно было получить не деньги, а какую-нибудь безделушку, в лучшем случае – рыболовные крючки, футбольную камеру или карандаши с ручкой и пером. А Димке очень хотелось купить настоящий фонарик с батареейкой.

Как бы то ни было, а необходимую сумму он всё же накопил. Покупать фонарик пошли всем гамузом, человек семь. Главным спецом в этом деле, конечно, был Лёнька по кличке Тузик. В отличие от всех пацанов, Тузик уже давно имел фонарик, более того, он слыл среди местной шпаны непревзойдённым мастером по ремонту велосипеда, запросто мог натянуть спицы, сделать классную рогатку. Но особой гордостью среди его изобретений были «поджиги». Вырезав из куска берёзы предмет, напоминающий по форме пистолет, Тузик поверх его предполагаемого дула крепил ствол из медной трубки, с небольшой прорезью сбоку. У самой прорези крепилась маленькая проволочная петелька, в которую при стрельбе вставлялась обыкновенная спичка, упираясь коричневой головкой в отверстие трубки. Принцип действия был прост: в медную трубку ствола набивалась смесь из спичечных головок, чтобы произошел выстрел. Стреляющий, вытянув руку с пистолетом, второй рукой чиркал спичечной коробкой о головку спички, вставленной в петельку у отверстия трубки. Вспыхнув, головка мгновенно зажигала смесь, находящуюся в трубке, тут же гремел выстрел. Бывали случаи, когда по неопытности в трубку набивали смеси больше положенной отметки. Трубку разрывало, а стрелок получал ожоги или даже травмы глаза. Вот с таким мастеровитым спецом Дима и его приятели пришли за покупкой в магазин.

Прежде, чем дать Димке посмотреть фонарик, продавщица поинтересовалась, есть ли у него деньги.

– Вот, смотрите.

– Украл, поди, у матери, – буркнула продавщица, пересчитывая копейки.

– Не украл я. Мамка знает.

Зполучив, наконец, долгожданный фонарик, похожий на плоскую коробочку, Димка тут же вручил его Тузику. Тузик, как опытный эксперт, повертев его в руках, не спеша открыл крышку, потрогал контакты, батарейки, лампочки.

– Ну, чего? – дрожащим голосом поинтересовался Димка.

– Леха, зажигай! – сгорая от любопытства, наперебой загалдели пацаны.

Тузик молча захлопнул крышку, сделал многозначительную паузу.. Димка, как будто ожидая приговора, растерянно хлопал глазами.

– Порядок, – наконец произнёс Тузик. – На, сам зажигай.

Трясушимися пальцами Димка двинул рычажок включателя, тут же круглое стеклянное оконце крышки озарилось желтоватым светом. Димка от счастья расплылся в улыбке.

– Горит, горит! – закричали мальчишки.

– Димка, Дим, дай я попробую! – наперебой стали просить они фонарик...

ГЛАВА 26

В НОРИЛЬСКЕ

Пять лет прошло с того счастливого мгновения, которое вспомнил сейчас Димка, рассматривая новый фонарик, подаренный ему вчера на день рождения дядей Андреем, братом матери.

– Вот тебе подарок, дорогой племяш, чтобы не блудил в потёмках. Темнота ещё ого-го когда кончится, не раньше как через полгода.

– Как через полгода? Почему? – недоумевал Димка.

– Да, племяшка, не раньше. Вот так без солнышка будем жить до самой весны. Север, Димочка, север. Ничего не изменишь. Так устроена природа. И тут хоть плачь, хоть рыдай, ничего не попишешь. Зима в потёмках, летом наоборот, круглые сутки светло. Солнышко не успеет за гору Шмитиху спрятаться, тут же выходит. Так то дружок, так. Одним словом, север.

На севере в городе Норильске, Димка оказался неожиданно-негаданно. Летом Надин брат Андрей, находясь в отпуске, заехал на обратном пути попроведывать сестру и других родственников, включая мать с отцом, которые переехали год назад из деревни в поселок к Наде, чтобы быть поближе к дочери и внукам.

Погостив целую неделю, Андрей, собираясь домой в Норильск, где он теперь жил после Челябинска, пытался уговорить Надю забрать с собой Димку.

– Послушай, Надя, мальчишка он шустрый, того гляди, куда-нибудь залезет, да и развиваться ему надо... А у нас музыкальная школа есть, недавно построили спортивный зал совсем недалеко от нас. В секцию будет ходить, заниматься. Ну, хотя бы годик.

– Андрюш, ты понимаешь о чём просишь? – негодовала Надя – Я без него как без рук. Но дело даже не в этом... Он же домашний! Ты хочешь, чтобы пока его не будет, я извелась вся? Нет, братишка, спасибо. Димку не отпускаю, не уговаривай.

– Надя, пойми, пацану нужен мужик. Насколько я понимаю, ты замуж не собираешься?

– Не собираюсь. У меня один муж. И хотя его нет рядом, он всегда будет со мной.

– Вот, я к тому и клоню. Пацану мужское воспитание нужно. И это очень важно сейчас в его возрасте.

– Ничего, тятя рядом, он ему и дед и отец.

– Глубоко заблуждаешься, сестрица. Дед, как ни крути, всегда будет дедом со своей дедовской любовью и сюсюканьем, это же невооруженным глазом видно. Кстати, я с батей разговаривал по этому поводу. Он поддерживает меня.

– Не знаю, не знаю, Андрюша...

– А я тебе вполне откровенно говорю: мы вчера с ним часа два об этом проговорили.

– Ты, поди, и Димке уже удочку забросил?

– Надя, обижаешь. Что ж я не понимаю всей ситуации?

– Похоже, что нет. Андрей, ты с Марией днями на работе, к тому же своя дочка.

– Это Надя не вопрос. Дочка, Олечка, не помеха. Наоборот, он к ней привяжется как к Наташке.

– Правильно, от одной няньки к другой. Нет, Андрюша. Нет и ещё раз нет.

– Сестра, ну зачем же так передёрживать? Дочка дочкой, а Димкой я хочу по-настоящему сам заняться. Глубоко убеждён, что Гриша меня обязательно поддержал бы.

Чашу весов в этом споре в пользу Андрея перетянули родители. Николай Андреевич смог убедить Прасковью Петровну, а вместе они уговорили Надю. Так Димка оказался в Норильске, чему был необыкновенно рад, несмотря на огромную любовь и привязанность к матери и Наташке с Ванюшкой.

А сейчас, сгорая от нетерпения проверить подаренный фонарик в деле, Димка, напялил на босу ногу сшитые чулком унты, купленные дядей Андреем, привязал их лялочками к брючному ремешку...

– Ты куда?

– Дядя, я на улицу. Проверю, как фонарик светит. Я недолго.

– Далеко не ходи.

– Ладно.

На ходу одев телогрейку и шапку, выскочил в сени, а затем – в длиннющий снежный коридор. Андрей жил с семьёй в небольшом балке – так на севере называли домишки, построенные из всяких подручных материалов. Строили их люди, прижимая свои жилища друг к дружке с таким расчётом, чтобы сэкономить строительный материал, а главное, чтобы как можно лучше сохранить тепло. Летом издали балки были похожи на груды хаотично наброшенных в кучу больших ящиков, зимой же незамысловатые архитектурные творения пурга полностью заносила снегом, из которого торчали только чёрные печные трубы, словно перископы подводных лодок. К каждому из балков были прокопаны большие проходы под снегом, похожие на огромные пяти-шестиметровые туннели, по которым люди проходили в своё жилище. Снег, покрывший панцирем балки, хоть и изолировал жилище от внешнего мира до самой весны, зато надёжно укрывал от лютых морозов и пронизывающих ветров. Часто после сильной ночной пурги приходилось часами чистить снежные проходы, чтобы выбраться из своих берлог, что называется,

на белый свет. Хотя говорить о белом свете приходилось с натяжкой, поскольку зимой на севере трудно отличить день от ночи.

Высочив из сеней, Димка включил фонарик. Луч мгновенно осветил длинный снежный коридор.

– Ничего себе, как здорово светит!

Поводив лучом света по стенкам прохода, вышел наружу.

Несмотря на ранний вечер, стояла кромешная темень, в которой слышались лёгкие завывания начинавшейся пурги.

– Пойду к дяде Семёну, он сегодня дежурит, покажу фонарик.

Димка направил пучок света на предполагаемую дорогу, но плотные снежинки, гонимые ветром, тут же поглотили луч, оставив небольшую жёлтую прогалинку, в которой едва-едва просматривались прыгающие пятнышки. Утопая по пояс в снегу, Димка приблизился к колючей проволоке и попытался высветить сторожевую будку, стоящую на длинных столбах, как на ходулях. Тщетно. В образовавшейся полоске света, снуя туда-сюда словно рой белых мотыльков, мельтешили снежинки. В надежде, что луч пробьёт снежную пелену, Димка несколько раз включил и снова выключил свет, однако каждый раз луч лампочки тут же растворялся в белоснежном вихре. Раздосадованный именинник, жаждущий продемонстрировать в деле подарок своему другу Семёну, от отчаяния закричал.

– Дядя Семён, дядя Семён...

Но пурга тут же поглотила звук. В это мгновение мощный пучок света, пронизывая кромешную темноту, ослепил Димку. Тут же, будто из подземелья, донесся окрик охранника.

– Стой! Кто идет?

– Дядя Семён, дядя Семён! Это я...я...я...я, – кричал ослеплённый прожектором Димка, барахтаясь в снегу.

Семён узнал Димку.

– Вот бесёнок, нашёл время для прогулок.

Держа луч прожектора на барахтающемся в снегу Димке, Семён как можно громче прокричал: – Иди домой, домой! – показывая лучом света в сторону балков.

Горе-именинник скорее понял, чем услышал, что от него хотел Семён. Утопая в снегу, сопровождаемый лучом прожектора, пошёл домой.

– Вот если бы мой фонарик так светил, вот это да...

С охранником Семёном Димка познакомился в первый день своего приезда в Норильск с дядей Андреем. Семён встречал их на крохотном вокзале, куда прибыл из Дудинки по узкоколейной железной дороге поезд.

В Норильске Семён оказался не по своей воле. В 1941 году в ожесточённых боях под Киевом он был тяжело ранен и контужен, в бессознательном состоянии оказался в плену у немцев. Все годы Великой Отечественной войны провёл в немецких концентрационных лагерях, не один раз был на грани жизни и смерти, дважды за побег приговаривался к расстрелу и только по трудно объяснимой случайности остался жив. Из плена в 1945 году его освободили союзники – американцы. Они

же обрабатывали Семёна и таких же советских военнопленных, как он, поехать жить в Америку, обещая райскую жизнь. Но Семён, как впрочем подавляющее большинство, наотрез отказался, заявив корректно вербовщикам: «Спасибо за освобождение и предложение, но у меня есть родная мать – русская земля».

Ему тогда в самом бредовом сне не могло привидеться, какие унижения и испытания готовит ему Родина. Несмотря на то, что американские вербовщики его об этом неоднократно предупреждали: «Попадёшь в лапы НКВД, десять раз пожалеешь, что отказался», Семён об этом не только слушать, но и думать не желал. Он и сейчас, по прошествии времени, не жалеет о своём решении. Для него понятие Родина и Родная мать остались единым целым, неделимым.

– Заграничная золотая клетка с бриллиантами и молочные реки не для меня. Мне бы к родной землице припасть, да глоток таёжного сибирского воздуха глотнуть – вот моя заветная мечта... а то ведь за годы войны и плена совсем поотвык.

После короткого пребывания у американцев, Семён был передан советским органам. Потом был так называемый русский фильтрационный лагерь, где пришлось многократно объяснять представителям НКВД, что в плен попал, будучи раненым и в бессознательном состоянии, чему доказательство – огромный шрам на голове и шее, что дважды пытался бежать из лагеря, но безуспешно, что когда его поймали, безжалостно травили немецкими овчарками, и на теле Семёна на всю жизнь осталось с десятков рваных ран – следы собачьих укусов. К тому же он являлся участником антифашистского сопротивления, и это также было известно советским органам... К сожалению, его доводы оказались неубедительными для сотрудников НКВД. «Враг народа. Статья 58 уголовного кодекса РСФСР» – таков был окончательный вердикт, вынесенный бывшему военнопленному Семёну Васильевичу Сталову.

– Как же так? Какой я враг народа? – негодовал Семён, перелопачивая в памяти годы, проведённые в плену. – Лучше бы я тогда сдох в Норвегии, валяясь на бетонном полу, когда почти безнадежно болел дизентерией... или расстрелян в тот весенний день после побега из лагеря, чем пережить такое унижение и позор!

В минуты отчаяния он не один раз думал наложить на себя руки и одним махом покончить с этим кошмаром.

– Предатель! Что может быть позорнее? И вообще, уважающий себя человек разве может перенести такое? – размышлял он. – А мать, родные узнают... Нет, с этим надо покончить, с таким клеймом скотина и та жить не сможет. К счастью, в это время оказались рядом такие же бедолаги, как он, но твердо убеждённые, что справедливость восторжествует. Они смогли убедить и уберечь Семёна от дурных мыслей.

Осенью 1945 года Семён с большой группой бывших советских военнопленных был доставлен в вагонах-телятниках в город Красноярск, где их ночью перегрузили на баржу и по Енисею доставили в Игарку, затем – в Дудинку и Норильск.

Волею судьбы Семён оказался в лагере, где отбывал срок Пётр Широков, брат Григория Широкова. Познакомившись и узнав, что родом они не только из

одного края, но и соседних районов, быстро сошлись, став неразлучными друзьями. Через Петра Семён и познакомился с Андреем, Надиным братом, переехавшим из Челябинска работать в Норильск. Андрей, приехав на место, первым делом по просьбе Нади и сестёр Широковых разыскал Петра Широкова, имел с ним несколько свиданий.

Отсидев семь лет, Семён оказался в списках реабилитированных военнопленных и в 1952 году был освобожден.

– Господи, неужели такое может быть? – не поверил он сразу этой новости. – Значить, правда, Бог есть.

Лагерное начальство, характеризовавшее Семёна положительно, учитывая большие трудности с комплектованием рядового кадрового состава, предложило ему остаться работать в лагере на хозяйственных работах. К тому же предложили небольшую комнатку на двоих в бараке рядом с зоной. Раздумывал долго:

– Куда я поеду в эковской одежде и к кому? Мать умерла, сестра вышла замуж, уехала в Краснодарский край. Кому я нужен с такой репутацией и без копейки денег в кармане? И потом, работая в лагере, хоть чем-то своим мужикам смогу помочь. Останусь годика на два, осмотрюсь, а там видно будет, что делать...

Друг, Пётр Широков, который сначала был категорически против такого решения, выслушав доводы Семёна, согласился:

– Пожалуй, ты прав. Время покажет, что делать. Может и мне волюшка улыбнётся, – с надеждой заключил Пётр, – тогда вместе махнём на материк. Ну, а сейчас, коли так решил, зайдешь к моему родственнику Андрею, он тебе на первых порах поможет.

– Пётр, бог с тобой! Что я, младенец какой или обезноженный инвалид? Обузой кому-то быть? Угол с кроватью в бараке дают, а мне больше не надо. Сам понимаешь, в плену почти четыре года по нарам валялся и здесь семь, так что собственный угол и койка – рай для меня.

– Подожди, подожди, – перебил его Пётр. – С кем-то на воле дружбу завязывать надо.

– Ну, это само собой.

– Вот с Андрея и начнёшь. Он – мужик нашей закваски, войну отмантулил от звонка до звонка, я тебе про него рассказывал. Тем более, земляки, есть о чём поговорить. На, держи адресок.

Так Семён Сталов познакомился с Андреем и за сравнительно короткое время стал в его семье своим в доску. Проработав полгода на хозяйственных работах, Семён попросил начальство перевести его на освободившееся место охранника складских помещений.

– Работа посменная, буду подрабатывать где-нибудь в промежутках между сменами, – решил он.

Обнесённые колючей проволокой склады, примыкая к основной зоне, находились недалеко от балков, в одном из которых проживал Андрей. Димка, подружившись с Семёном, часто бегал к сторожевой будке, чтобы рассказать какие-нибудь

новости или просто так поздороваться. Охраннику по инструкции делать это было запрещено, но Димка являлся исключением из правил.

Вот и сегодня, заполучив в подарок новый фонарик, он хотел поделиться своей радостью с Семёном, но погода всё испортила. Семён в свою очередь недоумевал, что мальчишку толкнуло в такое ненастье идти к нему?

— Ладно, утром сменюсь, зайду, узнаю.

За короткое общение с Димкой Семён, узнавший от Андрея все подробности трагедии в семье Широковых, полюбил этого не по годам смышлёного, шустрого и отзывчивого подростка. Глядя на Димку, неоднократно думал: Эх, если бы не проклятушая война, исковеркавшая всю жизнь, наверняка бы и у меня был сын и не один».

Впрочем, и Димка как-то сразу привязался к этому доброму, большому дяденьке. Семён, родившийся в сибирской крестьянской семье, в трёхлетнем возрасте также остался сиротой. Отец, искалеченный на гражданской войне, в девятнадцатом году ушёл в мир иной, оставив на руках матери двух дочерей и сына. Семён пошёл в отца. Спокойный, рассудительный, работающий, ростом вымахал под два метра, косая сажень в плечах. В лагере немцы за его рост и недюжую силу дали ему кличку «Сталин». Они, видимо, считали, что Сталин именно таким и был, здоровым и сильным. А может в какой-то степени сыграла роль ещё и созвучность фамилии Семёна: Сталов, Сталин... Трудно сказать.

Перед войной, работая в МТС, Семён на спор с мужиками посадил в кузов машины полторки с десятком парней, зацепил толстой верёвкой за крюк машину и перебросив её через плечо, спокойно с места покатил машину с гогочущими от удовольствия парнями в кузове по деревне, вызвав у сельчан всеобщее восхищение и потеху. Не одна девка в деревне сохла по Семёну, а вот как-то не вышло с женьитьбой, всё откладывал на завтра... А тут война, всё пошло вверх тормашками, так и остался бобылём.

— Чего хотел Димка? — недоумевал Семён, возвращаясь к только что увиденному. — Может, что стряслось, раз в такую пуржину пошёл. Вот оказия. Сменюсь, сразу наведуясь. И чтобы как-то отвлечься, он вспомнил трёхдневной давности разговор с Димкой.

Семён зашёл к ним днём. Димка только что вернулся из школы, пил чай.

— Ой, дядя Семён! Здравствуйте. А я только со школы. Будете чай пить?

— Не откажусь, если угостишь. Ну что, как школьные дела?

— Нормально. Немного с русским не получается. Правила вроде знаю, а всё равно ошибок много делаю. Вера Сергеевна говорит, читать больше надо, тогда и писать будешь без ошибок.

— Наверное, она права.

— Да я и так вроде много читаю.

— Выходит, что маловато, коли советует читать больше.

— В секции какие успехи?

— Всё хорошо.

– Оно и видно. Переносица синяя, как чернильница.
– Да это Серёга на тренировке открытой перчаткой съездил. А через неделю у нас соревнования будут.

– А мне можно посмотреть?

– Конечно.

– Тогда приглашай официально.

– Приглашаю, приходите. Соревнования в школе будут. Я только сейчас время не знаю, потом скажу. Дядя Андрей тоже обещал прийти. А Вы занимались в какой-нибудь секции, когда маленьким были?

– Нет, Дима. Тогда этого не было. У нас даже уроков физкультуры не было. Так, на пустыре у школы бычий пузырь гоняли, да в мячик из коровьей шерсти играли, а ещё в бабки.

– И драк не было?

– Куда без драк? Мальчишки есть мальчишки. Мы даже в деревне улица на улице дрались. Я ведь в детстве озорной был. От матери через день трёпку получал.

– За что?

– Да было за что.

Лицо Семёна расплылось в улыбке.

– Однажды к нам в деревню к соседям приехали на лето погостить городские ребята. Ну, значит, нарядные такие, в сандалиях, носочках. Носили не холщёвые штаны на пуговке, как мы, а трусы на ляпочке. Вот мы с моим другом Шуркой решили на них походить, уж больно нам приглянулись трусы. Положили, значит, на чурку свои штаны и топором пообрубали гачи, вместо лямок привязали верёвочки. В обед мать забежала домой с фермы, она дояркой в колхозе работала, и я тут как тут ей навстречу выбегаю с ворот. Мать как увидела меня в таком облачении, так её чуть паралич не хватил.

– Это что такое? – поинтересовался Димка

– Болезнь такая сердечная. Так вот, я опомнится не успел, ак мать меня за эту самую лямку-верёвку тут же потащила в ограду, приговаривая: «Ишь, чего удумал, а! Вы только посмотрите, люди, на этого общипанного петуха. Я те покажу! Я те покажу трусы, на всю жизнь у меня будешь помнить свои проказы!»... Я и правда по сей день помню её сердитое лицо и ту трёпку. Ох, и отшлёпала она меня тогда по заднице куском вожжины. А потом ещё один случай был... – Семён засмеялся, покачивая головой туда-сюда.

– Расскажите, дядя Семён, расскажите. Пожалуйста, расскажите.

– Хорошо, хорошо. Я тогда, наверное, таким подростком был, как ты. Сколько тебе сейчас лет?

– Будет тринадцать.

– Мне чуть побольше было. Так вот, осенью... да уже почти зимой – снег всюю лежал, дедушка мой, мамин отец, поехали с мамой в Заозёрку на двух подводах, муку да зерно продавать. Дед уговорил мать взять и меня с собой: «Пусть мальчонка едет, заслужил. Всё лето, почитай, за скотом проходил, на сенокосе отволокушил. Пушай

развеемся, базарную жизнь поглядит»... Продали мы муку и зерно, хорошие барыши получили. На радостях дед решил мне подарок какой-нибудь купить, а я и сам хотел его просить про подарок, уж больно мне приглянулся помповый пистолет. Мужик какой-то продавал. Я тогда его названия не знал. Стрелял пистолет пыжом.

– Это что такое? – поинтересовался Димка.

– Делается такая пробка, а лучше всего вырезаешь из старого валенка кружок и плотно загоняешь его в ствол пистолета. Во время нажатия курка воздух, сжатый в стволе, с силой выдавливает пыж, происходит выстрел и пыж летит метра на два-три... Ну, значит, уговорил я деда тайком от матери купить этот пистолет (мать бы не разрешила)... Радёхонький еду домой... Шутка ли? Такого пистолета не то что никто из деревенских мальчишек не имел – видеть не видел отродясь. Жду не дожусь опробовать его в деле. Я ведь почти и в руках толком его не держал. Боялся, что мать увидит, тогда пиши пропало, ещё и деду влетит. Мама не доведи господь строгая была, но добрая, уважительная к людям, царство ей небесное и низкий земной поклон... Так вот, не успели мы приехать домой, а, радёшенький, мигом к другу своему закадычному, Шурке, скорее опробовать пистолет в деле. Всё получилось, стрелял хорошо. Через день-другой все деревенские мальчишки знали о пистолете и сильно завидовали мне. Прятал я его в амбаре, чтобы не ржавел – там сухо всегда было... Вот однажды озорная идея мне в голову пришла: Напугать тётку Устинью, материну двоюродную сестру. Вреднющая такая женщина была, не знаю, жива ли, прости меня, Господи. Она намного моложе матери была.

– И что Вы сделали? – сгорая от любопытства, поторопил Семёна Димка.

– Ох, Дмитрий, стыдно сказать, грех утаить... У нас был дома заведён строгий порядок: каждую неделю топить баню. Этим делом верховодил дед, а я у него на побегушках был: дрова принесу, веники достану. Дед, когда вязал летом веники, всегда отправлял меня наломать у озерца веток смородины – по веточке в каждый веник клал.

– Интересно зачем?

– Я тебе скажу, паря, с умом придумано. Веник, когда распаривался, от берёзовых листьев и смородины такой дух исходил, будто ты не в бане, а в настоящем лесу находишься.

Семён, на мгновение закрыв глаза, замолчал, пытаясь вспомнить и почувствовать тот аромат. Потом, словно очнувшись, с грустью произнёс:

– Ишь как меня понесло... Сильно соскучился, столько годков не бывал. Поди, приеду и не узнаю родную сторонужку.

И неожиданно спросил у Димки:

– А ты случаем с отцом или дедом не бывал в Гмырянке? Она ведь километров двадцать, может, чуть больше от Ирши находится.

– Не-а, не бывал.

– А от Михалёвки рукой подать. Если по ручью пойти, так прямо на наше деревенское озерцо и выйдешь. Ладно, что это я отвлёкся? Ну, вот. В тот банный день мы с другом и решили поугубить тётку Устинью.

– Как?

– А вот слушай. Баня у нас была большая с предбанником – это где после парилки отдыхали и одевались. А в парилке высокий, широкий полок, на котором парились. В одной стенке небольшое оконце, чтобы в бане мало-мальски видно было. А на другой почти под потолком вырезана чуть поменьше отдушина. Когда в парилке бывало шибко жарко, её открывали... Мы, значит, с Шуркой выбрали момент, когда тетка Устинья с женщинами пойдёт мыться... Ходили по очереди: родни много было, мама ходила всегда последней, не любила шибко большой жар и париться... Ну вот, мы затаились за баней. Отдушина открыта, слышно, как женщины разговаривают, вениками хлещутся. Слышу, бабка Нюра просит тётку Устинью попарить ей поясницу:

– Совсем, девка, нет мочи. Болит, окаянная, сил моих нету. Могёт остудила, али от старости, ни согнуться, ни разогнуться.

– Давай, ложись. Фенька, ты с полка спустись вниз. Пушай бабка ляжет, вытянется» – попросила Устинья свою дочку. – Щас, баба Нюра, я твою хворь мигом раскулачу. Враз молодухой станешь. К деду придёшь, не признает. Фень, сдай пару.

– О-ё-ё-ё, – застонала бабка. – Ты спятила, девка, чё ли? Жар-то какой. Ой, ой, Господи, порешишь, совсем, порешишь меня!

– Ничего. Бог терпел и нам велел. Терпи, баба Нюра, счас вылечу..

Из отдушины пар валит. Я встал на заранее подставленную к стенке чурку, а Шурка сзади, упёршись руками в спину, поддерживал меня. Заглянул в отдушину, увидел, что тётка Устинья, наклонившись, хлестала двумя вениками по спине и пояснице бабку Нюру. Дрожащими руками я направил ствол пистолета в тётку Устинью и тут же нажал курок. Выстрела не слышал – его заглушил пронзительный визг. Казалось, что визг и вопли в бане всю деревню всполошили. От испуга я тут же свалился с чурки. Убегая что есть мочи, мы с Шуркой тут же спрятались за стайкой.

Перепуганная насмерть тётка Усинья, пыж ей попал прямо в ягодицу, с криком: «Убивают, убивают!» в чём мать родила выскочила из бани на улицу и влетела в дом.

Рассмеявшись от души, Димка тут же переспросил.

– А Вы что, её ранили?

– Бог с тобой, войлочным пыжом? Так, разве что чуть-чуть больно было, не больше. Всё произошло неожиданно, и тётка Устинья сильно перепугалась, посчитав, что кто-то действительно в неё стрелял, убить хотел.

– Ну, Вы даёте, дядя Семён! А что потом было?

– Потом...

Семён улыбнулся.

– Расследование было коротким. Дед сразу меня вычислил и очень сильно осерчал. Узнала мать, я получил хорошую трёпку, и деду досталось. Пистолет на моих глазах мать бросила в горящую печку. А тётка Устинья, если жива, наверное, по сей день меня не простила... Зато потом я много раз слышал, что после того случая у бабки Нюры поясница больше никогда не болела. То ли испугалась до смерти и у

неё там, в организме, что-то произошло... А может когда вихрем соскочила с полка да ринулась на улицу, позвонки на место встали, бог его знает. Потом, уже после всего, как улеглось, время прошло, она надо мной много раз подтрунивала: «Спасибо, Семюшка, излечил старуху от окаянной болячки. Как рукой сняло, будь она неладная»... А тётку свою чуть рассудка не лишил, вот такие дела творил, ещё тот проказа был. А ты думал, я ангел был?

— Да, правда, — согласился, улыбаясь, Димка. — А мальчишки, наверное, всегда что-нибудь да натворят.

— Как без этого Дима? Возраст своё берёт. Главное, чтобы детские проказы потом в хулиганство не переросли. Вот что важно, Дмитрий.

Их душевный разговор прервал вернувшийся с работы дядя Андрей.

Семён вышел из будки на приступок. Поводил прожектора туда-сюда. Там, где ещё несколько минут назад барахтался в снегу Димка, пурга мгновенно замела его следы. В сознании навязчиво крутилась мысль:

— Что-то случилось. Не с бухты-барахты же парнишка шёл... Наверняка, веская причина была. Леший дёрнул меня вернуть его домой. Вот оказия. Хоть пост бросай да иди.

Несмотря на загруженность в школе, спортивной секции и музыкальном кружке, зима на севере для Димки показалась вечностью. Закончился февраль, приближались мартовские каникулы, а солнышка по-прежнему не было видно. Лишь изредка сквозь бесконечную тёмно-серую пелену неба на часок-другой на нём появлялось чуть заметное просветление и чувствовалось зарождение светового дня.

Это были первые далёкие-далёкие признаки приближающейся весны. Толстое снежное покрывало, укрывшее землю и балки, казалось, никогда не растает. Уставшие от бесконечных морозов и пурги люди с нетерпением ждали оттепели, а тут как на грех с материка печальная новость пришла: заболел горячо любимый вождь Иосиф Виссарионович Сталин. Висевшие почти в каждом доме репродукторы из черной плотной бумаги, напоминавшие собой большие вогнутые тарелки, постоянно информировали население о состоянии здоровья вождя. К сожалению, оно с каждым днем ухудшалось. А пятого марта 1953 года Сталин, великий вождь всех времён и народов, как его величали, умер.

Основная масса советских людей была в трауре и себе трудно представляла, как теперь будет жить без вождя. В школе, где учился Димка, на втором этаже висел огромный портрет Сталина в траурном обрамлении. Школьники, построенные на линейку, замерли в траурном молчании. Учителя вместе с директором, говоря о великом и мудром вожде, не скрывали слез. Рыдали и дети.

Страна погрузилась в глубокий траур. На заводах и фабриках шли траурные митинги. Бесконечно гудели фабричные и заводские гудки. Люди на митингах искренне клялись, что путь, указанный Лениным и Сталиным в светлое завтра — коммунизм — будет неизменно продолжен. Разговоры о смерти Сталина и о том, как жить дальше, не сходили с уст граждан.

– Дядя Андрей, дядя Семён, а я правда думал, что Сталин никогда не умрёт. Он же самый великий, – сдерживая слезы, долдонил Димка, находясь под впечатлением школьной траурной линейки.

– Успокойся, Дима. Сталин в первую очередь человек, значит, как все люди, не обладал бессмертием. Хватит хныкать. Подрастёшь – поймёшь. Пей чай и пойдешь, погуляй с Олечкой, – оборвал его дядя Андрей.

Семён укоризненно посмотрел на Андрея, дескать, зачем так резко с ним? Оставшись вдвоем, мужики продолжали разговор:

– Ты зря так с Димкой.

– Ничего, иначе неизвестно, сколько мокроту разводить будет.

– Андрюша, что ты от пацана хочешь? Ты посмотри на взрослых. Сталин для них выше Бога. Мы-то с тобой давно ли прозрели? То-то и оно: не попади я сюда, в лагерь, где умные люди по-настоящему раскрыли мне глаза, до сих пор считал бы его самым святым из святых. Не поверишь... находясь в концлагере у немцев, ты себе представить не можешь, как я гордился тем, что немцы мне дали кличку Сталин. Сказать откровенно, может только поэтому и выжил, остался живым. А ты мальчонку шпыняешь.

– Ладно, Семён, перевернули пластинку. Как думаешь, что-то измениться?

– Сложный вопрос, Андрюша. Одно скажу: партия как командовала парадом, так и будет командовать.

– Ну, это само собой, – согласился Андрей. – Не вижу в этом ничего плохого. Другое дело – кто партию возглавит? Они ведь там сейчас наверняка, как на псарне, горло готовы друг дружке перегрызть за власть.

– Если Берия, тогда конец, – категорично заявил Семён. – Страна сплошным лагерем станет, только колючую проволоку производить будем.

– А что, очень удобно и выгодно. Все под колпаком, от малого до старика. Эзки – дармовая рабсила, Норильск тому яркий пример. Куда не ткни, упруешься в зону, колючую проволоку. А кто на воле, тот послушным будет. Кому захочется на нары и баланду хлебать? Ты знаешь, Василич, – продолжал Андрей. – Я вот на сессии в институте в Красноярске был. Мужики, конечно, осторожно, с оглядкой, говорят, что перемены в стране обязательно грядут. Поговаривают, будто амнистия будет, и в первую очередь политзаключенным.

– Андрюша, насчёт амнистии политзаключенным слушок давно ползёт. Особенно заговорили, когда нашего брата пленного реабилитировали. Пора бы уж давно её провести, сколько невинных мужиков парится на нарах. Своими глазами посмотрелся, далеко ходить не надо. Пётр Иванович Широков за что горемычничает столько годов? Ладно довоенные дела, перегибы непонятные были, а сейчас за что фронтовик сидит? Правду-матку сказал, не боле, тут же вражиной стал.

– А ты-то сам, Семён, мало нахлебался?

– Я то что, Андрюша. Как ни крути, в плену был, всякое могло быть. Мало ли что подумать можно. Оно ведь и в самом деле не секрет, что среди пленных и предатели были. С маху поди, разберись.

– Значит, выходит, ты по делу сидел?

– Да нет, Андрей, ты не передёргивай. Пётр – совсем другое дело, фронтовик. Посадили, можно сказать, за то, что воевал по совести, искренне любил и защищал Родину. Вот в чём вопрос. А я что? Как бы то ни было реабилитирован.

– Выходит, Семён, благодетели над тобой смилостивились, реабилитировали. Одолжение сделали. После семи лет тюрьмы, – съязвил Андрей.

– Пускай даже так. А он, фронтовик, продолжает сидеть. Где справедливость? Ты сам почитай всю войну протопал, всю подноготную знаешь, не мне чета.

– То-то и оно, Семёна, что протопал. От этого не только плакать, но и кричать на всю планету хочется. Извинись Родина перед мужиками за несправедливость свою, поклонись им в пояс за перенесенные страдания и всё пережитое – вот и будет тебе прощение, бог даст. А нет, не хватает совести и мудрости это сделать. Вот и продолжают невинные мужики нести крест невежества, хамства и унижения. Доколе же это будет продолжаться?

– Твои бы слова, Андрей Николаевич, да Богу в уши.

– Ох, как хотелось бы...

ГЛАВА 27

СВОБОДА

Весна и лето в Норильске пришли в одночасье. Огромной толщины снежный панцирь с появлением первых солнечных лучей мгновенно превратился в бурлящий водяной поток, сделал небольшой ручей, протекающий у подножья горы Шмитихи, настоящей горной речкой. Балки, стоящие на правом берегу ручья, освободившись от снежного плена, как живые существа подставили свои неуклюжие бока ласковым лучам солнышка, чтобы согреться и дать тепло своим обитателям. Небольшие стеклянные оконца балков, лоя лучи, играли меж собой в солнечные зайчики. Обитатели балков, соскучившись по небесному светилу за длительную зиму, использовали каждую свободную минутку, чтобы насладиться мгновениями обновлённой природы.

Димка с ватагой пацанов, не успев бросить дома школьные сумки, перебравшись через водную преграду, полезли на вершину горы Шмитиха.

– Вот здорово, – восхищался Димка. – Как может быть на горе столько много родников? У нас дома они только в распадах.

Остановившись у бьющего фонтанчиком ключика, он ладонями черпанул воду. Хлебнув глоток, взвыл от зубной боли.

– У..у.. какая холодная!

– Пацаны, – крикнул кто-то из ребят, – а вон ещё снег лежит!

Действительно, было чему удивляться. Несмотря на то, что в углублениях лежали небольшие глыбы льда, среди огромных валунов уже тянулись к солнышку долговязые с жёлтыми головками цветы, внешне очень похожие на мак, названия которых никто не знал. Чуть левее отдельными ковриками стелились крохотные как бусинки сине-фиолетовые цветочки.

– Пацаны, пацаны! Ребята, бегом, бегом сюда. Смотрите, что нашёл, – звал к себе один из мальчишек. – Смотрите, смотрите, – показывал он на камушки.

Среди россыпи камней в небольшом углублении на малюсенькой кучке сухих травинок лежали три сереньких яичка.

– Это гнездо куличка, – пояснил кто-то.

– А ты откуда знаешь?

– Мы с папкой в прошлом году такое же нашли. Он мне сказал.

– Дай, я одно подержу.

– Не надо, – возразил Димка. Некоторые птицы после того, как человек потрогает их яйца, бросают гнездо.

– Да ну тебя, чего заливаешь?

– Ничего не заливает, сам видел, – поддержал Димку долговязый мальчишка.

– Всё пацаны, пойдёмте, а то яйца могут остыть, и птенцы не выведутся...

– Вот знахарь, – подковырнул кто-то Димку.

– Честное слово, не вру. Сколько раз у курицы дома видел.

– Причем здесь курица? Мы о птичке говорим.

– Какая разница? – возмутился Димка. – Они все высидивают птенцов одинаково.

– Пошли, пошли, пацаны, вон как беспокоятся хозяева гнезда.

Перепрыгивая с камушка на камушек и кружа вокруг мальчишек, жалобно попискивали кулички, словно просили незваных гостей скорее покинуть их обитель.

Набродившись вдоволь на вершине горы и налюбовавшись её красотами, мальчишки решили завершить свою экскурсию спуском каменной лавины. Выбрав большой валун, они общими усилиями столкнули его вниз.

Камень, катясь и набирая скорость как снежный ком, увлекал за собой всё, что попадалось на его пути. В результате огромная каменная лавина с грохотом и гулом под громкие восторженные голоса мальчишек скатилась к подножью горы и эффектно обрушилась в бушующий водяной поток.

Домой Димка возвращался крайне возбуждённым под огромным впечатлением от увиденного. Ещё вчера, спрашивая у дяди Андрея разрешения сходить на Шмитиху, Димка полюбопытствовал у него, бывал ли тот на горе?

– Нет, племяшка. Всё собираюсь. Говорят, что там очень красиво. К тому же, открывается великолепная панорама города.

– Сейчас ему всё расскажу. А когда у дяди выходной будет, обязательно уговорю сходить всем вместе. И дядю Семёна пригласим. – твёрдо решил Димка. – Интересно, через сколько дней вылупятся птенцы у кулика? Вот бы здорово показать им, особенно Ольге. Она, наверное, отродясь не видела...

Сгорая от нетерпения поскорее рассказать о своем походе, Димка буквально ворвался в дом. Открыв дверь и увидев незнакомого мужчину, растерялся.

– Здра-... здра-... здравствуйте, – заикаясь, промямлил он.

Мужчина резко встал, внимательно рассматривая Димку. Его бледное восковое худое лицо напоминающее мумию, озарилось сияющей улыбкой.

Знакомьтесь, – прервал паузу дядя Андрей. – Широков Дмитрий.

Мужчина, сделав несколько шагов навстречу к Димке, не проронив ни слова, стрёб его в объятия. Окончательно сбитый с толку, Димка не сопротивлялся, машинально обнял незнакомца.

Упершись кончиками пальцев в жёсткие, как стальные прутья, рёбра, через одежду мужчины Димка отчётливо почувствовал худобу его тела. Сердце незнакомца стучало так, будто его наглухо заперли и ему во что бы то ни стало надо вырваться наружу. Мужчина также неожиданно оторвал Димку от себя, держа за плечи и улыбаясь, стал внимательно разглядывать его лицо.

– Наша родова, наша. – восторженно произнес он, тиская в объятиях Димку.

– Да отпусти ты племяша, совсем затискал. – Заступился дядя Андрей.

Тут только Димка понял, что это и есть его дядя Петя, о котором он столько слышал и видел на фотографиях. Но на фотографиях почему-то был совсем другой человек, непохожий на этого дядю Петю.

Распахнулась входная дверь. В проёме косяка во всей красе выросла огромная фигура Семёна.

– Пётр!

– Семён!

Семён заграбастал могучими ручищами Петра вместе с Димкой, закружил их как на карусели по комнате.

– Да отпусти ты, отпусти, медвежина проклятый, рёбра все перекалечил. – Взмолился Пётр, заливаясь смехом.

– Ну, Пётр Иванович, с прибытием. Господи, наконец-то свершилось! – переводя дух, произнес Семён. – Андрей Николаевич, наливай, не жадничай. Я принёс целую сетку спирта, в сенцах оставил.

– Да подожди ты, Семён. Я ещё с племяшом по-настоящему не познакомился. Ну, что Дмитрий, давай будем знакомиться...

Он протянул обе руки Димке:

– Пётр Иванович Широков!

Растерявшись, Димка замешкался, не зная, что сказать.

– А ты, значит, чей будешь? – не то в шутку не то серьёзно спросил Широков. Это придало Димке уверенность.

– Дмитрий Григорьевич Широков, – неожиданно для себя выпалил по-военному Димка.

– Что я говорил? Наша, Широковская родова. – с гордостью произнёс Пётр, обращаясь к Андрею и Семёну, обнимая племянника. – Вылитый Гринька в детстве.

– Ну, коли так, давайте и поднимем тост за нашу родову, храни её Господь. Скоро новые побеги у Широковской родовой появятся: сестра старшая, Елизавета, писала, что дочка должна родить. А там глядишь, и Васятка мой женится, двадцатый годок пошёл. А потом Димка... ой, да всех и не перечислишь. Всем бедам наперекор жить будет наш род. За него!

Выпив залпом спирт, Пётр лихо крикнул.

– До чего же крепкуший, зараза. Всё наверное внутри спалил. Совсем я отвык. Как с фронта забрали, почитай, и нюхать не нюхал, не говоря уже о питье.

– Ты, Иваныч, давай на харчи нажимай, набирай вес и силу. А то, чего доброго, дома-то и не признают. Куда пойдёшь?

– Это точно, Андрюша, не признают, как пить дать. Сам порой в зеркало смотрю, сомневаюсь, я это или какой-то кошей в меня вселился?

– Да будет тебе, Кошеем прикидываться. За недельку-другую, откормим, не сомневайся.

– Ну нет, Семён Васильевич, «недельку-другую» не получится. Домой, домой, сил моих нет как соскучился! Пятнадцать годков никого не видел. Вот только на денёк-другой на родину загляну, предкам своим поклонюсь, да к Наде заеду, Грише поклонюсь. И домой, только домой. Кстати. Может и ты, Семён Васильевич, со мной, как договаривались?

– Давай этот разговор перенесём, Иваныч, на завтра. Наливай, Андрюша. Давай, за тебя, дорогой друг, твоё возвращение и удачу.

– Спасибо, Сеня. Спасибо.

– Спасибо, дорогой Андрюша. И тебе спасибо, племяшка. Никогда не думал, что ты меня встречать будешь. Это хороший знак. Хотя я не суеверный...

Выпив ещё по рюмке. Семён перевёл разговор в политическое русло, о смерти Сталина.

– Семён, ты прости меня... – прервал его захмелевший Широков. – Пошла она на хрен, эта политика. Давайте, мужики, лучше споём, правда, племяшка?

Он обнял Димку.

– Страсть как хочется петь. Дорогой Андрюша, давай нашу, любимую.

– Какую, Иваныч?

– А вот такую:

Эй, при лужке, лужке, лужке... е...

При широком по... о... ле

При знакомом табуне

Конь гулял по воле...

Песни лилась одна за другой, как из рога изобилия. Взяв две ложки и ударяя ими о колено и ладонь, Семён начал отстукивать плясовую мелодию. Пётр с Андреем тут же, не раздумывая, пустились в пляс. Потом они опять пели до полной хрипоты.

– Всё, братцы, всё. Связки как пить дать лопнут. И силы покидают. Вы меня простите, совсем не могу. Голова кругом, ноги не держат. Спать, спать. Прости, Андрюша, прости.

– Пойдём, пойдём, Иваныч. Маша давно приготовила лежанку.

Поддерживая Широкова за талию, Андрей почувствовал, как обмякло его тело.

– Господи, худой-то какой! В чём только душа держится? На эмоциях сколько мог, продержался, и всё. Силы покинули, да ещё выпил.

Андрей ещё при первой встрече в лагере, когда им дали свидание, с большим трудом его узнал. Вместо пышной чёрной волнистой шевелюры на голове Петра

сияла огромная лысина, обрамлённая крохотными седыми волосёнками. Отсутствие передних зубов и впалость щёк изменили до неузнаваемости черты его лица. Лишь острый живой взгляд да упрямый подбородок выдавали в нём прежнего сильного и волевого Петра Широкова.

От жалости к Петру у Андрея свело скулы.

– Что сделали с человеком! Бедолага, как только всё выдержал? Искалечили такого мужика за что, спрашивается?

Уложив гостя, Андрей вернулся к столу. Не, проронив ни слова, налил себе и Семёну спирта.

– Давай, Семён, за здоровье Петра Ивановича.

– Давай, Андрюша, ему его во как не хватает.

Семён провел рукой у подбородка и залпом выпил.

Утренний туман, прижимаясь к воде молочным покрывалом, плотно укрыл берега Енисея. Преодолевая мощное течение реки, колёсный теплоход «Мария Ульянова», вращая огромные как жернова колеса, расположенные по левому и правому борту, отчаянно хлопал лопастями, медленно продвигая вперёд против течения своей неуклюжий корпус, похожий на старинный утюг, в который накладывали раскалённые красные древесные угольки.

Стоя на верхней палубе, Широков напрягал зрение, пытаясь рассмотреть берег.

– Дьявол! Сплошная пелена. В Норильск когда везли ни хрена не видел сидя в трюме, а теперь этот туман... Называется, по Енисею плавал.

– Что, Иваныч, не спится? – раздался сзади голос Семёна.

– Ты знаешь, хотел полюбоваться красотами батюшки Енисея раненько, насладиться его утренней свежестью, а тут такая оказия!

– Ну и что расстраиваться? Ещё почти четверо суток плыть, налюбуйешься.

– Нет, Василич, завтра уже будет не то. Важно первое мгновение. Что называется, с голодухи прочувствовать. Сегодня и завтра это разные вещи.

– А по мне какая разница? Енисей, он везде Енисей.

– Так то оно так, Семёна. Да выходит не совсем. За день привыкнем к пейзажу, острота восприятия потеряется. Вспоминаю, как бывало в тайге, когда шишку добывать ходили... Казалось, сколько раз бывал, а нет... Первое раннее утро – незабываемое, сказочное, а потом всё становится обыденным.

– Эх, Сеня... На денек бы заглянуть туда. Да теперь уж видно не судьба, как ни крути.

– Пошто так грустно говоришь, Иваныч? Вот обживёмся в твоём Моршанске, а там, гляди, в отпуск-то и махнём в родные места, тайгу навестим.

– Не знаю, не знаю. Да и откровенно, какой он к чёрту мой Моршанск, когда я отродясь в этом Моршанске не был?

– Вот те на! А меня зачем сманил?

– Ой, прости. Я это так ляпнул, не бери в голову. Мои живут, и нам места хватит. Не подумавши сморозил, забудь.

В Красноярск приплыли на шестой день рано утром и сразу на железнодорожный вокзал.

— От Красноярска до Заозёрки часа четыре езды, а там до Ирши рукой подать. Если всё сложится, глядишь, к обеду на месте будем, — рассуждал вслух Пётр.

— Твои бы слова, Иваныч, да Богу в уши. Будем надеяться, что так и будет.

— Семён, ты тут у сумок побудь. А мы с Димой насчёт билетов узнаем.

Накануне отъезда Петра с Семёном Андрею пришло письмо от Нади, в котором она просила брата отправить сына на лето домой.

«Дорогой братик, очень тебя прошу. Может, кто из знакомых поедет на материк... отправь, пожалуйста, с ними Диму, а в Красноярске я его встречу. Очень по нему соскучились. Да и он писал в письме, что хотел бы дома побыть. Спасибо тебе за всё».

Впрочем, сам Димка неоднократно просился у дяди поехать на лето домой, втайне надеясь, что больше не поедет обратно. Ему хоть и нравилось жить в Норильске, но он всё равно очень скучал по дому. Узнав о просьбе Нади и желание племянника, Пётр тут же уговорил Андрея.

— Вот и хорошо, поедем все вместе. Наде ничего не сообщай, — попросил он Андрея. — Свалимся как снег на голову, приятнее встреча будет. И хлопот меньше.

На Железнодорожном вокзале у касс, несмотря на раннее утро, толпилось много народа.

— Дима, иди, займи очередь и жди меня. Я расписание посмотрю.

— Ладно.

Оказалось, что ближайший поезд Харьков-Владивосток будет через четыре часа тридцать семь минут.

— Да, делишки... А ещё где гарантия, что по приходу поезда свободные места будут? Что же делать? — размышлял Широков. — Может на каком-нибудь товарняке попробовать добраться? Ехать-то всего ничего до Заозёрки. Опять же, где гарантия, что товарняк там будет останавливаться? Чёрт, на ровном месте, получается, споткнулись. Ладно, — решил он. — Надо с Семёном обмозговать.

— А что, это выход. — тут же согласился Семён, выслушав Широкова. — Иначе день здесь проторчим, как пить дать.

— Ну, хорошо, а если он в Заозёрке не остановится? — засомневался Пётр.

— Давай гадать не будем. Пошли. Там разбёремся.

Оставив вещи с Димкой, они заспешили к железнодорожным составам-товарнякам, стоящим на запасных путях. Перейдя несколько железнодорожных веток, мужики напрямик направились к составу с порожняком.

— Вон вагоны пульманы, видишь? Наверняка на шахту под уголь идут, — определил Семён.

Они подошли к вагонам.

— Смотри-ка, два с тормозными площадками. Идеальный вариант: в вагон не придётся карабкаться и мазаться, на площадке устроимся.

— А ты откуда знаешь?

– Петя, я по молодости перед войной не один раз на таких товарняках от Ключвенной до Комолы ездил с друзьями. А от Комолы до нашей деревни пешком рукой подать. Бывало, с пацанами тайком от матери гастролеровали. Такая романтика была, словами не передашь. Правда, иногда за эти прогулки дома получал хорошую взбучку, но это не в счёт. Тут главное вовремя сесть, чтобы сцепщик вагонов не заметил, а потом – катись, только ветер свистит.

– Вот оно что. Ты, оказывается, ещё и разбойничал...

– Не говори, – Семён рассмеялся. – Мы тогда эти наши вылазки героическими подвигами считали.

– Ладно, герой, пойдём к машинисту, вон он сидит, выглядывает, как скворец в скворечнике.

– Посмотрим, на что ты способен.

Стоящий в голове состава паровоз, как сказочный змей Горыныч, шипя, выпускал из видимых и невидимых отверстий крохотные горячие брызги, которые мгновенно превращались в небольшие паровые облачка, обволакивая паровоз со всех сторон. В проём окна кабины паровоза, облокотившись, выглядывал усатый машинист. Напялив почти на самые глаза замусоленную кепку, он внимательно разглядывая приближавшихся мужиков. Подойдя к паровозу, Семён достал пачку папирос «Беломорканал».

– Здоровы будем, – прокричал он машинисту как можно громче. – Давай покурим.

– Что надо? – донёсся недружелюбный голос машиниста сквозь шипение пара.

Семён понял, что так разговора не получится, молча полез по ступенькам к машинисту.

– Слушай, господин хороший, сюда нельзя!

Поднявшись ещё на ступеньку, Семён остановился, подняв голову, расплылся в улыбке. Изобразив наидобрейшую гримасу, протянул пачку с куревом.

– Здорово, закуривай, – располагающим голосом предложил он машинисту.

– Чего хотел? – опять буркнул машинист.

– Слушай, друг, выручи, пожалуйста, а...

– Чем я тебя могу выручить? Попросить кочегара дать лопату угля? Пожалуйста, хоть две. Не жалко.

Похоже, что своим ответом этому наглому бугаю машинист остался очень доволен. И уже более дружелюбно переспросил:

– Чего ты хочешь?

Почувствовав, в голосе машиниста перемену, Семён поднялся ещё на две ступеньки и оказался что называется с глазу на глаз с машинистом.

– Слушай, друг, тут такое дело... С парохода мы. Утром рано приплыли с Норильска.

– Ну, а я тут при чём?

– Видишь ли, дома не были десяток лет. До Заозёрки край добраться надо, а тут с поездом проблема: будет только через четыре с лишним часа. Билеты купить

никакой надежды. Сам понимаешь, куковать здесь неизвестно сколько не с руки, хоть плачь. Выручай. Христом богом прошу.

– Что домой так торопишься? После отсидки?

– С чего ты взял?

– Ну конечно, я взял... Вон, на твоём дружке как на плакате всё написано.

И какая сила сдержала Семёна, чтобы не выдернуть из кабины за шиворот этого трепача?

– Ты знаешь... В жизни всякое бывает... От тюрьмы и от сумы никто не застрахован. Машинист понял, что перебрал.

– Ладно. Мы минут через сорок тронемся... Насчёт вагона не знаю, там сцепщик, да и опасно. Здесь, с нами поедете. Только одно условие: будешь кочегару помогать.

– Какой разговор... – заверил Семён. – Мы сейчас мигом на вокзал. Сидор свои заберём и назад.

– Давайте. Папиросы-то оставь, – напомнил машинист. – А то «давай закурим», а сам ходу.

– Тьфу ты, чёрт. Прости. Замешкался. Прости. На, держи.

Семён как подросток сиганул с подножки.

– Ну что, Василич?

Семён, улыбаясь, подмигнул Широкову.

– Порядок, Петя. Давай быстро на вокзал. Сказал, что минут через сорок отправляются. Пошли.

Вернулись минут через двадцать. Увидев, что с ними ещё пацан, машинист категорически запротестовал:

– Мы так не договаривались! Ты знаешь, что посторонним сюда полный запрет. Нет, так не пойдет. Извини, я работы лишиться не хочу. Не доведи Господь, ещё случится что, в каталажку загремишь. Нет, нет. Не уговаривайте, мужики.

Широков неожиданно протянул руку машинисту.

– Меня зовут Пётр.

Опешивший машинист машинально сунул ему свою ладонь.

– И меня Пётр.

– Тёзка, выручай.

Машинист приподнял голову. За всё время разговора он только сейчас по-настоящему разглядел лицо Широкова. Худое, бледное, изнеможённое, оно напоминало лик великомученика. И только острый взгляд карих глаз выдавал в нём огромную внутреннюю силу, устоять перед которой было не просто.

– Очень прошу Вас, помогите. Это мой племянник. Сами понимаете, оставить его не можем. Так сложились обстоятельства...

Спокойный, уважительный тон Широкова магическим образом подействовал на машиниста.

– Ладно. Семь бед – один ответ. Васька! – обратился он к кочегару. – Ты их двоих в тендер... А с Вами как договорились, – обратился он к Семёну. – Вон лопата,

а здесь топка. Ваське помогать будешь. В Клюквенной долго стоять будем — ни гу-гу, сидеть мышкой, не высовываться. Иначе башки мне не снести, в кочегары переведут враз.

На станцию «Заозёрная» прибыли точно к обеду. Узнав, что мужикам надо на Иршу, Васька посоветовал им ехать до блокпоста.

— Там мы порожняк отцепляем и назад. А вы всяко-разно доберётесь: Кукушка постоянно ходит, порожняк и гружёные вагоны таскает туда-сюда.

— Не мели ерунду, — оборвал его машинист. — Мы в Заозёрке полтора часа, не меньше, проторчим, а потом до блокпоста, и оттуда они за это время десять раз пешком дойдут.

— Так это пешком, а я говорю про поезд, — обиженно буркнул Васька, но машинист его слова пропустил мимо ушей.

— Ну, будьте здоровы. Спасибо, Пётр Некифорофич, — поблагодарил Широков машиниста. — Земля круглая, авось, пути-дорожки где-нибудь пересекутся. Добро, оно всегда помнится. Ещё раз спасибо.

— И вам всего хорошего.

Обогнув состав и перейдя несколько путей, мужики оказались на перроне станции «Заозёрная», который больше напоминал широкий деревянный тротуар. Семён хоть и не бывал здесь много лет, но сориентировался сразу. Да собственно, особо и плутать-то было негде. Семён не раз бывал здесь до войны, всё осталось как прежде: с одной стороны железной дороги элеватор с нагромождёнными бункерами стоит, куда близлежащие колхозы зерно сдают, в стороне от элеватора блестит заросшее камышом большое озеро, скорее всего, название станции связано с этим озером. С другой стороны располагается небольшой деревянный вокзалишко и приткнувшаяся к нему чайная, где можно не только перекусить, но и заказать рюмочку-другую спиртного. Рядом со станцией возвышается как каланча кирпичная водокачка, она снабжает водой не только останавливающиеся здесь поезда, но и добрую половину населения Заозёрки. Сразу от вокзала начинаются частные дома с красивыми палисадниками и большими огородами, в которых вдоль меж стоят, как солдаты в строю, рыжие-прерыжие подсолнухи.

— Ну что, Дима, к поезду пойдём, там весь транспорт проходит.

— Аха. Я когда с мамкой ездил, мы всегда на переезде ждали.

— Давай, Семён, командуй парадом. Я тут отродясь не бывал. Разве что, когда...

— Широков сделал паузу, улыбнувшись, добавил. — мимо проезжал...

— Дядя Петя, Вы не волнуйтесь, я всё знаю. Сейчас пройдем за водокачку, потом мимо вон тех длинных домов, за ними сразу будет переезд. Пойдёмте, пойдёмте. Сами увидите.

— Похоже, Семён Васильевич, мы в надежных руках. Теперь точно не заблудимся, — пошутил Широков, подмигнув Димке.

— Не заблудитесь, не заблудитесь! — радостно заверил Димка, предвкушая встречу с родными.

— Тогда вперёд и с песней! — скомандовал старший Широков.

Пётр и сам с нетерпением ждал этой встречи. Его мозг, опьянённый свободой, с особой остротой и детской наивностью воспринимал некоторые реалии жизни. Он прекрасно понимал, что уже почти семь лет как брата нет в живых, но странное ощущение, будто он едет к живому Гриньке, не покидало его. Навязчивая мысль, что его обязательно будут встречать брат с Надей, занозой сидела в сознании.

– Чепуха какая-то. Сущее наваждение...

– Слушай, Иваныч, – прервал его мысли Семён, – может мне лучше сейчас махнуть к себе в деревню? А дня через четыре приеду на Иршу, пока ты съездишь в родные места?

– Семён, но мы же договорились, что побудем пару дней на Ирше, потом ты к себе в деревню, я – в Круглово проскачу, а уж потом в Моршанск.

– Так-то оно так, да я подумал, что на Ирше мне делать? Лучше в деревне проболтаюсь четыре дня. Столько лет не был...

– А что тебе там четыре дня делать? Сам же говорил, никого родных не осталось.

– Оно, конечно, так, но все же... Ты понимаешь, Петя... Увидел знакомые места, сердце заныло, спасу нет. Я ведь здесь, в Заозёрке, прямо с военкомата вот с этой станции в армию уезжал, на элеватор сколько раз зерно сдавать привозил...

Семён глубоко вздохнул, помолчал...

– Не поверишь, когда был в Германии в лагере, думал: всё, никогда уже не бывать мне здесь.

– Если откровенно, я и сам питал слабую надежду побывать в родных местах, – признался Широков и добавил. – Смотри, как знаешь... Но тогда уж может завтра махнём? А сегодня не будем менять маршрут, коли решили.

Помолчали.

– Ладно. Будь по-твоему. Если что, завтра до Михалёвки напрямую пешком махну, а там всяко-разно доберусь...

Их разговор прервал Димка.

– Вот и переезд!

Переезд был закрыт пёстрым шлагбаумом, проходил железнодорожный состав, состоящий целиком из цистерн, на которых жирным чёрным шрифтом значилось «Бензин». Чуть в сторонке у обочины дороги толпилась небольшая группа людей, ожидавших попутного транспорта в сторону Рыбного и Бородино. Семён пошёл к ним разузнать, как добраться до Ирши.

– Опоздали, мил человек, только что перед вами воронок ушёл, – пояснила пожилая женщина с корзинкой в руках.

Оказалось, что воронком зовут обшитую брезентом машину ЗИС-5, которая выполняет функцию маршрутного автобуса.

– Господи! Когда же народ забудет это проклятушее слово? – негодовал в душе Семён.

– А когда следующий будет? – поинтересовался он.

– Так кто же его знает? Нам не докладывал, – улыбаясь, съерничал стоящий рядом с женщиной долговязый мужик.

К переезду, выбрасывая огромные чёрно-синие клубы газа, медленно подъезжал грузовик, доверху гружёный толстыми бревнами, внешне он чем-то напоминал одну из барж, которые таскают лес по Енисею.

– Труман? Нет, студебекер! Интересно... – удивился Пётр. – откуда мог взяться этот американский автомобильный монстр в Сибирских краях?

За студебекером, переваливаясь на ухабах и постанывая, словно живая, ехала похожая на мышку-норушку маленькая полуторка, гружёная мешками с мукой.

– Дядя Филипп! Точно, он! – обрадовался Димка.

За рулём мышки-норушки сидел огромный мужик с пышными широченными усами. Дежурная по железнодорожному переезду изо всех сил крутила небольшую лебёдку, стараясь поскорее опустить оба шлагбаума.

С востока приближался очередной состав грузового поезда. Американский студебекер, уткнувшись мощным бампером в шлагбаум, продолжал выбрасывать клубы чёрного дыма. За ним, словно боясь приближающегося поезда, спряталась малышка-полуторка.

– Дядь Филипп! Крёстный!

Димка вскочил на подножку полуторки.

– Вот те на! – расплылся в улыбке удивленный усач, – Ты откуда?

– Мы... я... мы... мы домой едем.

Через переезд, унося за собой вихрь пыли, проскочил последний вагон уходящего состава.

– Ты с кем приехал?

– Вон, с дядей Петей и Семёном.

Студебекер, выбросив облако чёрной гари, медленно тронулся.

– Дима, сынок, спускайтесь. Я внизу вас подожду.

– Хорошо.

Филипп Липнягов был другом семьи Симаковых. Через них он и познакомился с семьёй Широковых, когда ещё Григорий был жив. А когда Надя крестила детей после гибели Григория, попросила Филиппа быть крёстным отцом Димки, крёстной матерью стала Клава Симакова. Так они стали кумовьями, очень близкими семье Широковых, можно сказать, родными людьми. Филипп работал шофёром в Орсе и редкий день не ездил в Заозёрку за тем или иным товаром.

– Дядь Петь, дядь Семён! Пойдёмте скорее, пойдёмте. Дядя Филипп нас довезёт.

– Ну что, Семён Васильевич, ты понял, в каком авторитете здесь мой племянник? То-то, знай наших.

– Да нет, это мой крёстный, – пояснил Димка.

– Ну-ну, не скромничай, – продолжал подшучивать Широков-старший. – Учись, Семён Васильевич, у подрастающего поколения оперативно решать вопросы. А то, понимаешь ли, полчаса уговаривал машиниста.

– Что тут скажешь? – поддержал шуточный тон Семён. – Племянник пошёл весь в дядю. Не убавить, не прибавить. Родова.

– Дядь Петь, давайте быстрее.

– Хорошо. Бежим, бежим...

Машина стояла внизу за поворотом. Усач, стоя у заднего борта, на фоне полуторки выглядел огромной глыбой. Трудно было представить, как он со своими габаритами влезал в кабину.

– Здравствуйте.

Усач первым поочередно протянул руку, в которой даже ладонь Семёна оказалась маленькой. А Димку, подхватив за талию, как пушинку поднял над головой.

– Вон как крестник вымахал! Настоящий мужик. Молодец. А Вы, значит, Григория брат будете?

– Да.

– Наслышан о Вас, наслышан от Нади.

– А это мой друг Семён.

– Очень приятно. Вы уже меня извиняйте, мужики, но торопиться надо. В пекарне муку ждут – не дождутся. Время ещё будет поговорить. Давайте так. Вы, Пётр, в кабину садитесь, крестника на колени берите. А Вы, уважаемый, наверх, в кузов.

И рассмеявшись, добавил:

– Вдвоём при наших с вами габаритах кабину, пожалуй, как теремок раздавим.

Да. Один момент, подождите...

Отодвинув спинку сиденья, Филипп достал серый халат.

– Вот, возьмите, постелите на мешки, а то испачкаетесь, как Дед Мороз будете – мука!

Хоть перегруженная полуторка и ползла как черепаха, за разговорами пятикилометровое расстояние проехали незаметно.

– Вот и пекарня, – облегчённо произнёс Филипп. – Тут вам хода до дома не более десяти минут. Ну, бывайте. Ещё свидимся, – добавил он.

– Давай, хозяин, командуй, куда идти.

– Да вон наш дом, смотрите. Видите под горой березы? А за ними сразу крыша и сарай... это наш дом! – жестикнул руками возбуждённый Димка. – А к нему дедка с дядей Сашей подстроили ещё дом. Там тётя Катя, мамина сестра с семьёй и деда с бабушкой живут, – пояснил он. – Вот они сейчас нам обрадуются. Особенно Наташка с Ваняткой.

– А сколько братику лет? – уточнил Семён.

– Осенью семь будет, столько лет и папки нет. Ванятка тогда только родился, ему ещё месяца не было... – и после длительной паузы добавил – Ванятка в этом году в школу учиться пойдёт.

– Господи! Семь лет как нет Гриши. Почти шестнадцать лет прошло, когда последний раз виделись с братом... Целая вечность! И теперь уже никогда не преодолеть эту пропасть.

Пробыв на Ирше три дня, Пётр с Семёном поехали навестить родные места, а вернувшись, несмотря на уговоры Нади и её родителей ещё погостить, отправились на вокзал и в Моршанск.

– Наденька, прости, соскучился. Да и дома ждут, поди, не дождутся. Столько лет не виделись. Маленько обживусь, всем гамузом в гости нагреем. И вы к нам приезжайте всем семейством.

На этом и расстались. Правда Надя пообещала, что на следующий год обязательно постарается приехать в Моршанск.

– Ванюшка как раз закончит первый класс, все и нагреем, – заверила она Петра.

Лёжа покачиваясь на верхней полке плацкартного вагона, Широков с закрытыми глазами воспроизводил в памяти все эти дни.

– Это же надо так судьбе распорядиться! Федор, друг Григория, потерял обе ноги и живой остался... И какой молодец! Не запил, не смирился с горькой участью, сколько уже лет на своём ходке бригадирствует в колхозе. Я десять раз мог умереть, погибнуть... Нет, выжил! А брат такое пекло прошёл, хоть бы что, казалось бы, жить бы да жить до ста лет... Нет, полез в эту проклятую шахту... Ведь до мозгов костей строителем был! Вот она, судьба-судьбинушка... Эх, Гриня, Гриня.

Дети какие хорошие растут. Ванятка – вылитый тятя. Это же надо такому уродиться! Не зря Иваном назвали. Гринька как в воду смотрел, назвал в честь деда. Наташка – просто прелесть девочка! Как две капли воды на мать похожа. Вырастет – копия Нади будет. Димка не по годам рассудительный, весь в Гриньку.. Молодец, Надя, сколько в ней внутренней силы, ведь горе не сломало её, подняла детей... А Гришу никак забыть не может. Столько уже лет прошло, но рана от утраты мужа продолжает кровоточить.

Пётр почувствовал это, когда в разговоре с Надей намекнул, что, дескать, пора подумать о своей личной жизни: Гриньку не вернёшь... Она грустно улыбнулась, сделала паузу.

– Нет, Петенька... Такой замены нет, Гриша у меня штучный мужик был. – И уже от души рассмеявшись, добавила – Таких больше нет. А на нет, говорят, и суда нет.

– Повезло нам с Гринькой на жён, повезло. Вот они то точно штучные. Валюша моя столько без меня с детьми мыкается, ждёт. Другая бы давно забыла, как меня звать, десять раз успела бы замуж выйти. А она мне вон какие письма ласковые пишет, душу и сердце рвёт на части. Стыдно признаться, сколько раз, читая их в лагере, слезу готов был пустить...

– Эй, стахановец, все рекорды побил по сну! – тормозил Петра за штанину Семён. Вставай, скоро Свердловск.

– Вставай, вставай, пожарник.

– Васильич, а ты знаешь, что говорил Иосиф Виссарионович Сталин относительно сна пожарника?

– Нет. Интересно послушать.

– Пожалуйста. Цитирую: пожарник спит, страна богатеет.

– А при чём тут ты?

– А я готовлюсь в пожарники. Приедем в Моршанск, сразу в пожарку.

– Тогда молчу, другой сказ. Продолжай готовиться.
– А что, Семён? Неплохая идея. Давай вместе в пожарные и махнём.
– Не возражаю. Только потом. А сейчас вставай, почти тридцать минут стоять будем. Кипяточком запасёмся, здоровье подправим. А то, пожалуй, последний микроб в желудке с голодухи умрёт. Пожалеть бы надо. К тому же ещё и повод есть не только брюхо набить, но и душу порадовать.

– Какой?

– Это пока секрет.

– Вот интриган.

– Никакой интриги, рассекречу после Свердловска.

– Сёма, ты оказываешься ещё и садист, столько времени будешь меня мучить.

– Потерпишь, не убудет.

– А я, дурак, тебя настоящим другом считал.

– Ты давай, давай, хватит дурковать, вставай, лежебока.

Состав поезда, слегка поддёргиваясь, как в судороге, медленно подкатывал к вокзалу. В мутных от пыли и копоти окнах вагона показался перрон, на котором толпилось большое количество народа. А на самой его обочине рядом стояли старушки с вёдрами, корзинками, кастрюлями, сумочками.

– Вот и славненько, харчи продают, – обрадовался Семён. – Брюхо порадуем!

Выложив на столик из газетных свертков купленные малосольные огурчики, укроп, зелёные перья лука и ещё дымящуюся паром картошку, Семён нарезал тонкими кусочками копчёное сало.

– Ну вот, кажется, всё. Подвигайтесь, к столу – пригласил он двух пожилых женщин, соседок по купе. – Опа, совсем забыл!

Семён приподнял подушку на своей полке, в руке оказалась армейская фляжка.

– Вот теперь, кажется, всё. Широков, молча наблюдавший за другом, улыбаясь, обронил:

– Может рассекретишь этот маскарад?

– Теперь рассекречу.

Семён не спеша налил понемногу в стоящие кружки содержимое фляжки.

– Давайте, уважаемые, помянем мою драгоценную маму Евдокию Корнеевну. У неё сегодня день рождения, низкий её поклон и вечная память. Пусть простит меня, что даже на погост не проводил.

– Как же так? – удивились женщины.

– Это долгая и никчемная история, – пояснил Семён.

Потом он долго рассказывал взахлёб о матери, своём детстве. Предложил выпить за родителей соседок и тост за мать своего друга Широкова. Завершая трапезу, предложил поднять тост за Надю и её детей.

– Давай, Иваныч, выпьем за неё. Не женщина, а богиня и лицом и душой. Вот такую бы женщину встретить, это да. Мечта.

– Встретишь, Семён, и не одну. Какие наши годы? В Моршанске, поди, красавиц пруд пруди.

Семён рассмеялся и добавил.

— Где бы мне только невод раздобыть да выловить этих красавиц?

— Вот приедем обязательно найдем этот невод, не сомневайся.

ГЛАВА 28

ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА. ВОЗВРАЩЕНИЕ В СИБИРЬ.

В Моршанск прибыли рано утром в половине шестого. Пётр с Семёном, прильнув к окошку, пытались разглядеть привокзальные строения, но крупные капли дождя, ударяя в стекло, мгновенно сливались воедино, образуя сплошную водяную занавесь, через которую невозможно было что-либо разглядеть.

— Всё не как у людей, вверх тормашкой, через задницу, — выругался Пётр. — Погода и та норовит в душу плюнуть.

Ещё вчера вечером в Москве, когда они купили билеты на Моршанск и Пётр отправил телеграмму домой, он представлял себе увидеть жену непременно в ослепительно белоснежной кофточке, утопающей в лучах утреннего солнца. Об этой встрече он в лагере мечтал десятки раз, видел во сне. А тут...

— Ну что ты расстраиваешься? Кстати, если верить в народные приметы, дождь всегда сопутствует удаче, — успокаивал его Семён.

Пётр, ничего не сказав, только махнул рукой.

Вагон остановился аккурат против небольшого кирпичного здания станции. Дождь безжалостно хлестал крупными каплями небольшой безлюдный перрончик. Не пощадил он и новоявленных жителей города, промочив за считанные минуты с головы до ног, пока они выходили из вагона и пересекали перрон. Вопреки всем ожиданиям Петра, о трогательной тёплой встрече с близкими встречающих в здании вокзала, как и на перроне, не оказалось. Расшатанные нервы Широкова натянулись как струны, сердце будто кто-то сжимал тисками.

— Может меня здесь давно никто не ждёт?

В полном недоумении был и Семён.

Пройдясь по крохотному залу ожидания туда-сюда несколько раз, Широков почувствовал, как ему не хватает воздуха. Грудь, горло сжимали невидимые щупальца. Он вышел на крыльцо вокзала, расстегнул пуговицы рубашки, несколько раз попытался глубоко вдохнуть и выдохнуть, но каждый раз его сердце как будто наткалось на что-то острое.

— Спокойно, Петя, спокойно, — успокаивал он мысленно себя. — Спокойно, сейчас пройдет.

Он хорошо знал это своё состояние:

— Сейчас главное — успокоиться. Хорошо бы таблетку выпить, но вот уже два года как перестал носить нитроглицерин с собой. Думал, что никогда не понадобится... Ничего, кажется, полегче стало.

Он медленно сделал вдох.

— Ну вот. Сейчас пройдёт...

Его внимание неожиданно привлёк сильный рёв автомобильного двигателя. Широков приподнял голову. Из-за угла здания, стоящего недалеко от вокзала, вынырнула небольшая легковушка, очень похожая по форме на божью коровку.

– Глушитель наверняка где-то оторвали, – определил Широков. – Вот и ревёт, как бешеная.

Обогнув две цветочные клумбы, легковушка остановилась у железного декоративного заборчика, преграждавшего въезд на перрон. Тут же распахнулись дверцы машины, из которых выскочили мужчина и женщина.

Не обращая внимания на ливень, они устремились к входу в вокзал. Впереди не замечая лужи, бежала женщина. Полы её короткого плаща, как крылья, болтались из стороны в сторону. За ней, слегка сутулясь, еле поспевал долговязый парень. Их лица Широков из-за дождя разглядеть не смог.

– Валя! – мгновенно мелькнуло мысль.

– Валя, Валя! – закричал Пётр.

Он дёрнулся вперед, но ноги не хотели слушаться. Их будто путами кто-то скрутил.

Струйки дождя, вперемешку со слезами радости и горечи пережитых лет одна за другой катились по лицу Петра, Валентины и сына Василия. Но они, прижавшись, друг к другу, словно боясь, что их разлучат, не замечали их. Целуя солёные мокрые щёки мужа она, шептала: Петенька, родной мой, живой, думала уж никогда не дождусь.

– Сынок, Валенька, – повторял то и дело Широков, прижимая их к себе.

– Господи, – встрепенулась Валентина. – Что же мы стоим? Насквозь промокли. Пойдёмте в вокзал.

Семён, увидев в приоткрытую входную дверь вокзала, как Широков куда-то рванулся, вышел на крыльцо и стал живым свидетелем этой трогательной счастливой встречи. Он был искренне рад за своего друга:

– Наконец-то сбылась заветная мечта Петра. Сколько лет он мечтал об этой встрече... А меня уже, наверное, никогда и никто так встречать не будет. Эх, жизнь, жизнь. Крутишь нас и так и эдак.

– Вот, Валюша знакомься. Это мой друг Семён Васильевич, о котором я писал тебе.

– Очень приятно. – Валентина протянула мокрую руку.

– А это сын Василий. Видал, какой вымахал? Убей Бог, где бы встретил родного сына – не узнал бы. Вот что годы делают.

Они в очередной раз обнялись, целуя друг друга.

– Петенька, дорогой, – прервала поцелуй мужа Валентина. – Пойдёмте в машину. Дома, поди, все извелись, ждут, не дождутся.

– Мама как?

– Да слава Богу, увидишь. Оленька из Казани обещала с мужем приехать.

– Хорошо бы...

– А мы знаешь почему опоздали? Мужики машину никак завести не могли. Я вся извелась, уже бегом хотела бежать на вокзал. Мама, бедная, изпереживалась. Ну, слава Богу, все благополучно.

Она прижалась к мужу. И они, обнявшись, пошли к машине, не замечая ливень...

Пётр за время пребывания в лагерях, особенно в Норильске, приобрёл большой практический опыт строителя, поэтому устроиться на работу ему не составило большого труда. По рекомендации мужа старшей сестры Лизы его сразу приняли мастером в городское строительное управление. Семён очень хотел устроиться слесарем в автобазу, но там не было общежития. А жить, создавая кому-то неудобства, он не хотел, несмотря на искренние уговоры Широковых.

– Ну, коли ты упрямый, как бык, иди к нам, устраивайся, – предложил ему Пётр. – У нас общага есть, и, говорят, хорошая.

– Ладно, – согласился Семён. – Железяки, конечно, мне больше по душе, но и в строительных делах я тоже кое-что кумекаю. Топор от пилы отличу, – шутил он.

– Так это самое главное в плотницком деле, – поддержал шутку Пётр, очень довольный таким исходом. – Будем вместе работать.

Хотя по натуре Широков был общительным человеком, заводилой, организатором, он чувствовал себя немного не в своей, что называется, тарелке... Новые, незнакомые люди как-то примут бывшего зэка? Поэтому присутствие рядом верного друга успокаивало его и придавало уверенности. По вечерам и в выходные дни они часто спорили, обсуждая насущные производственные вопросы. В такие моменты Широков всякий раз благодарил Бога, что у него есть такой надёжный друг.

В крещенские праздники Пётр пригласил Семёна в гости.

– Давай, приходи. Вспомним, как у нас в Сибири крещение отмечали. Валюша холодец сварит и пирог рыбный испечёт. Приходи. Она велела мне передать, чтобы вместе с подругой пришёл, познакомил. А то всё в тихушку шуры-муры крутишь.

– Ладно, поглядим, – уклончиво ответил Семён.

– Ты, Василич, не финти.

– Буду, буду. Так и передай Валентине.

Семён два месяца назад познакомился в общежитии с Аней. Она работала в РСУ штукатуром-маляром, Пётр мельком несколько раз её видел, и выбор Семёна одобрил.

– Красивая и при формах, – заметил он.

Семён тогда как пацан покраснел.

– Да будет тебе насмехаться.

– Семён, я на полном серьёзе. Какой тут смех? Всё, как говорится, при ней.

Правда красивая баба.

Однако, несмотря на обещание, в гости Семён пришёл один.

– А где подруга? – недоумевая, спросил Пётр у порога.

Семён, ничего не сказав, только махнул рукой и добавил:

– Потом.

Вышла с кухни Валя.

– Семён Васильевич, а где же ваша избранница?

– Ты знаешь... – начал он.

Пётр, глядя на жену, сделал кислую гримасу, дескать, не лезь в душу человеку.

– Ну и ладно. Нам больше достанется, – пошутила тут же Валентина. – В следующий раз познакомимся.

У Широковых был большой дом, доставшийся по наследству от родителей Валентины. В уютной, просторной комнате был накрыт стол.

– Ух ты! – удивился Семён. И тут же подколот Петра. – Не по средствам живёте, гражданин Широков, не по средствам.

– Что поделаешь? И моё время пришло пошиковать. Один раз живём, – поддержал шутку Пётр.

Семён, сосредоточивший всё внимание на стол, не заметил сразу стоящую в углу девушку, рассматривающую фотографии в рамке.

– Знакомься, Семён Васильевич. Это Вера, подруга сына.

Тут же в комнату вошёл сын Василий.

– Вот. И сам конспиратор тут как тут.

– Пап, ну причем здесь конспиратор?

– Нет, полюбуйте на него! Не конспиратор!

Вчера вечером с матерью только узнаём, что жениться собрался. Было непонятно, Пётр шутит или действительно высказывает претензию сыну.

– Хотя чему тут удивляться? – улыбаясь, заметил Широков-старший. – У Широковых это наследственное, раз-два и баста! Женился. Учись, Семён Васильевич, а то, не ровён час, так в бобылях и останешься.

– Эка премудрость – жениться, – возразил Семён. – Где и как отыскать своё сокровище, свою настоящую единственную половинку? – вот в чём весь вопрос.

– Круто, Сеня. Как у Шекспира, – подколот Семёна Широков.

Их разговор прервали явившиеся в гости родственники Широковых.

Как ни странно, Пётр вернулся к этому разговору в самый разгар веселья.

– Слушай дружище, пойдём маленько разомнёмся, брюхо растрясём, для холода место приготовим.

Они вышли на веранду.

– Вот здесь хорошо. Смотри как дышится и тепло.

– Да тепло, – согласился Семён.

– А у нас, поди, в Сибири к сороковнику мороз заворачивает. Крещенские морозы всегда лютовали холодом.

– Так, так. Идёшь, бывало, по улице, а скрип от валенок за версту слышен. Морозьяка дух захватывает. Деревья, бедолаги, как живые потрескивают и стонут от мороза...

– Васильевич, – неожиданно прервал Семёна, Широков. – Извини, что в душу лезу. Пошто без Ани пришёл?

Семён молчал, упершись взглядом в пол. Потом, наконец, бросил:

– Сложно всё, Петя. Сложно. Разорван я напополам.

– Не понял.

– Ладно. Раз коснулись этого вопроса, что ходить вокруг да около? Давно с тобой об этом хотел поговорить. Как говорится, стыдно признаться, да грех утаить.

Он опять замолчал.

– Видишь, друг, какое дело...

Семён, сделав паузу, неожиданно огорошил Петра:

– На Иршу хочу уехать.

Пётр, как загнипнотизированный, смотрел на друга, ничего не понимая.

– Как на Иршу?

– Иваныч, не поверишь. Ничего с собой поделатать не могу. Запала в душу, вот здесь как заноза сидит – хоть убей.

– Ты о чём?

– О Наде.

Широков какого угодно ожидал ответа, только не этого. Он долго молчал, пере-варивая услышанное. И Семён молчал, окончательно сконфуженный своим при-знанием.

– А она то как? – нарушил молчание Пётр. – Ты уверен, что даст согласие? С ней ты как-то обмолвился?

– Когда, Петя? В этом весь вопрос, Петя. Она знать не знает и ведать не ведает.

Они помолчали. Пётр, ошарашенный откровением друга, не знал, что ему посо-ветовать, а Семён корил себя в душе, что признался ему, как мальчишка. Молчание опять нарушил Широков.

– Конечно, Гришу не вернёшь. Она ещё молодая женщина. Да и детей подни-мать да поднимать... Такой человек, как ты, Семён, конечно, был бы ей подходя-щей парой. Другое дело, как она сама к этому отнесётся. Буду с тобой откровенен. Когда мы были на Ирше, я с ней попытался заговорить об этом. Конечно, речь не шла о тебе, а вообще о дальнейшей жизни... И, если быть до конца откровенным, я тогда подумал о тебе, но это только мои предположения были, не больше. Надя тогда категорично заявила, что ей никто не нужен.

– В этом, Петя, и есть всё дело. А я помешался на ней. Думал, что с Аней сблиз-жусь и у меня всё пройдет... Не тут-то было! Целую Анну, а вижу Надю. Хотя видел её всего-то несколько раз. Такие получаются, дружище, дела... Вот здесь гложет постоянно. – Семён ткнул себя кулаком в область сердца. – Поеду я Петя, поеду. Попытаю счастье, а там... что будет, то будет.

– Давай, не горячись, ещё на трезвую голову помозгуем. Пошли в дом. Как го-ворится, утро вечера мудренее.

– Подожди, Иваныч. Скажи честно, как на духу, ты меня не осуждаешь?

– А кто я такой чтобы осуждать? Бог, царь? Больше тебе скажу, Семён, и уже го-ворил: я был бы рад, если б это случилось. Гришу не вернёшь, а жизнь идёт своим чередом. Пошли, у нас будет ещё время поговорить. Пошли, пошли, выпьем, а то холодец, пожалуй, скиснет, – Широков обнял друга. – Пошли, за Надю поднимем рюмочку. Пускай ей там икнётся.

– С превеликим удовольствием, Петя. Ты не поверишь, как я боялся заговорить с тобой об этом. Будто гора с плеч свалилась. Иваныч, только Христом-богом про-шу тебя: о нашем разговоре никому!

- Пошли, пошли, жених, – подтолкнул его в спину Широков.
Однако своё обещание Пётр не сдержал. Желая хоть как-то помочь другу, он буквально на следующий день, лежа в постели, завёл разговор с женой.
- Валюш, ты знаешь, вчера с Семёном серьёзный разговор был.
– Интересно, по какому такому вопросу? Никак, жениться собрался, тихушник?
– Так прямо сразу и жениться?
– Ну, а доколе ходить валухом? У тебя, вон, уже сын жениться собрался, а он бобыль-бобылем.
– Ты же понимаешь, так жизнь сложилась, не его вина.
– Петенька, разве ж я виню его? Так, к слову. Годов-то ему сколько? Конечно, надо жениться!
– Погоди, Валя. Я не к этому.
Пётр сделал паузу.
– Понимаешь, какая тут заковырка выходит... Вот так сразу с чего начать не знаю. Одним словом, помочь ему надо.
– Господи, да говори же ты! О чём разговор? Ходишь вокруг да около, огородами, спрашиваешь, сам не знаешь про что...
– Одним словом так: сохнет Семён по Наде Гришиной, – выпалил Петр.
Валя, встрепенувшись от такого сообщения, привстала на локти.
– Как?
– Как, как? Нравится она ему, и всё тут. Собрался на Иршу ехать. Вот я к тому и разговор клоню. Может вы с Лизой Наде письмо напишете... Так, мол, и так... Мужик видный, надёжный. Что одной с ребятами мыкаться? Гришу не вернёшь. Как говорится, об ушедших только помнить можем, а думать надо о живых. Так оно, по сути, в жизни и есть.
– Станный, вы, мужики, народ. Всё у вас просто. Тут, стук и всё порешили. Женщине, Петенька, чувства сердечные нужны, чтоб душа пела и рвалась к нему. Здесь, дорогой мой, никакими письмами и уговорами не поможешь.
– Выходит Семён прав был, когда просил меня, чтобы никому не говорил о его чувствах...
– Успокойся и не переживай, никто и не узнает. Что я, из ума выжила, по твоему, лясы точить?
– Валь, да не обижайся ты. Я так, к слову.
Вот и я к слову хочу сказать.
Это личное дело Семёна. Ему его и решать без свах и подкащиков.
Если подберет ключик к её сердцу и сможет отогрет остывшую горем душу. Тогда может и получится.
– Мужик он надёжный, спору нет. Такой же, как ты.
Она прижалась к мужу. Широков, тронутый лаской и близостью её нежного тёплого тела, осыпал жену горячими поцелуями.
– Мудрая ты у меня.
– А ещё какая?

- Красивая. Нет, самая красивая.
- А ещё?
- Ещё? Нежная, добрая, верная, любимая...

Буквально через месяц Семён, окончательно приняв решение, отправился на Иршу.

– Ты, если что, возвращайся. Что там, как беспризорный пёс будешь шастать? Жалко конечно, что уезжаешь. Но я от души желаю тебе удачи, коли так получилось.

- Спасибо, Петя. Извини, что так вышло.
- Да будет тебе, Семён. Даст Бог, всё сложится. Я очень хотел бы.
- И я надеюсь на лучшее, Петя. Давай прощаться будем, поезд отправляется.

ГЛАВА 29

В СИБИРЬ ЗА ЛИЧНЫМ СЧАСТЬЕМ

Приезд Семёна для всей Надиной родни и её самой был полной неожиданностью.

– Вы извините, я буквально день-другой, если не возражаете, побуду у вас, пока подыщу квартиру.

Свой отъезд из Моршанска он объяснил просто:

– Климат никак не подходит. Зима наступила – простуды, насморк замучили... Вот и решил: в Сибирь, в родные края, вернуться.

Больше всех возвращению Семёна был рад Димка. Придя со школы и увидев гостя, с криком: Дядя Семён! – бросился к нему в объятия, – Как здорово, что Вы приехали!

А вот Надя, как показалось Семёну, особого интереса к его приезду не проявила. Правда, после ужина у её родителей она долго расспрашивала Семёна о Моршанских родственниках. А перед тем, как уйти к себе в дом, полюбопытствовала:

– На Ирше хотите остаться? Или в Заозёрку? Там ведь огромную стройку возле Орловки начинают.

– Не знаю, Наденька. Присмотрюсь. А пока надо квартиру подыскать. Может, Вы посоветуете... не знаете, кто комнату в посёлке сдаёт?

- Да нет, не знаю. Надобности в этом не было. Но я спрошу на работе у женщин.
- Пожалуйста, буду Вам очень благодарен.

Вопреки всему квартирный вопрос решился сам по себе в одночасье. Димка, управившись утром по хозяйству за скотом, тут же, не мешкая, отправился к соседям, старикам Хромовым.

- Дядь Мить, тётя Поля, к нам дядя Семён приехал.
- Это кто такой? – поинтересовался старик.
- Да дядя Семён, друг папиного брата, дяди Пети. Ну, который со мной из Норильска летом приехал.
- А, это здоровый такой мужик?

- Да, правильно.
- Так они же куда-то на запад уехали с твоим дядькой.
- Да, уехали. А теперь он вернулся. Говорит, что там ему климат не подходит.
- Вполне возможно. Не всякий привычный к нашему климату сможет там жить, много раз слышал от людей, – нарочито заметил старик.
- Дядь Мить, возьмите его на квартиру, он очень хороший. Ну, хотя бы ненадолго.
- Вот те на! – встряла бабка Поля, – отродясь квартирантов не держали. На кой нам эта обуза? В нашем домишке сами цепляемся друг за дружку, разминуться не можем, а ты о квартирантах... С чего ты удумал такое?

– Тётъ Поля...

– Постой – перебил Димку старик, – ты энту затею брось. Права Поля. А вот ваш постоялец пушай к бабке Шалажихе сходит, а ещё лучше твоя бабушка Прасковья. Она-то наверняка договорится с ней. Что ей не пустить квартиранта? Одна живет и место позволяют. В одной комнате сама топчется, а в другой кроме кошки никого нет. Ей квартирант-мужик в самый раз будет: в ограде приберёт, угля для печки поднесёт. Старухе разве боле чего надо? Ещё и деньги приплачивать будет. Так что, Дмитрий, этим маршрутом и действуй. А в нашей конуре не разбежишься, самим толком приткнуться места нет.

Семидесятилетняя бабка Шалажиха, несмотря на общительный характер, вела замкнутый образ жизни. Её небольшой домик был обнесён высоким забором из толстых горбылей, поэтому выглядел со стороны эдакой крохотной крепостью. В гости она почти никого не приглашала и всё общение с соседями по большому счёту проходило на улице. Исключением, пожалуй, был старик Хромов, который по просьбе Шалажихи кое-какие плотницкие да печные ремонтные работы делал.

На Ирше она появилась ещё в середине тридцатых годов, приехав откуда-то с запада якобы не по своей воле. С той поры так одна-одинёшенька и жила. Разные толки-перетолки про неё судачили, но по большому счёту настоящей правды никто не знал. А с годами всё и вовсе притупилось, в этой правде сама по себе и надобность отпала. Живёт да живёт себе старуха, никому не мешает и пушай живёт.

Старик Хромов точно угадал, посоветовав Димке обратиться к Шалажихе: после непродолжительных уговоров она дала согласие.

– Только, мил человек, не обессудь. Если что не так будет, вот тебе Бог, вот порог. И ещё. Квартирантов я никогда не держала, надобности нет. Делаю это по просьбе и из уважения к Прасковье Петровне, поэтому поживёте в крайнем случае до осени, не боле, – подчеркнуто заявила она Семёну, завершая свой инструктаж.

– Хорошо, не беспокойтесь. Спасибо Вам большое. Я немного обживусь и что-нибудь подходящее обязательно подберу – заверил её Сталов.

– Вот и договорились. А я сейчас в комнате приберу, Вы к обеду аккурат с манатками приходите.

– Да у меня манаток... я и сидор.

– Какой ещё Сидор? Нет, боле никого не пушу, не уговаривайте.

Семён искренне рассмеялся и пояснил:

– Сидор – это мой вещмешок.

– Будь ты неладен, – выругалась старуха, заливаясь смехом, – надо же: сидор. Отродясь не слыхала о таком чудачестве.

– Ну, это больше всего мужики между собой так мешок называют, – поддержал шуточный тон Семён. – Откуда вам было знать?

– И то правда, – согласилась старуха. – Вам, мужикам, за рюмкой что делать? Только зубы скалить. Вот всякую хренотень и придумываете. Да над бабами всякие хиханьки да хаханьки устраиваете.

– Ну ладно, я тогда пойду собираться, – перебил её Семён.

– Иди, иди, собирайся.

– Но только с сидором приду.

– Приходи, приходи. Вот проклятый, до слёз рассмешил.

После ухода квартиранта Прасковья Петровна задержалась.

– Ты, Агриппина Прокопьевна, не беспокойся, – обратилась она к Шалажихе. – Хоть я его и мало знаю, мужик он аккуратный и уважительный. Мы ведь ему предложили у нас пожить, пока устроится. Нет, ни в какую, наотрез отказался. У вас, мол, тут и без меня вон какая теснотища. Оно и вправду не разбежишься. Ну, куды деваться? Кто же ему поможет?

– А что, совсем один, без семьи?

– Вроде бы как один, рассказывает.

– Ну и ладно, пушай у меня пока поживёт, а там видно будет.

И мне веселее с мужиком, да с таким молодым, – Шалажиха озорно подмигнула Прасковье Петровне. – Давай чайку попьём.

– Нет, нет спасибо Агриппина. Побегу. Дед, поди, уже всю изругал. В следующий раз как-нибудь. Сама к нам приходи.

– Спасибо, зайду.

Планируя трудоустройство, Семён ни на минуту не забывал о Наде. Вчера вечером, когда уходил на новое место жительства, поинтересовался у Нади насчёт работы в ЖКУ. Она холодно ответила: не знаю.

– Пойду, попробую в ЖКУ устроиться, – решил он. – Как-никак, в одной организации работать будем, пути-дорожки так или иначе пересекутся. Только бы вакансии плотника или столяра были. Да, в конце концов, хоть кем, лишь бы устроиться и быть поближе к ней...

Контора ЖКУ находилась в небольшом деревянном бараке, там же, по-видимому, был склад с красками и инструментом, потому что в коридоре стоял спёртый, невыносимый запах олифы, перемешанный с кузбаслаком, известью, керосином и ещё чёрт знает с чем – хоть противогаз одевай.

Увидев на двери табличку с надписью «Кадры», Семён легонько постучал.

– Заходи, заходи. Кто там такой интеллигентный? – донёсся мужской голос с обратной стороны.

Открыв дверь, Семён увидел в крохотной комнатухе сидящего за столом пожилого мужчину, одетого в серенький потрёпанный временем костюм. Правый рукав костюма был заткнут в карман. На столе, примкнув к стенке, стоял большой деревянный ящик с полочками, на которых лежали рядками серые папки и стопки бумаги.

– Здравствуйте, – извиняющимся тоном поздоровался Семён, втискиваясь в кабинетик.

– Здравствуйте, – сухо ответил его хозяин. – Садитесь.

Семён медленно присел на единственную табуретку, стоящую в уголке.

– С чем пожаловали? – сердито спросил кадровик.

– Работать хотел бы к вам устроиться.

– Приезжий?

– Да.

– Если не секрет, к кому приехали?

– У Широковых остановился.

– Вот как? Кто же Вам Надежда Широкова будет?

– Как вам сказать... – Семён немного растерялся, но тут же ответил. – Моего друга родственница.

– Ясно. И кем хотите работать?

– Хорошо бы по плотницкому ремеслу.

– По плотницкому говорите? – произнёс он многозначительно, – видите ли, какая штука... Наше ЖКУ является небольшим подразделением строительного треста, который находится в Бородино. Там основное строительство ведётся, может, вам лучше туда поехать? У нас, к сожалению, здесь места все заняты.

– Нет, мне желательно здесь работать.

– Здесь говорите? Ну хорошо, посмотрим. Документы какие есть?

– Вот.

Сталов достал трудовую книжку и паспорт. Кадровик протянул левую руку, и только тут Семён заметил, что у него нет правой руки. И что дёрнуло за язык? – Семён неожиданно спросил:

– На фронте?

– Под Киевом, в самом начале войны, – равнодушно буркнул кадровик. – С той поры здесь штаны и протираю.

– И меня там же, – будто обрадовавшись приятной новости, сообщил Семён.

Кадровик, не успев открыть документы, уставился на Семёна.

– Под Киевом в сорок первом? – переспросил он.

– В сорок первом, – с болью выдохнул Семён. – Там и в плен попал.

– Как? Ранило и сильная контузия была. Без сознания был. Очухался уже у них в плену. Всю войну в лагерях и провоевал.

Семён замолчал. Молчал и кадровик.

– Выходит, мне повезло, – наконец нарушил молчание кадровик.

– Не знаю, не знаю. Я всё же с руками остался.

Они опять замолчали.

– Ну, а как же после плена? – полюбопытствовал кадровик.

– Из плена, из плена... – повторил несколько раз Семён, – лучше бы там и сдох или, ещё лучше, убили.

– Вот тебе раз! Как же так? – удивился кадровик. – Вот так легко и просто?

– А легко, когда потом уже свои ярлык врага народа повесили? Семь лет испунал вину в Норильске за колючей проволокой, а потом признали невиновным, реабилитировали... Ой, простите, растрепался, как на исповеди, – спохватился Семён. – Вы уж простите меня, сам не знаю, как выплеснулось наружу... Извините, пожалуйста.

– Это хорошо, что выплеснулось. Легче будет. Давайте знакомиться будем. Иван Иванович я, Окунев, – представился кадровик.

– Сталов, Семён, – и добавил – Васильевич.

– Ну что, Семён Васильевич, давай помаракуем по работе. Покалякать у нас ещё время, надеюсь, будет. В другой обстановке.

Он молча полистал трудовую книжку, паспорт.

– В Гмырянке, выходит, родился? Мы и тут с тобой соседи, оказывается. Я в Воскресенке родился, а на войну с Ирши ушёл. На шахте тогда работал. А уж после ранения здесь осел навсегда.

Он сделал паузу.

– Так, так, так... ну хоть караул кричи! Знаешь, Семён Васильевич, с плотницкой работой пока туговато. Нет вакансий. Как появится, сразу переведём. Пока только на разные работы, честное слово, ничего нет.

– Ну, коли ничего... на разные, так на разные.

– Потерпи. Как только освободится место, сразу переведём...

Неожиданно открылась дверь, в комнатушку ввалился моложавый мужик.

– Иван Иванович, всё! Моему терпенью пришёл конец. Хватит сюсюльки-масюсюльки с ним разводить! Я за него под суд идти не хочу...

– Ты успокойся и толком объясни, что случилось?

– Ничего пока не случилось. Но то, что может случиться, это точно. Мурзин опять пьяный, на циркулярке чудом руку себе не отхватил. С меня хватит! Увольняйте к чёртовой матери, я его больше к работе не допущу. Что хотите, делайте, переводите куда угодно, но в моей бригаде его больше не будет.

– Успокойся, не горячись. Считай, что твоего Мурзина уже уволили.

И только сейчас бригадир обратил внимание на сидящего мужчину.

– Здравствуйте. Степанов Владимир, – он протянул руку Семёну.

– Сталов Семён.

– Извините, я тут маленько погорячился. Достал, паршивец, чуть руку сейчас не отрезал себе на циркулярке. А Вы с плотниками, столярными делами знакомы?

Семён заулыбался.

– Ну, в общем знаю не понаслышке.

– Знаком знаком, – тут же поддержал Семёна Иван Иванович. – Ты вот что, Володя, давай на участок дуй, а я сейчас с бумажной волокитой управлюсь и к тебе на инструктаж Семёна Васильевича отправлю. С завтрашнего дня пускай приступает.

Не успел ещё бригадир закрыть дверь. Иван Иванович тут же пояснил:

– Племяш мой. Немного горячий, но мужик что надо. Думаю, поладите.

– Так нам, Иван Иванович, и делить нечего.

– Ладно. Это я так, к слову. Давай, подвигайся к столу, бери чернила, ручку, пиши заявление.

Завершив формальности по трудоустройству, Семён решил заглянуть на территорию ЖКУ, которая находилась чуть в стороне от конторы. Откровенно говоря, его не столько интересовало, каким хозяйством располагала организация по сравнению с Моршанской, сколько теплилась надежда на случайную встречу с Надей. Вчера вечером, когда он уходил к своему новому пристанищу, поинтересовался ещё раз у неё насчёт работы в ЖКУ. Она равнодушно ответила: «Сходите, может, что-нибудь найдут. Но я спрошу у своих». На этом их разговор закончился.

Побродив по территории, он зашёл в небольшой столярный цех, заглянул в сушилку, где штабелями лежали различной толщины бруски и доски. В дальнем углу территории стояло длинное сооружение, похожее на сарай, около которого приютился транспортёр, вытянув ленту, как журавль шею. Рядом лежала огромная куча песка. Семён сразу определил, что это растворный цех.

– Вот здесь Надя наверняка может быть... Дурак ты, Семён, – обругал он себя, – что ей здесь делать? Она – штукатур-маляр. Ведь понятно же, что раствор им готовый привозят прямо на объект, где они работают. Где этот объект.. Где? И дальше что? Если тебе даже известно станет, где, что ты там забыл? Придёшь и скажешь: «Здравствуйте, я ваш папа! Бог помощи»? Или ещё что-нибудь придумаешь пошумнее? Давай, напряги свою безумную фантазию, фантазёр... И впрямь совсем рассудок потерял. Очнись, безумец!

Он ещё долго ёрничал, распекая себя за легкомыслие и мальчишество, шагая по посёлку и меся кирзовыми сапожищами весеннюю грязь. А вернувшись на свое новое место жительства, тут же плюхнулся на кровать, попытался уснуть, но, как не гнезился на постели, ничего не получилось. Мысли о Наде сменяли одна другую.

– Может, всё бросить и смотаться куда глаза глядят? Какая разница, где застолбить свой кол и начинать новую жизнь? А может в Моршанск вернуться? Ну нет, только не это! Обратного хода нет.

Перевернувшись на спину и заложив ладони под голову, он, как сыч, уставился в крюк, вбитый в потолочную матку. Наверняка, когда-то на этом крюке висела детская люлька.

– А что, Семён Васильевич, – прошептал он, – хорошая мысль. Подцепил верёвочку и все проблемы мигом снял. Крюк крепкий, выдержит.

Эта бредовая мыслишка его искренне рассмешила. Улыбаясь, закрыл глаза, представляя свое здоровенное туловище болтающимся как мешок на верёвке.

– Вот, оказывается, до какой коварной глупости человек может себя довести.

Как ни странно, эта неуместная шутка вернула ему хорошее настроение и бодрость духа.

— А что, собственно, произошло? — задал он себе вопрос, — ты Наде сделал предложение, и она отказала? Нет. И вообще, по большому счёту, ты с ней по-настоящему ещё и не разговаривал, не говоря уже о каком-то ухаживании. Эх ты, ухажёр хренов... Дерзай, Сеня, дерзай.

В приподнятом настроении он заглянул на кухню.

— Агриппина Прокопьевна, — обратился он к хозяйке, которая возилась у печки.

— Мыслишка одна есть, прошу Вас, поддержите.

— Коли хорошая, почему не поддержать?

— Хорошая. Во-первых, я новоселье своё никак не отметил.

— Как же так: не отметил? А чай вчера пили... это не новоселье?

Семён рассмеялся: Как-то не по-русски получается с чаем.

— Ну уж, как есть. Чем богаты, тому и рады.

— Сегодня и другой повод есть.

— Это что ж за повод?

— На работу я устроился, завтра выхожу.

— Хорошая новость, — согласилась старуха.

— Вот и я к тому, Агриппина Прокопьевна. Фарт идёт, его надо подкрепить. Иначе как молния мелькнёт и тью-тью. Что, если мы маленький пир устроим по этому случаю?

— Я пировать не привычна, да и не на что.

— А, была — не была, мы попробуем! Я сейчас в магазин схожу, а Вы, если можно, картошечку в мундирах сварите.

— Немудрёная штука — картошку сварить, сварю.

— Я мигом вернусь.

— Ишь, какой швыдкий, — проворчала ему вслед старуха, — может, пьянчужка какой, так у меня не забалуешь. Мне твои пиры нужны, как волку красный флажок. Ежели что, вот тебе Бог, вот порог. Хоть и обещала Прасковье, что до осени поживёшь...

Вернувшись из магазина, Семён вытащил из сетки чекушку водки.

— Это для меня, а это для Вас, — он достал бутылку портвейна, — вот, селёдочка, под картошечку в самый раз будет.

Ещё достал небольшой кружок колбасы, пряники и баночку лососевой консервы. Старуха молча наблюдала, как постоялец выкладывает всё на стол.

— Не жадный, видно, мужик, такую деньжищу вывалил и водки мало себе купил. Ну да ладно, поживём — увидим. Цыплят по осени считают, вот и поглядим...

Семён вытащил из кармана складничок, открыл консерву, порезал колбасу, селёдку. Старуха, не проронив ни слова, достала две замысловатые старинные рюмочки, поставила миску с квашеной капустой, картошку и головку чеснока. Управившись с приготовлением и окинув взглядом стол, Семён, улыбаясь, добавил.

— Вот это немного на новоселье похоже. Правда, без гостей, но сойдёт. Предлагаю тост за гостеприимную хозяйку. За Вас, Агриппина Прокопьевна, будьте здоровы!

- Спасибо.
К удивлению Семёна, хозяйка выпила рюмочку до дна.
– Угошайтесь. Как вино? Понравилось?
– Хорошее, спасибо, забыла, когда уж такое и пила. Кем Вас на работу приняли?
– поинтересовалась она.
– В ЖКУ плотником, там где Надя работает.
– Оно и правильно, что на шахту не пошёл. Нечего за длинным рублём гнаться. Всех не заработаешь.
Помолчали.
– А давайте ещё по одной.
Старуха ничего не ответила.
– Агриппина Прокопьевна, если не возражаете, давайте поднимем поминальную рюмочку за наших родителей.
Семён встал.
– Господь с тобой, что ж я буду возражать, – проворчала Шалажиха. – Святое дело – помянуть родителей.
Она, не торопясь, будто смакуя, выпила вино, перекрестилась и шёпотом произнесла:
– Низкий вам поклон и вечная память.
Прожевав кусочек колбаски, неожиданно спросила:
– А Вы, Семён, из каких мест будете?
– Как Вам ответить? В общем, можно сказать, местный я.
Шалажиха подняла голову, удивлённо взглянула на него.
– Из Гмырянки я родом.
– Пошто же здесь один как перст?
– Вот так всё сложилась в жизни, один и кукую.
– Выходит, и семьи нет?
– Выходит, нет и никогда не было.
– Это как же так?
– Долгий разговор, Агриппина Прокопьевна, как-нибудь в другой раз.
– В другой, так в другой, – не стала настаивать она.
– А Вы здесь давно живёте?
Она взглянула на него раздумывая отвечать – не отвечать.
– Сама уже не знаю, давно или недавно. Кажется, вечность тут прожила... – И улыбнувшись, с горечью добавила: ничего не нажила.
– А родом Вы откуда? настаивал Семён.
– Родом? Родом... – многозначительно повторила она, – издалека. С самого Питера – и тут же поправилась – с Ленинграда.
– Вот как? С самого Ленинграда? – удивлённо переспросил Семён.
– С него самого. С тридцать пятого годка, – обречённо подтвердила она. – Как мужа забрали, так вот и мыкаюсь. Одна, как белая ворона.
– А муж где?

Шалажиха слегка оттопырила губы, пытаясь улыбнуться, но тут же, истерично рассмеявшись, добавила – Муж, муж, объелся груш... – Неожиданно замолчала, понутив голову, потом шёпотом, словно боясь кого-то, обронила. – Он тогда преподавателем в институте работал... Как арестовали, с той поры и не виделись. Расстреляли его, а меня вот, видишь, на перевоспитание отправили. Так и живу, болтаюсь, прости, Господи, как голышка в проруби.

– Да, невеселый у нас разговор получается...

– Куда уж веселей... – согласилась старуха.

– Что, может, поднимем настроение? – предложил Семён.

– Мне, пожалуй, хватит, а то поди от стула не оторвусь. С ума сошла сколько выпила.

– Ничего, помаленьку. Бог троицу любит, – настаивал Семён.

– Бог-то любит, а я, чего доброго, от третьей забуду как и звать меня.

Семён рассмеялся.

– Это поправимо – я напомним. Не переживайте.

Семён взял бутылку с вином.

– Мне, пожалуйста, совсем маленько.

– Хорошо.

Третий тост торжественно произнес Семён:

– За любовь, за женщин.

– Правильно, хороший тост. Тебе он холостяку в самый раз.

Старушка бодренько подняла рюмку, но сделав всего лишь крохотный глоток, тут же её поставила.

– А я и невесту тебе присмотрела, – неожиданно выпалила она озорно поглядывая на постояльца.

– Вот здорово, может сразу и сватов запустим? – поддержал шутку Семён.

– Ишь, какой быстрый! Ловкач. Хоть бы спросил кого?

– Что ж тут спрашивать? Знамо дело: плохую не посоветуете.

– А может у меня личный корыстный интерес какой есть, растрёпу тебе и предложу.

Семён как гусак разгоготался, громко смеясь.

– Растрёпу так растрёпу, куда деваться? Знать, судьба, куда от неё сбежишь? – и, посмеявшись серьёзно спросил: Агриппина Прокопьевна, может хоть имя моей суженой скажете?

– Если бы так не смеялся, сказала б. Теперь не скажу. Всему своё время.

– Вот те раз... А я уже губу раскатал.

– Как раскатал, так и скатай.

Они долго смеялись, говоря друг другу банальные комплименты, потом не торопясь чаёвничали. Заинтригованный Семён несколько раз пытался узнать у старухи хотя бы имя невесты, которую она ему присмотрела, та наотрез отказалась.

– Будет день, будет пища. Вот так. Не приставай, сам виноват. А я старуха упрямая.

Семён по привычке встал, как говорится, ни свет ни заря. Ещё с вечера он запланировал попытаться угадать время, когда Надя пойдёт на работу и

присоединиться к ней. Выйдя из дома в небольшую ограду, он всем телом ощутил утреннюю прохладу.

– Чёрт, холодно как!

Несмотря на середину апреля, по ночам ещё стояли легкие заморозки. К тому же домик Шалажихи стоял с северной стороны горы и солнышко начинало заглядывать в него часам к десяти, не раньше. Чтобы взбодриться Семён сделал несколько упражнений руками, наклоны туловища, приседания.

– Вот, теперь хорошо. Интересно во сколько выйдет Надя? То, что ей к восьми часам на работу, понятно. Прикинь, сколько до неё идти. Но она же не в контору пойдет, а сразу на объект. А где этот объект то, ты знаешь? Нет. То-то. Господи, да что гадать? Где бы этот объект не находился, он будет в середине посёлка. Вот и прикинь: куда бы не пошла, ходу тридцать минут, не больше. Ладно, пока побреюсь, чаи погоняю, будет семь. Минут двадцать восьмого и выйду.

Открыв калитку Семён окинул взглядом улицу. Ни души. Лишь тёмно-синий слой копоти, струившийся из печных труб домов, да дым с породных отвалов первой и второй шахт плотным покрывалом висел над распадком, по которому тянулось несколько небольших улочек посёлка.

Немного постояв, Семён захлопнул калитку, ещё раз посмотрел в сторону дома Широковых.

– Пойду, а то, чего доброго, на работу опоздаю.

Бригадир Володя уже стоял у столярного цеха, разговаривая с мужчиной. Увидев Семёна, заспешил к нему навстречу.

– Здравствуйте, Семён Васильевич.

– Добрый день, – ответил Семён. И тут же предложил, – Слушай, Володя, давай на ты, по-мужски просто и понятно.

– Я не против, – согласился бугор. Увидев вышедшего из столярки мужика, окрикнул: Василий, подь сюда! Знакомьтесь.

Он представил ему Семёна.

– В общем так мужики, пока будете работать в паре. В первом общежитии всюю идёт ремонт. Ваша задача – разобрать старую перегородку и поставить две новые. Подробно что и как расскажет комендант общаги на месте.

– Подожди Володя, – перебил его Василий, – первая общага – это которая возле бани?

– Она самая. Короче, мужики, так... Вчера туда плаху завезли. Сейчас сюда с минуты на минуту подъедет дед, загрузите бруски и немного дюймовки, пригодится... Да, чуть не забыл! Пару ломов и выдергу вчера тоже завезли, всё у коменданта. А вот и дед, лёгок на помине. Давай сюда!

Он махнул несколько раз рукой заезжавшему в ворота мужику на широченной телеге, запряжённой парой лошадей пятнистой масти.

– Вася, инструмент для Семёна подберите у Егорыча. И ещё... Вам на всё про всё три дня, ни минуты больше. Вечером заеду, сам посмотрю. Всё, давайте.

Семёну понравился на первый взгляд суетливый, но в общем очень расторопный бригадир.

Деревянное двухэтажное здание общежития было разделено на две половины, в одной из которых уже заканчивался ремонт, а во второй только начинался. Работа, порученная Семёну и его напарнику, заключалась в том, чтобы убрать одну из перегородок бывшего красного уголка и сделать из него две комнаты. Старая перегородка с той и другой стороны была обшита дранкой и оштукатурена толстым слоем раствора. При её разборке в помещении образовалось огромное количество пыли.

— Ну и пылища. Хоть противогаз одевай. Слушай Василий, — обратился Семён к напарнику, — давай воды раздобудем и хорошенько стенку смочим, иначе чахотку заработаем. Посмотри на кого мы похожи, как мельники на мельнице. Перекури пока, а я пойду к коменданту, попробую ведро с водой раздобыть.

Коменданта на месте не оказалось. Семён прошёл в конец коридора, там тоже не было ни души. Остановился у лестницы, идущей на второй этаж, прислушался. Из глубины доносились голоса и лёгкие постукивания. Семён, не раздумывая, поднялся на второй этаж, тихонько приоткрыл дверь первой попавшейся комнаты. На небольших лесах, напоминавших длинные столы, стояли спиной к нему две женщины, усердно работая мастерками.

— Здравствуйте, — нараспев произнес Семён.

Женщины почти одновременно обернулись.

— Надя, — непроизвольно вырвалось у Семёнам.

— Батюшки мои! Откуда такое приведение? — изумилась напарница Нади.

Надя, узнав Семёна, разразилась громким смехом.

— Семён Васильевич, Вы ли это? Каким ветерком к нам?

И только насмеявшись вдоволь, спустилась на пол. Улыбаясь, но уже вполне серьёзно спросила: Правда, Вы откуда? Что случилось? У Вас такой вид будто только с мельницы вышли.

— Да я это... — растерянно промямлил он, — за водой пошёл.

— Какой водой? — недоумевала Надя, глядя на него и продолжая смеяться.

— Понимаете, Надя, я теперь у вас работаю. Плотником. Мы там внизу стенку разбираем. Вот, пылища, ну я и решил воды раздобыть, пыль смочить. А коменданта нигде нет, вот к вам и забрёл.

Она пуше прежнего рассмеялась, стряхивая с его рукава пыль. И тут же предложила напарнице:

— Знакомься, Зина, это Семён Васильевич, друг Гришиного брата. Он недавно приехал. А теперь, оказывается, ещё и вместе работаем.

Отряхнув руки. Семён протянул ладонь женщине:

— Семён.

— Зинаида.

— Очень приятно.

— Ведро сейчас найдём. — Надя вышла из комнаты и буквально тут же вернулась со стареньким ведёрком. — Вот. Хоть некорыстное, но целое, без дыр. Вода в баке

на первом этаже. В самом конце, крайняя комнатка. Вы сегодня первый день вышли на работу? – поинтересовалась Надя.

– Да и сразу сюда направили.

– Вот и хорошо, вместе работать будем.

– Да конечно, – согласился Семён.

– Вы обедать где будете? – неожиданно спросила Надя.

– Да как-то не думал, наверное, сегодня поститься придётся. А может где по близости столовая есть, там перекушу.

– Приходите к нам, так и быть, не дадим с голоду умереть. Чай обязательно будет. Приходите. А сейчас, извините, раствор надо срочно выработать.

– Конечно. Конечно. И меня напарник наверное потерял.

– Приходите на чай.

– Спасибо.

– Слушай, Надь. Откуда этот медведь свалился? – тут же поинтересовалась напарница после ухода Семёна.

– Я же тебе сказала, это друг Петра, брата моего Гриши. Приехал сюда жить.

– Что, с семьёй?

– Да нет. Вроде один.

– Не женат что ли?

– Говорит, что нет.

– Интересно такой видный мужик и один... Вот и бери его в хахали.

– Зинка, ты как ляпнешь, хоть стой, хоть падай.

– А чего тут ляпать, сколько с ребяташками горемыкать будешь? Почти десять лет одна.

– Десять не десять, а девять точно, как Грини не стало.

– Какая разница, Надька, девять, десять... Замуж тебе давно пора.

– Ладно сваха, – оборвала её Надя. – Хватит языком молотить, мастерком шевели.

Раствор совсем закуксился.

Несмотря на огромное желание прийти на обед к Наде, Семён не смог преодолеть свою застенчивость:

– Что это я к незнакомым людям заявлюсь на обед? Тем более к женщинам. Да и Наде наверняка будет неудобно. Нахлебник заявился. Кто я? Муж, сват, брат? Нет, не пойду, может завтра... Сегодня не пойду. С голоду не умру. К тому же, дел много. Бугор три дня сроку дал, надо уложиться. Правда, ему любезно предложил разделить обед и напарник...

– Спасибо, Вася. Разгрузочный день у меня сегодня. Отдаю обед врагу.

– Гляди, как знаешь, – не стал уговаривать его напарник. И добавил прибауткой, – жираф большой, ему видней.

К концу рабочего дня, как и обещал, заявился бригадир.

– Ну что, мужики, стенку раздолбали? Молодцы! Во как! Даже всё вынесли. Хорошо.

– Ты, Василий, лаги смотрел?

– А что им сделалось?

– Мало ли что. Может, грибок где завёлся. Давайте посмотрим, если что с утра новые привезём, заменим.

Вскрыли в двух местах пол.

– Я же говорил: что их смотреть? Видишь стоят как новенькие!

– Это хорошо, что крепкие. Зато убедились – нет сомнений.

– Ну ладно. Завтра с утра прямо сюда. Да, чуть не забыл. Комендант просил: где-то в двух комнатах окосячку надо поменять. Но это после того, как с перего-родками управитесь.

– Сделаем. Какой вопрос? – заверил бугра Василий.

Семён, отказавшись от обеда, был уверен, что к концу рабочего дня он зайдёт к Наде и они пойдут домой вместе. Однако когда поднялся в комнату, где работали женщины, там никого не оказалось.

– Чёрт его приспичил с этими лагами... Могли бы и утром так же проверить, – обругал он в сердцах бригадира. – Не раньше, не позже.

Вернувшись домой, Семён напрямик направился в крохотную баньку. Хозяйка ещё в первый день строго-настроено наказала ему рабочую одежду оставлять здесь.

– Здесь и мыться можешь, дневную грязь оставлять, – добавила она.

Открыв узенькую дверь и просунувшись в баньку, Семён почувствовал тепло и аромат берёзового веника.

– Ай да Агриппина Прокопьевна! Даже баньку истопила. Вот божий одуванчик.

Конечно, с его комплекцией в баньке особо развернуться места не было, тем не менее, Семён был очень доволен.

– Помыться можно, а по субботам в поселковую ходить буду, там и попарюсь. Ничего. Хот и в тесноте, зато сколько тепла и внимания. Дай бог ей здоровья. За лето обязательно дровишек заготовлю и угля привезу, чтоб никаких хлопот-забот старушка не знала. Большой души женщина, хотя и очень строгая. Вчера дала согласие, чтобы харчеваться вместе.

Семёна поразили её слова:

– Почему не соглашусь? Я ведь своему очень любила готовить, – и добавила, – женщине всегда приятно приготовить мужчине вкусную еду. Только уже не обес-судь, как получится.

– Мне бы очень хотелось, Агриппина Прокопьевна, чтобы и у меня была такая женщина.

– Найдёшь, чего тут хитрого?

Прошла целая неделя, как Семён вместе с Надей уходил на работу и возвращался домой. Все разговоры в основном шли о детях, предстоящих весенних заботах и хлопотах по хозяйству, производственных делах. Правда, Семён дважды предлагал Наде сходить в кино, но она отказалась, сославшись на занятость по дому.

– Надюша, давай в следующий выходной вместе с ребятишками сходим.

– Хорошо, – согласилась Надя.

Но в канун девятого мая к Воронцовым неожиданно-негаданно приехал желанный гость из Норильска – Андрей.

Андрей Николаевич по долгу службы приехал в командировку в Красноярск и, выкроив время, решил на пару дней махнуть попроведовать родителей и родственников.

– Ой, сыночек, сколько же радости в дом принёс! Не ждали, не гадали, – щебетала Прасковья Петровна, обнимая и целуя сына. – Как вы там? Как Маша?

– Всё нормально, работает. Олечка первый класс заканчивает отличницей.

– Ну и слава Богу. Храни вас Господь.

– Мать, ты як курица кудахчешь, кудахчешь, – прервал жену Николай Андреевич. – Стол накрывай та гостя потчуй. Там расспросы и чини. С дороги мужик.

– А ты не встревай. Без советчиков знаю, – оборвала мужа Прасковья Петровна.

– Я счас, сынок.

– Так и я к тому, шо знаешь, – улыбаясь, огрызнулся отец.

– Да будет вам тата, мама. – Андрей обнял отца. – Как здоровье, тата?

– Яко здоровье? Кольки гадоу, столько и здоровья!

– Ну, ты у нас ещё вон какой. По кавказским меркам настоящий джигит.

– Ну ты, Андрюха, скажешь! Джигит... Сибярак я.

Андрей закатился звонким смехом.

– А шо ты так рассмеяся? Настоящий сибярак.

Андрей пуше того загоготал. Отец непонимающе смотрел на сына.

– Тятя, сибяряки говорят про себя: «сибяряк».

– А я як казав?

– А ты говоришь: «сибяряк».

– Так шо? Не водно и то же? – Недоумевал он. – Букву туда, букву сюда...

– Да, теперь уже, тятя, пожалуй, одно и то же. За столько лет в Сибири настоящим сибяряком стал.

– Так и я так же разумею, Андрюха.

– Ну как вы тут поживаете?

– Та шо, живём, хлеб жуём. Слава Богу, усе живы, здоровы.

– Внуки как?

– Та все в школе. Малой Ванятка второй класс кончает. Каждый дён забегат, тетрадки показыват. Хвастается: «Смотри, деда, пятёрку получил!»

– Димка как?

– А шо Димка... мужик зовсим стал. Почитай, пятнадцать роков. Меня на голову перешеголял.

– Учится как?

– Та я и сам не знаю. Учится та учится. По дому мало-мальски управится, та на футбол как бешеный бежит. Огородом надо заниматься, земля подбывгала, а ему футбол.

– Что, с Моршанска родственники пишут?

– Постоянно пишут. Ребятишкам посылки шлють. Тфу ты, язви... Зовсем забыл тебе сказать: Семён приехал!

– Как? Что случилось? Он же с Петром уезжал...

– Уезжал, а теперь вернулся. Сказывает, будто климат не подошёл.

– Странно... и где он?

– У соседки ниже нас, Шалажихи, квартирует. Работать устроился туды, где Надежда работает.

– Вот это новость! А мне Петр в письме ничего не писал.

– Ну, может, забыл. А, может, Семён тогда ещё не уехал.

– Да. Ну дела. Сейчас поди на работе?

– Где ж ему быть? Там.

Открылась дверь. На пороге как одуванчик с двумя желтыми бантиками на голове появилась Наташка, дочка Нади.

– Наташенька, племяншка, девочка моя, красавица.

– Дядя Андрей!

Наташка бросилась в объятия любимого дядюшки. Андрей, подхватив племянницу, поднял её под самый потолок.

– Ой, тяжеленная какая. Вон какая выросла наша красавица. Следующий раз приеду, точно сил не хватит поднять.

Сев на табуретку, Андрей усадил племянницу к себе на камни. Улыбаясь, стал рассматривать её раскрасневшуюся мордашку.

– Вылитая маманя, как две капли воды. Ну, рассказывай. Как учишься?

– Хорошо.

– Ты в каком классе?

– Сейчас перейду в шестой.

– Ой-ё-ё, совсем невеста. Женихи, поди, одолевают?

– Да ну их. Вечно только дергают за банты, да списать тетрадки просят.

Вошла бабушка Прасковья.

– Ты почё так ранёхонько прибежала?

– Бабуль, а у нас ботаники не было. Лидия Васильевна захворала.

– Вот незадача. Ну, да ладно, выздоровеет.

– Дядя Андрей, а Оля к нам летом приедет?

– Нет Наташенька. На следующий год возьмём отпуск за два года и все приедем погостить. Но она тебе передала гостинца. Вот, держи!

Андрей достал вязаную шапочку, несколько цветных шелковых лент, коричневые туфельки, конфеты.

– Это всё мне?

– Тебе, тебе. Ещё не все...

Андрей сделал паузу. Наташка вытаращила глазёнки в ожидании чего-то особенного.

– Оля с тетей Машей передают тебе большой привет.

Дед с бабушкой, наблюдая за происходящим, разразились смехом. Наташка, ожидавшая чего-то другого, тут же поняла шутку. Рассмеявшись, счастливая побежала к себе домой.

Вечером после ужина Андрей с Семёном вышли прогуляться в ближайший лесок. Андрей недоумевал: почему Семён расстался с Петром и вернулся на Иршу...

– Слушай, Василич. Только откровенно, что произошло между вами?

Семён засмеялся.

– Андрюш, ты о чём говоришь? Уверю тебя, мы с Петей были друзья и остались. Это навеки.

– Тогда что случилось?

– Ты понимаешь... – Семён сделал паузу, размышляя, говорить – не говорить правду. – Видишь ли, если откровенно, это получилось исключительно по моей инициативе и связано с моей личной жизнью.

– Я так понимаю, откровенничать ты со мной не хочешь?

– Не знаю, Андрюша. Не знаю. И нужно ли это? Понимаешь, это сугубо личное.

– Ну не хочешь, так не хочешь. Тогда давай, рассказывай, как там в Моршанске живут?

– Ты знаешь по большому счёту всё хорошо. Петя в строительной организации, работой доволен. Здоровье, правда, у него пошаливает. Язва замучила, врачи операцию предлагают. Зубы привёл в порядок, посмеивается над собой: «Этими бы зубами я сейчас спокойно в зоне всю колючую проволоку порешил». Сына Василия женил.

– А ему сколько?

– Да где-то года двадцать два, если не больше. В семье у него всё хорошо. Валентина за ним как за ребёнком ухаживает. Когда я уезжал, Петя наказал: увидишь Андрюшу, обязательно пригласи к нам в гости.

– Спасибо. Я, откровенно говоря, планирую на будущий год за два года отпуск взять. Если всё склеится, к ним обязательно на обратном пути с юга заеду.

– Ну, а у тебя как дела?

– Терпимо, Васильевич. На будущий год защита диплома. Тему выбрал. Материал фактически живой, всё связано с моей работой, добычей и плавкой никеля. Вот с жильём пока не получается. Года два наверняка в балке жить придётся. Ну да, ничего. Ждали дольше.

– Слушай, Андрюш. На кой леший тебе эта квартира? То ли дело балок! Соседи кругом дружные, как родня. Зимой, вспомни, всё заметёт, часами, как медведи, из берлоги выгребали, откапывая друг друга. Снег поди у вас ещё не растаял?

– Ой, Семён. Не сыпь соль на рану. Ей богу, поколочу, хоть ты и медвежина.

– А давай, поколоти.

– И поколочу.

Андрей буром ринулся на Семёна. Тот, слегка присев, мгновенно сгрёб Андрея в охапку, оторвав от земли закружил.

– Вот медвежина, так медвежина. Да отпусти же ты, наконец, рёбра все переломал! – взмолился Андрей.

– Нет, нет, ещё не переломал, а вот сейчас точно переломаю. Будешь знать, как старших обижать.

– Ой, ой, ой! Люди, помогите!

– Ну что, будешь ещё задиаться?

– Ой, нет, дяденька, больше никогда не буду, только отпусти!

– То-то, проказник. – Он легонько поставил Андрея на землю.

– С ума сошёл! Чёрт, все внутренности искорёжил, неделю теперь, точно, буду ходить не вдохнуть, не выдохнуть. Тебе бы где-нибудь подъёмным краном работать, или в цирк машины на платформе поднимать. А ещё лучше быков.

– О, Андрюша, это прекрасная идея насчёт быков. Пожалуй, я подумаю.

– Подумай, подумай.

Семён подошел к Андрею, обнял его, извиняющееся спросил:

– Что, правда сильно даванул?

– Нет, он ещё спрашивает!

– Старик, честное слово, извини, я ведь совсем легонько.

– Да ладно, – отшутился Андрей, – рентген покажет. Ежели что, сразу же заявлю в милицию, имей в виду.

– Андрюш... – Семён привстал на колено, сделал страдальческую гримасу, – Христом-Богом прошу, только не милицию! Я её во как боюсь! – он полоснул ладонью у горла. – Лучше я быков по Ирше таскать буду. Всё, что угодно, только не милицию.

– Ладно, вставай. Так и быть, прощаю. На быках сойдёмся.

Обнявшись, они долго смеялись, наслаждаясь вечерней тишиной, душевным покоем и настоящей мужской дружбой.

– Слушай, Васильевич, кстати о быках...

– Андрюха, на кой хрен дались тебе эти быки?

– Подожди, Семё, подожди, не кипятись. Ты помнишь, как три года назад наши спортсмены первый раз выступали на Олимпийских играх в Финляндии в Хельсинки?

– Андрюш, ты же знаешь, где тогда я был, тем не менее, конечно помню. Только уразуметь не могу, причём здесь быки и Олимпийские игры?

– А вот тут ты ошибаешься. Прямая связь. Интересно? Послушай. В далекие времена, когда в древней Греции проходили Олимпийские игры, в городе Кротоне жил богатырь-борец по имени Милон, который семь раз становился победителем древних игр.

– Молодец. Наверняка был действительно сильным и ловким мужиком. Ну, а причём здесь бык?

– А при том. Это Милон тренировался с быком.

– Как с быком?

– Представь себе! Каждый божий день, начиная с рождения бычка, он его носил на своих плечах.

– И когда тот вырос? Что, так здорового быка и таскал?

– Да. Так и продолжал таскать.

– Хорошая сказка, очень понравилась. Ну, ты даёшь, Андрей Николаевич.

– Честное слово, не вру, сам читал вот этими глазами. Конечно, это легенда, но как знать... Силачи всегда были. И у нас на Руси их мерено-немерено было, народ столько сказаний из поколения в поколение передаёт.

– Значит были. Да и сейчас есть. Я как-то в цирке, помню, видел, по-моему, Григорий Новак выступал. Чудовишные тяжести поднимал, что ж ему быка не поднять?

– Не вразумлю Андрюха, к чему ты это всё?

– Так и ты, медвежина такой, наверняка поднимешь.

– Не знаю, не знаю.

– А давай попробуем. У отца рядом соседи, у них бык есть.

– Андрюха, ты что охренел?

– Давай, давай, пошли. Сейчас проверим.

– Андрюх, ты по-моему на радостях немного того, перебрал. Пошёл он к лешему, твой бык. Со стороны кто бы посмотрел и послушал нас, точно сказал бы, что мужики спятили.

– Нет, Василич, на полном серьёзе давай попробуем.

– Андрей, ты что, в самом деле, захмелев, из ума выжил?

– Ладно, короче ты сдрейфил, признайся.

– Андрюш, я в этой долбаной жизни только клоуном не был, а так всё попробовал. Пошли и оставь эту глупость.

– Ладно, как знаешь, оставить – значит оставить, пойдём. Пойдём ещё по маленькой примем.

– Эт другой коленкор. С пребольшим удовольствием.

На следующее утро был выходной день. Шагая к Воронцовым, Семён вспомнил вчерашний разговор с Андреем про быка.

– А что, может правда попробовать? И таким образом привлечь внимание Нади. Но тут же, рассмеявшись, добавил: Дурак ты, Сталов, был им и остался. А ещё кличку Сталин носил.

Позавтракав, как и планировали ещё вчера, всем гамузом двинулись в огород.

– Николай Андреевич, если не возражаете, мы с Ванюшкой парниками займёмся.

– Дядь Семён, я с вами хотел парники закладывать...

– Нет, Дмитрий, – распорядился дед. – Ты берись за лопату, вон тот закуток копать будешь.

– Дед, сделаем парник, потом вместе вскопаем, – упрямылся Димка.

– Усё. Иди, делай, что тебе говорят, нечего путаться под ногами. Дядя Семён с Ванюшкой и без тебя управятся.

– Деда, а я что буду делать?

– Ты, внуча, с мамкой и бабой грядками займайтесь. Вон их сколько.

– Семён Васильич, – позвала его Надя.

– Я весь – внимание. Слушаю вас, сударыня, – подойдя к ней, Семён недовольно буркнул. – Надь, мы же договорились, что будем на ты.

– Хорошо, хорошо. Я исправлюсь, – и улыбнувшись, добавила. – Поправь, пожалуйста, доски у грядок, а то после зимы как пьяные расплзлись.

– Хорошо, сейчас сделаем. Ванюш, иди сюда! Давай колышки приготовим, выровним доски на грядках, а потом за парник возьмёмся. Бегом принеси два полена, только без сучков.

– Я счас.

– Надюш, может дорожки между грядками пошире сделать, уж больно узкие, запинаться постоянно будешь.

– Сделай, сделай, я маме устала об этом говорить. Всё землю экономит. Тебе она перечить не будет, расширь.

Управившись с грядками, Семён начал закладывать парник.

– Ванюш, я как только закончу ряд навоза укладывать, ты его сразу утаптывать начинай: туда-сюда по нему ходи, прыгай.

– Я знаю, мы с мамкой и Наташкой в прошлом году делали так.

– Ну, тогда полный порядок, мы с тобой мигом управимся.

Подошёл Николай Андреевич.

– Василич, зовсим забыл! Ты грядку к забору не прижимай. Пушай меж ними проход будя. Жёнкам ходить поливать легче будя, тай забор подольше сохранится, гнить не будя.

– Понял, Николай Андреевич. Сделаем всё, аккуратно, как надо. Правда, Ванюш?

– Сделаем, дедка, сделаем, – подтвердил внук, усердно притаптывая навоз.

Управившись с парником, и похвалив Ванюшку, Семён пошёл к Наде.

– Принимай, хозяйка, работу.

– Что, уже сделали? – удивилась Надя.

– Так мы ж стахановцы. Правда, Ванюш?

– Да, мама, мы правда всё сделали, – подтвердил Ванюшка, шмыгнув мокрым носом. – Сама посмотри.

– Пойдём, пойдём, – Семён нежно взял её под руку. – Посмотри, может немного выше сделать.

– Пойдёмте, пойдёмте, стахановцы.

Осмотрев, Надя осталась очень довольна.

– Молодцы. И проход у забора сделали. Очень удобно будет.

– Надюша, землю на парник сразу заложим или когда загорит?

– Если можно, лучше сегодня.

– Давай сегодня и сделаем. Зачем откладывать?

– Хорошо. Я тогда сейчас сделаю лунки.

– А землю откуда будем брать?

– Землю? – Надя сделала паузу. – Мы, правда, всегда брали половину из березняка и половину с огорода, мешали её.

– Ладно, что вы будете мучиться, таскать её из березняка? Берите вон в углу. Там хорошая, удобренная земля.

– Подожди, подожди, Надя. Свежая земля из березняка, насколько я помню, самая подходящая под огурцы и капусту.

– Ладно Семён, хлопотное это дело, обойдёмся огородной.

- Подожди, Надя. Тележка какая-нибудь есть?
- У нас их ажно две, – тут же пояснил Ванюшка, – на ходу соображая, что у него выгорает шанс смотаться с Семёном в лес.
- Пошли, помощник, показывай.
- Семён, да будет вам...
- Ничего, ничего, потрудимся. Зато огурцы во какие будут. Правда, Ванюха?
- Ну, как хотите, – согласилась Надя. – Я тогда лунки начну делать.
- Подбежала Наташка.
- Мам, я тоже буду делать лунку.
- Доня. Иди, иди, бабушке помогай.
- Мамочка, я с тобой хочу. А потом вместе к бабушке пойдём. Ну пожалуйста, я ещё никогда огурцы не садила. Мам, пожалуйста.
- А бабушка что скажет?
- Ну, я же работать буду, не лындить. Тебе помогать.
- Ох и подлиза ты, Натка.
- Мамочка, я правда хочу с тобой огуречки садить.
- Хорошо, хорошо. Давай, рядом становись. Вот так руками разгребай, делай посередине небольшой гребешок. Хорошо, только поглубже.
- Вот, дядя Семён, смотрите. На этой мы с Димкой воду возим. А это большая, в неё корову мамка раньше запрягала, когда сено или картошку возили.
- Отлично. Это, пожалуй, то, что нам, Ванюша, надо.
- Приподняв сзади тележку, Семён вытащил её из-под навеса.
- Вань, неси вон ту верёвку, что на гвозде висит. Так. – Семён посмотрел колёса тележки. – Здесь порядок. Давай верёвку, оглобли свяжем. Вот так. Порядок. Теперь нам с тобой нужно две лопаты: совковую и штыковую. Совковая, я вижу, вон в углу у угольного ящика стоит, а за штыковой бегом в огород, она у парника воткнута. Давай, одна нога здесь, другая там. А я пока тележку на улицу выкачу.
- Прибежал Ванюшка с лопатой.
- Бросай её на тележку. Ну что, где будем землю брать?
- Мамка с бабушкой у прошлом годе вон из энтото березняка вёдрами носили.
- Так, так. Слушай Вань, а что, если мы поднимемся по дороге? Там берёзы большие, земля лучше.
- Так бугор же, как мы поднимемся с телегой?
- Коровка подымалась с телегой...
- Так то корова. А как мы? – недоумевал Ванька.
- Во те раз! – рассмеялся Семён. – Что же мы с тобой, два мужика, слабее коровки? Давай, становись позади телеги, помогать будешь, а я сейчас...
- Семён встал промеж оглоблей телеги, подняв их, расправил на груди верёвку, связывающую оглобли.
- Ну что, Иван? Вперёд!
- Тележка-дилижанс, как её называл старик Хромов, оказалась необыкновенно лёгкой, а главное – хорошо катилась. Семён без особого труда, играючи, закатил

её на самый верх бугра. Чуть в сторонке стояли толстые развесистые берёзы, ветки которых были украшены зелёным бисером только что распустившихся почек.

– Здесь Ванюша, земельку и будем брать.

Мощная, словно завязанная узлами, корневая система берёз не позволяла так просто копать землю, приходилось лишь небольшими порциями извлекать её между корней и под корнями.

– Дядь Семён, а мы с дедкой и Димкой землю брали в запрошлом году вон там, внизу у околка, когда бабушка капусту садила.

– А что же ты сразу не сказал? Давай туда и поедем.

– Поди сыро.

– Не знаю.

– Давай попробуем, попытка не пытка. У околков всегда самая плодородная земля. Поехали. Беги вперёд, дорогу показывай.

Метров через триста в прогалине берёз выглянул зелёной полоской распадок.

– Вот оно что, – сообразил Семён, – оказывается, этот распадок и есть начало долины, которая упирается в Михалёвскую гору и дальше по речушке заворачивает в сторону железной дороги к Гмырянке.

Остановившись на опушке, Семён ещё раз окинул местность. Как он и предполагал, этот распадок и был началом огромной многокилометровой долины.

– Ну что, дружок Ванюша, показывай, где ты с дедом землю брал.

– Пойдёмте, вот здесь.

Метрах в сорока небольшими клочками кустарника и черёмухи начинался растянувшийся околок, от которого исходил пьянящий аромат только что распустившихся первых бутончиков черёмухи.

– Вот-вот, здесь, дядя Семён.

– Да, Ванюшка, точно здесь. И земля жирнее жирного, чёрная, как ворон. Только ещё сыро. Давай будем смотреть, где нам лучше нашу машину поставить, иначе забуксуем.

– Так грязи нет, как забуксуем? – удивился Ванюшка.

– Правильно, дружок, грязи нет, но земля ещё очень сырая. И как только мы загрузим тележку, её колеса продавят землю. Тут-то мы и забуксуем. Колеса наши узкие, а земля с тележкой тяжёлая. Выходит, что нам с тобой это дело надо обмозговать, выбрать правильное место для тележки. Так?

– Не знаю.

– А я, брат, знаю. И ты на будущее знай. Давай мы её вот здесь примостим. Смотри, какая травка плотная.

Семён, походил туда-сюда, несколько раз потопал ногами.

– Решено. Здесь ставим. Ничего, что маленько далековато, придётся землю таскать, зато надёжно. Землю ты, Ванюша, нашёл на загляденье. Огурцов нынче вырастет, мерено – не мерено. Давай маленько отдохнем. Устал?

– Не-а.

– Всё равно, давай перекур сделаем. Больно жарко. За зиму все намёрзлись, вот солнышко и пытается сейчас каждый кустик, травиночку, букашку согреть и нас

тоже. Пойдём, сорок посмотрим. Видишь, вон в черёмухе и на талине два гнезда? Наверняка, сорочьи.

– А что, у них уже птенчата есть? – оживился Ванятка.

– Нет, наверное, ещё нет, раз они так скрытно и тихо себя ведут. Пойдём, посмотрим.

Меж переплетённых веток черёмухи аккуратно примостилось сорочье гнездо, мастерски выложенное из тонких палочек и прутиков. Верхняя часть птичьего домика напоминала форму шалашика. Из одного отверстия домика торчал сорочий хвост, из другого – клюв, поверх которого сверкали настороженные, чёрные, как две бусинки, сорочьи глаза, будто перископы у подводной лодки, наблюдая за всем происходящим миром, окружающим сорочий регион обитания.

– Видишь сороку?

– Не-а.

Семён поднял Ваньку на вытянутые руки.

– Вижу! Вон её клюв, и глаза вижу.

– Ну, что они, сердитые?

– Не знаю, наверное, сердитые.

– Почему?

– Потому, что мы её пугаем.

– Правильно. Но деток у неё ещё нет. Иначе она бы сейчас такой нам переполох устроила, мало бы не показалось. Медведя бы на помощь позвала.

– Правда?

– Истинная правда. Медведь же за всех маленьких в лесу заступается.

– А Димка говорит, что самый страшный в лесу – это медведь. Кого поймают, сразу задерёт.

– Он, наверное, пошутил. Медведь только плохих задирает.

– И людей?

– Нет. Людей он вообще боится.

– Правда?

– Конечно правда. Он сам мне говорил.

– Да ну Вас, дядя Семён.

Семён, рассмеявшись, подхватил Ваньку на руки, и они пошли к телеге.

– Давай ещё немного нагрузим и вперёд.

– Зря мы, Ванюша, ничего по краям тележки не положили. Рассыпаться земля будет. Но ничего.

Семён аккуратно лопатой прохлопал земляную кучу.

– Ничего, влажная. Сильно рассыпаться не будет. Ну, что Иван, заводи мотор.

– Поедем. Много нагрузили, дядя Семён, ещё не увезём.

– Увезём, Ванюх. Мы же с тобой силачи. Давай, не робей. Сзади мне помогай и всё будет в порядке. Ну, с Богом.

Взяв оглобли, Семён качнул телегу вперед, назад, затем медленно покатыл её на дорогу.

– Вот и ладненько, самое главное, что колеса не завязли здесь. А теперь дорога твёрдая, доедем.

Семён остановился.

– Ну как, Ванюша, устал?

– Немножко.

– Сильно тяжело было?

– Не знаю.

– Вот видишь, а ты боялся, что не осилим.

Обломав ветки берёзового куста, Семён положил их на земляную кучу телеги. Подошёл к Ваньке, молча взял его на руки и посадил на ветки. Ванька было запротестовал...

– Сиди, сиди. Лопаты держи. А то сейчас под горку поедем, они могут упасть.

– Ну, вы удалцы! Улязнули как привядения. Надо же такое удумать. На телеге, – покачивая головой, выговаривал Николай Андреевич. Трудно было его понять, недовольство высказывает или так ворчит, для порядка. Скорее второе, потому что земли привезли много, а самое главное – очень хорошей.

– Батюшки мои, никак к околку ездили? Эт как же осилили такую тяжесть? – недоумевала Прасковья Петровна, шупая пальцами землю. – Чернущая какая! На пять лет вперед привезли, сади-засадись огурцы с капустой.

– Вот и хорошо, урожай ладный будет, – согласился Семён.

– Мам, ты зря так радуешься, – встрял в разговор Андрей.

– Почему зря?

– Потому. Спросила у него, сколько процентов от урожая запросит? Наверняка не меньше половины.

– Бог с тобой, сынок! – Мать приняла шутку сына за чистую монету. – Куды ему столько? Будя, урожая усим хватит.

– Нет, нет. Не согласен. Только с половины, на меньшее не соглашусь, – сделал серьёзное лицо, продолжал хохмить Семён.

Подошла Надя.

– Мама, что мы будем спорить? С половины так с половины. Мы его ещё и к поливке привлечём.

Тут только мать поняла, что дети шуткуют.

– И то правда, доня. Хай поливат и получает свою долю.

– Я согласен, – улыбаясь до ушей, дал добро Семён.

Подбежал Димка. – Дед, я всё скопал!

– Добри сделав, али тяп-ляп?

– Конечно тяп-ляп. Как иначе?

– Я так и знал.

– Да сделал, сделал я дед, как надо. Иди, посмотри, если не веришь.

– Ну, коли сделал хорошо, молодец.

– А вы, девки, хватит языки чесать, мужиков обедом кормить время. Солнце вона где, а они усе зубы скалуют.

- Мам, шли бы вы обед готовить, а я быстренько с парником управлюсь.
- Надя, я помогу.
- Хорошо, Семён. Тогда бери вон те вёдра, носи землю в лунки.
- Андрюша, сынок, Дима... Может пока вони тут будут с парником управляться, пойдём, горбыль сложим в штабель? А то дожди пойдут, ему зараз крышка будя. Сгниёт.
- Деда, ты минуты отдохнуть не дашь.
- Дима, та управимся побыстрее и отдыхать будемо. Шо рассиживать?
- Дед прав. – Андрей взял племяша под руку. – Пойдём! Нам с тобой на пользу. Тебе силёнок прибавится, а у меня трудовой мозоль может убавиться. – Андрей Николаевич хлопнул себя по животу. – Вон какой нажил! Ни к чему это, вернусь в Норильск – опять спортом займусь. А то, пожалуй, скоро на беременную женщину походить стану. Ты-то как со спортом?
- Нормально. Зимой районные соревнования в Заозёрке по лыжам выиграл. В футбол в посёлке улица на улицу уже начали играть. У нас в школе секцию бокса учитель физкультуры ведёт. Хожу, занимаюсь.
- Молодец. А в боксе как успехи?
- Соревнований не было, так между пацанами спарринги по воскресеньям были. Вроде получается.
- Ты нынче восьмой класс закончишь?
- Да.
- Мысли вынашиваешь по дальнейшей учёбе?
- Пока не определился, дядя.
- Я помню, ты строителем хотел быть...
- Не знаю, может в военное училище.
- А что, нужная и даже важная профессия – быть защитником Отечества.
- Школу надо закончить, дядя, ещё целых два года.
- Я думаю, Дима школу не просто надо закончить, а с хорошими знаниями. Без них никуда. Видишь, как мне приходится нагонять упущенное?
- Вы молодец, дядя Андрей.
- Молодец-то молодец... но всё надо делать своевременно, а не на четвёртом десятке жизни.
- Так война же была, дядя Андрей!
- Война, войной. На неё, племяш, нечего всё сваливать. До войны школу надо было кончать, а не после. Ладно, что было, то былём поросло. А вот ты давай, не ленись, делай все своевременно. Пошли задание деда выполнять. Тять, штабель делать подряд из всех горбылей или сортировать?
- Толстые поверх положьте, они мне надобны скоро будут – в стайке пол замяню. Широкий штабель не надо, хай вышэй будя. Проветрится лучше.
- Тять, не беспокойся. Сложим как надо.
- Ну и добре.
- Давай, давай, шевелись, работничек, коль урожай с половины хочешь получить, – подтрунивала Надя над Семёном.

– Надь, я и так чуть ли не бегом бегаю.

– Бегай, бегай, раз не успеваешь.

– Ну, держись, сейчас всю телегу с землей сграбастаю и принесу.

– Смотри, пуп не надорви, – разразившись громким смехом, добавила, – Чего доброго, грыжу наживёшь.

– Был бы проём в заборе пошире, ей-богу, всю телегу бы приволок.

– Да будет тебе, я так, к слову. Что, пожар горит? Управимся без суеты. Давай, высыпай в эту лунку.

Надя подняла голову, встретившись взглядом с Семёном. Семён, как завороненный, застыл, глядя ей в глаза.

– Сыпь, сыпь, – она улыбнулась, толкнув его в бок, – сыпь!

Семён только сейчас впервые за всё их знакомство по-настоящему разглядел её глаза.

– Господи, сколько в них прелести! Как весенние незабудки. До чего же красивые и бездонные, как голубое небо. Вечно бы смотрел, не отрываясь...

Семён принёс очередные ведра с землей.

– Всё, хватит, больше не надо. Спасибо, – и выровняв лунку, обронила, – Вот и управились. Глаза бояться, руки делают. Дня через два-три парник загорит, тогда и огурчики посадим.

– Надюш, а что если вместе посадим? Я фартовый по крестьянским делам, хотя отродясь огурцы не сажил.

– Нехитрое дело, приходи, посадим. Говорят, что из мужичьих рук хороший урожай будет. Давай проверим, так ли? Ты ведь теперь вроде как в доле, – намекнула Надя, лукаво улынувшись ему. – Ладно, агроном-селекционер, иди мой руки, мама, наверное, уже обед приготовила. Я сейчас приду.

Несмотря на усталость, Семён никак не мог заснуть. Общение целый день с Надей окончательно выбило его из душевного равновесия. Мысли одна за другой будоражили его ум, как в калейдоскопе сменяя одна другую.

– Нет, так больше жить нельзя! Надо объясниться, иначе точно с ума сойду. Но как? Как это сделать? С какого боку, края зайти? Какие слова найти и где их взять? Как побороть робость и страх перед Надей?

Сегодня он ещё больше убедился, что без этой женщины ему незачем жить.

– А ведь и в самом деле зачем? Зачем топтать эту землю без любимого человека? Я и так полжизни протопал по какой-то обочине мимо обыкновенного житейского человеческого счастья. Какой смысл продолжать в пустоте дальше прозябать? Ни кола, ни двора, ни жены, ни семьи, ни детей. Но как решиться, как отважиться на этот шаг – сказать ей о своих чувствах? Вот оказия! На фронте и в плену не тушевался. Да, что тут кривить душой? – признавался он сам себе, – не признания своего перед Надей ты боишься, а её возможного отказа. Этого пуще смерти боишься. Вот и тянешь, как паук паутину, дрожишь; не дай бог оборвется. Всё, хватит! Завтра обязательно попробую найти подходящий момент и объяснюсь.

Но проходил день за днём, а он так и не мог выбрать этого момента. Вернее, они были и не один раз, — да, что там не один раз! — взять хотя бы вчерашний случай. Возвращаясь вечером после работы, они заговорили с Надей о предстоящем сенокосе.

— Семён, ты извини, отец руку порезал, не мог бы ты литовки отбить? В выходной хотим помаленьку начать косить. Трава нынче вон какая вымахала.

— Какой разговор, Надя? Сейчас придём, давай сразу отобью.

— Ну что, Надежда Николаевна, принимай работу!

— Что, уже управился?

— Как говорится, дело мастера боится.

Надя пригласила его в дом.

— Давай, мой руки и проходи. Ты ведь не ужинал?

— Если откровенно, нет. С удовольствием принимаю ваше предложение сударыня, — пошутил он.

Казалась, обстановка как нельзя лучше располагала к тому, чтобы наконец признать в своём намерении. Они были вдвоем. Дети где-то играли. У Нади было прекрасное настроение, она взхлёб рассказывала всякие истории, связанные с сенокосной порой из тех далеких времен, когда они жили в деревне.

— Не представляешь, иногда в сенокосную пору дело до драк доходило, каждый норовил себе лучший покос захватить. Вся деревня переругается, бывало...

— А, что участки не были распределены?

— Нет. Поначалу нет. Это уже потом правление колхоза закрепило за каждой семьёй покос.

— А здесь как с покосом?

— Да вообще почти стихийно: кто где приспособился. Мы ещё с Гринеи, царство небесное, начали в Моховом логу косить и по межам михалёвской пашни, там и косим. Всякое бывает. В прошлом году замешкались с вывозом сена, так две копны украли.

— Что так и не нашли кто это сделал?

— Господи, Семён. Где искать, что оно, мечено? Вывозить надо сразу, как только копны сметали, а то потом ищи-свищи.

— Вы что, в этот выходной хотите начать косить? — поинтересовался Семён.

— Да, мы с Димкой наверное начнём, а может и тятя пойдёт, если рука подживёт.

— Помощники не нужны?

— Семён, ты и так нам во всём помогаешь. Справимся сами. Трава убориста, много ли на одну коровёнку надо? Управимся.

— Надя, мне помахать литовкой только в радость. Считаю, годков пятнадцать в руки литовку не брал, если не считать сегодня.

— Да нет Семён, правда, неудобно.

— Надя, о чём ты говоришь? Всё равно в выходной особо делать нечего. Хозяйке-старушке разве что воды привезти для поливки, так я с вечера это сделаю. Тем более, у Николая Андреевича рука болит. Что же вы одни пойдёте?

— Да нет. Отец в любом случае собирался пойти.

— В общем, не отказывайся пока я добрый.

– Ну, хорошо, – согласилась Надя.

С криком один за другим в дом вбежали Наташка с Ванькой.

– Здравствуйте дядя Семён.

– Здравствуй, красавица, здравствуй.

Семён приподнял за руки Наташку.

– А где Дима? – поинтересовалась мать

– Мам, мы его не видели. Он, наверное, на Турбинной в футбол играет с командой ихней улицы.

– Быстро мыть руки и за стол.

– Мам, мы потом ещё маленько побегает?

– Ваня, ты за день ещё не набегался?

– Мам, ну правда, совсем маленько. Мы в «выжигало» договорились поиграть.

– А это, что у тебя?

– Где?

– На ногах.

Надя усадила Ваньку на табуретку.

– О Господи! Он опять цыпки развёл. Ну что мне с тобой делать? Всё. Никуда не пойдешь.

– Мама...

– Я сказала, не пойдешь, не проси. Поешь, сразу ноги в таз, цыплят своих отпаривать будешь.

– Мам, больно же будет.

– Вот и хорошо, что больно будет. Может, наконец, следить за своими ногами будешь, бессовестный.

– Ничего, Ванюшка, потерпи, а потом их сметанкой помажь. За ночь все цыпушки от тебя убегут.

– Аха, знаете как больно.

– Знаю, хорошо знаю. У меня их в детстве знаешь сколько было. Не только на ногах. По весне, бывало, все руки в цыпушках. Только пройдут, раз, другой не помыл – цыплятки тут как тут.

– Оказывается, и дядя Семён такой же грязнуля был.

– Был, был. Ещё покруче Ванюшки, – смеясь, подтвердил Семён. – Ну ладно, пойду. Засиделся. Надя, спасибо за вкусный ужин.

– Тебе спасибо.

– Спокойной ночи, дети. До завтра.

Возвращаясь, домой Семён твёрдо решил, что в выходной он обязательно объяснится с Надей. Ему сегодня показалось, что Надя тоже питает к нему определённые симпатии.

В выходной Надя, отец, Димка и Семён около шести часов утра отправились на покос.

– Тятя, вы зря пошли. Руку ещё больше растревожите, потом и вовсе ничем помочь не сможете.

– Пустяки, ранка уже затянулась. Попробую потихоньку косить. Ежели что не ладно, брошу. Пройду травку по межам, посмотрю... Не беспокойся.

– Мамуль, а ты мне предложи остаться вместо деда. Я перечить не стану, сразу соглашусь.

– Димка, бесстыдник ты. Не выпался?

– Ничего себе! Подняла ни свет, ни заря, еще спрашивает, – буркнул Димка.

– Я тебя вчера Христом-богом просила: ложись пораньше. А ты?

– Я и так рано лёг.

– Тогда чего ворчишь?

– Я не ворчу. Просто не доспал, спать хочу, вот и всё. Могли бы попозже пойти.

– Ничего. Пока идём, дремоту разгонишь. А литовку возьмёшь, она твой сон как рукой снимет.

– А что, до покоса далеко? – поинтересовался Семён.

– Та нет, километра два с половиной будя, не боле. Счас пройдем вдоль пашен, потом леском подымаемся на угор и зараз спустимся в Моховой лог. Там и наш укос. Недалеко, – пояснил Николай Андреевич.

Проснувшаяся после ночи природа, несмотря на яркое, круглолицее, улыбающееся солнышко, показавшееся из-за огромной верблюдообразной горы, ещё хранила ночную свежесть и прохладу. Семён, шедший рядом с Надей, изредка произвольно касался её руки, испытывая огромную радость и наслаждение, был как никогда счастлив. В его душе царил полная гармония с окружающим миром, а журчащие, как ручеёк, песни жаворонков в небе наполняли душу трепетным чувством нежности и любви к рядом идущей женщине. Не будь сейчас рядом отца и Димки, Семён наверняка бы упал перед ней на колени и признался в своих чувствах.

– Какое красивое и доброе утро, правда?

– Да, очень, – согласилась Надя. – Днём только, наверное, очень жарко будет. Но на покосе кустарника и берёз много – есть где передохнуть. Ключик недалеко бьёт... Лишь бы комары да мошка не домогались.

– Ничего, косой отобьёмся, – пошутил Семён.

– Я маленько дёгтя взяла, руки мазать. Хоть как-то кровопивцев отпугивать будет.

Спустившись в Моховой лог, они вышли на просёлочную дорогу слева и справа которой тянулись зигзагообразные небольшие полянки.

– Вот и пришли! Отсюда начнём косить, – радостно сообщила она Семёну.

– Что это весь покос? – удивился Семён

– Нет. Дальше по березняку идёт. А вон там, слева по распадку, – михалёвские поля. Вдоль межи хорошие полоски пырея наши.

Пока Надя с отцом складывали в тенёк продукты, Семён оселком прошёлся по лезвиям литовок

– Сынок, Дима. Ты, может, молочка с шанежкой поешь?

– Надежда, давай-ка усем налаживай еду. Хоть и рано ещё, всё одно промялись. Малость перекусим, передохнём с дороги.

– Николай Андреевич, вы перекусите?

– Я ей-богу не хочу. Только-только размялся, самый раз косить, – предложил Семён. – К тому же трава вон какая, вся в росе.

– Мам, я тоже не хочу. Потом поедим, как проголодаемся.

– Пойдём, Дмитрий, – Семён хлопнул Димку по плечу. – Пошли, покажешь мне, как косить надо. С сорок первого косу в руках не держал, поди совсем навык потерял. Давай, Дима, я передом пойду, ты – за мной. Ну, держись, травушка-муравушка!

Семён, как бывало в молодые годы, лихо развернув корпус, взмахнул литовкой.

– Ших, ших, ших... – раздался приглушенный звук от литовки и скошенной травы, которая ровным рядом ложилась за ним. Пройдя на одном дыхании прокос, Семён тут же обернулся назад. Димка наседал ему на пятки.

– Молодец, – похвалил он его, – настоящий косарь.

– Аха, настоящий. У Вас вон какой широкий прокос.

– Так тут твоей вины нет. У меня и руки длиннее. Год, другой, подрастёшь – мне за тобой не угнаться будет. Давай вот что, Дмитрий, торопиться не будем. Это первый прокос прошли лихо, а вообще косить надо ровно, не спеша, тогда сил надолго хватит. Прокосы будут чистыми и широкими. Добро?

– Хорошо, дядя Семён.

Подошёл Николай Андреевич с Надей.

– Ну, косари. Нам тут за вами не угнаться, – радуясь и улыбаясь, заметил он. – Мы с доней тогда на этой стороне начнём. Путаться под ногами у вас не будемо. А то, не ровён час, пятки нам пообрызгайте. Пошли Надежда, пошли. Не будем мяшать им. Пушай стахановствуют.

Подойдя к обочине дороги, Надя обернулась. Семён всем своим могучим телом с каждым взмахом косы саженьями продвигался вперёд. Под стать ему следом шёл Димка.

– Совсем мужик становится, – с гордостью отметила она. На секунды прикрыла глаза, представив на миг Григория, за ним идущего сына. – Не довелось, не довелось Грине увидеть сына таким. Не довелось... Господи, да что же это я?

Встрепенувшись, заспешила за отцом.

– Тять, может, косить не будешь? Рука ведь болит. Управимся помаленьку без Вас.

– Нет, доня, усё в порядке. Я легонько, не спеша. Травка он какая сочная. Кле-вярок сам ложится, стелятся. Ныне, даст бог погоду, вдоволь коровушке накосим. Травка ладная, дождя бы не было. С Филькой Лепняговым стоворились, обещал, ежели што, на машине сено вывезет. И Семён, дай бог ему здоровья, нынче какой помощник у нас. Спасибо ему, безотказный мужик. Нынче, ежели с сеном всё будя хорошо, бычка в зиму оставим.

– Тять, загадывать не будем. Когда управимся, тогда видно будет, что к чему.

– Воно конечно так, доня. Я так, к слову. Хорошая трава народилась ныне, хорошая, – радовался старик. – Дождь бы только повременил, дал высохнуть. Мы с матерью да с ребятишками и без тебя, Надежда, грести управимся. Дён дялов всего-то.

Выкосив придорожную поляну, Семён с Димкой решили немного передохнуть, расположившись в тени приземистой кудрявой берёзы.

- Благодать-то какая! А запах скошенной травы... суший рай!
- Клевер так приятно пахнет.
- Ты поди устал? – поинтересовался Семён.
- Да так, немного. Вот есть, правда, захотел.
- Тогда давай так сделаем, ты наверняка знаешь, где родничок?
- Знаю.

– Бери бидончик, не спеша сходи, набери холодной водицы, заодно отдохнёшь. А я пойду им пока помогу. Придёшь, тогда и покушаем. Давай.

Подходя к косарям, Семён остановился, любуясь размашистыми лёгкими движениями Нади. Никакой суеты, подёргиваний, стройная крепкая фигура выдавала в ней женскую статью и физическую силу. Слегка сбившаяся набекрень белая козынька и выглядывающая из-под неё прядь волос подчёркивали женственность и привлекательность.

- Бог помощь, – обронил Семён, подойдя поближе.
- Спасибо. И вам того же, – ответила Надя, озарив его ослепительной улыбкой.

Он подошел к Наде и как бы невзначай прикоснулся к ее руке.

- Устала?
- Бог с тобой. С детства моя самая любимая работа. – И, громко рассмеявшись, добавила, – Это вы, мужики, хилый народ, а нам, бабам, только подавай.
- А вы, стахановцы, никак управились?
- Управились, Николай Андреевич, управились.
- Во как. А ты, Надежда, мужиков хаешь...
- Тять, эти мужики – исключение, выходит, – продолжала шутить Надя.
- Ну ладно, коли так, пора и к обеду. Давай, доня, корми мужиков.
- Николай Андреевич, а может, добьём эту полянку? Тут делов-то осталось минут на двадцать. По два-три прокоса, не больше. Потом и покушаем, отдохнём.
- Тять, давай так и сделаем, чтобы не возвращаться обратно. А ты, ежели устал, иди к табору. Костерок налаживай, да свой любимый чай на шиповнике готовь.
- Пошто так, тагды давайте вместиа быстрее управимся.
- Семён, а где Димка?
- Я его за водой на ключ отправил.
- Правильно, хорошо. Освежимся маленько. Комар проклятуший покою уже не даёт. Семён, давай ты передом иди, я за тобой. Дюже не люблю когда за мной сзади литовкой махают.
- Надюш, дай литовку, я её немного подсвежу.

Достав оселок из-за голенища, он несколько раз резкими движениями туда-сюда чиркнул по краю лезвия литовки.

- Вот, теперь порядок, как бритва будет резать!
- Спасибо, проверим.

На обед разместились в тени развесистых берёз, которые плотной листвой пре-

граждали путь солнечным лучам. Несмотря на жаркий день, здесь было свежо и комфортно. Даже комары, которые назойливо липли к открытым частям тела, были вынуждены улетучиться, после того как Николай Андреевич развёл небольшой костерок.

– Чаёк на покосе – первейшее дело, без него никуды, – приговаривал он, подбрасывая сухие сучки в костёр. – Счас мигом будя готов. Дим, поди-ка на бязозах чагу пошукай, царскую заварочку сделаем. Шиповник с чагою – пользительная штука.

– Давайте, мужики, кушайте, что бог послал.

На серой полотняной старенькой скатёрке, как в гнезде, кучкой лежали с десятком варёных яиц, картошка в мундирах. На большом капустном листе, как на тарелке, красовались бело-румяные плоские кусочки нарезанного соленого сала, в невысоком тuesке, напоминающем кастрюльку, возвышался горкой, как комковой сахар, творог, политый сметаной. Кучкой лежали пузатенькие огурцы, а с ними – укроп и зеленый лук.

– Сейчас за едой и проверим, кто как работал.

– Мам, ты бы ещё до вечера нас не кормила, потом проверила.

– Вот бесстыдник! Разве я тебе не предлагала кушать?

– Зараз видно: проголодался внук. Поработал.

– Он молодец, – похвалил Димку Семён. – Ни минуты покоя мне не давал. Того и гляди, пятки сзади отхватит, еле ноги уносил от него. Молодец.

– Вот вам, пожалуйста, факт налицо. Человек потрудился, нагулял аппетит. Тут, как говорится, и крыть нечем, – попытожила Надя.

– Деда, дед, чай в котелке закипел.

– Я зараз заварю.

– Ладно, сиди я заварю.

– Внучек, только чаги дюже много не клади.

– Деда, знаю я. Первый раз что ли? Смородинки немного добавлю, на ключике сорвал.

– Ото хорошо, добавь, ароматнее будя чай

Взяв кусочек сала и прожевав его, Семён удивился:

– Надюш, что, свежее посолили?

– Да нет, ещё с осени. Мама для покоса всегда бережёт.

– Удивительно, вкус да и вид сала... будто свежее, только что посолили.

– Семён, тятя солит сало не так, как в Сибири.

– Интересно, как ещё сало можно солить?

– В Белоруссии, как только засвежуют поросёнка, парное сало сразу солят в деревянной бочке, затем, опустив в погреб, прижимают его тяжелым гнётом. Сало само по себе даёт рассол, в этом рассоле под гнётом оно всё время и хранится, поэтому всегда крепкое, сочное и вкусное. А у нас здесь, сколько раз доводилось видеть, солят сухим посолом, без рассола. Поэтому оно, особенно толстое сало, к лету становится мягким и желтеет. У него совсем другой вкус.

- Ишь ты! Хорошо придумано – очень вкусно!
- На покосе косари без сала, я скажу тебе Семён, шо кони без овса. Силы ни у тих, ни у других не будя, чем их не корми. Почему завсегда к покосу сало и припасают.
- Ваша правда, Николай Андреевич. Я тоже помню с молодости: у нас в деревне что на сенокосе, что в тайге, – без сала никуда. Но вот такого вкусного летом не доводилось есть. Спасибо, очень понравилось. Вкусно. Дима, тебе особое спасибо за чай. Давно лесным чайком не баловался.
- Ну ладно, коли отобедали, давайте отдыхать будимо. Нехай жирок малость завяжется, та жара маленько спадёт.

Николай Андреевич расстелил у комля березы свой старенький, потёртый зипунишко, примостившись на нём, стал дремать.

- Правильно, деда, я, пожалуй, тоже вздремну. Может и желание косить пройдет, – пошутил Димка. – Мам, если с дедом заснём, ты нас не буди.

Дед, не открывая глаз заулыбался и обронил: Вот шельмец, так шельмец.

- Весь в деда, – добавила Надя.

Семён, лёжа на боку, сам не прочь был вздремнуть. Расслабленное тело обмякло, глаза непроизвольно слиплись, но он сопротивлялся этому состоянию. Ему очень хотелось поболтать с Надеей. А вышло так, что пока она убирала еду, а потом ненадолго отлучилась, сон мгновенно свалил его.

Очнулся Семён от каких-то голосов. Оказалось, что это Николай Андреевич и Надя разговаривают у дороги с какими то людьми, подъехавшими на телеге. Ему стало не по себе.

- Ни хрена работничек! На отдых прибыл. Надо ж, как отрубился... Интересно, сколько проспал?

Небольшие прогалины в березняке, которые начали выкашивать после обеда, сплошь заросли густым разнотравьем. Правда, постоянно приходилось обкашивать кусты и берёзы, но это ещё полбеды. Больше всего неприятностей доставляло растревоженное в траве и кустарнике комарье да мошка, ополчившиеся всей армией на косарей. Смазанные дёгтем, открытые места тела в какой-то степени отпугивали кровососов, но должного эффекта не получалось. Постоянно приходилось останавливаться: отмахиваться, протирать глаза. И если взрослые как-то терпели, Димка то и дело высказывал недовольство.

- Ты, Митрий, меньше маши руками, тай не ругай их, они сердиться на тебя не будут. Видишь, я их хвалю, вони меня не трогают, – подшучивал дед.

– Их хоть ругай, хоть бей, одинаково. А тебя не трогают, потому что старый, невкусный.

- Ишь ты, нескусный, а ты, значица, скусный? Вот оно, дело, оказывается, в чём... Тогда терпи.

– Дим, иди я тебя ещё дёгтем помажу, – позвала мать

– Мам, да всё равно толку никакого не будет, хоть мажь, хоть не мажь.

– Иди, иди, будет толк. Почаще надо мазаться. Потерпи, сынок. В березняке скоро управимся, пойдём на поле. Там этой своры меньше будет. Потерпи.

- Мам, да ладно тебе, что я маленький? Поди не съедят. Потерплю.
- Давай, давай за ушками и уши немного смажу. А то уже как лопухи висят.
- Ничего, не отвалятся.
- Может, тебе косынкой лоб и уши завязать?
- Нет, мам, не надо. Сильно жарко.

Косить закончили в половине восьмого вечера.

– Хватит, намахались, – обрубил Николай Андреевич. – Пожалуй, по нынешней траве коровёнке хватить. Потом ещё по мяжам пройдем, а то и в березняке можно пошукать. Лишь бы дождя не было.

- Мам, давай что мне нести, я сразу пойду. С пацанами маленько поиграю.
- Сынок, ну какие игры? Устал же.
- Я недолго.

– Тогда возьми сетку и бидончик, остальное мы заберём.

– Доня, вы идите, а я по логу пройду. Под санки новые полозья из бярозки пошукаю. Потом, ежели Филька на машине за сеном приедет, заодно и их привязём чтобы не тащить.

- Николай Андреевич, может, я Вам помогу?
- Нет, Семён, не надо. Я ведь только заприметить хочу, чтобы потом не искать.
- Ладно, тятя, мы тогда пошли.
- Ступайте, ступайте.

Хотя солнышко было ещё высоко и чувствовалась жара, но поднявшись из лога на пригорок, Надя с Семёном сразу почувствовали свежесть и лёгкий ветерок.

– Как хорошо, вот так бы на покосе было. Коси – не хочу, одно удовольствие. Правда? – Надя, улыбаясь, заглянула в глаза Семёна. Он ответил ей улыбкой.

– Устала сильно?

– Если откровенно, устала, – призналась она.

– Семён, действуй. Действуй, не робей, – твердил ему внутренний голос. Сейчас или никогда!

– Надя...

Семён встал впереди её, словно загораживая от яркого солнышка. Снял с плеча литовки.

... Послушай, Надюша...

Она, наклонив голову, улыбаясь пристально смотрела на него. У Семёна затряслись губы, спазм сдавил горло.

– Ну же, Семён, действуй! – требовал, нет, кричал его внутренний голос. – Действуй!

... Надя, я хочу сказать тебе очень важное... – силно промямлил он. – Важнее ничего в жизни у меня не было. Ты – самая, самая лучшая. Ты... Ты... В общем, знаешь, как тебе сказать... Я очень привязался к тебе, детям. Надя, выходи за меня замуж. Поверь, у меня никогда в жизни не было таких чувств. Я не знаю, что со мной происходит. Как только первый раз увидел тебя, никого кроме тебя не вижу, не слышу...

– Семён...

– Подожди, Надя... Прости, пожалуйста, но я соврал, что мне в Моршанске не климат. Мне вообще не надо было отсюда уезжать. Но я думал: уеду – всё пройдет. Мало ли хороших и красивых женщин на свете... Но ошибся. Никак тебя забыть не мог, вот и вернулся.

– Семён... – Надя попыталась его перебить

– Надюша, прости пожалуйста. Дай выплеснуть душу. Сил нет боле носить в себе! Наденька, уверяю тебя, я буду хорошим отцом твоих детей. Я искренне любил их всей душой, так же, как тебя. Дай мне возможность доказать это. Ты – единственная, с кем я хочу прожить жизнь.

– Семён, Семён Васильевич, дорогой... – дрожащим голосом произнесла она.

– Спасибо тебе за тёплые, нежные, добрые слова. Так всё неожиданно, нежданно. Прости, пожалуйста. Давай как-нибудь в следующий раз поговорим. Я не готова к такому разговору. Прости, пожалуйста. Прости и не сердись.

– Надя, Надюша...

Весь оставшийся вечер признание Семёна не давало ей покоя. Лежа в постели, она ещё и ещё слово за словом прокручивала в голове услышанное. Семён нравился ей своей сдержанностью, степенностью, основательностью...

– Хороший он, конечно, человек. Что тут скажешь...

Но она никак не могла его представить в качестве мужа:

– Господи, а как же Гриня? Что подумает он? Как же я буду жить с чужим человеком? А дети? Что они скажут? Дяденьку чужого вместо отца привела? Нет, нет. Это невозможно! Как это? Выходит, я должна отказаться от Гринечки? Нет!

Чужой папка...

Она на миг представила рядом с собой Семёна. От этой мысли у неё непроизвольно со стоном вырвалось:

– Нет, нет!

Села на кровать, посмотрела на детей.

– Слава Богу, спят. Спят, мои родные. Нет. У них был и есть один папка. И никто нам не нужен. Господи, да что это я всполошилась? Себя извожу. Жили и будем жить. А Семён себе помоложе найдёт, без детей. Такие мужики на дороге не валяются. Пускай свою семью заводит. Вон сколько баб незамужних, одиноких, которые ему ещё детишек нарожают.

На работу утром Надя сознательно ушла пораньше, чтобы не встретиться с Семёном. Ей было откровенно неловко и очень жаль его. Надя не знала, как и какие найти слова, чтобы не обидеть Семёна. Днём на работе она об этом хотела поговорить с подружкой Зинкой, но передумала.

– Нет, у Зинки обязательно с языка сорвётся. Зачем же я Семёна обижать буду? Поговорю с Клавой Симаковой, она мудрая женщина и не болтушка. Вечером после работы забегу к ней.

Клава в огороде поливала грядки. Увидев Надю, поставила ведро, пошла ей на встречу.

- Здравствуй Надюша. А я тебя вчера ждала. Думала, в выходной забежишь.
- Какой выходной? Мы целый день на покосе провели.
- Что так рано начали косить?
- Ты знаешь, трава нынче очень хорошая.
- Много скосили?
- Да почти все делянки. Осталось немного по межам.
- Ух ты, молодцы!
- Так в четыре литовки косили.
- Семён, поди, помогал?
- Да. Тятя с Димкой и Семён. Вот и управились быстро. Правда, комары с мошкой, проклятушие, замучили. Тучами кружат. Посмотри: руки поискусали, живого места нет!
- Ну что ты хочешь? Лето тёплое, дождливое, для них самая благодать.
- А мы, наверное, дня через три начнём косить. Сергей в отпуск пойдёт и Володя обещал с Красноярска приехать.
- Слушай, Клав, поговорить надо...
- Что случилось?
- Да нет, славу Богу, все нормально. Просто разговор есть, хочу с тобой поговорить.
- Не торопишься?
- Да нет.
- Тогда подожди, я грядки дополиваю.
- Давай помогу, что я истуканом стоять буду?
- Нет, Надя, ты иди зелени сорви и картошку почисти. В поварне в ведре лежит. Поужинаем, заодно и поговорим раз не торопишься никуда. Давай, а я мигом управлюсь и покалякаем.
- Управившись по хозяйству сели за стол.
- Слушай, Надюша, а давай по рюмочке винца выпьем, а? Месяца полтора бутылка портвейного стоит. Вовка привёз, того и гляди скваситься. Давай гульнём.
- С удовольствием, – согласилась Надя.
- Наполнив рюмки, Клава предложила выпить за детей.
- Давай за них, Надюша. Самое большое и главное наше с тобой богатство. – и выпив, добавила, – Ваньку с Серёжкой так, наверное, и не женю. Бобылями до старости ходить будут, девок как кур щупать. У кого не спросишь, давно поженились, внуков нарожали. А мои всё ходят, зубоскалят. Так, наверное, бабушкой никогда и не стану, помру, внуков не дождавись. Вовка бы хоть женился.
- Клава, как он там?
- Пока слава Богу. Сейчас на практике. Потом защита диплома.
- Молодец Вовка.
- Да пока, Надя, грех жаловаться.
- Вот и хорошо. А бабушкой, не торопись, ещё успеешь стать. Какие твои годы? Вот как женятся да родят враз, тогда узнаешь, какова бабушкина доля.

– Твои бы слова Надька, да Богу в уши. Николай живой бы был, он бы их вмиг пережил. Ладно, Вовку не тронул бы – он учится. А Ваньку с Серёжкой точно бы женил.

Она молча наполнила рюмки.

– Давай наших мужиков помянем. Видишь, как жизнь распорядилась... Твой Гриша моего Колю похоронил, а мне пришлось Гришу хоронить. Твой-то хоть дома, в нашей земельке лежит, а мой соколик на чужбинушке. Поди и могилки давно нет, с землей сравнили... Давай помянем. Царство им небесное. Вечная память.

Помолчали.

– Я вот всё сыновьям говорю: может какие законы есть? Отца бы с Германии перевезти, да здесь перезахоронить.

– Кто его знает, Клава? Может и есть...

– Вовка приедет, не забыть напомнить ему. Пускай в Красноярске узнает, там наверняка знают. Ладно, что мы заладили о грустном? Ты с чем пришла-то?

– Клав. Прямо и не знаю с чего начать...

– Во те раз! Пришла поговорить, но не знаю об чём?

– Подожди, Клава, не торопи меня.

– Не торопить, так и не буду. Давай тогда ещё по рюмочке. А? За нас, давай? Гулять так гулять!

– Клав, только маленечко. Я, правда, совсем пьяная стала.

– Вот и хорошо, значит язык развязался, всё без утайки расскажешь, зачем пришла. Давай за нас, за нашу бабью долю.

– Клав, ты знаешь, мне вчера Семён предложение сделал.

– Какое?

– Клава, какое предложение может сделать холостой мужчина женщине?

– Да ты что? Вот это да, Надюха. А я это заметила ещё на пасху, когда у вас были, он глаз с тебя не сводил – нравишься ты ему. И что ты от меня, подружка, услышать хочешь?

– Клава, ну как что? С кем мне ещё посоветоваться, поделиться, если не с тобой?

– Ладно, ладно, не горячись, это я так... Сама-то что думаешь?

– Ой, Клава, всю ночь не спала, голова кругом. Жила спокойно, об этом не думала и не помышляла. А тут на тебе! Нет, ничего у нас с ним не получится. Нет, Клавочка, ему здесь местечка. Нет! – Надя приложила руку к сердцу. – И не то, что я имею какие-то претензии против Семёна. Боже упаси! Наоборот, мужик он правильный, порядочный и видный. Не в этом дело, Клава. Гриня здесь как был, так и остался! – Она опять прижала руки к груди.

– Знаешь Надя, конечно насильно мил не будешь и сердцу не прикажешь... Но ты далеко не девочка. И здесь «любишь – не любишь» может ни к чему? О жизни надо подумать. Что, вот так одна будешь дениночно пластаться? Может пришла пора подумать о себе, не говоря уже о детях? В семье без мужика хоть крути, хоть верти, а как говорить и ни туды и ни сюды. Мужик он и есть мужик, об этом

нужно думать. А если что не так поначалу будет, так пооботрётся, свыкнется, стерпится. Не ты первая, не ты последняя. Семён мужик стоящий, добрый, работающий. Сама говоришь, видный. Таковую жизнь повидал, а нисколько не озлобился... Любит он тебя. Вон как поступил! Сама говоришь: уехал и вернулся. Разве там баб мало? Любит значит! И дети твои к нему липнут, как к родному. А Гриша... что Гриша? Его, как и моего Коленьку, не вернёшь, не воскресишь. Не знаю, Наденька, не знаю. Тебе жить, тебе решать. Я всё сказала, что думаю.

– Клав, но ты ведь не вышла замуж?

– Ой, Надька, Надька... Ты меня не ровняй. Мне, слава Богу, сколько годков, пора уже о Боге подумать, а не о замужестве.

– Клава, но ведь тебе, когда Коля погиб, было чуть больше моих годков, однако не вышла.

– А ты забыла, какие у меня дети большие были? Не твоим чета.

– Так и у меня теперь не маленькие, Клава.

– А может, мне тогда никто и не предлагал замужество, потому и не вышла.

– Ой, ли Клава? Так и никто не предлагал такой красавице?

– Надька, не заводи рака за камень. О тебе речь идет. А мне теперь дай бог сыновей женить да до внуков дожить. Ты Семёну-то что ответила?

– Клава, что я могла ответить? Всё произошло как гром среди ясного неба. Будто ушат холодной воды в жару на меня вылил. Очухаться по сию минуту не могу.

– И всё же, что сказала?

– В общем, сказала, что всё неожиданно. Извинилась перед ним и сказала, что потом поговорим.

– Правильно сделала.

– Что же, на шею ему надо было броситься?

– Нет. Всё правильно. Молодец. Гордость бабью надо блюсти. В общем, подружка, я тебе своё мнение сказала. Решай, тебе жить.

– Клав, я себя на миг не могу представить с другим мужиком. Вот не могу и всё. А как тогда жить? Обманывать его и себя? Ну ладно себя, а его за что? Он-то со всей душой...

– Ты вот что, Надюха, не торопись. Не горит. Хорошенько подумай. Всё взвесь.

– А детям Клава, что сказать? Как им объяснить? У них отец с языка не сходит. Ладно Ванюшка, тот отца не помнит. А Наташке, и особенно Димке что скажу? «Вот дядя Семён, теперь он ваш папа»?

– Надя, ну не так же с бухты-барухты, как ты говоришь. Пусть, может в начале как-то издали с ними поговорят дедушка с бабушкой... так мол и так. Столько лет мать одна живёт, тяжело ей. Отца не вернёшь, что ж одной мыкаться? Дядя Семён вас любит. Ну в общем, что я тебе размусоливаю? Николай Андреевич с Прасковьей Петровной найдут, что внукам сказать, не сомневайся.

– Клав, я к тяте с мамой не знаю с какой стороны подойти.

– Господи, что ты несёшь, Надька? Скажи как есть. Тут и гадать не надо. Я ни грамма не сомневаюсь, что родители тебя поддержат. Тем более, что речь о Семёне идёт.

– Не готова я, Клава, ко всему этому. Не готова.
– Так тебя никто и не торопит.
– А что я Семёну скажу? Он ведь ответа ждёт, надеется.
– Не торопись, подождёт. Никуда твой Семён не денется.
– «Твой Семён». Легко тебе сказать, Клава. Даже думать боюсь об этом, не то что сказать.

– Короче так, девка, думай, думай и ещё раз думай. Не мне жить, тебе. Гляди, чтобы потом пожалеть не пришлось, под старость одной куковать. Дети вырастут, разлетятся, у них своя жизнь будет... Как знаешь, так и решай. Мне более добавить нечего.

– Ладно Клава, спасибо за ужин, за добрые слова. Пойду я. А то дома поди потеряли.

– Может маленько выпьем, на дорожку.
– Нет, Клавочка, спасибо. Я и так уже пьяная. Чего доброго, по дороге скоптыюсь, не дойду.

– Будет тебе глупости наговаривать. А упадёшь, Семён найдёт и такую подберёт.
– Подберёт ли?

– Подберёт Надюха, подберёт. Ты у нас ещё баба в соку. Всё при тебе.

– Ну, Клавка, напоила, накормила, ещё и рассмешила.

Постояв, обнявшись и насмеявшись вдоволь, расцеловались.

– Побегу я, Клава, побегу. Спасибо тебе.

– Ну, с Богом. Ребятишек поцелуй. Ой, подожди, Надя, совсем забыла. Подожди. Я сейчас.

Вернувшись из дома Клава протянула гостинец.

– Вот, возьми ребятишкам ириски, давно хотела угостить.

– Спасибо.

– Пока, Надюш, пока. С Богом. И не тяни, с родителями поговори.

Который день Надя обдумывала предложение Семёна, понимая, что он мучается и ждёт от неё положительного ответа. Его внимание и отношение к ней вызывало у Нади двойное чувство. С одной стороны, оно ей льстило и тешило женское самолюбие. Более того, Семён, как человек вызывал уважение и определённые симпатии.

– А, что – рассуждала она, – он совсем ничего, вполне симпатичный мужик и статью вышел. А силищи в нём, по-моему, мерено – не мерено. И женатым не был. К ребятишкам, как к родным относится, да и они в нём души не чают... Что тебе ещё надо? – задавала она себе вопрос. – Своим-то выводком берёт в жёны... Ему, пожалуй, и молодая девка не откажет, а ты ещё кочевряжишься... И тут же себе отвечала: Ну, а что делать, если нет ему места в моем сердце? Нет, и всё тут. Жить как с постояльцем, квартирантом? Мучить себя и его, притворяться? А может Клава права, свыкнется, стерпится, перемелется? А если нет? Ради детей. Так она сама же говорит, глазом моргнуть не успеешь, разлетятся кто куда, у них своя жизнь будет... Не знаю, не знаю. Голова кругом. Может всё-таки с мамой поговорить? Хотя, что

это изменит? Все равно решать самой придётся... И тем не менее, поговорить с мамой надо, – твёрдо решила она. – Мама худого не пожелает.

Вечером, придя с работы, Надя улучила момент, когда отец пошёл к соседу, старику Хромову, пришла к матери.

– Чай будешь пить? – предложила Прасковья Петровна.

– Нет, мам, спасибо, я уже повечеряла.

– Ну, гляди, як знашь.

– Мам... – Надя подвинула табуретку к матери, села

– Стряслось что, доня?

– Да нет, мама, ничего не стряслось. – И улыбнувшись, добавила, – Хотя как знать, может и стряслось.

– Господи! – всполошилась мать.

– Да нет, мам, всё хорошо. Разговор к тебе больно душевный есть.

– О Господи! Доня, лихоманка с тобой хватит. Напужалась до смерти.

– Вот какое дело мама... – Надя взяла мать за руки, – Семён сделал мне предложение, мама, выйти за него замуж.

– О боженька ж мой! Як так? Шо же яму ты ответила?

– Пока ничего. Вот к тебе пришла поговорить, посоветоваться.

Мать подняла голову, внимательно посмотрела на Надю. Сделала многозначительную паузу.

– Он мужик справный и по всему видно хозяйственный, холостой. Пошто за такого не выйти?

– Мам, правильно ты сказала, холостой. Ему нужна одинокая, молодая женщина.

– А ты ужо себя в старухи записала?

– Да нет, не в этом дело, мама. Я имею в виду детей, которых она ему нарожает, свою заведут семью. Зачем ему мой выводок?

– Да и ты ещё не стара, родить ему можешь. А дети... что дети? Они у тебя уже больши, завядёте маленьких, совместных. А к твоим он как к родным относится. Наташка с Ванюшкой вон как возле яво вьются. И Димка не отходить.

– Мам. – Надя вздохнула, сделала паузу. – Человек он хороший, думаю, что и мужем хорошим будет. К детям внимательный. Ничего не скажешь.

– Так шо ж тут думать? К тебе вон як относится, – дышать на тебя боится. Я это давно заприметила, тильки помалкивала. Любит он тебя.

– Мама. – Надя опять вздохнула, помолчала. – В этом, мама, всё и дело. Он любит, а мне он чужой. Я с большим уважением к нему отношусь.

– Доня, сколько на свете людыней, так живуть и хорошо живуть. По ранешним временам так родители у дытын не спрашивали, любишь, не любишь. Благословляли и всё. Не чета нынешним. Люди свыкались и жили, душа в душу. А без мужика, знамо дело, дом сирота. Сколько водна жилы тянуть будешь? Мы ужо с дедом стары, того и гляди, на погост угодим.

– Мамо. – Надя прижалась к матери. – Всё ты говоришь правильно. Какой день я обо всё этом думаю, места себе не нахожу. С Клавой разговаривала, она так же говорит.

– И правильно, доня, говорит, шастая к тебе само в руки идёть. Как же от яво отвертываца?

– Не знаю, мама, не знаю. Будто рядом Гриня стоит. Он всегда со мной.

– Донечка, скильке же можно убиваться по нему? Яво не возвернёшь. Мы ж его усе любили, но его не воскресишь.

– Мама, понимаешь, нет в моём сердце места никому, кроме Гриши. Зачем такого доброго, хорошего человека буду вводить в заблуждение? Брать такой грех... Столько годков прошло, как нет Грини, а никак не могу его забыть. Так, наверное, и помру с ним. Мама, и дети... Одно дело, как они сейчас относятся к Семёну, и неизвестно, что будет, если я за него выйду замуж. Редкий день проходит, чтобы они отца не вспоминали.

– Доня, дети воны и есть дети. Шо вони в жизни разумеют? Пошто на них смотреть, ровняться? Для них же лучше будет, пушай и не родной отец. Сама говоришь, что большие, выросли. Отцовский догляд им нужен счас как никогда.

– Так-то, мама, так. Вот только Димка Семёна как старшего, мудрого друга, товарища воспринимает. Другим он для него не может быть, тем более заменить отца. Он с этим не смирится, мама, никогда и мне не простит. Я хорошо сына знаю. Я заметила, что он, взрослея, всё чаще вспоминает отца, проявляет к нему любовь и глубокое уважение, стал подражать во многом Грине. Нет, мама, Димка с этим не смирится.

– Доня, скилько людыней сходятся с детьми и живут... свыкаются.

– Всяко, конечно, бывает в жизни, мама, всяко.

Мы тебя, доня, с отцом неволить не будем, и дурного не пожелаем. Одно скажу: Семён мужем хорошим будя и внуков наших заbijать не будя. И тебе легче жить будя с ним. Об этом ты подумай хорошенько. Будя одной как кукушке куковать. Стилько рокив прошло, а всё одна.

Скрипнула дверь. Вошел Николай Андреевич и радостно сообщил.

– Ну, слава Богу! Фильку встретил, сговорились: завтра обещал, у вчера сено на машине привязти. Ты, Надежда, с работы никуда не заходи, зараз домой. Даст Бог, управимся. Я и Семёна уж попросил, сказал поможе. На сеновале я крышу починил, туды и стаскам сено. Погода, даст Господь, постоить, дождя не будя.

– Ладно мама, я пойду.

– Ну, иди, иди, та хорошенько подумай.

– Подумаю, подумаю.

– Так ты завтра, доня, про сено не забудь.

– Хорошо, хорошо, тятя, не забуду.

Вечером, лежа в постели, Надя приняла твёрдое решение завтра обязательно объясниться с Семёном. Однако, провозившись с сеном до полночи, она поняла, что буквально валится с ног.

– Ладно, ничего не случится, найду время поговорить.

Уткнувшись в подушку и расслабившись, она почувствовала, как ноют руки и поясница.

— Господи, как же им не нуть? Целый день с мастерком, раствором, а тут ещё и сено. Наворочалась с вилами, спасибо, Семён помог, иначе до утра бы пурхались. Да, наверное, мама с Клавой правы, сколько можно одной ишачить? Ни дня отдыха. Работа, работа одна работа. Никакого просвета. — Надя, наверное, впервые после смерти мужа пожалела себя. — То одно, то другое, и всё одна. Гринечка оставил меня, сам лежит-полёживается, а я хлещусь, как рыба об лёд...

Ком горечи подкатил к горлу, слёзы неудержимо бежали на подушку.

— Господи, чем я так провинилась перед тобой? За что отнял у меня Грину? — перестав, наконец, плакать она повернула подушку.

— Совсем баба рехнулась, — упрекнула она себя. — Да разве же сейчас тяжело? Ты забыла, когда дети были маленькими, и ты одна-одинёшенька была. А сейчас уже сын скоро мужиком станет. Вон, как заправский мужик деревянными вилами орудовал, укладывая сено. Ванюшка и тот уже настоящий помощник. Мама с тятей рядом. Проживём. Хуже во сто крат было. Гринька бы на детей посмотрел. А может он всегда рядом, только мы его душу не видим? Если не так, почему я его всегда чувствую? Конечно он рядом с нами. С нами, с нами...

Силы её окончательно покинули. Сон сковал мысли. Лишь губы несколько раз прошептали невнятно: Гри... Гри, Гри...ня.

Встреча с Семёном произошла в обеденный перерыв совершенно спонтанно. Хотя может и не совсем так, Надя сегодня сознательно пошла обедать в столовую, рассчитывая, что Семён там может оказаться. Ещё рано утром она твёрдо решила окончательно расставить точки в их отношениях.

— Хватит мужика за нос водить, он этого не заслужил.

Войдя в столовую, она сразу увидела Семёна, стоящего в очереди и выделявшегося своим ростом. Да и он её тут же заметил.

— Надя, Надюш, — позвал он её. — Иди сюда, я занял на тебя очередь, — слукавил он во всеуслышание, чтобы стоящие в очереди не роптали на Надю.

За обедом они болтали о всякой всячине. Посмеялись, вспомнив вчерашний вывоз сена, как Семён бастрик затягивал и оборвал верёвку, а затем с воза полетел, когда привезли сено.

— Я думала ну всё точно ноги переломаешь.

— Да я и сам напугался. Машину неожиданно так резко качнуло, опомнится не успел. Но всё обошлось, приземлился удачно... Ты поди устала вчера?

— Ой, не говори, еле до постели добралась. Сил никаких. Думала, утром не поднимусь. Рукой, ногой шевельнуть не могла. А ты-то сам как? Поди, тоже умаялся. Замордовали мы тебя своими просьбами.

— Да нет, для мужика что? Привычное дело. Мне в радость вам помочь.

— Хорошая радость — мантулить.

— Надь, на полном серьёзе говорю. Ты же знаешь моё отношение к тебе и детям. Да и не в этом даже дело. Почему не помочь? Ничего особенного. Всё равно бездельничаю после работы.

— Спасибо, Семён, но мы, правда, злоупотребляем твоей добротой.

– Зря ты так думаешь. Хоть какую-никакую пользу приношу. Обыкновенные житейские мелочи – не больше. Надя, ты что вечером делаешь? Может, в кино ходим? Говорят, хороший индийский фильм «Бродяга» идет. Давай ходим, очень прошу тебя.

– Хорошо. Только купи билеты на последний сеанс. Я раньше не успею.

– Прямо сейчас зайду куплю, мне по пути мимо клуба. В мехсах пойду, скобы надо заказать. Надюш, а где встретимся?

– Давай прямо у клуба перед сеансом. Я к сестре Катерине хочу зайти.

– Ладно, я там тебя буду ждать. Пока, до вечера.

– Вот и хорошо, что так само собой получается, – радовалась она, возвращаясь с обеда. Вечером, после кино обо всём поговорим.

Фильм «Бродяга» оказался на редкость душевным и трагическим. Надя, сочувствуя герою фильма, как впрочем и подавляющее большинство сидящих в зале женщин, несколько раз всплакнула во время сеанса. Семён попытался взять её руку, тем самым выразить свое сочувствие, но Надя тут же её аккуратно высвободила из его ладони. Выйдя из клуба, шли молча, словно загипнотизированные увиденным в кино.

– Господи, сколько живёт несчастных людей на земле, – обронила Надя. – Свои беды кажутся мелочью.

Семён нежно взял Надю под руку, прижавшись к ней.

– Надя, у тебя есть возможность, одного из этих несчастных сделать самым счастливым человеком на свете.

Наступила пауза.

– Семён.

Надя остановилась. Аккуратно высвободила свою руку и тут же, взяв Семёна под руку, увлекла его вперёд.

– Семён. Все эти дни я очень много думала о твоём предложении и наших отношениях. Признаюсь, ты очень мне нравишься. Ты, правда, очень хороший человек. Поверь, говоря об этом, нисколько не лукавлю. Это правда. Мои родители и дети тебя очень любят.

Спасибо тебе огромное, что ты делаешь для нашей семьи. – Она сделала паузу, боясь, наверное, сказать самые главные слова. Молчал и Семён, будто ждал, какого-то страшного приговора.

– Сенечка. Прости меня, но я не могу ничего с собой поделать. Ты хороший, ты очень хороший. Но я не могу обманывать ни тебя, ни себя. Я не могу расстаться с Гришей. Не могу. Ей-богу не могу. Поверь. Не остыло мое сердце. И с этим ничего поделать не могу. Прости меня, пожалуйста. Очень прошу, прости. Я понимаю, как тебе делаю больно, но ничего с собой поделать не могу. Обманывать тебя и себя я не в силах...

Она остановилась, глядя ему в глаза.

– Прости, пожалуйста, если сможешь. Не таи на меня зла. В этом ни ты, ни я не виноваты. Найдёшь ещё себе молодую женщину, которая нарожает детей, за-

ведёшь семью. Всё у тебя сложится хорошо, вот увидишь. А мы будем добрыми, хорошими друзьями.

— Надя. — Он взял её за руки. — Надя, незачем у меня просить прощения. Твоей вины здесь нет. Это ты меня прости. Привязался, как банный лист. Но я действительно полюбил тебя, и кроме тебя мне никто не мил. Я буду ждать, сколько надо, сколько скажешь, буду ждать.

— Сенечка, всё пройдёт, вот увидишь. Встретишь свою суженную. Обязательно встретишь

— Надя, ты так ничего и не поняла. Да не надо мне никого. Ты — моя жизнь. С тобой все мои надежды. Я понимаю тебя: насильно мил не будешь. Но я буду ждать. А коли не судьба, значить не судьба.

Она взяла его опять под руку.

— Пошли.

Они долго молчали. А может, радовались в душе хотя бы тому, что наконец выплеснули свои сокровенные чувства. Хотя чему было радоваться? Надя испытывала чувство вины перед этим добрым, ни в чем не виноватым мужчиной, а он — горечь от несбывшейся надежды. Попробуй, рассуди, кто здесь виноват, кто прав. Жизнь... У нее свои законы, свои правила игры. Хорошо, наверное, хотя бы то, что люди умеют найти в себе силы сказать друг другу правду. Пусть даже горькую, но все же правду. И это немало.

ГЛАВА 30

РАДОСТЬ СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ

Прошло почти два года после этого разговора Нади и Семёна, но в их отношениях так ничего и не изменилось...

Вернувшись с работы, Семён сразу пошёл париться в баню, которую истопила бабка Шалажиха. Правда, от той бани, в которой Семён мылся первый раз, остались разве что одни воспоминания... Семён ещё в прошлом году разобрал старенькую развалюху и построил новую. Бабка Шалажиха давно забыла свои наказания о том, что разрешит Семёну квартироваться у неё только до ближайшей осени. Более того, учитывая все преобразования, которые проделал Семён в её усадьбе, она ещё год назад как-то за ужином сказала:

— Боле брать денег с тебя за квартиранство не буду. Я, Семён, Бога гневить не хочу. Сколько ты здесь всего переделал, мне уже пора тебе платить. Живи сколько Богу угодно. А помру, так твоё пушай всё и будет. Мне некому это богатство беречь...

Напарившись, Семён сидел в прибаннике, пил сыворотку с натёртой редькой и луком, которую приготовила старуха. Рецепт этого напитка он ещё в детстве унаследовал от матери и считал его очень полезным для здоровья.

— Дядя Семён, дядя Семён! — услышал он крики с улицы.

Набросив поверх нательного белья телогрейку, вышел.

— Дядя Семён...

- А, это ты Дима, заходи. А я вот сегодня банный день устроил. Будешь париться?
– Нет, спасибо. Мы с дедом два дня назад ходили в баню.
– Ну заходи.
– Нет. Я что пришел? Через два дня у меня выпускной вечер в школе, вот, хотел пригласить.
– Спасибо, уважил. С большим удовольствием приду. А мама будет?
– А как же! Я и хотел чтобы вы вместе были и ещё тетя Клава.
– Буду, Дима, обязательно буду. Спасибо.

Семён был безмерно рад приглашению. Для него этот вечер был огромным подарком судьбы. Впервые в жизни он присутствовал на таком торжестве, где было столько нарядных, счастливых людей. Выпускной бал в его воображении представлялся некой волшебной сказкой. Правда, будучи ещё за колючей проволокой в Норильске, он как-то наткнулся на небольшую книжонку, герои которой были участниками школьного бала. Семён тогда, мечтая о семье, на минуту вообразил, что его сын или дочь – выпускники, и они с женой участвуют в этом торжестве.

– Что же, Семён Васильевич... Пусть, конечно, не совсем так, как ты мечтал, но, тем не менее, твоя мечта сбылась. Ведь Димка тебе стал почти как сын. А Надя... что Надя? Она рядом, я её вижу, слышу, общаюсь почти каждый день, и этому рад.

На вечере Надя была в белоснежной кофточке, плиссированной синей юбке и черных модных туфлях, застёгнутых тоненькими ремешками. С её лица не сходила сияющая улыбка. Шутка ли – сын закончил десятилетку!

- Ты настоящая принцесса, – сделал ей комплимент Семён.
– Да ну тебя, скажешь тоже, принцессу нашёл. Это ты сегодня у нас весь из себя. Семён и впрямь выглядел элегантно в темно-синем бостоновом костюме, сшитом год назад местным старичком-портным.
– Надюш, я правда старался. Как можно быть другим с такой королевой? Надя залилась смехом.
– Ну спасибо, Василич, не знала, что так быстро можно превратиться из принцессы в королеву. Уважил. – И еще громче рассмеявшись, неожиданно попросила.
– Приглашай тогда на танец королеву.

В зале из старенькой радиолы «Урал» доносилась мелодия вальса «Дунайские волны». Семён растерялся.

- Надя прости, но я не умею. Никогда не танцевал.
– Ничего, научимся. Пошли!
Она решительно взяла его за руку.
– Пошли, пошли, неумёха, научимся. Вот так, раз, раз, раз, два!
Семён тут же наступил ей на ногу.
– Ой-ё, он ещё королеве и ноги оттоптал!
Семён и вовсе растерялся, стал двигать ногами не в такт музыке.
– Господи! – смеялась Надя, – тебя и впрямь, как слона, с места не сдвинешь.
– Надя, давай не будем.
От напряжения у него на висках выступили капли пота.

– Будем, будем! Давай раз и два, так, так, так!

Он опять наступил ей на ногу.

– Надя.

– Давай, давай, – пыталась расшевелить его Надя, увлекая за собой влево, вправо.

Прервавшаяся мелодия для Семёна была как для тонущего спасательный круг. Надя пуше прежнего смеялась над Семёном, его неуклюжестью.

К концу торжества, подошёл Димка.

– Мам, мы всем классом пойдём на танцплощадку к клубу.

– Сынок, ты только долго не будь.

– Не беспокойся.

– Ну а мы ещё здесь побудем.

Возвращались домой со школы во втором часу ночи.

– Надюш, может ещё погуляем? Так хорошо... Ей-богу, так хорошо никогда в жизни не было! Пойдём до клуба пройдемся. Слышишь, музыка ещё играет.

– Ты что, меня на танцы приглашаешь?

– Да нет. Какой из меня танцор, сама всё видела. Просто прогуляемся. Посмотрим на ребятишек, как танцуют.

– Нет, Семочка, домой. Я правда устала, ноги не держат. Переволновалась, наверное. И поздно уже. Завтра на работу. Пойдём, пойдём. Проводи меня. Правда очень устала.

– Домой, так домой. – Семён взял её под ручку.

– Тебе правда понравился вечер?

– Надь, не то слово. А главное – я был с тобой.

– Семён, прошу тебя, давай об этом не будем, – и тут же добавила, – вечер действительно был неповторимым. Вот и сын школу закончил. Как один день годы пролетели. У него теперь новая жизнь начнётся. Честно говоря, я очень хотела, чтобы Дима военным стал, а он даже слушать не хочет.

– Надя, не надо его принуждать. Раз решил в политехнический, строителем стать, пусть так и будет. Самая нужная профессия на земле. Инженером станет, стройки кругом. У нас только в Орловке, Бородино, посмотри, какие стройки разворачиваются. Если откровенно, я одобряю димкин выбор.

– Ну ладно, вот и пришли. Спасибо тебе, Сеня, за вечер.

– Надь, это тебе спасибо. Помирать буду, не забуду его.

– Ой, Семён, Семён. Тебе ещё жениться надо, свадьбу сыграть. А он помирать собрался. – И, приподнявшись на цыпочки, чмокнула его в щёку. – Спокойной ночи.

– Спасибо Надя, спокойной ночи.

– Я утром тебя жду, вместе на работу пойдём.

– Ладно.

Проснувшись, Надя первым делом заглянула к детям. Димки не было.

– Господи, где он может быть? – И тут же успокоила себя – ну что ты накручиваешь, наверняка бродят ещё ватагой у озера на турбиной или у спаскоманды в

парке. А если не там, точно у друга Лёньки-Тузика дрыхнут на крыше. В любимом штабе, как они именуют свое пристанище. Где ещё ему быть?

Перед самым обедом неожиданно на работе появилась Наташка. Такое бывало часто, она забегала к матери по каким-нибудь пустякам. Более того, в прошлом году она все летние каникулы проработала у матери в подмастерьях, занимаясь покраской панелей и полов в здании рабочего общежития. В свои пятнадцать лет Наташка выглядела не по годам взрослой девушкой, а её уважительное отношение к старшим, общительный характер и привлекательная внешность позволяли быстро находить общий язык со всеми, кто её окружал. Натали, как её звали здесь, знали почти все работающие в ЖКУ. Первой заметила появление Наташки Надина подруга Зинаида.

– Ой, мать, смотри, помощница твоя пришла.

Надя, отложив кисть, пошла к дочери.

– Пойдем в коридор, доча, здесь от краски дышать нечем... Что, доченька?

– Мам... – Наташка замялась.

– Что-то случилось?

– Мам, Димку в милицию забрали.

– Как забрали? Какую милицию? Почему?

– Я не знаю. У нас была тетя Нина, Лёнькина мать. Сказала, что их забрали в милицию за какую-то драку.

– Господи, за какую ещё драку?

– Не знаю, мама. Дедушка уже пошёл в милицию.

– Ладно. Иди на улицу, там подожди меня. Я сейчас переоденусь.

В милиции Надя всего-то и смогла узнать, что ночью у клуба на танцплощадке была драка между местными поселковыми ребятами и фэззушниками, так в посёлке звали учащихся школы ФЗО, где обучались юноши по специальностям «Плотник-каменщик» и «Механизатор широкого профиля». На вопрос Нади: «Можно ли повидаться, поговорить с сыном?» в милиции ответили категорически: «Нет, вот когда разберёмся, тогда будет видно. А сейчас, гражданочка, нельзя».

– Как же так? – возмутилась Надя.

– Воспитанием сына, гражданочка, надо заниматься, а не задавать нам вопросы.

– Да он у меня...

– Знаем, знаем, – оборвал её молодой сержант.

– Мухи не обидит.

– Знаем. Вот мы и разберёмся. Если так, Вам и волноваться нечего за своего ангелочка.

К вечеру весь посёлок гудел, как улей: судачили, кто во что горазд. Одни говорили, что арестовали целых сорок человек, при этом утверждали, что драка была не на жизнь, а на смерть, что двух фэззушников забили до смерти. Надя целый вечер только и занималась тем, что ходила по домам Димкиных одноклассников, пытаясь хоть как-то разобраться в случившемся, но так толком ничего не узнала.

Произошедший случай тут же стал достоянием не только широкой обществен-

ности и милиции. Дело дошло до районных советских и партийных органов власти. Местная газетёнка, критикуя в своей статье руководителей школы ФЗО и общеобразовательной школы за слабую воспитательную работу, отмечала, что это не первый случай стычки местных поселковых ребят с учащимися ФЗО и призывала наказать виновников по всей строгости, чтобы не повадно было другим.

Через месяц состоялся суд. Открытое заседание районного народного суда проходило в поселковом клубе. Кинозал клуба был забит битком, будто в нём намечалось сногшибательное представление мирового масштаба.

Помимо официальных лиц и родственников подсудимых пришли друзья, десятка любопытных зевак. По делу проходило около тридцати человек. После трёхдневного заседания сторона обвинения, прокурор, попросил суд наказать зачинщиков драки в виде лишения свободы сроком на пять лет, а остальным участникам — от трёх до двух лет и условное наказание.

Несмотря на хорошую характеристику и старания адвоката, Димка Широков был осуждён на два года лишения свободы. Первоначальные обвинения в подстрекательстве доказать не смогли, тем не менее, его обвинили в нанесении серьёзных травм одному из пострадавших, который после удара Широкова упал и получил черепно-мозговую травму. При этом судья поставил Широкову в вину то, что он занимался боксом. Адвокат, в свою очередь, пытался убедить судей, что пострадавший первым со штакетиной в руках напал на Широкова, более того, ударил его по руке, о чём свидетельствует шишка на левой руке. Однако это во внимание не было взято.

В конечном итоге на разные сроки были осуждены одиннадцать человек, шестеро получили условное наказание.

Через несколько дней осуждённых привезли отбывать срок в лагерь заключённых на станцию Решоты, которая находится на границе Красноярского края и Иркутской области, недалеко от города Тайшет.

Могли ли предполагать когда-то Григорий Иванович Широков, и его брат Пётр, что их сын и племянник спустя много лет будет отбывать срок в лагере рядом с Гулагом? Но если отец и дядя отбывали срок как жертвы политических репрессий, то их сын, племянник угодил за решётку как хулиган. И только по прошествии многих лет Димка, приехав в гости к дяде Пете, узнает в разговоре с ним об этом зловещем совпадении в истории их жизни.

В который раз проклянёт Димка тот день и час, когда совершил такой необдуманный непростительный проступок. Снова и снова в тысячный раз молча просит прощения у отца. Но это потом, всё придёт с годами. А сейчас, лёжа на нарах после работы, он в очередной раз прокручивал в голове события последних месяцев своей жизни на воле, пытаясь глубже понять, как оказался за решёткой, осмыслить свою вину.

По большому счёту была банальная ситуация. Он танцевал с Тонькой, одноклассницей, на танцплощадке. Неожиданно послышались крики. Тут же к нему подбежал одноклассник Васька.

– Димка, Димка, наших бьют! Лёньке всю сопатку расквасили!

Оставив Тоньку, он тут же кинулся с Васькой к дерущимся.

– А Тонька – молодец, не побоялась на суде рассказать всё, как было. Иначе я точно в зачинщиках драки оказался бы. За это уже пять лет светило бы, как пить дать. Вот как в жизни всё просто может быть. Потом кусай – не кусай локти, дело сделано. А этого парня, которого я ударил, по хорошему тоже надо было посадить. Ведь он со штакетиной налетел на меня, и если бы я не успел поднять и подставить руки, он бы точно по башке меня огрел. Неизвестно, чем всё это могло кончиться. И вообще, если по большому счёту драться я не собирался...

Стоп, стоп, Дима! Как не собирался? Зачем ты тогда побежал? – в который раз задавал он себе вопрос. – Может что-нибудь другое надо было предпринять? Ведь начала драки я не видел. Кто её затеял? Какой был мотив? – Он и сегодня толком не мог ответить на этот вопрос, всё было так запутанно и противоречиво. Но остаётся неоспоримый факт: твоему другу, Лёньке-Тузику, всю физиономию разбили. А если бы тебе разбили, Лёнька побежал бы тебя защищать? Конечно побежал бы, мы ведь друзья! Выходит, всё сделал правильно? Да, выходит, вроде, так... А получилось всё наоборот: нары... зэк... Но ведь выход, наверное, был... Какой? Такой, Дима, что башка дана, чтобы ею думать, а не в омут бросаться головой. Ладно, что теперь махать кулаками после драки. Маму больше всего жалко. Бедная, как она страдала...

Он закрыл глаза. Перед ним всплыл образ матери. После приговора у него буквально было несколько секунд побыть рядом с ней.

– Сынок, сыночек, – повторяла она, а из глаз её ручьём текли слезы. Не выдержал и он, заплакал:

– Мама, прости.

Мать сжала его пальцы.

– Сыночек мой, как же так? Что же теперь будет?

Конвоир руками раздвинул их.

– Всё! Вперёд, вперёд! – подтолкнул он Димку.

– Мамочка, прости! Я вернусь. Скоро вернусь...

– Да, вернусь, – рассуждал он в сотый раз, – кем только вернусь? С вечным пожизненным ярлыком: «судимый». Ему чуть ли не каждую ночь снятся сны, будто он поступает в институт и там каждый проходящий показывает на него пальцем как на прокажённого: «зэк, зэк...». Его необтесанный жизнью молодой умишко воспринимал случившееся как непоправимую трагедию.

– Какой институт? Кто тебя туда примет? Зэк...

Лишь спустя месяцы он начал понемногу соображать, что жизнь ещё не потеряна...

– Всё в моих руках. От меня всё зависит. Да, зэк. Но я человек. Мало ли, что в жизни может с каждым произойти? За это я наказан. Отсижу и буду на свободе, как все...

– Э, нет, Дима, не как все. Ты всегда будешь зэком. Пожизненно, пожизненно – напоминал, как из подземелья, его внутренний голос.

Однако вера в то, что всё можно изменить, и всё зависит от него, крепла с каждым днём. Эту веру подкрепляли письма, которые приходили от Семёна Васильевича почти каждую неделю. В каждом письме Семён находил важные и нужные слова, которые вселяли не только надежду, но и уверенность в завтрашнем дне.

«Дима, – писал Семён Васильевич. – Помнишь, я тебе рассказывал о судьбе Сергея? Как она его крутила-закручивала! Но он выстоял и каким известным человеком стал! А как крутила судьба-судьбинушка твоего дядю Петю, да и меня, сам знаешь, стороной не обошла. Не сломались, выстояли... С кем не бывает? Главное, не ищи виноватых. С себя спроси, сам себе и ответь, сам и поправь ошибку. Сделай из случившегося для себя хороший урок. Держись. Думай о хорошем. Какие твои годы? Всё успеется. Вспомни такую поговорку: за одного битого двух небитых дают. Вот так-то. У нас всё хорошо, скучаем без тебя. Теперь уже остаётся меньше года, скоро свидимся. Обнимаю. Твой любящий дядя Семён».

Прочитав письмо, Димка каждый раз благодарил своего старшего друга за понимание и такую важную для него поддержку. Ещё до освобождения Димка принял твёрдое решение: домой не поеду, не хочу таким появляться. Махну в Братск. Там большая стройка, где-нибудь устроюсь. Тем более, обучился сварочному делу. Не пропаду. И если всё сложится, попробую поступить учиться заочно в Политех.

ЭПИЛОГ

Прошли годы, да что там годы, – десятилетия. Димка Широков стал Дмитрием Григорьевичем. После окончания Красноярского политехнического института исколесил многие стройки страны, включая Саяно-Шушенскую ГЭС, БАМ. А уйдя на пенсию, махнул на Кубань, в одну из станиц, где жил дядя Андрей, Андрей Николаевич, брат его матери, уехавший из Норильска в начале семидесятых годов. В этот день они вместе с восьмидесятишестилетним дядей встречали в аэропорту города Краснодара внука Дмитрия Григорьевича и правнука Андрея Николаевича, сына старшей дочери Дмитрия Широкова Евдокии, прилетевшего из Иркутска в гости.

– Дядя, смотри, вон твой правнук идёт...

– Где ты его видишь?

– Да вон же, смотри, с сумкой!

– Да это какой-то мужик идёт.

– Какой мужик? Артём идёт! Точно тебе говорю.

– Не может быть... Да! Внук идёт, внук. Артём, Артём! – Андрей Николаевич замахал руками, сетуя на глаза. – Совсем, проклятушие, не видят.

– Тёма, мы здесь! – Дмитрий ещё раз помахал руками.

Увидев дедушку и прадедушку в толпе встречающих, Артём чуть ли не бегом заспешил к выходу.

– Деда, дедуля! – Артём обхватил родных в объятия.

– А я тебя не признал, говорю Дмитрию: какой-то мужик идёт, – оправдывался прадед. – Ты шибко изменился... подросток.

– Нет, деда, нисколечко не подросток. Как был метр девяносто, так и остался. Вот вес немного для солидности поднабрал.

– Ну, рассказывай, как вы там?

– Дед, у нас всё в порядке. Родители на прежнем месте работают. Правда, мама на повышение пошла, теперь она – коммерческий директор.

– Молодец дочка. А ты как?

– Что я? Ничего особенного. Перешёл на пятый курс.

– Артёмка, дед говорит, ты прокурором хочешь быть? – полюбопытствовал прадед Андрей Николаевич.

– Ой, деда Андрюша, пока что мало каши ел, но неплохо бы...

– Вот и старайся. Главное – цель поставить, упорством и трудом к ней идти. Пахать, правнучек, надо, пахать. Ой, как много пахать... без этого ничего не добьёшься!

– Я понимаю, деда.

– Вот и хорошо. Помру, всем твоим прадедушкам и прабабушкам так и передам на том свете, что в нашей родове скоро прокурор будет.

– Ну, деда, скажешь тоже.

– А что, почему бы нет?

– Тогда живи долго, жди, когда я прокурором стану.

– А что, я не против. Как ты, Дмитрий, думаешь?

– Дядя Андрей, хорошая идея, я поддерживаю.

Они долго, дружно смеялись, подкалывая друг друга.

– Дмитрий, ты давай-ка, где поближе к речке сворот будет, поворачивай на Лабу, там на бережку посидим, перекусим, а то пока доедем до дома, внука с голоду заморим. Правильно я говорю, Тёма?

– Деда, ты мудрый человек, поэтому говоришь всегда исключительно правильно.

– Ах ты, шельмец, льстишь прадеду?

– Нет, нисколько. Устами младенца глаголю истину.

– И то правда, – согласился Андрей Николаевич. – Слушай, Тём, ты у бабки Натальи давно был?

– Нет, недавно. Мы все на майские праздники к ним в гости ездили.

– Мама как?

– Дед, чья мама?

– Моя конечно, твоя прабабушка Надя.

– Она молодец, ещё всюю на даче копается. Правда, жалуется, что колено стало побаливать, да глаз левый плохо видит, но в больницу не хочет идти. Бабушка Наталья ей какие-то уколы ставит.

– Ничего мудрёного нет, правнучек. Сестре на будущий год девяносто стукнет. Даст господь-бог, доживу – на юбилей съездим.

– Доживём, деда, доживём.

– На всё господня воля, внучек.

– Артём, а что мой братец, дед Иван, давно в гостях бывал?

– Зимой приезжал к нам в Иркутск. У них в Иркутске какой-то симпозиум проходил, целых пять дней у нас гостил, а на обратном пути к бабушке Наташе и бабе Наде в Зеленогорск заезжал, попроведывать их.

– Слушай, а Зеленогорск теперь, после распада СССР, открытым городом стал?

– Нет. Также режимным, закрытым остался. Мы с мамой в прошлом году ездили, так бабушка Наталья на нас пропуска выписывала.

– Выходит, к ним с маху не попадёшь?

– Нет конечно.

– Дмитрий, а что, твой брат Иван так в Новосибирске и живёт? – поинтересовался Андрей Николаевич

– Там. Как после института уехал, так и живёт. Защитил кандидатскую, потом докторскую. В кого пошёл мой братец, не знаю, – химиком стал! Может, запомнил, как я ему с Наташкой в детстве зимой мороженое делал? Понравилось, видно.

– Какое морожѐное, дед?

– Ванятка с Наташкой тогда совсем маленькие были. Это почти сразу после гибели нашего папы, твоего прадедушки. Так вот, зимой после моего самодельного

мороженого мы такую ангину подхватили, что Ванятку тогда врачи едва спасли. Хотя, сколько помню, Ванятка в школе особо химией не увлекался, но учился исключительно на пятёрки с первого класса.

– Стало быть, Дмитрий, есть в кого, коли таким учёным стал.

– Дядя, а ты знаешь? Ванька ведь своего первого сына Гринькой, Григорием назвал. В честь отца.

– Подожди, подожди. Выходит, что в родове Широковых полное повторение твоего отца?

– Да, Широков Григорий Иванович!

– А сколько ему лет?

– Давай посчитаем. Ивану сейчас шестьдесят первый, Гринька родился в семьдесят первом... Вот и считай: где-то тридцать шесть. У него уже самого трое детей. Пошёл по стопам отца, наукой занимается, кандидат наук.

– Молодец!

– Если вспоминать, Дмитрий, родова наша, что Воронцовых, что Широковых, испокон веков трудолюбивой была. Корни её глубокие и крепкие. Ты возьми даже такой факт, Дима... Твой дед, мой отец, Николай Андреевич с нами, ребятишками, мал мала меньше, вон сколько вёрст отмахал на подводе с Белоруссии до Сибири. Сегодня трудно себе представить.

– Да, что правда, то правда, – согласился Артём. – Мне сегодня действительно трудно представить, что мои прапрадеды были такими одержимыми. Когда прабабушка Надя рассказала об этом, я, честное слово, сразу не поверил, что такое могло быть.

– Могло, Артёмка, могло. И было. Я хоть тогда ещё совсем сопливым мальчонкой был, а помню, как мы тогда добирались в Сибирь. Не доведи господь никому такие мучения испытать.

– Ну что, дядя, может, здесь повернём к Лабе? – прервал разговор Дмитрий.

– Давай здесь. Место хорошее. Вспомни, прошлой осенью мы здесь останавливались... уху ещё варили. Точно, здесь. Давай, поворачивай.

Место действительно было красивым. Небольшую зелёную лужайку прямо на берегу речки Лабы окаймлял пышный кустарник. По кромке берега, прижавшись друг к другу, стояли плакучие ивы, склонив низко свои пышные макушки, как головы до самой воды.

– Ну что, Артём, красиво?

– Чудесное место. А вода тёплая?

– Не сомневайся, как парное молоко.

– Тогда я, дед, скупаюсь.

– Давай. Только аккуратно: на стекло не наступи. Бьёт всякая пьянь окаянная бутылки, будто на помойке... Дим, а ты котелок прихватил?

– Обижает, дядя.

– Вот и хорошо, почаёвничаем заодно, – обрадовался Андрей Николаевич.

Артём, переплыв Лабу, фыркая в воде, возвращался обратно.

– Ух, как здорово! Правда, парное молоко. В Ангаре бы у нас такая была, – восхищался он.

– Ишь, чего захотел! Тогда бы Ангара не была Ангарой.

Дмитрий сразу вспомнил Братск, Байкал, остров Ольхон... Да, невиданной красоты места. Хоть и на Кубани они есть, но сравнить с Ангарой и Байкалом невозможно.

– Дядя Андрей. А помнишь, ты ко мне в Братск приезжал и мы ездили на Байкал?

– Вот те раз! Как же можно забыть такое? Красота всем красотам. Ты это к чему вспомнил?

– Да так, Артёмка про Ангару заговорил, вот и вспомнил. Давай, может, махнём на следующий год в круиз по Сибири? Всех попроведем, заодно и на Байкале побываем...

– А что, племяш, хорошая мысль! Денег на дорогу найдём, а прокормиться родственники помогут... Правда. Давай помаракуем.

– Согласен, дядя, давай помаракуем...

– Дмитрий, мы что-то заболтались, давай, костерок мастера. Пока шель-шель, готовим стол и чай сварим.

– Подожди дядя, не торопись. Внук накупается, ему и поручим это дело. Посмотрим, сибиряк мужик или так себе?

– Ишь ты, значит, проверить решил внука?

– Проверить – не проверить, а посмотреть хоч, какая есть закалка...

Вдоволь нахлюпавшись, Артём вышел на берег.

– Дед, правда, отродясь такой тёплой воды в речке не видел!

– Скажешь тоже. Что она, в прошлый твой приезд холоднее была?

– Выходит так... Нет. Я тогда, наверное, поменьше был, вот мне вода и казалось холоднее.

– Наверное, так и было. Слушай, Тёма, мы тут пока с дядей стол налаживаем, ты давай, костерок сообрази, чаёк нам сваргань.

– Я мигом. А спички есть?

– В бардачке в машине возьми.

– Хорошо.

Доставая продукты, Дмитрий Григорьевич краем глаза следил за внуком. Тот, крутнувшись по берегу и не найдя ничего подходящего для костра, полез в ивняк. Тут же послышался треск и полетели сухие обломки ивняковых сучьев.

– Соображает, – отметил он про себя...

– Дим, может помочь?

– Лежи, дядя, отдыхай. Что тут помогать? Сам управлюсь!

Андрей Николаевич, развалившись на стареньком покрывале под ивняком в тени, наслаждался душевным покоем и прохладой, идущей от воды, при этом наблюдал за действиями правнука.

– Хорошая смена растёт, – радовался он в душе. – Ишь ты, прокурором хочет быть... Молодец! Наша закваска.

Собрав охапку сучьев сухого ивняка. Артём положил их у небольшого земляного пятачка, оставшегося, скорее всего, от недавно горевшего на этом месте костра.

– Правильно, молодец, – одобрил его действия прадед. – Зачем лужайку портить? На старом кострище самое место.

Походив по кромке берега, Артём быстро собрал немного сухой травы, листьев и тоненьких прутиков на растопку. Поверх растопки шалашиком сложил сучья.

– Дед, где котелок?

– Возьми в багажнике.

– Хорошо.

Дымок костра, расплываясь голубоватым шлейфом вдоль берега, наполнил воздух неповторимым ароматом.

– Много ли надо человеку? – подумал Андрей Николаевич, – ... чтобы вот так, казалось бы, из ничего было комфортно душе и телу.. Эх, жаль, что жизнь коротка, а мы её начинаем понимать и ценить слишком поздно, думая всё о высоких материях... Тысячу раз прав тот, кто сказал: что в жизни просто, то гениально.

– Ну что, архаровцы, к столу!

– Господа, кушать подано. Извольте отведать, – торжественно объявил Дмитрий Григорьевич. – Артём, а это тебе персонально баба Рита пирожки положила и строго-настрого наказала нам к ним не прикасаться. Только любимому внуку.

– Спасибо, дед, но я не жадный, поделюсь.

– Тогда и мы жадничать не будем. Дядя Андрей, тебе что, вина или покрепче?

– А по такому случаю плесни немножко коньячку.

– Ну, а внук у нас как, уже выпивающий? – Дмитрий Григорьевич сделал паузу, уставившись на внука.

Было непонятно, какой всё же ответ он хочет услышать от него.

– Ну, ты провокатор, Дмитрий. Высшей пробы провокатор, – подтрунивал Андрей Николаевич.

Однако и в словах Андрея Николаевича чувствовался подвох. Ему интересно было узнать, как себя поведёт правнук.

– Дед, если честно я уже несколько раз выпивал на праздники шампанского.

– С отцом или в компании? – уточнил дед.

– И с отцом тоже.

– Что делать будем, прадед?

– Сегодня можно немножко.

– У нас в родове отродясь пьяниц не было.

– А когда ему пить, если прокурором быть хочет? Вот тебе, дорогой племянничек, точно нельзя. Хоть на коленях просить будешь.

– Дядя, обижаешь. Это когда ты меня за рулём выпившим видел?

– Что ты, в самом деле обиделся? Я так к слову.. Ну, Артёмка, с приездом тебя на Кубань! За твой приезд! – Выпив и крикнув, добавил. – Радостно нам, Артём, радостно, что приехал. Давай, Тёма, наваливайся на еду. Кушай.

В процессе обеда Дмитрий Григорьевич опять начал расспрашивать внука о родственниках.

– Ты, Артём, с нашими родственниками из Моршанска и Казани поддерживаешь связи?

– Конечно, постоянно переписываемся. Я с собой много фотографий привёз, потом покажу. Два года назад, когда мама в Москву ездила, она на три дня заезжала в Моршанск. У дяди Васи Широкова гостила...

– Это что, Петра Ивановича Широкова сын?

– Да.

– Слушай, Дмитрий! А тётка Оля, сестра твоего отца, жива?

– Дядя, ты что, забыл? Её три года назад похоронили.

– Да, да, верно, совсем забыл. Она ведь постарше меня была. Чуток моложе твоего отца Григория.

– Да.

– И Петра Ивановича уже сколько годков нет. Все ушли, – с грустью добавил он. – Мы только с сестрой Надей, твоей матерью, задержались.

– Семёна Васильевича тоже не стало, жалко. Добрейшей души человек был.

– Что правда, племянш, то правда. Светлый человек был. Давай, наливай, племянш. Помянем их всех. Вечная память. Ты, Дмитрий, тоже пригуби чуток. От пяти капель пьяным не будешь. Покропи землицу да к губам поднеси, – уточнил он.

Помянув усопших, помолчали.

– Ты вот, Дмитрий, об Семёне Васильевиче заговорил. А знаешь, он ведь всю жизнь твою мать любил. Сколько раз я просил Надю ответить на его чувства, так ничего и не вышло.

– Дядя, и моя вина в этом есть...

– Что ты имеешь в виду?

– Я, как сейчас помню, приехал из Братска в отпуск домой. Так вот, мама тогда со мной заговорила о Семёне Васильевиче.

– И что?

– А ничего. Я как ужаленный вспылел. Высказал ей, как, мол, можешь ты предать память об отце? Хотя я очень любил и уважал дядю Семёна. Эгоист проклятый... Это сейчас понимаю, что они оба могли быть счастливы.

– Ни хрена ты, Димка, так и не понял, хотя седьмой десяток землю топчешь. Не в тебе и не во мне дело. Не казни себя, мы тут ни при чём. Дело совсем в другом, дорогой племянш...

Андрей Николаевич долго молчал, Наверное, раздумывал, говорить ли дальше.

– Видишь ли, Дмитрий... Надя, твоя мать, моя сестра, так и пронесла через всю жизнь свою любовь к Грише, твоему отцу, вот в чём дело. Тут, как говорится, ничего не попишешь. И никто не вправе её осуждать. Это её выбор. А Семён, вечная ему память, редчайшей души и порядочности человек был. Мы вот, часто рассуждая о человеке, говорим: «культурный – некультурный», подразумевая, в первую очередь, его образование, сказанные им красивые слова... Семён ни того, ни другого

не имел. А сколько в нём было душевной красоты, культуры, порядочности, силы духа и преданности близким, своему Отечеству. Казалось бы, всё, что с ним случилось в жизни, сколько несправедливости пережил, должен был озлобиться, очерстветь... А нет, всю жизнь нёс в себе любовь и доброту к людям.

– Да и я, дядя, ему по гроб жизни благодарен буду. Когда после той злополучной драки в тюрьжку попал, не знаю, как бы моя судьба дальше сложилась, если бы не его частые письма, они для меня настоящей отдушиной были и азимутом в жизненном пути стали.

– Я тебе так скажу, Дмитрий. Судьба-судьбинушка... она каждого из нас проверяет, но она же и шанс даёт. Другое дело – используем мы его или нет.

– Не знаю, дядя, не знаю, может, ты и прав...

– Ладно, что мы о грустном, да о грустном...

– Да нет, деда Андрей, – встрял в разговор Артём, – мне даже очень интересно. Я об этом про прабабушку Надю и дядю Семёна никогда не слышал. Деда! А про какую ты тюрьжку сейчас вспомнил?

– Потом, Артём, потом... как-нибудь расскажу.

– Ладно! – прервал их Андрей Николаевич, – Ты мне вот что лучше скажи, Артёмка... Ты бабушку Олю, мою доченьку, давно видел?

– Нет. Они прошлым летом гостили у нас. Приезжали на машине дядя Сергей с тетей Машей, Алёшка, Вера и баба Оля.

– Подожди Артём. Я совсем в родне запутался. Алёшка с Верой – это чьи?

– Бог с тобой, Дмитрий, как чьи? Мои внуки, а твои двоюродные внуки. Артёмки троюродные братья, сёстры.

– Тьфу ты, чёрт, из ума выжил. Совсем запутался.

– Да, – многозначительно заметил Андрей Николаевич, – немудрено запутаться. Вон сколько родни нарожали. Молодое поколение как весенние побеги растёт. Выходит, жить роду Воронцовых и Широковых века! А сколько таких родов по России-матушке... стало быть, и России жить да процветать! Не зря, выходит, мы воевали, правильно всё сделали, им жизнь дали, – он хлопнул Артёма по плечу. – Вот она, новая и могучая Россия растёт! А то, видите ли, после распада страны нашлись паршивые обшипанные петушки, давай кукарекать из подворотни: «Коммунистов к ответу! Лучше бы нас немцы завоевали... Вон они как живут, побеждённые. А мы, победители, как живём?» – Я так скажу: не хуже живём! А если хотим жить лучше, надо вкалывать больше! Как считаешь, Тема?

– Деда, тут и считать не надо. Комментарии излишни.

– Правильно, правнучек, правильно. – Давай-ка, Дмитрий Григорьевич, наливай ещё по махонькой. Выпьем за наш белорусско-сибирский род и Россию-матушку. Жить им века. Вот так... Ну, а теперь в самый раз чайком побаловаться.

Неожиданно в машине заиграла мелодия танго.

– Сотовый звонит. Наверняка, бабушка Рита заждалась. Артём, подай телефон... Алло! Слушаю. Слушаю, слушаю Вас, сударыня. – Дмитрий Григорьевич сделал погромче, чтобы всем был слышен разговор.

- Дед, где вы там запропалились? Мы тут все извелись...
- Едем, едем. Скоро будем. Дима, дай телефон внуку, – попросил Андрей Николаевич.
- Бабуль, здравствуй!
- Здравствуй, Тёмушка, моё солнышко! Мы тебя заждались.
- Бабуль, не переживай. Совсем скоро будем. Жди. Целую, пока.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
Глава 1. Димка	4
Глава 2. В лаптях по дороге в сибирь.....	7
Глава 3. Надя	15
Глава 4. Широковы	20
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	50
Глава 5. Крутой поворот судьбы	50
Глава 6. Приближающийся «политический смерч»	62
Глава 7. Гулаговские жернова	69
Глава 8. Гулаговские отголоски.....	84
Глава 9. Благосклонность судьбы	87
Глава 10. Новое испытание на прочность	99
Глава 11. Счастливые мгновения.....	120
Глава 12. Советско-финская военная авантюра	139
Глава 13. «Я так хочу увидеть сына»	150
Глава 14. В родной стихии	161
Глава 15. Война.....	173
Глава 16. Без вести пропал.....	178
Глава 17. Воскресенье из мёртвых	184
Глава 18. Подарок судьбы	188
Глава 19. Возвращение в строй	202
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	209
Глава 20. Зигзаг судьбы	209
Глава 21. Начнём всё с начала.....	228
Глава 22. Стройка «победа».....	235
Глава 23. Семейная идилия.....	251
Глава 24. Отцовское счастье и горечь утраты	269
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ	276
Глава 25. Вдовья долюшка	276
Глава 26. В норильске.....	290
Глава 27. Свобода	301
Глава 28. Долгожданная встреча. Возвращение в сибирь.....	315
Глава 29. В сибирь за личным счастьем.....	321
Глава 30. Радость со слезами на глазах	363
ЭПИЛОГ	370

Выражаю искренние слова благодарности супругам Юрию Вячеславовичу и Вере Михайловне Киселёвым за оказанную помощь и поддержку в издании настоящей книги (Фото Киселёвых).

А также выражаю слова благодарности Борису Петровичу Самарскому.

Статистические материалы о военно-боевых событиях на Халхин-Голе заимствованы из книги И. Маркина «Там в степях, у реки». За то ему очень благодарен.

